

В. М. МАССОН, В. А. РОМОНОВ

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

В. М. МАССОН, В. А. РОМОДИН

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

В ДВУХ ТОМАХ

В. М. МАССОН, В. А. РОМОДИН

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

ТОМ II

АФГАНИСТАН
В НОВОЕ ВРЕМЯ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственные редакторы:

Р. Т. АХРАМОВИЧ, О. В. ГАНКОВСКИЙ,
В. А. ЛИВШИЦ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава I

АФГАНЦЫ И АФГАНИСТАН НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

История Афганистана начала XVI в. связана с именем и деятельностью Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (род. в 1483 г.), уроженца Ферганы, основателя государства Великих Моголов в Индии, воина и полководца, поэта и автора заслуживших всемирную известность мемуаров «Бабурнаме».

Бабур в Кабуле

Осенью 1504 г. Бабур привел войско под стены Кабула. К тому времени Бабур, несмотря на свою молодость, уже успел пройти суровую школу поражений и побед, борьбы и скитаний, активно участвуя в военных и политических событиях в Средней Азии. В 1494 г. умер его отец Тимурид Омар-Шейх, правитель Ферганского удела, и беки объявили одиннадцатилетнего мальчика «государем Ферганы». Юному правителю пришлось столкнуться с многочисленными врагами. Конец XV в. ознаменовался междоусобной борьбой между тимуридскими владетелями в Средней Азии. Самым опасным и сильным врагом Бабура оказался Мухаммед Шейбани, хан кочевых узбеков, воспользовавшийся междоусобиями Тимуридов и завоевавший Среднюю Азию. В борьбе с ним Бабур, хотя и сумел в 1500 г. овладеть на некоторое время Самаркандом, в конце концов потерпел полное поражение и был вытеснен из Мавераннахра. Потеряв также и Ферганское владение, Бабур в течение нескольких лет скитался по Средней Азии, но нигде не смог прочно укрепиться, несмотря на помощь, оказанную его родственниками — ханами Моголистана.

В конце 1503 г. Бабур вынужден был покинуть свою родину и ушел в Хорасан. С отрядом в 200—300 человек он переправился через р. Аму-Дарью и двинулся к Бамиану. На левобережье к Бабуру присоединились многочисленные отряды из Талькана и Кундуза, покинувшие военачальника, которому они до того служили, — кипчакского феодала Хусраушаха, одного из крупнейших вассалов султана Хусейна.

В это время были получены известия о том, что Мухаммед Шейбани идет на Хисар и Кундуз. Бабур спешно двинулся к Кабулу. По пути силы его пополнились еще несколькими отрядами Хусрау-шаха ¹.

Кабул находился в то время в руках Мукима (сына Зу-н-Нун-бека Аргуна), правителя молодого и неопытного. Подойдя к городу, Бабур осадил его. Муким вел переговоры, рассчитывая затянуть время до прибытия подкреплений, однако Бабуру удалось внести замешательство в ряды осажденных, и Муким, удовлетворившись обещанием отпустить его невредимым, сдал Кабул. Бабур обеспечил Мукиму и его людям возможность благополучно выйти из города, а через несколько дней разрешил Мукиму со всеми его людьми и имуществом отправиться в Кандагар (где правил его отец) ².

Захватив Кабул и распространив свою власть на Газни, Бабур стал самостоятельным правителем обширного владения. Одному своему брату, Джахангиру-мирзе, он отдал в управление Газни с примыкающими к этому городу территориями, второму брату, Насир-мирзе, Нингнахар и несколько других туменов. Бекам и воинам, принимавшим участие в его прежних походах и скитаниях, Бабур дал кому селение, кому несколько больший надел, но ни одному из них не пожаловал (что он особо подчеркивал в своих «Записках») по целой области ³.

Во владения Бабура прибыло много переселенцев из Самарканда, Хисара и Кундуза. Они двигались целыми племенами, с семьями и имуществом. Бабур обложил население областей Кабула и Газни побором (оказавшимся, как он сам сообщает, непомерно тяжелым) в 30 тыс. харваров хлеба для пропитания семей переселенцев, а мужчин привлек к участию в походах ⁴.

С целью расширения своих владений и в поисках добычи Бабур предпринял ряд военных экспедиций и набегов на соседние области и на земли хазарейских и афганских племен. Осенью 1505 г. он совершил поход на Кандагарскую область и овладел находившейся под властью Мукима крепостью Келат. Однако закрепить за собой эту крепость Бабур не смог ⁵.

В 1506 г., когда султан Хусейн призвал всех Тимуридов участвовать в совместном выступлении против Мухаммеда

¹ См. *Бабур-наме*, 122-б, 123-а.

² См. *Бабур-наме*, 127-а — 127-б, 144-а.

³ Там же, 144-а. Проводя в своих новых владениях мероприятия военно-административного характера, Бабур, очевидно, следовал образцам феодальной организации, существовавшей тогда в тимуридском государстве, но стремился держать в узде силы феодального сепаратизма и потому избегал предоставлять бекам крупные наделы.

⁴ Там же, 144-б.

⁵ Там же, 158-б.

Шейбани, Бабур немедленно откликнулся на призыв и выступил с отборным отрядом к Герату. Известие о смерти султана Хусейна застало Бабура в пути. Он все же продолжил поход в Хорасан и дошел до Мургаба. Убедившись в неспособности преемников султана Хусейна организовать силы для отпора Шейбани-хану и опасаясь за свою власть над Кабулом, Бабур решил вернуться в свои владения.

Прибыв в Кабул, Бабур раскрыл заговор, организованный его родственниками. Летом 1507 г. он предпринял поход на Кандагар. В ожесточенном сражении ему удалось разбить численно превосходящие силы Шах-бека и Мукима, сыновей Зу-н-Нуна Аргуна.

Шах-бек ушел в сторону Шала (Кветты) и Мастунга, а Муким направился в Заминдавар, оставив кандагарскую крепость без защитников. Бабур вступил в Кандагар, овладел богатой казной Мукима и вывез ее⁶. Оставив в Кандагаре своего брата Насира-мирзу, он возвратился в Кабул в сентябре 1507 г.

Вскоре Бабур получил известие о том, что Мухаммед Шейбани, который спешно двинулся из Герата горными дорогами на Кандагар, подошел с сильным войском к этому городу и осадил его. Стремясь уйти подальше от грозного врага, Бабур стал готовиться к походу в Индию⁷. В конце осени 1507 г. он начал намеченный поход, но повернул назад с полдороги, так как узнал о том, что Мухаммед Шейбани неожиданно увел свои войска от Кандагара и направился в сторону Герата⁸.

В 1508—1509 гг. положение Бабура было весьма опасным. Мухаммед Шейбани подчинил Хорасан и распоряжался в Кандагаре, восстановив над этим городом власть послушных ему Аргунов. Бабур с трудом удерживал Кабул.

Обстановка изменилась после гибели Мухаммеда Шейбани, убитого в 1510 г. под Мервом в битве с войском сефевидского шаха Исмаила. Заручившись поддержкой шаха Исмаила, Бабур предпринял в 1512 г. последнюю попытку восстановить власть Тимуридов над Средней Азией. Оставив в Кабуле брата Насира-мирзу, он отправился в Мавераннахр и сумел на время овладеть Самаркандом, но в борьбе с войсками узбекских султанов, прибывших в начале 1513 г. в Мавераннахр из Дашт-и Кипчака, был разбит; с горсткой верных ему воинов Бабур бежал на юг и через перевалы Гиндукуша вернулся в 1514 г. в Кабул. После этого Бабур окончательно отказался от продолжения борьбы с узбекскими феодалами за бывшие тимуридские владения и обратил свои помыслы к Индии. К походу в Индию Бабур готовился в течение длительного

⁶ Там же, 211-б, 212-б.

⁷ Там же, 213-а, 213-б.

⁸ Там же, 215-а.

времени. Так, он расширил свои кабульские владения и совершил ряд экспедиций в стратегически важные пограничные районы, населенные афганскими племенами. Уделяя большое внимание вооружению и организации своих военных сил, Бабур создал хотя и сравнительно немногочисленное, но дисциплинированное, хорошо обученное и закаленное в боях войско. В период между 1514 и 1519 гг. к Бабуру прибыл турецкий артиллерист Устад Али, возглавивший артиллерию в войске Кабульского правителя. Бабур очень быстро сумел оценить значение артиллерии, сыгравшей большую роль в разгроме турками войска сефевидского шаха Исмаила в 1514 г., и снабдил свое войско огнестрельным оружием⁹.

В конце 1522 г. Бабур сумел окончательно покорить Кандагар, а затем подчинил территории, примыкающие к Кандагару с северо-востока. Теперь он почувствовал себя достаточно сильным для осуществления больших завоевательных планов в Индии.

Бабур и афганцы

Укрепляя в течение многих лет Кабульское владение и готовясь к завоеваниям на юге, Бабур совершал неоднократные походы в земли афганских племен, которые лежали на пути в Индию.

Первый крупный поход в земли афганских племен Бабур совершил в начале 1505 г., вскоре после взятия Кабула. Он направился со своими отрядами по течению реки Кабул, намереваясь вторгнуться в Индию, через Хайбарский проход вышел к Джаму (Джамруд) и оттуда совершил поездку к Пешавару (который Бабур называет Беграмом)¹⁰. Прислушиваясь к советам людей, хорошо знакомых с землями афганских племен, Бабур отказался от своего первоначального плана переправиться через р. Инд и двинулся в Кохат, где, по сведениям информаторов, можно было захватить очень богатую добычу, ибо тамошние жители зажиточны и богаты скотом¹¹.

Бабур повел своих воинов через реку Барá и перевал Мухаммед-Пих(?) и обрушился на афганские селения в районе Кохата. Было захвачено множество быков и буйволов, в домах у афганцев оказалось много зерна. Из Кохата Бабур решил напасть на афганцев Бангаша и Банну. Он прошел через Хангу, сражаясь с афганскими ополчениями и штурмуя их укрепления («сангары»), затем остановился в Тале. Отсюда отряды Бабура через труднопроходимые горы направились в Банну.

⁹ См. Rushbrook Williams, *The political career of Babur*, pp. 110, 111, 128.

¹⁰ *Бабур-наме*, 145-6.

¹¹ Там же, 146-а.

Он описывает эту область как низменную возделываемую местность, орошаемую рекой Бангаш (Курам) ¹².

Из Банну Бабур пошел в Дашт ¹³ и далее через реку Гомал в район Дуки, вдоль склонов Кух-и михтар Сулейман (Тахт-и Сулейман) ¹⁴. Дойдя до населенного пункта Бела на берегу реки Инд, Бабур совершил четыре-пять переходов по берегу Инда, а далее свернул от реки к мазару Пир-Кан и, пройдя этот мазар, достиг района Дуки. Двигаясь далее по южной части Сулеймановых гор, бедных в этом месте водой и травой, войско Бабура потеряло большую часть своих коней. Выйдя к озеру Аби Истада, Бабур повернул к Газни, а затем возвратился в Кабул.

Во время этого длительного похода отряды Бабура прошли около 1400 км, причем большая часть маршрута пролегла по землям афганских племен. Бабур сам неоднократно указывает при описании своего похода, что целью его был грабеж. Бабур нападал на «мятежных афганцев», единственная «вина» которых состояла в том, что они хотели остаться свободными и не желали отдать свое добро грабителям. Воины Бабура совершали набеги на селения афганцев, захватывая их имущество и скот. Стремясь запугать непокорных, Бабур прибегал к жестоким расправам и казням. По его приказам из голов убитых афганцев складывали пирамиды.

Подчинить афганские племена труднодоступных горных районов Бабур тогда не мог и сам хорошо понимал это. Впоследствии в своих «Записках» он писал об афганских племенах, обитавших вокруг тумана Бангаш, что они живут «как бы в стороне» и потому не платят податей добровольно. Ни сам Бабур, ни его преемники не смогли полностью покорить воинственных и свободолюбивых афганских горцев. С признавших его верховную власть афганских племен Бабур, по видимому, в большинстве случаев ограничивался взиманием сравнительно небольшого количества скота в качестве налога или дани. Так, с дилазаков Бабур определил дань в 4 тыс. овец. Отмечая, что афганцы племени вазири всегда довольно плохо платили подать, он приводит случай, когда, испугавшись суровой расправы, учиненной им над афганцами хизр-хель в районе Хайбарского прохода, вазиры привели 100 овец ¹⁵.

Взаимоотношения Бабура с афганскими племенами не всегда были враждебными. Вскоре после начала правления в Кабуле Бабур стал привлекать афганцев в свое войско и

¹² Там же, 148-а.

¹³ Названием «Дашт» Бабур обозначал область, известную впоследствии под именем Даман или Дераджат.

¹⁴ *Бабур-наме*, 150-а. Дуки — впоследствии часть округа Лоралаи в Северном Белуджистане.

¹⁵ *Бабур-наме*, 245-а.

делал все возможное для укрепления своего политического влияния среди афганских племен, занимавших земли на пути в Индию (Пешаварская область). Особое внимание при подготовке вторжения в Индию Бабур уделял дилазакам и юсуфзаям — двум сильным афганским племенам, занимавшим территории от Баджаура и Хайбарского ущелья до реки Инд.

В «Записках» Бабура между описанием событий 1508 и 1519 гг. имеется лакуна, охватывающая события десяти лет. Из других источников известно, что в 1518 г. Бабур принимал участие в борьбе, которую вели между собой афганские племена¹⁶. Рассказ самого Бабура о событиях 1519 г. начинается с описания взятия крепости Баджаура, но о причинах, побудивших предпринять поход туда, он не сообщает.

Согласно юсуфзайской традиции, этому походу предшествовали переговоры Бабура с маликом Ахмедом. В ходе переговоров Бабур разгневался на юсуфзайского вождя, который отказался посетить Кабул и послал вместо себя своего двоюродного брата — малика Шах-Мансура, сына малика Сулеймана. Бабур решил наказать юсуфзаев и направился с войском в Сват. Он пошел через Баджаур, для того чтобы по пути покарать местного (неафганского) правителя, который в прошлом вел себя оскорбительно по отношению к кабульскому правителю Улуг-беку¹⁷.

Юсуфзайская традиция в основном хорошо согласуется с последующим изложением событий в «Записках» Бабура. Из Баджаура он намеревался отправиться в Сват против юсуфзаев¹⁸. Однако в связи с тем, что с ними были установлены хорошие отношения, Бабур направился через равнинную часть Пешаварской области в сторону Бхиры. Во время завоевания Баджаура в 1519 г. юсуфзайский малик Шах-Мансур находился в качестве гостя или посланца в лагере Бабура, который пожаловал Шах-Мансуру драгоценный халат и отпустил, снабдив адресованным к его племени грозным письмом¹⁹. Но Бабур действовал не только угрозами. С целью установить хорошие отношения с юсуфзаями, он попросил в жены дочь малика Шах-Мансура²⁰. Просьба была удовлетворена, в лагерь завоевателя в Баджауре доставили (одновременно с данью от юсуфзаев) дочь Шах-Мансура, которая стала женой Бабура. Ее звали Биби Мубарика. Впоследствии, в афганских преданиях, сохранившихся до наших дней, сватовство Бабура приобрело легендарно-романтическую окраску. В устах юсуфзайских рассказчиков история о сватовстве,

¹⁶ Rushbrook Williams, *The political career of Babur*, p. 111.

¹⁷ См. Raverty, *Notes*, p. 128.

¹⁸ См. *Бабур-наме*, 219-а, 219-б.

¹⁹ Там же, 220-б, 230-а, 233-а.

²⁰ Там же, 218-б.

в котором, по всей вероятности, преобладали политические мотивы, превратилась в романтическую повесть о необыкновенной встрече и любви Бабура и Биби Мубарики. Рассказывают, что Бабур якобы повстречал впервые свою будущую жену на высоком перевале Морá в чудесное весеннее время, причем девушка, чтобы отправиться в дальнюю дорогу неузнанной, была одета в мужскую одежду каландара — странствующего «святого человека»²¹. История заканчивается примирением Бабура с юсуфзайскими вождями и согласием их отдать ему девушку в жены.

Бабуру удалось установить хорошие отношения и с другим сильным афганским племенем Пешаварской области — дилазаками.

Во время похода в Индию Бабур смог не только обезопасить тыл своих войск от возможного нападения со стороны таких племен, как дилазаки и юсуфзай, но и привлечь отряды многих афганских племен в свои войска. В «Записках» он несколько раз упоминает афганских военачальников, воевавших под его знаменами. Первые отряды дилазаков присоединились к войскам Бабура уже во время похода 1519 г.²² Так называемые «касуриа патаны» (обитающие в настоящее время по обоим берегам реки Сатледж к югу от Лахора) из подразделения хешгй пешаварского племени мухаммедзаев до сих пор хранят память о переселении сюда своих предков во время похода Бабура. За службу в своих войсках он пожаловал им джагир в Центральном Пенджабе²³. Примечательно, что некоторые афганские авторы, в частности Хушхаль-хан, высказывали впоследствии мнение, что именно афганцам Бабур был обязан завоеванием делийского престола. Конечно, такое утверждение не может быть принято без серьезных оговорок. В разноплеменном войске Бабура действительно было немало афганцев, но основное ядро его составляли уроженцы Средней Азии.

Начав поход в Индию в 1525 г., Бабур получил подкрепление из Бадахшана, которое привел его сын Хумаюн. В Индии Бабур использовал распри и крупные разногласия между правившими там феодалами афганского происхождения. Он воевал с влиятельными их группировками, возглавленными афганской династией Лоди, но на его сторону переходили некоторые афганские феодалы, враждебно относившиеся к последнему султану этой династии, Ибрахиму (1517—1526).

²¹ Согласно версии, дошедшей до нас в письменных афганских источниках, переодевание в одежду дервиша приписывается самому Бабуру (см. Dorn, *Beitrag*, S. 18).

²² *Бабур-наме*, 296-а.

²³ Caroe, *The Pathans*, p. 164.

Успеху Бабура в значительной степени способствовало то обстоятельство, что в годы правления султана Ибрахима Лоди династия оторвалась от коренных афганских земель, и поэтому в значительной мере военная и политическая опора режима ослабла. В отличие от своего отца и деда султан Ибрахим не оказывал предпочтения сановникам из знати своего племени, и, лишившись прежних привилегий, многие вассальные афганские феодалы Индии (отряды которых составляли основную военную силу династии Лоди) отошли от султана. Недовольство этих феодалов нередко выливалось в открытые мятежи.

Ко времени вторжения Бабура Индия была политически раздробленной. Сам он насчитывал в Индии пять сильных мусульманских государей и два индусских²⁴. Самыми могущественными соперниками лодийских правителей за преобладание в Индии были раджпуты.

Завоевание Индии и смерть Бабура

В ноябре 1525 г., закончив подготовку к походу и отразив узбеков, нападавших на Балх, Бабур выступил из Кабула и двинулся в Индию. 16 декабря 1525 г. он переправился через реку Инд и во время остановки на левом берегу приказал произвести подсчет своему войску, общая численность которого составила всего лишь 12 тыс. человек²⁵. С этим войском Бабур вступил в Пенджаб. Лодийский наместник Пенджаба Даулат-хан, который прежде сам призывал Бабура в Индию, пытался оказать сопротивление, но безуспешно.

Из Пенджаба Бабур двинул свое войско на Дели. Навстречу ему выступил Ибрахим Лоди. Бабур считал, что в войске Ибрахима Лоди было тогда 100 тыс. человек²⁶. Эта цифра признается близкой к действительной, причем, учитывая большое число вспомогательного персонала, полагают, что Ибрахим Лоди мог выставить на поле боя все же не менее 40 тыс. воинов²⁷. У Бабура численность войска была примерно в пять раз меньшей. Кроме того, у Ибрахима Лоди и у его эмиров насчитывалось около тысячи слонов²⁸.

Готовясь к битве, Бабур выбрал хорошую позицию и сильно укрепил ее. На правом фланге его лагерь примыкал к Панипату (который в то время был довольно крупным городом с многочисленным населением), а левый фланг был укреплен искусственными сооружениями — рвами и повален-

²⁴ *Бабур-наме*, 270-б, 272-а.

²⁵ Там же, 254-а.

²⁶ Там же, 264-б, 270-а.

²⁷ Rushbrook Williams, *The political career of Babur*, p. 127.

²⁸ *Бабур-наме*, 264-б, 270-а.

ными деревьями или изгородями. По линии фронта было поставлено около 700 повозок, скрепленных ремнями из сыромятной кожи, а между повозками установлены щиты. Из-за этих укрытий должны были вести огонь мушкетеры и пушкеры, причем в укрытиях были оставлены проходы, достаточные, чтобы пропустить конные отряды в 100—150 всадников²⁹.

Решающее сражение произошло 21 апреля 1526 г. (Панипатская битва). Замыслы Бабура осуществились — неопытный и неосмотрительный Ибрахим Лоди сразу бросил все силы в наступление. Сочетание действий хорошо обученной конницы с использованием огнестрельного оружия, нового для Индии того времени, принесло Бабуру успех. Его конница атаками с флангов и в тыл смяла войска Ибрахима Лоди. Мушкетеры и пушкеры Бабура стреляли в плотные массы вражеских воинов, теснивших друг друга. Победа была полной — потери Ибрахима Лоди только убитыми составили около 20 тыс.³⁰. Среди павших врагов был опознан и труп Ибрахима Лоди.

После Панипатского сражения Бабур занял Дели и Агру. В ходе дальнейшей борьбы он наголову разбил афганских и раджпутских феодалов. К 1530 г. границы государства Бабура раздвинулись до Бенгалии. На юге он овладел Бихаром, а на севере — Мультаном, оставив своему сыну огромное царство, правда, еще далеко не полностью подчиненное центральной власти и слабо сплоченное.

Бабур очень любил Кабул, город, в котором он провел много лет своей богатой приключениями жизни. В «Записках» он дал непревзойденное в средневековой литературе описание Кабульского вилайета, с восхищением отзываясь о достоинствах климата Кабула и природе его окрестностей. По рассказам историков, Бабур перед смертью выразил желание, чтобы его похоронили в Кабуле, в одном из его садов. Это было исполнено.

26 декабря 1530 г. он умер в Агре, а через некоторое время его останки перевезли в Кабул. Могила Бабура находится в нескольких километрах от окраины старого города, у самого подножья хребта Шердарваза, в парке, носящем его имя, — «Баг-и Бабур». Около могилы Бабура раскинули ветви два великолепных старых чинара и, как и сотни лет назад, струится со склонов гор ручеек. Место это до сих пор остается одной из достопримечательностей столицы Афганистана, а весь живописный парк «Баг-и Бабур» служит жителям города излюбленным местом для прогулок. Мраморная гроб-

²⁹ Там же, 264-а.

³⁰ См. Rushbrook Williams, *The political career of Babur*, pp. 131, 136, 137.

ница и плита с резной надписью (табл. 1) были установлены в 1607 г. при посещении Кабула падишахом Джахангиром, правнуком Бабура.

Не менее знаменитый памятник Бабур создал себе сам, оставив «Записки». Ему были присущи пытливость ума и острая наблюдательность, он тонко понимал людей, был для своего времени человеком хорошо образованным, с широким кругозором и разносторонними интересами, умел излагать события ясно и просто, но в то же время живо и образно. Но одна черта Бабура как автора мемуаров особенно замечательна. Это его правдивость, порой совершенно беспощадная, когда он говорит о себе самом, правдивость, лишенная даже малейшего оттенка чего-то показного.

И хотя в «Записках» Бабура ярко отразились его личные взгляды, симпатии и антипатии, субъективный момент в них в отличие от мемуаров многих других авторов, сравнительно редко оказывает влияние на точность изложения фактов. Благодаря этой черте «Бабур-наме» справедливо признается весьма ценным историческим источником. Бабур ясно и отчетливо изложил современные ему события, рассказал о многих людях, встречавшихся ему на жизненном пути, о своих друзьях и врагах, уделяя внимание как их наружности, одежде, привычкам и вкусам, так и характеру, склонностям и способностям, стремлениям и поступкам. В его мемуарах много интересных сведений о хозяйстве и культурной жизни той эпохи.

Бабур страстно любил охоту, знал природу и умел ценить ее красоты. Рассказывая о своей жизни, он мастерски описывал многие из тех стран и областей, где ему удалось побывать, характеризуя особенности климата, рисуя облик гор, восхищаясь красотой деревьев в осеннем убранстве, оценивая качество пастбищ, сообщая разнообразные сведения о животных, птицах и растениях. В его географических описаниях сказалась зоркость бывалого охотника и человека, близкого к природе. Наблюдая новые для него виды животных и птиц и рассматривая до того ему неизвестные растения, он относился к ним с интересом и вниманием истинного натуралиста. Бабур оставил в своих «Записках» множество сведений, драгоценных не только для историков и этнографов, но и для географов и биологов. Первостепенное значение имеют содержащиеся в «Записках» сведения о языках и диалектах, бытовавших на территории Средней Азии, Хорасана и Афганистана в XVI в. [так, в частности, Бабур впервые отметил существование на территории Афганистана языка ормури (бараки), сохранившегося в очень немногих селениях до наших дней].

После смерти Бабура Кабул и Кабульская область остались под властью основанной им династии падишахов Индии,

которую восточные историки продолжали называть Тимуридской. В европейской исторической литературе правители этой династии стали именоваться «Великими Моголами». На севере владения первых Моголов простирались до Аму-Дарьи.

Хорасан стал окраинной провинцией Сефевидов, но в течение долгого времени служил ареной борьбы между кызылбашскими и узбекскими (шейбанидскими) феодалами. Узбекские ханы многократно совершали набеги на эту провинцию. Соперничество между сефевидскими и шейбанидскими феодалами приобрело особо ожесточенный характер, приняв форму религиозной войны между суннитами и шиитами.

Борьба Моголов и Сефевидов за Кандагар

После смерти Бабура Кандагар стал объектом длительной борьбы между Моголами и Сефевидами. Проявленное с обеих сторон упорство объясняется экономическим и стратегическим значением этого города. В начале XVII в. через Кандагар ежегодно проходило в среднем около 14 тыс. навьюченных товарами верблюдов. Как важнейший перевалочный пункт караванной торговли Кандагар приносил своим правителям очень большие доходы. Военное значение кандагарской крепости заключалось не только в том, что она была воротами на одной из важнейших дорог в Индию,— крепость эта занимала также чрезвычайно выгодное стратегическое положение на пути к Кабулу.

Борьба Сефевидов с Великими Моголами за обладание Кандагаром началась в связи с хорасанскими событиями 1534—1537 гг.³¹

Сефевидский шах Тахмасп I (1524—1576) направился с сильным войском к Кандагару и овладел им. Однако вскоре Камран, сын Бабура, вновь отобрал Кандагар у Сефевидов.

В 1540 г. Хумаюн, сын и преемник Бабура, потерял индийский престол, отвоеванный у него Шер-ханом, происходившим из ветви сур афганского племени лоди³². Шер-хан сумел сплотить вокруг себя афганских военачальников с целью реставрации власти афганской династии над Индией, захватил хитростью сильную крепость Рохтас в Бихаре, поднял восстание против Великих Моголов, разбил войска Хумаюна и овладел тронном. Во время недолгого правления Шер-шаха Сури

³¹ Об этих событиях см. Миклухо-Маклай, *Гератское восстание*, стр. 59 и сл.

³² Шер-хан, согласно преданию, получил свое имя в ознаменование совершенного им в юности охотничьего подвига — победы в единоборстве с тигром. До этого Шер-хана звали Фаридом. Отец Фариды — Хасан поступил на службу к Сикандару, правителю из династии Лоди, и получил от него джагир.

(1540—1545) в его владениях были проведены крупные строительные работы, сооружались дороги, караван-сарай и т. п.

Среди индийцев и афганцев о Шер-шахе осталась память как о выдающемся правителе, хотя в политической истории Индии его кратковременное правление было лишь эпизодом. Жестоко враждовавшие между собой преемники Шер-шаха удерживали власть над Дели лишь до 1554 г., когда индийский престол захватил Хумаюн, который восстановил владычество Великих Моголов³³. Укрепив свою власть в северной части государства, Хумаюн выступил против преемников Шер-шаха, одержал над ними победу, но вскоре умер. Завершил борьбу с преемниками Шер-шаха юный Акбар, сын Хумаюна.

Воспользовавшись тем, что Акбар был занят борьбой в Индии, Тахмасп I в 1558 г. овладел Кандагаром, после чего этот город и Кандагарская область в течение тридцати семи лет входили в состав государства Сефевидов.

В 1595 г. Акбару удалось вновь захватить Кандагар, и город оставался под властью Великих Моголов до 1622 г., когда его отвоевал у них сефевидский шах Аббас I (1587—1629). В 1637 г. могольский падишах Шах-Джахан (1627—1658) склонил на свою сторону управлявшего Кандагаром сефевидского военачальника Али Мардан-хана, и тот сдал ему город. Затем могольскому падишаху удалось не только успешно отразить нападение войска, посланного сефевидским шахом Сефи I (1629—1642) на Кандагар, но также овладеть Гиришком и Заминдаваром.

В 40-х годах XVII в. Шах-Джахан начал наступление в Среднюю Азию. В 1646 г. многочисленное могольское войско заняло Балхскую область и Бадахшан³⁴. В течение двух лет могольские власти так разорили завоеванные области, что наступил голод и узбекское население, осевшее в области Балха, вынуждено было бежать в Мавераннахр.

На Балх выступил с многочисленными отрядами узбекской конницы правивший в Бухаре Абдул Азиз. Могольское войско понесло значительные потери в сражениях с подвижным и неуловимым противником, Индийские воины страдали от непривычных холодов. Шах-Джахан вынужден был не только

³³ Политические события в Индии, связанные с борьбой Шер-шаха и его преемников с Великими Моголами, непосредственно не затронули коренных афганских районов. Однако отряды афганских горцев играли немаловажную роль в войсках Шер-шаха, и некоторые детали, сохранившиеся в индийских хрониках и касающиеся взаимоотношений Шер-шаха со своими соплеменниками, представляют известную ценность для изучения истории афганского народа.

³⁴ Шах-Джахан отправил к сефевидскому шаху Аббасу II в качестве чрезвычайного посла Арслан-бека с письмом, в котором выражал надежду, что в скором времени завоюет Самарканд и Бухару. (Abdur Rahim, *Mughal relations with Persia and Central Asia*, p. 54).

отказаться от своих широких завоевательных планов в Средней Азии, но и отозвать войска из Балха и Бадахшана. Возвращаясь из Балха осенью 1647 г., могольские войска потеряли много людей при переходе через перевалы Гиндукуша. Экспедиция, стоившая очень дорого могольской казне, закончилась полным крахом. Престижу Великих Моголов был нанесен сильный удар.

Воспользовавшись ослаблением их позиций на севере и завязавшейся в Индии борьбой за престол, Аббас II в 1648 г. захватил Кандагар, который после этого оставался в составе государства Сефевидов вплоть до восстания гильзаев в 1709 г.³⁵

Генеалогические предания. Расселение афганских племен в XVI—XVII вв.

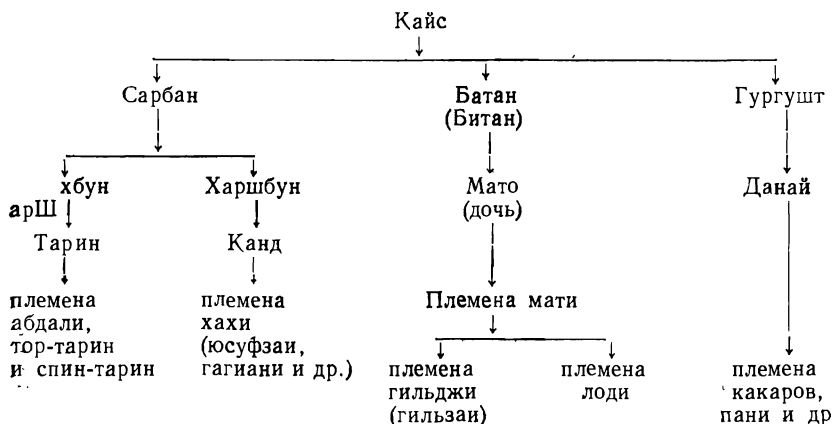
В персидских и индийских источниках, отражающих ход борьбы между Великими Моголами и Сефевидами за Кандагар, нередко упоминаются афганские племена, примыкавшие то к одной, то к другой стороне.

Сохранение в письменной традиции рассматриваемого времени значительно более подробных, чем раньше, сведений об афганцах объясняется прежде всего интересом к прошлому своего народа при дворах правителей династий Лоди и Сур в Индии. Интерес этот не ослабевал и в годы господства Великих Моголов. Именно этому обстоятельству мы обязаны появлением в Индии персоязычных сочинений, в которых были собраны и зафиксированы предания и генеалогии афганских племен или отдельных их групп. Дошедшие до нас в сочинениях XVI—XVII вв. сведения позволяют составить значительно более полное представление об афганских племенах, нежели данные источников предыдущих столетий.

Соответственно генеалогиям, афганские племена делятся на четыре группы, каждая из которых называется по имени своего родоначальника: Сарбани, Батани (или Битани), Гургушт и Каррани (Карлани). По принятым у историков XVI—XVII вв. данным, повторяющимся затем в некоторых сочинениях XVIII в., насчитывалось более 380 афганских племен; из них 105 входили в группу сарбани, 77 — в группу мати (связанную только по женской линии с родоначальником Батани, или Битани), 95 — в группу гургушти и 105 — в группу

³⁵ В течение нескольких лет после захвата Кандагара шахом Аббасом II соперничавшие между собой из-за престола Индии Аурангзеб и Дара Шикох неоднократно пытались вернуть этот город, однако ни одному из них это не удалось. Наконец, после безрезультатного похода, предпринятого в 1652 г., Моголы отказались от попыток отвоевать Кандагар.

каррани (карлани) ³⁶. Согласно преданиям, родоначальниками трех первых групп были сыновья **Кайса** (он же Абд ар-Рашид или Патан), предка афганцев, в то время как каррани стоят более или менее особняком и, как правило, лишь косвенно связываются с **общим генеалогическим древом**. Соответственно **этим генеалогиям** в самом общем виде происхождение **крупнейших афганских племен** может быть схематически представлено следующей схемой ³⁷:

Как гласят предания, Сарбан был старшим сыном Кайса. У Сарбана было два сына: Шархбун и Харшбун. От Шархбуна ведут свое происхождение кроме указанных на схеме также племена шерани, мийана и барец. Все эти племена по месту их расселения можно в целом характеризовать как западную ветвь сарбани. К восточной ветви сарбани кроме племен хахи относятся также племена гория-хель (моманды, халиль и даудзаи), а также мухаммедзаи и шинвари.

В приведенной схеме, составленной по источникам XVI — XVII вв., нет многочисленной группы каррани (карлани), к которой относятся вазиры, дауры, бангаши, баннуджи, афридии, хаттаки, мангал, дзадран, дзадзи, оракзаи, утманхель и ряд других племен (в частности, почти исчезнувшие еще в XVII в. дилазаки). По позднейшим этнографическим данным (XIX — начала XX в.), зарегистрированы различные версии преданий, включающих группу каррани в общее генеалогическое древо афганцев. Согласно одной из таких вер-

³⁶ [Dorn], *The history of the Afghans*, pp. 40, 122.

³⁷ Подробнее см. Morgenstierne, *Afghan*, pp. 218, 219.

сий, у Гургушта был сын Бурхан (имя которого не упоминается в зафиксированных в памятниках XVI—XVIII вв. генеалогиях), сыном которого был Карран. По другой версии, Карран был найден одним человеком из племени урмари и усыновлен братом этого человека, выменявшим ребенка на найденный им железный топор (в другом варианте предания, на котелок для варки пищи) «кархай» (отсюда — Карран)³⁸.

Отвлекаясь от сказочных подробностей народных преданий такого рода, следует подчеркнуть многократно отмеченный в литературе как немаловажный для исторической этнографии афганцев факт, что ряд крупных племен Сулеймановых гор, входящих в группу каррани, в представлениях многих знатоков афганских генеалогических преданий только условно связан с Кайсом и его тремя сыновьями.

Вскрыть причины такого обособления группы каррани при нынешнем состоянии изученности средневековой истории афганских племен не представляется возможным.

В связи с рассмотрением вопросов, связанных с историческими и генеалогическими преданиями афганцев, известными из источников XVI—XVII вв., необходимо остановиться на легендах о происхождении афганского народа от евреев. Такие легенды в течение многих столетий живут среди афганцев, они распространены среди них и в наши дни.

Многие историки и этнографы спорили о том, имеют ли такие легенды какое-либо реальное основание (пусть преломленное в фантастической форме) или в них надо видеть лишь попытку вывести происхождение своего народа от библейских предков, упоминаемых в священных книгах.

Связь афганцев с древними евреями в том виде, как она изложена в этих легендах, явно представляет собой миф. Чтобы возвести родословную афганцев к Иехуде (сыну Иакова), в легендах выступает не встречающаяся в библейской традиции фигура Афганá. От этого Афганá, объявленного внуком Саула, выводится различными фантастическими путями происхождение языка пушту. Потомки Афганá в числе других израильтян, выведенных Навуходоносором, будто бы были поселены этим завоевателем в горных районах Гура, Газни, Кабула, Кандагара, Кохи-Фируза и в областях, расположенных в пределах пятого и шестого климатов³⁹. Во время распростра-

³⁸ Raverty, *Notes*, pp. 381, 382. В позднейших генеалогиях XIX — начала XX в. по одной версии предком племен бангашей и вазиров был Кахай, сын Каррана, а по другим версиям — вазир и дауры вовсе не связаны с Кайсом, его тремя сыновьями и их потомством.

³⁹ Известное соответствие с версией афганских легенд о переселении их израильских предков на восток Навуходоносором обнаруживается в приписываемом самим евреям предании о происхождении иудейского населения в Исфахане, изложенном в персидском источнике XII в. (*Муджмал ат-таварих*, 524, 525).

нения ислама эту религию принял Кайс, вождь израильтян Гура, потомок Саула в 37-м колене. Приняв ислам, Кайс получил будто бы от самого пророка Мухаммеда новое имя — Абд ар-Рашид (он же Патан)⁴⁰.

Эльфинстон, первым из европейских ученых близко познакомившийся с афганцами, не отрицая вероятности происхождения их от евреев, сравнивал, однако, по степени фантастичности легенду об Афгане и его потомках с мифом о происхождении римлян или британцев от обитателей гомеровской Трои. Тем не менее, в Европе в XIX в. нашлось немало людей, в их числе и ученых, признавших за истину легенды о древнеизраильском происхождении афганского народа. При этом в афганцах хотели видеть потомков десяти израильских колен, не вернувшихся на родину после «Вавилонского плена» и не упоминаемых далее в библейских текстах.

Уже в 20—30-х годах XIX в. научное исследование языка пушту показало, что этот язык ни по грамматическому строю, ни по основной, унаследованной от древности лексике не имеет ни малейшего сходства с семитскими языками. Многие крупные востоковеды, в том числе акад. Б. А. Дорн, стали относиться весьма скептически к легендам о происхождении афганцев от евреев.

Однако некоторые ученые, признавая мифический характер содержания афганских преданий (во всяком случае, древнейшей их части), продолжали считать, что эти предания все же отражают какие-то реальные факты из истории афганского народа, так или иначе связанные с участием евреев в этногенезе афганцев.

Одним из таких ученых был русский историк-востоковед В. В. Григорьев, склонявшийся к признанию «присутствия значительной доли еврейского элемента в общей массе афганского народа». Для обоснования своих взглядов он приводил следующие доводы: 1) невозможно, чтобы распространенное у всех афганцев предание о еврейском происхождении возникло без какого-либо основания; 2) некоторые города и местности в Афганистане имеют сходные с палестинскими названия; 3) в Афганистане (Кабулистане) с давних времен находились еврейские колонии, о чем имеются не только предания, но и свидетельства источников⁴¹. Исходя из этого, В. В. Григорьев полагал, что палестинские названия и легенды о происхождении от «утерянных» десяти израильских колен были принесены еврейскими переселенцами, которые вошли в состав афганского народа, восприняв афганский язык.

⁴⁰ Время жизни Кайса, по расчетам, основанным на генеалогиях афганских племен, семей и династий, датируется не VII в., когда жил пророк Мухаммед, а XI — начале XII в.

⁴¹ Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 854—857.

В средние века на территории современного Афганистана и в Восточном Иране действительно были поселения евреев ⁴².

Можно утверждать, что изучение культурных, религиозных и других связей афганцев с еврейскими поселениями и торговыми колониями средневековых городов ⁴³ скорее обещает помочь исследованию вопроса о возникновении и распространении легенд о еврейском происхождении афганцев, нежели освещению основных проблем этногенеза афганцев.

Сопоставление генеалогических сведений об афганских племенах со свидетельствами Бабура дает возможность установить расселение значительной части этих племен в начале XVI в. Относительно более полные сведения приводит Бабур о территории между долиной Свата на севере и Дераджатом на юге. Часть Пешаварской долины и Свата уже тогда населяли юсуфзаи, о которых Бабур говорит довольно много,— он пробыл в землях юсуфзаев в течение довольно долгого времени, из этого племени он взял себе жену. К югу от юсуфзаев Бабур упоминает ряд хорошо известных впоследствии племен, населявших уже тогда те местности, где они в основном оставались и позднее, вплоть до наших дней: мухаммедзаи (в районе Хаштнагара), афридии (в районе Хайбарского прохода), бангаши (вокруг Хангу), киви—хель баннучей (в Банну), гильджи или гильзаи (вокруг Газни, в районе Мукура, в Каттавазе).

Только относительно момандов и дилазаков можно утверждать, что из тех мест, где их застал Бабур, эти племена впоследствии ушли. О том, что моманды все время находились

⁴² Ибн Хаукаль сообщал, что в кухендизе — центральной укрепленной части Кабула — живут мусульмане, а в рабаде (предместье) — кафиры и иудеи (см. также Мукаддаси, 50). В горном поселении Яхудан (или Яхудийя), находившемся на месте нынешнего Меймене, в IX в. жил правитель-Фарьяба; в конце X в. Яхудийя считалась столицей Гузгана. По мнению В. В. Бартольда, «название города (Яхудийя) показывает, что в нем была многочисленная еврейская колония» (Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 23). Еврейские поселения в средние века были и в Гуре, области, с которой афганские предания связывали переселение своих легендарных израильских предков.

⁴³ Несколько лет назад к известным прежде отрывочным свидетельствам источников о средневековых иудейских поселениях на территории Афганистана добавился эпиграфический материал,— еврейские надписи XII или XIII вв. н. э. Надписи, обнаруженные на кладбище около Герата, датированы по селевкидской эре. Один из исследователей этих надписей, итальянский ученый Герардо Гноли, пишет: «Мы можем теперь утверждать, даже до появления критического издания этих надписей, что открытие [их] несомненно обогащает самым примечательным образом как еврейскую эпиграфику, так и религиозную, политическую и экономическую [commercial] историю Афганистана» (Gnoli, *Jewish inscriptions*, p. 311; там же см. библиографию о предшествующих находках памятников еврейской эпиграфики в Афганистане). Ср. также находку в Танг-и Азао, высеченную квадратным еврейским письмом и составленную на новоперсидском языке.

где-то в районе около Мукура, свидетельствует упоминание об ограблении момандов отрядом Бабура во время похода из Кабула в Мукур⁴⁴. Дилазаков же Бабур застал в 1519 г. еще в Пешаварской долине.

Упоминания в «Бабур-наме» о племени гагиани позволяют полагать, что это племя тогда занимало земли около самого Пешавара⁴⁵.

Из крупных афганских племен Бабур совершенно не упоминает абдали и хаттаков. Возможно, что отсутствие упоминаний о племенах абдали объясняется тем, что Бабур сталкивался с ними реже, чем с другими афганцами, хотя и завоевал Кандагар и Заминдавар — основные районы расселения абдалийских племен в XVII в. Гораздо труднее объяснить, почему в «Записках» ничего не говорится о хаттаках. Бабур проходил через Кохат. Несколько десятилетий спустя его внук Акбар (1556—1605) поручил хаттакам охрану важного пути от Аттока до Пешавара. Возможно, что хаттаков Бабур имел в виду под общим названием карани, группы, в которую входили племена хаттак и шитак. В период подготовки похода в Индию Бабур интересовался положением в Пешаварской долине и примыкающих к ней районах, в связи с чем различные афганские племена (юсуфзаи, дилазаки и афридии, гагиани и другие), находившиеся тогда там, упоминаются в «Бабур-наме».

Картина расселения афганских племен, восстанавливаемая по данным Бабура, несмотря на имеющиеся в ней некоторые пробелы, дает возможность утверждать, что в общих чертах она была примерно такой же, как во второй половине XVIII — начале XIX в. Из происшедших в XVI—XVII вв. изменений, вызванных продолжавшимися в связи с политическими событиями передвижениями отдельных племен, нужно отметить следующие перемещения: юсуфзаи вскоре после Бабура окончательно завоевали горные области к северу от Пешаварской долины и овладели Бунером, Сватом и Пянджкорою; дилазаки, разбитые объединенными силами племен хахи в 20-х годах XVI в., а затем племенами гория-хель в 30-х годах того же века, были оттеснены на левый берег Инда, откуда в начале XVII в. были переселены могольским падишахом Джахангиром в глубь Индии (в новое время лишь незначительная группа дилазаков оставалась около Аттока); в 30—40-х годах XVI в. сын Бабура Камран во время борьбы со своим братом Хумаюном получил поддержку со стороны некоторых

⁴⁴ *Бабур-наме*, 215-б.

⁴⁵ Впоследствии гагиани оказались в районе Доаба, который их потомки занимают и до сих пор, таким образом это племя после Бабура переместилось на сравнительно незначительное расстояние в пределах Пешаварской области.

афганских племен, прежде всего халилей и момандов⁴⁶. За оказанные услуги Камран содействовал расселению поддержавших его племен в плодородных районах около Пешавара; в XVI в. несколько небольших племен (марваты, даулат-хель, миян-хель и таторы) были вытеснены гильзайским сулейман-хелем из горных районов Газнийской области; они двинулись на восток, разбили племена пранги и сури и заняли земли, которые остались затем за ними; марваты поселились (в XVII в., вытеснив ниязаев) в песчаной местности, известной ныне как Марват, в области Банну, даулат-хель и таторы — в Танке и других районах; в XVII в. гандапуры заняли земли в округе Дера Исмаил-хан. Насколько позволяют судить источники, основным местопребыванием гильзаев с давних времен были горные районы, примыкающие к Газни.

Политическая история большей части гильзайских и абдалийских племен была в рассматриваемое время тесно связана с Кандагаром. Есть основания предполагать, что именно в XVI—XVII вв. абдали и гильзаи распространились из горных областей в плодородные земледельческие районы Кандагарской области. В исторической традиции абдалийских племен, сохраненной поздними авторами, указывается, что «коренным стечеством» абдали был район Аргестана⁴⁷. Согласно генеалогическим преданиям, во времена Тимура жил Зирак, родоначальник одноименной ветви абдалийских племен, в которую входят попользаи, баракзаи, алькозаи и ачакзаи. Малик Садо из племени попользаев, один из потомков Зирака, стал в конце XVI в. вождем абдалийских племен, живших вокруг Кандагара.

В персидских источниках сообщается, что в 1006 г. х. (1597—98) сефевидский шах Аббас «назначил» Садо главой абдали и пожаловал ему титул «мир-и афагина» («вождь афганцев»)⁴⁸. Малик Садо, по-видимому, сумел снискать особую благосклонность шаха Аббаса, оказав Сефевидам помощь в их борьбе с Моголами за Кандагар. В этих же источниках имеются упоминания о том, что шах Аббас поручил Садо охрану пути от Герата до Кандагара.

В дальнейшем род Садозаев, потомков Садо, известен как хан-хель абдали. Только из этого рода выдвигались верховные вожди абдалийских племен. Члены рода Садозаев пользовались рядом привилегий (в частности, на представителей этого рода, совершивших убийство соплеменника, не распространялся обычай кровной мести)⁴⁹. Дочери Садозаев не выдавались замуж за пределы этого рода.

⁴⁶ Халили, моманды и даудзаи составляли гория-хель.

⁴⁷ *Тарих-и Султани*, 59.

⁴⁸ Lockhart, *The fall of the Safavi Dynasty*, pp. 95, 96.

⁴⁹ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 59, 60.

У гильзаев привилегированным хан-хелем был Шах-Аламель — подразделение племени хотаки. Согласно преданиям, хотаки уже в XIII в. обитали в районе Калати-Гильзаи, причем в рассказах об их вождях — Хотак-Баба, Малек-яре и других — сохранились воспоминания о борьбе против моголов.

В ходе борьбы между Великими Моголами и Сефевидами за Кандагар вожди гильзайских и абдалийских племен поддерживали то одну, то другую сторону, но чаще ориентировались на Сефевидов. С середины XVII в., когда Кандагар закрепили за собой Сефевиды, земли абдалийских и значительной части гильзайских племен оказались надолго в пределах сефевидских владений.

Иранские наместники, резиденцией которых был Кандагар, управляли, опираясь на гарнизоны сефевидских войск, и старались склонить на свою сторону влиятельных афганских вождей, жалую им титулы, денежные подарки, земельные владения, поручая сбор налогов и т. п. Афганские вожди обязаны были за это приводить отряды своих соплеменников для службы в шахском войске⁵⁰. Сефевиды с целью укрепления своей власти и влияния в населенных афганцами областях использовали противоречия и разногласия между гильзаями и абдали.

В начале правления сефевидского шаха Аббаса I (1587—1629) значительная часть абдали, подвергавшихся нажиму со стороны гильзаев, передвинулась из Кандагарской области в Гератскую. Это привело к существенному усилению позиций гильзаев в Заминдаваре и Кандагаре. Во время правления абдалийского вождя Садо преобладание гильзаев в Кандагарской области было поколеблено. В ходе дальнейшей борьбы за Кандагар гильзаи поддерживали Сефевидов. Но некоторые абдалийские родо-племенные подразделения, как, например, ализаи, выступали на стороне Великих Моголов, что привело, после окончательного крушения попыток правителей Индии в середине XVII в. вернуть Кандагар, к переселению части абдали в Мульта и в некоторые другие области Северной Индии.

Вопросы социально-экономической истории афганских племен в XVI—XVII вв.

В истории афганцев в позднем средневековье до сих пор остается невыясненным вопрос о роли кочевого скотоводства и земледелия у различных племен. В современном Афганистане насчитывается примерно 2 млн. кочевников-скотоводов,

⁵⁰ Там же, стр. 261.

большинство из которых афганцы. Несомненно (и об этом свидетельствуют данные письменных источников), в средние века и в новое время в хозяйстве ряда афганских племен преобладало кочевое скотоводство⁵¹. Однако мы располагаем и довольно многочисленными свидетельствами о распространении земледелия у афганцев в рассматриваемое время.

Прежде всего — это свидетельства Бабура. При описании своих походов он неоднократно упоминает о земледелии у различных афганских племен. О жителях Хаштнагара ему доложили, что у них много зерна; впоследствии обнаружилось, что зерна у афганцев этого района меньше, чем ожидалось, но у них есть засеянные поля. Об афридиях, находившихся с семьями и скотом в Бара, Бабуру сообщили, что у них посеяно много риса; это сообщение также оказалось сильно преувеличенным, но посевы риса у афридиев в этом районе были. В описаниях походов в районы Кохата и Банну встречаются указания о множестве зерна, захваченного у местных афганцев. Жителей Зурмата («афган-шали») Бабур характеризует как людей, сеющих хлеб и занимающихся земледелием, но не имеющих садов и огородов⁵².

Приведенные в «Айн-и Акбари» сведения о налогах, взимавшихся могольскими властями с районов, населенных афганскими племенами, свидетельствуют о распространении земледелия в Дуки, Мастунге и других районах, причислявшихся к восточной части Кандагарской области⁵³. Среди племен, населявших эту часть Кандагарской области, указаны каси, какары, тарины и другие, живущие в этих местах и поныне.

О довольно развитом земледелии у афганцев, занимающих земли на пути из Индии к Кандагару, свидетельствовал Ричард Стил, проезжавший через эти местности в 1616 г. Он отмечал, что им (местным жителям — афганцам) приносит выгоды торговля; они поставляют свое зерно, овец и коз, «чего у них великое множество», а покупают ткани и «другие предметы необходимости»⁵⁴.

Наличие таких свидетельств предостерегает против недооценки распространения земледелия у афганских племен в средние века. Бабур говорит о момандах и о гильзаях, как о

⁵¹ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 42—45 и др. Но нельзя согласиться с утверждением, будто Бабур именовал всех афганцев кочевниками (там же, стр. 44).

⁵² *Бабур-наме*, 139-б, 242-б, 243-б.

⁵³ Абул Фазл Аллами, *Айн-и Акбари*, 588.

⁵⁴ Steel — Crowtler, *A Journal*, 272. Цитируя это место, И. М. Рейснер справедливо отмечал, что торговля зерном свидетельствует о значительном развитии земледелия у соседних с Кандагаром афганцев в начале XVII в. и что, вероятно, эти племена занимались земледелием и ранее. Данные, приведенные в «Айн-и Акбари», подтверждают это предположение.

кочевниках, но в то же время из его сообщений видно, что часть гильзиев (в основных районах их расселения и в наши дни, т. е. в Газни, Каттавазе и т. д.) вела оседлый образ жизни.

Одной из не решенных пока проблем социально-экономической истории афганцев в средние века и в начале нового времени остается вопрос о том, что предшествовало у афганских племен феодализму, от каких конкретных форм общественных отношений происходил переход этих племен к феодализму, развитие которого хорошо освещено этнографическим материалом, относящимся к концу XVIII — первой половине XIX в.

В целом при значительных различиях между племенами и отдельными ветвями и подразделениями общественный строй афганцев в XVI—XVII вв. характеризовался, с одной стороны, сохранением весьма значительных патриархальных пережитков, а с другой — развитием феодальных отношений. Вместе с тем, поскольку материал последующего времени дает основание относить окончательное оформление феодальных отношений у таких крупных племен, как абдали, ко второй половине XVII — началу XIX в., в рассматриваемый период естественно было бы предполагать наличие у них более резко выраженных патриархальных черт. Имеющиеся в источниках сведения об общественных отношениях у афганцев в XVI—XVII вв. (хотя их значительно меньше, чем для последующего времени) подтверждают это предположение.

По-видимому, уже задолго до рассматриваемого периода у афганских племен выделилась родо-племенная знать, хотя ее власть и влияние у различных племен не были одинаково сильны. У многих племен (в частности, у таких крупных, как абдали и гильзаи) существовали ханские роды (хан-хель), из состава которых исключительно или преимущественно выдвигались ханы племен и их крупных подразделений⁵⁵. Однако должность вождя далеко не везде передавалась по наследству.

Патриархальные черты общественного строя афганцев в рассматриваемое время, о наличии которых можно строить предположения исходя из более поздних данных, прослеживаются по некоторым сообщениям источников XVI—XVII вв. О вождях у афганцев есть сообщение Ахунда Дарвезы, отражающее если и не в точности существовавшие в его время реальные условия выдвижения вождей, то во всяком случае распространенные тогда в народе и освященные преданием представления о том, как это выдвижение должно было происходить.

⁵⁵ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 59—61.

Приводя легенду о том, что у древних израильских предков афганцев вождями выдвигались самые высокие и физически сильные люди, Ахунд Дарвеза писал: «Этот обычай среди афганцев соблюдается до сего дня: каждого из них, кто обладает большой силой и воинским умением, хотя он и не имел бы богатства, делают падишахом и ханом»⁵⁶.

Между афганскими племенами существовали вассальные и вассально-союзнические отношения. В возникавших на время военных действий союзах племен одно какое-нибудь племя выступало в качестве руководящего. Некоторые слабые племена находились в зависимости от более сильных, оказывая им поддержку и пользуясь их покровительством. Такие зависимые племена назывались «хамсая».

Занимая новые земли, афганские племена вытесняли часть местных жителей, а часть подчиняли, превращая их в зависимых. Это покоренное, чаще всего неафганское, население, лишившееся прав на землю и состоявшее на юге из индийских племен и народностей, а на севере из иранских (главным образом таджиков), также называлось у афганцев «хамсая». По более поздним сведениям, в разряд хамсая стали переходить и обедневшие афганцы, вынужденные покинуть свой род, переходя под покровительство другого рода или отдельных лиц.

Рассказывая о борьбе юсуфзаев с дилазаками, развернувшейся в связи с переселением юсуфзаев в Пешаварскую долину в конце XV — начале XVI в., Ахунд Дарвеза писал о том, что дилазаки «первыми из всех афганцев» пришли в эти местности. Он сообщал попутно некоторые подробности, из которых можно заключить, что и до прихода юсуфзаев в Пешаварскую область у живших там афганцев (дилазаков) существовали вассальные и союзнические отношения между племенами и была категория зависимого покоренного населения (райяты): «[дилазаки] некоторую часть жителей этих пределов ослабили, обессилили и обратили в [своих] подданных (райятов), некоторых унизили, а к некоторым отнеслись по-дружески и по-братски»⁵⁷. Одним из племен, с которыми у дилазаков установились братские отношения, по утверждению Ахунда Дарвезы, были шильмани⁵⁸.

Кроме зависимого населения, называвшегося «хамсая» («райяты», у юсуфзаев — «факиры»), у афганцев были и рабы. На основании заслуживающих доверия свидетельств письменных источников надо думать, что в позднем средневе-

⁵⁶ Дарвеза, 64-а. Сведения, приводимые Ахундом Дарвезой, перекликаются с рассказом Геродота (III, 20) об избираемости «царей» у эфиопов: «...достойным царской власти они признают того из соплеменников, который окажется наибольшего роста и соответствующей силы».

⁵⁷ Дарвеза, 76-б.

⁵⁸ Там же.

ковье (если не у всех, то у значительной части афганских племен) работорговля и рабовладение были распространены в гораздо большей степени, чем можно было бы предполагать по более поздним сведениям ⁵⁹.

Об участии афганских племен Кандагарской области в работорговле во времена тимуридских правителей Герата свидетельствует, как кажется, сообщение Исфизари. В его сочинении в разделе, посвященном описанию этой области, есть следующее сообщение: «В районах того [Кандагарского] вилайета находятся люди авганские. И оттуда в Герат приводят много рабов» ⁶⁰.

Возможно, что Исфизари имел в виду, что тимуридские и иные феодалы захватывали афганцев в рабство и продавали их на рынках Герата, но не лишено вероятности, что афганцы захватывали рабов и доставляли их в Герат на продажу сами или через посредников ⁶¹.

Более позднее свидетельство английского путешественника Ричарда Стила, побывавшего в этих местах в 1616 г., не оставляет сомнения об использовании в то время рабского труда у афганцев горных местностей, расположенных на путях от Инда к Кандагару. В своем путевом журнале Стил писал: «Эти Кандагарские горы населены свирепым народом, именуемым агваны или потаны; [они] очень сильны физически, немного белее, чем индийцы, большие разбойники и нередко захватывают целые караваны. Однако ныне, отчасти из страха перед Моголами, отчасти благодаря выгодам, которые приносит им торговля (они поставляют свое зерно, овец и коз, чего у них великое множество, а покупают ткани и другие предметы необходимости), они усвоили более цивилизованные обычаи. И все же, если они смогут захватить отбившегося человека сами или [получат его] через других, они продают [пленников] вверх в горы, подрезают им сухожилия ног, чтобы предотвратить побег, и заставляют их молоть зерно на ручных мельницах и выполнять другие рабские работы» ⁶².

⁵⁹ В конце XVIII — первой половине XIX в. рабство сохранилось далеко не у всех афганских племен, а там, где оно существовало, эксплуатация рабов переходила или уже окончательно перешла в феодальную (см. об этом ниже, стр. 133).

⁶⁰ Исфизари, В 690, 51-6.

⁶¹ А. А. Семенов, основываясь на сообщении Исфизари по другому списку, но, к сожалению, не цитируя его, пишет, что «жившие в районе Кандагара афганцы, или пухтуны, по словам Исфизари, представляли собою ту народность, из которой в большом числе комплектовались кадры гератских рабов» (Семенов, *Некоторые данные*, стр. 76). Далее А. А. Семенов отмечает, что, по свидетельству Исфизари, в Герат ежегодно доставлялось из Туркестана, Индостана и других мест около 20 тыс. рабов для продажи на гератском рынке, причем «цена раба не была дешевой, а хлеб не был дорог» (там же).

⁶² Steel — Crowtler, *A journal*. 272.

О наличии рабства у афганцев в средние века имеется еще немало свидетельств как в источниках того времени, так и более поздних периодов, когда авторы пересказывают старые исторические труды⁶³. Упоминания о рабах есть и в генеалогических преданиях афганцев. Так, в одном из них рассказывается, что «Каджин усыновил трех рожденных в доме рабов: Тана, Бадара и Кана»⁶⁴. Мухаммед Хаят-хан в исторической части своей книги (по большей части пересказывающей содержание афганских источников), описывая результаты победы, одержанной юсуфзаями над племенами гория-хель в битве при Шейх-Тапуре (в середине XVI в.), сообщает о продаже многих пленных воинов гория-хель в рабство как о деле обычном.

Свидетельства источников о распространении у афганцев рабства в позднем средневековье служат веским доводом в пользу предположения о том, что феодализации афганских племен могли предшествовать, если не у всех, то у многих из них, патриархально-рабовладельческие отношения. Но в XVI—XVII вв., насколько можно судить по свидетельствам имеющихся в нашем распоряжении источников, рабовладение не играло сколько-нибудь определяющей роли в жизни афганцев.

У многих афганских племен еще в XVIII—XIX вв. прочно удерживались родо-племенная организация, вассально-союзнические отношения между племенами и их подразделениями, сохранялась роль совета старейшин (джирга), а также обычного (родового) права, общинных «домов гостеприимства» и т. д.⁶⁵. В источниках XVI—XVII вв. есть некоторые сведения, помогающие понять происхождение характерного афганского обычая — периодического передела земли («веш»). Об истоках этого обычая у юсуфзаев сообщается в повествованиях о разделе завоеванных ими земель, произведенном Шейхом Мали, по-видимому, в конце 20-х — начале 30-х годов XVI в.

Ахунд Дарвеза пишет: «Когда юсуфзайский „улус“ (племя, народ) овладел страной Сват, малик Шейх Мали почел за благо произвести подсчет всего [населения] улуса — малолетних и взрослых, мужского пола и женского, чтобы на основании этого разделить Сват. Людей акозаев и исазаев оказалось 6 тыс., людей мализаев и ильясзаев также 6 тыс. [Всего] юсуфзаев оказалось 12 тысяч.

⁶³ Дарвеза. 62-6; Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 105.

⁶⁴ [Dorn], *The history of the Afghans*, p. 46.

⁶⁵ Патриархально-родовые и патриархально-феодальные черты в социально-экономических отношениях у афганских племен будут рассмотрены в третьей главе, так как этнографические данные для их подробной характеристики имеются в основном лишь в источниках XIX в.

Включив в подсчет людей нинграхари, ламгани и кабули, которые были с ними (т. е. пришли с юсуфзаями.— В. Р.), а людей этих пределов (местное завоеванное население.— В. Р.) в подсчет не включая, [Шейх Мали] таким образом произвел раздел [Свата]. До сего дня этот раздел Шейха Мали остается без всяких изменений»⁶⁶. По-видимому, раздел земель Свата, так же как и других завоеванных юсуфзаями территорий — Пешаварской долины, Бунера и Пянджжоры, был произведен с целью обеспечить равные наделы всем вошедшим в подсчет членам племени.

В дальнейшем (по данным XIX в.) у юсуфзаев продолжались регулярные переделы земли по жребью между ветвями и подразделениями, родами и отдельными семьями, причем обмену подлежали не только пахотные земли, но также и усадьбы с жилищами. Правда, пересчет населения в XIX в. уже не производился и главы семей получали ставшие неравными наследственные доли. В таком виде обычай обеспечивал очередность в пользовании землями различного качества, регулировавшиеся им земельные отношения были прочной базой для реального сохранения родо-племенной структуры и организации, поскольку земля обменивалась по родовому признаку.

Знатные семьи у юсуфзаев также не были освобождены от переделов, что вызывало в XVI—XVII вв. острую борьбу между усиливавшейся знатью, стремившейся закрепить за собой более плодородные земли, увеличить свои наделы и изъять их из действия обычая «веш», и рядовыми членами племени, отстаивавшими прежние уравнилельные порядки землепользования.

В местной традиции сохранилась память о том, что Каджу-хан Ранизай, вождь юсуфзаев (середина XVI в.), заявил, что он как хан Свата не обязан подчиняться обычаю переделов земли и имеет право ни при каких обстоятельствах не освобождать деревню, в которой он сидел. Однако после его смерти селение Аллахданд, служившее ему резиденцией, было вновь включено в состав земель, обмениваемых по жребью⁶⁷.

Сохранение обычая «веш» в той форме, в какой он удерживался у юсуфзаев еще в XIX в., способствовало консервации родовой общины⁶⁸. При завоевании Пешаварской долины, Бунера, Свата и Пянджжоры местные жители были лишены земли и превращены в зависимых земледельцев и пастухов. При распределении земель родо-племенные вожди получали такие же наделы (по числу душ в своих семьях), как и рядо-

⁶⁶ Дарвеза, 89-а.

⁶⁷ Raverty, *An account of Suwât*, p. 271.

⁶⁸ Подробнее об этом см. в главе III, стр. 124, 125.

вые члены племен. Такое распределение земли свидетельствует о том, что в XV—XVI вв. у юсуфзаев сохранялась еще родовая община, во всяком случае, она не успела еще разложиться до конца, не превратилась лишь в пережиточную форму.

Однако имеются сведения и о существовании у юсуфзаев элементов феодальных отношений (вассально-союзнические отношения, наличие зависимого эксплуатируемого населения), о торговле рабами, а также об отсутствии нераздельного хозяйства в больших патриархальных семьях. Поэтому отождествлять патриархальный род юсуфзаев XV—XVI вв. с родом первобытнообщинного строя, конечно, нельзя.

У завоеванных юсуфзаями племен и народностей хозяйство сохраняло в основном натуральный или полунатуральный характер, городов не было, преобладало неполивное земледелие. Орошение поливных участков производилось из колодцев, а в поймах рек путем непосредственного использования сезонных разливов. Сложных ирригационных сооружений (плотины, большие каналы) не существовало. Низким уровнем развития производительных сил в завоеванной стране объясняется длительное сохранение у юсуфзаев «веша», родоплеменной организации, родовой общины и ряда патриархальных обычаев.

В «Немецкой идеологии», касаясь вопроса о завоеваниях, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Когда для захвата ничего уже более не остается, нужно перейти к производству. Из этой очень скоро наступающей необходимости производства следует, что та форма общественного строя, которая была принята осевшими завоевателями, должна соответствовать той ступени развития производительных сил, которую они застают, а если этого соответствия первоначально нет, то форма общественного строя должна измениться сообразно производительным силам»⁶⁹.

Можно полагать, что та ступень развития производительных сил, которую завоеватели-юсуфзаи застали в захваченных ими землях, в основном соответствовала существовавшей у них к тому времени «форме общественности». У других афганских племен, в зависимости от конкретных исторических условий и географической среды, социально-экономическое развитие шло иными путями.

Баязид Ансари и движение рошани

В ходе развития у афганцев феодальных отношений (неравномерного у различных племен) возрастало имущественное

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 74.

неравенство, обострялись классовые противоречия. Это вызвало **массовое народное движение**, направленное как против могольских властей, так и против афганской знати. Начиная с 60-х годов XVI в. и до 30-х годов XVII в. происходили вооруженные выступления, в которых приняли участие многие афганские племена. Народное движение афганцев возглавлялось религиозной сектой рошани, основателем которой был Баязид Ансари⁷⁰.

Баязид Ансари родился в 1525 г. в Джалландаре (Пенджаб). Он происходил из небольшой народности ормур (баракки), отдельные группы которой живут в наши дни в Вазиристане (Канигурам) и в долине Логара. Его отец шейх Абдулла Ансари был родом из Канигурама и как потомок шейха Сирадж ад-Дина Ансари (возводившего свой род к одному из сподвижников Мухаммеда) считался человеком именитым. В 1529 г. отец Баязида Ансари должен был уехать из Индии и переселиться в Канигурам⁷¹.

Будучи еще мальчиком, Баязид ознакомился с суфизмом, причем сам выбрал себе в качестве шейха (религиозного наставника) Ходжу Исмаила, одного из своих бедных родственников. Отец Баязида противился такому выбору, настаивая на том, чтобы сын стал мюридом одного из шейхов из потомства именитого Баха ад-Дина Закария. Баязид все же поступил по-своему, уже тогда, если верить сообщению автора «Дабистан ал-Мазахиб», осуждая принцип передачи положения шейхов по наследству⁷².

В юные годы Баязид, нуждаясь в заработке, отправился в путешествия с купеческими караванами, пытался заняться торговлей лошадьми, побывал в Самарканде и некоторое время жил в Пенджабе⁷³. В этот период жизни Баязид встречался с муллой Сулейманом, известным исмаилитом, оказавшим, по-видимому, сильное воздействие на формирование взглядов будущего основателя секты рошани.

В Пенджабе Баязид женился на афганке из племени лоди. Возвратившись с женою и маленьким сыном Омаром в Канигурам, он поссорился на почве религиозных разногласий с отцом и другими своими родственниками. Ссора вылилась в столь острое столкновение, что едва не окончилась смертью Баязида, которому отец нанес опасную рану. Баязид был вы-

⁷⁰ Приверженцы этой секты называли Баязида Ансари «Пир-и рошан» («Светлый старец» или «Старец света»), откуда и произошло название самой секты и ее сторонников — «рошани».

⁷¹ Shafi, *Bayazid Ansari*, p. 1121.

⁷² *Дабистан ал-Мазахиб* (изд. 1809 г.), 381; см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 278, прим. 3.

⁷³ Биографические сведения о Баязиде Ансари см. Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 122, 123; Shafi, *Bayazid Ansari*, pp. 1121—1123.

пужден сначала скрываться в районе Канигурама, а затем покинуть родные места. Он направился к даурам в долину Тохи, среди которых проповедь его учения уже имела успех, затем прибыл в Бангаш, откуда продолжал распространять свое учение среди тирахских племен оракзаев и афридиев⁷⁴. Затем Баязид Ансари прибыл в область Пешавара и поселился в районе Хаштнагара, склонив на свою сторону многих людей из племен халилей, момандов, даудзаев, гагиани, юсуфзаев и др.⁷⁵. Крупного успеха Баязид Ансари добился среди афганских племен, населявших земли, примыкающие к Хайбарскому проходу, в связи с чем основной базой возглавленного им движения стал район Тираха. Сюда стекались приверженцы Баязида из афридиев, момандов, оракзаев, халилей и бангашей.

Уже тогда началась ожесточенная идеологическая борьба между Баязидом Ансари и влиятельными улемами, ортодоксальными мусульманскими богословами, видевшими в нем еретика. Такие обвинения, выдвинутые авторитетными защитниками суннитского правоверия, а также известия о подготовке собиравшихся в районе Тираха афганцев к антимогольским выступлениям обеспокоили Мирзу Мухаммеда Хакима (сына могольского падишаха Хумаюна), правившего в Кабуле в качестве наместника. Фаридун (дядя этого наместника) арестовал Баязида и доставил его в Кабул. По сохранившимся в письменной традиции рассказам, был устроен религиозный диспут, на котором Баязиду Ансари удалось одержать верх над оппонентами и отвести от себя обвинения в еретичестве, после чего он был освобожден из заключения. Вне зависимости от степени верности рассказов о диспуте и его результатах, такой шаг кабульских властей мог быть вызван скорее всего боязнью, что расправа над Баязидом вызовет крупное восстание афганских племен, среди которых он к тому времени уже пользовался большим авторитетом и приобрел много сторонников.

Из Кабула Баязид Ансари уехал в Нинграхарскую область, где у него уже было немало приверженцев, а затем направился в Тирах и в северную часть Пешаварской области. Продолжая проповедовать свое учение, Баязид Ансари склонил на свою сторону шинварей и часть племен Кандагарской области (барец и сафи). Затем он приобрел сторонников среди населения Синда, а также среди белуджей⁷⁶.

В конце 60-х годов XVI в. Баязид Ансари выступил открыто против могольских властей и против афганских ханов и улемов, поднимая афганцев на вооруженную борьбу. О том,

⁷⁴ Shafi, *Bayazid Ansari*, p. 1122.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Shafi, *Bayazid Ansari*, p. 1123.

насколько ожесточенный характер приобрела эта борьба и как решительно были настроены народные массы, свидетельствуют рассказы о первых сражениях рошани, руководимых Баязидом Ансари. Перед битвой в Чора, на пути в Тирах, он вооружил 300 своих сторонников крепким тростником вместо пик, так как другого оружия у него не было. И все же в этой битве рошани разбили отряд преследовавших их могольских войск ⁷⁷.

Яростным противником Баязида Ансари и рошанитского учения выступил Ахунд Дарвеза Нинграхари, один из учеников Сейида Али Шаха Термези, снискавшего себе известность под прозвищем Пир Баба ⁷⁸. Ахунд Дарвеза происходил из семьи, вышедшей из района Нинграхара, примкнувшей к юсуфзаям во время их передвижения в Пешаварскую область и поселившейся затем в Свате ⁷⁹. Он написал два больших полемических сочинения, изобилующих самыми резкими нападками на рошани и Баязида Ансари, именуемого в них «Пир-и тарик» («Отец тьмы»). Одно из этих сочинений, «Махзан ал-ислам», написано в основном на пушту, другое, «Тазкират ал-абрар ва-л-ашар», на фарси ⁸⁰.

Ахунд Дарвеза считал последователей Баязида Ансари «явными кафирами», на основании чего, с точки зрения религиозного права, считал дозволенным убивать их, присваивать их имущество и обращать их жен в рабство. Уделяя более всего внимания религиозно-догматическим вопросам, выполнению обрядов и судьбам улемов, Ахунд Дарвеза обвинял принявших учение рошани афганцев в том, что они перестали платить налог (зьякат) и совершать молитвы (намаз), не соблюдают поста, враждебно относятся к мусульманским улемам и даже будто бы сжигают Коран и хадисы. Нападая также на некоторые обычаи афганцев, по происхождению явно не связанные с учением рошани, Ахунд Дарвеза, исходя из своих представлений о предписаниях ислама, требовал строгого затворничества женщин, объявлял греховными такие излюбленные афганцами развлечения, как пение, пляски и т. д. ⁸¹

⁷⁷ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 123.

⁷⁸ Могила Пир Бабы находится в Бунере и до последнего времени является местом религиозного поклонения. Отцом Сейида Али Шаха Термези был некий Камбар Али из Термеза, поступивший на службу к Бабуру и Хумаюну.

⁷⁹ Дед Ахунда Дарвезы присоединился к юсуфзаям в качестве духовного наставника и получил землю при разделе Шейхом Мали завоеванных территорий. Ахунд Дарвеза родился в 1533 г. Точная дата его смерти не выяснена. Предполагают, что он умер в 1638 г.

⁸⁰ Об этих сочинениях см. Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 127—129.

⁸¹ См. там же, стр. 128, 129.

Весьма показательно, что наряду с самыми злобными выпадами в адрес рошани и основателя их секты, Ахунд Дарвеза многократно подчеркивал, очевидно также в качестве попрека, что Баязид Ансари обращался к простонародью, к «черни» ('авām)⁸². Есть вполне достаточные основания связывать с таким обвинением социальные мотивы, порождавшие злобу и ненависть Ахунда Дарвезы и других афганских духовных и светских феодалов к Баязиду Ансари и к его последователям.

Исследования М. Г. Асланова показали, что массовое народное движение афганцев во второй половине XVI — начале XVII в., возглавленное сектой рошани, имело социальный характер. Это движение было по своей сущности антифеодальным, его сторонники вели решительную борьбу против ханов и улемов за землю, за ликвидацию их привилегий⁸³. В одном из списков «Мунтахаб ат-таварих», сочинения индийского историка XVII в. Абд ал-Кадира Бадаони, рошанитское движение прямо названо крестьянским⁸⁴. Баязид Ансари требовал признания личных качеств людей, противопоставляя им наследственные привилегии и авторитет⁸⁵. Противники рошани обвиняли сторонников этого учения в полном отсутствии уважения к происхождению. Так, поэт Хушхаль-хан Хаттак писал о рошани из племени бангаш:

Среди бангашей много еретиков,
Не ведающих о велениях шариата;
Разве бангаши — пахтуны?
Посмотри на них, кто они —
Нет у них ни уважения к происхождению,
Ни веры, ни имама⁸⁶.

Попытка непосредственно связать политику рошани в вопросе о земле с афганским обычаем «веш» сделана М. Г. Аслановым. Он обратил внимание на важное сообщение Афзаль-хана Хаттака (написавшего в начале XVIII в. историческое сочинение «Тарих-и Мурасса») о причинах отхода от рошани оракзайского малика Тора, своего деда со стороны матери. Этот малик, поссорившись с Ахдадом (внуком Баязида Ансари), одним из руководителей движения рошани, заявил ему: «Я готов выполнить любое твое распоряжение, но не даю тебе права распоряжаться моим домом и моим полем»⁸⁷.

⁸² Там же, стр. 128.

⁸³ Там же, стр. 124—126, 130—132; Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 285, 287, 291, 292.

⁸⁴ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 126.

⁸⁵ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 290.

⁸⁶ Перевод Асланова (*Народное движение рошани*, стр. 130).

⁸⁷ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 125.

По всей вероятности, это сообщение отражает борьбу между рядовыми членами племени и знатью, связанную с обменом полями и жилищами, определяющимся обычаем «веш». При этом борьба, по-видимому, велась знатью (в данном случае племени оракзаев) за изъятие своих наделов и домов из сферы действия обычая «веш», в то время как рядовые соплеменники отстаивали прежние порядки землепользования, подобно тому как было у юсуфзаев (о чем уже упоминалось выше, в связи со сведениями о первоначальном разделе земли у юсуфзайских племен после завоевания ими Свата)⁸⁸.

О внутренней организации секты рошани известно пока очень мало. Имеются сообщения о том, что члены секты делились на несколько разрядов (хильват). «Не познавших» истинного вероучения (т. е. рошанитского) Баязид Ансари якобы разрешал убивать, а их имущество присваивать. Основывалось это тем, что не примкнувших к учению рошани следует считать мертвыми, хотя они еще живы физически, а имущество умерших и не оставивших наследников (наследники, как не уверовавшие, тоже мертвы) должно переходить как выморочное, к другим людям на законном основании⁸⁹.

Часть захваченного у противников рошани имущества поступала в общий фонд секты. В сочинении «Дабистан ал-Мазахиб» сообщается: «Он [Баязид Ансари] со своими сыновьями часто грабил на дороге; захватывая имущество у мусульман и других, одну пятую [захваченного] имущества держал в общем фонде [секты], а когда наступала нужда, распределял [имущество из общего фонда] между правомочными (достойными) людьми»⁹⁰. Сообщения о существовании у рошани общего фонда имеются и в других источниках⁹¹.

Баязид Ансари и его преемники по руководству сектой рошани обращались с проповедью своего учения не только к афганцам, но и к представителям других народов. Афзаль-хан

⁸⁸ Следует, однако, заметить, что извлеченное М. Г. Аслановым из «Тарих-и Мурасса» сообщение остается пока единственным, позволяющим судить о политике руководителей рошани. О том, как и какие социальные группы (полноправные родичи, хамсая, рабы) наделялись землей в районах, находившихся под контролем рошани, мы пока ничего не знаем. Поэтому и мнения о деталях классовой политики рошани, высказанные И. М. Рейснером, считавшим, что рошани освобождали рабов, наделяли их, а также хамсая, землей и т. д. (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 294 и др.), пока остаются лишь предположениями.

⁸⁹ Мухаммед Шафи, использовавший ряд вновь открытых источников о рошанитском движении, делает осторожную оговорку, что эти положения Баязида Ансари выдвигались им в военное время (Shafi, *Bayazid Ansari*, p. 1123).

⁹⁰ *Дабистан ал-Мазахиб*, 386.

⁹¹ Об этом сообщает уже Лейден, автор самого раннего европейского сочинения о рошани, основанного преимущественно на данных из «Махзан ал-Ислам» Ахунда Дарвезы (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 292; Morgenstierne, *Indo-Iranian frontier languages*, vol. 1).

Хаттак писал о том, что «патаны и другие последователи Пира Рошана еще больше собрались»⁹² вокруг Ахдада (внука Баязида Ансари).

В представлениях Баязида Ансари о боге были, по-видимому, сильны пантеистические черты⁹³. Он учил, что божественное начало разлито повсюду, что бог близок к людям, а люди (вне зависимости от их этнической, сословной и иной принадлежности) перед ним равны, что «спасение» возможно для каждого человека, принявшего учение рошани. Суфийские мотивы, присущие учению Баязида Ансари, сочетались с принятой им верой в переселение душ, причем утверждалось, что воплощением божества на земле являются «совершенные наставники» («пиры») и прежде всего сам основатель учения рошани.

В возглавленном сектой рошани народном движении классовая борьба переплеталась с освободительной борьбой против могольских властей. Рошани нередко удавалось вести за собой многие афганские племена, но добиться их полного и прочного объединения мешали разногласия между племенами. Вооруженная борьба афганцев против Моголов была провозглашена и начата под руководством самого Баязида Ансари, который вел ее в течение последних лет своей жизни (ум. в 980/1572—73 г.)⁹⁴.

После смерти основателя секты рошани вооруженными выступлениями афганцев руководили его сыновья и внуки, возглавлявшие секту.

Сыновья Баязида Ансари вступили в опасный конфликт с юсуфзаями. Первоначально значительная, или даже большая, часть юсуфзаев перешла на сторону Баязида Ансари и приняла его учение, но затем положение изменилось. Причины конфликта между юсуфзаями и сыновьями Баязида Ансари остаются неясными, так как сколько-нибудь обстоятельных сведений об этом в источниках пока не выявлено⁹⁵. Не исклю-

⁹² Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 131, 132.

⁹³ *Маасир ал-Умара*, II, 243.

⁹⁴ Shafi, *Bayazid Ansari*, p. 1123.

⁹⁵ М. Г. Асланов с оговоркою, что «вопрос требует специального и тщательного исследования», перечисляет следующие причины, которыми можно объяснить неустойчивость позиции юсуфзаев в отношении рошани: разложение у юсуфзаев родовой общины, наличие рабства и большого числа обезземеленных крестьян из местного покоренного населения; феодализация некоторых подразделений (Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 126). Разложение юсуфзайской родовой общины в XVI в. вряд ли могло быть значительным, ибо еще в XIX в. именно у них сохранялась родовая община, связанная прежде всего с формами обычая переделов земли. Наличие большого числа хамса и значительных остатков рабства, конечно, могло серьезно влиять на позицию юсуфзаев, если только верны предположения о характере политики рошани в отношении рабов и зависимых, высказанные И. М. Рейснером и упоминавшиеся выше. В таком

чено, что в данном случае столкновение между рошани и подразделением акозаи юсуфзайского племени исазаев было вызвано личной ссорой между шейхом Омаром и юсуфзайским вождем Хамзой. Как бы то ни было, между рошани и сторонниками этого вождя разгорелась вооруженная борьба. Есть сведения, что между ними произошло несколько битв, лишь в последней из которых рошани потерпели поражение.

Согласно одной из версий, гибельным для сыновей Баязида Ансари оказался бой у селения Бара, около Инда. В этом бою войско акозаев возглавлял малик Хамза, а со стороны рошани в битве участвовали четыре сына Баязида Ансари: шейх Омар, Хайр ад-Дин, Нур ад-Дин и Джалал ад-Дин. Акозаи одержали победу, и сыновья Баязида Ансари вынуждены были спасаться бегством.

Шейх Омар и Хайр ад-Дин благополучно переправились через Инд и попали в Торбелу, но там они были убиты юсуфзаями утманзайского подразделения. Нур ад-Дин сумел добраться до Хаштнагара, где был схвачен мухаммедзаями и умерщвлен.

Только самому юному, четырнадцатилетнему Джалал ад-Дину удалось остаться в живых. Он был опасно ранен, но избежал гибели в быстринах реки, куда бросился, спасаясь от преследования. Затем он попал в плен к одному из юсуфзайских хелей. Юсуфзаи доставили Джалал ад-Дина ко двору могольского падишаха Акбара (1556—1605), который в это время (конец 1581 г.) находился в районе Аттока, возвращаясь из похода в Кабул⁹⁶. Рассказывают, будто могольский падишах отнесся к Джалал ад-Дину милостиво и даровал пленнику свободу⁹⁷. Согласно другой версии, более правдоподобной, Джалал ад-Дину удалось бежать от Акбара⁹⁸.

Так или иначе, Джалал ад-Дин ушел от Акбара и отправился в афганские земли. Моманды и другие афганские племена гория-хель в Пешаварской области восстали против притеснений могольского джагирдара Сейида Хамида Бухари. Восставшие избрали Джалал ад-Дина своим военачальником (сардаром). Сейид Хамид Бухари был убит⁹⁹. Заручившись поддержкой момандов и халилей, Джалал ад-Дин отправился в Тирах, где к нему примкнули афридии.

случае неустойчивость и колебания юсуфзаев могут объясняться их заинтересованностью в сохранении института хамсая (см. об этом Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 297).

⁹⁶ *Дабистан ал-Мазахиб*, 387. По-иному о прибытии Джалал ад-Дина сообщает Самсам ад-даула Шах Наваз-хан (см. *Маасир ал-Умара*, II, 244).

⁹⁷ Сагое, *The Pathans*, p. 210.

⁹⁸ *Дабистан ал-Мазахиб*, 387.

⁹⁹ *Маасир ал-Умара*, II, 244.

Восставшие афганцы перерезали путь через Хайбарский проход ¹⁰⁰.

Несмотря на свою молодость, Джалал ад-Дин стал руководителем секты рошани и получил признание народа как вождь борьбы против Моголов. В связи с этим он был объявлен (или объявил себя) «падишахом» афганцев ¹⁰¹.

Борьба с Моголами в это время была особенно трудной; в годы правления Акбара могольское государство достигло наибольшего могущества. В 80-х годах XVI в. Акбар перешел к активной политике в населенных афганцами горных областях, через которые проходят пути, соединяющие Индию со Средней Азией и Ираном.

Мероприятия для укрепления контроля над путем в Кабул через Атток, Пешавар и Хайбарское ущелье были начаты Акбаром в 1581 г., когда он совершил поход против своего сводного брата, кабульского наместника Мирзы Хакима, поднявшего мятеж и вторгнувшегося зимой 1580—1581 гг. в Пенджаб. В июне 1581 г., подходя с войском к Инду, Акбар приказал заложить в Аттоке крепость, наблюдать за сооружением которой поручил радже Бирбалу, своему сподвижнику из брахманов ¹⁰². Другой сподвижник Акбара и его главный специалист по инженерной части, Касим-хан, руководил в 1581 г. крупными дорожными работами в Хайбарском ущелье, произведенными до прибытия туда основных сил могольского падишаха. В результате этих работ путь через ущелье, труднопроходимый прежде даже для вьючных животных, был сделан пригодным для проезда колесных повозок.

Двигаясь этим путем, Акбар со своим войском прибыл в августе 1581 г. в Кабул и восстановил свою власть в этом городе. К концу года, возвращаясь по той же дороге, он остановился у переправы через Инд в районе Аттока.

В 1585—1586 гг. Акбар повел большое наступление на афганские племена. События развивались следующим образом. В июле 1585 г. умер кабульский наместник Мирза Хаким. Желая покончить с сепаратизмом кабульских наместников, мо-

¹⁰⁰ Там же, 245.

¹⁰¹ При отсутствии сведений о характере власти руководителей рошани над примыкавшими к движению афганскими племенами представляется поспешным (основываясь только на обычном значении термина «падишах») делать какие-либо выводы о государстве у афганцев, во главе которого стоял государь Джалал ад-Дин. Подобного рода выводы, однако, делались. (См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 295; ср. حبیبی، تاریخ

۱۴۷ افغانستان، ص ۱۹۵); осторожнее об этом в кн.: Антонова, Очерки, стр. 195).

¹⁰² Сооружение крепости в Аттоке было закончено в 1586 г. Благодаря своему ключевому положению у важнейшей переправы через Инд крепость играла большую роль в военно-политических событиях последующих лет.

гольский падишах немедленно отправил в Кабул Ман Сингха, энергичного и способного военачальника. Сам Акбар выступил на северо-запад, считая, что пришло время подчинить Кашмир и афганские племена, населяющие районы, прилегающие к Пешавару и Хайбарскому ущелью. С большим войском он подошел к Равалпинди, а затем направился в Аток, куда прибыл в январе 1586 г.

В Аттоке Акбар получил известие о взятии Ман-Сингхом Кабула и сдаче в плен сыновей Мирзы Хакима. В Аттоке ко двору могольского падишаха прибыл хаттакский малик Акорай, которому Акбар поручил охрану пути до Пешавара и пожаловал за службу в джагир местности от Аттока до Наушахра (Наушеры).

Перейдя к выполнению своих завоевательных планов, Акбар добился успеха в Кашмире (он был занят его военачальниками и включен в состав его владений), но потерпел ряд неудач в борьбе с афганцами.

Сильное сопротивление Акбару оказали рошани, выступавшие под руководством Джалал ад-Дина. Основной опорой Джалал ад-Дина стали афридии и афганские племена Пешаварской области. Большое войско рошани, в котором, как сообщают источники, было 25 тыс. пеших и 5 тыс. конных воинов, осадило Пешавар¹⁰³. Это произошло в 1586 г., когда Акбар находился в Аттоке, а Ман Сингх в Кабуле.

Моголы приняли срочные меры для борьбы с восстанием рошани. Ман Сингх выступил из Кабула, намереваясь пройти в Тирах и нанести там удар афридиям, составлявшим основное ядро восставших. Акбар отправил из Аттока крупный отряд, который должен был навести порядок в Пешаваре, а затем присоединиться в Хайбарском проходе к войску Ман Сингха, чтобы объединенными силами напасть на Тирах.

Однако, когда Ман Сингх вступил со своим войском в Хайбарское ущелье, он обнаружил, что дорога перекрыта момандами и халиями. Воины этих племен сражались с исключительным мужеством и отразили попытки Ман Сингха пробиться через ущелье.

Ман Сингх вынужден был пробиваться через долину Базар, находящуюся южнее Хайбарского прохода. Там он атаковал афридиев, сумел потеснить их, но, двигаясь далее, только с большим трудом и ценою крупных потерь смог выйти к Али Масджиду. Воины Джалал ад-Дина яростно атаковали моголов, и в Али Масджиде войско Ман Сингха вынуждено было стать лагерем. Рошани окружили его, и Ман Сингх

¹⁰³ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 123.

не смог продвинуться дальше к Пешавару до тех пор, пока к нему не подошло подкрепление — отряд из Аттока.

Осаждавшие Пешавар рошани отошли, не вступая в решающие сражения с направленными на выручку города могольскими войсками. Двигавшиеся из Кабула отряды Ман Сингха понесли значительные потери, но все же вышли из окружения. Но моголам не удалось силой оружия установить контроль над путем через Хайбарское ущелье. Рошани продолжали держать под ударом этот путь. Афганские горцы в своих твердых оставались неуязвимыми для могольских войск, которые плохо умели воевать в горах.

Первой попыткой крупного вторжения в области горных афганских племен, предпринятой Акбаром, был поход могольских войск в земли юсуфзаев, совершенный в 1586 г. Поход был начат еще до того, как разгорелось упомянутое выше восстание рошани в Пешаварской долине и в примыкающих к Хайбарскому ущелью районах. Против юсуфзаев Баджаура и Свата Акбар направил из Аттока с сильным отрядом Заин-хана, одного из своих лучших военачальников. Отряд встретил ожесточенное сопротивление, и через некоторое время Заин-хан запросил подкреплений, сообщая, что он сумел пробиться в Баджаур, но, чтобы вторгнуться в Сват, у него недостаточно сил. Акбар послал ему в помощь еще два отряда во главе с царедворцами, на полях сражений себя не проявившими: раджею Бирбалем и Хакимом Абду-л-Фатехом. Видимо, ни могольскому падишаху, ни его сановникам не были в ту пору ясны сила сопротивления афганцев и трудности войны в горах.

Ко времени подхода подкреплений Заин-хан вступил через Малакандский перевал в нижнюю часть долины Свата и укрепился в Чакдара. Оттуда он намеревался совершить несколько грабительских набегов на юсуфзаев Свата, а если удастся — и Бунера, а затем вернуться в Пешаварскую долину прежним путем. Но раджа Бирбаль и Хаким Абду-л-Фатех рассудили по-другому, ими был принят иной план: двинуться объединенными силами через перевал Каракар, пройти через Бунер, расправиться по дороге с мятежными племенами и вернуться кратчайшим путем в Атток.

Могольские войска двинулись по намеченному маршруту к перевалам, известным их начальникам только понаслышке. Вскоре могольским воинам стало ясно, что им предстоит не карательная экспедиция с грабежом и легкой добычей, а тяжелая борьба за то, чтобы выбраться живыми из гор. Им пришлось шаг за шагом продвигаться с боями, подвергаясь ожесточенным атакам горцев с флангов и с тыла. Могольскому войску все же удалось перейти через перевал Каракар и спуститься по его южным крутым скатам в Бунер, причем по не-

привычной крутизне особенно трудно было спускаться слонам. Но переход из Бунера в Пешаварскую долину завершился для моголов катастрофой, память о которой и доныне живет среди населения Бунера и Свата.

С еще большими трудностями могольское войско пробиралось по теснине, ведущей к перевалу Караппа¹⁰⁴. За ним могольские солдаты и военачальники надеялись увидеть спасительный выход на равнину, но, достигнув гребня этого перевала, они очутились перед узкой горной долиной, выход из которой замыкал перевал Маландрай; к нему вели опасные и неизведанные тропы.

Разочарование надломило дух измученных могольских солдат¹⁰⁵. Войско быстро превратилось в неорганизованные толпы людей, не знавших, что им делать. Только в арьергарде, которым командовал Заин-хан, сохранялся еще относительный порядок. В это время афганцы, занимавшие высоты над путем движения могольского войска, стали осыпать врагов стрелами и обрушивать на них камни. В наступившей ночной темноте охваченные паникой могольские воины, стремясь выйти на равнину, устремились к перевалу Маландрай, но тысячи людей оказались в западне. Многие из них погибли, падая в ямы, расщелины и пропасти. Еще больше было убито афганцами, перерезавшими пути. Заин-хану с группой воинов арьергарда удалось все же пробиться к перевалу Маландрай. На перевале Заин-хан разбил свой небольшой лагерь и дождался наступления утра, а затем спустился на равнину. Юсуфзайские воины были заняты захватом добычи, и это помогло Заин-хану и оставшимся у него людям уйти невредимыми.

Через три дня Заин-хан с жалкими остатками разгромленного могольского войска прибыл в Атток. Юсуфзайские и манданские ополчения в течение нескольких дней после победы на перевале Караппа атаковали ставку Акбара и его главные силы в Аттоке, но были отражены.

В последующие пять лет (с 1587 до 1592 г.) Заин-хан совершил ряд опустошительных походов в Баджаур и Сват, но эти горные местности так и не были покорены моголами, что видно уже из того, что никаких налогов с них в казну Акбара не поступало.

Правда, Ахунд Дарвеза, склонный не меньше придворных летописцев преувеличивать успехи могольских карательных экспедиций в земли афганских племен, сообщает, что, когда юсуфзай, жившие в равнинной части Пешаварской области, вернулись на свои земли с гор, где скрывались во время борьбы с Заин-ханом, они были обложены налогом в 1 тыс. рупий,

¹⁰⁴ См. Raverty, *Notes*, pp. 203, 204; Caroe, *The Pathans*, pp. 214—218.

¹⁰⁵ Абул Фазл Аллами, *Акбар-наме*, текст III, 484, пер. III, 731.

причем эта сумма распределялась по числу «кульб»¹⁰⁶ и домов. Но, даже если это сообщение и соответствует действительности, подобного рода факты носили эпизодический характер и относились преимущественно к сравнительно небольшим группам афганцев, занимавшим районы, расположенные близко от могольских опорных пунктов¹⁰⁷.

Афганские горцы зачислялись могольскими сановниками и придворными историками в состав подданных Великих Моголов, но в действительности зависимость афганских племен от могольских падишахов, даже от таких могущественных, как Акбар, была в подавляющем большинстве случаев только номинальной. Как видно из изложенных эпизодов, относящихся к 1586 г., попытки Моголов установить реальную власть над районами обитания афганских племен вызывали ожесточенный отпор со стороны свободолюбивых горцев.

Во времена правления Акбара и в течение нескольких десятилетий после его смерти освободительная борьба афганских племен против моголов возглавлялась сектой рошани¹⁰⁸.

Акбару не удалось подавить движение рошани, его военачальники, несмотря на неоднократные попытки, не смогли захватить рошанитского вождя Джалал ад-Дина. После нескольких подготовительных экспедиций могольские войска предприняли большой поход против рошани в 1591/92 г. Они захватили в плен многих рошани, в том числе жен и детей Джалал ад-Дина. Но самому вождю рошани удалось спастись. Он продолжал борьбу и в 1598/99 г. захватил Газни¹⁰⁹. Однако в 1600/601 г. Джалал ад-Дин был убит во время столкновения между афганцами и хазарейцами в районе Газни¹¹⁰.

После его смерти руководителем секты рошани стал Ахдад (Ихдад), сын шейха Омара, старшего сына Баязида Ансари. Женой Ахдада была Биби Алаи (дочь Джалал ад-Дина), славившаяся удивительной красотой и сильным характером. Она

¹⁰⁶ Дарвеза, 85-а -- 86-б. Кульба — единица измерения площади, занятая под сельскохозяйственными культурами, принятая в афганских районах в позднем средневековье и в новое время. В основу определения кульбы был положен размер участка, который может обработать один земледелец за один сезон при помощи одной упряжки волов.

¹⁰⁷ Некоторые афганские племена (абдали, пани) облагались при Акбаре налогом со скота и, кроме того, были обязаны поставлять в могольское войско определенное число конных и пеших воинов (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 44, 45). Но ряд афганских районов, формально причислявшихся к владениям Великих Моголов, ничего не вносили в могольскую казну даже при Акбаре (Сват, Баджаур, равнина Банну, долины Даур и Иса-хель).

¹⁰⁸ Исключение составляли некоторые афганские племена, в частности юсуфзаи, которые, как отмечалось выше, вначале примкнули к движению рошани, но затем в большинстве своем отошли от него.

¹⁰⁹ *Маасир ал-Умара*, II, 246.

¹¹⁰ Там же.

принимала активное участие в руководстве движением. У Ахдада и Алаи было много сторонников среди афридиев, оракзаев и бангашей. Благодаря этому они могли в случае опасности переносить свою ставку из одной горной твердыни Тираха в другую.

В 1611 г. крупные силы афганцев (вероятно, выступавших под руководством рошани) напали на Кабул. Известие об этом нападении, как сообщает побывавший в Агре и Лахоре английский путешественник Вильям Финч, было получено в Индии 17 мая 1611 г.¹¹¹ Численность нападавших патанских горцев определялась в 11 тыс. пеших и 1 тыс. конных воинов. Кабульский правитель находился в этот момент в отъезде (в Джалал-абаде); могольский гарнизон Кабула предпочел отсиживаться в цитадели, так что в течение шести часов нападавшие распоряжались в городе, захватив очень большую добычу, после чего ушли¹¹².

Могольским властям, несмотря на то что на дороге между Лахором и Кабулом было сооружено 23 опорных пункта с гарнизонами с целью добиться безопасности от «бунтовщиков», не удавалось осуществить надежный контроль над этим путем. Весьма опасным считался участок дороги в районе Пешавара, который находился под угрозой со стороны «бунтовщиков», чьи силы определялись в 10—12 тыс. воинов¹¹³. Управлявший в Кабуле до 1620 г. Шах-бек избегал крупных столкновений с рошани.

Сменивший его Махабат-хан попытался коварством нанести рошани решительный удар. Прослышав, что главная роль среди приверженцев Ахдада принадлежит даулатзаям (ветвь племени оракзаев, занимавшая территорию поблизости от Кохата), Махабат-хан заманил их к себе на пир. После пиршества хозяину под предлогом подготовки к награждению гостей почетными одеждами удалось уговорить их на время снять и отдать свое оружие. Затем безоружные даулатзай, всего 300 человек, были перебиты¹¹⁴.

Полагая, что силы рошани теперь значительно подорваны, Махабат-хан отправил отряд во главе с Гайрат-ханом, одним из подчиненных ему военачальников, с целью уничтожить Ахдада с его оставшимися сторонниками. Ахдад в то время находился в Тирахе, в верхней части долины Мастура. Могольское войско направилось туда из Кохата по долине Ханки, которую отделяет от долины Мастура перевал Сампага. На этом перевале опорный пункт рошани обороняли афридии и оракзай, во главе которых стояли Ахдад и оракзайский малик

¹¹¹ Finch, p. 58.

¹¹² Ibid.; ср. ۲۶۱—۲۶۲ ص، ج۱، كھزاد، بالا حصار كابل،

¹¹³ Ibid., p. 59.

¹¹⁴ Caroe, *The Pathans*, p. 226.

Тор. Подробности битвы на перевале Сампага, происшедшей в 1620 г., известны из описания ее, оставленного афганским поэтом Хушхаль-ханом; об этой битве рассказывается и в мемуарах могольского падишаха Джахангира. Одним из эпизодов этой битвы был поединок афганца Панджу из фирузхеля оракзайского племени, с Гайрат-ханом, предводителем могольского войска ¹¹⁵.

Бой закончился разгромом моголов.

Через несколько лет из-за измены малика Тора (вождь рода Абдул-азиз-хеля из даулатзайской ветви оракзаев), который перешел на сторону моголов и привел их войско в Тирах, моголам удалось выбить оттуда Ахдада ¹¹⁶. Вождь рошани перебрался в земли хаттаков и укрепился в Ловагаре. Против него в 1625/26 г. было послано могольское войско во главе с Зафар-ханом, сыном Хаджи Абдул Хасана Торбе-ти ¹¹⁷. Бои не прекращались в течение нескольких месяцев. В одном из сражений Ахдад был убит в то время, когда он перебирался из одного каменного «сангара» (укрепления) в другой.

После его смерти рошани вновь собрали свои силы в Тирахе. Туда удалось бежать Алаи, жене Ахдада, с сыном Абдул Кадиrom, который возглавил теперь секту рошани. Под руководством Биби Алаи и Абдул Кадира афридии и оракзаи совершили успешное нападение на отряд кабульского правителя в Хайбарском ущелье. Самому правителю удалось бежать, но весь его обоз и даже гарем попали в руки рошани.

В 1630 г. борьба рошани против моголов приобрела особенно широкий размах; к рошани примкнуло большинство афганских племен. У места выхода реки Бары на Пешаварскую равнину было собрано весьма многочисленное войско, возглавленное Абдул Кадиrom. В состав этого войска вошли афридии, оракзаи, бангаши, юсуфзай, мухаммедзай, га-гиани, тарклани, лоди, часть горных момандов, тури, дзадзи, племена Банну и Даура, а также, по-видимому, часть хаттаков. Войско двинулось на Пешавар, 12 июня 1630 г. подошло к городу и окружило его со всех сторон.

Могольский гарнизон Пешавара заперся в цитадели, а остальная часть города была занята отрядами рошани Абдул Кадира, ополчениями афганских племен. Возникшие между племенами разногласия побудили Абдул Кадира оставить Пешавар и отойти со своими отрядами в Тирах. Из-под Пешавара ушли также ополчения некоторых племен. Этим воспользовался Саид-хан, могольский правитель Кохата. Он

¹¹⁵ Ibid., p. 227.

¹¹⁶ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 123.

¹¹⁷ *Маасир ал-Умара*, II, 246, 247.

подошел к Пешавару и нанес поражение находившимся еще в нем афганским отрядам.

Саид-хану весной 1636 г. удалось хитростью захватить Биби Алаи и Абдул Кадира¹¹⁸. Абдул Кадир вскоре умер (вероятно, от яда), а Биби Алаи с некоторыми ее родственниками была отправлена в Индию. Могольские власти, широко применяя подкуп руководителей восстаний, принимали согласившихся отказаться от дальнейшей борьбы к себе на службу, направляли их в отдаленные от афганских земель местности Индии, давали им джагиры и т. п. Так, афридий Юсуф и оракзай Азамир получили джагиры в Панипате¹¹⁹.

С конца 30-х годов XVII в. движение рошани заметно ослабло. Последним известным его руководителем из потомков Баязида Ансари был Каримдад, младший сын Джалал ад-Дина. В конце 30-х годов могольские войска разгромили бангашей, а Каримдад был схвачен в Нигаре и казнен¹²⁰.

Движение рошани составляет одну из самых ярких и драматических страниц истории афганского народа. Оно оказало очень большое влияние на дальнейшее развитие афганского общества, национального самосознания афганцев и на историю их культуры.

Движение рошани было подавлено соединенными усилиями могольских властей и поддерживавших их афганских ханов и духовенства, но освободительная борьба афганских племен против могольского владычества не прекратилась и после того, как рошанитское движение пошло на убыль. На следующем этапе борьбу афганцев против чужеземного владычества возглавили некоторые афганские ханы. Беря в свои руки руководство борьбой афганцев за независимость, они стремились изгнать чужеземных феодалов прежде всего для того, чтобы основать свои независимые княжества или добиться самостоятельности в тех владениях, где уже успели утвердить свою власть местные династии.

Хаттакское княжество.

Хушхаль-хан и восстание 1672—1675 гг.

В XVI в. вожди хаттаков не только занимались набегами на караваны, следовавшие из Лахора в Кабул. Малик Чинд-жо из подразделения шахин-хель, особо отличавшийся в грабежах караванов, расположил свою ставку в горах к югу от Аттока и попытался упорядочить извлечение выгод от соседства с важным торговым путем. Как сообщает Мухаммед

¹¹⁸ Там же, 247.

¹¹⁹ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 124.

¹²⁰ *Маасир ал-Умара*, II, 248.

Хаят-хан, малик Чинджо построил заставы вдоль пути от Инда до Наушеры ¹²¹.

Сыном Чинджо был малик Акораи, которому могольский падишах Акбар поручил в 1586 г. охрану пути от Аттока до Пешавара, пожаловав ему в джагир земли от Аттока до Наушеры и предоставив право взимать в свою пользу пошлины на этом отрезке торгового пути.

Пользуясь покровительством Моголов, малик Акораи усилил власть (и до того, вероятно, значительную) над своими соплеменниками. Согласно сообщению Мухаммеда Хаят-хана, этот малик вскоре стал взимать со своих соплеменников налоги ¹²².

Малик Акораи получил от Акбара инвеституру на должность вождя племени хаттаков, закрепленную затем наследственно за его семьей. Получив джагир, Акораи вскоре основал городок Акора на крутом южном берегу реки Кабула ¹²³. Этот городок стал резиденцией правителей Хаттакского княжества.

Акораи и его преемники (сын Яхья-хан, а затем внук Шахбаз-хан) получали значительные доходы с находившихся в их владениях соляных копей Калабага. В XVI—XVII вв., так же, как и в новое время, добываемая здесь соль вывозилась, не только в окрестные районы, но и в отдаленные горные области.

Яхья-хан и Шахбаз-хан продолжали за службу по охране Пешаварской дороги получать от могольских падишахов инвеституру, награды и земельные пожалования. Кроме того, хаттакские князья вели борьбу с юсуфзями, за что получали вознаграждение от могольских властей. В 30-х годах XVII в. падишах Шах-Джахан сдал Шахбаз-хану на откуп сбор налогов с населенной юсуфзями равнинной части Пешаварской области за 12 тыс. рупий ежегодно.

Хаттакские князья противодействовали рошани и удерживали своих соплеменников от участия в антимогольских выступлениях.

В 1641 г. Шахбаз-хан был убит (так же как в свое время погибли его отец и дед) в сражении с юсуфзями. Могольский падишах Шах-Джахан признал правителем хаттаков Хушхаль-хана, сына Шахбаз-хана ¹²⁴. Новый хаттакский князь поехал в Дели, ко двору могольского падишаха, где, присоединившись к отрядам его военачальников, принял участие в

¹²¹ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 303.

¹²² Подробнее см. там же, стр. 304.

¹²³ Неподалеку от слияния с Ландаи — так афганцы называют низовья р. Сват, от впадения в нее р. Пянджоры до впадения в р. Кабул.

¹²⁴ Хушхаль-хан родился в Агоре, в месяце раби'ас-сани 1022 г. х. (21.5—18.6.1613 г.).

Рис. 1. Хаттакские всадники в доспехах (рис. XIX в.)

походах в Кангру, Балх и Бадахшан и отличался в сражениях. Возвратившись в середине XVII в. в свое владение, Хушхаль-хан начал борьбу против юсуфзаев. Предварительно он получил у падишаха Шах-Джахана разрешение включить несколько юсуфзайских селений, расположенных к северу от реки Ландаи, в состав своего джагира.

Из внутривластных мероприятий, проведенных Хушхаль-ханом в Хаттакском княжестве, важное значение имел земельный кадастр. При этом, как видно из имеющихся в исторической литературе сообщений, Хушхаль-хан отменил пределы земли, вероятно, существовавшие и у хаттаков. Согласно Раверти, «до того, как Хушхаль-хан стал вождем, границы страны хаттаков не были хорошо определены, т. е. каждая семья в этом племени не имела закрепленной за ней

земли. Хушхаль-хан велел размежевать всю имевшуюся землю и закрепил границы; внес в реестр и (в зависимости от численности каждой семьи) отвел соответственное количество пахотной земли. Это устройство действует до сих пор, и, насколько мне известно, от него не было отклонений»¹²⁵.

Через несколько лет после начала правления могольского падишаха Аурангзеба Хушхаль-хан был заподозрен в нелояльности, схвачен могольским правителем Пешавара, заключен в цепи и отправлен в апреле 1664 г. в Дели¹²⁶. Оттуда его повезли дальше и заключили в крепость Гвалиор. Это произошло в 1664 г., когда Хушхаль-хану было 51 год. Более двух лет он пробыл в этой крепости, затем его выпустили, но еще несколько лет он вынужден был жить в Индии под домашним арестом. Только после 1668 г. ему удалось вернуться в родные края.

Ко времени возвращения Хушхаль-хана обострилась борьба афганских горцев против могольских властей, усиливавшаяся в связи с наступательной политикой Аурангзеба. Вскоре началось большое восстание, охватившее многие афганские племена. Хушхаль-хан становится одним из вождей восстания и в течение многих лет бесстрашно сражается против моголов, призывая племена к единению во имя борьбы за независимость. Хушхаль-хан боролся за свою родину не только мечом, но и пером: он был одним из крупнейших афганских поэтов и отдал свой великий талант борьбе за независимость, заслужив бессмертную славу у потомков.

Как уже отмечалось выше, афганские горцы, хотя и считались подданными Моголов, в большинстве случаев лишь формально признавали свою зависимость от этих правителей. Могольские падишахи фактически вынуждены были мириться с контролем путей из Индии в Кабул афганскими племенами (юсуфзаев, афридиев, хаттаков и др.). Более того, даже самые могущественные из могольских правителей сами уплачивали крупные суммы таким племенам «за охрану путей» (т. е. фактически за разрешение караванам проходить по ним).

Волнения и «беспорядки» в землях афганских племен не прекращались и после того, как рошанитское движение пошло на убыль. Они иногда происходили даже в те годы, когда в Среднюю Азию и Иран из Индии через эти земли передвигались крупные могольские войска. О нарушении афганцами в 40-х годах XVII в. торговых путей и коммуникаций, соединявших Индию с Кабулом и Ираном, любопытное сообщение имеется в русских дипломатических документах. Афганцы (вероятно, впервые в русских источниках) упоминаются в

¹²⁵ Цит. по работе: Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 131; ср. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 305.

¹²⁶ Majrouh, *Etude du Destar-Nama*, p. 242.

делах о посольстве князя Козловского, выехавшего в Персию в 1646 г. С ним царь Алексей Михайлович отправил двух гонцов: казанского купца Никиту Сыроежина и астраханского жителя Василия Тушканова. Эти гонцы должны были ехать дальше в Индию и доставить Шах-Джахану грамоту от московского царя. Однако персидский шах, несмотря на настойчивые просьбы князя Козловского, отказался дать провожатых русским гонцам, что означало отказ пропустить их в Индию¹²⁷.

В конце 60-х годов XVII в. против Моголов выступили юсуфзай. Их вождь Бахаку и мулла Чалак собрали отряд в 5 тыс. воинов для похода в подвластные Моголам районы левобережья Инда. В начале 1667 г. этот отряд под предводительством муллы Чалака переправился через Инд выше Аттока и вторгся в Пакхли (долина, через которую проходила дорога на Кашмир)¹²⁸. Другие юсуфзайские отряды напали на округа Пешавара и Аттока. Могольские власти направили против юсуфзаев крупные силы и разбили их, а затем (весной и летом 1667 г.) могольские войска заняли населенную манданами часть Пешаварской долины, сожгли селения манданов и уничтожили их посевы¹²⁹. Однако эти карательные действия вызвали волнения среди других афганских племен. На помощь манданам выступили племена Свата и Тираха¹³⁰.

В середине 1671 г. в опорный пункт Моголов в Джамруде был назначен энергичный военачальник махараджа Джасвант Сингх и были посланы сильные гарнизоны в могольские укрепленные посты с целью установить контроль над прилегающими к Пешаварской дороге местностями¹³¹. Наступательная политика Аурангзеба в афганских областях вызвала большое восстание, начавшееся в следующем 1672 году.

Поводом к совместному выступлению афганских племен в районе Хайбарского прохода были бесчинства, чинимые могольскими воинами. В отмщение за обиду, нанесенную одной из женщин племени сафи, люди этого племени убили несколь-

¹²⁷ Шахские власти, как видно из русских документов, аргументировали отказ обстановкой на границах Индии — военными действиями между войсками правителей Индии и Средней Азии, а также нарушением коммуникаций афганцами. «...И шахово величество царского величества гонца в Индию пропустить не велел, для того, что меж Индейскими и Туркустанскими государями учинилась драка и ссоры в Индейских украинских местах; адганские люди торговым людям учинили škody и иных людей побивают...» (Малиновский, *Известие об отправлениях в Индию Российских посланников*, стр. 139).

¹²⁸ См. Sarkar, *History of Aurangzib*, p. 223.

¹²⁹ Ibid., pp. 224—226.

¹³⁰ Ibid., p. 226.

¹³¹ Ibid., p. 228.

ких могольских солдат. Вожди сафи отказались выдать виновных в убийстве местным могольским властям. Попытка Моголов наказать сафи силами других афганских племен была сорвана, так как афганцы, даже обязанные Моголам службою за джагиры и т. п., не пожелали выполнять могольские приказы, считая, что сафи правы.

Амин-хан, могольский правитель Кабула, решил сам расправиться с сафи. С этой целью он выступил в начале 1672 г. из Пешавара, где находился в это время. Афганцы решили не пропустить его через Хайбарское ущелье. Объединенные силы сафи, момаинов, афридиев и шинварей перекрыли Хайбарский проход. Амин-хан вступил в бой с афганцами в районе Али Масджида, но не смог добиться успеха. Тогда он попытался пройти обходным путем, попал в подготовленную афганцами ловушку и потерял многочисленное войско, слонов, казну и даже свою семью. Лишь благодаря случайности ему самому удалось ускользнуть от гибели или плена и бежать в Пешавар с несколькими своими приближенными.

В подготовке и проведении этих весьма успешных для афганцев военных действий большую роль сыграли два вождя афридиев — Аймаль-хан и Дария-хан. Земли афридиев стали центром быстро расширявшегося восстания.

Вскоре после победы афганцев над Амин-ханом к афридиям присоединились хаттаки во главе с Хушхаль-ханом и другие афганские племена. Восстание охватило земли большинства афганских племен от Пешаварской области до Кандагарской.

За неудачи Аурангзеб сместил Амин-хана с поста кабульского наместника и заменил его Махабат-ханом (заявившим этот пост в четвертый раз). Могольский падишах надеялся, что Махабат-хан, хорошо знавший местные условия и находившийся в хороших личных отношениях со многими афганскими вождями, сумеет восстановить положение. Есть сведения о том, что, будучи человеком осторожным и понимая обстановку, Махабат-хан фактически бездействовал и даже договорился тайно с афганцами не нападать друг на друга. Как бы то ни было, ему ничего существенного для могольских властей добиться не удалось и Хайбарский проход оставался закрытым¹³².

Аурангзеб послал для подавления восстания афганцев крупные силы, но могольские войска терпели одно поражение за другим. В 1673 г. они были разбиты в Момандских горах.

¹³² Ibid., pp. 233, 234. Махабат-хан, покровительствовавший в прошлом Хушхаль-хану, призвал его выполнить свои обязанности вассала падишаха и сотрудничать с могольскими властями. Но Хушхаль-хан ответил категорическим отказом. Он решительно и бесповоротно пошел со своим народом и открыто выступил против Великих Моголов.

В феврале 1674 г. могольский военачальник Шуджаат-хан в сильный дождь и снег был атакован афганцами в том же горном районе, к северо-западу от Шабкадра, разбит наголову и сам погиб в бою. Остатки его войска были спасены отрядом раджпутов, высланным на выручку махараджей Джасвантом Сингхом из Джамруда ¹³³.

Афганцы к этому времени не ограничивались обороной, но и сами переходили в наступление. В начале 1674 г. (почти одновременно с боем в Момандских горах, закончившимся разгромом войска Шуджаат-хана) Хушхаль-хан и Аймаль-хан, объединив силы хаттаков и аффридиев, атаковали крепость Наушеру и взяли ее приступом. В дальнейшем Хушхаль-хан принимал участие во многих крупных сражениях и мелких стычках с могольскими войсками и одержал в них много славных побед. Он стал душой восстания, призывая своими стихами афганские племена к совместной борьбе.

Восстание афганцев приняло настолько угрожающий для Моголов характер, что Аурангзеб решил выехать к месту военных действий и принять личное руководство ими. Ему пришлось на два года покинуть для этого свою столицу. В могольских придворных летописях отмечено, что падишах отсутствовал тогда в Дели с весны 1674 г. до 27 марта 1676 г. Он избрал своей временной ставкой Хасан Абдал (в округе Равалпинди), куда прибыл в июне 1674 г. Рассказывают, что, выступив в поход, Аурангзеб с копьем в руках ехал на своем коне под лучами палящего солнца, демонстративно не укрываясь ни от зноя, ни от пыли. Этим он хотел показать всем свою решимость уничтожить восставших афганцев ¹³⁴.

Несмотря на приезд падишаха и сосредоточение сил огромной могольской державы против афганцев, в ходе дальнейших военных действий могольские войска потерпели еще ряд крупных неудач.

Путь через Пешавар на Кабул подвергался неоднократно нападениям афганцев. Гильзаи перерезали его, преграждая движение через перевал Джагдалак. Чтобы держать под контролем этот участок пути, Аурангзеб поручил Агар-хану, своему военачальнику из тюрков, занять Нинграхар с крупным раджпутским отрядом численностью в 5 тыс. человек ¹³⁵. Агар-хан нанес несколько поражений гильзаям и снял блокаду с перевала Джагдалак, однако обеспечить безопасность движения на этом участке пути Моголам все же не удавалось.

Весной 1675 г., когда Фидай-хан с многочисленным могольским войском возвращался из Кабула в Пешавар, афган-

¹³³ Ibid., pp. 235, 236.

¹³⁴ Manucci, *Storia do Mogor*, II, p. 204.

¹³⁵ Sarkar, *History of Aurangzib*, p. 239.

цы атаковали его у Джагдалака, разбили его авангард и захватили значительную часть артиллерии, слонов, обозного имущества и т. п. Фидаи-хан был избавлен от окончательного разгрома подходом отряда Агар-хана ¹³⁶.

В начале июня 1675 г. могольский военачальник Мукар-рам-хан, совершавший во главе большого отряда карательный поход в Баджаур, попал в устроенную афганцами засаду и еле спасся бегством с горсткой оставшихся в живых воинов ¹³⁷.

Могольские войска совершали многочисленные походы в афганские земли. Главной базой Моголов был Пешавар, откуда их отряды направлялись против момандов, юсуфзаев, племен гория-хель и т. д. Агар-хан с исключительной жестокостью действовал из Нинграхара против гильзаев и других окрестных афганских племен.

Но скорее не сила оружия, а золото Индии было главным средством, с помощью которого Аурангзебу удалось к концу 1675 г. в известной мере восстановить положение в северо-западной части своих владений. Он широко использовал систему подкупа, щедро раздавал подарки, пожалования (джагиры) вождям афганских племен и предоставлял подчинившимся посты в могольском войске.

В могольских источниках указывается, что ко времени возвращения в Дели (27 марта 1676 г.) Аурангзеб добился подчинения бангашей и некоторых племен Пешаварской области, а также, что ему изъявили покорность даудзай, племена Тираха и ряд других афганских племен и подразделений ¹³⁸. Сведения такого рода в отдельных случаях, по-видимому, в той или иной мере отвечают действительности, но в целом результаты войны Аурангзеба против афганцев лишь в хрониках могольских придворных летописцев выставлялись как победа этого падишаха. Из современников событий не только Хуш-халь-хан, объективность суждений которого как противника Моголов могла бы в данном случае быть подвергнута сомнению, но и такой историк, как Мануччи, справедливо утверждал, что Аурангзеб в 1672—1675 гг. потерпел неудачу в войне с афганцами ¹³⁹. Мануччи рассказывает, что Аурангзеб, не добившись успеха, решил создать видимость почетного отступления и приказал своим военачальникам объявить во-всеуслышание на публичной аудиенции, будто патаны уже подчинены ¹⁴⁰. Позднейшие историки Индии отмечают тяжелые последствия этой войны для тогда еще могущественной, но уже клонившейся к упадку державы Великих Моголов, указывая,

¹³⁶ Ibid., pp. 240, 241.

¹³⁷ Ibid., p. 241.

¹³⁸ Ibid., p. 238.

¹³⁹ См. Manucci, *Storia do Mogor*, II, pp. 205, 220, 221.

¹⁴⁰ Ibid., p. 221.

что финансы могольского государства были подорваны и что враждебные отношения с афганцами сказались на ходе дальнейших военных событий в Индии, ибо Аурангзеб не имел более возможности использовать афганских воинов в борьбе против раджпутов и маратхов¹⁴¹. Джадунатх Саркар, глубоко изучивший историю Индии в годы правления Аурангзеба, считал очевидным, что этот падишах успеха против афганцев не добился¹⁴².

Интересные известия о восстании 1672—1675 гг., показывающие, как события войны Аурангзеба с афганцами воспринимались современниками в соседней Средней Азии, имеются в дипломатических документах Посольского приказа московских царей. В этих известиях характеризуется размах восстания и отмечается неуспех попыток Аурангзеба подавить его силою оружия. Сведения исходят от русского посланника Василия Даудова, побывавшего в Хиве и в Бухаре.

В своей «Отписке» из Бухары от 20 марта 1676 г. в Посольский приказ Василий Даудов, рассказывая о пребывании в Хиве и в Бухаре, передавал вести о событиях, происходивших в Хиве, Балхе и в Индии, сообщая о восстании афганцев следующее: «...А в Ындейской, государь, земле заметня великия, авганы индейскому шаху изменили и воюют на него индейского шаха, а те авганы живут в горах, а будет их авганской силы с 300 000»¹⁴³. В конце весны — начале лета 1677 г. в «Отписке», посланной Василием Даудовым при возвращении из Хивы (из Яицкого городка) царю Федору Алексеевичу, содержались известия о политической обстановке в среднеазиатских государствах и в Индии. Излагая сведения о последних событиях в Индии, Василий Даудов писал:

«А в Ындейской, государь, земле великая война и междоусобство, а воюют на индейского шаха авганы, а служили они, авганы, ему ж, индейскому шаху, а живут те авганы в горах и крепких местах, и индейской шах посылал на них, авганов, царевичей своих и бояр со многими войски, и им авганом ничего не учинили...»¹⁴⁴.

Эти, во многих отношениях примечательные, сведения, сохранившиеся в русских источниках, свидетельствуют, в частности, о том, что даже в отдаленных от афганских земель странах знали о происходивших в 70-х годах XVII в. на се-

¹⁴¹ См. Синха Банерджи, *История Индии*, стр. 252. Войско Великих Моголов, как считают историки, исследовавшие военную систему их государства, состояло на $\frac{1}{3}$ из афганцев (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 64).

¹⁴² См. Sarkar, *History of Aurangzib*, p. 242.

¹⁴³ МИУТТ, 227. Сообщая о восстании патанов против Аурангзеба, Мануччи (*Storia do Mogor*, II, 194) указывает то же число восставших патанов — 300 тыс. человек.

¹⁴⁴ МИУТТ, 339.

верных границах государства Великих Моголов событиях и придавали им большое значение.

Хотя в результате борьбы, возглавлявшейся рошани в XVI — начале XVII в., и восстания 70-х годов XVII в. афганцам и не удалось полностью освободить свои земли от власти Моголов, эти события сыграли большую роль в укреплении патриотического самосознания афганского народа и в создании предпосылок объединения афганских племен в одном государстве.

Военные действия афганских племен против могольских властей продолжались и в 80-х годах XVII в., но они уже не имели прежнего размаха.

Видную роль в политических событиях, происходивших в афганских районах в последней четверти XVII в., сыграл могольский сановник Амир-хан (ум. в 1698 г.), назначенный Аурангзебом в 1677 г. на пост наместника в Кабуле. Амир-хан действовал хитростью и подкупом, ссорил между собой афганских вождей, разжигал противоречия между племенами. Такими методами Амир-хану удалось способствовать расколу союза афганских племен, сложившегося под руководством Аймаль-хана и Хушхаль-хана.

Некоторые афганские феодалы вновь стали вассалами Моголов. В их числе были и сыновья Хушхаль-хана. Один из них, Ашраф, остался вождем племени хаттаков, когда Хушхаль-хан был вынужден отказаться от этого поста, открыто выступив против могольских властей. После этого Хушхаль-хан ушел в горы, руководил сражениями против могольских войск, принимал личное участие во многих мелких стычках, переезжал из земель одних афганских племен в земли других, поднимая их на борьбу и призывая к единству. Этот героический период жизни великого поэта омрачили разногласия и ссоры с собственными сыновьями. Среди изменивших своему народу и своему отцу и перешедших на сторону Моголов был Бахрам, поступивший на службу в могольское войско.

От борьбы отходили видные афганские вожди (такие, как Дария-хан африди) и одно за другим афганские племена, но Хушхаль-хан остался непреклонным до конца своих дней. Дольше многих других афганских племен держались афридии. Пока был жив Аймаль-хан, могольским властям не удавалось добиться примирения с ними, но после смерти этого выдающегося вождя дипломатия и деньги кабульского наместника Амир-хана оказались сильнее влияния сторонников продолжения борьбы среди афридиев, и могольские власти сумели склонить афридиев к мирному соглашению¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Sarkar, *History of Aurangzib*, p. 245.

Хушхаль-хану становилось все труднее, но он не сложил оружия. За время своей многолетней борьбы против могущественных чужеземцев поэт-воин предпринимал многочисленные поездки в земли различных афганских племен, стараясь привлечь их к совместным действиям. Он побывал и у юсуфзаев, которых разделяла с хаттаками длительная вражда. Хушхаль-хан призывал юсуфзайских вождей забыть прежние распри, но юсуфзайские вожди не пошли ему навстречу. С горечью и гневом поэт писал об этом:

...Я кричал юсуфзаям: «К оружию! К оружию!» —
пока не устал,
Но они, глухие ко всему, так и не ответили мне:
«Умрем в бою!» или «Пойдем за тобой!»
Афганцы смогли бы победить моголов в бою,
Если б только племена поддерживали друг друга,
А вожди племен забыли о своих распрях¹⁴⁶.

Хушхаль-хан умер в 1689 г. Поэт желал, чтобы его похоронили в уединенном месте, где его покой не нарушало бы цоканье копыт могольской конницы. Его могила находится около небольшого поселения Верхнее Сураи, в тихом уголке, расположенном, однако, неподалеку от пути из Индии в Кабул через Пешаварскую долину. Он похоронен на склонах гор, откуда открываются широкие дали. За этими склонами раскинулись хаттакские земли, через реку Ландаи открывается отдаленная панорама равнинной области юсуфзаев, а над нею высятся снежные вершины, увенчивающие горы Бунера и Свата.

На его могиле лежит простая мраморная плита с такой надписью:

Ради чести афганцев
я обнажал меч,
Я, Хушхаль Хаттак,
олицетворение чести этого
времени¹⁴⁷.

Еще при жизни Хушхаль-хана его сын Ашраф, стоявший во главе Хаттакского княжества, был схвачен в 1683 г. моголами и окончил свои дни вдали от родины, в Биджапуре, где провел десять лет пленником. Князем хаттаков стал Афзаль, сын Ашрафа.

Афзаль поддерживал могольского царевича Шах Алама, который вступил на делийский престол под именем Бахадуршаха. Когда в 1707 г. Аурангзеб умер, известие о его смерти

¹⁴⁶ Перевод В. А. Лившица (Лившиц, *Поэт-воин*, стр. 249).

¹⁴⁷ Caroe, *The Pathans*, 1 p. 246. الفت، دوه لوى شاعران کل پاچه

застало Афзала в Аттоке, где он находился с Шах Аламом. Этот могольский правитель поручил Афзалю охрану Пешаварской дороги. Уже в последние годы правления Аурангзеба на районы Кохата, Банну и т. д., не говоря уже о горных афганских землях, власть Моголов фактически не распространялась.

Хушхаль-хан Хаттак и афганская литература XVI—XVII вв.

XVI—XVII века были временем расцвета афганской поэзии. В конце этого периода жил и творил Хушхаль-хан Хаттак, получивший общенародное признание как крупнейший поэт и «отец афганской литературы». Однако не только он один, но и многие его предшественники, а также старшие и младшие современники создавали прекрасные произведения, которые до наших дней любят и чтут афганцы.

Творчество разных по своему характеру, идейной и социальной направленности мастеров слова создало эпоху подъема самобытной афганской поэзии. Истоки ее — в сокровищнице устного народного творчества ¹⁴⁸.

В XVI—XVII вв. не только поэзия (на пушту и фарси), но и многие другие жанры афганской письменной литературы достигли значительного развития. В это время повышается роль языка пушту и в прозе — на нем создаются исторические сочинения, богословско-полемические и другие трактаты ¹⁴⁹. В этот период возросла и общественная значимость письменной литературы в связи с тем, что литература служила оружием в идеологической борьбе сторонников секты рошани с ревнителями ортодоксального ислама ¹⁵⁰.

¹⁴⁸ О фольклоре афганцев, развитие которого интенсивно продолжалось и в новое время, см. Асланов, *Афганский фольклор*; Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 10—25.

¹⁴⁹ Сведения о письменности на языке пушту до XVI в. отрывочны и противоречивы, датировка немногих до сих пор опубликованных ранних образцов не может еще считаться прочно установленной (см. Morgenstierne, *Afghan*, p. 220; Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 30). Одним из наиболее ранних памятников письменности на языке пушту обычно признается «Кадастровая книга Шейха Мали» — сочинение о разделе земель Свата Шейхом Мали между ветвями племени юсуфзаев. Списков этой книги нет в собраниях рукописей, о которых можно судить по опубликованному каталогу. Сам факт существования этого сочинения сомнений не вызывает, но датировка его началом XV в. или (с претензией на точность) 1417 г., принятая, со ссылкой на Раверти, в специальной литературе (см., например, Morgenstierne, *Afghan*, p. 220), не верна и основана на явном недоразумении. Сочинение Шейха Мали могло быть составлено не ранее зафиксированных в нем событий, а завоевание юсуфзаями Свата и раздел земель произошли в начале XVI в. (ср. также главу XI первого тома).

¹⁵⁰ Ср. Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 31.

Сам Баязид Ансари написал автобиографическое сочинение, в котором пропагандировал свое учение, и много трактатов, посвященных принципам и догматам секты рошани¹⁵¹. Из таких трактатов наиболее известным был «Хайр ал-Байан» («Преблагая весть»), поскольку именно на это сочинение более всего нападали в полемике с Баязидом Ансари такие его противники, как Ахунд Дарвеза Нинграхари.

В течение долгого времени списки «Хайр ал-Байана» считались утраченными. Перед второй мировой войной была обнаружена одна рукопись этого сочинения, но затем потеряна и только совсем недавно в Университетской библиотеке Тюбингена (ФРГ) был найден еще один список, который сейчас изучается¹⁵². Судя по опубликованным отрывкам, это сочинение Баязида Ансари написано рифмованной прозой на пушту, но со вставками на арабском, фарси и хинди.

Из других богословских трактатов Баязида Ансари сохранилось два: «Максуд ал-Му'минин» (на арабском языке) и «Сират ат-тавхид» (на арабском и персидском языках)¹⁵³.

Очень большое значение как источник по истории рошани имеет автобиографическое сочинение Баязида Ансари (на персидском языке), сохранившееся в переработке более позднего рошанийского автора Али Мухаммеда ибн Абу Бекра Кандахари (по прозвищу «Мухлис»), дополнившего его историей секты рошани после смерти Баязида¹⁵⁴.

Баязид Ансари был талантливым писателем и внес большой вклад в историю культуры афганского народа. В рошанитской литературе отмечалось, что Баязид Ансари первым ввел в поэзию на языке пушту касыды, газели и месневи (что, возможно, не соответствует действительности)¹⁵⁵. Он стремился к более широкому распространению среди афганцев письменности, а также, будучи одаренным музыкантом, содействовал развитию афганской музыки¹⁵⁶.

Литературная деятельность Баязида Ансари и его учеников и последователей — поэтов рошанитского направления —

¹⁵¹ См. Shafi, *Bayazid Ansari*.

¹⁵² Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 33. Статья Д. Н. Маккензи, основанная, по-видимому, на исследовании этого списка, осталась нам недоступной (Mackenzie, *The Hayr ul-bayan*, — *Indo-Iranica*, Wiesbaden, 1964).

¹⁵³ См. Shafi, *Bayazid Ansari*. «Максуд ал-Му'минин» сохранилось в двух списках и пока не опубликовано; «Сират ат-тавхид» издано в Пешаваре в 1952 г.

¹⁵⁴ Shafi, *Bayazid Ansari*, pp. 1123—1124. К сожалению, это сочинение, рукопись которого хранится в Алигархе, в Индии, пока не опубликовано и не использовано советскими исследователями.

¹⁵⁵ Shafi, *Bayazid Ansari*, p. 1124; обычно введение в поэзию на пушту этих жанров приписывается Мирза-хану Ансари, рошанитскому поэту, внуку Баязида Ансари.

¹⁵⁶ Ibid.

оказала большое влияние на дальнейшее развитие афганской литературы и внесла в нее народную, демократическую струю.

Выдающимся поэтом был мулла Арзани, ученик Баязида Ансари и один из руководителей движения рошани, излагавший учение основателя секты в стихотворной форме. В XVII в. широкую известность как поэт приобрел Мирза-хан Ансари (внук Баязида), стихи его ценятся в Афганистане и в наше время.

По-видимому, влияние стилистических приемов Баязида Ансари сказалось даже на творчестве таких противников его учения, как Ахунд Дарвеза и его братья и сыновья¹⁵⁷.

Хушхаль-хан в отношении к рошани стоял на позициях светских феодалов. Он был, как уже отмечалось, противником этой секты, враждебно относился к афганским племенам (бангаш), выступавшим приверженцами рошани, а также к поэтам-рошанийцам — Арзани и др.¹⁵⁸ Хушхаль-хан был готов мечом искоренять «еретиков» и неоднократно подчеркивал, что он — правоверный суннит ханифитского толка¹⁵⁹. Однако в отличие от Ахунда Дарвезы Хушхаль-хан был большим поэтом и, когда речь шла о поэзии, в своих суждениях и оценках мог становиться выше узкоклассовых и конфессиональных рамок. О поэзии Мирзы-хана Ансари и Ахунда Дарвезы он писал: «Искусству поэзии пушту не учился я ни у кого. Мирзы, который писал дивные стихи, давно уже нет на свете. «Махзан» Дарвезы прочитал я от начала до конца, но не нашел я в нем ни аруза, ни прелести»¹⁶⁰.

Будучи человеком гораздо более широкого кругозора, чем Ахунд Дарвеза, Хушхаль-хан не удовлетворялся узкой ортодоксальностью и фанатизмом этого вероучителя и его последователей и во всяком случае относился к их ограниченности с иронией¹⁶¹. Наиболее существенным различием между Хушхаль-ханом, Хаттаком и Ахундом Дарвезой было отношение к могольским властям и к борьбе афганцев за независимость. Ахунд Дарвеза не выступал против Моголов, а Хушхаль-хан во второй половине своей жизни был одним из вождей освободительной войны.

В творчестве Хушхаль-хана встречаются мотивы, показывающие, что он не хотел, чтобы его считали человеком только книжной учености. Говоря о своем детстве, Хушхаль-хан подчеркивал, что, когда он был мальчиком, на один час, проведенный им в школе, приходилось двадцать часов, проведенных

¹⁵⁷ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 127—129.

¹⁵⁸ Там же, стр. 129—131.

¹⁵⁹ См. Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 39.

¹⁶⁰ Caroe, *The Pathans*, pp. 230, 449.

¹⁶¹ Morgenstierne, *Khushhal Khan*, p. 57.

на охоте¹⁶². Судя по его сочинениям, он был разносторонне образованным человеком и обладал глубокими познаниями в науках и искусствах своего времени. Круг его познаний характеризуется рассмотренными в его сочинении «Дастар-наме» двадцатью областями наук, искусств и практических знаний. В программу образования и воспитания, на которую он сам ссылается, входили: письмо и каллиграфия; поэзия; стрельба из лука; плавание; верховая езда и охота; правила семейной жизни и воспитания детей; обучение слуг; домоводство; сельское хозяйство; торговля и ремесла; знание генеалогий; музыка; шахматы; рисование и др.¹⁶³. Несомненно, что многими своими познаниями, а также широтой кругозора Хушхаль-хан был обязан своему богатому жизненному опыту, путешествиям и походам, знакомству с Индией и ее культурой, стоявшей на высоком уровне при Великих Моголах.

Несмотря на жизнь, полную тревог и превратностей, Хушхаль-хан Хаттак был очень плодовитым автором: его перу принадлежит множество произведений на пушту и фарси. Вероятно, что цифра 350 сочинений (стихотворных и прозаических трактатов, руководств, поэм и т. д., не считая стихотворений, вошедших в «Диван»), приписывавшихся Хушхаль-хану его потомками, преувеличена. Однако известно, что он оставил руководства по государственному управлению и военному делу, по медицине, гаданиям и соколиной охоте. Он написал трактаты о постройке домов, воспитании детей, теологии и этике¹⁶⁴. Среди трактатов Хушхаль-хана были и переводные; так, он перевел с арабского языка «Хидая» (сочинение по фикху)¹⁶⁵. Он оставил автобиографию (от которой сохранились только фрагменты), описание своей поездки в долину Свата и многие другие произведения, до нас не дошедшие¹⁶⁶.

Хушхаль-хан был прежде всего поэтом и борцом, сражавшимся за свободу афганцев и мечом и пером. Он откликался стихами почти на все явления общественной и личной жизни. «Диапазон его тематики очень широкий: тут и обычные темы поэта — лирика, и наставления по вынашиванию ловчей птицы, тут и медицинский рецепт, и призыв к борьбе, и все это в стихах»¹⁶⁷.

Непреходящую славу Хушхаль-хану принес его диван, распространенный в рукописях и неоднократно издававшийся:

¹⁶² Ibid., p. 52.

¹⁶³ Majrouh, *Etude du Destar-nama*, p. 243; ср. Morgenstierne, *Khushhal Khan*, pp. 52, 53.

¹⁶⁴ Morgenstierne, *Khushhal Khan*, p. 53; Majrouh, *Etude du Destar-nama*, p. 242.

¹⁶⁵ Gul-Pača Ulfat, *Notes*, p. 439; Majrouh, *Etude du Destar-nama*, p. 242.

¹⁶⁶ Morgenstierne, *Khushhal Khan*, p. 53.

¹⁶⁷ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 129.

Норвежский востоковед Г. Моргенштерне, большой знаток языка пушту, отметив в своей статье о Хушхаль-хане, что в произведениях, включенных в диван, отразилось все разнообразие тематики, занимавшей поэта, особо подчеркнул, что во всех этих произведениях ярко сказывается индивидуальность поэта, который был человеком, полным жизненных сил, большого мужества и больших чувств. Поэт писал о том, что он видел и испытал сам, о своих повседневных наблюдениях, радостях и печалях. Личность Хушхаль-хана прежде всего захватывает читателя и делает его диван «человеческим документом, близким к жизни»¹⁶⁸.

Исходя из материала, содержащегося в произведениях Хушхаль-хана, Г. Моргенштерне попытался дать его характеристику как человека и художника, определить его склонности и интересы, установить, что он ценил и любил и что презирал и ненавидел. В произведениях Хушхаль-хана обращает на себя внимание высокоразвитое чувство собственного достоинства и гордости тем, что автор — афганец; активность характера поэта, выразившаяся в постоянно звучащих в его творчестве призывах к действию; искренность чувств, любовь к родным местам и к природе¹⁶⁹. Крохоборство, скупость и мелочная расчетливость были теми качествами, которые Хушхаль-хан более всего ненавидел¹⁷⁰. Видя в Хушхаль-хане поэта земного, привязанного к житейским радостям, Г. Моргенштерне ссылается на то, что в его произведениях, как правило, воспевались реальная любовь и настоящее вино (а не их мистические символы, как то было обычно для суфийских персидских и афганских поэтов).

Вместе с тем Хушхаль-хан готов был пожертвовать всеми земными благами, чтобы освободиться от тягостной зависимости от Великих Моголов. Он неоднократно писал о счастье, которое принесли ему разрыв с Моголами и избрание пути борьбы за независимость своего народа. Подчеркивая отречение от могольской придворной роскоши, он заявлял, что афганец довольствуется плащом и соломенной подстилкой¹⁷¹.

Хушхаль-хан был прежде всего поэтом-воином и политическим деятелем, выражавшим в своей поэзии мысль о том, что афганцы, несмотря на различия между племенами, представляют собой единый народ¹⁷². Хушхаль-хан, в течение многих лет не сходящий с седла и не выпускавший из рук меч, сражался против Моголов и в преклонном возрасте. Но он не

¹⁶⁸ Morgenstierne, *Khushhal Khan*, pp. 53, 54.

¹⁶⁹ Ibid., pp. 54—57.

¹⁷⁰ Ibid., p. 55.

¹⁷¹ Morgenstierne, *Khushhal Khan*, p. 58.

¹⁷² Лившиц, *Поэт-воин*, стр. 250.

терял бодрости и физических сил и мог с полным правом сказать о себе:

Десять лет я уже сочетал с полувеком —
Тем я крепче обязан держаться в седле.
В джигитовке могу состязаться с узбеком —
Не могу побежденным я жить на земле! ¹⁷³

Хушхаль-хан был опытным воином и хорошо знал военное искусство своего времени. Среди его поэтических высказываний на боевые темы есть и такое, справедливое для всех времен:

Есть много хитростей войны — в одном бессильна ложь:
Не победишь, коль головой своей ты не рискнешь ¹⁷⁴.

Характерными чертами поэтического мастерства Хушхаль-хана признаются сила и простота языка, точность и определенность метафор, умение видеть природу, острота ее восприятия, четкость образов и свежесть изобразительных средств ¹⁷⁵.

Поэт, воин и мыслитель, Хушхаль-хан во многих стихотворениях обращался к теме о призвании поэта, о назначении поэзии. Эти вопросы глубоко волновали Хушхаль-хана.

Одно из его произведений — философская касыда «Поэт и поэзия» — полностью посвящено этой теме. В первой его части Хушхаль-хан говорит о тяжелой доле поэта и подвергает суровому суду саму поэзию (прежде всего — придворную), предъявляя ей обвинение за обвинением, по пунктам, как в полемическом трактате.

О неприятностях и тяготах, выпадающих на долю поэта на его жизненном и творческом пути, Хушхаль-хан пишет с оттенком иронии, то более едкой, то переходящей в беззлобную шутливость. Многое из сказанного о поэтах в этой касыде может относиться и к самому Хушхаль-хану — об этом он пишет сам, ибо он в ответе за всю поэзию ¹⁷⁶:

Стихам истечь —
равно воде истечь...
Но бог вложил мне в глотку эту речь,
Внезапную,
как пламя в стоге сена,—
И позабыл меня предостеречь.

¹⁷³ Перевод А. Адалис.

¹⁷⁴ Перевод А. Адалис.

¹⁷⁵ Асланов, *Народное движение рошани*, стр. 129; Morgenstierne, *Khushhal Khan*, р. 58; Лившиц, *Поэт-воин*, стр. 250.

¹⁷⁶ Отрывки из произведения «Поэт и поэзия» цитируются по переводу Марианны Фофановой, близкому к подлиннику и удачно передающему многие образы Хушхаль-хана. Перевод этот впервые опубликован в альманахе Союза писателей Таджикистана — «Литературный Таджикистан», кн. 12 (1957), стр. 252—257.

.
 Что делать мне?
 Про все писать стихами?
 Как будто горю нет иных причин...
 Ведь сказано недаром мудрецами:
 «Стихи мужчин —
 Как роды у мужчин».
 Нет ничего сквернее стихотворства,
 Что в этот мир поэзия дала?

В ответ на этот вопрос следуют одно за другим пять обвинений, приведенных в качестве мотивов для осуждения поэзии и с целью показать ее как источник всяческих бед для поэта:

Поэзия, по-первых, отделяет
 Стеной
 поэта сердце от людей,
 И, как в тисках, бедняга изнывает
 В плену своих томительных идей.
 Безумствует бедняга, во-вторых,
 Когда кому-то неугоден стих,
 Когда друзья читать не захотели
 Его касыды иль его газели.
 И вот — клянет обиженный поэт
 Весь божий мир и весь нечуткий свет.

В третьем обвинении развивается тема о непризнании творчества поэта читателями в связи с трудностью сказать в поэзии свое, новое.

В четвертом — осуждается искажение иными поэтами истины, осмеиваются изложенные в стихах нелепые небылицы и условные, шаблонные, далекие от правды поэтические сравнения.

О мучительных поисках верных и нужных поэту слов Хуш-халь-хан пишет так:

И мечется поэт как в лихорадке,
 Прилаживая нужные слова.
 Он ищет и ответы, и вопросы,
 Они ж гудят и жалят, словно осы,
 Пока от них не лопнет голова.

Результат совершенно не соответствует затраченным усилиям, и в конце концов поэт.

...Рождает две унылые строки,
 В которых нет ни листьев,
 ни основ,—
 А как он жаждал
 самых нужных слов!
 Таков удел безрадостный поэта...

Наконец, оказывается, что поэтом лучше совсем не быть, воистину стихи — «удел проклятых»:

Зачем же этот путь мне стал известным?
Куда чудесней было бы, друзья,
Коль не поэтом оказался б я,
А просто жил немым
и бессловесным!

И как вывод из всех обвинений в адрес поэзии Хушхаль-хан характеризует ее сравнением с праздным шутом, забавляющим царей. Поэзия, казалось бы, окончательно осуждена. Однако, как становится далее ясным читателю, это не так. Осуждено только продажное и ложное искусство, такое, как придворная поэзия. Кроме поэтов, продающих свое перо, к которым Хушхаль-хан относится с презрением, есть и настоящие поэты, «что чаще ходят в рубище одеты», существует подлинное искусство, истинная поэзия:

Ткани поэтической основа,
Из крепких нитей слитая в одно,
Ложится в точно взвешенное слово,—
Уже едино с прочими оно.
Все соразмерно —
форма и значенье,
Все неразрывно —
сущность и рефрен,
И в нем аруза плавное течение
Зерно стиха не заключает в плен.

Итак, поэзия полностью реабилитирована. Что же касается неприятностей и бед, подстерегающих поэта на каждом шагу, и трудностей его дела, то они не отрицаются и все сказанное выше относится и к истинным поэтам. Однако муки творчества приносят настоящему поэту огромное счастье, ибо для него поэзия —

...работа,
радость,
наказанье,
Она весь мир — и этим хороша!
И пусть она поэту будет мукой,
Нарывом, горло стиснувшим навек,
Но зерна правды —
я тому порукой —
В стихах откроет этот человек.

Хушхаль-хан заканчивает тем, что все сказанное о поэзии относится и к его собственному творчеству и подчеркивает самобытный, самостоятельный характер своей поэзии, не имев-

шей ничего общего с подражательностью многих других поэтов:

Пусть с грамотой мои неважны счеты,
Зато свободен я от грабежа,
И мне милей короткий час охоты,
Чем долгий день

сплошного долбежа.

Нет, я не ем чужих стихов окрошку,
Я поиск не сменяю на зубрежку,
Природный дар — поэзия моя.

Пусть я не верю, что любить умели
Красавицы до страшного суда,
Но я для них слагал свои газели,
А для царей и шахов — никогда.

В заключение Хушхаль-хан упоминает о своей сатире, которой клеймит он того, «кто сеет зло на свете», — могольского падишаха Аурангзеба.

Поэтические раздумья большого и оригинального мастера о месте поэта в жизни общества, о назначении поэтического искусства, о муках и радостях творчества интересны не только для изучающих средневековую афганскую поэзию. Мысли Хушхаль-хана порою очень современны — они нередко перекликаются с размышлениями о поэтическом труде у гораздо более поздних авторов (в частности, и европейских).

Значение творчества Хушхаль-хана в истории афганской литературы не ограничивается поэзией. Он создал первоклассное произведение в прозе «Дастар-наме». В этом произведении Хушхаль-хан Хаттак показал себя мастером слова и в жанре прозы, а также человеком больших познаний в науках своего времени¹⁷⁷.

Сочинение «Дастар-наме» было написано Хушхаль-ханом Хаттаком в 1665 г., когда он находился в тюрьме у Моголов (впервые издано в Пешаваре в 1952 г.)¹⁷⁸. Это небольшая по объему энциклопедия знаний — «княжеское зеркало», отражающее мировоззрение просвещенного феодала своего времени¹⁷⁹.

«Дастар-наме» состоит из двух частей, по двадцати разделов в каждой. В первой части говорится о различных областях наук, искусств и практических знаний, овладеть которыми необходимо при образовании и воспитании знатного юноши. Во второй части трактуются двадцать качеств, обладать которыми должен человек, достойный быть правителем¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Majrouh, *Etude du Destar-nama*.

¹⁷⁸ Асланов, *Хушхаль-хан Хаттак*.

¹⁷⁹ См. там же. Ср. «Кабус-наме» (XI в.) и другие памятники дидактической литературы этого жанра в персидско-таджикской литературе.

¹⁸⁰ См. Majrouh, *Etude du Destar-nama*, pp. 245—247.

Весьма интересна поэма «Баз-наме» («Книга о соколе»), написанная Хушхаль-ханом Хаттаком в 1674 г. за шесть дней (в перерыве между боями) ¹⁸¹.

Влияние Хушхаль-хана на афганскую литературу своего времени и последующих поколений очень велико. Среди сыновей и внуков Хушхаль-хана было также несколько поэтов. Один из его внуков, Афзаль-хан, в XVIII в. написал на пушту историческое сочинение «Тарих-и Мурасса» («Украшенная драгоценностями история»), текст которой сопровождается стихами автора на языках пушту и фарси.

Наряду с Хушхаль-ханом крупным афганским поэтом XVII в., снискавшим себе большую популярность и признание последующих поколений, был Абдуррахман (1632—1708), происходивший из племени момандов.

В социальной и политической истории афганского народа, а также в развитии его национальной культуры двухвековой период, основные события которого кратко очерчены в этой главе, имел очень большое значение.

В освободительных войнах против ига Великих Моголов и шахов Ирана развивалось патриотическое самосознание афганцев. При этом борьба за освобождение от власти чужеземных правителей переплеталась с классовой борьбой внутри афганского общества, достигшей наибольшей остроты и размаха в годы движения рошани. Бурная эпоха социальных потрясений и освободительных войн породила блестящий расцвет афганской литературы, представленной Баязидом Ансари и поэтами рошани, великим поэтом афганцев Хушхаль-ханом Хаттаком, а также Абдуррахманом и другими талантливыми мастерами слова.

Развитие феодальных отношений и изложенные в главе исторические события привели к росту элементов общности национальной культуры афганских племен и образованию социально-экономических и политических предпосылок для объединения этих племен в одно самостоятельное государство.

¹⁸¹ Издана в 1954 г. в Кабуле по списку XVIII в. (См. Асланов, *Баз-наме*); в 47 главах даются характеристики различных видов ловчей птицы (ястреб, сокол, кречет и т. д.), сообщаются сведения о вынашивании ловчей птицы, о правилах ухода за ней и т. д. В книге много точных наблюдений, ценных для орнитологов.

Глава II

ГИЛЬЗАЙСКОЕ И АБДАЛИЙСКОЕ КНЯЖЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ АФГАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Важнейшей внутренней предпосылкой создания афганского государства было развитие феодальных отношений у афганских племен. Почва для объединения их в одно государство была подготовлена длительной вооруженной борьбой за независимость против ига Великих Моголов и иранских шахов.

Внешнеполитическая обстановка в начале XVIII в. благоприятствовала образованию самостоятельного афганского государства. Иран находился в состоянии раздробленности и был вынужден отстаивать свое существование в войнах с могущественными противниками (в числе которых были и гильзайские феодалы).

Со стороны ослабевшей империи Великих Моголов опасности для независимости афганцев также более не существовало. После смерти Аурангзеба (1707) могольское государство стало распадаться. Делийские правители не располагали силами для сколько-нибудь активной политики на северо-западе, и афганские племена оказались по существу предоставленными самим себе. Могольские отряды не рисковали проникать в отдаленные от городов районы и часто терпели неудачи даже поблизости от своих баз. Так, в 1725 г. произошло восстание юсуфзаев, населявших равнинную часть Пешаварской области. Они успешно противостояли попыткам могольского правителя Пешавара подавить восстание и захватили в плен сына этого правителя¹.

Однако афганские племена областей, примыкавших к Инду, оставались раздробленными. В силу главным образом внутренних причин образование государства произошло не в восточных, а в западных областях расселения афганских племен, где к началу XVIII в. значительно усилились гильзай и абдали. Уже в «Латаиф ал-Ахбар», персидском сочинении о борьбе за Кандагар между Сефевидами и Великими Моголами в 1651/52—1652/53 гг., абдали характеризовались как круп-

¹ См. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 106.

ное или главное племя (кабила) из народа (каум) афганцев². В начале XVIII в. численность гильзаев, по имеющимся сведениям, составляла 50 тыс. семей, или 250 тыс. душ, а численность абдали определялась в 53 тыс. или даже в 60 тыс. семей³.

В конце XVII — начале XVIII в. обширное сефевидское государство быстро клонилось к экономическому и политическому упадку. Разорение мелкого крестьянского хозяйства, вызванное резким усилением феодальной эксплуатации и налогового бремени, подрывало экономическую основу земледелия. С 1698 по 1701 г. налоги с крестьян, ремесленников и купцов были увеличены в два-три раза. Шахское правительство увеличивало сборы, взимавшиеся с кочевников.

В стране суживался внутренний рынок, сокращалось товарное производство и торговля. Резко обострились классовые противоречия.

Недовольство, охватившее различные слои населения, нашло выход в волнениях и крупных восстаниях народных масс. Серьезные удары господству Сефевидов нанесли восстания покоренных народов и племен на окраинах их государства, где в ряде случаев гнет иранских феодалов принимал особенно жестокие формы в связи с религиозными противоречиями, обострявшимися по мере усиления влияния шиитского духовенства на политику шахского двора.

Завоевание независимости гильзаями в Кандагаре и абдали в Герате

Один из сильнейших ударов Сефевидам был нанесен гильзаями. Волнения среди гильзайских и других афганских племен происходили уже в первые годы царствования шаха Хусейна (1694—1722) и приобрели угрожающий для сефевидских властей характер в связи с недовольством, вызванным вымогательствами и притеснениями со стороны Абдуллы-хана (назначенного в 1698/99 г. беглербегом Кандагара) и особенно Гурген-хана, сменившего его в 1704 г.⁴

Гильзаи ответили восстанием, которое возглавил Мир Вайс, происходивший из шах-алам-хеля (ханский хель гильзаев). Гурген-хан считал, что влиятельный и богатый Мир Вайс особо опасен для сефевидских властей, не доверял ему и, по видимому, еще задолго до начала восстания пытался удалить его из Кандагара. После подавления в 1706 г. одного из вы-

² *Латаиф ал-Ахбар*, 20а (по ташкентской рукописи).

³ Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty*, pp. 85, 96.

⁴ Гурген-ханом афганцы называли грузинского царя Георгия XI, принявшего ислам и находившегося на службе у Сефевидов. До своего назначения в Кандагар, куда Гурген-хан направился с войском из Кермана в мае 1704 г., он был наместником Кермана.

ступлений гильзаев Гурген-хан арестовал Мир Вайса и отправил его в Исфахан ко двору шаха Хусейна. Гурген-хан сообщил, что высланный — очень опасный человек и его необходимо держать подальше от Кандагара⁵. По сообщениям источников в Исфахане Мир Вайс не только сумел отвести обвинение и избавиться от тюрьмы или казни, но и получить аудиенцию у шаха, рассеять подозрения и добиться благосклонности некоторых влиятельных сановников. Сообщают также, что Мир Вайс преуспел при дворе иранского шаха, выставляя себя преданным сторонником Сефевидов и жертвой наговоров со стороны Гурген-хана, на которого жаловался, обвиняя его в жестокости, несправедливом управлении и в нелояльности к шаху. Каковы бы ни были в действительности успехи Мир Вайса при шахском дворе, он не смог добиться замены Гурген-хана другим наместником, но получил для себя разрешение на отъезд в паломничество в Мекку. Совершив паломничество, Мир Вайс возвратился летом 1708 г. в Исфахан, после чего ему было позволено вернуться в Кандагар.

Будучи в Мекке, Мир Вайс беседовал с высшими улемами и получил от них тайно фетву (богословско-юридическое решение), оправдывающее восстание суннитов против власти шиитского государя, т. е. фактически благословение на вооруженную борьбу суннитского населения Кандагарской области против Сефевидов. Вернувшись в Кандагар, он рассказал гильзайским вождям об обстановке при дворе шаха Хусейна и слабости его режима, поведал им о своих беседах с мекканскими улемами и повел тайную подготовку к большому восстанию. Согласно афганским преданиям, Мир Вайс несколько раз собирал джиргу, причем в джирге, состоявшейся перед началом восстания, приняли участие не только предводители гильзаев, но и вожди некоторых других афганских племен (алькозаев, нурзаев, какаров, таринов, бабури, насыр), а также белуджей. Было принято решение убить Гурген-хана и захватить Кандагар.

В апреле 1709 г., воспользовавшись отсутствием в Кандагаре значительной части войска Гурген-хана, отправленной им в карательную экспедицию против какаров, Мир Вайс поднял восстание. Повстанцы напали на отряд Гурген-хана в Дех-и Шейх, одном из селений неподалеку (около 60 км) от

⁵ Мир Вайс, происходивший из ханского хеля и бывший вождем племени хотаки, пользовался большим влиянием среди гильзаев. Он занимал также пост калантара (купеческого старшины) города Кандагара, был весьма богатым купцом и обладал большим состоянием, нажитым в торговле с Индией.

Согласно другой версии, Мир Вайс по собственному почину отправился в Исфахан с жалобой на Гурген-хана (см. Арунова, *Гератское восстание*, стр. 155).

Кандагара⁶. Застигнутые врасплох воины Гурген-хана были перебиты, и сам он погиб.

Восставшие овладели Кандагаром. Возвратившийся из похода на какаров отряд убитого сефевидского наместника вступил в бой с гильзаями, но потерпел поражение, и только остаткам его удалось пробиться к Гиришку. В Кандагаре образовалось независимое гильзайское государство под управлением Мир Вайса.

Под его руководством гильзай отстаивали самостоятельность этого государства, успешно отразив сильное войско, посланное в ноябре 1709 г. на Кандагар из Исфахана. Им командовал Кай Хосров (Хосров Мирза), племянник Гурген-хана. Войско направилось через Герат, откуда только к ноябрю 1710 г. подошло к Фараху. Там Хосров Мирза оставался до лета 1711 г., когда предпринял наступление на Кандагар, с боями подошел к городу и осадил его. Взять Кандагар он не смог, так как город был сильно укреплен и его обороняли решительные и мужественные защитники.

В борьбе против сефевидских войск гильзай применяли партизанскую тактику, характерную для народных войн. Они нападали на коммуникации и опустошали местность, препятствуя доставке продовольствия и т. д. В этой борьбе принимали участие отряды белуджей, откликнувшихся на призыв Мир Вайса о помощи.

Осенью положение осаждавших настолько ухудшилось, что в конце октября Хосров Мирза вынужден был дать своему войску приказ об отступлении, превратившемся в катастрофу⁷.

Вскоре после этого разгрома Сефевиды окончательно отказались от попыток восстановить свою власть над Кандагаром. Мир Вайс правил Кандагарской областью еще несколько лет (ум. в 1715 г.) фактически в качестве независимого государя.

В его лице восставшие гильзай, которых поддерживали некоторые другие афганские племена и неафганское население Кандагарской области, нашли энергичного и предприимчивого, но в то же время осторожного и предусмотрительного вождя. В истории и в народных преданиях афганцев Мир Вайс оставил о себе память как борец за освобождение от гнета иноземцев. Похоронен он в окрестностях Кандагара, над его могилой сооружен мавзолей, сохранившийся до нашего времени.

В истории афганского народа значение восстания 1709 г. в Кандагаре и образования независимого государства Мир

⁶ Lokhart, *The fall of the Safavi dynasty*, p. 87.

⁷ Ibid., pp. 88—91.

Вайсом очень велико. Современные афганские ученые даже считают эти события началом новой истории Афганистана⁸. Во всяком случае эти события, а также возникновение независимого абдалийского ханства в Герате можно считать прологом к созданию большого афганского государства Ахмед-шахом в середине XVIII в.

Вслед за гильзаями добились независимости и абдали, поднявшие в 1716 г. восстание в Герате. Среди абдалийских племен Гератской области подготовка к свержению ига Сефевидов началась вскоре после получения известия об убийстве Гурген-хана. Вожди этих племен вызвали из Мультана находившихся там Абдуллу-хана Садозая и его сына Асадуллу, которые по дороге были схвачены персами, но сумели уйти из плена и благополучно добраться до Герата. Заподозрив прибывших знатных садозаев в причастности к подготовке антисефевидского выступления, тогдашний правитель Герата Аббас Кули-хан Шамлу арестовал их. Но Абдулле-хану и Асадулле вскоре удалось бежать из заключения; они возглавили восстание абдали и разбили войска сефевидского правителя Герата. Восставшие отразили в битве под Гурианом посланный против них большой отряд; затем абдалийские ополчения, возглавленные Асадуллой, одержали решительную победу над другим сефевидским отрядом в сражении при Кусувийе. К концу 1717 г. повстанцы, владея Гератом, взятым при активной помощи гератского населения, распространили свою власть и на районы Мургаба, Бадгиса, Кусувийе и Гуриана⁹.

В результате этих событий Герат стал центром самостоятельного владения абдалийских ханов из рода садозаев. Первым абдалийским правителем Герата был Абдулла-хан. В 1719 г. он успешно отразил последнюю военную экспедицию, посланную сефевидскими властями против абдали, но потерпел неудачу в войне с гильзаями. В ходе этой братоубийственной войны абдали овладели Фарахом, правителем которого был назначен Асадулла, но в решающей битве у Диларама (между Фарахом и Заминдаваром) были разгромлены. Асадулла пал в бою. Гильзайским войском руководил молодой и энергичный Махмуд (старший сын Мир Вайса), пришедший к власти в Кандагаре в 1717 г.

Афганские завоеватели в Иране

Обезопасив свои владения со стороны Герата, Махмуд после нескольких набегов на пограничные провинции Ирана организовал в конце 1721 г. большой поход на Исфахан. Главную

⁸ См. Арунова, *Исследование по истории афганцев*, стр. 135.

⁹ См. Арунова, *Гератское восстание*, стр. 155, 156.

роль в этом походе играли гильзайские племена, но в нем участвовали также воины других афганских и неафганских племен не только Кандагарской, но и соседних с нею областей¹⁰.

Афганское войско продвигалось быстро. К концу февраля 1722 г. оно подошло к Исфахану, а 8 марта в сражении, происшедшем у сефевидской столицы, афганцы наголову разбили многочисленное шахское войско, которым командовали враждовавшие между собой военачальники¹¹.

Затем афганцы осадили Исфахан. Осада продолжалась семь месяцев. В блокированном городе свирепствовал голод. 22 октября 1722 г. шах Хусейн полностью капитулировал, явился в лагерь Махмуда и передал ему корону.

Махмуд занял Исфахан и стал шахом Ирана. Афганские завоеватели покорили затем значительную часть Ирана, но власть их была непрочной. Они не имели опоры среди населения страны, относившегося к ним враждебно¹². Крестьяне и горожане Ирана поднимались на освободительную борьбу против афганских и турецких завоевателей (турецкие войска захватили северо-западную часть владений Сефевидов). По мере развертывания этой борьбы афганское войско, на силе которого держалась власть афганских шахов, начало терпеть серьезные неудачи¹³.

Враждебная Махмуду группировка гильзайской знати воспользовалась недовольством в афганском войске, вызванным крайне неуравновешенным характером этого правителя и его военными неудачами. В результате заговора Махмуд был в апреле 1725 г. убит и шахом стал его двоюродный брат Ашраф.

Кровавым террором Ашрафу удалось удержать власть над центральной частью Ирана¹⁴. Он сумел справиться и с большими внешнеполитическими трудностями: разбил вторгшееся

¹⁰ Миклухо-Маклай, *Из истории афганского завоевания в Иране*, стр. 140.

¹¹ В то время государство Сефевидов находилось в состоянии глубокого упадка. В результате хозяйственной разрухи, разложения государственного аппарата и военной системы шахское правительство оказалось не в состоянии принять сколько-нибудь действенных мер для подавления смут и восстаний, охвативших многие области Сефевидской державы. Оно не смогло организовать и отпора наступлению афганцев.

¹² Исключение составляли незначительные группы: некоторые суннитские кочевые племена, зороастрийское купечество (см. Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха Афшара*, стр. 55—57).

¹³ Описание и анализ освободительного движения персидского народа против афганских завоевателей см. в работах: Миклухо-Маклай, *Завоевание Ирана афганцами*; Миклухо-Маклай, *Из истории афганского завоевания в Иране*.

¹⁴ Миклухо-Маклай, *Из истории афганского завоевания в Иране*, стр. 154, 158.

в Иран турецкое войско и заключил соглашение с Турцией, а затем и с Россией¹⁵.

Однако, несмотря на некоторые военные и политические успехи, позиции Ашрафа как правителя завоеванной афганцами части Ирана становились все более шаткими. Сопротивление персидского народа усиливалось, а афганское войско Ашрафа слабело, поскольку приток подкреплений из Кандагара совершенно прекратился.

Правивший тогда в Кандагаре Хусейн выступал соперником Ашрафа и проводил политику укрепления своего княжества, отказываясь от участия в иранских делах. В конечном счете афганское завоевание в Иране, принесшее множество бед персидскому народу, ослабило и гильзаев Кандагара, отвлекая на чужбину значительные силы. Тысячи афганских воинов сложили головы вдали от родины в боях с повстанцами, с турками, а затем с войсками Надира Афшара, возглавившего борьбу за изгнание афганских и турецких завоевателей и ставшего впоследствии шахом Ирана.

Будущий иранский шах, происходивший из воинственного племени афшар, родился в Дерезе (в Хорасане) в 1688 г. В 20-х годах XVIII в. Надир (Надр Кули) выдвинулся как талантливый военачальник в ходе кровавых усобиц, происходивших тогда в Хорасане. В 1726 г. он с двухтысячным отрядом поступил на службу к шаху Тахмаспу, сыну Сефевиды Хусейна. Подчинив этого слабовольного шаха своему влиянию и действуя от его имени, Надир организовал дисциплинированное и боеспособное войско, в короткий срок привел к покорности большую часть Хорасана, Астерабад и Мазандаран и, объединив северо-восточный Иран, повел борьбу с афганцами, пользуясь поддержкой широких масс народа, видевших в нем избавителя от чужеземного ига.

Надир Афшар и афганцы

Перед тем как выступить на Исфахан против гильзайского шаха Ашрафа, Надир предпринял поход на Герат с целью подчинить его и обезопасить свое войско от угрозы возможного нападения абдали с тыла.

В Герате после смерти Асадуллы-хана и Абдуллы-хана в течение нескольких лет шла борьба за власть между абда-

¹⁵ Стремясь использовать распад сефевидского Ирана для овладения прикаспийскими областями и противодействовать турецкой экспансии в Закавказье и северо-западный Иран, Петр I занял Дербент (в 1722 г.) и Баку (в 1723 г.), обещал поддерживать шаха Тахмаспа против афганцев, за что Тахмасп соглашался уступить России западное и южное побережья Каспия. Русские войска были посланы в Энзели и в Решт.

лийскими вождями ¹⁶. Известия о подготовке Надира к походу побудили вождей абдалийских племен прекратить распри и принять энергичные меры для организации обороны. Абдали формировали отряды, в Герате возводились укрепления, собирався провиант и фураж ¹⁷.

Надир Афшар с отрядом в 10 тыс. воинов и артиллерией выступил из Мешхеда в мае 1729 г. Навстречу ему вышли из Герата абдалийские отряды под командованием Аллаяр-хана. В первом сражении в районе крепости Кафир-Кала войско Надира понесло крупные потери и сам он был ранен, во втором сражении он также не добился успеха, и лишь в третьей битве, продолжавшейся два дня, ему удалось разбить соединенные силы абдалийских отрядов Аллаяр-хана и подошедших к ним на помощь абдали из Фараха во главе с Зульфикар-ханом ¹⁸. Но все же окончательно подчинить абдали Надир Афшар тогда не смог и удовлетворился заключенным в июне 1729 г. миром. Согласно условиям договора, это племя должно было платить дань и освободить пленных; Аллаяр-хан в качестве правителя Герата и главы племени был признан эмиром, но остался править формально уже только как наместник. По просьбе афганцев Надир не вошел в город Герат со своими войсками и не оставил в Гератской области гарнизона ¹⁹.

Сравнительно незначительные (несмотря на одержанный им военный успех) политические результаты похода Надира на Герат в 1729 г. объясняются тем, что он, стремясь обеспечить себе тыл для предстоявшей борьбы с гильзаями и турками, не желал обострять отношения с абдалийскими племенами. Надир Афшар, вероятно, уже тогда рассчитывал использовать в своих целях противоречия между абдали и гильзаями. По-видимому, Надир Афшар вынужден был также учитывать соотношение сил и обстановку в Гератской области, местное неафганское население которой относилось враждебно к сефевидским властям.

Вскоре после гератского похода начались решающие столкновения войск Надира с гильзаями в Иране. Ашраф, не дожидаясь, пока Надир пойдет на Исфахан, сам отправился со своими отрядами в Хорасан, однако потерпел поражение в бою у реки Михмандост 30 сентября 1729 г. Затем Ашраф был еще несколько раз разбит, оставил Исфахан (умертвив пленного сефевидского шаха Хусейна), пытался спастись бегством после поражения, нанесенного ему Надиром в Фарсе, но в пути

¹⁶ Среди сменявших друг друга в эти годы абдалийских правителей Герата были: Земан-хан, Мухаммед-хан Афган, Зульфикар-хан (старший брат Ахмед-хана, будущего шаха Афганистана) и Аллаяр-хан.

¹⁷ Арунова, *Гератское восстание*, стр. 158.

¹⁸ См. там же, стр. 158, 159.

¹⁹ Там же, стр. 159.

был опознан и убит ханом одного из белуджских племен. В результате нескольких месяцев успешных действий Надир в начале 1730 г. изгнал афганских завоевателей из Ирана и стал фактическим правителем всей страны, оставив на престоле (по существу, в качестве подставной фигуры) шаха Тахмаспа.

В Гератской области вскоре после заключения мира с Набиром в 1729 г. начались народные волнения, вызванные непопулярными для разоренных жителей налогами. К новому восстанию стали готовиться и вожди абдалийских племен, которым обещал поддержку гильзайский правитель Кандагара Хусейн, опасавшийся нападения Надира Афшара на кандагарских гильзаев. Население Герата изгнало Аллаяр-хана, пытавшегося не допустить восстания против Надира. Пришедший к власти Зулфикар-хан объявил Герат независимым²⁰.

Получив известие о восстании в Герате, Надир в начале мая 1731 г. срочно выехал из западных районов государства (где он воевал с турками), подошел со своим войском к Герату и осадил его. Защитники города, в организации обороны которого принял участие Сейдал-хан Гильзай, прибывший из Кандагара с отрядом воинов, сражались с большим упорством. В июне 1731 г. Надир блокировал Герат, и положение осажденных значительно ухудшилось из-за недостатка продовольствия. Сейдал-хан, видимо, потерявший надежду на успех, ушел с гильзайским отрядом из города. Однако осажденные совершили ряд успешных вылазок, активную поддержку им оказало население многих соседних с Гератом районов (Исфизар, Оба, Бадгис), благодаря чему гератцам несколько раз удалось доставить в город довольно крупные партии продовольствия. В соседних с Гератом районах происходили крестьянские волнения, создавались отряды, выступавшие на помощь осажденным²¹.

Надир Афшар не смог взять Герат до тех пор, пока голод не вынудил защитников сдать город. В марте 1732 г., получив обещание Надира пощадить население и не разрушать Герат, защитники открыли для него ворота города. Надир лишил абдалийских ханов власти над Гератом, назначив его правителем Мухаммед-хана Мерви²². Тысячи семей гератских абдали были переселены в различные районы Хорасана²³. Ослабив абдалийские племена и подорвав влияние их ханов в Герат-

²⁰ Арунова, *Гератское восстание*, стр. 159, 160.

²¹ См. там же, стр. 161—163.

²² Там же, стр. 162. В дальнейшем Надир продолжал назначать правителей Герата преимущественно из хорасанской кочевой знати, служившей ему опорой. В 1733 г. правителем Герата был Насрулла-мирза, один из сыновей Надира, затем правителями города назначались Пир Мухаммед-хан, Баба-хан Курд, Мухаммед-хан Афшар (см. Арунова — Ашрафян, *Государство Надира-шаха Афшара*, стр. 111, 112, 116).

²³ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 315.

ской области, Надир вместе с тем привлекал абдалийских воинов на службу в свое войско и готовился использовать противоречия между абдали и гильзаями в намеченном походе на Кандагар.

Этот поход Надир Афшар начал через четыре года, будучи уже (с весны 1736 г.) шахом Ирана. После тщательной подготовки он выступил в ноябре 1736 г. из Исфахана на Кандагар через Керман и Систан. В состав его войска кроме регулярных частей мушкетеров и артиллерии входили ополчения из Хорасана и отряды курдов, пружин, бахтиаров и абдали²⁴. В начале февраля 1737 г. войска Надир-шаха, пройдя Систан, заняли Фарах и Диларам и подошли к Гиришку. Здесь наступление приостановилось, пока не было доставлено продовольствие и фураж из Хазараджата, так как прилегающие к Кандагару местности были опустошены его защитниками.

Продолжая затем наступление, Надир-шах успешно ликвидировал попытку гильзаев внезапной ночной атакой сорвать переправу его войска через реку Аргандаб. Узнав о движении гильзайских отрядов, он послал им навстречу находившийся у него на службе отряд абдалийской конницы под командованием Абдул Гани-хана Алькозая. Абдали застали гильзаев врасплох и в ночном бою разбили их²⁵. Путь на Кандагар оказался открытым, Надир-шах подвел свои главные силы к городу и начал его осаду (апрель 1737 г.). Кандагар, расположенный среди высоких и крутых скал и обнесенный мощною стеною с башнями, защищал сильный гарнизон, в городе имелись большие запасы продовольствия. В результате этого осада затянулась до марта 1738 г. В нескольких километрах к юго-востоку от Кандагара находилась ставка Надир-шаха, на месте которой по его приказу в течение нескольких месяцев был построен город, названный Надирабадом.

Трудности снабжения продовольствием в разоренной стране побудили Надир-шаха рассредоточить свои силы и оставить у стен осажденного города всего лишь несколько тысяч воинов. Остальные отряды иранского войска были посланы для покорения соседних с Гератом районов (были взяты Буст, Калати-Гильзаи, Заминдавар и др.).

В январе 1738 г. осаждавшим удалось захватить укрепления на господствующих над городом возвышенностях, после чего начался артиллерийский обстрел Кандагара с этих высот. Однако защитники продолжали упорное сопротивление. Конца осаде не было видно; согласно передававшимся современниками сведениям, заготовленных в городе запасов продовольст-

²⁴ Ганковский, *Из истории осады Кандагара*, стр. 27, 28.

²⁵ См. там же, стр. 28, 29.

вия, фуража и боеприпасов должно было хватить на несколько лет²⁶. Кандагар был взят неожиданно, при обстоятельствах, до сих пор полностью не выясненных. 23 марта 1738 г. башня Дада, один из важнейших пунктов обороны города, была захвачена отрядом бахтиаров, заставшим врасплох защитников этой башни. Вход в город оказался открытым для штурма составшими наготове войсками Надир-шаха, которые ворвались в Кандагар и после непродолжительного боя овладели им.

Внезапное падение такой чрезвычайно сильной крепости объяснялось некоторыми современниками, как результат предательства, о чем имеется несколько версий²⁷.

После взятия Кандагара Надир-шах отправил Хусейн-шаха с его семьей в Мазандаран и пожаловал ему там значительный джагир²⁸. Город был разграблен, многие его жители перебиты, а оставшихся в живых заставили переселиться в Надир-абад. Затем по повелению Надир-шаха Кандагар был полностью разрушен. На старом месте город впоследствии никогда уже не восстанавливался.

Так было сокрушено Гильзайское княжество, просуществовавшее 29 лет. В советской исторической литературе отмечены такие причины падения этого государства: военное превосходство Надир-шаха Афшара; взаимная вражда гильзаев и абдали; разобщенность гильзайских племен; предательство отдельных представителей феодальной верхушки гильзаев²⁹.

Внутренняя история основанного Мир Вайсом гильзайского государства мало исследована, что объясняется прежде всего недостатком источников.

²⁶ Там же, стр. 28, прим. 10.

²⁷ Согласно одной из них, переданной историком Мухаммедом Казимом, некий Дад-хан сообщил Надир-шаху о возможности прорваться в город, совершив нападение на башню Дада в пятницу, когда большая часть гарнизона этой башни уходит молиться в мечеть (Lockhart, *Nadir Shah*, p. 119). Согласно другой версии, сохранившейся в русских архивных документах, исследованных Ю. В. Ганковским, Кандагар был взят благодаря тайному сговору между Надир-шахом и Хусейн-шахом. Об этом сообщил в апреле 1738 г. русский представитель в Иране И. П. Калушкин, хорошо осведомленный в происходивших событиях. Он указывал, на основании информации, полученной им от участников осады, что в результате начатых 10 марта 1738 г. переговоров Хусейн-шах дал Надир-шаху подробные сведения о состоянии обороны города и согласился тайно помочь Надир-шаху овладеть Кандагаром. Открыто сдать город Хусейн-шах не решился, заявив, что «он явно на то поступить не может», так как защитники города не дадут ему этого сделать (Ганковский, *Из истории осады Кандагара*, стр. 31).

²⁸ Там же, стр. 32. Через два года Хусейн-шах умер, возможно, он был отравлен.

²⁹ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 266, 267, 270; Ганковский, *Из истории осады Кандагара*, стр. 29, 30, 33.

Сведения конца XVII — начала XVIII в. о социально-экономических отношениях у западных афганцев, относящиеся прежде всего к гильзаям — хотаки и тохи, а также к абдали, обобщены Н. Д. Миклухо-Маклаем. Он отметил наличие у афганцев еще крепких родовых отношений, о чем говорит племенной быт, простота нравов, сплоченность и воинственность, а также обращение с рабами, свидетельствующее о существовании у афганцев только патриархального рабства³⁰.

О наличии классовых отношений у афганцев, переплетавшихся с родовыми, можно судить по сообщениям источников о существовании с одной стороны богатой и сильной племенной верхушки, а с другой — о бедности и даже пауперизации некоторых членов племени³¹.

В гильзайском государстве, основанном Мир Вайсом, сохранялись формы земельной собственности и система налогового обложения райятов, существовавшие в государстве Сефевидов. Так, из документов кандагарского архива известно, что Надир-шах оставил 1000 кульба земли за крестьянами в Кандагарской области на тех же условиях, что и при сефевидских и гильзайских правителях: крестьяне продолжали пользоваться правом наследственного владения при условии уплаты поземельного налога³². Положение райятов при гильзайских правителях не улучшилось, во всяком случае скольконибудь значительно, по сравнению с временем господства Сефевидов. Есть сведения о том, что при гильзайских правителях таджики и хазарейцы, составлявшие значительную часть населения Кандагарского вилайета, продолжали платить налоги в тех же размерах, что и Сефевидам³³. Мир Вайс и его преемники пытались облагать налогами даже некоторые хели гильзаев, что вызвало открытое сопротивление³⁴.

Сокрушив Кандагарское государство гильзаев, Надир-шах принял суровые меры с целью окончательно подорвать военную и политическую силу этого племени в Кандагарской области, причем главные удары были направлены против хеля хотаки. Значительную часть гильзаев Надир переселил в район

³⁰ Миклухо-Маклай, *Завоевание Ирана афганцами*, стр. 108, 110. Сообщение Крусинского о том, что афганцы имели рабов и заставляли их делать черную работу, но тем не менее обращались с ними мягко и легко возвращали им свободу, Н. Д. Миклухо-Маклай привел как пример того, что в источниках подчеркивается мягкость афганцев в обращении с рабами и военнопленными, чему особенно поражались очевидцы.

³¹ Там же, стр. 109, 110. Н. Д. Миклухо-Маклай ссылается на интересное сообщение М. Клэрака, писавшего, что многие афганцы должны были уходить на заработки в город Кандагар, где на их долю выпадали самые тяжелые и черные работы.

³² Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 323, 324.

³³ Ганковский, *Из истории осады Кандагара*, стр. 33.

³⁴ Там же.

Нишапура, а оттуда и из других местностей Хорасана перевел в Кандагарскую область абдали, выселенных им прежде из Герата. Надир-шах отдал абдалийским племенам земли в районе Надирабада и к западу от Кандагара, принадлежавшие ранее гильзаям. При этом был произведен кадастр поливных земель около Кандагара. Эти земли были разделены на «двойные кульбы»³⁵. Затем Надир-шах предоставил участки обмеренных земель в качестве джагиров абдалийским племенам, которые обязаны были выставлять двух всадников с каждой «двойной кульбы». Всего абдалийские подразделения получили 3 тыс. «двойных кульб», за что выделили в войско Надир-шаха отряд в 6 тыс. всадников.

Характерной чертой пожалования «джагир-кульба» было то, что определенное число участков предоставлялось каждому родо-племенному подразделению в целом. Эта форма владения была неразрывно связана с родо-племенной организацией, сохранявшейся у абдалийских племен как и у других афганцев³⁶. Предоставленные абдалийским племенам в «джагир-кульба» поливные земли обрабатывались крестьянами (из таджиков, хазарейцев, белуджей, иногда из какаров и т. д.), наследственно владевшими землей и обязанными уплачивать поземельный налог и выполнять феодальные повинности. Формально абдалийские воины, владевшие наделами «джагир-кульба», получали право не на землю, а на взимание в свою пользу поземельного налога, причитавшегося с обрабатывавших землю крестьян³⁷.

Во многих городах Кандагарской области Надир-шах назначил правителями абдалийских ханов. На пост наместника в Надирабаде был назначен Абдул Гани-хан Алькозай, которому одновременно отдали на откуп сбор налогов с территории бывшего Кандагарского государства³⁸. Многие абдалийские

³⁵ Двойные кульбы — участки, каждый из которых могут обрабатывать за один сезон два человека с двумя упряжками быков. Мукаммед Хаятхан принимал кульбу (двойную) времен Надир-шаха равной 100 танапам земли, считая в танапе по 60 гязов, а в гузе 32—33 английских дюйма (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 321, прим. 1. Ср. размеры атлыков у туркмен: Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 110).

³⁶ Об отличии «джагир-кульба» от форм феодального землевладения (тиюль, джагир), распространенных в соседних с афганскими землями странах, см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 319. Высказанный этим автором тезис о развитии вассально-союзнического держания «млатар» в «джагир-кульба» нуждается в подтверждении историческим материалом (о «млатаре» см. стр. 134, прим. 92). На современном этапе наших знаний с полной определенностью можно говорить только о том, что Надир-шах использовал наличие у афганцев рода, организованного на военный лад (подобно тому как хивинские ханы использовали благодаря системе «атлыков» родо-племенную организацию у туркмен в XIX в.).

³⁷ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 318, 322, 323.

³⁸ Ганковский, *Из истории осады Кандагара*, стр. 93.

(в частности, баракзайские) ханы получили от Надир-шаха крупные земельные пожалования³⁹.

Проводя политику ослабления гильзаев, Надир-шах тем не менее не отказывался и от использования воинов этого племени в своей армии, включив в ее состав гильзайский отряд. Направляя главные удары против западных гильзайских племен, Надир-шах старался ослабить и восточных гильзаев, чем была, по-видимому, вызвана его благосклонность к враждовавшему с восточными гильзаями племени сафи⁴⁰. Земли восточных гильзаев, сафи и других афганских племен были подчинены Надир-шахом или (в значительной части) формально включены в состав его государства во время похода в Индию, предпринятого Надир-шахом главным образом с целью грабежа.

Поводом к началу похода послужило нежелание могольского государя Мухаммед-шаха выдать бежавших в пределы его владений гильзаев, врагов Надир-шаха.

Перед началом похода Надир-шах около двух месяцев готовил свои отряды в районе Кандагара. 21 мая 1738 г. он выступил оттуда на Газни, в середине июня овладел этим городом без боя, пошел на Кабул, осадил его и взял (30 июня), затем привел свое войско в Чарикар, подчинил окрестные племена и двинулся далее со своим войском через Гандамак в Джалалабад.

Путь через Хайбарское ущелье был прегражден сильным отрядом, посланным могольским правителем Пешавара. Но Надир-шах провел свое войско обходным путем, овладел Пешаваром, оттуда двинул войско к Аттоку, у которого в начале января 1739 г. переправился через Инд⁴¹.

В Индии Надир-шах в конце февраля 1739 г. разбил войско Мухаммед-шаха и 20 марта вступил в Дели, ознаменовав свое пребывание в нем прабежом и массовыми убийствами. Мухаммед-шах был оставлен на делийском престоле. 12 мая 1739 г. в Дели состоялся торжественный прием, на котором Надир-шах увенчал Мухаммед-шаха короной Индии. За это Мухаммед-шах «просил» Надир-шаха принять во владение территории могольского государства, расположенные западнее Инда, от Кашмира до впадения Инда в океан.

В фирмане Надир-шаха, составленном после взятия Дели, его территориальные приобретения характеризуются следующим образом: «Области по ту сторону реки Аттока (т. е. р. Инд), что включают в себя Пешавар, Кабул и Газни и об-

³⁹ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 320, 324.

⁴⁰ См. Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 620, 621.

⁴¹ Подробное описание похода Надир-шаха в Индию см. в предисловии П. И. Петрова в кн.: «Мухаммед Казим, *Поход Надир-шаха в Индию*, (пер. Петрова)», стр. 24—29.

ласть Синд и подчиненные местности со всеми горными жилищами афганцев и Хезареджат»⁴².

Захватив огромную добычу, Надир-шах 16 мая 1739 г. двинулся со своим войском из Дели в обратный путь⁴³.

Таким образом, после похода Надира в Индию не только почти вся территория современного Афганистана (за исключением некоторых горных районов Памира и Гиндукуша), но и населенные афганцами земли до реки Инд (находящиеся ныне в Пакистане) оказались в составе государства Надир-шаха Афшара. Годы владычества этого шаха, использовавшего освободительную борьбу персидского народа для своего возвышения, были очень тяжелыми не только для народов завоеванных им стран, в частности Афганистана, но и для иранского народа. Своих подданных Надир-шах рассматривал только как источник средств для содержания войска и организации новых завоевательных походов. Непрерывно увеличивался размер податей; налоговое бремя становилось все более непосильным для населения, разоренного хозяйственной разрухой и кровопролитными войнами. При взыскании податей шахские сборщики мучили и истязали тысячи людей: за неуплату увечили, выкалывали глаза или бросали в тюрьмы, продавали в рабство. Народ отвечал массовым бегством из селений и городов, отказом платить подати и выполнять повинности, наконец, убийствами сборщиков податей и вооруженными восстаниями.

Современники писали о запустении многих районов и областей в различных частях государства Надир-шаха в 40-х годах. Неоднократно сообщалось в источниках того времени и о запустении Кабула, Кандагарской области и местностей между Кандагаром и Гератом, а также других городов и районов Афганистана, жители которых покидали свои селения и разбегались.

Восстания афганцев и неафганских племен и народностей, живших на территории современного Афганистана, начались сразу же после завоевания ее Надир-шахом и не прекращались до конца его власти. В 1740 г. вспыхнуло восстание афганских племен, обитавших в районе Кабула. Надир-шах направил для его подавления одного из своих приближенных — Тахмасп-хана из племени джалаир, назначив его сардаром

⁴² Фирман этот, написанный в месяце зу-л-хиддже 1151 г. х. (12/III—9/IV 1739 г.), был адресован Надир-шахом Афшаром своему сыну Риза Кулихану, оставленному в Иране наместником (см. Арунова, *Фирман Надир-шаха*; Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха Афшара*, стр. 87—98).

⁴³ 2 декабря он прибыл в Кабул, откуда в начале января 1740 г. выступил в поход на Синд, подчинил его и в начале марта 1740 г. привел свое войско в район Кандагара, а в июне того же года прибыл в Герат, откуда через Балх направился в поход в Среднюю Азию.

Афганистана и северо-западной части могольских владений, отошедших под власть Надира после индийского похода ⁴⁴. В 1742 г. массовое восстание против власти шаха произошло в Балхе и Анджие ⁴⁵.

Успехи, сопутствовавшие Надир-шаху в его грабительских походах и войнах, приносивших богатую добычу, в 40-х годах сменились неудачами в военных действиях против Турции и попытках покорить Дагестан. Для организации новых походов Надир-шах значительно увеличил в 1743—1744 гг. налоговое обложение своих подданных. Резкое усиление налогового гнета вызвало новую волну народных восстаний, охвативших в 1744—1747 гг. почти все области государства Надир-шаха.

В Афганистане и в соседних с ним областях также произошли крупные восстания. В 1745 г. вновь восстало население Балха. В 1746 г. начались волнения гильзайских племен, кочевавших между Кандагаром и Кабулом; к гильзаям присоединился правитель Кабула Таги-хан, объявивший о своем неподчинении шаху. В Герате против шахских властей поднялось племя хазара, а затем к ним присоединились и горожане ⁴⁶. Гератское восстание, как и многие другие, было жестоко подавлено войсками Надир-шаха. Но проводившаяся им политика свирепого террора, массовых пыток и казней оказывалась тщетной. Восстания не прекращались.

В последние годы своей жизни Надир-шах лишился поддержки большей части феодалов и потерял симпатии многих своих бывших сторонников. Против него выступало шиитское духовенство, у которого были отняты вакфные земли, а также персидская служилая знать, недовольная его внутренней политикой, часть ханов кочевых племен (в их числе даже отдельные ханы племени афшаров). Надир-шах пытался в это время опереться на ханов узбекских и некоторых афганских (прежде всего абдалийских) племен, возглавлявших отряды, входившие в состав его войска. В целом же войско Надир-шаха становилось ненадежным, в нем также происходили волнения и все шире распространялось дезертирство ⁴⁷.

Афганское население в это время еще более усилило борьбу против Надир-шаха. Афганцы активно поддерживали крупное восстание, начавшееся летом 1746 г. в Систане. Надир-шах посылал против восставших один отряд за другим, однако подавить его так и не смог. Повстанцев поддерживали кочевывшие у Кандагара афганцы, а также население Кабула во главе с правителем Таги-ханом ⁴⁸. Посланный для руководства

⁴⁴ Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха Афшара*, стр. 109.

⁴⁵ Там же, стр. 223.

⁴⁶ Там же, стр. 179, 180.

⁴⁷ Там же, стр. 163 и сл.

⁴⁸ Там же, стр. 181.

подавлением сисланского восстания Али Кули-хан (племянник Надир-шаха) сам присоединился к восставшим после того, как получил шахский приказ внести в казну 100 тыс. туманов из собственных средств. Надо думать, что Али Кули-хан боялся лишиться не только своих денег, но и своих глаз или головы в наказание за неспособность взыскать налоги с восставших сисланцев и за поражения, понесенные в борьбе с ними.

Впадая в ярость от неудачных попыток задушить восстания и постоянно опасаясь заговоров, возникавших один за другим, Надир-шах Афшар в последние годы своей жизни вел себя как кровавый маньяк, болезненно недоверчивый и подозрительный. Он казнил без разбора обвиненных и заподозренных либо приказывал выкалывать им глаза, не считаясь ни с положением и чинами, ни со степенью виновности перед ним, действительной или мнимой. Он не щадил ни своих лучших военачальников, ни приближенных и родственников.

В апреле 1747 г. Али Кули-хан прибыл в Герат, куда съехались многие вожди хорасанских племен и обещали ему помощь⁴⁹. В своем донесении, отправленном в апреле этого года из Решта, русский посол князь М. М. Голицын сообщал: «...А о сисланцах от всех слышно, что оные усиливаются, чему верить можно, ибо шах в тех краях долго бы мешкатца не стал, ежели бы от тамошних народов опасности ему не было. Нескрито говорят и о войске шаховом, что из оного многие по причине, что жалованием пред прежним обижены и другими разными страхами отягчены и изнурены, беспрестанно бегают»⁵⁰.

Серьезная угроза власти Надир-шаха над Хорасаном содалась и в результате восстания курдских племен Хабушана, прежде бывших опорой этого правителя, но затем, после обложения их тяжелым налогом, выступивших с оружием в руках под руководством своих ханов, дезертировавших из шахского войска и примкнувших со своими отрядами к соплеменникам. Попытки подавить это восстание оказались безрезультатными, и Надир-шах лично выступил во главе большого войска в Хабушан.

Конец кровавой власти Надир-шаха был близок. С ее падением началась новая эпоха в истории Афганистана, эпоха объединения афганских племен в одно государство.

Конкретные условия, при которых возникло афганское государство, сложились в годы завоеваний и владычества Надир-шаха Афшара. На дальнейшем ходе событий сказалось усиление абдалийских племен за счет гильзаев.

⁴⁹ Там же, стр. 182.

⁵⁰ Цит. по кн.: Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха*, стр. 183.

Афганское государство возникло на развалинах державы Надир-шаха, распавшейся сразу после его смерти. Афганские племена оказались фактически независимыми, и их стремление к политической консолидации привело к созданию государственного объединения, возглавленного знатью абдалийских племен⁵¹.

События развивались следующим образом. В ночь с 19 на 20 июня 1747 г. Надир-шах Афшар был убит проникшими в его шатер заговорщиками. Это случилось в его военном лагере в Хабушане. В собранном там разноплеменном войске наступило смятение. Дисциплина, с трудом поддерживавшаяся грозным завоевателем, рухнула, и войско разделилось на враждующие между собой отряды. Афганские воины армии Надира оказались в опасном положении. Однако им удалось не только благополучно выйти из лагеря, но и захватить артиллерию Надира Афшара, а также часть его казны⁵². Своей удачей афганцы во многом были обязаны распорядительности и находчивости Ахмед-хана, сына Земан-хана из рода Садозаев.

Ахмед-хан был одним из абдалийских военачальников, служивших в войске Надира. Участвуя в походах такого недюжинного полководца, как Надир-шах Афшар, юный Ахмед-хан приобрел большой опыт и проявил способности военачальника.

В результате этих событий при возвращении афганских отрядов из Хорасана на родину их фактически возглавлял, по-видимому, уже Ахмед-хан, хотя в исторической литературе есть сведения о том, что общее руководство, как и раньше, находилось в руках Нур Мухаммед-хана⁵³. К осени 1747 г. испытанный в боях отряд, составивший впоследствии ядро войска нового афганского государства, прибыл к Кандагару.

В это время в районе Кандагара находились основные силы абдалийских племен. В октябре 1747 г. в Надирабаде

⁵¹ У историка начала XIX в. Абдул Керима Бухари (Абдул Керим Бухари, 8) встречается сообщение о том, что помыслы о политическом объединении афганцев возникли у абдали еще во времена Надир-шаха:

⁵² Во время событий в ставке Надир-шаха после его убийства Ахмед-хан захватил значительную часть шахских сокровищ, в том числе знаменитый бриллиант «Кох-и Нур» («Гора света»).

Бриллиант этот принадлежал Великому Моголам, в 1739 г. был захвачен Надир-шахом Афшаром, затем им владели шахи Афганистана, в 1809 г. он был отобран у бывшего шаха Шуджи правителем сикхского государства Пенджаба Ранджит Сингхом. При аннексии Пенджаба в 1849 г. англичанами бриллиант был захвачен Ост-Индской компанией, которая преподнесла его королеве Виктории. С тех пор «Кох-и Нур» хранится в сокровищнице королей Англии.

⁵³ Губар, *Ахмад-шах*, стр. 185.

(у Кандагара), в мазаре Шир-Сурх, собралась джирга для избрания шаха Афганистана. Она состояла главным образом из наиболее влиятельных абдалийских ханов. В числе участников этой джирги, чьи имена сохранила историческая традиция, были Хаджи Джемаль-хан Баракзай, Насрулла-хан Нурзай, Мухаббат-хан Попользай, Муса-хан Исхакзай, Нур Мухаммед-хан и другие⁵⁴. Присутствовал на ней и Ахмед-хан Садозай. Многие из абдалийских ханов выступали в качестве претендентов на шахский трон⁵⁵. Самым многочисленным и сильным племенем среди абдали были баракзаи. Хаджи Джемаль-хан, вождь баракзаев, обладал могуществом и влиянием. Но именно поэтому его притязания на шахский престол и вызывали особенно резкие возражения со стороны ханов других племен. Они опасались в его лице получить правителя, который не станет считаться с их интересами, и боялись еще большего усиления баракзаев. Восемь раз заседала джирга в Шир-Сурхе, но без всяких результатов.

Согласно афганской исторической традиции, когда джирга собралась в девятый раз, авторитетный суфий Сабир-шах предложил избрать Ахмед-хана. Его предложение поддержал Джемаль-хан Баракзай. Остальные участники джирги согласились. Ахмед-хан был избран шахом Афганистана, в ознаменование чего Сабир-шах украсил его чалму колосом пшеницы. Это, по-видимому, символизировало и избрание и коронацию. С тех пор и доныне изображение снопов пшеницы в форме венка неизменно украшает печать государей Афганистана и все официальные документы. В наши дни это изображение входит в афганский герб⁵⁶.

Есть основания полагать, что в избрании Ахмед-хана на царство большую роль сыграла поддержка мусульманского духовенства в лице Сабир-шаха. Имеются сведения о том, что Сабир-шах был близок к Ахмед-хану в прошлом, во время службы в войсках Надир-шаха Афшара⁵⁷. Индийский историк Джадунатх Саркар отмечает, что Сабир-шах считался видным суфием, и предполагает, что он был главой одного из влиятельных религиозных орденов⁵⁸.

Избрание на шахский престол Ахмед-хан был обязан не только своим личным качествам, популярности в войсках,

⁵⁴ *Сирадж ат-таварих*, 10.

⁵⁵ В числе активных претендентов в афганской исторической литературе указывается и Нур Мухаммед, в вопросе о происхождении которого мнения историков расходятся. Одни считают его гильзаем, другие полагают, что он происходил из абдалийского племени ализаев (см. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 36, 37).

⁵⁶ См. Мухаммед Али, *Афганистан*, стр. 91, разд. «Афганский герб».

⁵⁷ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 329.

⁵⁸ Там же.

захваченным сокровищам и т. п., но также и происхождению из знатного рода садозаев попользайского племени абдали. Род садозаев с давних пор был хан-хелём абдалийских племен, занимая особо привилегированное положение. Вместе с тем садозаи и возглавлявшееся ими племя попользаев были малочисленнее и в военном отношении слабее большинства племен, чьи вожди принимали участие в джирге в Шир-Сурхе. В афганской исторической литературе справедливо указывается на большое значение этого обстоятельства при избрании Ахмед-хана на царство, ибо именно поэтому его кандидатура оказалась приемлемой для глав могущественных абдалийских племен.

Как пишет афганский историк Султан Мухаммед-хан, абдалийские ханы изъявили согласие на избрание Ахмед-хана по той причине, что садозаи составляли «лишь немногочисленную горсть людей среди племен абдали. Ханы знали, что Ахмед-шаху во время царствования придется считаться с ними, а в случае, если бы он проявил упрямство, самоуправство и гордость, ниспровержение его власти не составило бы труда для племен абдали и они свергли бы его»⁵⁹.

Общая характеристика афганского государства

В государстве Ахмед-шаха абдалийские ханы прочно заняли первое место. Их привилегированное положение подчеркивалось произведенным Ахмед-шахом (или утвердившимся при нем) переименованием всех абдали в «дурани» (от слова «дурр» или «дур» — «жемчуг»). Ханы дуранийских племен получили важнейшие государственные, придворные и военные должности, закрепленные наследственно за их семьями. Должность везиря, который был вторым после шаха лицом в государстве, получили наследственно ханы рода Бамизаев племени попользаев⁶⁰. Из знати племени попользаев, к которым принадлежал и сам шахский род садозаев, назначалась большая часть высших чиновников.

Вместе с тем видную роль в государстве играли и многие ханы остальных племен дурани, в особенности баракзаев⁶¹.

Роль дуранийских ханов в политической жизни и привилегированное положение дуранийских племен, на которые они опирались, дали основание историкам именовать государство Ахмед-шаха и его преемников Дуранийской державой⁶².

⁵⁹ *Тарих-и султани*, 123.

⁶⁰ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, pp. 307, 308.

⁶¹ См. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 127, 128; Ганковский, *Независимое афганское государство*, стр. 173.

⁶² В европейской литературе название «Дуранийская монархия» укрепились со времен Эльфинстона. Такое наименование отражает одну из

Ахмед-шах уже в первый год своего правления присоединил к своим владениям многие области, населенные афганцами. Персидские гарнизоны, оставленные Надир-шахом Афшаром в Кабуле, Газни и Пешаваре, удалось путем переговоров склонить к сдаче этих городов афганскому шаху. Вслед за тем Ахмед-шах признали своим государем многие ханы афганских племен правобережья Инда⁶³. Эти ханы охотно признали верховную власть Ахмед-шаха, который, за редкими исключениями, не вмешивался во внутренние порядки управления афганских племен. Только с давних пор враждовавшие с абдами подразделения гильзаев Ахмед-шах подчинил силою оружия.

Создание афганского государства не было случайным результатом благоприятно сложившейся международной обстановки. Оно было вызвано глубокими внутренними процессами общественно-хозяйственного развития и явилось закономерным следствием роста феодальных отношений у афганцев и результатом обострения классового антагонизма между трудящимися и феодально-родовой знатью, между рядовыми людьми племен и аристократией. Афганская аристократия нуждалась в государстве с его органами насилия и принуждения как в орудии господства и над своими соплеменниками и над покоренными народами и племенами. По своему классовому характеру афганское государство было феодальным, но при этом на некоторых важных сторонах его устройства лежал явственный отпечаток родо-племенных отношений, сильно сказывались особенности общественного развития афганцев, сохранявших родо-племенную организацию и патриархально-родовые пережитки в быту.

Области афганских племен в значительной мере сохраняли внутреннюю самостоятельность и управлялись по своим обычаям. В большинстве своем афганские племена были освобождены от податей (или уплачивали подати весьма необременительные), за что должны были поставлять шаху воинов.

В административном отношении особое положение афганских племен в государстве выражалось в том, что они управлялись своими наследственными или выборными ханами и «джиргами». Это дало основание М. Эльфинстону в начале XIX в. выделять населенные афганскими племенами области

важных характерных черт этого государства, являясь одновременно названием по династически-родовому признаку. Следует, однако, учитывать, что ханы многих других афганских племен, а не только дуранийских, получили в государстве Ахмед-шаха доступ к высоким чиновным и военным должностям. В частности, в числе хакимов, назначенных управлять вилайетами (провинциями) государства, бывали ханы, происходившие из племен какаров, момандов, юсуфзаев и т. д. (См. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 77).

⁶³ См. *Сирадж ат-таварих*, 11.

из числа других, именуюя их «негубернаторскими провинциями». К ним он относил земли дзадзи (джаджи), сафи, тури, гильзаев, а также афганцев Бангашата, Дамана и племен Пушт-и Куха⁶⁴.

Система управления и военная организация

Крупнейшими административными единицами афганского государства были вилайеты (области или провинции). Под непосредственной властью шаха, осуществлявшейся через назначенных им правителей, находились в основном вилайеты, населенные неафганцами. Вилайеты делились на «махалы» (округа). Самые мелкие административно-налоговые единицы, в состав которых обычно входило несколько деревень, назывались в западной части владений афганских шахов «булюк», а в завоеванных областях Северной Индии — «паргана» или «туман». Правители вилайетов и крупных махалов, назначавшиеся шахом, именовались «хакимами», а в индийских провинциях — «субадарами». Широкими полномочиями обладали правители вилайетов, получившие титул «наиб алхукуме» («наместник»)⁶⁵. В другом положении находилась часть земель с неафганским населением, вошедшая в состав афганского государства в качестве вассальных ханств и эмиратов (Белуджистан, Синд, Хорасан и др.), правители которых, признав верховную власть шахов Афганистана, считались их «наместниками», но не смещались и не заменялись центральными властями. Эти вассальные правители сохраняли в своих владениях прежнюю административную систему. Взаимоотношения их с шахами Афганистана обычно регулировались особыми договорами.

Формально власть афганских шахов была неограниченной. Но фактически даже Ахмед-шах, располагавший возможностями действовать сравнительно независимо от знати афганских племен (благодаря успехам своей завоевательной политики, сильному войску и личному авторитету), вынужден был постоянно считаться с вождями афганских племен, запрашивая их мнение по важнейшим государственным вопросам. Наиболее влиятельные афганские сардары входили в состав совета (джирги), без одобрения которого Ахмед-шах не принимал серьезных решений. Вопрос о престолонаследии решался в основном верхушкой афганской знати⁶⁶.

⁶⁴ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*. p. 522. К «негубернаторским провинциям» Эльфинстон относил также и земли некоторых неафганских племен: хазарейцев, аймаков.

⁶⁵ Ганковский, *Независимое Афганское государство*, стр. 173, 174.

⁶⁶ Там же, стр. 168, 169

Вторым после шаха лицом в государстве был везирь. Являясь ближайшим помощником шаха в делах управления, везирь осуществлял контроль над всеми правительственными ведомствами и высшими чиновниками, отвечал за безопасность на дорогах и вообще за охрану внутренней безопасности и порядка, ведал подбором кандидатов на государственные посты, утверждавшихся затем в должности шахом⁶⁷.

Важнейшим ведомством в государстве был «высокий диван» («диван-и ала»), в его руках сосредоточивалось руководство финансами, сбором налогов и важными хозяйственными делами: земледелием, орошением и т. п. Оно распоряжалось также государственными землями и постройками, складами, деятельностью монетного двора и казначейства⁶⁸. Глава этого ведомства при Ахмед-шахе именовался «диван беги», а при его преемниках — «мустауфи»⁶⁹.

Оформлением государственных документов, шахских указов и грамот, а также дипломатической и прочей корреспонденции занималась шахская канцелярия («дар ал-инша» или «диван-и инша»). Во времена Ахмед-шаха и его ближайших преемников существовало много придворных ведомств, на обязанности которых находилось обеспечение двора всем необходимым, соблюдение церемониала и т. д.⁷⁰. Из числа лиц, возглавлявших подобные ведомства, самое высокое положение занимал «ишик-агасы» (впоследствии сходные с ним прерогативы получили министры двора)⁷¹. Охраной дворца шаха (а в дни походов — его лагеря) распоряжался «орду-баши». Он руководил всем персоналом, обслуживавшим шахский лагерь, отвечал за подбор стражей и т. п. «Орду-баши» считался вторым (после «ишик-агасы») лицом при дворе шаха афганского государства⁷².

Из числа других многочисленных придворных должностей наиболее высокой считалась должность «мирахур-баши-и умуми» («великий конюший»). Он возглавлял крупное учреждение, именовавшееся «мирахур башигири», с большим штатом чиновников, ведавшее не только шахскими конюшнями, но и всем вьючно-караванным шахским транспортом в стране и парком слонов. На великого конюшего возлагался также контроль над пастбищами и т. д.⁷³.

Не менее важным было ведомство осведомления, во главе которого стоял «харкара-баши». Он не только руково-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Губар, *Ахмад-шах*, стр. 101.

⁶⁹ Ганковский, *Независимое Афганское государство*, стр. 171.

⁷⁰ Губар, *Ахмад-шах*, стр. 205.

⁷¹ Там же, стр. 208.

⁷² Там же, стр. 210, 211.

⁷³ Там же, стр. 213—215.

дил сетью осведомителей, но отвечал и за работу шахской почты ⁷⁴.

Афганское государство унаследовало от Сефевидов и Моголов феодальный административный аппарат и систему судопроизводства, основанную на шариате. Наряду с этим в годы правления первого афганского государя была сделана попытка кодифицировать афганское обычное право. Есть сведения о том, что при Ахмед-шахе был составлен соответствующий судебник на языке пушту ⁷⁵. Обычное право продолжало сохраняться у афганских племен, у многих из них лишь очень медленно и лишь частично уступая свое место нормам шариата.

Господствующей религией афганского государства был ислам суннитского толка, которого придерживалось большинство афганских племен и таджикского населения страны. Мусульманское духовенство, верхушка которого являлась влиятельной частью феодального класса, играло большую роль в жизни страны и помогало упрочению шахской власти, закрепившей за духовным сословием его права и привилегии. Ахмед-шах опирался на авторитет господствующей религии и ее служителей, выказывая себя ревностным суннитом. Однако ему отнюдь не была свойственна фанатическая нетерпимость к шиитам. При нем в Кабуле без всяких притеснений жили кызылбаши, переселенные туда в годы правления Надира Афшара. В фирмане Ахмед-шаха от 16 шавваля 1167 г.х. (1751/52) афганский государь подчеркивал свое гуманное отношение к мусульманам вообще (в частности, и к шиитам), сообщая, что пленные мусульмане отпущены им на волю ⁷⁶.

В сборе налогов в афганском государстве большую роль играла откупная система. Много крупных откупщиков было среди индийских купцов Шикарпура. В областях, населенных главным образом афганскими племенами, в ряде случаев сбор налогов возлагался на местных ханов. Хань, которые были одновременно наследственными вождями своих племен, военачальниками, правителями и сборщиками податей, во многих случаях сохраняли фактическую независимость. Часть налогов, собранных для шахской казны, они присваивали себе.

Вооруженные силы Ахмед-шаха состояли из регулярных и нерегулярных войск. Ополчения племен («лашкар-и кауми») и конница афганских ханов («ханин-и сэваре» или «хаванин-и

⁷⁴ Там же, стр. 215—217; Ганковский, *Независимое Афганское государство*, стр. 172.

⁷⁵ Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 47.

⁷⁶ نورمان تاريخی احمد شاه درانی از آقای سید حسین شهنشاهی
«فرهنگ ایران زمین», دفتر ۲ و ۳ جلد ۶.

сэваре») составляли наиболее многочисленную часть нерегулярного войска⁷⁷. Кроме того, в армию входили контингенты, формируемые из жителей специальных военных зон, а по мере расширения государства Ахмед-шаха в результате завоевательных походов включались также отряды вассальных ханств и эмиратов. Все эти нерегулярные войска составляли не менее 70% общей численности вооруженных сил Ахмед-шаха⁷⁸.

Создавая регулярное войско («фаудж-и низам»), Ахмед-шах во многом следовал образцу военной организации Надир-шаха Афшара. Ядром постоянного войска Ахмед-шаха была его личная гвардия («гулам-хана» или «гулам-шахи») ⁷⁹. В состав регулярных вооруженных сил входили также корпус иранских мушкетеров («туфангчи» или «джазаилчи»), отряды полевой жандармерии («насаки») и шахских телохранителей («кашикчи») ⁸⁰.

Ахмед-шах придавал большое значение артиллерии. В Кандагаре около его арка (замка) рядом с шахскими конюшнями были сооружены артиллерийские казармы и мастерские для изготовления пороха (барут-хана). Ахмед-шах лично проверял работу этих мастерских⁸¹. Кроме артиллерийских орудий в его войске имелись ракеты, выпускавшиеся со специальных станков («эраде-бан»). Правда, использование этого нового для афганских воинов оружия нередко сопровождалось несчастными случаями, стоившими войску Ахмед-шаха значительных потерь.

⁷⁷ Ополчения племен, как правило, не играли большой роли в завоевательных походах Ахмед-шаха и его преемников. В значительной своей части они состояли из воинов, которые не хотели и не могли надолго отрываться от своих родных мест. Эльфинстон характеризовал эти ополчения, как составленные из людей «беднейших классов», и отмечал, что, «поскольку в большинстве случаев их трудно держать вместе и вести в поход далеко от их родных мест, король редко прибегает к созыву ополчения» (Elphinstone, *The kingdom of Caboul*).

⁷⁸ См. Ганковский, *Независимое Афганское государство*, стр. 177.

⁷⁹ Значительная часть личной гвардии состояла из иранских кызылбашей, которых Ахмед-шах привлекал к себе на службу и назвал «гулам-хана» (см. *Сирадж ат-таварих*, 56). По данным Эльфинстона, кызылбаши составляли одну треть личной гвардии (Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 531).

⁸⁰ Отряды телохранителей под тем же названием, что и в войске Ахмед-шаха, имелись у Сефевидов (см. Ганковский, *Независимое Афганское государство*, стр. 177, прим. 40). Отряды насаки были не только в составе войск Моголов и Сефевидов, но и в вооруженных силах гильзайских правителей Кандагара в начале XVIII в., а затем у Надир-шаха Афшара. Функции насаки были многообразны: они использовались в качестве шахских гонимых, во время битвы обязанностью насаки было пресечение паники в войске, возвращение бежавших на поле боя, охрана лагеря и тыла (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 361, 362).

⁸¹ Губар, *Ахмад-шах*, стр. 230.

Весьма эффективным действием отличались «замбуреки» (фальконеты), установленные в седле на подвижном стержне и перевозимые на верблюдах. Каждый верблюд вез один замбурек, одного или двух обслуживавших его солдат и 40 зарядов. Ядра замбуреков весили обычно от 600 до 800 г. Огонь из замбуреков можно было вести с ходу; их ставили иногда позади, иногда впереди полевой артиллерии, а нередко располагали скрытно от неприятеля, за рядами своих войск, с целью обеспечить внезапность огня. Отряды стрелков из замбуреков комплектовались из отборных воинов. В вооруженных силах Ахмед-шаха насчитывалось 4 тыс. таких стрелков⁸².

Почти три четверти всего войска Ахмед-шаха составляла конница. Сравнительно малочисленная пехота отличалась также высокими боевыми качествами. Первоначально она комплектовалась главным образом из воинов афганских племен, населяющих районы, тяготеющие к Пешавару: юсуфзаев, афридиен, оракзаев, момандов, мухаммедзаев и др.⁸³ Эти пехотинцы славились как меткие стрелки из мушкетов, стойкие воины, опытные в ночных нападениях и устройстве засад. Индийский историк Джадунатх Саркар писал: «Их правильные залпы производили ошеломляющее впечатление на врага и зачастую решали судьбу сражения. Клановая система афганцев превращала их мужское поколение в прирожденных воинов, способных действовать совместно, самоотверженно подчиняясь единоличной воле высшего начальника»⁸⁴. Руководство вооруженными силами Ахмед-шах осуществлял через главнокомандующего («сипахсалар»). Сипахсалару непосредственно подчинялись войсковая канцелярия («дафтар-и низам») и арсенал («кур-хана») ⁸⁵. В его подчинении находился также специальный чиновник «союрсатчи-баши», ведавший снабжением войск провиантом и фуражом и собиравший со специально выделенных районов натуральные налоги, предназначенные на содержание военных сил⁸⁶. Через войсковую

⁸² Обстоятельные данные об этой разновидности «легкой артиллерии» см. в кн.: Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 127—129. Кроме слова «замбурек», для обозначения этого оружия применялись также названия «шутурнал» и «шахин».

⁸³ Sarkar, *Fall of the Mughal Empire*, vol. I, pp. 30, 31 (цит. по кн.: Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 362, прим. 1). И. М. Рейснер отмечает, что Дж. Саркар здесь, как и в других местах своей монографии, верно оценивая высокие боевые качества афганцев, преувеличивает их дисциплинированность и степень подчинения сформированных по родо-племенному признаку контингентов верховному военачальнику.

⁸⁴ Впоследствии пехота Ахмед-шаха стала в большей степени пополняться воинами из неафганских народностей и племен (в частности, индийскими наемниками).

⁸⁵ Там же, стр. 226—230.

⁸⁶ Название этого чина происходит от слова «союрсат» (контрибуция, реквизиция натурой). В первые годы правления Ахмед-шаха интендант-

канцелярию велся учет личного состава регулярного войска, производилась выдача воинам жалованья, продовольствия из государственных складов, снабжение их всем необходимым. Складами оружия (арсеналом) ведал «курчи-баши», который отвечал за изготовление пороха, ядер и пуль, за сохранность боеприпасов и оружия, он же нес ответственность за доставку их войскам ⁸⁷.

Контроль над выполнением воинами религиозных обрядов и других требований шариата осуществляли блюстители нравов — «мухтасибы». Для суда над лицами военного сословия имелись специальные войсковые судьи ⁸⁸.

Завоевания Ахмед-шаха

Высокое воинское мастерство афганцев и система организации армии, воспринятая у Надир-шаха Афшара и усовершенствованная Ахмед-шахом, обуславливали военную силу афганского государства. Однако успехи завоевательных походов Ахмед-шаха в большой мере объясняются слабостью соседних государств, переживавших время глубокого упадка и феодальной раздробленности. Выступая выразителем интересов афганских ханов, Ахмед-шах с первых лет своего царствования начал предпринимать завоевательные походы в соседние страны.

Подчинив Газни, Кабул и Пешавар, Ахмед-шах уже в 1748 г. вторгся в Пенджаб. Он переправился через Инд во главе войска, насчитывавшего несколько десятков тысяч всадников, занял город Шикарпур, посадив в нем своего наместника. Ему удалось также захватить Лахор, на который была наложена тяжелая контрибуция. Но в битве с главными силами могольской армии у Манупура в Сирхинде, произошедшей 11 марта 1748 г., афганцы потерпели поражение. Причиной этого поражения, по словам афганских историков, был взрыв запасов пороха афганской артиллерии, от которого погибло около тысячи человек ⁸⁹. Однако могольская армия не сумела исполь-

ская служба в его войсках совершенно не была налажена, но после вызванных ее отсутствием больших потерь в людях во время походов Ахмед-шах принял меры по организации снабжения войск продовольствием в походах.

⁸⁷ Губар, *Ахмад-шах*, стр. 229.

⁸⁸ Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 145. Войсковые судьи под тем же наименованием (قاضی عسکر) были и в соседних с Афганистаном ханствах Средней Азии. Относительно Бухары см. Семенов, *Очерк устройства*, стр. 40. В Кокандском ханстве такая должность тоже существовала. Известно, что Омар-хан (1810—1822) назначил войсковым судьей Мирзу Каландара Мушрифа Исфараги, кокандского историка и поэта (см. Мухаммед Хаким-хан, 415а).

⁸⁹ Взрыв произошел от попадания в порох одной из захваченных афганцами в Лахоре и находившихся в афганском лагере ракет (*Тарих-и султани*, 27).

зовать успеха: преследование отступающих войск Ахмед-шаха было начато только через пять дней после битвы и оказалось безрезультатным.

В 1750 г. Ахмед-шах предпринял второй поход в Пенджаб. Могольский наместник Лахора, не получив помощи из Дели, откупился от Ахмед-шаха, заключив договор о выплате ему ежегодной дани. По этому же договору под власть Ахмед-шаха была передана северо-западная часть Пенджаба.

Третий поход в Пенджаб Ахмед-шах совершил в 1752 г. Во время этого похода афганцы подчинили Кашмир. Великий Могол вынужден был официально отказаться от своих прав на власть над Пенджабом и Мультаном в пользу афганского шаха.

В 1756—1757 гг. Ахмед-шах в четвертый раз вторгся в Пенджаб и повел свои войска через Лахор на Дели. Афганские завоеватели разграбили ряд областей и городов Индии, захватив огромную добычу, оценивавшуюся в 12 млн. рупий. Эпидемия холеры, вспыхнувшая в войске Ахмед-шаха, заставила его возвратиться в Афганистан. Стремясь закрепить за собой завоеванные области, он оставил в них гарнизоны и посадил в Лахоре в качестве наместника своего старшего сына Тимур-шаха (тогда еще малолетнего)⁹⁰. Фактическим правителем был Джахан-хан, командующий афганскими войсками в Пенджабе.

В 1758 г. в Пенджаб вступили войска маратхов, завоевавших к тому времени большую часть владений Великих Моголов⁹¹. Это вторжение послужило началом длительной войны между Ахмед-шахом и маратхами за Северную Индию. В ответ на изгнание маратхами афганских гарнизонов из Пенджаба Ахмед-шах появился в Индии с сильным войском, на его сторону перешли афганские сардары и эмиры Рохилкханда, а через некоторое время и вожди Бангаша и наваб Ауда. Создавалась коалиция Ахмед-шаха с мусульманскими князьями Северной Индии, владениям и богатствам которых угрожали маратхи. Вступая в Индию по призывам этих князей о помощи, Ахмед-шах провозглашал своей целью защиту мусульман и Великого Могола от «неверных» (маратхов).

В результате военных действий 1759 — начала 1760 г. афганцы вытеснили отряды маратхов из Северной Индии. Маратхские военачальники Даттаджи Синдия и Холькар потерпели поражение, причем Синдия был убит. Когда вести об

⁹⁰ *Сирадж ат-таварих*, 19.

⁹¹ Государство маратхов, возникшее в 70-х годах XVII в. в результате освободительной борьбы против могольского владычества, возглавленной Шиваджи (1630—1680), во второй четверти XVIII в. стало крупнейшей политической силой в Индии. Маратхские феодалы ставили своей целью добиться гегемонии над всей Индией.

этом дошли до Пуны, там было решено организовать поход против Ахмед-шаха в Северную Индию. В мае 1760 г. из Пуны выступило многочисленное войско, во главе которого стоял Садашир Бхао.

Численность маратхского регулярного войска, посланного против Ахмед-шаха, определяется историками приблизительно в 45 тыс. конницы и 15 тыс. пехоты⁹². Всего регулярных войск маратхов, участвовавших в этом походе, насчитывалось около 60 тыс., а численность их нерегулярных сил (включая лагерную прислугу), вероятно, превышала 200 тыс. человек. Огромная армия маратхов, в состав которой входили также отряды их вассалов и союзников, осталась известной в истории под названием «великой армии».

В июле 1760 г. «великая армия» заняла Дели, а в октябре выступила в Сирхинд с целью перерезать пути снабжения войск Ахмед-шаха. Маратхам удалось захватить крепость Канджпуру, уничтожив десятитысячный рохилский гарнизон. В этой крепости хранились большие запасы продовольствия и богатая казна, захваченная победителями.

Ахмед-шах не смог предотвратить падение Канджпуры, но ему удалось скрытно от врагов переправиться через реку Джамну и подвести свои войска к маратхскому укрепленному лагерю, заняв позиции на расстоянии около 5 км от главных сил противника.

Началась борьба за обладание путями снабжения войск. В этой борьбе афганцы достигли значительных успехов: они перерезали дороги к маратхскому лагерю; афганские конные отряды совершали ночные нападения, перехватывая неприятельские обозы с продовольствием; им удалось захватить также богатую казну.

Маратхское войско, обремененное женщинами и многочисленной лагерной прислугой, вскоре оказалось перед угрозой голода. 13 января 1761 г. на военном совете маратхов было решено выступить на следующий день на рассвете и дать решающий бой. Получив известия о намерениях врагов, Ахмед-шах двинул свои войска навстречу маратхам. Через несколько часов противники сблизились. Численность регулярных войск Ахмед-шаха составляла около 60 (или 80) тыс. воинов⁹³.

Битва началась с обстрела войск Ахмед-шаха артиллерией маратхов. Однако огонь не причинял урона, так как ядра ложились далеко позади афганских рядов. Главнокомандующий маратхов направил против правого фланга войск Ахмед-шаха по-европейски обученные сипайские батальоны Ибрахима

⁹² В том числе 9 тыс. обученных по-европейски сипаев под командованием Ибрахима Гарди. (Семенова, *Панипатская битва 1761 г.*, стр. 87).

⁹³ Там же, стр. 89, 95.

Гарди. Вскоре после того как эти батальоны начали ожесточенный бой с пехотой союзных Ахмед-шаху мусульманских князей Индии, маратхский главнокомандующий решил бросить на центр афганского войска прославленную маратхскую конницу.

В момент начала атаки артиллерийский огонь со стороны маратхов вдруг прекратился. Развернулось их огромное желтое знамя, раздались оглушительные клики и, как описывает индийский историк Джадунатх Саркар этот эпизод боя, «заволновался лес длинных клинков и сверкающих под утренним солнцем копий». Огромная масса конницы (13,5 тыс. всадников) «поднялась с шумом, подобно гигантской волне, и в следующее мгновение обрушилась со страшной силой на центр дуранийского войска»⁹⁴.

Наступление сипаев и стремительная атака конницы маратхов поставили афганцев и их союзников в трудное положение. Однако Ахмед-шаху удалось добиться перелома в ходе битвы. Имевшиеся в его войске специальные отряды для наведения порядка (насакчи) справились с начавшейся паникой.

В результате обстрела из замбуреков, атаки десяти тысяч одетых в кольчуги всадников, находившихся у Ахмед-шаха в резерве, и последующего общего наступления афганцев и их союзников армия маратхов была разбита. Через несколько часов после полудня ряды маратхов дрогнули и их войско обратилось в бегство. Афганская конница преследовала врагов и после наступления ночи, при свете луны. Многие тысячи бежавших были сражены саблями преследователей.

Так был нанесен сокрушительный удар самому сильному индийскому государству, что объективно облегчило покорение Индии английскими колониальными завоевателями. Для афганских феодалов успех в войне против маратхов не принес новых территориальных приобретений. Захватив большую военную добычу, Ахмед-шах вскоре после Панипатской битвы вынужден был поспешно вернуться в Афганистан, где ему угрожали феодальные заговоры и мятежи. В марте 1761 г. он ушел из Индии, не пытаясь удержать за собой занятую после Панипатской битвы и разграбленную столицу Великих Моголов Дели.

Понимание обстановки и трезвый учет соотношения сил и собственных возможностей, отличавшие Ахмед-шаха как государственного деятеля, сказались на его последующей политике в отношении Индии. Он не пытался создать большую империю в Индии со столицей в Дели, что неизбежно привело бы к отрыву династии от афганского ядра государства. Он не ставил перед собой неосуществимых завоевательных целей,

⁹⁴ Sarkar, *The fall of the Mughal Empire*, vol. II, p. 245.

что отличало его политику от политики Надир-шаха Афшара. Завоевания Ахмед-шаха в Северной Индии, приносившие большой доход в казну, были утрачены вскоре после смерти этого государя, но объединение им покоренных афганских областей стало надежной основой исторического развития афганского национального государства⁹⁵. Попыток дальнейших завоеваний в Индии Ахмед-шах не предпринимал, и военные действия его отрядов на юге в основном ограничивались Пенджабом, где, несмотря на все усилия, ему не удавалось подавить движение сикхов⁹⁶.

После ухода в 1761 г. главных сил Ахмед-шаха в Афганистан сикхи энергично повели борьбу против афганских властей, разбили войско лахорского наместника и взяли город Лахор. Ахмед-шах выступил в Пенджаб, но сломить сикхов не смог. Тогда он попытался установить связь с крупнейшими сикхскими сардарами и с их помощью удержать за собой Пенджаб. С этой целью Ахмед-шах назначил наместником Лахора индуса Кабули Мала, а сам в начале 1763 г. вернулся в Афганистан. Однако сикхи продолжали вооруженную борьбу как против афганских гарнизонов, так и против местных феодалов, которые поддерживали завоевателей. Ахмед-шах в 60-х годах еще дважды пытался восстановить свою власть над Пенджабом и добивался успехов в отдельных сражениях, что, однако, решающего влияния на исход борьбы не оказало.

В 1764 г. сикхи овладели провинцией Сирхинд, а в следующем году в Амритсаре состоялся совет их вождей, на котором хальса (государство сикхов) была объявлена верховной властью в Пенджабе⁹⁷.

В Хорасане после смерти Надир-шаха Афшара возникло несколько мелких феодальных владений. В Мешхеде после длительной борьбы на время утвердился его внук Шахрух. Первую попытку овладеть Мешхедом Ахмед-шах предпринял в 1750 г., но она окончилась неудачей. Только в 1754 г. после долгой осады этот город был подчинен афганцам, причем правителем его остался Шахрух в качестве вассала Ахмед-шаха⁹⁸. Ахмед-шах покорил также Ширван, Кучан и некоторые другие города Хорасана и завоевал в результате дорогого стоявшего

⁹⁵ Характеристику этой стороны деятельности Ахмед-шаха см. в предисловии И. М. Рейснера к кн.: М. Губар, *Ахмад-шах*.

⁹⁶ К основанной в конце XV — начале XVI в. религиозной секте сикхов (букв. «сикх» означает «ученик») примкнули широкие массы крестьян и ремесленников Пенджаба, выступавших против феодального гнета и господствовавшей мусульманской религии. В 50-х годах XVIII в. сикхские вожди («гуру») воспользовались отвлечением основных сил афганцев на войну с маратхами и установили свою власть над значительной частью Пенджаба (см. Семенова, *Движение сикхов в Пенджабе*, стр. 59, 60).

⁹⁷ См. Семенова, *Государство сикхов*, стр. 11—13.

⁹⁸ Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 20.

ему похода Нишапур. Летом 1754 г. он подчинил и большую часть Систана, находившуюся до того времени под властью правителей из местной династии.

К северу от Гиндукуша первые завоевания Ахмед-шах совершил в 1750—1752 гг., когда его войска заставили подчиниться несколько небольших узбекских ханств левобережья Аму-Дарьи: Балх, Кундуз, Шибирган, Меймене и Андхой⁹⁹. В большинстве из них оставлялись на вассальных правах владетели из местных династий, но в Балх был прислан афганский наместник. Власть Ахмед-шаха над ханствами левобережья Аму-Дарьи не была прочной, это видно, в частности, из того, что уже в 1755 г. пришлось послать в эти области сильное афганское войско. Бадахшан при Ахмед-шахе завоеван не был, но он подпал под афганское политическое влияние в результате похода, совершенного около 1765 г. Шах Вали-ханом¹⁰⁰.

Завоевав к 1757 г. Кашмир, Белуджистан, Синд и некоторые другие области Северной Индии, Ахмед-шах значительно увеличил поступления в свою казну. Покоренное население было обложено налогами, составлявшими основную часть доходов афганского государства. Только с Кашмира и Джамму взималось до 2 млн. 800 тыс. рупий в год (т. е. около одной трети всех поступавших в казну сумм), а в целом из Северной Индии поступало три четверти ежегодных поступлений¹⁰¹.

Походы в Индию приносили Ахмед-шаху и афганским ханам также огромную военную добычу. Афганские завоеватели взимали с индийских княжеств миллионные контрибуции, а в случае их неуплаты опустошали целые области. Тысячи военнопленных обращались в рабство.

Кроме афганцев на территории основных областей государства Ахмед-шаха (до реки Инд на востоке и юго-востоке) жили таджики, хезарейцы, белуджи и многие другие народности и племена. Таджикское крестьянское население не только занимало ряд горных районов Гиндукуша — Панджшер, Бамиан и др., но сосредоточивалось также в оазисах Герата, Кандагара, Кабула и т. д. Городское ремесленное и торговое население в областях, расположенных к северу от Сулеймановых гор, состояло в большинстве своем также из таджиков. Крупным городом со значительным афганским населением был Кандагар. В афганских областях правобережья Инда значительную, а нередко преобладающую часть жителей городов составляли индийцы. В этих областях наибольшим городом с афганским населением был Пешавар.

Денежные операции в Афганистане находились в основном

⁹⁹ Там же, стр. 29.

¹⁰⁰ Там же, стр. 30, 31.

¹⁰¹ См. Абдул Керим Бухари, 6, 7.

в руках индийских купцов и ростовщиков. Они получали на откуп сбор налогов и ссужали деньгами не только афганских ханов, но давали займы крупные суммы и самим шахам, финансируя даже их завоевательные походы.

В состав государства Ахмед-шаха вошли области, значительно отличавшиеся друг от друга по характеру хозяйства и уровню социально-экономического развития. Рядом с сельскохозяйственными оазисами и феодальными городами с относительно развитым ремеслом и торговлей лежали обширные территории, занятые кочевниками с их примитивным скотоводческим хозяйством. Многие племена совершали сезонные перекочевки на большие расстояния, передвигаясь со своими стадами, семьями и домашним скотом с правобережья Инда и из долин и пустынь восточной и юго-восточной частей Афганистана на летние пастбища предгорий Гиндукуша, к Кабулу, Герату и Бадгису.

Обширная Дуранийская держава, созданная завоеваниями Ахмед-шаха, оказалась недолговечной, но объединение им областей, населенных афганскими племенами, составлявшими ядро его государства, имело очень важное историческое значение. Впоследствии, после падения Дуранийской державы, именно эти области стали надежной основой развития независимого афганского национального государства.

Создание независимых афганских княжеств в Кандагаре и Герате, а затем афганского государства Ахмед-шахом создало благоприятные условия для дальнейшего развития культуры афганского народа, для продолжения традиций прошлого. Несмотря на политическую раздробленность и значительные различия между племенами, элементы общности национальной культуры афганского народа возникли уже задолго до государственного объединения афганцев в XVIII в. Не только произведения письменной литературы, достигшей расцвета в XVI—XVII вв., но и устное творчество — сказки и предания, а также песни и мелодии, мотивы орнаментального искусства от одних афганских племен передавалось другим, становясь общенародным достоянием. Есть основания предполагать, что немалую роль в этом сыграли афганские племена кочевников-торговцев («повинда»). Связующее значение их деятельности сохранялось и в XVIII—XIX вв. С караванами кочевников-торговцев мелодии, песни и другие произведения творчества одних афганских племен распространялись среди других. В результате этого устанавливалось, в частности, единство основного песенного репертуара отдаленных друг от друга афганских племен, что отмечал в 80-х годах XIX в. французский востоковед Дармстетер¹⁰².

¹⁰² Darmesteter, *Chants populaires des Afghans*, p. CCV.

В начале XVIII в. значение культурного центра афганцев приобрел Кандагар. Мир Вайс и его преемники покровительствовали поэзии. При дворе шаха Хусейна (1725—1738), который сам был поэтом и оставил диван своих стихов (на пушту и на фарси), жили ученые и поэты, существовало Литературное собрание, объединявшее афганских поэтов, причем были установлены литературные связи с восточными афганцами и направлена в Пешавар специальная делегация с поручением переписать диван стихов Абдурахмана¹⁰³.

Ахмед-шах сам писал стихи на пушту и обладал крупным поэтическим дарованием¹⁰⁴. Наряду с лирическими стихами, в которых воспевались любовь и картины природы, для его творчества характерны стихотворения на тему любви к родине. В одном из стихотворений, написанном во время похода в Индию, он так говорит о любимой родине:

Сердце любовью к тебе наполнено,
Ради тебя сложили головы наши юноши.
Где бы я ни был, никогда не забуду
Твоих прекрасных благоухающих садов.
О делийском троне я забываю,
когда в памяти возникают
Горные вершины страны афганцев¹⁰⁵.

Эпоха создания афганского государства оставила большой след в развитии национального самосознания афганского народа, в частности в афганской историографии¹⁰⁶. От этой эпохи остались и архитектурные памятники, имеющие общенациональное историческое значение. Один из самых почитаемых и красивых из них — мавзолей Ахмед-шаха в Кандагаре (табл. 6).

¹⁰³ Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 51, 52.

¹⁰⁴ Великолепный список дивана его стихов хранится в Собрании восточных рукописей АН Узбекской ССР в Ташкенте.

¹⁰⁵ Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 56.

¹⁰⁶ См. об этом ниже, в Обзоре основных источников и литературы.

Глава III

АФГАНСКИЕ ПЛЕМЕНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Некоторые афганские племена уже с давних пор были земледельческими, часть племен и их подразделений осела на землю только во второй половине XVIII в., другие продолжали вести кочевое скотоводческое хозяйство с большим или меньшим радиусом сезонных перекочевков. Были среди афганцев и полукочевники, издавна совмещавшие земледелие с отгонным скотоводством.

Разница в характере хозяйственной деятельности и местные особенности сказывались на различиях в образе жизни и в обычаях. Одни племена (как дураны) переходили к земледелию в районах, где с давних пор существовала ирригационная сеть, другие (как юсуфзаи) вели хозяйство на землях, где можно было обходиться без искусственного орошения. Одни племена жили на территориях, по которым проходили основные пути караванной торговли, другие занимали сравнительно изолированные горные области.

Всего у афганцев к середине XVIII в. насчитывалось несколько сот племен и фактически более или менее самостоятельных родо-племенных групп и общин. Такие крупнейшие племена (группы племен), как дураны, гильзаи и юсуфзаи, делились на ряд подразделений, по существу представлявших собой большие и во многом фактически самостоятельные племена. Подразделения занимали, как правило, смежные территории и были связаны между собой общей генеалогией, диалектом, историческими судьбами и традициями.

Некоторые звенья сохранившейся у афганцев родо-племенной структуры теряли реальное содержание, сохраняя лишь традиционное генеалогическое значение. Так, дураны делились на две ветви: зирак и панджпао. Однако, как отмечал М. Эльфинстон в начале XIX в., к его времени принадлежность к ветви зирак или панджпао потеряла всякое значение, за исключением только того, что по этому признаку определяли «происхождение различных кланов»¹.

¹ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 400.

К середине XVIII в. абдали, занявшие первенствующее положение в государстве и переименованные в дурани, были самым многочисленным из афганских племен. Дурани жили в Кандагарской области и на землях к северу от нее, до Герата. В первой половине XVIII в. их насчитывалось от 53 до 60 тыс. семей². В начале XIX в. численность дурани оценивалась примерно в 100 тыс. семей, или в 800 тыс. человек³.

Мухаммед Хаят-хан, определявший в 60-х годах XIX в. общую численность населения дуранийских земель примерно в 1 млн., полагал, что из них только 400 тыс. составляли сами дурани⁴. Остальная часть приходилась, по-видимому, в основном на иноплеменное зависимое население (хамсая).

Такое зависимое население было и у многих других афганских племен. На правобережье Инда оно состояло из местных индийских племен и народностей, а к северу от Сулеймановых гор в основном из иранских (преимущественно таджиков), а также из хезарейцев и др. Земледельцы-хамсая обрабатывали участки, предоставлявшиеся им афганцами на условиях уплаты доли урожая, и были обязаны выполнять на хозяев различные работы, а сверх того вносить налоги афганским ханам и выполнять в их пользу повинности⁵. В разряд хамсая переходили и афганцы, вынужденные по экономическим или иным причинам искать убежища у другого рода или племени. Такие люди, как чужаки, не располагали правом на землю, в чем было коренное отличие зависимых хамсая от полноправных членов афганских племен.

Ко времени прихода к власти Ахмед-шаха насчитывалось десять основных дуранийских племен. Самым многочисленным из них были баракзай. Во второй половине XVIII в. их насчитывалось около 30 тыс. семей⁶. Баракзай занимали земли к югу от Кандагара, а также пустынные равнины по обоим

² Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty*, p. 96.

³ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 397.

⁴ Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 67.

⁵ Термин «хамсая», происходящий от персидского слова «сосед», получил у афганцев много значений. «Хамсая» (или «райят-и хамсая» — «хамсая-подданный») назывались не имеющие земли чужаки, которые проживали на территории афганского родо-племенного подразделения и обрабатывали предоставленные им участки в качестве издольщиков. Кроме того, термином «хамсая» обозначались подчиненные и вассальные (преимущественно афганские) роды или племена, получившие землю за военную службу от племени-патрона. В более позднее время «хамсая» именовались торговцы, обязанные делать подношения вождям родо-племенного подразделения в торжественных случаях — рождение сына, обручение, свадьба (См.: Асланов, *Афганцы*, стр. 69; Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 194—200).

⁶ С целью несколько ослабить баракзаев Ахмед-шах выделил одно из их подразделений — ацакзаев (ачакзаев) в особое племя, которому назначил вождя (см. Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 399).

берегам Гильменда. Значительная часть их вела кочевой образ жизни.

Вторым по численности дуранийским племенем были нурзаи — единственное из десяти основных дуранийских племен, сохранившее кочевое скотоводство как основную отрасль хозяйства и после XVIII в. Остальные дуранийские племена мы видим уже во второй половине этого столетия преимущественно земледельческими. Развитию у них земледелия в рассматриваемый период способствовала политика садозайских шахов, которые предоставляли этим племенам лучшие земли, а их вождям — право сбора налогов с неафганских крестьян. Дуранийские вожди широко использовали создавшиеся возможности для захвата той части земель, которая еще оставалась в руках таджикских крестьян Кандагарской области.

Гильзаи, приближавшиеся по своей численности к племенам дурани, занимали Газнийскую область и примыкающие к ней районы Сулеймановых гор, а также часть Кандагарской области. Крупнейшим гильзайским племенем был сулейманхель, в котором в начале XIX в. насчитывалось около 35 тыс. семей. Два подразделения этого племени — кайсархель и исмаилзаи занимали земли к югу и западу от Газни. Султанзаи жили в районе Логара и Майдана и были земледельцами, обладали навыками в устройстве кяризов и других ирригационных сооружений. Четвертым крупным подразделением сулейманхеля были ахмедзаи, сохранявшие скотоводческое хозяйство и кочевой быт. Их летние пастбища находились в горах Сурхель и Сафед-Кох, а зимовки — в долине Курама и Терине. Гильзайские племена, обитавшие поблизости от Кандагара, занимались не только скотоводством, но и земледелием и торговлей.

После дураниев и гильзаев наиболее многочисленными были юсуфзаи и вазиры. Юсуфзаи, занимавшиеся преимущественно земледелием, населяли часть Пешаварской долины и горные области к северу от нее — Бунер, Сват и Дир (до Читрала), а также горные районы между реками Сватом и Индом и район «Черных гор» на левобережье Инда. Общая их численность составляла несколько сот тысяч человек. Юсуфзайские племена делились на две основные группы: собственно юсуфзаев (исазаи, мализаи, ильясзаи, акозаи и ранизаи), населявших горные области, и манданов (утманзаи, усманзаи, разар), которые жили главным образом в равнинных районах северо-восточной части Пешаварской долины.

Вазиры населяли центральную часть Сулеймановых гор и делились на три большие ветви: ахмедзаев, масудов и утманзаев. Утманзаи (или собственно вазиры) были известны также под общим названием дарвешхель. Главным занятием вазиров было скотоводство. В некоторых пригодных для

земледелия местах (в частности, в долинах рек) они имели и свои пашни. Согласно преданиям, ополчение («лашкар»), которое вазирь и близкие к ним племена выставляли или должны были выставлять Ахмед-шаху, составляло 102 тыс. воинов, в том числе: от ахмедзаев — 30 тыс. воинов, утманзаев — 30 тыс., масудов — 18 тыс., битанов — 12 тыс., дауров — 12 тыс.⁷ Исходя из этих цифр, численность вазиров (с масудами) во времена Ахмед-шаха можно определить примерно в 350 тыс.

Из афганских племен, занимавших области, прилегающие к Хайбарскому проходу, самыми крупными были моманды, афридии и оракзаи. Моманды делились на горных и равнинных. Горные моманды занимались скотоводством, а равнинные переходили к земледелию, которое у некоторых хелей совмещалось со скотоводством.

Воинственные афридии, издавна считавшиеся одним из важнейших афганских племен, жили в труднодоступных горных областях и держали под своим контролем путь через Хайбарское ущелье. Главными крепостями афридиев считались Тирах и Майдан. Земли адам-хеля, крупного подразделения афридиев, были расположены в долине реки Бары и в районе Кохата, остальные их подразделения (куки, камар, камбар, маликдин, зака-хель, ака-хель и др.) населяли район Хайбарского прохода. Большинство афридиев занимались скотоводством. Из ремесел была распространена выработка грубых тканей. В XIX в. у афридиев были свои мастерские, в которых выделялось оружие и изготовлялся порох.

Оракзаи населяли часть Тираха. Они занимались и земледелием и скотоводством, а некоторые их хели принимали участие также в транзитной караванной торговле. В области Хост жили воинственные племена горцев — дзадран (джадран), дзадзи (джаджи) и мангал. Из афганских племен, населявших южную часть их земель, самым крупным были какары.

В Дамане и в соседних с ним районах правобережья Инда находились основные стоянки нескольких, сравнительно небольших по своей численности афганских племен кочевников-торговцев («повинда»), сыгравших немаловажную роль в истории афганского народа. Эти племена (миян-хель, гандапур, уштарана, бабури и некоторые другие, а в прошлом также марваты и др.) в течение многих веков совмещали занятие скотоводством с посреднической караванной торговлей между Индией, Хорасаном и Средней Азией⁸.

⁷ Caroe, *The Pathans*, p. 258.

⁸ Большой материал об афганских кочевниках-торговцах, извлеченный главным образом из источников XIX в., приведен в кн.: Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 68—74, 244—250 и др.

Специализация группы афганских племен на караванной торговле, происшедшая уже в средние века, была обусловлена рядом обстоятельств: во-первых, через Афганистан проходили главные пути индийской сухопутной торговли, процветавшей в средние века, но сохранявшей известное значение еще и в XVIII—XIX вв.; во-вторых, маршруты купеческих караванов в основном совпадали с направлением дальних сезонных перекочевок некоторых афганских скотоводческих племен; в-третьих, родственные объединения афганских торговцев-кочевников были хорошо вооружены и организованы на военный лад, что позволяло им преодолевать трудности и опасности, грозившие караванам⁹.

Развитие феодализма у афганцев

В изучении развития феодализма у афганцев большие заслуги принадлежат И. М. Рейснеру. Он отметил особенности общественного строя у важнейших афганских племен и установил ряд общих (для всех или для большинства племен) явлений, характеризующих основное направление их общественного развития¹⁰. С учетом других исследований по социально-экономической истории афганцев можно отметить следующие основные явления:

1) разложение родовой общины и коллективной собственности на землю, постепенная замена родовых связей территориальными, утверждение частной собственности на землю рядовых членов племен и знати, причем в отношении некоторых племен (прежде всего дурани) имеются прямые свидетельства источников о развитии крупной феодальной собственности на землю;

2) увеличение численности подвергавшегося феодальной эксплуатации и стоявшего вне афганских племен зависимого и неполноправного населения (райят-и хамсая), причем в ряде случаев наблюдается постепенная замена зависимости этого населения от афганских племен и их подразделений зависимостью от единоличных хозяев;

3) возрастание неравенства внутри афганских племен, обострение противоречий между рядовыми членами племен и знатью, укрепление позиций знати, ее могущества и богатства за счет расширения частных земельных владений и эксплуатации зависимого населения, а затем и обедневших соплеменников и сородичей, а также в результате захвата военной добычи и т. п.

⁹ Там же, стр. 65.

¹⁰ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 103, 105, 141, 142, 173, 182—183, 201—203, 212 и сл.

У ряда афганских племен правобережья Инда значительную роль в развитии феодальной собственности на землю сыграло мусульманское духовенство и наследственные корпорации «святых людей» (сейидов и др.). По данным, относящимся к первой половине XIX в., духовные лица пользовались рядом привилегий, в частности на них не распространялось действие обычая кровной мести. Их имущество не подвергалось разграблению во время межплеменных войн. Поэтому поселения «святых людей» служили убежищем для афганцев, бежавших от преследования или спасавшихся от кровной мести¹¹. Все это создавало благоприятные условия для развития сельского хозяйства в поселениях «святых людей», в эти поселения стекалось много народу, что давало возможность «святых людям» увеличивать число зависимых земледельцев, обрабатывающих их поля. Обладание землями «сери», издавна предоставлявшимися афганскими племенами в качестве дара духовным лицам, и сосредоточение в руках «святых людей» денежных богатств (от доходов с паломников и т. д., а также от торговли и ростовщичества) послужили основой для дальнейшего расширения землевладения, усиления их влияния и превращения их в привилегированное феодальное сословие¹².

В государстве Ахмед-шаха ханы афганских племен стали господствующей частью феодального класса и значительно укрепили свои позиции (прежде всего у дурани) при поддержке шахской власти¹³. Хотя внутренняя жизнь афганцев все еще в значительной степени регулировалась традициями и положениями обычного (родового) права, многие ханы усилили свою власть¹⁴. Необходимо, однако, отметить, что

¹¹ По предположению И. М. Рейснера (пока, однако, неподтвержденному свидетельствами источников), у племен правобережья Инда духовные лица стали пользоваться личной неприкосновенностью только после подавления рошанитского движения (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 186).

¹² См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 186—189. Сделанные Рейснером выводы обобщающего характера о том, что «мусульманское духовенство первым складывается в привилегированное сословие афганского общества и именно оно пробивает первую брешь в системе аграрных отношений, основанной на общей собственности на землю», а также о том, что «дарственное земельное пожалование духовенству — «сери» может и должно рассматриваться в качестве первоначальной формы феодальной собственности на землю у афганцев» (там же, стр. 188), нельзя пока признать доказанными, их следует рассматривать только как гипотезы, требующие дальнейшего обоснования. Эти выводы основаны почти исключительно на материале первой половины XIX в., а потому их нельзя распространять на до сих пор очень мало известную историю социально-экономических отношений у афганцев в предшествующие времена.

¹³ См. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 90—92.

¹⁴ Там же, стр. 93.

у многих афганских племен их ханы еще не стали облагать налогами своих соплеменников и не располагали полнотой принудительной власти над ними. Власть афганских ханов имела двойственный характер, что было в начале XIX в. отмечено в отношении дурани таким внимательным наблюдателем, как Эльфинстон. С одной стороны, дуранийские ханы облакались со стороны садозайских шахов властью над населением определенных областей и районов, с другой — они оставались патриархальными вождями своих племен и родов.

В советской исторической литературе двойственное положение афганских ханов рассматриваемого времени прослежено на материале, относящемся к нескольким крупным афганским племенам.

Если в отношении своих соплеменников и сородичей ханы многих племен и не располагали еще полнотой принудительной власти, то в отношении зависимого населения (хамсая) те же ханы выступали как настоящие феодальные властители, собирая с хамсая налоги, сгоняя их на работы и эксплуатируя как в интересах всего племени в целом, так и в своих собственных¹⁵.

Двойственный, или, точнее, многоукладный, характер всего афганского государства заключался в том, что в состав его входили как земли афганских племен, находившихся на разных ступенях разложения родовой общины и развития феодализма, так и области, где давно господствовали феодальные отношения. Именно поэтому на многих сторонах устройства афганского феодального государства сохранялся отпечаток родо-племенных отношений¹⁶.

Дальнейший ход развития феодализма у афганцев, протекавший неравномерно у отдельных племен, растянулся на долгий срок, а в некоторых случаях не завершился полностью и до самого недавнего времени. Экономическая основа этого процесса определялась ростом земельного и денежного богатства эксплуататорских слоев афганского общества, в первую очередь ханов и духовенства, которые различными путями постепенно устанавливали свое господство над главными средствами производства — землей и оросительными сооружениями. Это приводило к тому, что в политическую зависимость от эксплуататорской верхушки попадали и рядовые члены афганских племен, их правовое положение менялось, происходило постепенное закабаление прежде свободных людей, совершался сначала переход части их в разряд зави-

¹⁵ См. Ромодин, *Социально-экономический строй юсуфзайских племен*, стр. 117—118; Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 89.

¹⁶ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 338.

симых, а в конечном счете превращение в сословно неравноправных подданных феодальных господ¹⁷.

И. М. Рейснер на обширном фактическом материале, извлеченном из источников XIX в., убедительно показал, как у афганцев феодализация приводила к изменению старых обычаев и традиций, в ряде случаев настолько сильному, что они становились по своему новому содержанию полной противоположностью прежним. Так, изменялось предписываемое обычаем отношение членов афганского племени к земле. Раньше каждый афганец наделялся землей из фонда своего племени именно потому, что он был членом этого племени. Но с развитием феодальных отношений лишь тот оставался полноправным членом племени, кто сохранял свой наследственный надел, а по каким-либо причинам лишившийся его тем самым терял и свое положение полноправного члена племени, выходя из его состава. Таким образом, племя приобретало черты сословной группировки¹⁸.

Взаимная помощь сородичей превращалась в форму эксплуатации бедных членов племени знатными и богатыми соплеменниками. Сборы с членов племени на общественные нужды становятся феодальными налогами, взимаемыми теперь ханами и маликами в свою пользу¹⁹. Гостеприимство, которое прежде было делом общественным, меняет свой освященный древними традициями характер: общинные «дома гостеприимства» афганцев переходят в собственность ханов и маликов²⁰. В общественной жизни афганцев прежнее собрание всех мужчин родо-племенного подразделения («ахл-и джирга») в ряде случаев постепенно заменяется собранием только маликов («джирга-и маликан») ²¹. У некоторых племен уже к началу XIX в. роль джирги низводится к роли совещательного органа при хане²². Старые институты родо-племенного самоуправления у афганцев, сохранившиеся и в XIX в., потеряли свое былое значение, и функции их изменились.

Все это служит дополнительным материалом для вывода, сделанного еще Ф. Энгельсом на основе анализа развития других обществ: «Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для

¹⁷ Там же, стр. 212, 213.

¹⁸ Рейснер, *Возникновение и распад Дуранийской державы*, стр. 62.

¹⁹ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 222, 223.

²⁰ Там же, стр. 323, 324.

²¹ Гордон-Полонская, *Пережитки общинно-родового строя*, стр. 6.

²² Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 324.

грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»²³.

Некоторые обычаи афганцев

Остановимся подробнее на некоторых обычаях и установлениях афганцев.

Гостеприимство — один из тех обычаев, непреложное соблюдение которых предписывается афганским «кодексом чести» (паштунвалай). Многие авторы, хорошо знакомые с бытом афганского народа, рассказывают о готовности афганца пойти на самые тяжелые материальные и иные жертвы, лишь бы выполнить долг гостеприимства²⁴.

Обычаем предусматривалось, что гость находится под покровительством и защитой хозяина, приютившего его под своим кровом. Поэтому, постучав в двери жилища афганца, всякий мог рассчитывать не только на то, что его примут и накормят, но и на то, что он получит там убежище²⁵. Ущерб, причиненный принятому под свою кровлю гостю, считался худшим бесчестьем для хозяина. Он должен был защищать своего гостя, будь тот даже преступником, спасающимся от погони.

Как отмечается в этнографической литературе, для поселений большинства афганских племен в XIX в. было характерно наличие трех зданий общественного значения: башня или крепостца; мечеть; помещение для встреч мужской части населения, приема гостей и т. д. Такое помещение у различных племен называлось по-разному: у дурани оно именовалось «михман-хана» (персидско-таджикское «дом для гостей»), у гильзаев — «атеш-хана» (персидско-таджикское «дом огня»), у юсуфзаев и других племен, занимающих примыкающие к Пешавару территории, употреблялось наименование «худжра» (арабское «комната», «келья» и т. д.)²⁶.

У кочевых дурани «михман-хана» представляла собой одиноко стоявший шатер, расположенный несколько поодаль

²³ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избранные произведения* в двух томах, т. 2, М., 1955, стр. 297.

²⁴ См., например, Darmesteter, *The Afghan life in Afghan songs*.

²⁵ Согласно афганской пословице, даже свинье (т. е. самому нечистому из живых существ) нельзя было отказать в предоставлении гостеприимства (Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 120).

²⁶ О значениях термина «худжра» см. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, стр. 228. Перечень источников об «алоухона» (соответствует «атеш-хана») и «мехмонхона» у таджиков см. в кн.: Кисляков, *Патриархально-феодалные отношения*, стр. 160.

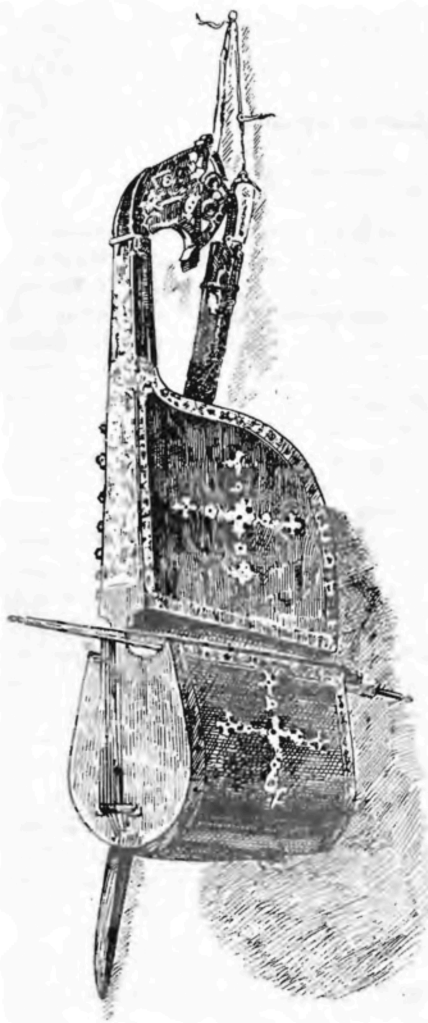

Рис. 2. Патанский рубаб (музыкальный инструмент) и чура (боевой нож)

Средней Азии, что отразилось в гильзайском (по происхождению персидско-таджикском) названии²⁹. С. П. Толстов, со-

от остальных шатров стоянки, у гильзаев «атеш-хана» находилась рядом с мечетью, так близко от нее, что являлась почти что ее частью²⁷. Несмотря на столь близкое соседство с местом богослужения, гильзай не почитали за грех заниматься в своих «атеш-хана» курением и предаваться другим, обычным, но, по мнению автора «Хаят-и Афгани», не согласным с предписаниями религии, развлечениям и занятиям. Этот же автор объясняет происхождение названия гильзайской «атеш-хана» тем, что в ней зимой разводится огонь для обогрева²⁸.

По сходству своих основных функций, несмотря на различия в наименованиях, «атеш-хана» гильзаев и «худжра» юсуфзаев рассматриваемого времени, наряду с дуранийской «михман-хана», могут быть определены как «дом для гостей» или «общинный дом гостеприимства», а по происхождению они, по всей вероятности, связаны с древними общинными «домами огня», подобными существовавшим в далеком прошлом в

²⁷ Мухаммед Хаят-хая, пер. Принсли, 68, 175.

²⁸ Там же, стр. 175.

²⁹ Гильзайскому «атеш-хана» соответствует по своей этимологии «алоухона» — сохранявшиеся до недавнего времени в быту у горных таджиков

поставляя этнографические данные с археологическим материалом, предполагает, что и современная чайхана Средней Азии является пережитком таких «домов огня»³⁰.

Отметив, что у афганских племен в целом еще в прошлом веке гостеприимство сохраняло характер дела общественного, а не только личного, рассмотрим в качестве примера сведения о юсуфзайской «худжре», описанной во многих источниках³¹.

Юсуфзайская худжра первой половины XIX в.— это не только место установленных давним обычаем встреч мужской части общества с целью поразвлечься и побеседовать друг с другом, а прежде всего общественное здание, тесно связанное с важными сторонами жизни родового коллектива: обороной, воспитанием юношества, делами самоуправления и оказанием гостеприимства.

В отличие от чайханы, содержание которой являлось в до-революционной Средней Азии обычно делом ее хозяина и строилось на коммерческих основах, афганский дом гостеприимства был общественным учреждением, поддержание которого оставалось обязанностью членов рода. У юсуфзаев зависимые («хамсая», называвшиеся у них «факир») должны были в порядке очередности снабжать худжру всем необходимым для приема гостей. У других племен, где зависимого населения было мало, это делали по очереди рядовые члены племени.

В распоряжение гостей, посетивших худжру, предоставлялись постель, пища для них самих и корм для верховых животных.

Служа своего рода караван-сараем для гостей и проезжих путников, худжра в случае военной тревоги становилась пунк-

своеобразные «мужские клубы», связанные по происхождению, по-видимому, с доисламскими верованиями.

³⁰ См. Толстов, *Древний Хорезм*. Происхождение общинных «домов огня» в свою очередь связывается с «мужскими домами», описанными этнографами у многих народностей и племен с архаическими чертами социально-экономических отношений. О «храмах огня» в раннесредневековой Средней Азии см. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, стр. 214.

³¹ Общественный характер гостеприимства у афганцев был верно подмечен в 80-х годах XIX в. внимательным и тонким наблюдателем — французским филологом и лингвистом Ж. Дармстетером (См. Darmesteter, *The Afghan life in Afghan songs*). По официальным сведениям о Пешаварском округе, у местных племен худжра — место, где мужчины проводят свой досуг,— была в каждом кандай (родовом квартале. См. стр. 124, прим. 69). При этом еще в середине XIX в. худжра была «иногда личной собственностью малика, но чаще — собственностью прихода» (см. составленный в 1855—1856 гг. отчет: James, *Report on the settlement*, p. 41). Под «приходом» подразумевался в данном случае родовой квартал (кандай), в каждом из которых была башня, служившая для обороны, мечеть и худжра (см.: Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 116; Bellew, *A general report*, p. 201).

том сбора воинов родового квартала³². С худжрами или подобными им общественными зданиями, известными под другими именами, были связаны многие важнейшие вопросы повседневной жизни афганцев. В них собирались мужчины, чтобы поговорить между собой, обсудить свои и общие дела, послушать новости. В них выступали столь любимые афганцами рассказчики, певцы и музыканты. Там же малик встречался со своими сородичами и соплеменниками для обсуждения общих дел³³. Юсуфзайская худжра служила также постоянным местом ночлега для всех неженатых молодых мужчин данной родовой общины (кандай). Достигнув 13—14 лет и начиная выходить вместе со своим отцом на полевые работы, мальчик уже не ночевал, как прежде, в отцовском жилище, а должен был спать либо в худжре вместе с другими неженатыми мужчинами, либо в усадьбе своего отца, но не в комнате, а где-либо на молотильном току, на гумне и т. п.³⁴. Объясняли, что это делалось с целью отделить подрастающих мальчиков от женщин, так как дома вся семья спала в одном помещении.

Вне зависимости от правильности такого объяснения причин происхождения обычая ночевки юношей и неженатых мужчин в худжре очевидно, что пребывание там молодежи способствовало ее воспитанию в традициях своего рода и племени. В описаниях юсуфзайских худжр имеются упоминания о том, что в них мальчики и юноши не только слушали рассказы о боевых подвигах своих предков, но и занимались воинскими упражнениями.

Из изложенного выше видно, что юсуфзайским худжрам и аналогичным им общинным учреждениям других афганских племен первой половины XIX в. были присущи некоторые, по-видимому, весьма архаические черты³⁵. На примере афган-

³² Эд. Конолли, побывавший в январе 1840 г. в юсуфзайских районах Пешаварской долины, отметил, что деревни там большие и население каждой из них многочисленно, и описал сбор воинов по сигналу тревоги следующим образом: «В любое время дня или ночи, как только забьют особенным ритмом в «накара» (барабан), каждый мужчина, способный носить оружие, хватая свое вооружение и спешит, готовый к бою, в свою худжру (или дом для общественных собраний)». Указывая далее, что в каждой деревне есть от 8 до 20 худжр, Эд. Конолли сообщает, что из каждой худжры выступает отдельный отряд, каждый под своим флагом. Эти отряды направляются к месту сражения (см. Conolly, *Notes*, p. 928).

³³ Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 117.

³⁴ Bellew, *A general report*, p. 202.

³⁵ Вряд ли к случайному совпадению сводится известное сходство таких обычаев, как угощение гостей на взносы продуктами, поставлявшими в порядке очередности зависимыми («факирами»), и методов воспитания юношей в юсуфзайских худжрах со сходными установлениями в древней Спарте, в частности, с обычаем совместных трапез (сисситии). Сходство, по-видимому, объясняется некоторыми аналогичными условиями развития классового общества при длительном сохранении родо-племен-

ских общинных домов гостеприимства можно проследить, как видоизменялись старинные общинно-родовые учреждения афганцев, как многие такие дома постепенно переходили в руки ханов и маликов. Соответственно прежние основные значения термина «худжра» у йосуфзаев и других пешаварских племен постепенно превращались во второстепенные и устаревшие, и к нашему времени таким термином у этих племен стали называть прежде всего комнату для приема гостей в доме хана и вообще состоятельного человека ³⁶.

Делами, относящимися к вопросам родо-племенного самоуправления и взаимоотношений с другими племенами, у афганцев ведала джирга ³⁷. Она была также судебно-примирительным органом. Чтобы дать общее представление о джирге у афганцев, приведем в качестве примера описание ее деятельности у афридиев ³⁸. Следует оговориться, что это описание имеет несколько схематический характер и ограничено рассмотрением только одного случая, правда, нередко встречавшегося, когда обсуждался и решался вопрос, выдвинутый на джирге самого мелкого подразделения — родового квартала. В случае, когда люди «кандай» (т. е. части деревни) выносили какое-то решение, они посылали представителей [своей джирги] на джиргу всей деревни, а участники последней, в свою очередь, — на джиргу хеля (т. е. подразделения); представители, назначенные джиргой хеля, собирались на представительное совещание — джиргу — улуса или племени.

Все эти представители называются обычно «мышран» («старшие») или «спинзири» («седобородые») ³⁹.

Джирги у афридиев проходили часто очень бурно. Для того, чтобы достигнуть единодушия, представители, вносившие предложения, приводили всяческие доводы, стараясь убедить членов джирги. Единодушие было обязательным для принятия решения. Если на джирге его достигнуть не удавалось и сторонников противоположного мнения оказывалось если не большинство, то все же немалое число, возможность предпринимать дальнейшие шаги для решения данного вопроса отпадала. Однако, если сторонники противоположного мнения

ной организации, изменяющейся в соответствии с необходимостью поддерживать господство над многочисленным зависимым (покоренным) населением.

³⁶ Указано М. Г. Аслановым.

³⁷ Монгольским или тюркским по своему происхождению (см. об этом т. I, гл. X) термином «джирга» (جرگه) у афганцев в XVIII—XIX вв. назывались: совет старейшин и вождей родственного объединения (начиная от рода и кончая племенем); сходка («круг»), ведавшая всеми делами (в частности, судебными); суд (ср. старинное тюркское «яргу»); свод положений обычного права.

³⁸ В жизни афридиев джирга сохраняла большое значение и в XIX в.

³⁹ James, *Report on the settlement*, p. 27.

оказывались в значительном меньшинстве, более многочисленной группе удавалось иногда силой заставить присоединиться несогласных.

Если джирга принимала в конце концов окончательное решение, безоговорочное подчинение считалось обязательным для всех членов улуса (племени). Неподчиняющимся грозили суровые наказания, причем правомочия проведения в жизнь этих наказаний (в отношении любого не подчиняющегося данному решению) передавались джиргой маликам⁴⁰.

Значение джирги, ее функции, степень влияния на ее решения родо-племенной знати и т. д. были неодинаковыми у различных афганских племен. У вазиров джирга ведала всеми общими делами. На джиргу хеля собирались все мужчины данного хеля. Малики (родовые вожди) вазиров, стоявшие во главе хелей, пользовались еще в середине XIX в. в основном лишь влиянием на членов племени, но не располагали принудительной властью над ними⁴¹.

Об этом свидетельствует прежде всего материал о судебных функциях джирги вазиров. Она была лишь примирительной и посреднической инстанцией, выступавшей только в случае добровольного обращения к ней обеих спорящих сторон. В этом случае для разбора дела созывалась особая джирга, состоявшая из маликов или других уважаемых лиц, как правило, выбиравшихся на общей джирге данного родо-племенного подразделения⁴². Разбирательство споров о земле и различном имуществе, о грабеже, воровстве, увечье и т. д. на этой особой джирге велось на основе обычного права вазиров при участии сородичей обеих сторон в качестве посредников и многочисленных соприсяжников и поручителей⁴³.

У дурани вожди племен и подразделений вместе с джиргой не только выступали посредниками между спорящими сторонами, но могли разбирать дело и без согласия сторон, а выполнение приговоров было обязательным и обеспечивалось принуждением. Джирга решала дела лишь о сравнительно незначительных преступлениях и проступках. Более серьезные преступления (например, убийство) разбирались ханами. Джирга и ханы руководствовались обычным правом. Имущественные споры передавались ханами на решение казиев, судивших по шариату⁴⁴. Уже в начале XIX в. у дурани джирга сохранялась преимущественно в качестве судебно-примирительного органа, причем в основном лишь в самых мелких родо-племенных подразделениях.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 229, 230.

⁴² Там же, стр. 234.

⁴³ Там же, стр. 233, 235.

⁴⁴ Там же, стр. 264.

У гильзаев в первой половине XIX в. джирга оставалась органом родо-племенного самоуправления⁴⁵. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают ответа на вопрос о том, располагала ли джирга у гильзаев во второй половине XVIII — начале XIX в. принудительной властью, а если да, то какова была степень полноты этой власти. По более поздним сведениям, относящимся к XX в., постановления джирги у гильзаев имели строго обязательный характер и их нарушение каралось штрафами, сожжением дома нарушителя, угоном скота. Каралось также нарушение более мелким родо-племенным подразделением решения джирги более крупного подразделения (в которое входило первое). Помимо указанных выше наказаний применялось также взятие заложников⁴⁶.

Есть примеры, свидетельствующие о том, что у афганских племен, в жизни которых сохранялось значение джирги, власть ее увеличилась в XIX в. Так, у юсуфзаев нижнего Свата к началу XX в. отмечалось сосредоточение карательных функций в руках джирги хан-хеля⁴⁷.

Приведенные немногие данные о роли джирги у некоторых афганских племен показывают значительные различия в значении и функциях этого института у отдельных племен, что связано с особенностями их социально-экономического развития, прежде всего степени их феодализации.

Развитие феодализма у отдельных афганских племен

У отдельных племен и их подразделений развитие феодализма происходило неравномерно. Эта неравномерность сохранялась и во второй половине XVIII — начале XIX в. У афганских племен задолго до рассматриваемого периода создалась родо-племенная знать, однако, власть ее не везде была одинаково сильна. У абдали ханская власть приобрела наследственный характер и передавалась внутри ханского рода («хан-хель»), а значение джирги стало все более сводиться к роли совещательного органа при хане. Как уже отмечалось, феодальные княжества создались у хаттаков в XVI в., а у гильзаев — в начале XVIII в.

В то же время у вазиров, афридиев и ряда других племен сохранялось общинно-родовое самоуправление, при котором важнейшие дела по-прежнему решала джирга, ведавшая судебными функциями (выполнявшимися на основании обычаев). Вожди не приобрели еще полноты власти над своими соплеменниками, но пользовались гораздо более широкими

⁴⁵ См. Гордон-Полонская, *Пережитки общинно-родового строя*, стр. 4.

⁴⁶ См. (۱۹۳۹, «سانامه کابل»), جرگه لحمدزائی عبد الرحمان پژواک،

⁴⁷ Об этом см. в гл. VII.

правами и властью над зависимым населением (хамсая). Среди племен, у которых было сравнительно многочисленное зависимое население (например, у юсуфзаев), владычество над ним служило важным источником укрепления силы и влияния родо-племенной знати.

Среди афганских племен существовала вассальная зависимость одних племен (считавшихся хамсая) от других. У некоторых афганских племен имелись рабы, но в целом рабство в рассматриваемое время большого распространения у афганцев не получило. В ряде случаев рабами владели ханы, применявшие их труд наряду с трудом феодально-зависимого населения в сельском хозяйстве.

По уровню развития феодализма среди важнейших афганских племен второй половины XVIII — начала XIX в. можно выделить три группы: племена с наибольшей степенью развития феодальных отношений и разложения родовой общины; племена со значительной степенью развития феодальных отношений, сильно переплетавшихся, однако, с патриархальными отношениями и с очень устойчивыми пережитками последних (в ряде случаев весьма архаического характера); племена с наименьшей степенью развития феодальных отношений. Наиболее типичными представителями первой группы можно считать хаттаков, дурани и баннучей; второй — юсуфзаев, племена Дамана; третьей — вазиров, афридиев, марватов ⁴⁸.

У хаттаков феодальные отношения сложились задолго до рассматриваемого времени. Садозайские шахи жаловали хаттакским ханам джагиры на левобережье Инда. Большинство хаттакского земледельческого населения составляли крестьяне, подвергавшиеся феодальной эксплуатации.

Политика Ахмед-шаха сыграла значительную роль в ускорении развития феодальных отношений у племен дурани во второй половине XVIII в. Ахмед-шах закрепил за дуранийскими племенами поливные земли в Кандагарской области, пожалованные этим племенам в джагир Надир-шахом в 1738 г. Каждое племя, получившее такую землю, было обязано поставлять определенный контингент воинов в шахскую армию ⁴⁹.

Земельно-налоговая политика Ахмед-шаха дала возможность племенам дурани, прежде всего их знати, захватить большую часть остальных пригодных под пашни земель Кандагарской области и соседних с нею районов, оставшихся еще во владении неафганских крестьян (райятов), в основном таджиков. Для дурани был значительно снижен налог с сухо-

⁴⁸ Ср. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 226.

⁴⁹ См. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 346—349.

дольных земель, тогда как с райятов он взимался в прежнем размере ($\frac{1}{10}$ часть валового урожая), причем сбор налогов с райятов был отдан в руки дуранийских ханов⁵⁰.

В результате уже к 70-м годам XVIII в. дурани почти полностью заняли земли неафганских крестьян, превратившихся в издольщиков. К концу XVIII в. эти земли оказались в основном в руках дуранийских ханов, в зависимость от которых попала и часть их соплеменников, превратившихся в крестьян, обязанных уплачивать налоги и выполнять повинности наряду с неафганскими райятами⁵¹.

У гильзаев ханы не обладали такой властью над своими соплеменниками, как у дурани. Джирга, как уже отмечалось выше, еще во многом сохраняла у гильзаев функции органа родо-племенного самоуправления. Обрабатываемые участки находились во владении патриархальных семей, удерживалась общинная собственность на землю. В целом феодальные отношения у гильзаев не достигли такой степени развития, как у дурани.

Следует, однако, учитывать, что по уровню социально-экономического развития гильзайские племена отличались друг от друга. В более развитых районах, тяготевших к Кандагару, а также к Кабулу (Логар и др.), население занималось не только скотоводством и земледелием, но и торговлей и было экономически связано с городами. Но у весьма значительной части гильзаев (в особенности у кочевников) были еще сильны пережитки общинно-родового строя, и у них еще до середины XIX в. преобладала меновая торговля⁵².

Во второй половине XVIII в. гильзайские племена оставались разобщенными, чему способствовала политика шахов Афганистана, опиравшихся на дурани и препятствовавших объединению гильзаев. Ахмед-шах, подчинивший часть гильзаев военной силой и обложивший их налогом, запретил гильзаям иметь хана племени.

Если у ближайших к Кандагару гильзайских племен уровень социально-экономического развития в начале XVIII в. оказался достаточно высоким для создания феодального государства во главе с местной династией, то у большинства подразделений такой крупнейшей гильзайской родо-племен-

⁵⁰ См. там же, стр. 350, 351.

⁵¹ По данным Роулинсона, основанным преимущественно на материалах Кандагарского архива Садозайских шахов, нередко дуранийские ханы, получая на откуп сбор налогов с земель шахского домена, использовали для обработки этих земель своих соплеменников, взимая с них в пользу государственной казны налог в размере от одной трети до половины валового урожая (Rawlinson, *Report on the Dauranee tribes*, p. 828).

⁵² Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 263, 267; Гордон-Полонская, *Пережитки общинно-родового строя*, стр. 4.

ной группировки, как сулейман-хель, еще и в XIX в. сохранялись сильные общинно-родовые пережитки.

Имеющийся материал позволяет отнести баннучей (банну-зай) к числу афганских племен со сравнительно большей степенью развития феодальных отношений, хотя в Банну к рассматриваемому времени не было местной династии, которая располагала бы властью над всем или над большинством населения этой области. Родовые объединения у баннучей заменились территориальными; подавляющая часть населения, происходившая от племени шитак, к началу XIX в. представляла собой столь смешанную группировку, что родовые генеалогии совершенно перепутались и уже не имели былого значения⁵³. Число хамсая в Банну к середине XIX в. примерно в два раза превышало число свободных (хамсая в основном были пришлым из Индии населением). Земля и право пользования водой для орошения у баннучей покупались и продавались. Значительное распространение получил заклад земли. К середине XIX в. около двух третей всей земли в Банну перешло фактически в руки ростовщиков⁵⁴.

К этому времени в Банну насчитывалось около 400—500 укрепленных поселений, жители которых постоянно враждовали между собой. В каждой деревне была крепость. Люди не расставались с оружием, даже выходя на полевые работы. Кровная месть между семьями передавалась из поколения в поколение, и баннучи с молодых лет приучались быть постоянно начеку, опасаясь выстрела кровника из-за угла.

В Банну существовали объединения, именовавшиеся «таппа», в каждое из них входило по несколько десятков поселений. Вследствие распада родовых связей у баннучей «таппа» у них к середине XIX в. были объединениями, основанными, по-видимому, на территориальных связях. В 40-х годах XIX в. в Банну насчитывалось около 20 «таппа». Во главе каждого из них стоял «таппа малик». Наследственных правящих родов и семей не было, и власть «таппа маликов» по наследству не передавалась. Такими маликами в Банну становились самые богатые люди, крупнейшие землевладельцы, либо лица, «мудрейшие в совете или самые грозные в бою»⁵⁵.

⁵³ Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 66. Обычное право у баннучей к середине XIX в. (в отличие от многих других афганских племен) было вытеснено нормами шариата (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 240).

⁵⁴ Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 77. Ростовщиками в большинстве случаев были улемы. В полной собственности улемов в это время оказалась $\frac{1}{6}$ часть всех земель в Банну (ibid., pp. 73, 74).

⁵⁵ Ibid., p. 66.

В жизни баннучей весьма значительную роль играли «гунди»⁵⁶. Жители области примыкали к одному из двух соперничавших между собой больших гунди, во главе которых стояли наиболее могущественные малики. В 40-х годах XIX в. численность воинов, находившихся под началом малика одного из этих гунди, составляла 9 тыс., а другого — 6 тыс.⁵⁷.

Соседнее с баннучами племя марватов значительно отличалось по уровню социально-экономического и общественного развития. Племя марватов занимало засушливую равнинную местность, где преобладали песчаные почвы. Земледелие у марватов было только неполивным (в отличие от баннучей, создавших обширную сеть искусственного орошения)⁵⁸. В населенной марватами местности неоткуда было взять воду для орошения полей, не хватало и питьевой воды⁵⁹. Урожайные годы, когда дождей выпадало достаточно, чередовались с частыми засухами. Марваты возделывали только пшеницу и просо⁶⁰.

Их бедные земли не были привлекательным объектом для захватов и к тому же находились в стороне от больших торговых путей. В связи с этим войны, грабежи и набеги не играли в жизни марватов той роли, как у многих афганских племен. Очевидцы, познакомившиеся с жизнью марватов в XIX в., единодушно характеризуют их как мирное племя. Вместе с тем отмечалось, что занятая марватами небольшая равнинная местность, лишенная естественных оборонительных рубежей, была легко доступной для нападения. Поэтому марватам было трудно отстаивать свою независимость и они в ряде случаев признавали власть соседних правителей⁶¹.

Однако марваты были известны как мужественные воины и на усиление феодального гнета отвечали восстаниями. Когда сикхи обложили их тяжелым земельным налогом и подушной податью, они поднялись с оружием в руках⁶². При-

⁵⁶ «Гунди» — союзы или партии у афганцев, объединявшие людей внутри племени, но уже, по-видимому, не по признаку родо-племенной структуры, а по другим признакам, так что люди из одного и того же хеля могли состоять в разных гунди.

⁵⁷ Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 71.

⁵⁸ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 154—156.

⁵⁹ Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 306.

⁶⁰ Thorburn, *«Vesh» in the Murwat tract*, p. 219.

⁶¹ Марваты подчинялись и афганским государям Садозайской династии (см. Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 307). Затем правивший в Дера Исмаил-Хане наваб стал брать с марватов от 27 до 40 тыс. рупий в год (*ibid.*, p. 308).

⁶² В борьбе против сикхских завоевателей марваты были поддержаны вазирами и хаттаками (Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, pp. 308—310). О завоеваниях сикхов в населенных афганцами районах и борьбе против них афганских племен см. ниже, в гл. IV и V.

мечательно, что в отличие от соседних баннучей марваты не имели крепостей и обнесенных стенами поселений.

Сообщая, что у марватов нет ни одного «форта», ни одной обнесенной стенами деревни и вообще никаких укреплений, Эдвардс не мог объяснить разницы в этом отношении между марватами и баннучами. Он ограничивался ссылкой на различия морального порядка, считая отсутствие укреплений у марватов лучшим свидетельством их храбрости⁶³.

В действительности же характер общественного строя марватов был главной причиной того, почему они обходились без крепостей. Феодалные отношения у марватов еще не развились, во всяком случае еще не стали преобладающими, родовая община не разложилась, среди них не существовало таких ожесточенных споров и раздоров из-за земли и воды, как у многих других афганских племен (в частности, у баннучей), порождавших внутренние войны и кровную месть, длившуюся поколениями.

Хамсая у марватов было сравнительно немного, они состояли из пришельцев из Индии — ремесленников и торговцев⁶⁴. Свои поля марваты обрабатывали сами. Земля у них оставалась в коллективной собственности и продавать ее было нельзя. Однако заклад земельных наделов уже в первой половине XIX в. был распространен довольно широко. При этом у марватов оставался в силе обычай, для индийских ростовщиков не только невыгодный, но и непонятный: в случае смерти человека, заложившего свой надел, лицо, представившее деньги под залог земли, теряло всякие права на земельный надел покойного⁶⁵. Существование такого правила объясняется наличием у марватов еще не разложившейся родоплеменной собственности на землю. Каждый член племени, получивший для пользования долю общей земли, мог распоряжаться при жизни своим правом пользования, которое теряло силу после его смерти.

⁶³ Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 305.

⁶⁴ Ремесленники обычно привлекались к работе на определенный срок, «что облекало условия их эксплуатации в форму двустороннего, периодически возобновляемого соглашения» (Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 211). Степень прикрепления «общинных слуг» к данной общине (родоплеменному подразделению) оставалась слабой; они располагали возможностью переходить в другую общину. У марватов, как и у других афганцев, не признавалось кастовых различий. Это заставляет относиться с осторожностью к выводу И. М. Рейснера, видевшего у марватов «наличие деревенской общины с внутренним разделением труда по средневековому индийскому образцу» (там же, стр. 239).

⁶⁵ Edwardes, *A year on the Punjab Frontier*, vol. I, p. 316. Подробнее об этом примечательно к 70—80-м годам сообщает Торборн. Возможно, что обычай к тому времени несколько изменился к выгоде ростовщиков (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 78).

Обычай переделов земли и характер общины у марватов и юсуфзаев

Земельные отношения у марватов регулировались обычаем переделов земли, называвшимся «веш» и распространенным еще в первой половине XIX в. у многих афганских племен⁶⁶. У некоторых племен сохранились только пережитки этого обычая, причем он сводился в конце концов к периодическому или ежегодному обмену наделами лишь между отдельными хозяйствами. Но у таких племен, как марваты, а также у большинства подразделений юсуфзаев еще в первой половине XIX в. устойчиво сохранялись обычаи периодических переделов в их более ранней форме. У этих племен «веш» обеспечивал очередность в пользовании землями различного качества не только для отдельных семей, но и для родов и подразделений племени, вплоть до самых крупных. При переделах сначала менялись своими землями самые крупные родо-племенные подразделения, затем внутри них более мелкие и в конце концов — род с родом и семья с семьей. Обмен производился по жребию. У марватов, юсуфзаев и некоторых других афганских племен обмену между семьями подлежали не только наделы пахотной земли, но и усадьбы с жилищами⁶⁷.

Из отчета Бекетта о веше 1873 г. в Свате видно, что в нем принимали участие подразделения юсуфзайских племен, насчитывавшие по несколько десятков тысяч человек каждое⁶⁸. При этом сотни и тысячи людей снимались с места, чтобы перейти со своим имуществом на выпавшие им по жребию территории и занять селения, где им предстояло прожить до следующего очередного обмена. До тех пор пока периодические переделы проводились в такой форме и в таком масштабе, превращение родовой общины в соседскую было невозмож-

⁶⁶ Наиболее полную в советской исторической литературе сводку сведений об этом обычае см. в кн.: Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 104—129. Следует подчеркнуть, что в Пенджабе, на территории южнее Инда, переделов земли, полностью аналогичных афганскому «вешу», в XIX в. не было (см.: Минаев, *Землевладение в современной Индии*). Исключение, возможно, составляли некоторые небольшие племена, долго жившие рядом с афганцами и среди них (как, например, местное население Свата до завоевания его афганцами), вытесненные впоследствии в округ Хазара (см.: Boulnois — Rattigan, *Notes on Customary Law*, p. 204; Tupper, *Punjab Customary Law*, vol. II, p. 15).

⁶⁷ На обычаи такого рода у некоторых афганских племен Пешаварской области, у которых также происходил обмен земли между поселениями и входившими в них родовыми кварталами (канди), причем жилища тоже переходили из рук в руки, обратил внимание К. Маркс, работая над контекстом книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», М., 1879 (см. «Материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из неопубликованных рукописей Карла Маркса», — СВ, 1958, № 3, стр. 9).

⁶⁸ См. Beckett, *Vesh in Swat*.

но, так как роды, занимавшие части деревни (родовые кварталы — «канди»), постоянно меняли своих соседей при каждом новом переселении во время очередного веша. Новых соседей приобретали при каждом новом переделе все участники веша, начиная от крупных родо-племенных подразделений и кончая каждой отдельной семьей. Вероятность встречи прежних соседей для отдельных родов и семей в течение ближайших десятилетий была ничтожно мала, и территориальные (соседские) связи периодически разрушались, не успев еще сложиться или сколько-нибудь окрепнуть.

Основываясь на своих личных наблюдениях, М. Эльфинстон отмечал как факт, весьма его удививший, отсутствие связей между юсуфзяями одного кандай⁶⁹ с их соседями из других канди того же самого селения, подчеркивая, что хотя «кланы (т. е. роды, населявшие родовые кварталы.— В. Р.) живут рядом, между ними имеется не большая связь, чем если бы они жили в разных частях страны»⁷⁰. Эльфинстон берет в качестве примера одно из поселений некпи-хеля, в котором в отдельных кварталах жили люди четырех канди. Во главе каждого кандай стоял мушир (мышр), подчинявшийся малику своего хеля. Так оно и должно было быть при существовании веша в прежней его форме. Каждый род, населявший доставшийся ему при очередном переделе квартал селения, был связан с тем более крупным родо-племенным подразделением, в состав которого он входил. Жители же соседних кварталов входили в другие подразделения некпи-хеля и были связаны с ними, а не с временными своими соседями⁷¹.

⁶⁹ Кандай (мн. ч. канди) — афганское слово, означающее «часть селения», «квартал», «родовой квартал». В русской исторической и этнографической литературе употребляется в форме канди. По происхождению это слово связано с древневосточноиранским *kanā* «город», «поселение» (ср. согдийское *kanθ*, *kanp*, хотанско-сакское *kantha-* и т. д. Ср. Грантовский *Parçū — parçava*, стр. 93—94).

⁷⁰ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 338. Рейснер (*Развитие феодализма*, стр. 139) пишет: «Хотя Эльфинстон и утверждает, что у юсуфзаев члены одного канди относились к членам другого канди так, как будто они жили в разных частях страны, на самом деле к XIX в. это было далеко не так. На почве совместной жизни и территориальной близости рождались и общие интересы». (В доказательство такого вывода приводится ссылка на порядки в гильзайских селениях, не имеющая, однако, отношения к данному вопросу, так как у гильзаев в это время не было «веша»). Наблюдение Эльфинстона следует признать соответствующим действительности.

⁷¹ Отметим попутно, что, по-видимому, для Эльфинстона не была ясна причинная связь между вешем в той его форме, в какой этот обычай существовал в его время у юсуфзаев, и степенью сохранения у них связей по линии родо-племенной структуры, препятствовавших развитию иных связей. Это видно из того факта, что, описывая союзы «гунди» у афганцев, Эльфинстон отмечал, что только у юсуфзаев их нет, и признавался, что причин их отсутствия у данного племени он не знает. Естественно предпо-

Этот факт, несомненно, объясняется характером переделов — с обменом территориями, селениями и усадьбами. До тех пор пока обычай переделов удерживался в такой форме, члены каждого кандай сохраняли связь по линии родо-племенной структуры с близкими им родами, занимавшими кварталы в других деревнях и составлявшими вместе более крупные родо-племенные подразделения.

Обычай веш в том виде, как он сохранялся еще до 70-х годов XIX в. у марватов, а также в сравнительно недавнем прошлом у некоторых других племен (в частности, по-видимому, у какаров), должен был обеспечивать равенство наделов всем членам племени: мужчинам и женщинам, взрослым и детям⁷². Для этого каждый веш у марватов сопровождался пересчетом всех людей племени и обмером земли для определения величины причитающегося каждому надела. Численность ветвей и подразделений племени марватов уравнивалась так, чтобы в обменивавшихся друг с другом по жребию подразделениях было строго одинаковое число душ, входящих в подсчет при проведении веша. Для этого из более многочисленных подразделений в менее многочисленные должно было передаваться избыточное число людей⁷³. Одинакового размера участки пахотной земли затем обменивались по жребию между уравненными по своей численности родо-племенными группами. Сначала производился обмен между крупнейшими подразделениями данного племени, потом между более мелкими, входившими в их состав. Внутри каждого такого подразделения обмен продолжался вплоть до отдельных семей.

ложить, что причиной были юсуфзайские переделы с переселениями, каких уже не было у подавляющего большинства других афганских племен. Переделы между крупными подразделениями с обменом районами и деревнями отмирали в первую очередь. Такие переделы были и более ранними по времени своего возникновения (см. К. Маркс, *Черновые наброски письма Маркса — В. И. Засулич (8 марта 1881 г.)*, — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 1, т. XXVII, стр. 693).

⁷² Такой веш назывался «хула веш», т. е. передел по едокам (букв.: «по ртам»). У марватов, судя по источникам XIX в., переделы такого характера в основном прекратились в 70-х годах в связи с непосредственным административным вмешательством колониальных властей, считавших этот обычай не соответствующим своим интересам. Однако в литературе имеются упоминания о том, что «хула веш» у марватов существовал все же до 1904 г. (см. *The Cambridge history of India*, vol. VI, p. 473).

⁷³ Это и имело место в действительности, что с несомненностью видно из упоминавшегося выше отчета Торборна. К сожалению, подробностей о том, как именно происходило подобного рода «искусственное уравнивание» с передачей людей (вероятно, семей) из одного родо-племенного подразделения в другое и сопровождалась ли такая передача действительным и окончательным переходом людей в другие роды и подразделения, в доступных нам источниках (основным из которых является отчет Торборна), мы не обнаружили.

Общим признаком «веша по едокам» было равенство земельных наделов, периодические пересчеты населения при каждом веше и искусственное уравнивание числа душ в соответствующих друг другу (равнозначных) подразделениях.

У марватов вещи проходили мирно, без споров и ссор. Жилища (большинство марватов жило в хижинах или шалашах из сучьев) передавались в полном порядке. Фруктовые деревья, по обычаям марватов, оставались в собственности того, кто их посадил (вне зависимости от обмена участков), а все прочие деревья переходили в пользование того человека, кому выпал жребий на землю, на которой они находились.

Еще к 70-м годам XIX в. обычай веша продолжал соблюдаться во всех подразделениях племени марватов, что, очевидно, отражало устойчивость института родо-племенной собственности на землю. Но, как видно из имеющихся данных, в ходе внутреннего развития марватских общин создавались предпосылки для нарушения регулировавшегося старым обычаем равенства владельцев земли и для изменения в конечном счете характера обычая переделов. Это видно на примере двух марватских подразделений — сикандар-хеля и абба-хеля. В абба-хеле последний «хула-веш» происходил в 1884 г., при этом 182 надела из общего числа 1793 не подпали под действие веша. Часть из этих 182 наделов уже с давних пор была закреплена за ремесленниками, работавшими на общину, за «рабами» наемных воинов (т. е. воинов, которые когда-то несли военную службу хелю за денежное вознаграждение, уплачивавшееся им подразделением племени). Несколько наделов было закреплено за семьей индийцев — потомственных счетоводов и землемеров, обслуживавших проведение вешей, и других лиц, служивших племени. 15 наделов были пожалованы «святым людям», а 28 принадлежали маликам, причем некоторые из маликов получили их как дар от хеля, а некоторые захватили самочинно. Несомненно, что выделение таких закрепленных наследственно за некоторыми семьями долей было шагом к созданию частной собственности на землю.

В сикандар-хеле одно из его подразделений, мина-хель, усилилось за счет влияния своих вождей и захватило большой участок земли. Члены этого подразделения добивались исключения захваченного участка из сферы действия обычая периодических переделов, отмены прежнего «веша по едокам» вообще и перехода к «просто вешу», без пересчета душ, т. е. к увековечиванию за каждым подразделением сикандар-хеля того количества земли, которое пришлось на его долю по подсчету числа душ, произведенному во время предшествовав-

шего передела. Такое изменение обычая гарантировало бы мина-хелю сохранение на будущее захваченного участка⁷⁴.

У юсуфзаев в прошлом происходили переделы земли, возможно также основанные на том же принципе обеспечения равных долей, как у марватов. Но у юсуфзаев в XIX в. этот обычай совершался по другому принципу. Подсчетов населения не производилось. Обмен участков по жребию проходил в том же порядке, что и у марватов (т. е. начинался с крупнейших подразделений и заканчивался отдельными семьями), но этот обмен не обеспечивал одинаковой доли для всех членов племени. Земля обменивалась между неравными по своей численности (хотя бы уже вследствие разницы в естественном росте населения) подразделениями и семьями⁷⁵. При таком веше изменялось место расположения пахотных полей, а следовательно, и качество обрабатываемой земли. Каждое родо-племенное подразделение и каждый глава семьи получали такой же по размеру надел пахотной земли, только расположенный в другом месте⁷⁶. За счет прирезки пастбищных земель и пустошей могли увеличиваться и абсолютные размеры наделов, но относительные размеры надела на душу населения все время оставались неравными, так как численность семейств и подразделений в расчет не принималась. Относительный размер доли данного подразделения (рода или семьи) из пахотных земель более крупного родо-племенного подразделения переходил от поколения к поколению как нечто неизменное, раз и навсегда определенное обычаем. Такое омертвление относительного размера надела каждого данного владельца характерно для отношений, закрепленных обычаем веш у юсуфзайских племен в первой половине XIX в. Наследники получали еще не какой-то определенный участок в определенном месте (поскольку сохранялись переделы), а неизменную долю земельного фонда своего подразделения.

В афганских земледельческих общинах типа марватской одним из первых этапов образования наследственной частной

⁷⁴ Изложенные примеры основаны на материале, содержащемся в отчете о веше, составленном Торборном. Подробнее об этом см. Ромодин, *Социально-экономический строй*, стр. 113, 114; Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 178, 179.

⁷⁵ При этом прежний полный надел у юсуфзаев все еще составлял ту единицу, по которой определялись размеры одной трети надела («драйяма браха»), одной шестой («шпагама браха»), одной двенадцатой («доласама браха») и т. д. Так же было и в других областях и странах, когда наделы общинников становились неравными (ср. полунадел, четверть, восьмая доля и т. д. на Мозеле, см. Ф. Энгельс, *Марка*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 1, т. XV, стр. 632).

⁷⁶ По данным, собранным Бартом, подобного рода переделы земли существовали у юсуфзаев Свата уже со времен первоначального раздела земель Шейхом Мали в XVI в. (см. Barth, *Political leadership*, p. 65).

собственности на землю был переход от «веша по едокам» к «просто вешу» или «обменному вешу», и закрепление размера наследственной доли за владельцами — при сохранении обмена землями между родо-племенными подразделениями (а не только отдельными семьями) и при сохранении обмена усадебными участками.

По имеющимся данным, обмен жилищами у юсуфзаев Свата часто сопровождался спорами и разногласиями. При передаче жилищ от одного владельца к другому учитывались их размеры, качество и ценность. Если при взаимной проверке теми, кому выпал жребий меняться, устанавливалось, что оба дома примерно одинаковы по размерам и по стоимости, обмен производился на равных условиях. Но если один из домов оказывался лучше другого, полагалось возместить чем-нибудь разницу. В случаях, когда сторонам не удавалось достигнуть по этому поводу соглашения, домовладельцы старались захватить с собой все, что было возможно, из домашнего имущества, хотя бы оно и составляло неотъемлемую часть жилища. Меняющиеся домами снимали и забирали с собой на новое место двери, стропила, траву, которой была покрыта крыша, и т. п., оставляя своему преемнику лишь остов дома. Нередко подобные конфликты приводили к длительным распрям и ожесточенной вражде между спорщиками⁷⁷.

Вместе с тем в литературе есть сведения о том, что у юсуфзаев Бунера перед наступлением срока очередного веша каждый член племени старался привести в полный порядок свое жилище, которое подлежало обмену вместе с усадебным участком. Сдать свое жилище в хорошем состоянии считалось делом чести. Кроме того, каждый надеялся получить новый участок и жилье в полном порядке⁷⁸.

Заинтересовавшийся обычаями юсуфзаев Свата русский этнограф XIX в. (видимо, находясь под влиянием народнической идеализации общины) неправильно охарактеризовал их общественный строй, как «аграрный коммунизм»⁷⁹. В действительности же при всей архаичности родовой общины юсуфзаев в XIX в. с обычаем переделов земли, продолжавшим обеспечивать очередность в пользовании землями различного качества не только для отдельных семей, но и для родо-племенных объединений (вплоть до самых крупных), при сохранении обмена усадебными участками и жилищами, у юсуфзаев, как и у других афганских племен, сохранявших обычай веш в аналогичных формах, коллективная собственность на землю сочеталась с индивидуальным использованием земель и

⁷⁷ См. Raverty, *An account of Upper and Lower Suwat*, p. 270.

⁷⁸ См. «The geographical journal», 1928, № 5, p. 465.

⁷⁹ См. Страна юсуфзаев, — «Географические известия», СПб., 1873 № 6, стр. 18.

присвоением продуктов ее обработки отдельными семьями. Именно это коренным образом отличало афганскую общину рассматриваемого времени от первобытной, в которой земля между семьями не делилась и обрабатывалась сообща всем родом.

Рассматривая типы общин, К. Маркс упоминал и об афганцах, указывая, что «„сельская община“ встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собою *самый новый тип общины и, так сказать, последнее слово архаической общественной формации*»⁸⁰. Вместе с тем, касаясь общин, в которых сохранялся обмен жилищами, К. Маркс указывал на переходный характер таких общин: «Конечно, встречаются земледельческие общины, в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле»⁸¹.

Анализируя «земледельческую общину» и указывая на ее отличия от более древних общин, К. Маркс кроме обмена жилищами отмечал еще две черты. «Все другие общины,— писал он,— покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа. „Земледельческая община“ была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁸².

Община юсуфзаев и марватов в рассматриваемое время основывалась на отношениях патрилинейного родства между членами общины. Как и у других афганских племен, в нее допускались лишь кровные или усыновленные родственники. Родо-племенная организация поддерживалась у юсуфзаев и марватов, как уже указывалось, обычаем переделов земли. Структура, связывавшая общины друг с другом, оставалась структурой генеалогического древа (передача избыточных семей у марватов, если она даже означала переход этих семей в другие роды, сводилась к усыновлению).

Третья черта отличия, отмечаемая К. Марксом, относится к самому главному и существенному в жизни всякого общества — к производству: «Пахотная земля, неотчуждаемая и общая собственность, периодически переделывается между

⁸⁰ К. Маркс, *Черновые наброски письма Маркса — В. И. Засулич (8 марта 1881 г.)*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинение изд. 1, т. XXVII, стр. 694.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

членами земледельческой общины, так что каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично. В общинах более древних работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления»⁸³.

Ни у одного из афганских племен в первой половине XIX в. не практиковалась совместная обработка земли. Наделы обрабатывались отдельными семьями, которые и присваивали себе урожай с отведенных им полос в «вандах» (конах), на которые распределялась земля. Самая важная черта, определяющая социальный тип общины,— характер производства и распределения продуктов этого производства,— сближает афганскую общину с «земледельческой общиной», а не с древней, существовавшей в эпоху первобытнообщинного строя. Останавливаясь на древнегерманской общине, К. Маркс отмечает отличия позднейших переделов земли от переделов, существовавших у германцев во времена Юлия Цезаря: «В эпоху Юлия Цезаря уже проводился ежегодный передел пахотной земли между группами, между *родами* и *племенами*, но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно, и обработка велась группами, сообща»⁸⁴.

Далее К. Маркс пишет об эволюции древнегерманской общины: «На самой германской почве эта община более древнего типа преобразовалась путем спонтанного развития в *земледельческую общину* в том виде, в каком она описана Тацитом»,— и указывает, что остановился на некоторых деталях, касающихся германской общины именно для того, чтобы осветить тот факт, что «сельская община» в Азии, в частности у афганцев, представляет собою «самый новый тип общины»⁸⁵.

Итак, община некоторых афганских племен (марваты, юсуфзаи) в начале XIX в. еще сохраняла следы своего происхождения: она состояла только (или в основном) из кровных или усыновленных родственников; усадьба еще не стала частной собственностью отдельного члена общины; эта община еще не соседская, хотя основана на ведении парцеллярного хозяйства отдельными семьями. Важнейшая черта, характеризующая ее строй, свойственна уже «сельской общине». Однако афганская община того времени у племен, сохранивших обычаи веш типа марватского и юсуфзайского, находилась в состоянии переходном от «общины более архаической» к «земледельческой» в том смысле, какой вкладывал в эти термины К. Маркс.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 693.

⁸⁵ Там же, стр. 694.

При сохранении таких сильных пережитков общинно-родового строя, как охарактеризованная выше община, все же среди юсуфзайских племен в рассматриваемое время значительного развития достигли элементы феодальных отношений.

По сведениям, относящимся к началу XIX в., эксплуатация зависимого населения имела феодальный характер, хотя положению этого населения были присущи некоторые патриархальные черты (в частности, зависимые широко пользовались правом перехода от одного господина к другому).

У юсуфзаев зависимые («факиры») обрабатывали землю в качестве издольщиков. М. Эльфинстон, характеризуя положение зависимого человека у юсуфзаев, писал: «Факир является подданным того лица, на земле которого он живет. Это лицо в отношении к факиру называется «хавынд», или господин. Факир платит своему господину налог, а также обязан работать на него безвозмездно (*gratis*), подобно крепостному в Европе»⁸⁶.

Юсуфзайские хели в рассматриваемое время не были однородными в имущественном и социальном отношении. У некоторых знатных семей земли было в десятки раз больше, чем у остальных.

Схематически состав населения юсуфзайских областей можно представить так: ханы и малики юсуфзаев и других афганских племен; члены афганских племен — свободные воины, большая часть которых сдавала свои наделы в обработку издольщикам-факирам; мусульманское духовенство и привилегированные роды «святых людей» — сейидов, мянгов и т. д.; индийские купцы; неполноправное и эксплуатируемое население, общая численность которого в полтора-два раза превышала численность юсуфзаев, близких к ним манданов и живших в их областях групп некоторых других афганских племен. Эта наиболее многочисленная группа жителей состояла из факиров-земледельцев, часть которых попала в наследственную долговую зависимость от хозяев земли, а также из факиров-ремесленников — переселенцев из Индии. Кроме того, были рабы, которыми владели главным образом ханы. Рабов было гораздо меньше, чем факиров.

Пестрое по своему этническому составу, население юсуфзайских областей, как видим, было весьма неоднородным. При этом границы этнические, племенные в ряде случаев совпадали или почти совпадали с профессиональными, социальными различиями групп людей.

В середине XIX в. общая численность населения юсуфзайских земель составляла около 600 тыс., из них около 140 тыс. жило в равнинных районах Пешаварской области, а осталь-

⁸⁶ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 345.

ные — в горах к северу от нее (Пянджора, Сват, Бунер). Ниже приведено соотношение основных групп населения равнинных районов ⁸⁷:

Основные группы и прослойки населения	Приблизительное соотношение, %
Юсуфзаи и другие афганские племена	30—35
Факиры-земледельцы, факиры-ремесленники и рабы ⁸⁸	около 60
Мусульманское духовенство и привилегированные роды сейидов, мянянов и т. п.	5—6
Индусы (главным образом торговцы)	3—4

Характеризуя положение указанных групп, следует отметить, что духовные лица у юсуфзаев пользовались такими же правами и преимуществами, как и у большинства других афганских племен в рассматриваемое время.

Индийские купцы жили небольшими, совершенно обособленными группами почти в каждом селении в юсуфзайских областях, сохраняя свою религию и обычаи. Они платили только один налог («джизья»), имели лавки, вели денежные дела и пользовались покровительством ханов и богатых людей.

Совершенно иным было положение ремесленников и мелких торговцев, совмещавших мелкую разносную торговлю с ремеслом. Ремесла находились почти исключительно в руках неафганского, пришедшего из Индии населения. Ремесленники некоторых профессий, такие, как кузнецы, плотники, цирюльники, проживая в юсуфзайских селениях, получали небольшие участки земли от родо-племенного подразделения, в чьем квартале они жили, и работали за это бесплатно в пользу общины, но, как отмечает Эльфинстон, получали вознаграждение за работы, выполненные для частных лиц. Остальные ремесленники, кроме перечисленных профессий, снимали участки земли для своих хижин у отдельных афганских воинов-землевладельцев и владели самым жалким существованием. Почти все эти ремесленники были вынуждены работать поденщиками в сельском хозяйстве, чтобы прокормить свои семьи. На каждом шагу они подвергались всяческому притеснениям и уни-

⁸⁷ Материал для исчисления извлечен в основном из: Bellew, *A general report*. Достоверность этого материала подтверждается сравнением его с данными произведенной в 1881 г. в Пенджабе переписи. В наше время в Свате этнограф Барт определил соотношение землевладельцев-юсуфзаев к зависимому населению в среднем как 1 : 5 (см. Barth, *Political leadership*).

⁸⁸ Факиры-земледельцы составляли около 50% всего населения, а факиры-ремесленники около 6%. О численности рабов прямых данных нет, но, судя по косвенным сведениям, можно предполагать, что она составляла около 3% всего населения.

зительному обращению. С них собирали, кроме платы за участок, различные поборы и налоги, их заставляли выполнять различные повинности в пользу тех родо-племенных подразделений, к которым принадлежали хозяева участков. Ремесленники жили в селениях юсуфзаев небольшими группами, соблюдая кастовую замкнутость: браки у них заключались внутри одной и той же профессии⁸⁹.

Наблюдателями отмечалось, что положение факиров-ремесленников в юсуфзайских селениях было гораздо худшим, чем положение ханских рабов⁹⁰.

О наличии рабов у юсуфзаев упоминает Эльфинстон, но не приводит сколько-нибудь существенных подробностей, характеризующих их положение. К середине XIX в. некоторые юсуфзайские ханы в Пешаварской области имели по 100 и более рабов обоего пола. Рабы-мужчины ценились как верные слуги и телохранители. Они, наряду с наемниками, входили в состав военных отрядов ханов. Но труд рабов применялся и в хозяйстве. Судя по наблюдениям Лэмсдена, у юсуфзаев в 40-х годах XIX в. эксплуатация рабов переходила или уже давно полностью перешла в феодальную, причем раб оказывался прикрепленным к земле в силу наследственной зависимости от своего господина-хана. Лэмсден сообщает, что в юсуфзайских районах Пешаварской области были «целые деревни рабов, называемых гуламами, единственным признаком рабского состояния которых является то, что они не могут уйти в другую часть этой местности; они обрабатывают ханскую землю, имеют свой собственный скот, живут в домах, предоставленных ханом, и получают продукты земледелия в обмен на свой труд»⁹¹.

Наличие у юсуфзаев рабства (точнее, остатков его) имело, как можно предположить, двоякое значение. С одной стороны, пережитки рабства затрудняли развитие феодальных отношений, поскольку эксплуатация рабов, пусть в феодальных формах, давала возможность ханам в какой-то мере обходиться трудом людей, лично и наследственно от них зависимых. Использование рабской рабочей силы, даже эксплуатируемой феодальными методами, ограничивало в какой-то мере создание условий, которые толкали бы ханов на осуществление весьма нелегкого дела — подчинения своих вооруженных и вольнолюбивых сородичей и соплеменников.

С другой стороны, наличие целых селений рабов у юсуфзайских ханов создавало благоприятные условия для усиления вождей, которые не только имели в своем распоряжении постоянную рабочую силу, источник для дальнейшего обога-

⁸⁹ Bellew, *A general report*, p. 192.

⁹⁰ Ibid., p. 184.

⁹¹ Lumsden, *Report*, p. 373.

щения за счет ее эксплуатации, но использовали мужчин-рабов в своих отрядах.

Таким образом, сохранение остатков рабства способствовало росту богатства, влияния и силы феодализирующейся верхушки, причем этот рост происходил в значительной мере вне общины, помимо общины и не за счет общины.

«Факиры»-земледельцы получали землю у юсуфзаев на условиях издольщины и были обязаны выполнять на хозяев различные работы, а кроме того, вносить налоги маликам и ханам. Некоторые факиры, а также зависимые афганские племена получали для поселения землю на условиях несения военной службы племенам — собственникам земли. Такие афганские племена (хамсая) находились в привилегированном по сравнению с факирами, положении и налогов не платили ⁹².

В отношении зависимого податного населения юсуфзайские ханы пользовались большой властью, располагая силой принуждения, обеспеченной не только своими личными отрядами, но и поддержкой родо-племенных подразделений юсуфзаев, на правах вождей которых ханы управляли поселениями факиров. Юсуфзайские ханы взимали с факиров налоги и поборы, сгоняли их на строительные и другие работы, принуждали к выполнению повинностей. Управляя зависимыми и владея рабами, а также за счет военной добычи ханы сосредоточили в своих руках значительные богатства.

Однако ханская власть у юсуфзаев не приобрела еще окончательного наследственного характера. За юсуфзайскими вождями не признавалось право распоряжаться жизнью и свободой своих соплеменников. Никаких налогов своим ханам и маликам сами юсуфзаи не платили. Характеризуя отношения юсуфзайских ханов и маликов с их соплеменниками, Эльфинстон, побывавший в Пешаварской области в 1809 г.,

⁹² Держание земли за военную службу тому племени, которое предоставляло землю, называлось «млатар». Значение этого слова — «препоясывающий чресла», «собирающийся с силами» и т. д., подобно персидскому «камарбанд». В отчете Джеймса это держание характеризуется следующим образом: «Бāнда» или лежащие в стороне выселки были обычно заняты хамсая, а иногда некоторыми из имущего класса (здесь имеются в виду люди афганских племен, имевшие право на данную землю.— В. Р.). В некоторых случаях занимающие эти выселки хамсая владели ими на основе феодального держания и были обязаны за право бесплатного пользования принимать участие в наступательных и оборонительных операциях племени, от которого они получили землю. Это держание известно как млатар (препоясывающий чресла). В большинстве случаев такие владельцы благодаря проживанию на некотором расстоянии от основных селений не привлекались к выполнению многих мелких повинностей, возлагавшихся на снимающих землю в ближайших селениях (James, *Report on the settlement*, p. 157).

утверждал: «Ни у кого из этих вождей нет власти, равной той, какой располагает в Англии полицейский»⁹³.

Наделы большинства юсуфзайских ханов и маликов подлежали, на равных основаниях с наделами всех других членов племени, периодическому обмену по жребью.

Тезис о переходном характере юсуфзайской общины рассматриваемого времени, основанный на указании К. Маркса, подтверждается кратко изложенными здесь сведениями о положении юсуфзайских ханов. В их положении мы видим черты двойственности: с одной стороны, они оставались родо-племенными вождями, далеко не обладавшими полнотой власти над своими сородичами и соплеменниками, а с другой — выступали как прямые эксплуататоры зависимого населения, располагая над ними большой властью, опиравшейся на силу принуждения. Источники роста богатства, силы и влияния знати у юсуфзаев находились в значительной мере вне общины (эксплуатация зависимых и рабов)⁹⁴.

Усиление крупных феодалов приводило, однако, в конечном счете к вооруженной борьбе их со своими соплеменниками и к насильственному захвату (узурпации) власти. В конце XVIII в. в результате своего рода переворота было создано юсуфзайское феодальное княжество Дир в области Пянджко-ра. Основателем этого княжества был Касим-хан из привилегированного рода — пайинда-хеля. Предками Касим-хана были «святые люди» — ахунды. Касим-хан приобрел много земли путем покупки и путем захвата у своих родственников. Он накопил много богатств и сокровищ и содержал постоянное войско на свои доходы. Разбогатец и усилившись, пользуясь религиозным уважением как потомок «святых людей», Касим-хан, опираясь на войско, совершил насильственный переворот и узурпировал власть⁹⁵.

⁹³ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 338.

⁹⁴ Не следует недооценивать и другого источника богатства и влияния юсуфзайских вождей — военной добычи (в частности, от грабежа караванов на торговых путях, игравшего значительную роль в жизни многих афганских племен в течение ряда столетий). Этот источник (использовавшийся, как известно, феодалами разных стран, охотно промышлявшими в качестве истинно рыцарского дела разбоем на больших дорогах) находился также вне общины, причем юсуфзайские ханы для успеха крупных грабительских предприятий и войн нуждались в ополчениях своих племен, составлявших главную военную силу, значительно большую, чем личные отряды ханов. Поэтому ханы были заинтересованы в сохранении военной силы ополчений племен, а с другой стороны, влияние и само положение хана зависели от признания его военным предводителем ополчения. Юсуфзайские ханы не имели права на часть военной добычи своих соплеменников, но все факиры, участвовавшие в походах племен, от которого они зависели, должны были отдавать $\frac{1}{4}$ часть своей добычи хану племени (Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 118).

⁹⁵ Elphinstone, *The kingdom of Caboul*, p. 343.

Став правителем всей долины реки Пянджкоры, Касим-хан объявил принадлежащими ему всех факиров и обложил их налогом в свою пользу. Он принял суровые меры против кровной мести и постоянных раздоров. Многих «нарушителей» он изгнал, а земли их захватил себе. Касим-хан присвоил себе право наказания и стал сажать своих соплеменников в тюрьму, применять телесные наказания, а также приговаривать к смерти. Касим-хан стремился уничтожить внутренние раздоры, организовать полицию, завязал сношения с соседними ханами и поддерживал их в стремлении усилить власть в своих улусах. Он подчинил много деревень соседних «кафиров», обложив их данью.

Княжество Дир представляло собой феодальное государство, в котором высший слой господствующего класса составляла знать племен и наиболее крупные и почитаемые духовные лица. В рамках этого государства наряду с деспотической властью хана сохранялось и самоуправление племен и их подразделений. Строй этого княжества и в позднейшее время несколько походил на большое афганское государство, основанное Ахмед-шахом, воспроизводя в миниатюре характер этого государства, сохранившего еще отпечаток племенного строя.

Под деспотическим управлением хана Дира находилась сравнительно небольшая территория. Ему были подчинены на основах вассальной зависимости несколько незначительных по размеру феодальных держаний ханов, а все, что оставалось вне этого, были племена, управлявшиеся по-старому советами старейшин («джирга») ⁹⁶. Есть сведения, что во время правления Газан-хана (сына и преемника Касим-хана) эти племена платили ему налог в размере одной пятой урожая. Для сбора налогов в селениях были поставлены от Газан-хана старшины. Эти же старшины принимали участие в делах суда и расправы, которыми ведала джирга. В случае надобности племена были обязаны посылать в распоряжение правителя свои ополчения («лашкар»).

В селении, служившем резиденцией хану, находился постоянный гарнизон на жаловании. Воины-дружинники хана назывались «тайяр-хур» (буквально «тот, кто ест готовое»). В первой половине XIX в. такое постоянное войско состояло из 400 пехотинцев и 50 всадников. Всего же Дирское княжество могло, как считали в середине XIX в., выставить до 20 тыс. воинов. Прочность власти дирских ханов во многом зависела

⁹⁶ У племен Дира сохранялись, по-видимому, прежние порядки землевладения, о чем можно судить на основании того факта, что в Дире (а также в Баджауре и Бунере) обычай веш в некоторых местах применялся еще в 30-х годах XX в. (см. об этом Spain, *The Pathan Borderland*, p. 84).

от поддержки их пайинда-хелем, к которому сами эти ханы принадлежали по происхождению⁹⁷.

В остальных населенных юсуфзаями областях еще и в XIX в. не установилось сколько-нибудь прочной власти местных ханов. Их власть имела эфемерный характер, хотя они и назывались в Свате «падишахами». Они руководили ополчениями племен во время совместных военных действий, теряя власть после их окончания.

Вазирь

Не признавая власти местных ханов, юсуфзаи и многие другие афганские племена, в частности вазирь, фактически не подчинялись и садозайским шахам. У подавляющего большинства вазирских подразделений кочевое скотоводство оставалось основной отраслью хозяйства, причем в рамках одних и тех же подразделений и хелей скотоводство соединялось с земледелием. Пастбища находились в коллективной собственности. В связи со сравнительно малой ролью земледелия в хозяйстве вазиров переделы пахотных земель не играли у них такой роли, как у племен земледельческих, и обычая веш в рассматриваемое время у этого племени не существовало.

Продолжая в первой половине XIX в. расширять путем завоеваний свою территорию, вазирь оттесняли баннучей, хаттаков и другие племена, в некоторых случаях не отбирая землю у прежних владельцев, становившихся хамсая. Захваченные земли вазирь распределяли между своими подразделениями и родами по «тугам» (боевым знаменам). При определении доли, причитавшейся на туг, учитывалось число выставленных каждым подразделением или хелем воинов, понесенные расходы и жертвы, а также боевые заслуги воинов данного подразделения и хеля.

Внутри подразделений и хелей земля распределялась между входившими в них родственными группами по принципу генеалогического древа. Долю земли получал каждый взрослый мужчина-воин. После первоначального раздела земли дальнейших ее переделов не производилось⁹⁸.

⁹⁷ Это обстоятельство сохранялось еще и в XX в. На зависимость власти дирских ханов от их взаимоотношений с княжеским родом («пайинда-хелем») как на одну из существенных причин непрочности власти этих правителей указывают английские авторы (см. Barton, *India's North-West frontier*, p. 31).

⁹⁸ Описание разделов земли у вазиров, подробные сведения о военной организации этого племени и о социально-экономических отношениях см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 226—237, 215—217 и др.; Гордон, *Социально-экономический строй*, стр. 151.

В рассматриваемое время у вазиров было мало райят-хамсая, а рабов почти совсем не было. В общественном устройстве вазиров сохранились многие черты, восходящие к первобытнообщинному строю. Положение малика по наследству не передавалось, малики не пользовались значительными преимуществами и не обладали принудительной властью над членами племени. Основной ячейкой общественной жизни и военной организации вазиров был род⁹⁹. При этом, однако, среди вазиров уже существовало значительное имущественное расхождение: возникали отношения зависимости, когда слабые добровольно шли под покровительство к «могущественным людям»; были распространены сдача земли в аренду и залог земли.

В государстве Ахмед-шаха и его преемников в связи с оживлением торговли, повышением роли денег в жизни афганских племен, деятельностью индийских ростовщиков и т. д. возрастало имущественное неравенство среди афганцев, обострялись классовые противоречия, обедневшие члены племени лишались земли, которая переходила к ханам, мусульманскому духовенству, откупщикам и ростовщикам. Однако у афганских племен сравнительно изолированных горных областей эти процессы были гораздо слабее: У ряда крупных афганских племен феодальный строй еще не полностью сложился, и они сохраняли коллективную собственность на землю с периодическими переделами (юсуфзаи и др.) или другие формы патриархально-родовых пережитков (вазиры, афридии и др.). Власть шахов Афганистана над такими племенами, сохранявшими родо-племенную организацию и самоуправление, была особенно слабой, а некоторые из них (как, например, воинственные вазеры) даже временно не утрачивали фактической независимости.

⁹⁹ Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 229, 230, 235.

Глава IV

ПАДЕНИЕ ДУРАНИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ГОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Одна из важных причин неустойчивого положения садозайских шахов заключалась в том, что афганские племена не были полностью подчинены центральной власти. Показательны некоторые факты, характеризующие взаимоотношения садозайских шахов с племенами, занимавшими земли в районе Хайбарского прохода. Чтобы держать Хайбарский проход открытым, садозайские шахи, подобно правителям ранее существовавших государств, предпочитали откупаться от этих племен ежегодной выплатой крупных денежных сумм. При Садозаях эти племена получали до 130 тыс. рупий в год¹. И все же контроль Садозаев над Хайбарским проходом не был прочным. Местные афганские феодалы, опираясь на силу окрестных племен, нередко нарушали движение караванов².

Развитие феодализма, несомненно ускорившееся в государстве Ахмед-шаха, приводило к быстрому росту сепаратистских сил, вызывавших децентрализацию Дуранийской державы. В землях некоторых афганских племен (например, у момандов) создались мелкие феодальные владения³. В землях других племен (прежде всего у дурани) имел место переход значительной части государственного земельного фонда и шахского домена в руки местных феодалов, что также значительно ослабляло экономическую базу государства

¹ Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 651.

² Так случилось, в частности, в последние десятилетия XVIII в., когда Арслан-хан, происходивший из племени момандов и владевший крепостью в районе Дакки, привлек на свою сторону часть племен афридиев и момандов и установил контроль над Хайбарской дорогой, взимая по своему усмотрению пошлины с караванов и препятствуя связям между Кабулом и владениями дуранийских шахов в Индии (см. *Сирадж ат-таварих*, 43; *Тарих-и Султани*, 159, 160).

³ Кроме упоминавшихся уже таких небольших феодальных владений (возникших в конце XVIII в.), как Дир в землях юсуфзаев и Лальпура у момандов, в это же время в Баджауре существовало владение местных ханов в Наваган, а в Кунаре правила династия сейидов, основатель которой получил Кунарское владение в лен от Ахмед-шаха (см. Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 644, прим. 95, 647—649).

Садозаев⁴. Особенно интенсивно шло расхищение государственного земельного фонда в Кандагарской области, где уже к 1793 г. дуранийские сардары захватили почти половину всех облагаемых налогом земель. В этой области в пользу джагирдаров тогда уже шло в два раза больше средств от налоговых поступлений, чем в шахскую казну⁵.

Центральную власть подрывали мятежи дуранийских ханов и вождей других афганских племен. Кроме того, как и всякое феодальное государство, разросшееся путем завоеваний, держава Садозаев расшатывалась восстаниями покоренных народов.

Признаки неустойчивости шахской власти появились еще в годы правления Ахмед-шаха, успешная завоевательная политика которого соответствовала интересам афганских ханов и приносила участвовавшим в походах военачальникам огромную добычу; уже при Ахмед-шахе в Афганистане неоднократно вспыхивали феодальные мятежи.

В 1773 г. Ахмед-шах умер и на престол вступил его сын Тимур-шах, правивший в течение двадцати лет. Смерть Ахмед-шаха застала Тимура правителем Герата. В Кандагаре, в первую очередь благодаря поддержке везира Шах Вали-хана, государем Афганистана был объявлен Сулейман, один из братьев Тимур-шаха. Борьба за престол закончилась без кровопролития, поскольку, когда Тимур-шах с сильным войском пошел на Кандагар, Сулейман счел за лучшее спастись бегством. Тимур-шах казнил бывшего везира Шах Вали-хана, который добровольно сдался ему вместе с несколькими другими дуранийскими ханами, поддерживавшими Сулеймана. Эта казнь побудила к восстанию дуранийских ханов, опасавшихся, что новый шах станет править слишком самовластно. Мятежные ханы собрали многочисленное войско, командование которым вручили Абдул Халику Садозаю, и выступили из Кандагара на Кабул, где находился тогда Тимур-шах⁶. Положение нового шаха оказалось весьма критическим, так как в его отрядах, значительно уступавших противнику в численности, было к тому же много дуранийских воинов и военачальников, у которых, как правило, имелись ближайшие родственники в войске мятежников⁷.

Тимур-шаху все же удалось одержать победу, в чем далеко не последнюю роль сыграл переход на его сторону двух

⁴ О причинах ослабления афганского государства в конце XVIII — начале XIX в. и падения садозайской династии см. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 94, 116—119, 167, 168.

⁵ Там же, стр. 118.

⁶ *Сирадж ат-таварих*, 36. Войско это будто бы насчитывало около 60 тыс. человек.

⁷ Там же.

ханов могущественных дуранийских племен: Пайинда-хана Баракзая и Делавар-хана Исхакзая. Оба они пользовались впоследствии большим политическим влиянием⁸.

В связи с трудностями управления государством из Кандагара, где новый шах постоянно находился под угрозой со стороны ханов могущественных дуранийских племен, Тимур-шах перенес столицу из Кандагара в Кабул. Избрание новой столицей именно этого города объясняется прежде всего выгодным его стратегическим положением в центре страны и на важном торговом пути⁹. Вряд ли можно сомневаться в том, что одним из дополнительных мотивов, побуждавших Тимур-шаха сделать своей столицей Кабул, было желание иметь всегда под рукой покорное его воле войско, состоявшее в значительной своей части из кызылбашей¹⁰.

Важнейшей опорой власти Тимур-шаха стало наемное войско (гулам-хана) из кызылбашей, хазарейцев и других неафганских народностей, которое постоянно находилось при нем как личная гвардия, тогда как отряды «ханской конницы» дуранийских и других афганских племен он призывал только в случае больших походов, которые совершал редко.

Перенесение столицы в Кабул было важным звеном в ряду мероприятий Тимур-шаха, направленных на укрепление центральной власти. В новой столице он стал привлекать к управлению государством людей, не принадлежавших к знати афганских племен. На пост везиря Тимур-шах длительное время никого не назначал, не желая иметь везирем представителя дуранийских ханов. Вместе с тем, видимо, не желая из осторожности открыто нарушать привилегии дуранийской знати (пост везиря был наследственным в роде Бамизай племени попользаев, к которому принадлежал казненный в начале правления Тимур-шаха везирь Шах Валихан), Тимур-шах стремился править единолично и только в редких случаях допускал ханов племен к участию в решении государственных вопросов¹¹. Политика его вызывала постоянное противодействие, зачастую открытое, со стороны этих ханов.

⁸ Пайинда-хана, из рода Мухаммедзаев, Тимур-шах назначил главой племени баракзаев (вместо его старшего брата Рахимдад-хана).

⁹ В «Сирадж ат-таварих» (138) в качестве причины перенесения столицы в Кабул указывается, что этот город «находится посреди государства» и из него можно легче сноситься со всеми вилайетами.

¹⁰ Многочисленное кызылбашское поселение существовало в Кабуле со времен Надир-шаха Афшара.

¹¹ Характеристика политики Тимур-шаха дана Ю. В. Ганковским в рецензии на книгу Азиз ад-Дина Попользаи «Тимур-шах Дуррани» (см. Ганковский, *Новая афганская работа по истории шахов Дуррани*, стр. 288, 289).

Неоднократно возникали опасные заговоры и восстания. Тимур-шаху удавалось подавлять их силами наемной гвардии, однако не раз он оказывался на волоске от гибели¹². Как полагают историки, Тимур-шах умер не своей смертью— он был отравлен¹³. Время его правления (далеко не безмятежное для самого Тимур-шаха) осталось в памяти потомков эпохой если не благоденствия, то, во всяком случае, относительного спокойствия в Афганистане, особенно по сравнению с последовавшими вскоре смутами и феодальными междоусобиями. При Тимур-шахе держава Дурани была еще весьма обширным и довольно могущественным государством, хотя уже имелись налицо признаки наступавшего упадка и ослабления. Попытки Тимур-шаха усилить центральную власть в государстве окончились неудачей из-за отсутствия объективных условий: при слабом экономическом развитии разобщенность завоеванных Ахмед-шахом территорий крайне затрудняла сколько-нибудь прочное их объединение. Большим препятствием к централизации государства была замкнутость отдельных афганских хелей, продолжавших жить своими узкими местными интересами, чуждыми не только общегосударственным, но зачастую даже интересам своего племени в целом.

Финансовая и военная мощь державы Дурани была серьезно подорвана уже в конце правления Ахмед-шаха в результате неудачных походов против сикхов. Тимур-шах сумел удержать власть над Кашмиром, но Пенджаб почти полностью вышел из состава его государства, хакимы таких вилайетов, как Мультан и Музаффарабад, вели себя как независимые государи¹⁴. С потерей значительной части индийских завоеваний Ахмед-шаха (прежде всего богатого Пенджаба) намного уменьшились доходы казны¹⁵. Хотя Тимур-шаху удавалось в большинстве случаев подавлять восстания ханов племен и правителей вилайетов, подчинение центральной власти многих провинций (особенно же отдельных окраин) в годы его царствования заметно ослабло.

К концу XVIII в. по сравнению со временем правления Ахмед-шаха значительно изменилась внешнеполитическая обстановка. Соседи Дуранийской державы стали сильнее. В Пенджабе сикхи становились все более серьезной прегра-

¹² Так случилось, например, во время восстания в Пешаваре, когда дворец Тимур-шаха был окружен внезапно напавшими отрядами заговорщиков. Он спасся, укрываясь в башне и подавая оттуда сигналы о помощи, на которые подоспели гвардейские полки кызылбашей.

¹³ Ганковский, *Новая афганская работа по истории шахов Дуррани*, стр. 289.

¹⁴ См. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 169.

¹⁵ Там же, стр. 159.

дой для афганских феодалов на пути в глубь Северной Индии. Бухарское ханство при эмире Шах Мураде (1785—1800) обрело относительно устойчивую политическую власть и окрепло в экономическом и военном отношениях. В Иране длительная полоса междоусобий и раздробленности заканчивалась в связи с объединением юга страны под главенством династии Зендов, а севера — под властью Каджаров. Ага Мухаммед-хан Каджар (1779—1797) одержал верх над Зендами, подчинил своей власти весь Иран и к концу своего правления вел активную политику на восточных границах своего государства.

Лишь путем больших усилий Тимур-шах удерживал находившуюся в вассальной зависимости от него часть Хорасана. В узбекских ханствах левобережья Аму-Дарьи власть афганского шаха фактически свелась на нет. Предпринятый в 1790 г. большой поход на север не дал Тимур-шаху новых территориальных приобретений и не укрепил его фактической власти на левобережье Аму-Дарьи, хотя формально, по заключенному с бухарским эмиром Шах Мурадом мирному договору, границей между Дуранийской державой и Бухарой вновь была признана река Аму-Дарья.

После смерти Тимур-шаха трон занял его пятый сын, Земан-шах (1793—1801), который при жизни отца управлял Кабулом в качестве наместника. Земан-шах вступил на престол при помощи кази Файзуллы и Пайинда-хана Баракзая¹⁶. Его поддержали также многие другие влиятельные дуранийские сардары, находившиеся в столице.

Земан-шаху пришлось вести упорную борьбу за трон со своими братьями. Царевич Хумаюн, управлявший Кандагаром, отказался подчиниться новому шаху и прислал письмо, в котором заявил, что он является наследным правителем этой области, поставленным покойным отцом¹⁷. Наиболее опасным соперником Земан-шаха оказался другой его брат, Махмуд, правивший ко времени смерти Тимур-шаха в Герате. Борьба за престолонаследие была внешним выражением противоречий между различными группами афганских феодалов, соперничавших за господствующее положение в государстве. Большое воздействие на ход и конечные результаты этой борьбы оказывала позиция знати племени баракзаев, глава которого Пайинда-хан в течение ряда лет поддерживал Земан-шаха и был его опорой.

Земан-шах показал себя государем энергичным и воинственным. Он проводил, подобно своему отцу, политику укрепления шахской власти и централизации государства, но

¹⁶ Абдул Керим Бухари, 13.

¹⁷ *Сирадж ат-таварих*, 46.

действовал более решительно и гораздо более круто обходился с ханами дуранийских племен. Пытаясь сломить своеволие этих ханов, Земан-шах лишал некоторых из них наследственных владений, отбирал земли и имущество, беспощадно карал выступавших против него. Однако укрепить шахскую власть он не смог и лишь восстановил против себя значительную часть дуранийской знати.

Уделяя большое внимание войску, Земан-шах, как и его отец, опирался на отряды наемников из кызылбашей, хазарейцев и других неафганских племен и народностей. В годы его правления численность наемного войска доходила до 50 тыс. Кроме того, в постоянном ополчении дуранийских племен насчитывалось несколько десятков тысяч всадников. Но военные предприятия Земан-шаха не сопровождались сколько-нибудь серьезными успехами. Он неоднократно совершал походы в Индию, но далее Пенджаба не доходил, вынужденный возвращаться в Афганистан для подавления мятежей и отпора Каджарам, наступавшим на Герат и Балх. Несмотря на эти неудачи, попытки Земан-шаха вторгнуться в Индию вызвали серьезные опасения английских колониальных завоевателей. У Земан-шаха было немало сторонников среди мусульманских князей Индии, призывавших его на помощь для борьбы с англичанами.

Особенно опасной угрозой своему владычеству над Индией англичане считали возможность согласованных действий против них со стороны Земан-шаха и Типу-султана, правителя Майсура. Установив связи с афганцами, Типу-султан вел переговоры о союзе и с Наполеоном.

Политическая обстановка на Среднем Востоке в конце XVIII — начале XIX в. охарактеризована Марксом: «Наполеон вел интриги... на Востоке; калькуттские «торгаши» трепетали перед такой комбинацией: *Франция, Персия, Афганистан*»¹⁸.

В 1798 г., когда Земан-шах со своими войсками вторгся в Пенджаб, вспыхнуло восстание против английских завоевателей в Ауде. Расправившись с этим восстанием, Ост-Индская компания вынуждена была держать в Ауде двадцатитысячное войско в качестве заслона против афганцев. Весной 1799 г. английские колониальные завоеватели начали войну против Майсура, решив покончить с независимостью этого государства.

В эти годы (в конце XVIII в.) британские колонизаторы совершили свое первое вмешательство во внутренние дела Афганистана. В 1797 г. Ост-Индской компании удалось побу-

¹⁸ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии*, М., 1947, стр. 105.

дить иранского шаха поддержать царевича Махмуда в борьбе за афганский престол против его брата Земан-шаха¹⁹.

Для Махмуда создались благоприятные условия в результате событий, происшедших в Афганистане, где недовольство дуранийских ханов самовластным правлением Земан-шаха усиливалось и вылилось в крупный заговор. Земан-шах жестоко расправился с заговорщиками, казнив 14 сардаров и сановников²⁰. Среди казненных был и Пайинда-хан. Его сыну Фатх-хану, об аресте которого также был отдан приказ, удалось бежать в Гиришк, где собрались его братья. Они решили поднять восстание против Земан-шаха и отомстить ему за смерть отца²¹.

Последние Садозаи и возвышение Фатх-хана Баракзая

Фатх-хан примкнул к Махмуду, наступавшему с небольшим отрядом на Кандагар, склонил не только баракзаев, но и ханов других дуранийских племен выступить на стороне этого царевича и взял Кандагар. Узнав о падении Кандагара, Земан-шах вернулся в Кабул из Индии (где его застали вести о происшедших в Афганистане событиях) и послал против Махмуда большое войско. Но Фатх-хану удалось внести разлад в это войско и уговорить перейти на свою сторону Ахмед-хана Нурзая (одного из самых крупных шахских военачальников) с многочисленным отрядом нурзайских всадников. Положение Земан-шаха стало безнадежным, и он бежал из Кабула в Пешавар, но был схвачен, по приказу Махмуда ослеплен и посажен в крепость Бала-Хисар. Махмуд стал шахом, а завоевавший ему трон Фатх-хан — везирем.

Сравнительно прочная власть Земан-шаха сменилась длительным периодом ожесточенной борьбы за шахский престол между последними правителями Садозайской династии и войнами многочисленных враждующих друг с другом феодальных кланов. Столицу государства потрясали народные восстания. Гильзайские племена выступали с оружием в руках против привилегированного положения дурани в стране.

¹⁹ Махмуд, оставленный Земан-шахом наместником в Герате, поднял мятеж, пытался овладеть Кандагаром, но потерял и Герат, бежал к иранскому шаху, затем побывал в Бухаре и в Хиве, вновь возвратился в Иран и, направившись через Систан, напал на Кандагар (Абдул Керим Бухари, 26, 27).

²⁰ Абдул Керим Бухари, историк, хорошо осведомленный о происшедших тогда в Афганистане событиях, сообщает, что заговора на самом деле не было и что казнь была подстроена везирем Рахматуллою, который сам хотел овладеть престолом и решил погубить сановников, стоявших на стороне шаха (Абдул Керим Бухари, 18).

²¹ Подробное описание событий первых лет XIX века см. в кн.: Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 39—61.

Махмуд-шах (1801—1803) рассматривался в народе как ставленник Каджаров. Используя недовольство населения, престол занял его младший брат, Шуджа ал-Мульк (1803—1809).

К концу кратковременного правления Шуджи относится первая попытка англичан проникнуть в Афганистан и включить его в орбиту своего влияния. В сложившейся в то время обстановке эта попытка осуществлялась еще только средствами дипломатии. В феврале 1809 г. в Пешавар, где тогда находился шах Шуджа, прибыл посол Ост-Индской компании Эльфинстон во главе многочисленной миссии.

Посылка миссии ко двору афганского шаха была вызвана опасениями англичан, что он может, подобно Типу-султану, склониться на сторону французов. Заключение франко-иранского союза 1807 г., связанного с новыми попытками Наполеона подготовить выполнение давно взлелеянного им замысла похода на Индию сухим путем, вызвало ответные дипломатические действия Ост-Индской компании. Английские завоеватели не имели оснований считать сколько-нибудь прочным свое положение в не полностью еще покоренной Индии.

С целью предупредить замыслы Наполеона и выбить почву из-под ног французской дипломатии англичане направили посольства не только к шаху Шудже в Афганистан, но также и в Иран и к махарадже Пенджаба Ранджит Сингху.

Эльфинстону удалось заключить договор с шахом Шуджой. По-видимому, одной из причин, побудивших Шуджу заключить этот договор, было зародившееся у него уже тогда намерение опереться на помощь могущественных и богатых иноземцев в борьбе за престол. Первый англо-афганский договор предусматривал участие Афганистана на стороне Англии против Франции и Ирана в случае нападения этих государств на колониальные владения Ост-Индской компании, которая обязывалась в таком случае оказать афганскому шаху помощь деньгами. В случае же возникновения войны только между Ираном и Афганистаном, Ост-Индская компания не обязывалась оказывать Афганистану какой-либо помощи. Договор, таким образом, был для Афганистана неравноправным.

Он оказался очень недолговечным, так как в том же 1809 г. в результате нового феодального мятежа шах Шуджа был свергнут с престола. Афганский трон снова занял Махмуд (1809—1818), а Фатх-хан, вождь племени баракзаев, который помог ему вернуть трон, распоряжался от его имени в качестве везира. Настоятельной необходимости в соответствующих переговорах с новым шахом Афганистана у англо-индийских властей уже больше не было. Обстановка изменилась, планы

Наполеона: о походе в Индию рухнули, франко-иранский союз более не существовал.

В задачи миссии Эльфинстона входило всестороннее изучение Афганистана с целью утверждения в этой стране британского влияния и на случай будущей агрессии против нее²². Но о проникновении в Афганистан английские колониальные дипломаты тогда еще могли только строить планы. От Афганистана владения Ост-Индской компании были отделены сикхским государством Ранджит Сингха; в центральной Индии еще не были окончательно покорены маратхи.

После заключения недолговечного договора с шахом Шуджей Эльфинстон со своей миссией в июле 1809 г. возвратился в Индию. Представителей при афганском дворе англичане не имели, и все дипломатические последствия договора свелись к нулю. Летом того же 1809 г. Шуджа, потеряв трон, был вынужден бежать из Афганистана.

В годы вторичного правления Махмуда (1809—1818) фактическая власть вновь оказалась в руках его везира — Фатх-хана, который упорно боролся против своеволия афганской знати, старался положить конец феодальным усобицам и добивался упорядочения поступления налогов в шахскую казну. Действуя от имени шаха, Фатх-хан стремился укрепить силу и влияние знати племени баракзаев (и прежде всего — рода мухаммедзаев, к которому он сам принадлежал)²³.

На особом положении оставался Герат, где по существу независимо правил садозайский царевич Фируз ад-Дин, брат Махмуда. Подчиненное положение Фируз ад-Дина ограничивалось лишь обязанностью отдавать часть доходов с Гератского владения в шахскую казну. Но это не выполнялось, и в течение многих лет из Герата в казну Махмуда не поступало ничего.

При решении государственных вопросов Фатх-хан часто действовал, не считаясь с мнением братьев, а чтобы они не стали слишком самостоятельными, перемещал их время от времени с одного поста на другой²⁴. Из всех своих братьев Фатх-хан более всего благоволил к Дост Мухаммеду и в его лице нашел энергичного и надежного помощника.

Сардар Дост Мухаммед-хан родился в 1792 г. Мальчиком 11—12 лет он начал сопровождать Фатх-хана в походах, а когда подрос, был назначен начальником личной охраны своего брата. Вскоре после вторичного прихода Махмуда

²² См. Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 12—14.

²³ Пользуясь своим положением в государстве, Фатх-хан назначал своих родственников управлять многими городами и областями. В «Сирадж ат-таварих» утверждается, что Фатх-хан «каждому из своих братьев передал в управление город и область» (*Сирадж ат-таварих*, 81).

²⁴ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 63.

к власти Дост Мухаммед, состоявший по-прежнему неотлучно при брате, был приближен к шахскому двору²⁵.

Фатх-хан не только пользовался чрезвычайным влиянием при дворе и среди баракзайской знати, но сумел завоевать большой авторитет и приобрести популярность в стране. Однако его планы объединения государства далеко еще не были завершены в основных областях Афганистана, когда везир задумал предпринять поход на Кашмир.

Столкновения с сикхами из-за Кашмира и Аттока

К этому времени, оставаясь номинально владением шаха Афганистана и находясь под управлением Ата Мухаммед-хана, афганского наместника, Кашмир стал фактически полностью независимым. Ата Мухаммед-хан не подчинялся приказам, исходившим из Кабула, и присваивал себе доходы от сбора налогов, лишь время от времени посылая в Кабул сравнительно незначительную часть. Между тем в недалеком прошлом Кашмир по размерам доставлявшихся в шахскую казну налоговых поступлений стоял на первом месте среди провинций государства Ахмед-шаха и его ближайших преемников.

О мотивах, побуждавших Фатх-хана торопиться с войной против непокорного наместника Кашмира, можно судить по данным о размерах доходов этого наместника. Купец Рафаилов, выехавший в Кашмир в 1808 г. по поручению русского министра иностранных дел, по возвращении в Россию сообщал, что только производство шалей приносило правителю Кашмира 1200 тыс. рублей в год²⁶. Поступления от сбыта знаменитых шалей были хотя и весьма важным, но не единственным источником дохода феодальных правителей этой богатой страны.

Для организации задуманного Фатх-ханом похода нужно было много денег. Добываясь поступления в шахскую казну налоговых сумм, причитавшихся с подвластных Махмуду областей государства, Фатх-хан выискивал и дополнительные источники. Так, он приказывал переплавлять старинные серебряные монеты и чеканить из них новые с примесью меди.

В 1812 г. Фатх-хан выступил с войском из Кабула и двинулся на Кашмир. В походе принял участие и Дост Мухам-

²⁵ Уже тогда, в ранний период своей деятельности, Дост Мухаммед проявил себя способным и храбрым военачальником, изобретательным дипломатом, жестоким, но вместе с тем осмотрительным и дальновидным политиком. Приняв поручение Фатх-хана подчинить Кабульский Кохистан, населенный воинственными горцами-таджиками, Дост Мухаммед искусно использовал распри между местными мелкими владельцами, поодиночке уничтожая или подчиняя враждовавших между собой кохистанских князей.

²⁶ Соловьев, *Из истории русско-индийских связей*, стр. 50, 51.

мед²⁷. Не считая свои силы достаточными для подчинения Кашмира или опасаясь флангового удара со стороны сикхов, Фатх-хан решил заручиться их поддержкой и вступил в переговоры с Ранджит Сингхом. К этому времени государство сикхов в Пенджабе значительно усилилось. В связи с тем, что англичане противодействовали распространению власти Ранджит Сингха на юг и восток, он активизировал свою политику на северных и западных границах Пенджаба. Первые его попытки овладеть Мультианом оказались неудачными, но он продолжал искать поводов для вмешательства в судьбы бывших владений шахов Афганистана в Северо-Западной Индии, уже отпавших от них или подчинявшихся им теперь только номинально. Ранджит Сингха, как и Фатх-хана, привлекали богатства Кашмира. Не удивительно, что он с готовностью принял предложение афганского везира и выделил ему в помощь отряд численностью около 10 тыс. воинов. За это Ранджит Сингх получил от афганцев обещание выплатить ему часть доходов с Кашмира.

Войска Фатх-хана вступили в горы Кашмира в суровое зимнее время. Воины жестоко страдали от холодов, в особенности непривычные к ним сикхи, вследствие чего, как подчеркивают афганские историки, боеспособность этих союзников Фатх-хана была понижена. Однако, несмотря на все трудности, Фатх-хану удалось овладеть Кашмиром и захватить Ата Мухаммед-хана в плен. При этом Фатх-хан освободил Шуджу, который был узником у Ата Мухаммед-хана. Шудже было предложено вступить на службу к шаху Махмуду, но он отказался и попросил разрешения отправиться к Ранджит Сингху. Просьба его была уважена, и он выехал в сикхское государство.

Вскоре отношения между Фатх-ханом и Ранджит Сингхом испортились. По сведениям, имеющимся в афганской исторической литературе, Ранджит Сингх хотел получить управление над Кашмиром, но Фатх-хан отказал ему в этом и назначил наместником Кашмира Мухаммед Азим-хана, одного из своих братьев. Сикхи сумели склонить на свою сторону (по-видимому, подкупом) афганского начальника гарнизона крепости Атток. Крепость была сдана сикхам, и гарнизон ее присоединился к войску Ранджит Сингха²⁸. Атток, располо-

²⁷ См. Mohan Lal, *Life of the Amir*, pp. 82—84. Есть, однако сведения, будто Дост Мухаммед находил это предприятие преждевременным, полагая, что первоочередной задачей должно быть укрепление власти в основных областях государства.

²⁸ В составе населения области Атток имелись афганцы. После перехода Аттока под власть сикхов там, как и во многих других областях, завоеванных сикхами, за афганскими ханами были сохранены их земли. Однако большую часть доходов с этих земель стали забирать сикхские

женный на левом берегу Инда у главной переправы через бурную, труднопроходимую реку, занимал ключевую позицию на пути из Пенджаба на Пешавар и Кабул, а также на дороге на Кашмир.

В ответ на захват этой крепости Фатх-хан изгнал сикхов из Кашмира и отказался от выполнения своих обещаний Ранджит Сингху, пока тот не возвратит крепость. Но правитель сикхов не намеревался расстаться с Аттоком. Обе стороны двинули к крепости войска, и судьба ее была решена оружием в битве при Хазроу.

Еще до сражения сикхам удалось перерезать путь, по которому лагерь Фатх-хана снабжался водой и продовольствием. Воины Фатх-хана очень страдали от жажды, что сильно повлияло на исход сражения. В описании деталей этой битвы историки несколько расходятся. По рассказу, приведенному в «Сирадж ат-таварих», решающим моментом боя был жестокий обстрел изнемогавших от жажды и бросившихся к воде афганских воинов сикхами, которые находились в засаде на подступах к реке²⁹. Вскоре после этого войско Фатх-хана вынуждено было отступить. В битве при Хазроу на стороне Ранджит Сингха сражался против соотечественников и бывший шах Шуджа со своим афганским отрядом.

Фатх-хан пытался вернуть Атток путем переговоров. Однако Ранджит Сингх предъявлял все большие требования, предлагая не только признать «соответственно условиям договора» его власть над третьей частью Кашмирской долины и передать ему треть захваченной там добычи, но сверх того уступить ему крепость Мульта³⁰. Фатх-хан добился разрешения Махмуда на организацию похода против Ранджит Сингха, в котором принял участие и сам афганский шах. Целью этого похода, состоявшегося в начале 1814 г., было завоевание Аттока. Попутно Фатх-хану предстояло изгнать из Дераджата Шуджу, вторгшегося туда по побуждению Ранджит Сингха. С Шуджой удалось совладать быстро, но нерешительный Махмуд не рискнул переправить афганские войска на левый берег Инда, избегая опасной войны с сикхами. Вскоре он увел войско в Кабул, заставив своего везира отказаться от намеченного плана.

Власть над Кашмиром удерживал Мухаммед Азим. Ему удалось отразить нападение Ранджит Сингха летом 1814 г. и Шуджи в 1815 г. Потерпев очередную неудачу, Шуджа

сборщики налогов. В Аттоке за афганскими (пуштунскими) ханами в дальнейшем оставалось несколько более четверти их прежних доходов (см. Семенова, *Государство сикхов*, стр. 43).

²⁹ *Сирадж ат-таварих*, 87, 88.

³⁰ См. Семенова, *Государство сикхов*, стр. 102.

отправился в Лодиану и вскоре обрел себе пристанище у англичан. С 1816 г. бывший афганский шах стал пенсионером Ост-Индской компании³¹, содержавшей его на случай вмешательства в афганские дела. Ост-Индская компания, выкачивавшая огромные богатства из поработенной Индии, не скупилась на средства для содержания многочисленных претендентов на престолы княжеств Индии и соседних с ней стран.

События в Герате и гибель Фатх-хана

От продолжения борьбы с сикхами Фатх-хана отвлекли вести о том, что персидские войска вторглись в Гератскую область. Не надеясь отразить врагов своими силами, правивший Гератом царевич Фируз ад-Дин запросил помощи у Махмуда. По поручению шаха на выручку гератцам отправился Фатх-хан с сильным отрядом. Фатх-хан давно уже искал случая распространить на Герат власть афганского шаха.

Прибыв в Герат, Фатх-хан решил прежде всего разделаться с Фируз ад-Дином; арестовав его, он овладел городом. В происходивших в Герате стычках отряда Фатх-хана с гарнизоном города участвовал Дост Мухаммед. При взятии дворца он захватил богатую добычу, причем очень круто обошелся со знатными женщинами, отобрав у них драгоценности.

Вести о событиях в Герате вызвали недовольство шаха Махмуда. В числе обиженных и ограбленных знатных женщин Герата называли его дочь Рукья-бегум, выданную замуж за царевича Малик Касема, сына Фируз ад-Дина. Рассказывают, что и Фатх-хан на сей раз разгневался на Дост Мухаммеда и собирался его наказать. Дост Мухаммед поспешил тайно покинуть Герат и направился в Кашмир. Там он нашел убежище у Мухаммед Азима, отказавшегося выполнить требование Фатх-хана о выдаче беглеца. Однако Мухаммед Азим держал Дост Мухаммеда под строгим надзором.

Недовольство шаха Махмуда баракзайскими сардарами усердно подогревал сын его Камран, весьма неудачливый на поле битвы, но искушенный в дворцовых интригах. Камран завидовал баракзайским братьям, опасался их все возрастающего влияния и питал лютую ненависть к Фатх-хану (по совету которого был в прошлом отстранен Махмудом от управления Кандагаром).

Долгое время попытки Камрана очернить Фатх-хана в глазах шаха Махмуда оставались безуспешными. Но теперь царевичу удалось наконец склонить отца на свою сторону,

³¹ Шуджа получал очень большую «пенсию» — 5 тыс. ф. ст. в год.

и тот признал нужным ослабить влияние Фатх-хана. Выступив с такими намерениями из Кабула в Герат вместе с Камраном, шах встретился с Фируз ад-Дином, арестованным Фатх-ханом и направленным в Кандагар. Жалобы Фируз ад-Дина на обиды, причиненные Садозаям Герата баракзайскими сардарами, не могли не подлить масла в огонь, и шах, не считаясь более с заслугами Фатх-хана, решил, как видно, окончательно отступить от своего везира.

Отправив Камрана вперед, Махмуд уполномочил его взять власть в Герате. Рассказывают, будто при этом предусматривалось, что в случае, если Фатх-хан окажет сопротивление, царевич должен был арестовать его, но затем ждать прибытия шаха для окончательного решения судьбы арестованного³². Камран поспешил в Герат.

К тому времени Фатх-хан вытеснил иранские войска из Гератской области. Правда, главное сражение с ними в районе Кухсана не принесло афганцам решающих результатов — им не удалось осуществить до конца преследование потесненных персидских отрядов и захватить добычу. В конце этого сражения Фатх-хан, принимавший личное участие в атаке на неприятельский арьергард, был легко ранен и упал с коня. Среди афганцев возникло смятение, и они, думая, что их вождь убит, прекратили бой и возвратились в Герат³³. Остатки персидского войска также отошли в Мешхед. Исход сражения в районе Кухсана оставался спорным, ибо каждая сторона приписывала себе победу, но убедившись в силе ожидающего их отпора, персы на время прекратили нападения на Гератскую область. Фатх Али-шах Каджар собирался лично отправиться в поход на афганцев и захватить Герат.

Такова была обстановка, когда Камран добрался до Герата. Фатх-хан встретил его с почетом, но царевич не пожелал остановиться в гератском арке, а расположил свою ставку за пределами города в большом саду «Баг-и Шахи» (устроенном в свое время Тимур-шахом). Упоная на то, что заслуги перед Махмудом послужат ему надежной охраной, Фатх-хан являлся на прием к Камрану без соблюдения каких-либо мер предосторожности. Во время одного из посещений ставки царевича Фатх-хан по приказу Камрана был схвачен и ослеплен³⁴.

³² Конечно, трудно рассчитывать, что содержание наставлений шаха Махмуда своему сыну могло быть передано исторической традицией в точности. Приведенная версия, по всей вероятности, составлялась с целью несколько обелить намерения и поступки шаха Махмуда хотя бы на данном этапе событий, возложив вину главным образом на Камрана.

³³ *Сирадж ат-таварих*, 96.

³⁴ Вероятно, что решение царевича расправиться с ненавистным ему везирем именно этим способом было связано с внешнеполитическими

Заклучив Фатх-хана в тюрьму, Камран немедленно принял меры, чтобы обезопасить себя от мести братьев бывшего везира. Однако ему не удалось предупредить выступления баракзаев. Находившиеся в Кандагарской области братья Фатх-хана собрались в Нади-Али и, действуя сообща, подняли восстание против шаха.

В это время Мухаммед Азим направил из Кашмира на Пешавар Дост Мухаммеда с войском. Заняв Пешавар и провозгласив там шахом Аюба, сына Тимур-шаха, Дост Мухаммед вскоре двинулся на Кабул. В борьбу за престол вмешался и Шуджа, но вновь неудачно. Он на короткое время захватил Пешавар и выгнал оттуда Аюба, но затем был выбит Мухаммед Азимом, не сумел удержаться в афганских районах по среднему течению Инда и перебрался в Шикарпур.

Кабулом овладел Дост Мухаммед. Он провозгласил шахом царевича Султана Али (одного из сыновей Тимур-шаха), а сам занял пост везира.

Камран с войском прибыл в Кандагар, где объединил свои отряды с силами Махмуда. Затем шах и его сын с большим войском двинулись на столицу. Они взяли с собой слепого Фатх-хана с целью заставить его уговорить своих братьев прекратить военные действия и подчиниться власти шаха, однако это им не удалось. Тогда взбешенный шах Махмуд приказал своим дуранийским военачальникам изрубить слепого узника на куски. Это произошло в конце 1818 г. Останки Фатх-хана шах распорядился отправить в Газни, где они были погребены у гробницы Али Лала³⁵.

Годы феодальной раздробленности

Расправа над Фатх-ханом чрезвычайно ожесточила могущественных баракзайских феодалов, сородичей и соплеменников убитого. Братьев-мстителей поддерживали многие вожди других афганских племен. Войска Махмуда и Камрана начали выходить из повиновения и численность их стала таять.

обстоятельствами и ускорено ими. Вступив по прибытии в Герат в переписку с персидским шахом с целью предотвратить дипломатическим путем угрозу вторжения его войск, Камран просил извинения за действия Фатх-хана, утверждая, будто этот везир, сражаясь против персов, действовал против воли шаха Махмуда. Афганский царевич просил Фатх Али-шаха Каджара забыть о происшедших столкновениях и возобновить дружбу с шахом Махмудом. В ответном послании персидский шах заявлял, что он принимает извинения, но предложил афганскому царевичу подтвердить оценку действий Фатх-хана как самовольных наказанием везира и либо отправить его в Мешхед (т. е. выдать на расправу чужеземцам) либо ослепить его (*Сирадж ат-таварих*, 97).

³⁵ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 79.

Однако несмотря на это, войско Махмуда и Камрана все еще оставалось гораздо более многочисленным, чем отряды, которыми располагал Дост Мухаммед. Поэтому Дост Мухаммед избегал преждевременного столкновения, стараясь внушить шаху недоверие к его военачальникам и внести разлад между ними. Существует множество версий, как именно Дост Мухаммеду удалось достичь своей цели. Как бы то ни было, но поход Махмуда и Камрана на Кабул окончился полным крахом. Шах и его сын решили бежать в Кандагар. Не предупредив никого даже из своей свиты, они ускакали ночью, оставив на произвол судьбы все войско. Оно распалось, солдаты разбрелись в разные стороны.

Когда Махмуд и Камран добрались до Кандагара, город находился уже в руках Пурдиль-хана, одного из братьев казненного баракзайского везира. Узнав об этом, Махмуд и Камран повернули в сторону Дели. Впоследствии им удалось воспользоваться благоприятным моментом, проникнуть в Герат и укрепиться там. В течение нескольких десятилетий Гератское владение было единственной в Афганистане областью, остававшейся еще под властью Садозаев. В остальных областях за этой династией еще продолжало по традиции признаваться право на шахский титул, однако хозяевами положения в них стали баракзайские феодалы во главе с представителями рода мухаммедзаев, которые возводили на кабульский трон последних садозайских шахов и смещали их по своему усмотрению.

Упрочив свою власть над Пешаваром и прихватив с собой Аюба, в Кабул прибыл Мухаммед Азим. Он сместил с престола Султана Али и заставил Дост Мухаммеда вновь признать шахом Аюба. Пост везира при этом шахе Мухаммед Азим занял сам, по праву старшего по возрасту. Дост Мухаммеду как младшему брату пришлось довольствоваться тем, что Мухаммед Азим соблаговолил ему дать ³⁶. Дост Мухаммед был назначен тогда правителем Газни ³⁷. С потерей поста везира он не примирился и вскоре начал готовиться к борьбе за Кабул.

Фактическим правителем Кабула стал Мухаммед Азим, посадивший Аюба на трон. Среди своих братьев, владевших Кандагаром и Пешаваром, Мухаммед Азим был старшим по возрасту, в связи с чем за ним признавалось первенство.

³⁶ Нет сомнений, что исход соперничества за власть в Кабуле, как и многих дальнейших событий в междоусобной борьбе баракзайских феодалов, решало прежде всего фактическое соотношение сил: следует иметь в виду, в частности, что Мухаммед Азим располагал богатой казной, которую вывез из Кашмира.

³⁷ *Сирадж ат-таварих*, 105.

Однако во внутренних делах своих владений за братьями-правителями сохранялась самостоятельность. В походах, предпринимавшихся Мухаммедом Азимом, его братья иногда принимали участие, иногда нет, судя по обстоятельствам и руководствуясь своими соображениями. По существу, невзирая на признание за ним старшинства и первенства, Мухаммед Азим был таким же удельным правителем, как и остальные его братья.

Афганистан распался на ряд фактически независимых феодальных владений, самыми крупными из которых были Кабульское, Кандагарское, Гератское и Пешаварское. Кроме того, существовало несколько более мелких афганских княжеств, таких, как Дир в бассейне реки Пянджкоры, момандское княжество Лальпуры и др. Большая часть горных афганских племен сохраняла самостоятельность, управляясь по своим обычаям: ханами у одних племен, советами старейшин (джирга) у других.

Свержение Садозайской династии и возникновение на обломках Дуранийской державы нескольких крупных и мелких самостоятельных феодальных владений были следствием длительного кризиса, который переживало это государство. Однако ко времени падения власти шаха Махмуда в Афганистане начали создаваться некоторые предпосылки преодоления кризиса и новой политической консолидации. «Ее экономическую основу составляло развитие товарно-денежных отношений в рамках отдельных, более или менее замкнутых, областных рынков, складывавшихся вокруг городов — Кабула, Пешавара, Герата и Кандагара. Если феодальные смуты, наряду с изменением мировых торговых путей, в значительной мере подорвали внешнюю и транзитную торговлю Афганистана, то они гораздо меньше затронули местный, внутри-областной обмен, создававший тягу к местной централизации»³⁸. Представляется, что в этой характеристике в общем верно отражена важная тенденция развития местных, областных рынков, правильно констатируется факт определенного упадка внешней торговли (и, в частности, транзитной) в годы феодальных смут. Следует, однако, иметь в виду, что в письменных источниках XIX в. отмечается сравнительно незначительное развитие внутренней торговли в Афганистане и указывается на особенно слабое распространение товарно-денежных отношений среди многих афганских племен³⁹.

Выявляя классовые предпосылки некоторой политической консолидации Афганистана в начале XIX в., выразителем

³⁸ Рейснер, *Возникновение и распад Дурранийской державы*, стр. 79.

³⁹ См. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 142.

стремлений к таковой И. М. Рейснер считал Фатх-хана. Выдвигая тезис о росте крупного афганского феодального землевладения в рассматриваемое время, этот автор ссылаясь на земельные владения последних Садозаев в Герате и рода мухаммедзаев в других княжествах, а также приводил в пример приобретения ханов Лальпуры. Расширившие свои владения ханы нуждались в крепкой власти, которая могла бы оградить их земли от посягательств других феодалов. Вместе с тем сильная государственная власть нужна была феодальным землевладельцам для подавления сопротивления эксплуатируемых крестьян.

Конкретные данные, показывающие рост крупного афганского феодального землевладения в рассматриваемое время, в источниках встречаются, но они относятся только к одной, правда важной, области Афганистана — к Кандагару. Ценный и достоверный материал, извлеченный из архивов шахов Афганистана Г. Роулинсоном, с несомненностью показывает расширение и укрепление землевладения дуранийских ханов в Кандагарской области. Выводы, основанные на этом материале, можно со значительной степенью вероятности распространить и на некоторые другие области Афганистана.

Есть основания полагать, что развитие крупного афганского феодального землевладения происходило также в районах Кабула, Джалалабада и в целом оказало большое влияние на события истории Афганистана первой половины XIX в. Начатое Дост Мухаммедом объединение страны было объективно обусловленным. Несмотря на английскую агрессию, это объединение в конце концов осуществилось после ожесточенных феодальных междоусобиц и многих лет политической раздробленности. Новое государственное объединение произошло на основе победы крупного феодального землевладения. Во внутривнутриполитической борьбе, как и прежде, принимали участие афганские племена. Однако исход ее, по мнению И. М. Рейснера, определили не ополчения племен, а отряды наемных войск афганских феодалов⁴⁰. По-видимому, это мнение в целом справедливо. Однако следует учитывать, что когда афганцам приходилось воевать с иноземцами (борьба с сикхами, а затем с англичанами), ополчения племен при разворачивании народной войны оказывались зачастую гораздо более грозными для завоевателей, чем феодальные войска⁴¹.

⁴⁰ Рейснер, *Возникновение и распад Дурранийской державы*, стр. 81.

⁴¹ В более ранней своей работе И. М. Рейснер, отмечая длительность сохранения военной организации афганских племен, справедливо подчеркивал значение этого факта в истории освободительных войн афганцев против английских завоевателей (см. Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 78—80).

Положение в афганских областях в годы политической раздробленности было во многих отношениях неодинаковым. Во всяком случае это можно утверждать в отношении Кандагарского и Пешаварского владений, о внутренней жизни которых мы располагаем сравнительно более полными сведениями.

В Пешаваре власть находилась в руках четырех братьев Фатх-хана: Яр Мухаммед-хана, Султан Мухаммед-хана, Пир Мухаммед-хана и Сейид Мухаммед-хана. По возрасту старшим из них был Яр Мухаммед (род. в 1791 г.)⁴². Он же считался старшим и по положению. Каждый из братьев имел свой миниатюрный двор, держал небольшое войско и получал свою долю из доходов удела⁴³. Общие дела решались на совместном дурбаре, заседания которого происходили очень часто.

Власть баракзайских братьев ограничивалась вначале самим городом Пешаваром и близлежащей к нему округой, границы их владений проходили на расстоянии не более 40 км от города. Племена, занимавшие территории, лежавшие вне этих границ, не платили налогов баракзайским правителям и фактически сохраняли независимость. В дальнейшем пешаварским правителям удалось присоединить к своему уделу Кохат и Хангу, но власть их распространялась только на сами эти поселения и на их ближайшие окрестности. В войске баракзайских правителей Пешавара насчитывалось около 3 тыс. воинов при десяти или двенадцати пушках⁴⁴.

Братья не располагали достаточными силами, чтобы подчинить своей власти многочисленные и воинственные соседние племена: юсуфзаев, афридиев и момандов. Эти племена не платили пешаварским правителям никаких налогов. Напротив, баракзайские ханы Пешавара сами платили субсидии афридиям, которые контролировали путь через Хайбарский проход. Афридии проявляли недовольство, так как они привыкли к гораздо более щедрым подачкам, чем могли выделить из своей небогатой казны пешаварские правители, платившие субсидии также и ханам племен Пешаварской долины, за что те должны были в случае надобности являться со своими ополчениями для участия в военных предприятиях баракзайских братьев.

Единственным местом из всех земель окрестных племен, где у баракзайских братьев была возможность почти беспрепятственно вводить желательные ими порядки, оказался

⁴² *Сирадж ат-таварих*, 198.

⁴³ Masson, *Narrative of various journeys*, vol. I, p. 130.

⁴⁴ Эти пушки далеко не все были пригодны к стрельбе.

Хаштнагар и небольшой район Доаб. Население этих районов отличалось смешанным составом по своему происхождению, не имело уже крепкой родо-племенной организации, было сравнительно малочисленным и слабым в военном отношении. Баракзайские правители нанесли сильнейший удар общинно-родовому землевладению в Хаштнагаре и Дуабе. Они действовали там так же, как и правители Кандагара в своей области, решительно ломая старые порядки, закабалая еще недавно свободных земледельцев и вводя систему жестокой феодальной эксплуатации.

Экспансия сикхов. Отторжение Пешавара

Годы политической раздробленности Афганистана совпали со временем наибольшего могущества государства сикхов в Пенджабе, во главе которого стоял махараджа Ранджит Сингх (род. в 1780 г., ум. в 1839 г.). Он отличался незаурядными качествами и как правитель государства, и как полководец. Ранджит Сингх пользовался любовью своих солдат и нередко сам водил в бой сикхские полки. Взаимная спайка, общий язык и религия, традиции освободительной борьбы, крепкая дисциплина и хорошее по тому времени вооружение обуславливали силу войск Ранджит Сингха.

Его армия состояла из трех войсковых групп: 1) регулярной армии, включавшей пехотные и артиллерийские части, организованные по европейскому образцу, а также несколько полков регулярной кавалерии; 2) иррегулярной конницы; 3) подразделений гарнизонной службы. Главной силой сикхов были регулярные войска, к организации которых Ранджит Сингх приступил с первых лет XIX в. Удельный вес обученных по европейскому образцу регулярных пехотных частей в войсках Ранджит Сингха стал быстро возрастать к 20-м годам XIX в.⁴⁵

В условиях политической раздробленности и при сравнительной удаленности от основных центров Афганистана областей, прилегающих к Инду, борьба афганских правителей с сикхскими завоевателями за обладание этими областями была неравной. Сикхская экспансия в афганские земли поощрялась и поддерживалась англичанами. Британские колониальные завоеватели уже в начале XIX в. рассматривали весь Пенджаб как свою добычу ближайшего будущего. По-

⁴⁵ В 1809 г. численность регулярной пехоты составляла 2000 чел., в 1819—7748, а в 1823 г. достигла уже 11 681. (Семенова, *Государство сикхов*, стр. 92). Для сравнения отметим, что главная сила старой сикхской армии — иррегулярная конница — в годы правления Ранджит Сингха исчислялась в 20 тыс. человек.

этому они стремились содействовать переходу пограничных афганских земель под власть Ранджит Сингха, намереваясь в дальнейшем сломить и поработить и сикхов и афганцев. Английские дипломаты старались воздействовать на афганских правителей, добиваясь от них отказа от сюзеренитета над прилегающими к Инду афганскими областями в пользу сикхов.

Подчинив в 1818 г. Мультиан, а в 1819 г. Кашмир, сикхи начали завоевание населенных афганцами областей правобережья Инда.

В Пешавар сикхские войска вступили впервые уже в 1818 г., но тогда Ранджит Сингх не сделал даже попытки закрепить город за собою. В 1819 г. сикхи завоевали Дера Гази-хан. В 1821 г. Ранджит Сингх присоединил к своим владениям Дера Исмаил-хан. Сикхские войска заняли господствующее положение в афганских районах среднего течения Инда.

В 1822 г. в Пешаваре появился Мухаммед Азим. Не желая допустить восстановления влияния Кабула в Пешаварском княжестве, которое он считал своей верной добычей, Ранджит Сингх выступил в поход против баракзаев. Между тем Мухаммед Азим, вызванный срочными обстоятельствами в Кабул, уже выехал из Пешавара. Султан Мухаммед, баракзайский правитель Пешавара, согласился удовлетворить требования Ранджит Сингха об уплате дани. Получив требуемое, Ранджит Сингх, не дойдя до Пешавара, повернул свои войска обратно.

В январе 1823 г. Мухаммед Азим, на этот раз с войском, вновь появился в Пешаваре. Султан Мухаммед вынужден был бежать и нашел убежище у юсуфзаев. Мухаммед Азим был крайне недоволен поведением Султан Мухаммеда, согласившегося стать данником Ранджит Сингха, что означало признание зависимости Пешаварского княжества от сикхов.

Ранджит Сингх, удовлетворявшийся до поры до времени номинальным признанием его сюзеренитета ханами Пешавара, вовсе не был расположен примириться с распространением на этот город власти правителя Кабула. На Пешавар были двинуты регулярные войска сикхов. Их возглавлял сам Ранджит Сингх. На этот раз дело уже не сводилось лишь к требованию уплаты дани баракзайскими братьями или к военной демонстрации.

Непосредственная опасность сикхского вторжения и угроза попасть под иго иноземцев всколыхнули окрестные афганские племена. Призыв к «священной войне» нашел немедленный отклик среди юсуфзаев, афридиев и хаттаков. Ополчения горцев прибывали на Пешаварскую равнину одно за другим.

Каждый воин имел при себе десятидневный запас продовольствия⁴⁶.

В этот решающий момент из всех крупных афганских племен, населяющих прилегающие к Пешавару районы, только юсуфзаи, подвластные хану Дира, не принимали участия в общем движении. Газан-хан дирский, власть которого в неокрепшем еще феодальном княжестве оставалась весьма шаткой, постоянно стремился завязать и укрепить связи с соседними правителями с целью найти опору извне. Газан-хан заискивал перед сикхами, отправлял ценные подарки Ранджит Сингху⁴⁷.

Решающее сражение афганских ополчений с сикхскими завоевателями развернулось под Наушерой в марте 1823 г. Мухаммед Азим и пешаварские братья-правители подвели свои силы к месту битвы, но не приняли в ней участия. Их войска находились на правом берегу реки Кабул, юсуфзаи и ополчения других афганских племен сражались на левом. Афганские регулярные войска оставались безучастными зрителями, несмотря на то что переправа через реку не представляла сколько-нибудь серьезных затруднений. Мухаммед Азим не сделал даже попытки помешать переправе сикхов, не воспользовался удобным моментом для нападения на них⁴⁸. В афганской исторической традиции малодушие, проявленное Мухаммедом Азимом, объясняется тем, что его смутило ложное известие, исходившее от Ранджит Сингха, о том, будто сикхский правитель тайно напал на крепость Мачинан, где находились казна и семья Мухаммеда Азима. Чрезвычайно дороживший своими богатствами Мухаммед Азим, даже не установив истинности донесения, бросился к Мачинану, а войскам дал приказ об отступлении к Пешавару⁴⁹. Как бы то ни было, Мухаммед Азим, до того призывавший воинов афганских племен к «священной войне», в решающий момент не оказал поддержки ополченцам этих племен, вступившим в битву с сикхами.

Бунерские воины первыми бросились в бой. Запас пороха и пуль у них был очень ограничен. Когда стрелять стало нечем, они продолжали бой врукопашную, действуя копьями и саблями. В сикхов летели стрелы и камни. Сикхи сильным огнем отражали атаки передовых ополчений, но афганцы в свою очередь устояли, отразив наступающую пехоту сикхов. Отброшенные артиллерийским и мушкетным огнем сикхов, афганские воины, побуждаемые криками и проклятиями женщин, а также призывами мулл, вновь и вновь бросались

⁴⁶ «Commentaries», p. 937.

⁴⁷ Conolly, *Notes*, p. 930.

⁴⁸ Ferrier, *History of the Afghans*, pp. 183, 184.

⁴⁹ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 91.

в атаку. Рукопашные схватки носили чрезвычайно ожесточенный характер. Один из юсуфзайских воинов взобрался на боевого слона, на котором восседал сикхский военачальник Пхульра Сингх, руководивший сражением. Воин прикончил его своим длинным афганским ножом.

К наступлению вечера сикхи заколебались, но Ранджит Сингх в решающий момент лично повел их в атаку и выиграл битву. Бой завершила атака кавалерий Ранджит Сингха. Началась резня. Вzbешенные сикхи не щадили ни женщин, ни детей. До самого захода солнца, еще долгое время после того, как судьба сражения была уже решена, стойкое сопротивление оказывали 200 юсуфзайских воинов. Все они погибли в бою. По сведениям, которые, конечно, могли быть и преувеличены, афганцы потеряли в сражении при Наушере 10 000 убитыми.

У собравшихся под Наушерой ополчений афганских племен не было единого руководства. Воины стремились поскорее сразиться с врагом, и нетерпение их было так велико, что, когда прибыли ополчения племен Бунера, афганцы ринулись в бой против сикхов, только что переправившихся через реку Кабул.

Таким образом, отряды афганских племен начали решающую битву, не дождавшись подхода многочисленных ополчений из Свата. Сватские войска подошли только на другой день после сражения, когда исход его был уже решен.

Выиграв битву под Наушерой, Ранджит Сингх двинулся на Пешавар. Сикхи взяли и разграбили город, разрушив цитадель. Однако афганские племена продолжали борьбу. Ранджит Сингх почел за лучшее оставить в Пешаваре Султан Мухаммеда, изъявившего покорность сикхам на условиях уплаты дани, и вывел свои войска из города. Баракзайские правители Пешавара превратились окончательно в вассалов Ранджит Сингха. Покрыв себя позором в глазах жителей афганских областей, прилегающих к Пешавару, Мухаммед Азим отправился в Кабул.

События, связанные с битвой под Наушерой, очень долго жили в памяти народной. Эта битва служила не только темой для рассказчиков и предметом оживленных разговоров в худжах юсуфзаев, она стала также и излюбленным сюжетом народных песен. Одна из этих песен начиналась так:

О Мухаммед Азим, где кровь наших детей,
Которых ты продал под Наушерой?».

После подчинения Ранджит Сингхом в 1823 г. Пешавар, этот крупный хозяйственный и культурный центр афганцев, остался за пределами афганского государства. В 1834 г.

Пешавар был окончательно оккупирован сикхскими войсками.

Сикхская агрессия против афганцев продолжалась и в дальнейшем, до самой смерти Ранджит Сингха. Но крупных территориальных приобретений он затем уже получить не смог. Большинству афганских горных племен удалось отстоять свою независимость. В долинных областях правобережья Инда сикхские завоеватели закрепились, поддерживая свою власть с помощью гарнизонов и собирая с окрестного населения налоги посредством военных экспедиций.

Глава V

ПЕРВОЕ ПРАВЛЕНИЕ ДОСТ МУХАММЕДА И АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА 1838—1842 гг.

Вскоре после сражения под Наушерой умер Мухаммед Азим. Везирем в Кабуле стал его сын Хабибулла. Номинально шахом по-прежнему оставался Аюб, не располагавший действительной властью. Пурдиль-хан, один из баракзайских правителей Кандагара, выехал в Кабул, решив положить конец формальному сохранению Садозайской династии и овладеть столицей. Он арестовал Аюба, но утвердить свою власть в городе не сумел и вернулся в Кандагар, оставив столицу в руках Хабибуллы¹. Вскоре в борьбу с Хабибуллой вступил Дост Мухаммед, правивший в это время в Газни. Хабибулла обратился за помощью в Кандагар. Оттуда прибыл Шердиль-хан и занял Кабул, однако он не сумел удержать власть над городом. Как видно из сохранных историками сведений, в Афганистане того времени исход феодальных войн, от которых больше всего страдали крестьяне и горожане, не всегда решался только соотношением сил сардаров на поле боя. В данном случае власть Шердиль-хана над Кабулом была серьезно поколеблена выступлением горожан против феодального гнета и произвола правителей города². Это использовали другие баракзайские феодалы, прежде всего Дост Мухаммед, укрепивший к тому времени свои связи с кабульскими кызылбашами. Он собрал войско, двинулся на Кабул и осадил городскую крепость Бала-Хисар.

Бои между войсками Дост Мухаммеда и Шердиль-хана не принесли решающего успеха ни одной из сторон. Мирные переговоры, в которых приняли участие и другие баракзайские вожди, закончились соглашением. Баракзайские братья, признав главенство Шердиль-хана, распределили между собой города и области Афганистана. В Пешаваре правителями

¹ Аюбу удалось бежать из заключения и добраться до крепости Бурдж-и Вазир, где он попал в руки баракзайского наваба Мухаммеда Земан-хана. Этот наваб за большую сумму денег «передал» садозайского монарха Ранджит Сингху. Оказавшись на положении пленника во владениях сикхского правителя, Аюб окончательно сошел с политической сцены.

² См. *Сирадж ат-таварих*, 107.

остались Ата Мухаммед-хан, Сейид Мухаммед-хан и Пир Мухаммед-хан. Яр Мухаммед-хан и Султан Мухаммед-хан были назначены правителями Кабула. Шердиль-хан, Пурдиль-хан, Мехрдиль-хан и Кохендиль-хан остались в Кандагаре, наваб Земан-хан был назначен в Джалалабад, наваб Джабар-хан — в Лагман, Хабибулла-хан — в Логар. Дост Мухаммед-хан получил в управление Кохистан Кабула, а его брат (от одной матери) Амир Мухаммед-хан — Газни³.

Наваба Асад-хана послали управлять в Дераджат, только незначительная часть которого оставалась еще под властью баракзаев, а Рахмдиль-хана — в Синд. Однако эмиры Синда ему не подчинились, подняли восстание и, пользуясь разобщенностью баракзаев, вышли из-под их власти. Шердиль-хан, начавший поход в Синд, в пути заболел и вынужден был вернуться в Кандагар, где вскоре умер.

Подчинение Кабула Дост Мухаммедом

Дост Мухаммед при поддержке кызылбашей заставил Султан Мухаммед-хана покинуть Бала-Хисар и выехать в Пешавар, а сам занял Кабул. Многие баракзайские феодалы пытались, объединив свои силы, воспрепятствовать дальнейшему усилению Дост Мухаммеда и изгнать его из Кабула.

Однако попытки врагов Дост Мухаммеда оказались безуспешными. Овладев Кабулом и укрепив свою власть над этим городом в 1826—1827 гг., а также упрочив свои позиции в Газни и в Кохистане, Дост Мухаммед стал правителем крупного княжества и начал готовиться к расширению его пределов.

В то время Дост Мухаммед особенно нуждался в передышке в междоусобной борьбе и стремился не допустить объединения против себя кандагарских и пешаварских баракзаев. Ему благоприятствовали события в Пешаваре, которые отвлекали внимание правивших там баракзаев от участия в соперничестве за власть над Кабулом. Несмотря на поражение в битве под Наушерой в 1823 г., многие афганские племена продолжали вести борьбу против сикхов. Поэтому Ранджит Сингх, заняв после этой битвы Пешавар и разрушив его, удовлетворился признанием покорности и вассальной зависимости со стороны Яр Мухаммеда, отвел главные силы своего войска в Лахор, а командование отрядами, предназначенными для обеспечения власти сикхов над Пешаварской областью и в прилегающих к ней афганских районах, возложил на Хари Сингха, одного из лучших своих военачальников.

³ Там же, 108.

Уже в 1824 г. против сикхского господства восстали юсуфзаи и другие афганские племена, населявшие земли по обоим берегам Инда выше Аттока. Восстанием руководил Сейид Акбар-шах, один из организаторов сопротивления, оказанного афганцами сикхам под Наушерой ⁴.

Афганские племена и Сейид Ахмед

Резиденцией Сейид Акбар-шаха была крепость Ситана, расположенная в неприступном месте на правом берегу Инда. Поблизости от этого места Инд, чуть выше, еще настоящая горная река с высокими обрывистыми берегами и могучим, стремительно быстрым течением, освобождается из каменных оков и, вырываясь из глубокого скалистого ущелья, выносит свои воды на равнину, разделяясь на несколько протоков и образуя множество островов.

Хари Сингх, убедившись в стойкости афганцев, не предпринимал попыток завоевать земли правобережья Инда в районе Ситаны и ограничился подчинением племен, населявших сравнительно низменную часть области Хазара по левому берегу Инда. Хари Сингх построил крепость около нынешнего Харипура, отстоявшую не более чем на 25 км от Ситаны. Но их разделяла река, и Ситана оставалась центром сопротивления афганцев.

Сикхский военачальник атаковал афганцев у входа в горы, около Нара, но потерпел неудачу, потерял много людей и был ранен. Это вызвало поход крупных сил сикхов, возглавленный лично Ранджит Сингхом, который намеревался взять Ситану. Однако и сикхский махараджа не добился решающего успеха. Переправиться с войском через Инд оказалось невозможным.

В дальнейшей борьбе афганских племен против сикхских завоевателей крупную роль сыграл Сейид Ахмед-шах, родом из Барелви (в Рохилкханде, в Индии) ⁵. Сейид Ахмед требовал возврата к первоначальной «чистоте ислама», основанной единственно на Коране, и призывал к вооруженной борьбе против ига иноверцев. Он приобрел много сторонников в различных частях Индии. В 1822 г. Сейид Ахмед через Калькутту

⁴ Сейид Акбар-шах пользовался большим авторитетом среди юсуфзаев как «пир-зада» (сын пира — наставника в религии). Он был потомком местного «святого» Пир-Баба (Сейид Али Термези).

⁵ Сейид Ахмед родился в 1786 г. В молодости принимал участие в войнах, происходивших в центральных областях Индии во времена покорения их англичанами. Отправившись в Дели, он начал там свою проповедь борьбы против английских завоевателей Индии под религиозным лозунгом «священной войны» с неверными. Он стал признанным вождем движения «тарика-и мухаммадия», идеологом которого был Мухаммед Исманл (см. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения*, стр. 78—80).

выехал как паломник в Аравию, а вернувшись оттуда, в 1826 г. направился в Кандагар.

В Кандагаре он вел переговоры с Кохендиль-ханом и с другими местными баракзайскими правителями, призывая их к «священной войне» против сикхов, но не получил от баракзаев поддержки. Тогда он отправился в Кабул. Дост Мухаммед оказал проповеднику почетный прием, но уклонился от предложения принять участие в войне с сикхами и посоветовал ему обратиться за помощью к правителям Пешавара⁶.

Сейид Ахмед отправился к Пешавар. Там ему удалось, было, уговорить Яр Мухаммеда начать войну с сикхами, но вскоре тот от непосредственного участия в ней отказался. Тогда Сейид Ахмед обратился к **афганским племенам, не желавшим примириться с поражением при Наушере**. Он направился к Фатх-хану из рода Панджтар, вождю манданского хулуя⁷. Фатх-хан хорошо принял Сейид Ахмеда и оказал ему поддержку. Как сообщается в «Сирадж ат-таварих», «С одобрения Фатх-хана Панджтара Сейид Ахмед стал правителем племени юсуфзаев»⁸.

Пропаганда Сейид Ахмеда, призывавшего афганские племена под знамена «священной войны» с сикхами, распространялась среди юсуфзаев, хаттаков, а также в Банну и в других районах правобережья Инда. Популярность его среди афганцев Северо-западной Индии особо отмечается Ч. Массоном⁹.

Сейид Ахмед быстро собрал войско (состоявшее из ополчений афганских племен и прибывших из Индии сторонников), с которым и вступил в борьбу против сикхов. Через некоторое время он выступил и против пешаварского хакима Яр Мухаммеда, обвинив его в признании власти «нечестивых» сикхов.

В 1829/30 г. Сейид Ахмеду удалось овладеть Пешаваром. К этому времени он достиг зенита своего могущества, разбил войска правивших в Пешаваре баракзаев, так что эти правители вынуждены были признать его власть над городом.

Сейид Ахмед, по-видимому, намеревался править самовластно. Владея в течение нескольких месяцев Пешаваром, он чеканил монету с именем «Ахмеда справедливого, защитника

⁶ *Сирадж ат-таварих*, 108. По мнению афганского историка Сейид Касема Риштия, Дост Мухаммед, не считая себя достаточно сильным, чтобы воевать с таким серьезным противником, как сикхи, и советуя Сейид Ахмеду обратиться к правителям Пешавара, совершил хитрый маневр. Дост Мухаммед надеялся отвлечь внимание пешаварских баракзаев от участия в кабульских делах и обрести тем самым новый способ борьбы с сикхами (Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 104).

⁷ Представители рода Панджтар со времен могольского падишаха Аурангзеба считались вождями всех манданов. В этом роде хранилась соответствующая грамота Аурангзеба. Основателем рода Панджтар был Баго-хан, потомком которого в шестом колене и являлся Фатх-хан.

⁸ *Сирадж ат-таварих*, 111.

⁹ См. Masson, *Narrative of various journeys*, vol. I, p. 143.

веры» и обложил подвластное население десятинной податью. Есть сведения, что он пытался также ввести некоторые изменения в брачные обычаи местных афганских племен; в частности, сообщается, будто он объявил об отмене калыма¹⁰.

Можно предполагать, что политика Сейид Ахмеда серьезно затрагивала не только брачные обычаи, но и вообще отношения между свободными афганцами, членами господствовавших племен и многочисленным зависимым населением — хамсая или факирами. Так или иначе, но политика Сейид Ахмеда вызвала недовольство у афганцев Пешаварской долины. Среди них назревал тщательно подготовленный и широко разветвленный заговор.

По установленному сигналу они подняли всеобщее восстание и за одну ночь перебили многих воинов Сейид Ахмеда. Сигнальные костры, которые возвестили жителям долины о восстании, дали знак и пешаварским баракзаям, которые немедленно расправились с наместником (наибом) Сейид Ахмеда. По-видимому, баракзайские феодалы были посвящены в заговор. Есть также сведения о существовании соглашения против Сейид Ахмеда, заключенного между Султан Мухаммед-ханом и Ранджит Сингхом. В соответствии с этим соглашением велись совместные действия сикхских войск и отрядов Султан Мухаммед-хана, в результате которых Сейид Ахмед был вынужден уйти из Пешаварской области¹¹.

Оставив Пешавар, оказавшийся вновь под властью Султан Мухаммед-хана, Сейид Ахмед с небольшой группой приверженцев направился за Инд, в область Хазара. Там он продолжал борьбу с сикхами, но вскоре был убит в сражении под Балакотом.

После гибели Сейид Ахмеда один из его ближайших сподвижников — Сейид Акбар — обосновался в Ситане, которая стала убежищем для всех, вступавших в конфликт не только с сикхами, но и с англичанами. В течение многих десятилетий эта крепость сохраняла значение одного из центров борьбы афганцев и мусульманского населения Индии против британского колониального господства.

Ликвидировав угрозу господству сикхов со стороны Сейид Ахмеда, Ранджит Сингх занял большую часть Пешаварской долины. Под управлением Султан Мухаммед-хана и его братьев оставался только Пешавар с ближайшей округой и район Кохата. Сохраняя до поры до времени баракзайских правителей в Пешаваре в качестве своих вассалов, Ранджит Сингх исходил из того, что немедленное установление непосредственной власти сикхов над вольнолюбивыми афганскими племен-

¹⁰ Princep, *Origine et progrès de la puissance des sikhs*, p. 254.

¹¹ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 106, 107.

нами было бы сопряжено с серьезными трудностями для завоевателей, а окончательная ликвидация баракзайской династии в Пешаваре могла привести к большой войне в случае вмешательства Дост Мухаммеда.

В это время английская колониальная дипломатия начала переходить к активным действиям против Афганистана. Англичане поддерживали сикхскую экспансию в афганские земли с тем чтобы в дальнейшем сломить и поработить и сикхов и афганцев.

Борьба Дост Мухаммеда за объединение Афганистана

Дост Мухаммед с 1826 г. стал самостоятельным правителем Кабула и начал борьбу за объединение всего Афганистана. Он последовательно и настойчиво стремился к главенству над своими братьями, правившими в других областях и городах. Объективно это была борьба за преодоление феодальной раздробленности.

Между кандагарскими правителями не было единства. Внимание пешаварских баракзаев было отвлечено борьбой с Сейид Ахмедом. Дост Мухаммед умело использовал сложившуюся благоприятно для него политическую обстановку, укрепил свои позиции и в течение нескольких лет значительно расширил границы своих владений. Он совершил успешный поход против гильзайских ханов, нанес им поражение и подчинил Зурмат, а затем одержал победу в длительной войне против владетелей Кохистана и прочно установил свою власть над этой областью.

Обладание таким крупным городом, как Кабул, и увеличение финансовых ресурсов Дост Мухаммеда в результате одержанных успехов позволили ему осуществить важное мероприятие, сыгравшее большую роль в последующих событиях. Он создал регулярное войско, организованное по-новому¹². Большое внимание он обращал на вооружение. В кабульских оружейных мастерских была налажена выработка длинноствольных мушкетов, более дальнобойных, чем ружья, которыми тогда была вооружена английская колониальная армия в Индии.

Опираясь на новое войско, Дост Мухаммед распространил свою власть на ряд районов Афганистана. В конце 1833 г. он подчинил Джалалабад. В укреплении Кабульского княжества серьезную роль сыграла внутренняя политика Дост Мухаммеда. Он сурово карал непокорных ханов, принимал действен-

¹² К организации этого войска был привлечен знаток военного дела наиб Абдуссамад-хан, знакомый с организацией военных сил европейскими инструкторами в армии Ранджит Сингха и с армиями других государств.

ные меры для обеспечения безопасности торговли и покровительствовал купечеству.

Усиление независимого Кабульского княжества препятствовало планам английской экспансии в Афганистан и в Среднюю Азию. Стремлением ликвидировать это препятствие и вызывалась непримиримая позиция англичан в отношении Дост Мухаммеда. Руководители английской колониальной политики считали чрезвычайно невыгодной намечавшуюся перспективу распространения власти Дост Мухаммеда на остальные области Афганистана и готовы были на любые меры, чтобы не допустить установления им дружественных связей с Ираном и Россией.

Ост-Индская компания попыталась использовать для подрыва проводившейся Дост Мухаммедом политики объединения Афганистана своего ставленника — бывшего шаха Шуджу, жившего на содержании англичан. В 1833 г. английские колониальные власти в Индии начали готовить поход Шуджи в Афганистан. Дипломаты Ост-Индской компании пытались добиться помощи своему ставленнику со стороны правителя Герата. Этот план не осуществился, но им удалось, используя противоречия между сикхами и афганцами, договориться с Ранджит Сингхом о помощи Шудже.

Переговоры между сикхским махараджей и бывшим шахом Афганистана завершились заключением между ними 12 марта 1833 г. договора «о дружбе и союзе». По условиям этого договора правитель Пенджаба обещал помочь Шудже овладеть тронem, а бывший афганский шах обязывался отказаться в пользу сикхов от претензий на Пешавар, Кашмир, Мультиан и другие области на востоке.

В Афганистане враждебная деятельность Ост-Индской компании выражалась в попытках восстановить афганских вождей против Дост Мухаммеда и посеять смуту в стране, о чем свидетельствуют, в частности, письма капитана Уэйда, британского политического агента в Лудиане, попавшие впоследствии в руки Дост Мухаммеда¹³. В этих письмах к афганским вождям содержались призывы поддержать Шуджу и обещания, что оказанная ему помощь «будет оценена британским правительством»¹⁴.

Ост-Индская компания снабдила Шуджу оружием и деньгами и предоставила ему возможность вербовать индийских сипаев для похода в Афганистан. Выступив в феврале 1833 г. из Лудианы с отрядом около 3 тыс. воинов, он переправился на левый берег Инда и занял Шикарпур. Увеличив численность войска до 22 тыс., Шуджа 6 марта 1834 г. двинулся из Шикарпура через Боланский проход на Кандагар.

¹³ Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. I, pp. 162, 163.

¹⁴ См. *Сирадж ат-таварих*, 123.

Дост Мухаммед, заблаговременно узнавший о готовившемся походе, попытался объединить силы баракзайских правителей Кандагара и Пешавара для совместного отпора. Баракзаи Пешавара заняли враждебную по отношению к Дост Мухаммеду позицию, но кандагарские правители, на владения которых шел Шуджа, обратились к Дост Мухаммеду за помощью. В ответ на их просьбу он выступил со своим войском навстречу Шудже. В конце июня 1834 г. произошло решающее сражение у селения Кала-йи Азим, неподалеку от Кандагара¹⁵. Шуджа бежал с поля боя, бросив на произвол судьбы свои войска¹⁶.

Воспользовавшись создавшейся в связи с походом Шуджи обстановкой, Ранджит Сингх послал войско на Пешавар с целью окончательно закрепить за собой этот город. 6 мая 1834 г. сикхи без боя взяли Пешавар, заставив баракзайских правителей вывести из него свои отряды.

Дост Мухаммед не мог примириться с окончательным переходом Пешавара в руки сикхов. Он послал Ранджит Сингху письмо с просьбой уступить ему Пешавар, соглашаясь даже на выплату за это дани. В случае же отказа правитель Кабула грозил выступить в поход на Пешавар во главе объединенных сил афганцев и изгнать сикхов за Инд. Но Ранджит Сингх от Пешавара отказываться не желал.

18 сентября 1834 г. Дост Мухаммед объявил священную войну («джихад») против сикхов. Используя свою возросшую в результате победы над Шуджой популярность в стране, он получил от духовенства титул «амир ал-муминин» (повелитель правоверных). Принятие им такого титула было связано с тем обстоятельством, что прерогативой объявления «священной войны» мог обладать только суверенный мусульманский государь.

Дост Мухаммед отказался принять предлагавшийся ему его сторонниками титул шаха, ибо опасался восстановить против себя своих многочисленных честолюбивых и завистливых братьев. В связи с этим Дост Мухаммед короновался скромно, даже без традиционного пушечного салюта, принятого ранее при коронациях садозайских шахов, и постарался представить принятие эмирского титула как вынужденный шаг, совершенный лишь из религиозных побуждений, ввиду необходимости провозгласить священную войну. В качестве суверенного государя Дост Мухаммед начиная с 1834 г. стал чеканить монету со своим именем (табл. 7). На первых монетах Дост Мухам-

¹⁵ Об этом сражении см. *Тарих-и султани*, 247.

¹⁶ В числе пленных, захваченных Дост Мухаммедом, был раненный в этом бою шотландец Кэмпбелл, командовавший у Шуджи отрядом обученных по-европейски сипаев. Впоследствии Кэмпбелл служил Дост Мухаммеду и его преемникам.

меда выбито изречение: «Поднимаясь на священную войну с сикхами, эмир Дост Мухаммед-хан велел чеканить монету со своим именем. Да поможет ему бог!»¹⁷.

Для похода против Ранджит Сингха нужны были крупные суммы денег для снаряжения войска, а казна нового эмира была пуста. С большими затруднениями, прибегнув к конфискации средств у подданных и даже к использованию драгоценностей, взятых у некоторых своих жен, Дост Мухаммед собрал около 500 тыс. рупий. Снарядив на эти деньги многочисленное войско и привлекая для участия в походе ополчения афганских племен, эмир выступил на Пешавар.

Однако, несмотря на крупные силы, которыми располагал Дост Мухаммед, поход его окончился неудачей, причем дело не дошло даже до решительного сражения. Используя раздоры между Дост Мухаммедом и баракзаями Пешавара, Ранджит Сингху удалось привлечь Султан Мухаммеда и его братьев на свою сторону путем обещаний дать им несколько районов в качестве вассальных владений. В случае же победы Дост Мухаммеда пешаварские баракзаи не могли надеяться и на это.

Немалую роль во внесении смуты в войско афганского эмира сыграл, по-видимому, американец Харлан, служивший у Ранджит Сингха и направленный им в качестве посла в афганский лагерь¹⁸.

Значительная часть войск Дост Мухаммеда покинула его, и он с оставшимися отрядами счел за лучшее, избегая сражения, отступить из-под Пешавара к Хайбарскому проходу. Вскоре он вернулся в Кабул.

Попытка сближения с Россией

Однако и после этой серьезной неудачи Дост Мухаммед не примирился с потерей Пешавара. Стремление возратить этот важный город и прилегающие к нему области афганских племен было одной из главных причин, побудивших Дост Мухаммеда проявить такую настойчивость во внешней политике. Желая заручиться содействием англичан в решении пешаварского вопроса, он отправил послов в английские владения в Индии. Вместе с тем, не питая, очевидно, больших надежд на поддержку англичан и убеждаясь, что политика Ост-Индской компании, стоявшей за спиной Ранджит Сингха и Шуджи, представляет главную опасность Кабульскому княжеству и объединению Афганистана, Дост Мухаммед решил попытаться получить поддержку от России и Ирана. Афганский эмир

¹⁷ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 126.

¹⁸ Harlan, *A memoir*, pp. 124, 125. Впрочем, не исключено, что Харлан, вообще склонный к преувеличениям в рассказах о себе, в данном случае значительно переоценил свою роль в этих событиях.

направил своих посланцев Хусейна Али и Мирзу Мухаммеда к царю Николаю I с письмом (датированным октябрем 1835 г.) В мае 1836 г. это письмо было доставлено афганским посольством в Оренбург. Хранящийся в государственном архиве Оренбургской области русский перевод этого письма недавно обнаружен и опубликован советскими исследователями. Дост Мухаммед писал: «Причина, побудившая к отправлению сего уведомления, следующая: так как шах Шуджа уль-Мульк крепко соединился с англичанами, а потому со стороны садуаев против нас объявлена вражда и несогласие. По причине сего враждования возвышенное сердце Амира Сахиба (т. е. Дост Мухаммеда.— В. Р.) обращается к вам, чтобы утвердить между двумя высокими державами мощь дружества и соотношения управления и чтобы тем самую разносторонность превратить в единство»¹⁹.

Оренбургский губернатор В. А. Перовский принял Хусейна Али и Мирзу Мухаммеда и, придавая большое значение дипломатическому шагу Дост Мухаммеда, вскоре отправил афганских посланцев в Петербург в сопровождении своего адъютанта И. В. Виткевича. В письме к царю В. А. Перовский высказывал мнение о том, что Россия должна поддерживать Дост Мухаммеда, так как если Афганистан захватят сикхи, то «земля опустошится и надежды наши на торговые отношения с этой страной исчезнут». «Если же завладеет Афганистаном Шуджа уль-Мульк, которого поддерживают англичане,— писал далее В. А. Перовский,— то Афганистан вполне подчинится Восточно-Индийскому обществу, и англичанам... останется до самой Бухары один только шаг. Средняя Азия может подчиниться их влиянию; азиатская торговля наша рушится: они могут вооружить против нас при удобном случае соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами»²⁰.

Послы Дост Мухаммеда прибыли также в Иран и в английские владения в Индии. В марте 1836 г. генерал-губернатором Индии стал лорд Окленд, активно проводивший политику, отражавшую интересы английской промышленной буржуазии, которая стремилась к захватам рынков сбыта и новым колониальным завоеваниям. 25 июня 1836 г. тайный комитет директоров Ост-Индской компании отправил Окленду послание, в котором ему предлагалось принять меры для изучения положения в Афганистане и, если он найдет нужным, «решительно вмешаться в афганские дела»²¹.

¹⁹ Документ этот обнаружен доцентом САГУ Г. Н. Чабровым и впервые опубликован в статье: Халфин, *Английская экспансия*.

²⁰ И. А., *Посланцы из Афганистана в Россию*, стр. 789.

²¹ В этом документе, составленном по указаниям министра иностранных дел Пальмерстона, предложения активизировать агрессивную поли-

В это время Окленд получил письмо (датированное 31 мая 1836 г.) Дост Мухаммеда с просьбой о содействии в урегулировании афгано-сикхских отношений. Дост Мухаммед соглашался признать власть сикхов над Кашмиром при условии, если Ранджит Сингх согласится возратить Пешавар. Воссоединение Пешавара с Кабулом противоречило планам руководителей английской колониальной политики, не заинтересованных в усилении правителя, на которого они собирались напасть. Окленд дал эмиру уклончивый ответ, прикрываясь ссылкой на то, будто Англия не вмешивается в дела других государств, но заявил о готовности послать в Кабул своего представителя для обсуждения вопросов торговли.

В 1837 г. международное положение Афганистана сильно осложнилось в связи с англо-русским соперничеством и возникновением гератского конфликта²². Прежде чем перейти к изложению этих событий, непосредственно предшествовавших английскому вторжению в Афганистан, необходимо дать краткую характеристику положения в областях правобережья Инда, подпавших под иго Ранджит Сингха, а также в Кабульском и Кандагарском владениях.

Афганские племена под властью Ранджит Сингха

Укрепившись в Пешаваре и отбив в 1835 г. войска Дост Мухаммеда, сикхи повели решительное наступление на непокорных афганцев Пешаварской области. В 1836 г. Хари Сингх атаковал худу-хель, разбил ополчение этого хеля и вынудил его главу Фатх-хана, оказавшего в свое время приют и поддержку Сейид Ахмеду, подписать обязательство об уплате дани. Затем пришла очередь остальных хелей и племен Пешаварской долины.

Налоговая политика сикхов в афганских районах сыграла заметную роль в тех изменениях, которые происходили в общественно-экономическом строе племен. В ряде случаев в завоеванных афганских областях сикхское владычество явилось нивелирующим фактором, сближая положение мелких землевладельцев — рядовых членов афганских племен и зависимых издольщиков (хамсая). Налоговая политика сикхов подтолкнула и ускорила оформление феодальных отношений.

В 1834 г. Ранджит Сингх назначил Хари Сингха командующим на афганской границе. В распоряжении Хари Сингха постоянно находился сильный сикхский отряд в 10—12 тыс. человек. С непокоренных еще окончательно районов он вначале

тику Англии против Афганистана обосновывались необходимостью противодействовать русскому влиянию (Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 22, 23).

²² Подробнее об этом см. ниже, стр. 181, 182.

взимал только дань. Так было, в частности, в юсуфзайских районах Пешаварской области. Количество дани, которую Хари Сингх требовал с юсуфзаев, не было точно определено, размер ее зависел от его желания и обстановки. Хари Сингх брал с юсуфзайских вождей дань лошадьми, охотничьими птицами, а также деньгами. Он получал с них столько денег, сколько возможно было собрать среди населения в качестве откупа за отказ от очередного посещения их земель сикхским войском (а посещения сикхов всегда означали грабежи, пожары и насилие). В 1835 г. дань лошадьми и прочим была заменена в этих районах налогом в четыре рупии с каждого дома²³. Чтобы собирать налоги, необходимо было каждый раз совершать военные экспедиции. И Хари Сингх совершал их постоянно. Во многих из подчиненных афганских областей сикхские власти широко практиковали раздачу джагиров. При проведении налоговой политики применялась откупная система, причем право сбора податей получали индийские ростовщики²⁴. Тяготы, связанные с податным режимом сикхов, ложились в основном на плечи оседлого земледельческого населения, в первую очередь на издольщиков-хамсая.

В 1838 г. Ранджит Сингх назначил правителем Пешаварской области находившегося у него на службе итальянского генерала Авитабиле (в прошлом служившего Наполеону Бонапарту). Этот генерал, правивший в Пешаваре, до 1842 г., отличался энергией и беспощадной жестокостью. При нем взимание налогов возлагалось в ряде случаев на афганских маликов и ханов. Малики и ханы охотно собирали налоги, но весьма неохотно делились полученным с сикхскими властями. Во многих районах по-прежнему каждый раз, чтобы получить подати, сикхи должны были посылать военные экспедиции. Малики оказывали, если были в силах, вооруженное сопротивление или бежали в горы, оставляя обобранных до нитки хамсая на произвол судьбы. Плодородные местности приходили в запустение, поля оставались наполовину необработанными²⁵.

Однако, несмотря на все усилия сикхских губернаторов, даже некоторые афганские родо-племенные подразделения равнинных областей, не говоря уже о племенах горцев, налогов сикхам не платили²⁶.

²³ «Gazetteer of the Peshawar district 1883—1884», p. 56.

²⁴ Некоторые любопытные подробности о деятельности сикхской администрации в афганских областях см.: Singha, *The N.-W. frontier tribes under Ranjit Singhs sway in 1837*.

²⁵ Lawrence, *Reminiscences*, p. 236.

²⁶ Так, через несколько лет после описываемых событий малики бабузаев, деревня которых была расположена в труднодоступном месте, на склонах гор в северо-восточной части Пешаварской долины, с гордостью

Последним крупным военным столкновением между афганцами и сикхами накануне английского вторжения в Афганистан была битва за крепость Джамруд. Эту крепость, расположенную в восточной части Хайбарского прохода, сикхи построили после того, как Ранджит Сингх окончательно закрепил за собой Пешавар.

С целью предотвратить опасность нападения сикхов, которые могли использовать Джамруд в качестве опорного пункта, Дост Мухаммед сосредоточил в районе этой крепости сильное войско. В начале апреля 1837 г. для руководства военными действиями прибыл Мухаммед Акбар-хан, энергичный старший сын Дост Мухаммеда. В конце апреля произошло ожесточенное сражение, в котором афганское войско возглавлял Акбар-хан, а сикхское — Хари Сингх.

Оба они, юный вождь афганцев и испытанный в боях сикхский полководец, проявили как воинское умение, так и замечательную личную храбрость. Акбар-хан выказал в этом первом для него крупном сражении свои способности военачальника и прославил свое имя доблестью, захватив у врагов две пушки. Хари Сингх, неоднократно появлявшийся в самых ответственных местах на поле боя, все же не сумел добиться перелома в неблагоприятном для сикхов ходе битвы, во время которой они подвергались сильным фланговым ударам со стороны ополчений воинственных афганских горцев. Бой закончился серьезным поражением сикхов и гибелью Хари Сингха²⁷.

В битве у Джамруда обе стороны понесли значительные потери²⁸. Афганцы разбили сикхов на поле сражения, но самой крепостью овладеть не смогли. Преследуя врагов, войско Акбар-хана продвинулось к Пешавару. Однако Ранджит Сингх, наводнив Пешаварскую долину сикхскими отрядами, не дал афганцам возможности развить свой военный успех. Вскоре Дост Мухаммед отозвал Акбар-хана в Кабул, а афганские войска отступили за Хайбарский проход.

заявляли английскому офицеру Лоуренсу, что сам грозный Авитабиле не смог принудить их уплачивать подати (Lawrence, *Reminiscences*, p. 236).

²⁷ Согласно передаваемой Сейидом Касемом Риштия версии, Хари Сингх был убит самим Акбар-ханом, отсекившим ему голову (Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 121).

²⁸ В исторической литературе потери афганцев исчисляются в 11 тыс., а сикхов — в 6 тыс. убитыми и ранеными. Есть основания полагать, что столкновение было спровоцировано англичанами, стремившимися ослабить и афганцев, и сикхов. В начале 1837 г. англичанин Фаст, находившийся на службе Ост-Индской компании, проехал через Джамруд в Джалалабад к Акбар-хану. При встрече с этим афганским принцем он уговаривал его напасть на Джамруд и старался убедить афганцев, будто оборонительные сооружения сикхской крепости слабы (см. Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 34, прим. 42).

Накануне вторжения англичан власть Дост Мухаммеда распространялась на территорию, простиравшуюся от Парвана на севере до Мукура на юго-западе и от Бамиана на северо-западе до Хайбарского прохода на востоке. Протяженность этой территории с севера на юг составляла около 270 км, а с запада на восток — около 320 км. Общая численность населения подвластных Дост Мухаммеду земель, по ориентировочному подсчету, составляла около 1300 тыс.²⁹

Возможности расширения посевных площадей в Кабулистане были ограничены, так как земледелие сосредоточивалось преимущественно в горных долинах. Основными сельскохозяйственными культурами являлись пшеница и ячмень. Хорошими сортами пшеницы славился район Газни, считавшийся наряду с Логаром и Джалалабадом житницей Кабулистана. Во владениях Дост Мухаммеда выращивались также хлопок, просо, табак.

Значительную роль в питании населения играли продукты огородного хозяйства и садоводства. По наблюдениям А. Бернса, в прилегающих к городу Кабулу землях лучшие участки использовались под огороды в связи с тем, что продажа овощей приносила сравнительно большой доход земледельцам³⁰. Главными районами садоводства считались Джалалабад, Логар, Кабул. Фрукты были одним из важнейших предметов вывоза.

Наряду с земледелием основной отраслью хозяйства населения Кабулистана было скотоводство. Разводили овец, коз, крупный рогатый скот, верблюдов. Караваны верблюдов были главным средством транспорта купеческих товаров. В быту скотоводов верблюды служили для перевозки домашнего имущества при перекочевках. В качестве вьючных животных в Кабулистане использовались также ослы и мулы. Коневодство в хозяйственной жизни и в быту большинства населения Кабулистана первостепенной роли не играло. Среди оседлых жителей этой области коней имели, как правило, только богатые люди.

В источниках отмечается наличие в Кабулистане в рассматриваемое время ремесленных производств по обработке продуктов скотоводства и хлопка. Изготавливались различные изделия из шерсти и кожи, а также кустарные хлопчатобу-

²⁹ Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 6. В качестве исходных М. А. Бабаходжаевы были использованы данные о размещении населения современного Афганистана, приведенные в докторской диссертации А. А. Поляка «Экономический строй Афганистана». При вычислениях была взята цифра среднего ежегодного прироста населения в Афганистане, принятая А. А. Поляком, — 5 человек на тысячу.

³⁰ Burnes, *Cabool*, p. 156.

мажные ткани и т. п. В городе Кабуле производились и шелковые изделия.

Оружие изготовлялось не только в столице, где существовали мастерские, принадлежащие эмиру, но и ремесленниками в других районах. Так, в районе Ламгана выделялись клинки и ружья³¹.

Кабул был, как и прежде, крупным пунктом транзитной караванной торговли с Индией и Средней Азией, а через Среднюю Азию — с Россией. В Кабуле проживало около 2 тыс. индийских купцов³². Часть индийцев, живших во владениях Дост Мухаммеда, занималась и ростовщицеством.

Социальные отношения в Кабулистане рассматриваемого времени еще мало исследованы³³. По аналогии с имеющимися данными о положении в кандагарских владениях баракзаев, а также по гораздо более отрывочным сведениям, относящимся непосредственно к Кабулистану, есть основания считать, что главное направление развития в районах Кабула и Джалалабада сводилось также к утверждению господства крупной феодальной собственности на землю.

Территория Кандагарского княжества была разделена между правящими в нем Кохендилом, Рахмдилом и Мехрдилом. Каждый из них имел свой двор и получал по степени старшинства свою долю из доходов княжества, собирая налоги с населения территории, которой непосредственно управлял³⁴. Общая численность населения составляла приблизительно 700—800 тыс.³⁵.

Основными продуктами сельского хозяйства, которое велось на поливных землях, были пшеница, рис, ячмень, просо. Значительную роль играло садоводство. Сухие и свежие фрукты шли на вывоз, особенно славились кандагарские гранаты. Было развито также огородничество; возделывался табак.

После Кандагара сравнительно крупными торговыми и ремесленными городскими поселениями были Гиришк и Маруф. Из Кандагара вывозились шерсть, шелк-сырец, шкуры, войлок, табак и т. п. Этот город, несмотря на общий упадок караванной торговли, оставался важным перевалочным пунктом для купеческих караванов, которые привозили сюда среднеазиатские и русские товары, доставляли из Ирана шелк, ткани,

³¹ Masson, *Narrative of various journeys*, vol. II, p. 289.

³² Mohan Lal, *Travels*, p. 74.

³³ Довольно большой материал по этому вопросу собран в кандидатской диссертации М. А. Бабаходжаева, посвященной войне 1838—1842 гг. К сожалению, только незначительная часть собранного диссертантом материала вошла в книгу: Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*.

³⁴ Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes*, pp. 838, 839.

³⁵ Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 9.

медную посуду, холодное оружие, а из Индии — английские хлопчатобумажные ткани, бумагу, различные пряности, металлические изделия и т. п.

Во владениях кандагарских баракзаев значительную роль в хозяйственной жизни населения в целом продолжало играть скотоводство. Для ряда племен и подразделений оно оставалось основной хозяйственной деятельностью. По-прежнему скотоводами-кочевниками были нурзаи, одно из крупнейших дуранийских племен.

Баракзайские правители Кандагара облагали налогами крестьян-райятов и хамсая, основную часть которых составляли лишенные своих наследственных земельных участков таджики и хазарейцы. С них взимались деньгами подворная подать и налог со скота. Хамсая должны были вносить также налог на содержание правительственных чиновников, который исчислялся в размере одной десятой доли стоимости урожая.

Поземельным налогом облагались земли всех категорий: райята, науабад (вновь возделанные, т. е. вновь орошенные) и халисе, которыми владели дурани. Кандагарские правители обложили налогом и все временно пустующие земли, включив в эту категорию земли, не обрабатывавшиеся со времени Надир-шаха Афшара.

«Ангури» — налог с виноградных лоз и фруктовых деревьев, от которого в годы правления Ахмед-шаха и его ближайших преемников дурани были освобождены, теперь стал обязательным для всех, и ставки его были увеличены в два-три раза. Налог с владельцев мельниц взимался со всех, вне зависимости от того, были ли таковыми таджики или дурани. Существовал и ряд других податей и поборов, значительная часть которых взималась деньгами ³⁶.

Привилегированное положение землевладельцев из племени баракзаев, в руках которых находилось 993 участка тиюль-кульба, пожалованных их предкам Ахмед-шахом, выражалось в том, что налоги на эти участки были снижены, причем владельцы их, в отличие от прошлых времен, не обязаны были теперь нести государственную военную службу ³⁷.

Тяжесть податного бремени ложилась главным образом на крестьян-райятов и хамсая неафганского происхождения. Но такая налоговая политика способствовала превращению в тягловое крестьянство все большей части мелких землевладельцев из дурани. Многие из них полностью лишились своих наделов или имели небольшие участки земли и превращались в зависимых крестьян, подвергавшихся эксплуатации как со стороны своих ханов, так и со стороны правительства. Многие

³⁶ Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes*, pp. 836—840.

³⁷ Ibid.

обедневшие дураны не имели ни оружия, ни коней, чтобы нести службу в правительственных войсках.

В целом развитие феодальных отношений в Кандагарском княжестве в рассматриваемое время характеризовалось ростом крупной феодальной собственности на землю, сосредоточивавшуюся в руках афганских, прежде всего баракзайских, ханов и в руках государства.

Общая численность постоянного войска баракзайских правителей Кандагара определялась в три тысячи всадников и одну тысячу пехотинцев при 15—20 пушках различного калибра. Кандагарские правители опирались на это довольно сильное, по местным масштабам, войско, объединяя свои силы при подавлении восстаний. Они предавали казни предводителей восстаний, разрушали села, отнимали у непокорных земли, а в усмирённых районах часто применяли в качестве наказания обложение жителей податями, вдвое или вчетверо превышавшими сумму обычного налога³⁸. Недовольство населения Кандагарского княжества, нередко выливавшееся в открытые восстания, вызывалось прежде всего тяжестью податного бремени, произволом властей, насилиями и вымогательствами сборщиков налогов. Внутреннее положение в этом княжестве не отличалось прочностью. Не только среди крестьян, но и среди городского населения недовольных было много. Очень тяжелой была жизнь городских ремесленников. Купцы также нередко являлись объектом вымогательств со стороны баракзайских правителей, что отмечается путешественниками, побывавшими в это время в Кандагаре³⁹. Оппозиционное (а в ряде случаев и открыто враждебное) отношение к власти проявляла и значительная часть господствовавшего класса — ханы дуранийских племен, чьи привилегии ущемлялись политикой кандагарских правителей, а также суннитское духовенство, осуждавшее связи правителей Кандагара с шиитским Ираном.

Кандагарское княжество ослаблялось и взаимной враждой братьев-правителей, часто ссорившихся друг с другом. В русских архивах сохранилась характеристика положения в этом княжестве, принадлежащая русскому представителю И. В. Виткевичу, побывавшему в Кандагаре незадолго до начала английского вторжения в Афганистан. Виткевич сообщал: «Сердары кандагарские, руководимые взаимной ненавистью, ослабили себя совершенно, а притеснениями и грабежами сделали ненавистны населению, которое проживало в их владениях»⁴⁰.

³⁸ Ibid., p. 839.

³⁹ См., например, Masson, *Narrative of various journeys*, vol. I, p. 287.

⁴⁰ Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 10.

Миссия Виткевича и международное положение Афганистана в 1837—1838 гг.

И. В. Виткевич был послан Перовским сопровождать в Петербург посланцев Дост Мухаммеда, прибывших в 1836 г. в Оренбург⁴¹. Затем Виткевич был направлен царским министерством иностранных дел сопровождать посланцев Дост Мухаммеда при их возвращении на родину. При этом Виткевичу было поручено выполнить в Афганистане поручения дипломатического характера в соответствии с врученной ему инструкцией министерства иностранных дел и с теми указаниями, которые ему предстояло получить в Тегеране от русского посла Симонича. Главной задачей, возложенной на Виткевича, как указывалось в полученной им от царского министерства иностранных дел инструкции, было содействие примирению между собой «афганских владельцев» (т. е. Дост Мухаммеда и кандагарского правителя Кохендиль-хана). С этой целью Виткевич должен был «объяснить им, сколь полезно для них лично и для безопасности их владений состоять им в согласии и тесной связи, дабы ограждать себя от внешних врагов и внутренних смут. Убедивши афганских владельцев в пользе тесного их между собой соединения, объяснить им и необходимость пользоваться благосклонностью и покровительством Персии, ибо одни они раздельно никак не в силах устоять против общих врагов их...». Далее в инструкции подчеркивалось, что Виткевич должен также разъяснить баракзайским правителям, «что Россия по дальности расстояния не может оказать им действительной помощи, но тем не менее принимает в них

⁴¹ Ян (Иван Викторович) Виткевич — польский дворянин, еще гимназистом принимавший участие в деятельности тайного революционного общества в Польше. В 1824 г., в возрасте 14 лет, он был сослан царским правительством в Оренбургскую губернию в качестве рядового солдата. Там во время путешествия по России его встречал знаменитый немецкий ученый Гумбольдт. Впоследствии в своих воспоминаниях этот ученый писал о поразившем его юном ссыльном поляке в солдатской шинели, штудировавшем книги в свободные от тяжелой службы минуты и знакомым, в частности, с сочинениями самого Гумбольдта. Более всего Виткевич поразила Гумбольдта необычайной одаренностью в изучении языков. Виткевич не только блестяще владел европейскими языками, но за сравнительно короткое время приобрел глубокие познания в восточных языках и на многих из них говорил совершенно свободно. На способности ссыльного юноши обратил внимание генерал-губернатор В. А. Перовский. Виткевича стали посылать с ответственными поручениями в Киргизскую степь, к киргизским (казахским) султанам. В 1831 г. за отвагу, проявленную в пограничных столкновениях, и за успехи в изучении восточных языков Виткевич был произведен в офицеры с восстановлением дворянства. В 1835—1836 гг. он с купеческим караваном совершил путешествие из Орск в Бухару. Собранные им данные о Бухарском ханстве сохранились в документе, хранящемся в ЦГВИА. В 1836 г. Виткевич был назначен старшим адъютантом Перовского.

искреннее участие и всегда будет через посредство Персии оказывать дружеское за них заступление».

Виткевичу поручалось также выявить возможности расширения русско-афганской торговли и указывалось на целесообразность вступить в переговоры «с некоторыми торговыми домами, дабы им вести непосредственную торговлю с Россией вместо нынешнего образа добывания ими наших товаров от бухарцев, из вторых и третьих рук...»⁴².

Прибыв в Тегеран, он получил там дополнительные указания от русского посла Симонича и направился в Афганистан через Нишапур и Систан. Виткевич побывал в Кандагаре на пути в Кабул, а затем был в Кандагаре во второй раз, возвращаясь из столицы Дост Мухаммеда в Иран. В Кандагаре русский представитель принимал участие в переговорах иранцев с Кохендиль-ханом, в результате которых договаривающиеся стороны заключили союз против садозайского правителя Герата⁴³.

На пути из Кандагара в Кабул Виткевич побывал в Газни. В декабре 1837 г. он прибыл в столицу Дост Мухаммеда. В это время в Кабуле находилась английская миссия Бернса, а Герат осаждали войска иранского шаха. Международное положение Афганистана становилось все более напряженным.

Англичане, готовясь к нападению на Афганистан и Среднюю Азию, стремились подчинить себе Герат, важнейший стратегический пункт на путях в Среднюю Азию. Этой цели Ост-Индская компания пыталась добиться путем установления своего контроля над правителем Герата, намечая в то же время оккупацию этого владения своими войсками. Царская Россия, соперничавшая с Англией в среднеазиатской торговле, не желала допустить перехода Герата под власть или под контроль англичан, считая это опасным и для своих политических интересов на юго-восточных окраинах государства. В создавшейся обстановке правивший в Иране Мухаммед-шах, получив одобрение и поддержку царской дипломатии, смог организовать большой поход на Герат. В октябре 1837 г.

⁴² «Инструкция Виткевичу от 14 мая 1837 г.», стр. 944.

⁴³ После свержения в 1818 г. власти садозайской династии над Афганистаном Герат остался под управлением бывшего шаха Махмуда и его сына Камрана. В 1829 г. Махмуд умер, и ему наследовал Камран, в годы правления которого фактическая власть оказалась в руках Яр Мухаммеда, занимавшего пост везиря. Камран был вынужден признать вассальную зависимость от шахов Ирана, выражавшуюся в обязательстве уплачивать часть доходов в качестве дани. Это обязательство Камран не выполнял, и его сравнительно слабое и изолированное от остального Афганистана владение находилось под двойной угрозой: со стороны шахов Ирана, намечавших захват Герата, а также со стороны баракзайских правителей Кандагара. Борьба за Герат в 30-х годах осложнилась вмешательством Англии.

иранское войско подошло к стенам этого города и начало осаду.

Англичане оказали материальную помощь Камрану и для руководства обороной города направили офицера Поттинджера. В лагере иранских войск находился в качестве военного советника капитан царской армии И. Бларамберг. Иранское войско, осаждавшее Герат, было многочисленным, но плохо организованным. Присутствие шаха с его двором не помогало, а мешало руководству военными действиями. Иранским войском командовали семь родственников Мухаммед-шаха, действовавшие несогласованно. Иранцы подвезли большие пушки для обстрела Герата, но эти пушки разрывались при стрельбе, нанося значительные потери своим же войскам. В лагере иранского шаха находились английские офицеры Стодарт и д'Арси Годд, пользовавшиеся дипломатической неприкосновенностью. Поттинджер поддерживал с ними связь и даже встречался с разрешения Мухаммед-шаха, в результате чего осажденные заблаговременно узнавали о военных планах иранского войска. Не все ворота Герата были блокированы, и подвоз продовольствия в осажденный город продолжался. Осада Герата затянулась⁴⁴. В это время в Кабуле находилась миссия Бернса, которая должна была собрать сведения о торговле в Средней Азии и Афганистане, а также предоставить английским властям информацию политического характера. Деятельность этой миссии преследовала цель подготовить завоевание Афганистана Ост-Индской компанией⁴⁵. На Бернса была возложена задача помешать сближению Дост Мухаммеда и баракзайских правителей Кандагара с Ираном и не допустить их совместного выступления против Гератского ханства.

Первоначально миссия Бернса была хорошо принята Дост Мухаммедом, все еще рассчитывавшим на возможность договориться с англичанами о содействии в возвращении Пешавара. Однако отказ руководителей английской колониальной политики от участия в урегулировании пешаварского вопроса и нежелание вести переговоры на равноправных началах охладили отношение Дост Мухаммеда к английской миссии.

Причины неудачи миссии Бернса заключались прежде всего в агрессивных намерениях руководителей английской коло-

⁴⁴ Об осаде Герата см.: [Johann von Blaramberg], *Erinnerungen aus dem Leben des kaiserlich russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg*, Berlin, 1872; А. Х. Иениш, *Осада Герата в 1838 г.*, — СМА.

⁴⁵ О задачах, составе и деятельности миссии Бернса см.: Халфин, *Провал британской агрессии в Афганистане*, стр. 23—26; Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 32—38.

ниальной политики по отношению к Афганистану⁴⁶. Во время переговоров Бернс получил от Окленда письмо, в котором предписывалось категорически отвергнуть притязания Дост Мухаммеда на Пешавар и дать ему понять, что англичане открыто поддержат нападение Ранджит Сингха на Афганистан, если эмир не прекратит дружественные отношения с Ираном и Россией. Более того, Бернсу предписывалось потребовать от Дост Мухаммеда, чтобы он прервал сношения с Россией и Ираном, немедленно выслал из Кабула Виткевича и никогда впредь не принимал бы русских и иранских представителей без санкции на то английских властей. Дост Мухаммед не принял этих ультимативных требований, и в апреле 1838 г. Бернс выехал из Кабула.

В такой обстановке Виткевичу удалось посодействовать примирению Дост Мухаммеда с кандагарским правителем Кохендиль-ханом и склонить их к оборонительному союзу с Ираном против угрозы нападения Англии. При посредничестве Виткевича Дост Мухаммед и Кохендиль-хан согласились заключить с Ираном дружественный договор, направленный против правителя Герата, союзника англичан. Проект договора был одобрен русским посланником в Иране Симоничем и должен был вступить в силу при гарантии его царским правительством. Виткевичу удалось также договориться с Дост Мухаммедом о расширении торговли между Россией и Афганистаном, причем русский представитель от имени своего правительства обещал эмиру помощь в размере 2 млн. рублей наличными и на 2 млн. рублей товарами. В ходе переговоров Виткевич обещал Дост Мухаммеду содействие России в борьбе за возвращение Пешавара. Это весьма благоприятно сказалось на результатах переговоров. Как сообщал Виткевич русскому послу в Иране, Дост Мухаммед склонен был к укреплению и развитию дружественных связей с Россией⁴⁷.

Однако в политике царского правительства, поддержавшего Каджаров и заинтересованного в сохранении независимости баракзайских правителей Афганистана, произошли в это время значительные изменения, препятствовавшие продолже-

⁴⁶ Дост Мухаммед, правитель сильный и самостоятельный, был им неугоден, и они относились к нему с предвзятостью, старались доказать английскому парламенту, будто этот эмир был непримиримым врагом англичан. Поэтому в опубликованной в Англии и представленной парламенту Пальмерстоном в 1839 г. «Синей книге» переписка Бернса с руководством Ост-Индской компании была фальсифицирована. Бернс и в ходе переговоров и после своего отъезда из Кабула сообщал, что при определенных условиях Дост Мухаммед может быть верным союзником Англии и что ее интересам он не угрожает. Однако все, что Бернс писал в пользу Дост Мухаммеда, было уничтожено в изданных в «Синей книге» документах.

⁴⁷ Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 28.

нию прежней политики противодействия английской экспансии на Среднем Востоке. Стремясь сблизиться с Англией в борьбе против Франции и надеясь получить поддержку англичан в вопросе о проливах, царское правительство пошло на уступки в гератском конфликте и, поступаясь достигнутыми политическими результатами в Афганистане и Иране, отказалось гарантировать проект договора между баракзаями и иранским шахом.

Русский посол в Иране Симонич был отозван «за превышение полномочий». Его сменил Дюгамель, ничего не сделавший для поддержки баракзайских правителей Кандагара, выступивших в поход на Герат. Дюгамель ограничился просьбой к иранскому правительству отправить кандагарским баракзаям обещанные шахом 10 тыс. туманов. Среди баракзайских правителей Кандагара начались разногласия, движение их войск на Герат приостановилось, и из начатого похода ничего не вышло⁴⁸. Дюгамель отозвал Виткевича из Афганистана и сообщил иранскому шаху и кандагарским баракзаям, что царь не соглашается утвердить ирано-афганский договор. Под сильным нажимом английской дипломатии царское правительство отказалось от миссии Виткевича и дезавуировало его действия, заявив, что он превысил свои полномочия⁴⁹. Таким образом, результаты его миссии были сведены на нет.

Несмотря на это, англичане продолжали использовать миссию Виткевича как предлог для развязывания войны против Афганистана. Вначале, когда Бернс находился еще в Кабуле, руководство Ост-Индской компании довольно хладнокровно относилось к приезду Виткевича к Дост Мухаммеду⁵⁰. Но после неудачи миссии Бернса и окончательного решения Ост-Индской компании свергнуть Дост Мухаммеда и заменить его своим ставленником Шуджой руководители английской колониальной политики выступили с лицемерными заявлениями, утверждая, будто контакт Дост Мухаммеда с Ираном и Россией создает угрозу безопасности Британской Индии.

Ссылаясь на не существовавшую в действительности опасность русского вторжения в Индию, английские завоеватели пытались оправдать свою экспансионистскую политику в Афганистане и Средней Азии. Однако, если бы англичане на самом деле боялись русского вторжения в Индию и не имели бы захватнических планов в отношении Афганистана, они

⁴⁸ См. Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 42, 43.

⁴⁹ Жизнь Виткевича, успешно выполнившего возложенные на него поручения, завершилась трагически. Возвратившись в Петербург, он покончил с собой (такова во всяком случае официальная версия о его гибели) и перед смертью сжег свои архивы.

⁵⁰ См. Семенова, *Государство сикхов*, стр. 113, прим. 53.

могли бы легко договориться с Дост Мухаммедом, который выражал готовность содействовать политическим и торговым интересам Ост-Индской компании при единственном условии помощи в урегулировании пешаварского вопроса. Как уже отмечалось выше, А. Бернс, который достаточно хорошо знал об отношении Дост Мухаммеда к англичанам, указывал, что оно было доброжелательным, и считал, что Ост-Индская компания может сотрудничать с Дост Мухаммедом, подчеркивая, что «если бы половина того, что мы намерены делать для других, была сделана для него и если выдвинуть предложения, которые он мог бы рассматривать как соответствующие его интересам, он завтра же порвал бы с Ираном и Россией»⁵¹.

Ссылки на вымышленную угрозу английским колониальным владениям в Индии со стороны России и на мнимую враждебность Дост Мухаммеда к англичанам предназначены были для обмана общественного мнения и для маскировки захватнических планов Ост-Индской компании.

Подготовка к вторжению

Проводя внешнеполитическую подготовку к завоевательной войне против Афганистана, англичане стремились обеспечить себе возможность использовать военные и материальные ресурсы Пенджаба. Для этого они попытались привлечь к активному участию в войне Ранджит Сингха, отношения которого с Дост Мухаммедом были по-прежнему весьма неприязненными.

Дост Мухаммед вел длительные переговоры с правителем сикхов, добиваясь возвращения Пешавара. Однако Ранджит Сингх не шел на какие-либо уступки в этом вопросе. Напротив, в ходе переговоров с течением времени он повышал свои требования, надеясь в условиях напряженной внешнеполитической обстановки добиться для себя новых приобретений в афганских землях или политических выгод, не предлагая ничего взамен. Опираясь на союз с англичанами, правитель сикхов стал требовать, чтобы Дост Мухаммед не только отказался от Пешавара, но признал себя его вассалом и выплатил крупную сумму денег в качестве дани. Согласно хранящемуся в русских архивах тексту донесения Бларамберга, Дост Мухаммед категорически отверг притязания махараджи сикхов и заявил, что он лучше умрет с оружием в руках, чем подчинится Ранджит Сингху и англичанам⁵².

⁵¹ Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 46.

⁵² См. Туманович, *Организация военных союзов и блоков*, стр. 106.

В мае 1838 г. для переговоров с Ранджит Сингхом в Лахор был послан Вильям Макнотен, секретарь по иностранным делам при генерал-губернаторе Индии. Правитель сикхов относился с опасением к планам реставрации английского ставленника Шуджи на афганском троне, понимая, что переход Афганистана под власть или под контроль Англии усилил бы угрозу независимости сикхского государства. Однако Макнотен настаивал на активном участии сикхских войск в намечавшемся походе в Афганистан, ссылаясь на прежние обязательства махараджи оказать помощь Шудже в восстановлении его власти. В ходе переговоров Ранджит Сингх согласился поддержать Шуджу отрядом своих войск (численностью не менее пяти тысяч), но пытался взамен получить согласие англичан на включение в состав государства сикхов Шикарпура и Джалалабада⁵³. Руководство Ост-Индской компании категорически отвергло притязания сикхов на эти города — англичане сами намеревались их захватить.

В конце концов Макнотену удалось склонить Ранджит Сингха к заключению с Шуджей союзного договора, гарантированного Ост-Индской компанией. Этот так называемый «трехсторонний договор» был подписан Шуджей 16 июля, а сикхским махараджей — 23 июля 1838 г. Ост-Индская компания и Ранджит Сингх принимали на себя обязательство восстановить Шуджу на шахском престоле Афганистана. За обещанную военно-политическую поддержку Шуджа обязался уступить англичанам Синд и подтверждал «на вечные времена» отказ в пользу государства сикхов от Пешавара, Мульта, Кашмира и других завоеванных Ранджит Сингхом областей, входивших прежде в состав владений садозайских шахов Афганистана. Шуджа обещал также отказаться от присоединения к своему будущему царству Герата.

«Трехсторонний договор» предусматривал, что внешняя политика Афганистана и государства сикхов должна контролироваться англичанами. Согласно статье 18 договора, Шуджа обещал «воздержаться от переговоров с какой-либо иностранной державой» без согласия на то английского и сикхского правительств, а также противодействовать любому государству, которое попыталось бы напасть на владения сикхов или англичан. Согласно статье 14, лахорское (сикхское) правительство также не должно было поддерживать никаких связей с государствами, враждебными Англии⁵⁴. Условиями договора также предусматривалось, что Шуджа после восстановления на престоле пригласит английских офицеров для организации войска.

⁵³ Семенова, *Государство сикхов*, стр. 114.

⁵⁴ Aitchison, *A collection of treaties*, p. 43.

Не желая обострять отношения с Англией и уступая ее дипломатическому давлению, Ранджит Сингх пошел на подписание «трехстороннего договора», но категорически отказался пропустить войска Ост-Индской компании через территорию Пенджаба. Есть все основания полагать, что, опасаясь усиления влияния англичан в соседних с государством сикхов областях и странах, махараджа втайне желал англичанам поражения, а не победы в Афганистане⁵⁵. В связи с отказом Ранджит Сингха Ост-Индская компания должна была изменить не только первоначальные планы движения своих войск, но и намечавшийся их состав, включив в экспедиционный корпус в дополнение к частям, укомплектованным индийскими сипаями, также и британские регулярные части.

Следующим шагом английской политики при подготовке вторжения в Афганистан был нажим на иранского шаха с целью заставить его прекратить осаду Герата. До августа 1838 г. все усилия англичан в этом направлении были безуспешны и осажденный город находился уже накануне падения, но английское правительство решило пойти на крайние меры, вплоть до войны с Ираном. Разорвав дипломатические отношения с Мухаммед-шахом, английское правительство отозвало из Ирана своего посла Макниля. Посол этот, находясь на пути из Ирана в Турцию, получил предписание британского правительства заявить Мухаммед-шаху, что оккупация Герата будет рассматриваться как враждебный акт по отношению к Англии и что английскими войсками уже занят остров Харак. Под угрозой войны иранский шах был вынужден в конце августа — начале сентября 1838 г. прекратить осаду Герата и отвести свои войска от города⁵⁶.

Добившись отступления царской дипломатии, заключив «трехсторонний договор» и заставив иранского шаха увести свои войска от Герата, англичане ускорили подготовку войск Ост-Индской компании к вторжению в Афганистан. Пытаясь оправдать завоевательную войну и скрыть ее истинные причины и цели, генерал-губернатор Индии Окленд 1 октября 1838 г. опубликовал в Симле манифест (декларацию), своим лицемерием, бесстыдством и лживостью выделяющийся даже среди самых позорных документов в истории колониальной политики.

В манифесте утверждалось, что своим враждебным отношением как к старому союзнику англичан Ранджит Сингху, так и к самой Англии, Дост Мухаммед показал, что, пока Ка-

⁵⁵ 27 июня 1839 г. Ранджит Сингх умер, и основные события предусмотренной «трехсторонним договором» войны в Афганистане происходили уже при его преемниках — Каррак Сингхе и Шер Сингхе.

⁵⁶ См. Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*, стр. 22—24.

бул находится под его властью, «мы не можем надеяться, что будет обеспечено спокойствие по соседству с нами или что интересы нашей Индийской империи не будут нарушены». «Благополучие английских владений на Востоке», возвещал Окленд, «требуется, чтобы мы имели на нашей западной границе союзника, заинтересованного в прекращении агрессии и установлении спокойствия, а не правителей, связавших себя раболепно с враждебной державой и старающихся содействовать планам завоевания».

Далее Окленд заявил, что он «чувствует необходимость принять немедленные меры к предотвращению быстрого развития иностранных интриг и агрессии против нашей собственной территории», и обосновывал решение англичан помочь Шудже, который «вступит в Афганистан, окруженный своими собственными войсками» и будет поддержан против «иностранного вмешательства и внутренних врагов» британской армией; при этом давалось обещание вывести ее из страны, как только Шуджа утвердится на троне. В заключение говорилось, что все это делается исключительно с целью обеспечить «безопасность владений британской короны», а также для того, чтобы «способствовать восстановлению единства и благосостояния афганского народа»⁵⁷.

После опубликования манифеста Окленда англичане спешно завершили комплектование предназначенных для участия в походе отрядов и сосредоточили их в исходных пунктах намеченных маршрутов.

В ноябре 1838 г. в Фирузпур прибыли бенгальский отряд численностью в 9700 солдат и «шахский контингент» Шуджи, в котором было немногим более 6 тыс. человек, спешно на вербованных англичанами в Индии. Отряд Шуджи состоял из пеших и конных сипаев, которыми командовали английские офицеры. Этот отряд с приданной ему одной артиллерийской батареей на конной тяге должен был изображать «собственные войска» его величества шаха, с которыми, как возвещалось в манифесте генерал-губернатора Индии, сей монарх вступит в Афганистан.

Бенгальский отряд и воинство возвращаемого на родину шаха должны были переправиться через Инд по дороге на Шикарпур, а оттуда двигаться на Кандагар и Кабул. Из Бомбея на соединение с этими силами был направлен отряд в 5 тыс. человек во главе с генералом Джоном Кином, на которого руководство Ост-Индской компании возложило впоследствии общее командование экспедиционным корпусом, получившим название «армия Инда». Подготовка к вторжению закончилась.

⁵⁷ Kaye, *History of the war*, vol. I, pp. 369—374.

Начало войны

В конце 1838 г. войска Ост-Индской компании двинулись на Афганистан. В первых числах декабря из Фирузпура выступил бенгальский отряд под командованием генерал-майора Коттона. За ним тронулся и Шуджа со своим «шахским контингентом». В конце января 1839 г. эти войска переправились через Инд, а в начале марта вышли из Шикарпура. На соединение с ними двигался бомбейский отряд, высадившийся у устья Инда.

Продвижение английских войск по территории Синда происходило без согласия на то эмиров Синда — союзников Ост-Индской компании. Во время похода с ними обошлись как с врагами. Английские власти потребовали от них уплаты большой суммы денег Шудже. Отказ выполнить это требование и пропустить английские войска через территорию Синда вызвал вооруженное столкновение. В феврале 1839 г. английский десант захватил Карачи. Синдские эмиры были вынуждены подписать с Ост-Индской компанией договор, положивший конец их независимости ⁵⁸.

В начале апреля все отряды, предназначенные для вторжения в Афганистан через Кандагар, соединились в Кветте. В состав этого войска, именовавшегося «Армией Инда», входило около 20 тыс. строевых солдат и офицеров, но общая численность его была значительно большей, так как войско сопровождало около 38 тыс. обозной и лагерной прислуги ⁵⁹. Фактическим руководителем экспедиции был секретарь англо-индийского правительства Вильям Макнотен, находившийся при Шудже в качестве «посла и министра». Командование армией было возложено на генерал-лейтенанта Кина, начальника бомбейского отряда.

В середине апреля началось движение войск на Кандагар. «Армия Инда», испытывавшая острый недостаток в продуктах питания и в фураже, потеряла от бескормицы много тысяч голов вьючного и упряжного скота. Однако завоеватели не встретили почти никакого сопротивления со стороны афганцев. Между тем даже небольшой отряд мог бы оказать серьезное сопротивление наступающим войскам в Боланском ущелье и, во всяком случае, надолго их задержать.

⁵⁸ По условиям этого договора, английским судам дозволялось свободно плавать по Инду, эмиры «разрешали» пребывание «вспомогательно-го» отряда английских войск на территории своих владений и брали на себя часть расходов по его содержанию, а шаху Шудже соглашались уплатить 28 лакхов рупий.

⁵⁹ Такое соотношение было характерно для колониальной английской армии того времени, в которой каждый офицер имел несколько слуг. См. Atkinson, *The expedition into Afghanistan*, p. 7.

Британские завоеватели использовали распри афганских феодалов и не жалели денег на подкуп. Макнотен еще в Белуджистане начал буквально сыпать деньгами направо и налево⁶⁰. В результате некоторые влиятельные афганские феодалы (в их числе Хаджи-хан Какари, получивший от англичан 10 тыс. рупий) при приближении «Армии Инда» к Кандагару перешли на сторону Шуджи. Баракзайские правители Кандагара — Кохендиль-хан и его братья — попытались вывести свои отряды для отпора завоевателям, но, покинутые частью своих приближенных, вернулись с полпути. Вместе со своими семьями они бежали в Гиришк, а оттуда перебрались в Иран, где нашли убежище, выжидая, как развернутся дальнейшие события.

Если у Шуджи еще и оставались какие-либо иллюзии относительно характера будущих взаимоотношений с британскими властями, они должны были рассеяться уже в Кандагаре. Намерения английских завоевателей характеризуются в афганской исторической литературе на материале договора, который должен был подписать Шуджа накануне коронации. Основное содержание этого договора излагается в «Тарих-и султани»⁶¹. Подробный текст его приводится в «Сирадж ат-таварих», где говорится, что англичанин Макнотен, «составив новый договор так, как ему требовалось, передал его для подписи и приложения печати шаху Шудже»⁶². Далее следует (как утверждает автор «Сирадж ат-таварих» — в буквальной передаче) текст документа, состоявшего из восьми пунктов.

В первом пункте подтверждалось, что условия «трехстороннего договора» от 26 июля 1838 г. между английским правительством, шахом Шуджей и махараджей Ранджит Сингхом остаются в силе⁶³. Второй пункт был посвящен по-сольским отношениям.

Третьим пунктом предусматривалась изоляция Афганистана от внешнего мира (чего британским колонизаторам удалось добиться лишь много позднее, после второй англо-афганской войны 1878—1880 гг.). Шах Шуджа обязывался «никогда не принимать на службу ни одного из европейцев и никому из них, без извещения о том и согласия на то английского правительства, не давать разрешения на пребывание в Афганистане».

В четвертом пункте англичане, отрекаясь от обещанного в манифесте Окленда вывода войск из Афганистана после

⁶⁰ См. Kaye, *History of the war*, vol. I, pp. 429, 435.

⁶¹ *Тарих-и султани*, 252, 253.

⁶² *Сирадж ат-таварих*, 143.

⁶³ В изложении автора «Тарих-и султани» этот пункт опущен.

восстановления Шуджи на престоле, выражали намерение оставить оккупационные войска в этой стране навеки: «сформированные и находящиеся под командой английских сардаров войска, которые предназначаются для охраны страны, самого шаха, а также для отражения внешних врагов, навсегда остаются в Афганистане и могут быть использованы и для другой службы, кроме предусмотренной выше, но при условии согласия на это шаха и упомянутого английского посланника».

Остальные пункты договора закрепляли обязательство шаха содержать оставленные в Афганистане английские войска по возможности за счет казны (6-й пункт) и обязательство, ставившее в привилегированное положение английскую торговлю в Афганистане, защита которой возлагалась на английского посланника. Он должен был постоянно находиться при дворе правителя Афганистана, и без предварительного согласования с ним шах обязывался не решать каких бы то ни было вопросов, связанных с торговлей (7-й пункт).

В последнем пункте договора говорилось: «изложенные выше семь пунктов сохраняют свою силу на вечные времена до окончания правления Садозайской династии». Документ датирован 7 мая 1839 г.

На следующий день после того как Шуджа поставил свою подпись и печать под этим документом, в Кандагаре состоялась пышно обставленная церемония реставрации его на престоле. Однако население Кандагара не проявило никакого энтузиазма по этому поводу.

Дост Мухаммед находился в трудном положении. В кабульском Кохистане вспыхнуло восстание (в организации которого не последнюю роль сыграл Уэйд, действовавший из Пешавара)⁶⁴. Все же афганский эмир принял меры для отпора завоевателям. Для отражения угрозы со стороны Пешавара он отправил к Хайбарскому проходу часть своих лучших сил под начальством Акбар-хана. В крепости Газни находился сильный гарнизон во главе с Хайдар-ханом, другим сыном Дост Мухаммеда, а в окрестностях Газни был расположен отряд конницы под начальством Афзаль-хана, старшего сына эмира. Сам Дост Мухаммед оставался в Кабуле, собирая силы, чтобы двинуть их к району решающих военных действий.

Англичане сделали в Кандагаре длительную остановку. Не исключалась вероятность их движения на Герат. Донесения о предстоявшем будто бы походе англичан на Герат

⁶⁴ См. Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. II, pp. 276—279.

поступали к Дост Мухаммеду⁶⁵. Но скорее всего можно было ожидать похода «армии Инда» на Кабул через Газни с целью посадить Шуджу на престол в столице. Дост Мухаммед также получил сведения о готовившемся наступлении на Кабул. При этом ожидалось, что англичане обойдут сильную крепость Газни, а если и предпримут ее осаду, выделив часть войск, то не сумеют ее быстро взять.

Судя по расположению афганских войск, Дост Мухаммед рассчитывал в случае наступления англичан на Кабул через Газни нанести встречный удар силами отрядов, находившихся в столице. Совместно с ними должны были действовать конница Афзаль-хана в тылу англичан и газнийский гарнизон на флангах. Этот план, который В. В. Григорьев оценивал как хорошо задуманный, Дост Мухаммед не смог осуществить прежде всего вследствие неожиданно быстрого падения крепости Газни⁶⁶.

Падение Газни и поход англичан на Кабул

Завершив подготовку к походу, «Армия Инда» 27 июля 1839 г. выступила из Кандагара на Кабул. В связи с тем, что значительная часть воинов окрестных гильзайских племен была занята уборкой урожая, англо-индийским войскам удалось сравнительно легко занять Калати-Гильзай и Маруф, расположенные между Кандагаром и Газни. Однако вскоре после выступления из Кандагара «Армия Инда» стала подвергаться нападениям со стороны небольших гильзайских партизанских отрядов⁶⁷. То были первые проявления народной войны против завоевателей.

При этом с самого начала выяснилось отрицательное отношение афганского народа к шаху Шудже, который прибыл в страну с войсками иноземцев. Сопротивление афганцев облекалось в форму священной войны (джихад) за веру против «кафиров»-англичан. Участники этой войны назывались «газиями» (борцами за веру).

Накануне штурма Газни гильзайские гази предприняли дерзкое нападение на лагерь Шуджи. Оно было отбито, и 50 гильзайских воинов попало в плен; по приказу Шуджи всех пленных предали мучительной казни. Вести об этих и других жестокостях шаха с самого начала его вступления в Афганистан восстановили против него гильзайские племена.

Крепость Газни считалась неприступной; на случай осады она была хорошо обеспечена запасами продовольствия и гарнизон ее был готов защищаться до конца. Однако среди

⁶⁵ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 9.

⁶⁶ Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 891.

⁶⁷ Atkinson, *The expedition into Afghanistan*, pp. 204, 205.

афганской знати нашелся предатель — Абдуррашид, один из племянников эмира Дост Мухаммеда, который дал англичанам сведения о численности войск в Газни и сообщил данные о наиболее уязвимом месте обороны города⁶⁸. Он указал, что Кабульские ворота, в отличие от других городских ворот, оставлены незабаррикадованными⁶⁹.

Получив столь ценную информацию и учитывая, что недостаток продовольствия грозит в случае длительной осады большими неприятностями осаждающим, английский командующий Кин отдал приказ о штурме Газни. 21 июля к крепости подошли передовые английские отряды. Подведя все свои силы к городу и окружив его, англичане на рассвете 23 июля взорвали Кабульские ворота и ворвались в крепость. Несмотря на подавляющее превосходство нападающих в численности, афганский гарнизон и жители города сражались с ожесточением, не щадя жизни.

Преодолев только после двухчасового упорного боя сопротивление гарнизона, взбешенные английские завоеватели учинили кровавую расправу над жителями города. Описания ее, принадлежащие участвовавшим в штурме английским офицерам, звучат как самый суровый обвинительный приговор жестокостям колониальных войн и ханжеской морали христианских и христианствующих завоевателей. В одном из таких описаний рассказывается, как пытавшиеся выбежать через ворота афганцы «натыкались на сооруженную нашими войсками горящую изгородь, получали ранения и медленно сгорали, некоторых закалывали штыками на земле, других преследовали и ловили по углам, как бешеных собак, пристреливали с проклятиями и молитвой на устах»⁷⁰. Рисуя эту ужасную картину, очевидец добавляет, что после того как гарнизон уже перестал сражаться, жители продолжали оказывать сопротивление разъяренным завоевателям, и многие афганцы дорого продали свою жизнь.

Через неделю Кин, оставив в Газни гарнизон, выступил на Кабул. В это время через Хайбарский проход на Кабул продвигался сформированный в Пешаваре отряд, которым командовали английский офицер Уэйд и принц Тимур, сын Шуджи. Общая численность отряда составляла около 11 тыс. солдат и офицеров при 16 орудиях. В его состав входило свыше 6 тыс. сикхов, обученных английскими офицерами, и контингент принца Тимура численностью в 4740 человек.

Для отражения врагов со стороны Хайбарского прохода Дост Мухаммед, как уже отмечалось выше, заблаговременно

⁶⁸ См. Mohan Lal, *Life of the: Amir*, vol. II, p. 221—223, 226.

⁶⁹ По-видимому, Кабульские ворота предназначались защитниками города для вылазок.

⁷⁰ Kaye, *History of the war*, vol. I, p. 465.

послал своего сына Акбар-хана. Ко времени подхода отряда Уэйда Акбар-хан тяжело заболел⁷¹. Когда выяснилось, что главные силы англичан направляются на Кабул не через Хайбарский проход, как ранее предполагалось, а через Кандагар и Газни, Дост Мухаммед отозвал Акбар-хана. Тот оставил Хайбарский район, где уже начались вооруженные столкновения с отрядом Уэйда, и прибыл в Кабул к отцу настолько тяжело больным, что в ближайших событиях не мог принимать никакого участия.

Уэйду удалось сравнительно легко форсировать Хайбарский проход и после сильного артиллерийского обстрела занять крепость Али Масджид. Гарнизон этой крепости, лишенный надежды на поддержку со стороны Акбар-хана (уже отозванного к тому времени Дост Мухаммедом), вынужден был оставить ее. Далее на Кабул отряд Уэйда и принца Тимура продвигался, не встречая сопротивления.

Вскоре Дост Мухаммед получил известия о взятии англичанами Джалалабада. В Кохистане разгорался мятеж, в организации которого приняли участие английские агенты. Этот мятеж создавал опасную угрозу столице и сковывал активность Дост Мухаммеда, готовившегося в Кабуле к отпору врагов. Очень тяжелым ударом для афганского эмира было падение Газни⁷².

Несмотря на все это, Дост Мухаммед с собранным им войском, в котором насчитывалось до 6 тыс. воинов, выступил из Кабула навстречу англичанам и Шудже и занял выгодную позицию у переправы через реку Кабул по дороге на Газни. Однако, когда эмир дошел со своим войском до кишлака Аргандех, в его лагере обнаружилось разложение, вызванное изменой со стороны подкупленных англичанами афганских сановников и кызылбашских вождей и известиями о многочисленности и силе врагов⁷³. Потеряв надежду на успех в предстоящем сражении и опасаясь измены своих

⁷¹ Мухаммед Хаким-хан, л. 269-6.

⁷² При взятии Газни англичане захватили в плен возглавлявшего гарнизон Гулам Хайдар-хана, сына Дост Мухаммеда. Другой его сын, Афзаль-хан, прибыл к осажденному городу со своей конницей слишком поздно и, увидев над Газни английский флаг, спешно отступил к Кабулу. Некоторых других своих сыновей Дост Мухаммед вынужден был послать для отражения угрозы столице со стороны Кохистана.

⁷³ В этот момент, как писал Мухаммед Хаким-хан (270-а), «внезапно в войске его [Дост Мухаммеда] наступил развал». Насколько можно судить по изложению событий этим автором, опиравшимся, вероятно, на сведения, почерпнутые им из бесед с самим Дост Мухаммедом, его сыновьями и приближенными, афганскому эмиру уже раньше стало известно об измене многих «эмиров Кабула», в частности «племени кызылбашей», вступивших в сношения с Шуджой, его сторону и сговорившихся с ним (см. Мухаммед Хаким-хан, 269-б; узбекск. пер.: рук. Д 90, 194-б, рук. Д 225, стр. 309).

военачальников и сановников, Дост Мухаммед покинул войско и вместе с семьей спешно направился в Бамиан. Это произошло 2 августа 1839 г. Среди сыновей Дост Мухаммеда, взятых им с собой, был и больной Акбар-хан, которого несли на носилках ⁷⁴. с Дост Мухаммедом остались не пожелавшие покинуть его в беде приближенные и сравнительно немногочисленный отряд воинов ⁷⁵.

В погоню за Дост Мухаммедом были посланы капитан Утрам и подкупом привлеченный на сторону Шуджи афганец Хаджи-хан Какари ⁷⁶. Рассчитывая заручиться благосклонностью Дост Мухаммеда, Хаджи-хан Какари решил обмануть своих новых хозяев и повел погоню по неверному пути ⁷⁷. Благодаря этому, хотя Дост Мухаммед не мог двигаться быстро, так как с ним были женщины и дети, ему удалось благополучно уйти от погони и добраться до Бамиана. Однако оставаться там было опасно, и он направился дальше на север, в Хульм (Таш-Курган), надеясь на левобережье Аму-Дарьи найти поддержку в дальнейшей борьбе против английских завоевателей.

Покинутое Дост Мухаммедом афганское войско рассеялось. Для англичан и Шуджи не оставалось больше препятствий на пути к Кабулу. 7 августа 1839 г. английские войска без боя вошли в столицу и проследовали по ее улицам, сопровождая Шуджу до цитадели Бала-Хисар. Шуджа ехал между английским главнокомандующим Джоном Кином и Макнотеном, который позаботился о том, чтобы церемония водворения шаха в столицу была обставлена возможно более торжественно. Однако Макнотен не учитывал или не понимал настроений народа, и церемония прошла не так, как хотелось бы этому колониальному чиновнику — население не проявляло никакого энтузиазма при встрече монарха, никто даже и не приветствовал его.

Основываясь на впечатлениях английских офицеров, очевидцев и участников описываемых событий, английский историк Кэй констатировал, что въезд шаха в Кабул был «больше похож на похоронную процессию, чем на возвращение короля в столицу своих вновь обретенных владений» ⁷⁸. После тридцатилетнего отсутствия Шуджа вступал в резиденцию правителей Афганистана в окружении чужеземных войск,

⁷⁴ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 160.

⁷⁵ По английским данным, с Дост Мухаммедом было всего около 350 человек. Мухаммед Хаким-хан (л. 270-а) определяет численность спутников афганского эмира в тысячу человек.

⁷⁶ *Тарих-и султани*, 255, 256.

⁷⁷ За это Хаджи-хан Какари был обвинен англичанами в предательстве и посажен в тюрьму.

⁷⁸ Kaye, *History of the war*, vol. I, p. 479.

восстановленный на престоле своих предков английским золотом и штыками⁷⁹. Жители столицы встречали его зловещим молчанием.

Шах получил кабульский замок Бала-Хисар для размещения своих многочисленных домочадцев, а за стенами замка от его имени распоряжались иноземцы. Диктаторской властью в стране пользовался главный представитель Ост-Индской компании, «посол и министр при дворе шаха» — Вильям Макнотен, человек самоуверенный, ограниченный и тщеславный. С претензиями на самостоятельную роль выступал Александр Бернс, находившийся в Кабуле в качестве «независимого политического чиновника», обязанного, однако, согласовывать свою деятельность с Макнотеном, но непосредственно ему не подчинявшегося.

3 сентября 1839 г. в Кабул прибыл отряд полковника Уэйда и принца Тимура. Избалованные легкими победами в колониальных войнах, британские чиновники и офицеры самоуверенно полагали, что их положение в оккупированной стране прочно. Пренебрегая элементарными мерами военной предосторожности, англичане разместили свои войска в укрепленном лагере в Шерпуре (в окрестностях Кабула), а военное казначейство и склады снаряжения и провианта — далеко за пределами лагеря. Шерпурский лагерь был расположен в болотистой низине, в крайне невыгодной, с военной точки зрения, местности. По всему было видно, что надменные завоеватели ничего не опасаются. Офицерам отрядов, расположенных в Шерпурском лагере, была предоставлена возможность вести вольготную жизнь на городских квартирах, не обременяя себя постоянным присутствием в Шерпуре.

Самоуспокоенность английских руководителей в Кабуле была столь велика, что вскоре некоторые высшие чины и английские офицеры, в их числе и сам Макнотен, выписали свои семьи и стали собственниками домов в афганской столице. Другие обзавелись гаремами, что вызывало особенно сильное возмущение среди местных жителей.

Макнотен посылал самые оптимистические донесения начальству. Вскоре часть оккупационных войск была выведена из Афганистана, причем значительно уменьшилась численность гарнизона под Кабулом. Между тем, несмотря на жестокие репрессии, завоевателям не удалось подавить не прекращавшуюся в Афганистане партизанскую борьбу. Возросло недовольство различных слоев населения, назревала буря, угрожавшая смести и шаха Шуджу и ненавистных иноземцев.

⁷⁹ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 12.

События в Герате. Отъезд Дост Мухаммеда в Бухару

После взятия англичанами Кандагара Яр Мухаммед решил предупредить опасность дипломатическим путем и постараться договориться с ними. Он поспешил поздравить шаха Шуджу со вступлением на престол и обратился к англичанам с просьбой прислать представителя для переговоров.

Макнотен немедленно откликнулся на эту просьбу и послал в Герат миссию во главе с майором Тоддом. Макнотен надеялся утвердить британское влияние в Герате и превратить его в базу для последующего проникновения в Среднюю Азию. В число непосредственных задач, поставленных перед миссией, входило усиление оборонительных сооружений гератской крепости. Тодд выехал в Герат в июне 1839 г. Для обеспечения успеха он вез с собой пушки и крупные суммы денег.

В результате переговоров с Тоддом, которые от имени Камрана вел везирь Яр Мухаммед, 13 августа 1839 г. был заключен «дружественный договор», по которому Ост-Индская компания обязывалась оказывать Камрану помощь деньгами, оружием и т. п., а внешняя политика правителя Герата должна была полностью контролироваться англичанами.

Однако дальнейшие события показали, что Яр Мухаммед рассматривал этот договор как средство для получения от англичан денег (в чем и преуспел), но отнюдь не собирался выполнять всех его условий. Убедившись в провале своих попыток подчинить Герат мирным путем, Макнотен и руководство Ост-Индской компании стали разрабатывать планы захвата владений Камрана силою оружия. Для осуществления их Ост-Индская компания в тот момент не располагала необходимыми войсками, ибо численность гарнизонов в Афганистане вскоре после занятия Кабула была уменьшена, а наличный состав сковывался непрекращавшейся партизанской борьбой в оккупированной, но непокоренной стране⁸⁰.

Однако, будучи вынужденными отложить намечавшийся поход на Герат, Макнотен и некоторые другие руководители британской колониальной политики не оставляли попыток дальнейшего продвижения в сторону Средней Азии через Гиндукуш, помышляя даже о подчинении Бухары. При имевших-

⁸⁰ Оккупация бедной и редконаселенной страны, какой был Афганистан, стоила больших денег Ост-Индской компании и не сулила барышей в ближайшем будущем. Поэтому, а также в связи с тем, что Англия увеличивала численность своих колониальных войск в Китае (где в 1840 г. возникла так называемая «первая опиумная война») и начинала сосредоточивать силы для укрепления своего положения на севере Индии, Ост-Индская компания вывела часть войск из Афганистана. Численность оставшихся в этой стране оккупационных войск под командованием генерал-майора Коттона не превышала 16 тыс.

ся в их распоряжении в Афганистане силах такие планы были явно авантюристическими, что показала неудача попытки англичан продвинуться к северу от Гиндукуша через Бамиан, где они встретили сильное сопротивление узбеков и таджиков левобережья Аму-Дарьи.

Непосредственной целью наступательных операций англичан на левобережье Аму-Дарьи была борьба с Дост Мухаммедом, деятельность которого они рассматривали как главную опасность своему господству в Афганистане. Как указывалось, в начале августа 1839 г. Дост Мухаммеду удалось уйти от погони и он благополучно прибыл в Хульм (Таш-Курган), где нашел приют у Мухаммед Амин-бека, правителя Хульма⁸¹. От немедленного наступления на север с целью покончить с Дост Мухаммедом англичанам пришлось отказаться, так как там для них складывалась весьма неблагоприятная обстановка: узбеки и таджики готовились оказать англичанам сопротивление. Дост Мухаммед пытался объединить для отпора завоевателям силы правителей нескольких узбекских ханств левобережья Аму-Дарьи, но столкнулся с серьезными затруднениями. В это время, надеясь получить помощь у государей соседних стран, Дост Мухаммед вступил в переговоры с эмиром Бухары и шахом Ирана.

Насрулла-хан прислал к Дост Мухаммеду гонца и пригласил его приехать в свои владения, обещая убежище и подавая надежды на помощь. Сыновья были против, но Дост Мухаммед склонился к тому, чтобы принять это приглашение⁸². Оставив в Хульме своих жен и малолетних детей, Дост Мухаммед выехал в Бухару. С ним отправились Мухаммед Афзаль-хан, Мухаммед Акбар-хан и другие сыновья и племянники, а также приближенные, свита, слуги и воины, всего около двух тысяч человек⁸³.

Однако, приехав в Бухару, Дост Мухаммед убедился, что он обманулся в своих ожиданиях. Насрулла выслал для встречи афганского изгнанника своих военачальников, которые оказали ему должный почет при вступлении в столицу. Но аудиенция в Бухарском арке (цитадель и дворец) показала Дост Мухаммеду, что ему не приходится ждать от бухарского эмира ничего хорошего. Насрулла-хан встретил его сидя и не встал даже, когда обменивался с ним рукопожатием, тогда как обычай предписывал при встрече высокого гостя вставать. Впоследствии Дост Мухаммед говорил кокандскому историку Мухаммед Хаким-хану, что уже тогда он перестал верить обещаниям бухарского эмира⁸⁴.

⁸¹ Мухаммед Хаким-хан, л. 270-б.

⁸² Там же, 271-а.

⁸³ *Сирадж ат-таварих*, 152.

⁸⁴ Мухаммед Хаким-хан, л. 271-б.

Дост Мухаммед в Бухаре и возвращение его на родину

В Бухаре Дост Мухаммед был поставлен под надзор и оказался на положении пленника. Он не только не мог рассчитывать на получение помощи от бухарского эмира, но думал лишь о том, как бы ему выбраться невредимым. Поэтому Дост Мухаммед ответил отказом на настояния Насруллы-хана, убеждавшего его выписать из Хульма в Бухару свою семью. Дост Мухаммед имел основания опасаться самого худшего: одно время ему угрожало даже, что бухарский эмир может выдать его шаху Шудже. Однако Насрулла-хан не решился на это или не успел (известную роль здесь, по-видимому, сыграло и заступничество персидского шаха, предпринятое по просьбе русского посла в Персии)⁸⁵.

По сохранившимся в источниках и исторической литературе сведениям, восходящим к рассказам самого Дост Мухаммеда, его сыновей и приближенных, Насрулла, разрешив афганскому эмиру выехать из Бухары в Персию, тайно повелел умертвить его в пути. В «Сирадж ат-таварих» сообщается, что бухарский эмир, назначив отряд в семь тысяч пеших и конных воинов для сопровождения Дост Мухаммеда и его спутников до границы Бухарского ханства, отдал секретный приказ, чтобы «во время переправы через реку Джейхун путем всяких ухищрений, какие только возможны, повредить лодку, в которую сядет великий эмир со своими сыновьями, и утопить [их]»⁸⁶.

Рассказ об избавлении Дост Мухаммеда от этой опасности сохранен афганской исторической традицией⁸⁷.

⁸⁵ Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 901.

⁸⁶ *Сирадж ат-таварих*, 152.

⁸⁷ В изложении Мухаммед Хаким-хана, передающего слышанное им от участников событий, имеются живые и яркие подробности, отсутствующие в «Сирадж ат-таварих» или описанные афганскими историками несколько по-иному. Среднеазиатский историк сообщает, что лодочник, подведя предназначенную для Дост Мухаммеда поврежденную лодку, сказал, что только эмир будет сам переправляться в ней. Заподозрив неладное, Дост Мухаммед схватил за руку надима (приближенного) Насруллы-хана и вошел в лодку, сказав ему: «Вместе с вами буду переправляться через реку». Видя, что «этот растерявшийся простофиля, то есть надим эмира Насруллы, как бы не угодил прежде Дост Мухаммед-хана рыбам речным на съедение, сказал лодочник [надиму] на тюркском языке: „Вылезай тотчас же, а не то потонешь!“» (Мухаммед Хаким-хан, 272-а).

Дост Мухаммед прекрасно знал «название иранских тюрок» и, услышав такие слова, выскочил из лодки и выбрался на берег реки (в «Сирадж ат-таварих» поясняется, что Дост Мухаммед знал тюркский язык, так как мать его происходила «из знати кызылбашей Кабула и была тюрчанкой»). Афганский историк этот эпизод излагает без прямой речи в виде пересказа. Сообщается, что Дост Мухаммеда и его сыновей хотели усадить в продрывленную лодку. В нее в момент отплытия от берега по недоразумению уселся также один из уполномоченных эмира Бухары, не знавший

Категорически отказавшись от переправы через Аму-Дарью, Дост Мухаммед со своими сыновьями, приближенными и свитой возвратился в Бухару, претерпев на пути большие лишения из-за сильных зимних морозов. Узнав, что Дост Мухаммед снова прибыл в Бухару, Насрулла на следующий день прислал к нему гонца с предписанием отпустить находившихся при нем воинов (мулазимов), которым разрешалось отправиться, куда они пожелают. Дост Мухаммед вынужден был выполнить это, распустив тысячу воинов и оставшись со своими сыновьями жить в Бухаре в крайне стесненных обстоятельствах и под строгим надзором властей.

Через некоторое время Мухаммед Афзаль-хан, Мухаммед Акбар-хан и еще несколько сыновей, племянников и других родственников Дост Мухаммеда, не посоветовавшись с ним, совершили попытку бежать и пробиться из Бухарского ханства на родину, к ним присоединился небольшой отряд афганских мулазимов. Беглецы благополучно выбрались из столицы и за сутки добрались до вилайета Карши. Местный хаким велел им вернуться, не желая пропустить их без разрешения Насруллы в Шахрисабз; они не подчинились и пытались пробиться силой, но были задержаны отрядами хакимов Карши и Череукчи⁸⁸. Получив известие об этом, Насрулла приказал отправить задержанных в столицу, куда их и доставили⁸⁹.

По прошествии некоторого времени Насрулла разрешил выехать из своих владений малолетним сыновьям Дост Мухаммеда, которые и были отправлены к своим матерям в Хульм. Однако сам Дост Мухаммед и его взрослые сыновья — Мухаммед Акбар-хан и другие по-прежнему задерживались в Бухаре на неопределенное время. Дост Мухаммед решил бежать. Благодаря хитрости ему удалось в сопровождении одного попутчика и одного мулазима выбраться из Бухары, а затем на подготовленных заранее конях ускакать на значительное расстояние от столицы⁹⁰. Узнав о бегстве Дост Мухаммеда, Насрулла срочно выслал за ним погоню.

«о кознях господина своего». Его предостерег по-тюркски другой служитель Насруллы, обо всем осведомленный, слова которого услышал и понял Дост Мухаммед (*Сирадж ат-таварих*, 152, 153).

⁸⁸ Мухаммед Хаким-хан, л. 272-б — 274-б.

⁸⁹ Сардар Акбар-хан и Султан Ахмед-хан рассказывали впоследствии историку Мухаммед Хаким-хану о том, как их везли израненных и плохо одетых в такую сильную стужу, что кровь, вытекавшая из ран, превращалась в лед. Беглецы ожидали смерти, но по прибытии их в Бухару посланный Насруллой надим объявил публично, что по приказанию эмира беглых царевичей надо доставить к их отцу, что и было выполнено (Мухаммед Хаким-хан, 274-б).

⁹⁰ *Сирадж ат-таварих*, 157; Мухаммед Хаким-хан, 275-а.

Однако, многократно рискуя жизнью, афганскому изгнаннику, переодетому в рубище нищего, удалось в конце концов, оставшись неузнанным, добраться до Шахрисябза, независимого тогда от Бухары феодального владения. Там он нашел приют у крупного кабульского купца Кабир-хана, поселившегося в Шахрисябзе и связанного торговыми и денежными делами с эмирами узбекского племени кенегес⁹¹. Кабир-хан сообщил о прибытии афганского эмира местному правителю; Дост Мухаммед был с почетом принят сначала Даниял Аталыком в Китабе, а затем царевичем Султан Махмуд-ханом в его усадьбе (جهار باغ) и пробыл 16 дней в вилайете Китаб, отдыхая от перенесенных трудностей и лишений⁹². Во время пребывания Дост Мухаммеда в этих местах с ним встречался и беседовал историк Мухаммед Хаким-хан, описавший заключение афганского изгнанника и его сыновей на чужбине⁹³.

Получив от правителя Шахрисябза отряд в 700 всадников для охраны в пути, Дост Мухаммед выехал в Афганистан. Переправившись через Аму-Дарью и достигнув пределов Каттагана, он отослал шахрисябзский отряд обратно⁹⁴. Возвращаясь в Афганистан, Дост Мухаммед направился к правителю Хульма, который вновь оказал ему радушный прием и помощь в организации сил для продолжения борьбы с англичанами. Летом 1840 г. в Кабуле были получены встревожившие англичан известия о том, что Дост Мухаммед вернулся в страну и собирает под свои знамена воинов.

К этому времени в Афганистане возрастало недовольство народа и усиливался отпор иноземным завоевателям и их ставленнику Шудже. Гильзаи, которые с самого начала не признавали власти Шуджи, поднимали одно восстание за другим, нарушая пути сообщения между Кабулом, Газни и Кандагаром. В течение длительного времени борьбой гильзаев против Шуджи и английских завоевателей руководил Гуль Джи, один из наиболее авторитетных и влиятельных наследственных вождей этого афганского племени (табл. 9). В сентябре 1839 г. произошло вооруженное выступление гильзаев в районе Маруфа, возглавленное мехтаром Мусой, Гуль

⁹¹ Мухаммед Хаким-хан, л. 227-б.

⁹² Там же, л. 278-а — 280-а.

⁹³ Кроме «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммед Хаким-хана и «Сирадж ат-таварих», источниками для изучения этих событий могут служить рассказы Дост Мухаммеда о приключениях его в Бухаре в передаче английского офицера Аткинсона, сопровождавшего в 1840 г. афганского эмира в Индию (см. Atkinson, *The expedition into Afghanistan*), а также сообщения Мохан Лала о пребывании Дост Мухаммеда в Хульме после бегства его туда из Бамиана, об отъезде в Бухару и бедствиях, испытанных там (см. Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. II, pp. 208—301, 339—341).

⁹⁴ *Сирадж ат-таварих*, 157.

Мухаммедом и Абдуррахманом. Англичане послали против восставших экспедицию под начальством майора Утрама, но карателям удалось только на время восстановить положение. Гильзайские руководители укрылись в Пешаваре, получив убежище у сикхов, а затем возвратились, и в апреле 1840 г. разгорелось гораздо более крупное восстание гильзаев.

После безуспешной попытки рассеять повстанцев силами прибывшего из Кандагара кавалерийского отряда англичане послали против них еще один отряд конницы, а также пехоту и артиллерийскую батарею⁹⁵. В ожесточенном сражении с карательными войсками гильзайские повстанцы сражались с величайшим мужеством, что признают и английские военные историки⁹⁶. Битва была выиграна англичанами благодаря преимуществу в вооружении, но удержать в своих руках путь между Кандагаром и Газни им удалось лишь на очень короткое время, хотя действовали они не только штыком, но и золотом⁹⁷.

Волнения и восстания происходили и во многих других местностях Афганистана. В населенных дуранийскими племенами районах Кандагарской области волнения начались уже вскоре после оккупации англичан. В сентябре 1839 г. восстали племена Хайбарского района и уничтожили батальон сикхов, охранявший английские коммуникации. Английские власти, чтобы удержать путь через Хайбарский проход, пошли на уплату крупных сумм вождям местных племен. Нередко направлявшиеся против повстанцев карательные отряды англичан несли ощутительные потери и терпели поражения, как, например, карательная экспедиция, посланная зимой 1839/40 г. против укрепившихся в Кунарском ущелье афганских воинов, выступавших под руководством одного из кунарских сейидов — Хашим-хана (родственника Джамал ад-Дина Афгани). Каратели не смогли овладеть укрепленным лагерем сейида Хашим-хана и вынуждены были уйти ни с чем⁹⁸. Весной 1840 г. число военных неудач англичан в стычках с афганскими повстанцами увеличилось.

Однако в большинстве случаев английские карательные отряды, используя артиллерию, наносили тяжелые потери жителям непокорных районов, сжигая деревни, захватывая продовольствие и фураж и жестоко расправляясь с населением. Одним из примеров жестокостей, чинимых завоевателями, может служить расправа с жителями хазарейского

⁹⁵ Kaye, *History of the war*, vol. II, pp. 57, 59.

⁹⁶ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 18.

⁹⁷ Макнотен с целью подкупа гильзайских ханов установил им ежегодную плату в 3 тыс. ф. ст. за гарантию безопасности на этом пути.

⁹⁸ Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. II, pp. 328, 329.

селения близ Бамиана, которые отказались отдать свои скудные запасы фуража, припасенные на зиму скоту: во время последовавшего за это нападения английского карательного отряда жители селения были сожжены заживо⁹⁹.

Подготавливая проникновение на левобережье Аму-Дарьи, англичане заняли Бамиан и Сайган, расположенные на путях к северу через Гиндукуш. В этих местах с конца лета 1840 г. и возобновил свою борьбу с завоевателями Дост Мухаммед. Собрав с помощью правителя Хульма и других узбекских ханов ополчение численностью в 6—8 тыс. воинов, афганский эмир в августе 1840 г. двинулся к Бамиану и вытеснил английские гарнизоны из Баджгаха и Сайгана. На сторону Дост Мухаммеда перешел находившийся в этом районе афганский полк, сформированный Шуджой. Положение англичан стало критическим, их разгром на этом участке был предотвращен только прибытием сильного подкрепления из Кабула во главе с полковником Денни.

17 сентября англичанам, имевшим большой перевес в артиллерии, удалось разбить плохо вооруженное ополчение Дост Мухаммеда, у которого была только одна пушка. Как справедливо отмечается в афганской исторической литературе, поражение Дост Мухаммеда объясняется в основном тем, что ополчение не смогло противостоять регулярным английским войскам¹⁰⁰.

Сильный огонь английской артиллерии, наносивший большие потери густым рядам узбекской конницы, и атаки кавалерии и пехоты решили судьбу битвы. Дост Мухаммед спасся только благодаря быстроте своего коня. Однако, как вскоре выяснилось, военный успех под Бамианом оказался лишь эпизодом местного значения и не повлиял существенно не только на обстановку в стране в целом, но и на эффективность действий Дост Мухаммеда. Он должен был, правда, перенести свою деятельность в другие районы. Правитель Хульма, поддерживавший Дост Мухаммеда, опасаясь продвижения англичан в сторону своих владений, пошел на заключение с ними мирного договора (подписан 25 сентября 1840 г.), по которому обязался прекратить всякие сношения с Дост Мухаммедом и не предоставлять ему убежища¹⁰¹. Но Дост Мухаммед не сложил оружия и направился в Кохи-стан, где возглавил народное сопротивление и создал серьезную угрозу власти Шуджи над столицей и расположенному в ней английскому гарнизону.

⁹⁹ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 15.

¹⁰⁰ *Сурадж ат-таварих*, 158. Распустив в Бухаре своих мулазимов, Дост Мухаммед не имел во время битвы у Бамиана даже того небольшого отряда регулярного войска, который прежде всегда находился при нем.

¹⁰¹ Atkinson, *The expedition into Afghanistan*, p. 350.

Активность Дост Мухаммеда в Кохистане серьезно обеспокоила англичан. Они пытались путем подкупа и интриг предотвратить новое его выступление, но хотя Макнотен не скупился на золото, из этого ничего не вышло. Когда выяснилось, что афганскому эмиру удалось собрать сильное ополчение из воинственных таджиков Кохистана, встревоженные английские власти Кабула срочно затребовали подкреплений из Индии. По-видимому, они предполагали, что борьба с Дост Мухаммедом будет упорной и длительной. Для подхода этих подкреплений требовалось время, и английские руководители в Кабуле решили немедленно предпринять операции, используя имевшиеся в их распоряжении войска. Из Кабула в Кохистан против Дост Мухаммеда были направлены крупные силы под начальством генерала Сэля, которого сопровождал Мухаммед Тимур, сын Шуджи; в район восстания выехал также А. Бернс с целью не допустить объединения руководителей повстанцев¹⁰².

В конце сентября и в октябре 1840 г. в ущельях Кохистана произошло несколько ожесточенных сражений, а 2 ноября у Парвана разгорелась решающая битва. Дост Мухаммед со своим отрядом спустился в долину реки Горбанд и возглавил успешную атаку на только что переправившуюся через реку кавалерию англичан. Обратившись в паническое бегство, вражеская конница увлекла за собой и пехоту. Англичане понесли большие потери убитыми и ранеными. В числе убитых был и британский политический представитель в Северном Афганистане доктор Лорд.

Капитуляция эмира и борьба народа

По настоянию Бернса генерал Сэль немедленно отвел английские войска к Чарикару. На следующий день был отдан приказ об отступлении. Англичане опасались восстания в находившихся у них в тылу районах и окружения. Они сами оценивали сложившееся положение как весьма критическое, и находившиеся в Кабуле английские офицеры и чиновники готовились к обороне города. Однако в этот момент при оставшихся не вполне ясными обстоятельствах (во всяком случае совсем неожиданно для англичан) Дост Мухаммед сдался им в плен. В ночь на 3 ноября, сразу же после одержанной победы, оставив тайно свои войска, он ускорил в сопровождении одного только слуги. Прибыв в Кабул, Дост Мухаммед направился к Бала-Хисару и, повстречавшись с выезжавшим на прогулку Макнотеном, заявил ему о своей капитуляции.

¹⁰² Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. II, pp. 348—352.

Русский историк-востоковед В. В. Григорьев, глубоко изучивший события англо-афганской войны 1838—1842 гг. по первоисточникам, характеризуя причины сдачи Дост Мухаммеда в плен, писал, что афганского эмира побудило к этому шагу «многое, а прежде всего то, что голова его была оценена неприятелем»¹⁰³. Советский историк Н. А. Халфин считает, что Дост Мухаммед капитулировал, «потеряв, видимо, веру в перспективность борьбы», подчеркивая при этом, что «Парванская битва сыграла важную роль в деле подъема народно-освободительного движения» в Афганистане, несмотря даже на сдачу в плен эмира¹⁰⁴. Сейид Касем Риштия характеризует капитуляцию Дост Мухаммеда как «трагическую ошибку», объясняя ее тем, что «эмир не знал о страхе и замешательстве, царившем в рядах англичан»¹⁰⁵.

В «Сирадж ат-таварих» при изложении событий, непосредственно предшествовавших сдаче Дост Мухаммеда в плен, сообщается, что, учитывая малочисленность людей Кохистана и не желая напрасной их гибели и разорения, эмир направился в Зурмат¹⁰⁶. На остановке около Кабула он вдруг решил сдаться Макнотену. К этому решению, как поясняется в «Сирадж ат-таварих», Дост Мухаммед пришел, взвесив все обстоятельства, он учитывал, что его семья находилась уже тогда в Газни в руках английских властей, считал, что Шуджа утвердился на престоле, и не надеялся на прочность объединения военных сил афганских племен, которое предстояло создать для борьбы с ним¹⁰⁷.

¹⁰³ Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 903.

¹⁰⁴ Халфин, *Английская экспансия в Афганистане*, стр. 209.

¹⁰⁵ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 174—176.

¹⁰⁶ *Сирадж ат-таварих*, 158. В Зурмате Дост Мухаммед мог рассчитывать на поддержку многочисленного и сильного племени гильзаев, не прекращавших военных действий против Шуджи и англичан, а также на привлечение к участию в борьбе других афганских племен.

¹⁰⁷ Там же, 158, 159. В сочинении Мухаммед Хаким-хана, который после отъезда афганского эмира из Средней Азии более с ним не встречался и сообщает о дальнейшей его судьбе по доходившим из Афганистана рассказам, битва при Парване и сдача в плен Дост Мухаммеда изложены с деталями, приукрашенными фантазией. Но кое в чем Мухаммед Хаким-хан, по-видимому, верно отразил действительность. В Средней Азии живо интересовались происходившими в соседнем Афганистане событиями и в общем неплохо их знали, хотя часто, представляя правильно общую картину, о подробностях точных сведений не имели. Сообщая об участии в событиях, связанных с битвой при Парване, двух английских «сардаров» — А. Бернса и д-ра Лорда (который именуется *داغ تر و تاغتر*, т. е. «доктор»), Мухаммед Хаким-хан утверждает, что доктор был убит лично Дост Мухаммедом. Причиной, побудившей афганского эмира к капитуляции, является непосредственная опасность выдачи его врагам людьми из мусульманского войска, подкупленными англичанами (ср. мнение В. В. Григорьева). Рассказывается, будто Искандер Бернс, увидев доблестные деяния Дост Мухаммеда, сразившего доктора Лорда, вскричал громким голосом: «Эй, эмир! К чему стараться? Сейчас ваши мусульмане

Желая поскорее удалить из Афганистана популярного в стране эмира, англичане через десять дней после капитуляции Дост Мухаммеда отправили его под сильной охраной через Джалалабад и Пешавар в Индию. Ему было разрешено взять с собой свою семью, отправленную к нему из Газни. За Дост Мухаммедом в Индию последовали, прекратив борьбу против англичан, все его сыновья, находившиеся тогда в Афганистане; с ним не было только Акбар-хана, оставшегося с двоюродными братьями в Бухаре, где эмир Насрулла бросил его в темницу после бегства Дост Мухаммеда.

В первый момент после капитуляции эмира волна восстаний, охвативших Афганистан, во многих местах спала, и, как казалось англичанам, наступила полоса затишья. В Кохистане Кабула повстанческие отряды рассеялись, в то время как карательные войска генерала Сэля продолжали жечь и расстреливать из пушек поселения этого края. По представлениям английских руководителей, опасность для их господства над Афганистаном миновала, ибо со сцены сошел единственный соперник их ставленника Шуджи. Однако вскоре обнаружилось, как глубоко они ошибались. На борьбу поднялся народ, и его выступление оказало решающее влияние на исход событий.

Весной и летом 1841 г. в стране разгорелось пламя народной войны. Волнениями были охвачены районы Джалалабада, Зурмата, Калати-Гильзаи и Гиришка¹⁰⁸. Вскоре же после отправки Дост Мухаммеда в Индию возобновили вооруженную борьбу племена гильзаев. Ни карательными экспедициями, ни уговорами английские власти и Шуджа не могли покончить с их сопротивлением. Напротив, оно усиливалось, восстания следовали одно за другим и в них вовлекалось все больше гильзайских племен. В районе Келат-и Гильзаи они атаковали колонну английских войск полковника Ваймера и, хотя были отбиты, нанесли врагу значительные потери.

Активные выступления против англичан происходили и во многих других местностях Афганистана. Афганцы не могли примириться с потерей независимости. Шах Шуджа окончательно скомпрометировал себя в глазах всех слоев населения. По-видимому, даже он сам тяготился униженностью своего положения, высказывая свои обиды А. Бернсу и по-

схватят Вас и выдадут!». Дост Мухаммед не придавал значения этим словам и продолжал сражаться, но вскоре его действительно пытались схватить и выдать врагам. После этого он и направился с одним приближенным (надимом) прямо в Кабул, с целью сдать «военному лорду» (لات جنکی), так в этом источнике обозначается Макнотен (Мухаммед Хаким-хан, 281-б).

¹⁰⁸ Kaye, *History of the war*, vol. II, pp. 102—134, 144, 145, 150; Hügel, *Kaschmir und das Reich der Siek*, Bd 5, S. 757, 758.

мышляя иногда об отъезде в Мекку как о единственном для себя выходе¹⁰⁹. Однако, каковы бы ни были субъективные побуждения шаха, о степени верности которого англичанам исписано немало страниц английскими авторами, он понимал, что без помощи иноземцев на престоле ему не удержаться. Поэтому Шуджа до самого своего конца оставался,—судя по обстоятельствам, явно или тайно,—на стороне своих чужестранных покровителей, заслужив в памяти афганского народа репутацию предателя отчизны, навлекшего на страну тяжелые бедствия.

Муллы, считавшие установление власти «кафиров» осквернением ислама, перестали упоминать имя Шуджи в «хутбе» — при молитвах, читаемых в праздничный день (пятницу). Трудовые слои населения выступали против налогового гнета, усилившегося благодаря тому, что от имени шаха Шуджи вводились новые подати и сборы для содержания оккупационных войск и административного аппарата. Взимание налогов осуществлялось путем военных экспедиций, чаще всего силами английских отрядов.

Зима 1840/41 г. во многих местностях Афганистана была голодной. К осени 1841 г. положение с продовольствием в разоренной военными действиями стране еще более ухудшилось. Англичане в районах, где они содержали свои гарнизоны не путем реквизиций, а расплачиваясь наличными, тратили большие деньги на закупку провианта и фуража, приводя в расстройство цены на местных рынках.

Очень невелики были, в частности, продовольственные ресурсы окрестностей столицы. В. В. Григорьев характеризовал Кабулистан в целом как «край, бедный хлебами и травами»¹¹⁰. Крупные закупки провианта и фуража для Шерпурского лагеря вызвали уже вскоре после прихода Шуджи и англичан резкое повышение цен на продовольствие на базарах Кабула (втрое-вчетверо против обычных). «Бедному классу городского населения,—писал В. В. Григорьев,—приходилось, вследствие этого, чуть не с голоду умирать: не мог он быть доволен новым порядком вещей. Начали малопомалу находить этот порядок дурным и люди влиятельные»¹¹¹.

Недовольство против англичан стало быстро усиливаться и среди афганской аристократии, ханов, вождей племен. Многие из тех, кто перешел на сторону Шуджи, были обижены, не получив обещанных награждений. Ассигнования на субсидии, выплачивавшиеся ханам и вождям племен за «лояльность» и поддержку британских властей, были значительно

¹⁰⁹ См. Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 179.

¹¹⁰ Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 896.

¹¹¹ Там же.

сокращены Ост-Индской компанией в связи с требованием правительства Англии уменьшить расходы, связанные с оккупацией Афганистана.

Таким образом англичане восстановили против себя все слои населения Афганистана. При этом ни возраставшее недовольство народа, ни усиливавшаяся волна восстаний не поколебали уверенности таких английских руководителей, как Макнотен, в прочности их положения в оккупированной стране. В августе 1841 г. Макнотен сообщил, что «страна совершенно спокойна»¹¹².

Восстание в Кабуле 2 ноября 1841 г.

Признаки роковых для англичан событий в Афганистане начали с особой силой проявляться с сентября 1841 г. Афганские ханы и вожди собирались — где тайно, где открыто, — готовя восстание. Имеются сведения о том, что в сентябре в доме Абдуллы-хана Ацакзая в Кабуле собрались вожди афганских племен и наметили план восстания. По предложению Аминуллы-хана Логари было решено начать с нападения на дом А. Бернса и других английских офицеров, находившихся в Кабуле¹¹³.

Кабульскому восстанию непосредственно предшествовало крупное вооруженное выступление гильзаев, вожди которых, по-видимому, были тесно связаны с руководителями заговора в столице. В конце сентября восточные гильзаи заняли горные проходы на пути из Кабула к Джалалабаду и прервали сообщение кабульского гарнизона с Индией¹¹⁴.

Борьба против гильзайских повстанцев, перерезавших путь из Кабула на Джалалабад, была возложена на генерала Сэля, которому в связи с сокращением оккупационных войск предстояло со своей бригадой пройти, возвращаясь в Индию, через Хайбарский проход. В конце октября на пути к Гандамаку бригада Сэля подверглась нападению гильзаев и понесла значительные потери. Из Гандамака Сэль быстрыми переходами двинулся на Джалалабад, хотя получил несколько приказов вернуться в Кабул. За стенами Джалалабадской крепости этот генерал отсиживался затем со своей бригадой до самого конца войны.

Освободительная борьба народов Афганистана ширилась. Вскоре после выступления восточных гильзаев партизанская война охватила территории племен, расположенные между Кабулом и Кандагаром. От своих агентов английские руководители знали, что и в Кабуле готовится восстание, но не при-

¹¹² Florentia Sale, *A journal of the disasters*, p. 22.

¹¹³ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 180, 181.

¹¹⁴ Hügel, *Kaschmir und das Reich der Siek*, Bd 5, S. 766.

давая, по-видимому, этим сообщениям большого значения, не успели принять предупредительных мер.

В ночь на 2 ноября 1841 г. повстанцы окружили дом британского резидента в Кабуле А. Бернса и жилища других английских офицеров, находившихся в пределах города. А. Бернс после безрезультатной попытки успокоить восставших уговорами и выкупить свою жизнь деньгами переоделся в женское платье и бежал, но был опознан и убит. Его дом был сожжен, а стража перебита. Такая же участь постигла и многих других английских офицеров, живших в Кабуле.

Начавшееся в Кабуле восстание было массовым: в нем приняли участие городская беднота, ремесленники и торговцы, а также крестьяне окрестных селений. Вскоре к ним присоединились подошедшие к столице отряды афганских племен.

К содержащимся в источниках и исторической литературе многочисленным описаниям и характеристикам восстания 2 ноября несколько дополнительных штрихов, скупых, но многозначительных, добавляет в «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммед Хаким-хан. Этот автор не приводит ни имен участвовавших в заговоре афганских ханов, ни других подробностей и деталей, сохраненных афганскими историками и сообщаемых в источниках английских. Сказанное этим автором дает представление о событиях лишь в самых общих чертах, но оно интересно потому, что передает суть происходившего так, как ее воспринимали современники в соседней с Афганистаном Средней Азии.

Подводя свой рассказ к началу восстания, Мухаммед Хаким-хан писал, что к тому времени «тиранство ференгов» над жителями Кабула перешло всякие границы, и «все афганцы и таджики, объединившись, выступили против ференгов и нескольких их предводителей, [находившихся] в городе, предали смерти, например Искандера Бернса»¹¹⁵. Действительно, в кабульском восстании 2 ноября 1841 г. и в развернувшихся вслед за ним боях за изгнание иноземных оккупационных войск из окрестностей столицы наряду с отрядами афганских племен самоотверженно сражались горожане Кабула. Совместно с афганцами выступали и таджикские городские ремесленники и торговцы, а также крестьяне ближайших кишлаков и воинственные горцы Кохистана.

Узнав о восстании в столице, Шуджа направил из Бала-Хисара для его подавления гвардейский полк под командованием Кэмпбелла. Но этот шахский полк ничего не смог или

¹¹⁵ Мухаммед Хаким-хан, л. 284-6. ...وهمه افغان و تاجک اتفاق نموده ...
فرنکيان مخالفت کردند و چند بزرگان ايشانرا در شهر بقتل رسانيدند مثل
اِسکندر برنس.

не захотел сделать. Командовавший английским гарнизоном генерал Эльфинстон выслал из Шерпурского лагеря на Кабул отряд Шелтона, но тот даже не решился войти в город, а направился в Бала-Хисар — резиденцию Шуджи. Английские войска, находившиеся в Шерпурском лагере, были деморализованы и активных действий против повстанцев не предпринимали. Столица оказалась в руках восставших.

Вести об успехе восстания всколыхнули всю страну. Связь английских гарнизонов с Индией была почти полностью прервана. К Кабулу продолжали стекаться отряды из окрестных районов, спеша на помощь повстанцам. 5 ноября английские склады продовольствия в небольших фортах за пределами Шерпурского лагеря были захвачены афганцами. Потеря этих складов поставила английские оккупационные войска перед угрозой голода, так как в их лагере оставалось продовольствия не более чем на два дня. Повстанцы осадили и блокировали английский гарнизон в крепости Бала-Хисар.

После упорного боя, в котором англичане потеряли несколько сот солдат убитыми и часть своих пушек, повстанцы овладели важными позициями на холмах Бемару. Через тридцать с лишним лет после этой битвы один из ее участников, англичанин Дж. Лоуренс, сообщил в своих воспоминаниях о некоторых весьма любопытных наблюдениях, сделанных им в ноябре 1841 г. Описывая момент, когда военные действия на холмах были временно приостановлены, начались переговоры и афганские воины подошли к английским укреплениям, Дж. Лоуренс отметил: «Нам было интересно узнать характер войска, которое за день до того так успешно сражалось против наших солдат, и мы внимательно его рассматривали. Мы обнаружили, и это было для нас очень унижительно, что вместо дюжих фанатичных членов клана, шедших за своими вождями в битву, войска, которые изгнали английское знамя с поля боя, состояли главным образом из кабульских торговцев и ремесленников, так что мы даже не испытали грустного удовлетворения от сознания, что боролись с воинственными племенами страны» ¹¹⁶.

Не располагая силами для подавления восстания, английские руководители пытались путем подкупа и интриг посеять разногласия среди вождей повстанцев, некоторых из них склонить на свою сторону, а наиболее авторитетных устранить путем тайных убийств. Макнотену удалось подкупить некоторых афганских ханов и уничтожить с помощью наемных убийц двух выдающихся вождей восстания — Абдуллу-хана Ацакзая и кохистанского таджика Мир Масджиди ¹¹⁷.

¹¹⁶ Lawrence, *Reminiscences*, pp. 95, 96.

¹¹⁷ Kaye, *History of the war*, vol. II, pp. 262, 263.

Но ни интриги, ни золото на этот раз не смогли сколько-нибудь существенно изменить ход событий. Попытка отколоть гильзаев от антибританского движения закончилась провалом. Место убитых вождей заняли другие.

В ноябре в Кабул прибыли из Бухары Акбар-хан и Султан Мухаммед-хан. Узнав о народных волнениях в Афганистане, Акбар-хан сумел через пира (духовного руководителя) эмира Насруллы добиться разрешения выехать на родину для участия в борьбе против англичан. Вскоре Акбар-хан (табл. 10) выдвинулся на первое место среди вождей освободительной борьбы афганского народа, оставив о себе память как о неустрашимом и неподкупном руководителе, умевшем не только героически сражаться с врагами на поле боя, но и разгадывать их коварные планы и разрушать их козни. Как только Акбар-хан прибыл в Кабул, глава повстанцев наваб Мухаммед Земан-хан передал ему руководство восстанием ¹¹⁸.

Макнотен все еще надеялся внести раскол в ряды повстанцев и упрямо выступал против мнения части английских военных руководителей, считавших необходимым немедленно вывести войска из Афганистана (во всяком случае — кабульский гарнизон). Однако Макнотену пришлось все же пойти на переговоры с вождями повстанцев. 11 декабря 1841 г. он подписал с ними соглашение, содержавшее обязательство вывести английские войска из Афганистана, вернуть пленных и возвратить на родину Дост Мухаммеда.

Но подписание соглашения было со стороны Макнотена только маневром. Он надеялся лишь выгадать время, чтобы дожидаться подкреплений, и по-прежнему старался «спасти положение», внося путем подкупов разногласия среди афганцев ¹¹⁹. Макнотен пытался подкупить и Акбар-хана, суля ему большие деньги и пост везиря при шахе Шудже за выдачу англичанам Аминуллы Логари — одного из инициаторов кабульского восстания. Вместе с тем Макнотен рассчитывал, по видимому, во время переговоров захватить в плен, если представится удобный случай, самого Акбара или уничтожить его. Договорившись с Акбар-ханом о встрече на 23 декабря 1841 г., Макнотен предложил Эльфинстону иметь наготове два батальона пехоты и пушки «для секретной надобности» ¹²⁰.

Однако Акбар-хан разгадал планы Макнотена и, предупреждая его действия, сам попытался во время переговоров захватить его в плен. Макнотен оказал сопротивление, и Акбар-хан убил его выстрелом из пистолета в сердце.

Это произошло на глазах всего Шерпурского лагеря, причем так быстро и неожиданно, что приведенные в боевую

¹¹⁸ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 191, 192.

¹¹⁹ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 31.

¹²⁰ Халфин, *Английская экспансия в Афганистане*, стр. 213.

готовность английские войска не успели вмешаться. Когда Поттинджер, который стал после Макнотена политическим руководителем англичан, прислал к Акбар-хану делегацию с поручением выяснить причины происшедшего, Акбар-хан предъявил англичанам доказательства, обличавшие коварство Макнотена.

Смерть Макнотена вызвала панику среди англичан. 1 января 1842 г. между английскими руководителями и афганскими сардарами было заключено новое соглашение, условиями которого предусматривался немедленный вывод английских войск из Афганистана. Кабульский гарнизон должен был отдать афганцам боеприпасы, военное имущество, часть армейской казны и восемь пушек (из имевшихся пятнадцати), а также оставить несколько английских офицеров с женами и детьми в качестве заложников до возвращения эмира Дост Мухаммеда из Индии ¹²¹.

Отступление англичан из Кабула

6 января 1842 г. началось отступление английского гарнизона. Из Кабула вышло около 4,5 тыс. солдат и офицеров с 9 орудиями и 12 тыс. человек лагерной и обозной прислуги, не считая женщин и детей. Увидев, что англичане, нарушив соглашение, взяли девять пушек, оставив только пять, причем захватили с собой и все артиллерийские боеприпасы, афганские вожди заявили об отказе от прежнего своего обещания охранять в пути отступавший гарнизон.

Вначале отступавшие двигались, сохраняя известный порядок, имея авангард и арьергард. Однако вскоре этот порядок нарушился. Уже на второй день после выхода английского гарнизона из Кабула арьергард был уничтожен повстанцами.

На привалах измученные и непривычные к холодам сипайские солдаты, составлявшие большую часть отступающего гарнизона, пытались согреться, жгли личные вещи и одежду. Число погибших от холода и голода с каждым переходом увеличивалось. Афганские отряды постоянно нападали на отступающих.

Генерал Эльфинстон несколько раз пытался спасти отряд от полной гибели путем переговоров с Акбар-ханом и другими афганскими вождями. Но даже сам Акбар-хан не мог сдержать волну народного гнева. В ответ на просьбы англичан Акбар-хан взял под свое покровительство сопровождавших войска гарнизона женщин и детей, что спасло им жизнь. Бла-

¹²¹ Kaye, *History of the war*, vol. II, pp. 360, 361.

городное отношение этого афганского вождя к пленникам признается всеми английскими авторами.

Захватывая пленных, Акбар-хан по соображениям семейно-династическим и политическим был заинтересован в том, чтобы иметь больше заложников из наиболее видных английских офицеров и членов их семей. Путем увеличения их числа он рассчитывал обеспечить безопасность Дост Мухаммеда, находившегося с семьей в Индии, а также надеялся ускорить вывод английских войск из Джалалабада и из других еще оккупированных городов Афганистана. Когда Эльфинстон предпринял последнюю попытку спасти остатки своих отрядов и явился к Акбар-хану для личных переговоров, афганский вождь задержал в качестве пленников и этого генерала вместе с прибывшими с ним двумя английскими старшими офицерами.

Народные мстители, истребляя отступавший кабульский гарнизон, не интересовались заложниками и никого не щадили. Они уничтожали всех ненавистных пришельцев. Многие английские авторы ищут объяснения этой ярости народной в «мусульманском фанатизме афганцев». Но религиозные мотивы были лишь идеологической оболочкой освободительной борьбы афганцев. Суть в самом характере войны. Против англичан велись партизанские действия, т. е. действия такого рода, которые, как писал Л. Н. Толстой в «Войне и мире», «...всегда проявляются в войне, принимающей народный характер». Со стороны афганцев то была народная война, поднявшаяся во всей своей грозной силе; велика была их ненависть к иноземным завоевателям, ворвавшимся в их страну, убивавшим их отцов и матерей, сестер и братьев во время многочисленных карательных экспедиций, грабившим и уничтожавшим их жилища и селения.

Суровая зима и действия афганских партизан превратили отступление деморализованных английских и сипайских частей в катастрофу, закончившуюся уничтожением всей оккупационной кабульской армии. После пленения Эльфинстона командование над отступавшими принял бригадный генерал Анкетиль. У него оставалось лишь 200 солдат и офицеров и 1500 человек лагерной прислуги, когда вечером 12 января он выступил из Джагдалака на Гандамак. До Гандамака добрались лишь 45 солдат, 25 офицеров и около 300 человек лагерной прислуги. По выходе из Гандамака они были окружены повстанцами и перебиты.

Из всего кабульского гарнизона, не считая попавших в плен к Акбар-хану и тем спасших свою жизнь, уцелел только один человек. «13 января 1842 часовые на стенах Джалалабада (близ *Шахджеханпура*) увидели человека в английском мундире, висевшем клочьями, верхом на замороженной лошади,

и конь и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайдон...»¹²². Он рассказал генералу Сэлю, стоявшему со своей бригадой в Джалалабаде, о катастрофе, постигшей англичан.

Начало 1842 г. ознаменовалось нападениями афганских отрядов на английские гарнизоны, еще оставшиеся в некоторых городах и районах страны. Повстанцы очистили от чужеземцев Вардак и Чарикар. Сэль намеревался увести свои войска из Джалалабада в Индию, но подвергся нападению афганских ополчений, возглавленных Акбар-ханом, и почел за лучшее вновь укрыться за толстыми стенами крепости. Акбар-хан осадил Джалалабад.

Руководители Ост-Индской компании направили на выручку осажденным в январе 1842 г. два полка из Пешавара, однако афганцы отбили это нападение и заставили врагов отступить. Англичане срочно послали в Пешавар новые войска, накапливая силы для наступления, но до апреля 1842 г. решительных действий предпринять не сумели.

На Кандагар афганцы предпринимали наступление довольно крупными силами дважды: в январе и в марте 1842 г., однако выбить оттуда англичан не смогли. Зато успехом закончилась осада крепости Газни, которую повстанцам удалось освободить 7 марта, уничтожив (кроме нескольких взятых в плен офицеров) английский гарнизон.

Разрушение Кабула и вывод английских войск из Афганистана

После ухода иноземных войск из Кабула Шуджа пошел на компромисс с главами нескольких враждовавших между собой феодальных группировок, среди которых были и руководители восстания — Мухаммед Земан, получивший теперь пост везира, и Аминулла Логари, назначенный заместителем везира. Однако Шуджа не доверял соперничавшим феодальным группировкам, а народа настолько боялся, что всеми силами старался не выезжать никуда из Бала-Хисара, хотя и вынужден был под давлением народных масс объявить «священную войну» англичанам. Однако в конце концов ему пришлось покинуть свое убежище, чтобы направиться на Джалалабад. Накануне выступления он приказал всенародно объявить, что лично возглавит поход против англичан.

В свои истинные намерения шах посвящал лишь особо доверенных приближенных. Им он говорил, что будет стараться двигаться сколь возможно медленнее, рассчитывая добраться

¹²² К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858)*, стр. 140, 141.

до Джалалабата разве только через месяц, а там перейти к англичанам, после чего афганские войска, оставшись без главы, рассеются. Такие высказывания шаха сохранила афганская историческая традиция¹²³. Если и не подлинные слова в буквальной передаче, то действительные намерения шаха в общем отражены афганскими историками верно¹²⁴. 5 апреля 1842 г. шах Шуджа направился из Бала-Хисара к лагерю «газиев», собравшихся для похода на Джалалабат. На пути Шуджа Доуле (сын Мухаммеда Земана), один из баракзайских сардаров, с небольшой группой приверженцев напал на шаха, которого несли на носилках. Носильщики и телохранители бросили шаха и бежали, а он сам спрятался, но был найден и застрелен как изменник¹²⁵. После гибели шаха Шуджи вновь разгорелась борьба между феодальными группировками. Аминулла Логари с помощью влиятельных дуранийских вождей 19 апреля возвел на трон Фатх Джанга, второго сына Шуджи.

Генерал-губернатором Индии в начале 1842 г. стал Элленборо, сменивший Окленда, смещенного судом директоров Ост-Индской компании после получения вестей о гибели кабульского гарнизона, что произвело потрясающее впечатление в Калькутте и в Лондоне. Опасаясь брожения в Индии под влиянием известий о катастрофических неудачах в Афганистане, Элленборо отдал приказ оставшимся в Джалалабате и Кандагаре английским гарнизонам возвратиться в Индию. Но генерал Нотт, находившийся в Кандагаре с сильным отрядом, не торопился с выполнением этого приказа. Сэль же со своей бригадой был по-прежнему осажден в Джалалабате.

В начале апреля 1842 г. ему на выручку двинулись из Пешавара части генерала Поллока, пополненные подошедшими подкреплениями. Усилия Акбара организовать оборону Хайбарского прохода и попытки, объединив силы афганцев, овладеть Джалалабатом штурмом окончились неудачей. Вожди афганских племен в Хайбарском районе были подкуплены англичанами; почти не встретив сопротивления, войска Поллока взяли Али-Масджид, форсировали Хайбарский проход и 17 апреля подошли к Джалалабату.

¹²³ *Сирадж ат-таварих*, 180.

¹²⁴ Еще до выступления на Джалалабат, посылая английскому уполномоченному Мак-Грегору письмо, в котором англичанам предлагалось уйти в Индию, шах Шуджа поручил своему гонцу передать на словах Мак-Грегору, что письмо составлено по принуждению, советуя, вопреки содержанию письма, удерживать Джалалабат и запросить срочных подкреплений из Пешавара (см. Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. II, pp. 441, 442).

¹²⁵ Подробности об убийстве Шуджи и о судьбе его драгоценностей см. «Сирадж ат-таварих», 181.

Акбар-хан вступил в переговоры с Поллоком об условиях вывода английских войск из Афганистана и о возвращении Дост Мухаммеда из плена, но, получив известия о смерти Шуджи и вступлении на трон Фатх Джанга, срочно выехал в Кабул. Акбар-хан намеревался захватить военные запасы Бала-Хисара, примирить феодальные группировки и объединить афганцев для борьбы с англичанами. Захватив штурмом Бала-Хисар, он оставил Фатх Джанга на троне, а сам занял при нем пост везира. Однако Акбар-хан не мог справиться с сепаратизмом афганских феодалов, завидовавших ему и опасавшихся его. Некоторые недовольные афганские вожди вели переписку с англичанами. На путь предательства вступил и новый шах Фатх Джанг. Он отправил генералу Поллоку в Джалалабад письмо, призывая его прибыть в Кабул. Письмо это было перехвачено в пути и отправлено Акбар-хану¹²⁶. Возмущенный везир арестовал шаха как изменника и конфисковал его имущество. Однако Фатх Джангу удалось бежать, и он направился в Джалалабад, к англичанам. Генерал Поллок обещал ему содействие в возвращении трона.

Между тем Элленборо послал Нотту и Поллоку дополнительные инструкции, где давал новое толкование отданному прежде приказу об эвакуации войск Ост-Индской компании из Афганистана. В письме к Нотту от 4 июля 1842 г. Элленборо поручал ему при «возвращении» в Индию из Кандагара занять, если будет возможно, Газни и Кабул. Одновременно генералу Поллоку было отправлено письмо с распоряжением оказать поддержку Нотту в походе на столицу Афганистана и также выступить на Кабул с войсками, находившимися в Джалалабаде¹²⁷. Это было не чем иным, как предписанием начать карательную экспедицию.

В августе 1842 г. войска Поллока и Нотта двинулись на Кабул. Внутреннее положение в Афганистане затрудняло организацию отпора. Вожди афганцев не сумели воспрепятствовать прибытию вражеских подкреплений из Индии и объединить свои силы для борьбы с наступающими войсками Поллока и Нотта. Акбар-хан выступил навстречу Поллоку, но с немногочисленными и плохо вооруженными ополченцами, несмотря на проявленное афганцами мужество, не смог задержать продвижения войск этого генерала, состоявших из двух дивизий и отряда сикхов. 16 сентября части Поллока заняли Кабул, водворив в Бала-Хисаре Фатх Джанга. На следующий день к столице Афганистана подошел и отряд Нотта. Выступая из Кандагара, этот отряд повредил укрепления города, на пути сжег и разграбил много деревень, а также захватил Газ-

¹²⁶ *Сурадж ат-таварих*, 185.

¹²⁷ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 49.

ни, разрушив цитадель и устроив подкопы под городскими стенами.

Заняв столицу Афганистана, англичане уничтожили славившийся красотой старинный крытый рынок, сожгли и разграбили город и его окрестности, убили тысячи мирных жителей. Английский офицер Аллен, участвовавший в событиях в составе отряда Нотта, рассказывает, что снаряжение команды для разрушения базара послужило всем, кто только мог покинуть лагерь, сигналом броситься в город и начать грабеж. «На следующее утро,— пишет этот офицер,— проезжая по высотам, отделявшим один лагерь от другого, я видел, как город пылал и дымился, как огонь распространялся все шире и шире... Нет поругания, которому не подвергался бы город...»¹²⁸. Другой английский офицер, Гринвуд, участвовавший в уничтожении крытого рынка, пишет, что он со своей ротой взорвал центральные базарные ряды и поджег город в нескольких местах. На следующий день, продолжает Гринвуд в город вошли другие отряды; Кабул, кроме Бала-Хисара и кызылбашского квартала, был почти весь разрушен и сожжен.¹²⁹

В Кохистане действовал карательный отряд под командованием Мак-Кэскилла, направленный туда англичанами из Кабула сразу же после занятия ими афганской столицы. Этот отряд сжег и разграбил Исталиф и Чарикар, разрушил ряд поселений и убил много людей.

Однако руководители английской политики теперь уже ясно представляли себе, что удержать под своей властью Афганистан они не смогут. Непрекращавшаяся народная война вскоре вынудила англичан полностью очистить территорию этой страны.

12 октября 1842 г. войска Поллока и Нотта выступили из Кабула, направляясь в Индию. Туда же выехал под английским конвоем и Фатх Джанг, понимавший, что без поддержки иноземцев он у власти не удержится, и отрекшийся от престола. Вместо него перед уходом из Кабула англичане возвели на трон Шахпура (также сына Шуджи). Вскоре новый шах, узнав о готовящемся выступлении Акбар-хана из Афганского Туркестана на Кабул, бросил царство и бежал из столицы.

Возвращение английских войск из Кабула в Индию более походило на паническое бегство, чем на добровольный уход¹³⁰. Войска эти подвергались частым нападениям со стороны афганских партизан и понесли значительные потери, особенно отряд Нотта, следовавший в арьергарде. Завершая

¹²⁸ Allen, *Diary of a march*, p. 321.

¹²⁹ Greenwood, *Narrative*, pp. 242, 243.

¹³⁰ Mohan Lal, *Life of the Amir*, vol. II, p. 489.

карательный поход, предпринятый с целью мести и «восстановления престижа», английские войска и во время своего отступления разоряли и опустошали все, что только могли. Они разграбили и сожгли десятки деревень, разрушили город Джалалабад и крепость Али Масджид.

В начале 1843 г. руководители английской политики решили Дост Мухаммеду вернуться на родину, признав тем самым, что их завоевательные планы в отношении Афганистана потерпели полный крах. Вскоре Дост Мухаммед вновь стал эмиром. Так закончилась война 1838—1842 гг.

Многие английские историки этой войны не сумели или не желали понять, что для населения Афганистана это была народная война. Между тем решающую роль всенародной борьбы в отражении сильной и хорошо по своему времени оснащенной армии колониальных завоевателей в войне 1838—1842 гг. настолько ясно показывают сами события, что ее должен был признать даже один из главных виновников этой войны — лорд Окленд¹³¹.

Афганский историк Риштия свою оценку характера войны 1838—1842 гг. дает путем противопоставления роли Дост Мухаммеда, который уклонился от борьбы, и роли народа. Риштия подчеркивает, что поднявшийся на борьбу против завоевателей афганский народ «сам, без эмира и сардаров», выполнил задачу освобождения родины, «восстановив, таким образом, свою национальную честь и славу»¹³².

Героическая борьба афганцев, выступивших совместно с таджиками и другими народами страны, привела в войне 1838—1842 гг. к победе над сильным и опасным врагом. Большое значение для успеха народной войны имело то обстоятельство, что, несмотря на оформление феодальных отношений в ряде важнейших районов Афганистана в конце XVIII — начале XIX в., значительная часть афганского крестьянства еще не была окончательно закрепощена и сохраняла личную свободу и оружие.

Солдаты и воины ополчений племен были опытны в ведении партизанской войны и хорошо использовали условия местности в горной стране. Особенно сильные удары завоевателям нанесли гильзай, неоднократно перерезавшие пути из Кабула на Кандагар и Джалалабад. Подвиги вооруженного народа в войне 1838—1842 гг. оставили неумирающую память в патриотических традициях афганцев, они запечатлены в афганском фольклоре.

¹³¹ Краткое изложение взглядов некоторых из наиболее известных английских историков войны 1838—1842 гг. и их критику см. в кн.: Халфин, *Английская экспансия в Афганистане*, стр. 216.

¹³² Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 161.

Глава VI

ОБЪЕДИНЕНИЕ АФГАНИСТАНА И ПОДГОТОВКА НОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ АГРЕССИИ

Возвратившись к власти, Дост Мухаммед настойчиво проводил политику объединения страны, но вынужден был действовать более осторожно, чем раньше. Многое ему приходилось начинать заново. Положение в Афганистане было очень тяжелым. Лишения и бедствия нескольких лет ожесточенной войны сопровождались большими потерями в людях и подрывали хозяйственную жизнь и до того небогатой страны. Особенно сильно пострадало население непосредственно затронутых военными действиями районов и городов. После английского нашествия страна и народ, как справедливо отметил современный афганский историк Риштия, прежде всего нуждались в мире, чтобы восстановить хозяйство, и Дост Мухаммед, понимая это, прилагал усилия к установлению в своих владениях мира и спокойствия¹.

Дост Мухаммеду пришлось затратить немало времени и усилий, чтобы восстановить власть над рядом районов своих владений, ибо Кабульское княжество в результате предшествовавших событий фактически распалось. Знать племен не платила налогов центральному правительству. Эмирская казна была пуста, административный аппарат государства пришел в расстройство. Многих прежних сановников и чиновников уже не было в живых, а к тем, которые служили англичанам и Шудже, Дост Мухаммед не испытывал доверия. В связи с этим эмир назначил правителями над городами и областями своих сыновей. Мухаммед Афзаль-хана он послал в Зурмат и Каттаваз, Шер Али-хана — в Куррам, Мухаммед Азам-хана — в Логар, Мухаммед Амин-хана — в Қохиستان, Гулам Хайдар-хана — в Газни².

Из сыновей Дост Мухаммеда наибольшей популярностью в стране пользовался Мухаммед Акбар-хан, прославившийся как вождь освободительной войны против иноземцев. Он считался признанным наследником престола, хотя официально

¹ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 228.

² *Сирадж ат-таварих*, 200.

титула наследника эмир ему не давал, возможно из опасения резко отрицательной реакции со стороны Англии³. Акбар-хан, при его горячем патриотизме и пылком характере, не соглашался с крайне осторожной политикой Дост Мухаммеда, тщательно избегавшего поводов для нового столкновения с англичанами.

После своего возвращения в Кабул Дост Мухаммед назначил Акбар-хана везирем, а через некоторое время сделал его правителем Джалалабада. Правда, в отличие от всех других сыновей эмира Акбар-хан не был отослан из столицы в назначенный ему вилайет, а оставался при отце в Кабуле. Однако это, по-видимому, не может быть объяснено желанием Дост Мухаммеда в какой-то мере разделить свою власть с Акбар-ханом. Скорее всего эмир удерживал при себе Акбар-хана, не рискуя оставлять его на южных и восточных границах из опасения нового конфликта с англичанами.

Акбар-хан не отказывался от мысли вернуть области с афганским населением, отторгнутые сикхами и вскоре оказавшиеся под угрозой английского завоевания. Ему довелось только один раз совершить серьезную попытку осуществить эти замыслы. В первые же дни после возвращения эмира в Афганистан Акбар-хан получил разрешение совершить поход в Баджаур. В исторической литературе указывается, будто Акбар-хан сумел представить Дост Мухаммеду свой замысел столь легко исполнимым, что тот немедленно дал согласие⁴. В «Сирадж ат-таварих» сообщается, что, вознамерившись покорить Баджаур, Дост Мухаммед послал туда своих сыновей — «сардара Мухаммед Афзаль-хана и везира Мухаммед Акбар-хана с конным и пешим войском племен дурани, гильзаев, кохистани и других»⁵. С этими отрядами эмир отправил и несколько пушек, перевозимых на вьюках мулами.

В Баджауре произошли кровопролитные бои, в ходе которых обе стороны понесли большие потери. Сыновья Дост Мухаммеда вынуждены были отказаться от своего замысла «вследствие труднопроходимости гор и сильного сопротивления со стороны местных жителей и, не достигнув цели, вернулись в Кабул»⁶. Выяснив, что трудноисполнимое завоевание Баджаура непосредственно затронуло бы интересы англичан, Дост Мухаммед отказался от дальнейших попыток осуществить его, а Акбар-хана с тех пор удерживал почти все время при себе.

В дальнейшем эмир поручал Акбар-хану военные экспедиции во внутренние районы страны с целью подавления восста-

³ Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 233.

⁴ Там же, стр. 229.

⁵ *Сирадж ат-таварих*, 198.

⁶ Там же.

ний, сбора налогов и т. д. Возвратившись из одного из таких походов, Акбар-хан заболел и скоропостижно скончался⁷. Он умер в 1846 г. в возрасте 30 лет⁸.

К этому времени власть Дост Мухаммеда распространялась не более чем на одну четвертую территории современного Афганистана. В Кандагаре вновь самостоятельно правил Кохендиль-хан, вернувшийся из эмиграции в Иран со своими братьями сразу же после окончания войны. В Герате после смерти Камрана в 1842 г. власть сосредоточил в своих руках бывший его везирь Яр Мухаммед-хан Алькозай.

Проводя политику объединения страны, Дост Мухаммед опирался на восстановленное им войско. Он стремился реорганизовать его, улучшить вооружение и подготовку. Большую часть войска Дост Мухаммеда составляла конница, в которой насчитывалось 12 тыс. всадников на собственных лошадях.

Пехотинцы были вооружены длинноствольными мушкетами, более дальнобойными, чем английские (как показала война 1838—1842 гг.). Качество этих мушкетов было значительно улучшено в результате деятельности Акбар-хана, который лично наблюдал за изготовлением оружия. Длинноствольными мушкетами были вооружены любимые Акбар-ханом гильзайские пехотинцы. За недолгие годы, прожитые после окончания войны, Акбар-хан успел добиться многого в укреплении вооруженных сил Афганистана.

Опираясь на воссозданное войско, Дост Мухаммед в 1847 г. подавил опасные восстания гильзайских ханов. В дальнейшем эмирские полки сыграли большую роль в завоевании узбекских и таджикских ханств левобережья Аму-Дарьи.

Последняя попытка Дост Мухаммеда возвратить Пешавар. Политика Дост Мухаммеда на севере

В 1843 г. Ост-Индская компания захватила Синд, эмиры которого признавали в прошлом верховную власть афганских государей. В результате первой англо-сикхской войны 1845—1846 гг. Ост-Индская компания установила свой контроль над

⁷ Согласно распространенной версии, Акбар-хан был умерщвлен врачом-индийцем, подсыпавшим ему в пищу алмазные крошки. Народная молва приписала смерть героя войны 1838—1842 гг. коварным проискам англичан.

⁸ *Сирадж ат-таварих*, 201. В последние годы Акбар-хан был занят планами подчинения Кандагара. Однако Дост Мухаммед опасался форсировать события, стремясь избежать вооруженного конфликта с правившим в Кандагаре Кохендилем и возможных осложнений с Англией. Разногласия между Дост Мухаммедом и Акбар-ханом достигли наибольшей остроты в последние месяцы жизни царевича.

Пенджабом⁹. В апреле 1848 г. части сикхской армии в Мультиане подняли восстание против английского господства. К восставшим присоединились сикхские отряды, находившиеся в Хазара, Пешаваре и Банну. Руководители английской колониальной политики, готовившие окончательный захват всего Пенджаба, вновь перешли от политики интриг, подкупа и провокаций к вооруженной агрессии. В ноябре 1848 г. войска Ост-Индской компании без объявления войны перешли границы владений сикхов. Началась вторая англо-сикхская война¹⁰.

Дост Мухаммеду и его приближенным было, конечно, ясно, сколь большую угрозу для Афганистана создает новое британское наступление на северо-западе Индии. Не удивительно, что афганский эмир решил сменить давнюю вражду с сикхами на союз с ними, рассчитывая прежде всего возвратить Пешавар.

В конце 1848 г. в ответ на просьбу Чаттар Сингха, сикхского наместника в области Хазара, оказать ему военную помощь в борьбе против англичан Дост Мухаммед заключил с ним соглашение. Афганский эмир обещал послать войско на помощь Чаттар Сингху, а за это сикхи возвращали ему Пешаварскую область. Отвечая Абботу, офицеру Ост-Индской компании, убеждавшему его отказаться от союза с сикхами, Дост Мухаммед писал: «Я привел свои войска в Пешавар для того, чтобы осуществить ту самую цель, которую я постоянно пытался достичь прежде... т. е. освободить страну моих предков от сикхов»¹¹.

После заключения соглашения с сикхами войска Дост Мухаммеда вступили в Пешаварскую область, эмир совершил поездку в Атток. На помощь сикхам он отправил отряд афганской конницы. Но эта, сравнительно незначительная поддержка не могла изменить неблагоприятное для сикхов соотношение сил. В феврале 1849 г. войска Ост-Индской компании нанесли сикхам решающее поражение в битве у города Гуджарата, а затем оккупировали весь Пенджаб. В марте 1849 г. было объявлено о включении Пенджаба в состав британских колониальных владений в Индии.

⁹ Территория сикхского государства после этой войны была сильно урезана, и самостоятельность его становилась лишь номинальной. Фактическим хозяином в Лахоре стал английский резидент.

¹⁰ См. Семенова, *Государство сикхов*, стр. 152, 153, 175.

¹¹ Цит. по кн.: Семенова, *Государство сикхов*, стр. 154. Дост Мухаммед по-прежнему опасался нового столкновения с англичанами и, по-видимому, пошел на союз с сикхами не без колебаний. Вероятно, в данном случае на решение эмира оказало значительное влияние мнение большинства его советников и сыновей, на обсуждение которых он поставил вопрос о Пешаваре и об отношении к англо-сикхской войне (см. Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 234, 235).

Дальнейшая борьба за Пешаварскую область грозила привести к войне с англичанами. Дост Мухаммед решил отступить, и афганское население захваченных прежде сикхами Пешаварской и других областей подпало под власть английских колонизаторов.

Потеряв надежду на возможность успешных действий на востоке и юго-востоке, Дост Мухаммед перешел к активной политике на севере. Он направил туда крупную военную экспедицию с целью завоевать «Малый Туркестан»¹². Проведение этой экспедиции Дост Мухаммед поручил своему третьему сыну, Мухаммеду Акрам-хану, и дал ему многочисленное войско, в состав которого входили два отряда пехоты покбйного Акбар-хана, а также дуранийская, пильзайская и кызылбашская конница¹³. Это войско преодолело сопротивление туркменских и узбекских отрядов, пытавшихся преградить ему путь, подошло к Балху и овладело городом. Местные феодальные правители Балха, Акче, Шибиргана, Андхуда, Хульма, Сар-и Пуля и Каттагана изъявили покорность и преподнесли Мухаммеду Акрам-хану подарки, за что были пожалованы халатами и возвратились в свои владения. Их земли были обложены на первых порах сравнительно незначительными податями, причем «часть налогов с каждого вилайета и города была назначена [местным] правителям (мирам) на правах джагиров»¹⁴.

Так началось растянувшееся затем на долгие годы завоевание левобережья Аму-Дарьи войсками афганских эмиров. Завоевание облегчалось феодальной раздробленностью и взаимной враждою правителей мелких ханств левобережья Аму-Дарьи, но местное население оказывало завоевателям упорное сопротивление. Главным оплотом господства афганских эмиров на севере в течение длительного времени были гарнизоны в Балхе, Мазари Шарифе, Акче, Таш-Кургане. Внутреннее управление оставалось в руках местных узбекских и таджикских феодалов. Во многих случаях признание ими верховной власти афганских эмиров сводилось к вассальной зависимости. Как бы то ни было, в 50-х годах XIX в. в состав владений Дост Мухаммеда уже была включена новая провинция — Афганский Туркестан, правителем ее он назначил своего старшего сына Мухаммеда Афзаль-хана.

Наступательная политика Дост Мухаммеда на севере привела к конфликтам с Бухарским эмиратом, в вассальной зависимости от которого в прошлом находились правители ханств

¹² *ترکستان صغیر* — так, судя по «Сирадж ат-таварих», называли тогда в Кабуле нынешний Афганский Туркестан (см. *Сирадж ат-таварих*, 206).

¹³ *Сирадж ат-таварих*, 206.

¹⁴ Там же.

левобережья Аму-Дарьи. Возникли конфликты и между Дост Мухаммедом и Ираном, ибо шахское правительство не только не отказалось от претензий на Герат, но пыталось подчинить и расположенные к северо-востоку от него ханства.

Это целиком соответствовало ближайшим целям руководителей английской колониальной политики, заинтересованных в отвлечении внимания Дост Мухаммеда от Пенджаба и судеб отторгнутого афганского населения, а также представлялось английским колонизаторам выгодным в связи с их планами на будущее. Несмотря на суровый урок, полученный в 1838—1842 гг., они не отказались от намерений подчинить Афганистан. Чем больше расширял Дост Мухаммед пределы своих владений на севере, тем заманчивее для англичан становилась перспектива захвата афганского плацдарма для дальнейших завоеваний на Среднем Востоке.

В первые годы после аннексии Пенджаба руководство британской колониальной политики в Индии было занято упрочением власти над только что оккупированными территориями, населенными воинственными народностями и племенами, и не имело возможности немедленно продолжить экспансию на север. Международная обстановка и положение в Индии побудили английскую дипломатию пойти на сближение с Дост Мухаммедом. Британские правящие круги на данном этапе готовы были удовольствоваться установлением контроля над внешней политикой Дост Мухаммеда и использованием Афганистана и его эмира как союзника против Ирана и в качестве орудия в явной и тайной борьбе против русского влияния на Среднем Востоке.

Поэтому англичане в течение ряда лет поддерживали афганского эмира деньгами и оружием. Одной из целей руководителей английской колониальной политики при сближении с Дост Мухаммедом было создание благоприятных условий для проникновения в среднеазиатские ханства¹⁵.

Со своей стороны Дост Мухаммед пошел на урегулирование взаимоотношений с Ост-Индской компанией прежде всего из соображений поддержания мира, необходимого для укрепления его власти и объединения Афганистана. Добываясь присоединения Кандагара и Герата, Дост Мухаммед был готов усилить связи с Англией, чтобы получить от нее материальную и дипломатическую поддержку. И он получил ее, но дорогой ценой.

Первоначальная договоренность между английскими властями в Индии и Дост Мухаммедом была, по-видимому, достигнута уже после окончания первой англо-афганской войны, когда англичане отпустили эмира из плена¹⁶. В результате со-

¹⁵ См. Халфин, *Политика России в Средней Азии*, стр. 53.

¹⁶ См. *Сирадж ат-таварих*, 191.

бытий 1851—1854 гг. Дост Мухаммед бесповоротно вступил на путь сближения с Англией. Одной из непосредственных причин, побудивших его к этому, была угроза Герату со стороны Ирана¹⁷.

Стремясь присоединить Герат к своим владениям, Дост Мухаммед был готов любыми средствами помешать переходу его под власть иранского шаха. С осени 1851 г. отношения между кабульским эмиром и иранским правительством значительно обострились¹⁸.

Весной 1854 г. Англия со своими европейскими союзниками вступила на стороне Турции в войну против России. В связи с международной обстановкой англичане более решительно взяли курс на заключение союза с кабульским эмиром. Союз этот представлялся тогда Англии выгодным в условиях войны с Россией и для осуществления агрессивных планов в отношении Ирана и на Среднем Востоке в целом.

Предварительные переговоры англичан с Дост Мухаммедом, начатые во второй половине 1854 г., были возложены Ост-Индской компанией на Г. Эдвардса, ее уполномоченного в Пешаваре. В течение нескольких месяцев Г. Эдвардс вел их тайно, преследуя цель побудить кабульского эмира сделать первый шаг и обратиться с предложением об официальных переговорах к генерал-губернатору Индии. В конце концов пешаварскому уполномоченному удалось этого добиться, и 6 ноября 1854 г. генерал-губернатор Дальхузи получил соответствующее послание от Дост Мухаммеда. О значении, которое придавали предстоявшим переговорам руководители английской колониальной политики, свидетельствует тот факт, что проект соглашения составлял сам генерал-губернатор Индии.

Для ведения переговоров Дост Мухаммед послал в Пешавар Гулам Хайдар-хана, своего наследника. С английской стороны переговоры вел Лоуренс, главный уполномоченный Ост-Индской компании в Пенджабе. В результате переговоров между эмиром Афганистана и Англией был заключен договор, подписанный 30 марта 1855 г. с афганской стороны Гулам Хайдар-ханом, а с английской — Лоуренсом.

¹⁷ Летом 1851 г. умер Яр Мухаммед, правивший Гератом в течение семи лет. Ему наследовал его сын Сейид Мухаммед, оказавшийся довольно слабым правителем. Не будучи в состоянии укрепить свою власть собственными силами, он искал поддержки у шаха Ирана. В Герат вошли иранские отряды. Англия, которая намеревалась сама захватить Герат, прибегла к дипломатическому нажиму и к военным угрозам. Шахское правительство, вынужденное в 1852 г. отвести свои войска из Герата, продолжало, однако, относиться к гератскому правителю как к вассалу Ирана и не прекращало тайной борьбы за этот город (см. Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 37—46).

¹⁸ См. Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 52, 53.

Договор этот состоял из трех статей¹⁹. В статье 1-й провозглашалось установление мира и дружбы между Ост-Индской компанией и эмиром Дост Мухаммедом и его наследниками. В статьях 2-й и 3-й договаривавшиеся стороны обязывались уважать целостность территории друг друга. Дост Мухаммед в дополнение к этому, от своего имени и от имени своих преемников, обязывался «быть другом друзей и врагом врагов» Ост-Индской компании, в то время как на английскую сторону подобного обязательства не возлагалось. Из этого видно, что договор был неравноправным, ибо предоставлял Англии гораздо большие выгоды и односторонние преимущества. Она приобрела в лице афганского эмира союзника, не принимая, однако, на себя обычных между союзными державами обязательств. Со стороны Дост Мухаммеда обещание уважать целостность территории Ост-Индской компании было признанием ее «прав» на владение, в числе прочих, также и Пешаваром и другими населенными афганцами областями, захваченными английскими колонизаторами в 1849 г., что, соответственно, означало и окончательный отказ эмира от дальнейшей борьбы за возвращение этих отторгнутых от Афганистана областей.

Уступка значительной части афганских земель и установление в результате договора 1855 г. фактического английского контроля над внешней политикой Дост Мухаммеда, связанного односторонними союзническими обязательствами, — такая была цена, заплаченная им за английскую помощь деньгами и оружием, за обещание Ост-Индской компании не вмешиваться во внутренние дела его государства и за согласие не препятствовать присоединению Кандагара к его владениям²⁰.

Используя благоприятную обстановку, Дост Мухаммед сумел быстро привести в исполнение свои планы присоединения Кандагарской области. После смерти Кохендиль-хана (в августе 1855 г.) между кандагарскими сардарами разгорелась борьба за власть. В нее намеревалось вмешаться правительство Ирана, но Дост Мухаммед опередил его и, получив от Рахмдиль-хана, враждовавшего с сыном Кохендиль-хана, приглашение прибыть в Кандагар, появился там со своим войском. Предлогом для похода Дост Мухаммеда было содействие примирению родственников, а целью — включение Кандагара в состав своего государства. В ноябре 1855 г. он лишил власти правивших Кандагарской областью сардаров и присоединил ее к своим владениям. Это было важным шагом на пути объединения страны.

¹⁹ Перевод текста договора на русский язык см. в кн.: Бушев, *Герит и англо-иранская война*, стр. 218, 219.

²⁰ См. Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 244.

В 1856 г. конфликт Англии с Ираном, вызвавший англо-иранскую войну, побудил английскую дипломатию к дальнейшему укреплению отношений с Дост Мухаммедом. Одним из главных поводов к началу англо-иранской войны было занятие Герата войсками иранского шаха, в течение нескольких месяцев осаждавших этот город и взявших его 26 октября 1856 г.²¹ 1 ноября 1856 г. Англия объявила Ирану войну.

Военные действия развертывались на юге Ирана, где в декабре 1856 и в начале 1857 г. английским десантным войскам удалось захватить порт Бушир и нанести несколько поражений иранским войскам. Во время этой войны английское правительство направило к Дост Мухаммеду политическую миссию во главе с майором Лэмсденом. Она прибыла в Кандагар, где Лэмсден занимался проектами нанесения удара по Ирану с востока, через владения Дост Мухаммеда²².

Однако непосредственного участия в англо-иранской войне в качестве союзника Англии Дост Мухаммед не принял. Испытывая экономические затруднения, вызванные Крымской войной, и наметив переброску находившихся на юге Ирана своих войск в Китай для подавления Тайпинского восстания, английское правительство поспешило закончить войну с Ираном. По условиям англо-иранского мирного договора, подписанного в Париже 4 марта 1857 г., иранский шах обязывался вывести свои войска из Герата (ст. 5), отказаться на будущее от «всех претензий на суверенитет над территорией и городом Гератом и районами Афганистана и никогда не требовать от вождей Герата или властей других районов Афганистана каких-либо знаков повиновения, таких, как чеканка монеты, хутба или дань» (ст. 6). Далее в этой же статье иранский шах обязывался признать «независимость Герата и всего Афганистана» и обращаться к английскому посредничеству в случае возникновения разногласий с правителями Герата и Афганистана²³.

Разбойничья война с Ираном, закончившаяся подписанием мирного договора, не принесла Англии существенных выгод. Обязательство же отказаться от претензий на Герат иранский шах не выполнил. Получив известия об окончании англо-иранской войны, шахские власти Герата передали город афганским сардарам. Борьба между этими сардарами, происходившая при активной помощи Ирана, закончилась победой Султан Ахмед-хана Баракзая, зятя и племянника Дост Мухаммеда, поссорившегося с эмиром и бежавшего от него к иранцам. Султан Ахмед-хан признал сюзеренитет шаха, заявив,

²¹ См. Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 75—79.

²² C. M. Bellew, *Journal of political mission*, pt. II.

²³ Текст договора цит. по кн.: Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 235, 236.

что имя шаха Ирана будет упоминаться при чтении пятничной молитвы. Правитель Герата прибыл в Тегеран и получил от шаха почетные одежды.

Дост Мухаммед готовился к активной борьбе за Герат, но английская колониальная дипломатия, хотя и придерживалась тогда курса на союз с эмиром, не собиралась отдать город в его руки. Британские завоеватели вновь вознамерились сами захватить Герат или, вытеснив иранское влияние, установить свой контроль над каким-нибудь слабым местным правителем²⁴.

Но вспыхнувшее в Индии грандиозное народное восстание против английского владычества (1857—1859) коренным образом изменило общую обстановку и сорвало по меньшей мере на ближайшие несколько лет агрессивные планы британских завоевателей в отношении Герата.

26 января 1857 г., еще во время англо-иранской войны и незадолго до начала великого индийского народного восстания, между Дост Мухаммедом и Ост-Индской компанией был заключен второй пешаварский договор²⁵. В этом договоре подтверждалось обязательство Дост Мухаммеда быть «другом друзей и врагом врагов» Ост-Индской компании. Англичане в свою очередь обещали предоставлять ему ежемесячную субсидию в размере 100 тыс. рупий, «в продолжение всего периода войны с Персией» (ст. 1). Выплата ее ставилась, однако, в зависимость от выполнения эмиром ряда условий, в том числе обязательства увеличить свое войско на 18 тыс. человек (ст. 2), разрешения на проезд английских офицеров, которые будут «наблюдать за правильным расходом субсидии, выданной эмиру на военные цели, и информировать свое правительство о всех событиях» (ст. 4), и др. Условиями статьи 7, предусматривавшими, в случае желания британского правительства, пребывание в Кабуле уполномоченного (из неевропейцев), ставились под английский контроль отношения Дост Мухаммеда с Ираном и союзниками этой страны. В тексте договора (ст. 1) в числе «нынешних владений» Дост Мухаммеда были упомянуты Кандагар и Балх, что означало официальное признание Англией власти кабульского эмира над этими городами и областями.

Заключение договоров с Дост Мухаммедом облегчило английским колониальным властям подавление восстания в Индии, начавшегося в мае 1857 г.²⁶.

²⁴ Обнадеживавшие их прецеденты уже были. В критические дни осады Герата иранскими войсками в 1856 г. гератский визирь Иса-хан вывешивал даже английский флаг над городом в знак подчинения ханства Англии (см. там же, стр. 54).

²⁵ Русский перевод текста этого договора см. там же, стр. 230—232

²⁶ Впоследствии многие английские политические и военные деятели

Получив от англичан деньги и оружие, Дост Мухаммед, как уже отмечалось выше, распространил свою власть на Кандагар, а затем продолжал завоевания на севере.

В Афганистане известия об индийском восстании вызвали протесты против политики сближения с Англией, проводившейся Дост Мухаммедом. Многие, в том числе и баракзайские сардары, призывали эмира воспользоваться благоприятным случаем и вернуть Пешавар. В Кабуле возникла серьезная угроза восстания с целью заставить эмира выступить против Англии²⁷. Но Дост Мухаммед продолжал проводить принятый им политический курс и не вмешался в индийские события. Он придерживался выгодной для Англии, но не выгодной для Афганистана политики и в отношении к другим государствам, что выразилось, в частности, в отказе разрешить приезд в Кабул русской Хорасанской экспедиции, возглавленной востоковедом Н. В. Ханыковым. Экспедиция эта преследовала научные, политические и торговые цели. Министерство иностранных дел России поручило Н. В. Ханыкову проехать в Кабул и постараться установить дипломатические отношения России с Афганистаном. Однако хорасанской миссии удалось посетить из городов Афганистана только Герат, где она была хорошо принята правившим там Султан Ахмед-ханом и в течение пяти месяцев (с начала сентября 1858 до конца января 1859 г.) успешно вела научную работу²⁸. В ответ на просьбу Н. В. Ханыкова разрешить ему приехать в Кабул эмир прислал письменный отказ, сообщив, что «не желает нарушать установленные с таким трудом дружественные отношения со своим могущественным соседом — Британской империей»²⁹.

Руководители английской колониальной политики и многие английские офицеры и чиновники, служившие на границе с Афганистаном, хорошо понимали, что заключение с афганским эмиром союзных договоров отнюдь не означало изменения отношения афганского народа к английским завоевателям.

подчеркивали, что соблюдение Дост Мухаммедом принятых обязательств решило судьбу Пенджаба. Ф. Робертс писал об этом так: «...присоединением его (Дост Мухаммеда) к восставшим решилась бы судьба Пенджаба, потеря коего в таком случае была бы несомненна. Нам не удалось бы взять Дели, и трудно даже допустить возможность сохранения нами какой-либо части страны севернее Бенгала» (Робертс, *Сорок один год в Индии*, стр. 57).

²⁷ Халфин, *Политика России в Средней Азии*, стр. 58.

²⁸ Научные результаты экспедиции были очень велики, но, к сожалению, значительная их часть так и не была опубликована и осталась необработанной в связи с отъездом Н. В. Ханыкова во Францию, где он оставался до конца своей жизни фактически на положении эмигранта (см.: Халфин, *Политика России в Средней Азии*, стр. 85; Ромодин, *Из истории изучения афганцев и Афганистана в России*, стр. 152, 153).

²⁹ Халфин, *Политика России в Средней Азии*, стр. 84.

Так, Невилл Чемберлен, занимавший в рассматриваемое время командные посты в пенджабских войсках, писал: «Наши отношения с афганцами как с народом являются непрочными и еще долго будут такими, мы ничего не можем сделать, чтобы народ в массе пожелал нашей дружбы... Любое проявление доверия к нам или зависимости от нас скорее ослабит, чем укрепит положение какой бы то ни было группировки, ищущей нашей поддержки. Я считаю, что британские штыки еще в течение многих, многих лет не смогут двинуться через Хайбарский проход»³⁰.

Относительно трудностей нового продвижения британских штыков в Афганистан у Чемберлена был личный опыт. В конце октября 1856 г. под предлогом помощи Дост Мухаммеду в подавлении восставших против него гильзайских племен в Кабул была направлена бригада во главе с генералом Чемберленом, причем в Пенджабе был сосредоточен крупный резерв, готовый поддержать ее. Бригада Чемберлена вступила в пределы владений Дост Мухаммеда, но вскоре решительное противодействие афганских племен и населения районов, по которым проходили английские войска, вынудило английского генерала отказаться от дальнейшего продвижения³¹.

Попытки пробиться силой угрожали привести к новой войне с Афганистаном, что не входило в планы руководителей английской колониальной политики. Они еще раз убедились, что для ввода в Афганистан британских войск согласия самого эмира еще недостаточно.

Политика «закрытой границы» и афганские племена

Одним из мотивов, побуждавших в 50-х годах XIX в. английскую дипломатию добиваться сближения с Дост Мухаммедом, было стремление отвлечь внимание афганского эмира от районов с афганским населением, захваченных в 1849 г. Ост-Индской компанией. Улучшение отношений с Дост Мухаммедом давало им возможность развязать руки в той «постоянной пограничной войне» с афганцами, которая началась после аннексии Пенджаба и продолжалась затем, в больших или меньших масштабах, многие десятилетия (вплоть до конца британского владычества над Индией). Пограничная политика английских колонизаторов в Северо-западной Индии в рассматриваемое время определялась задачей удержать афганские горные племена от активных выступлений, которые могли сомкнуться с сопротивлением

³⁰ Цит. по кн.: Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 66.

³¹ См. Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 83, 84.

афганцев в районах, включенных в сферу непосредственного управления английских властей Индии.

Выше уже говорилось, что руководство Ост-Индской компании в первые годы после аннексии Пенджаба не располагало достаточными силами для дальнейшей экспансии на северо-западных границах Индии. В связи с этим английские правящие круги прибегли к политике «закрытой границы» в отношении афганских горных племен. Афганские племена, обитавшие в районах за пограничной линией, английские власти старались склонить на свою сторону, подкупая их вождей. Однако это не мешало англичанам совершать карательные экспедиции для устрашения племен за помощь выступавшему против колониального гнета афганскому населению административных округов Пенджаба, за предоставление убежища лицам, бежавшим на территории горных племен от преследований английских судебных властей, и т. п.

Первые карательные экспедиции против афганских племен были предприняты сразу же после аннексии Пенджаба. Уже в ноябре 1849 г. англичане отправили карательный отряд против племени утман-хель и некоторых юсуфзайских подразделений, обитавших в районах к северу от Пешаварского округа³². В дальнейшем карательные экспедиции неоднократно предпринимались английскими колониальными властями в различные районы по северо-западной границе Индии. Каратели сжигали посевы, уничтожали селения. Такие действия вызывали ответные набеги горцев. Англичане не рисковали проникать в глубь горной страны без пушек и крупных отрядов, предпочитая посылать для сбора информации агентов из мусульман.

В середине 50-х годов восстали оракзаи. Эти события были прологом к продолжительной «пограничной войне» в Тирахе и в других районах, соседних с Кохатом и Хайбарским проходом. Уже в середине 50-х годов под предлогом борьбы с этими восстаниями английские колониальные войска продвинулись на запад, за пределы владений Ост-Индской компании, открыто нарушая границы Афганистана и вторгаясь в районы, входившие в состав владений Дост Мухаммеда.

Эти вторжения противоречили доктрине «закрытой границы» и заключавшимся с Дост Мухаммедом договорам. Руководители английской колониальной политики в течение ряда лет поддерживали «дружеские» отношения с афганским эмиром, что, однако, не исключало их агрессии на северо-западной границе Индии. Политика «закрытой границы» отличалась от сменившей ее «наступательной политики» в основном методами и масштабами военных действий в пограничных районах.

³² См. Аристов, *Англо-индийский «Кавказ»*, стр. 53.

Различие между ними сводилось примерно к различию между подготовкой к наступлению и самим наступлением. Такая подготовка, одновременно с попытками превратить Афганистан в зависимое от Англии государство средствами дипломатии, проводилась с 1849 по 1857 г. Великое национально-освободительное восстание в Индии 1857—1859 гг. надолго ослабило английских колонизаторов, и они вынуждены были довольствоваться политикой «закрытой границы» еще в течение ряда лет.

Несмотря на позицию невмешательства, занятую Дост Мухаммедом в отношении индийского восстания, в некоторых районах, населенных афганцами, имели место факты предоставления убежища восставшим сипаям, а также, по-видимому, и случаи участия афганских воинов в столкновениях с английскими войсками ³³.

Одним из крупных, по местным масштабам, эпизодов борьбы на окраинах Пенджаба было восстание сипаев 55-го туземного полка в Наушере и в форте Мардан (на севере Пешаварской области). 10 мая 1857 г. началось крупное восстание сипайских полков в Мируте, которые выступили оттуда на Дели, ставшему в это время одним из важнейших центров национально-освободительной борьбы в Индии. Для решающих боев за Дели английское командование спешно перебрасывало войска из различных районов. В середине мая в Дели был направлен полк, находившийся в гарнизоне Мардана, а в этот форт передислоцированы подразделения 55-го туземного полка. В ночь на 21 мая несколько рот 55-го полка, расквартированных в Наушере, подняли восстание. К ним присоединились и сипаи этого же полка, находившиеся в это время в форте Мардан.

На подавление восстания выступили воинские силы из Пешавара. Повстанцы, узнав о приближении карателей, рассеялись по окрестным афганским селениям. Началась охота на людей: 120 человек было убито, до 400 ранено и 150 захвачено в плен ³⁴. Остальным удалось бежать, часть из них направилась в Сват. Не желая портить отношения с англичанами, сватский ахунд Абдул Гафур отказал сипаям в убежище ³⁵. По его на-

³³ По сохранившимся в русских архивных документах данным, были отдельные случаи участия афганцев на стороне восставших сипаев 55-го полка в сражениях против англичан. Полковник Игнатьев, сообщая об участии афганцев в стычках сипаев 55-го полка с англичанами, отмечал: «англичане весьма опасаются, чтобы сие не послужило первым началом к решительному вмешательству в борьбу туземцев Индии вольнолюбивых их соседей» (Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 162, прим. 35).

³⁴ Wyll, *From the Black Mountain to Waziristan*, p. 73.

³⁵ Абдул Гафур (род. около 1794 г., ум. в 1877 г.) пользовался в Свате репутацией «святого». В детстве он был пастухом, затем учился богословию, прожил длительное время отшельником. Завоевав себе религиозный

стоянию беглецов привели к реке Инд и переправили на левый берег. Там они разошлись в разных направлениях. Из тех, которые попытались добраться через Хазару и Кохистан до Кашмира, мало кто остался в живых. Беглецы, свернувшие от реки на север, в сторону гор, нашли себе убежище на землях ху-хеля. Люди этого хеля, несмотря на соседство английских владений, не побоялись предоставить убежище сипаям и даже разрешили им основать на своей территории поселение Мангаль Тана. В дальнейшем сипаи Мангаль Таны и «ваххабиты»³⁶ Махабанских гор неоднократно выступали совместно против английских колониальных властей.

Продолжая проводить и после подавления восстания в Индии политику «закрытой границы» в отношении афганских племен, английские колониальные власти время от времени посылали в различные районы довольно крупные карательные экспедиции. В 1857—1860 гг. неоднократно предпринимались военные операции против мас'удов в долинах рек Гомал и Точи. Численность карательных отрядов в некоторых случаях достигала 5 тыс. солдат и офицеров.

К числу самых значительных военных операций, проводившихся британскими властями на северо-западе Индии в период политики «закрытой границы», относятся экспедиции против юсуфзайских племен и индийских воинов Братства борцов за веру в горных районах, прилегающих к Пешаварской долине с севера на участке между Сватом и Индом. В 1858 г. в эти районы была отправлена крупная карательная экспедиция. Используя противоречия внутри ху-хеля, карателям удалось разгромить селения этого хеля, а также захватить и сжечь Мангаль Тану, Ситану и другие поселения Братства борцов за веру на южных склонах Махабанских гор³⁷.

авторитет, он поселился в землях хаттаков, но после сикхского завоевания переехал в Бунер, а затем в Сват, где избрал постоянным местом жительства деревню Сайду. Здесь он женился на афганке из нехпи-хеля (подразделение юсуфзайского племени акозаев). В деревне Сайду вокруг «святого» собирались толпы учеников — мюридов. Он давал предписания и выносил постановления, касающиеся выполнения религиозных обрядов, и т. п., но нередко пытался воздействовать и на мирские дела — политические и торговые. Есть сведения о том, что он боролся против обычая кровной мести, вмешивался в феодальные распри, стараясь примирить стороны, и т. п.

³⁶ «Ваххабитами» в английской литературе неточно называли сторонников мусульманского религиозно-реформаторского движения в Индии «тарики-и мухаммадия», основателями которого были Мухаммед Исмаил и Сейид Ахмед Барелви (см. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения*, стр. 79, 80). После гибели Сейид Ахмеда Барелви в 1831 г. (см. об этом выше, в гл. V, стр. 167) его последователи, члены основанной им организации «Джама'ат-и муджахидин» (Братство борцов за веру), продолжали борьбу против английского господства над Индией, причем главной базой военных операций этой организации оставались афганские горные районы.

³⁷ См. Cotton, *Nine years*.

После этого британские колониальные власти заключили с юсуфзайскими племенами договор, согласно которому эти племена обязывались не допускать «ваххабитов» в Ситану. Воины Братства борцов за веру перебрались в труднодоступную местность на северных отрогах Махабанских гор (у входа в долину Чамла), сделав своим опорным пунктом селение Малька, а в 1861—1862 гг. вновь заняли Ситану и ее окрестности.

Английские колониальные власти усматривали опасность в соседстве с их владениями «ваххабитских» селений. Численность «хиндустанских фанатиков» (как еще называли тогда англичане воинов Братства борцов за веру) была относительно невелика — самое большее около тысячи воинов. Но они постоянно вели агитацию среди окрестных афганских племен, побуждая их к вооруженным выступлениям против британских властей³⁸.

Осенью 1863 г. колониальное правительство Индии решило окончательно ликвидировать очаги «ваххабитского» движения. Эта задача была возложена на карательный отряд, который должен был разрушить селение Малька — главный опорный пункт «ваххабитов» в юсуфзайских горах³⁹. Экспедицию возглавил генерал Чемберлен.

Карательный поход генерала Чемберлена превратился в крупную войну. Ополчения племен Бунера, не желавших пропустить незваных гостей через свои земли, были поддержаны отрядами многих соседних горных афганских племен, а также воинами из районов, находившихся под управлением английских колониальных властей. В одном из своих донесений Чемберлен писал: «вместо того чтобы иметь дело с одними племенами Махабана, с целью согнать ситанцев с этих гор, мы вовлечены теперь в такую борьбу, в которой участвуют не только ситанцы и племена Махабана, но и сватцы, и баджаурцы, и племена, живущие на Инде к северу от Баранду, не говоря о значительной примеси недовольных и буянов из наших собственных владений»⁴⁰.

Войска генерала Чемберлена, насчитывавшие около 5 тыс. солдат с двумя горными батареями и 8 небольшими орудиями, перевозимыми в разобранном виде на мулах, выступили 18 октября 1863 г., вышли через Амбельский проход к долине Чамла и вынуждены были вести там длительные и тяжелые оборонительные бои. Оторваться от выхода из ущелья и идти

³⁸ По некоторым сведениям Братство борцов за веру возглавляло восстание племен 1863 г. (см. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения*, стр. 102).

³⁹ В Мальке «ваххабиты» организовали множество кустарных мастерских, в том числе по выработке пороха.

⁴⁰ Эдай, *Ситана*, стр. 33.

далее генерал не решался, так как афганцы могли занять этот горный проход и английские войска оказались бы в мышеловке. Основной опорный пункт оборонительной позиции войск генерала Чемберлена «Скалистый пикет» неоднократно переходил из рук в руки. Шли ожесточенные бои, в которых потери английской стороны только убитыми составили не менее 900 человек. В конце ноября — начале декабря афганские ополчения окружили войска Чемберлена, положение которых, несмотря на подход к ним подкреплений, оставалось критическим.

В конце концов британским политическим агентам, пустившим в ход деньги и дипломатию, удалось добиться компромиссного решения путем переговоров с бунерскими вождями. После того как часть пришедших на помощь бунерцам отрядов афганцев (из Дира и Баджаура) покинула поле боя и возвратилась домой, бунерские вожди согласились сами разрушить Мальку в присутствии английских офицеров, получив заверения, что затем войско Чемберлена покинет эти районы.

22 декабря 1863 г. Малька — большое селение с домами из соснового леса — была сожжена и разрушена.

В ходе амбельского похода английские колонизаторы убедились, что афганские племена горных районов способны оказать серьезное сопротивление в момент опасности, готовы к совместным действиям в больших масштабах. После этого похода англичане в течение нескольких лет вели более осторожную политику на северо-западной границе Индии.

Конец правления Дост Мухаммеда и политические события 1863—1869 гг.

Возвращаясь к событиям, происходившим во владениях Дост Мухаммеда, остановимся на присоединении Герата и на политической истории Афганистана в 1863—1869 гг. С сентября 1857 г. до марта 1858 г. в Герате находилась английская миссия Тейлора. Она должна была добиться ликвидации вассальной зависимости правителя Герата от иранского шаха и утверждения английского влияния в Гератском ханстве. Кроме того, миссии было поручено вести военно-разведывательную деятельность. В Герате, как уже отмечалось выше, к власти пришел Султан Ахмед-хан, племянник Дост Мухаммеда, признавший сюзеренитет шаха Ирана.

Тейлор предложил Султан Ахмед-хану покровительство Англии. В числе выдвинутых Тейлором условий, принятие которых должно было привести к господству Англии над Гератским ханством, были следующие: назначение британским правительством везира Герата, обязательство не допускать в

Герат иностранных агентов, отправка в Индию одного из сыновей Султан Ахмед-хана в качестве заложника и др.⁴¹.

Однако миссия Тейлора не смогла выполнить возложенных на нее задач, что объясняется, в конечном счете ослаблением позиций Англии на Среднем Востоке в результате великого индийского восстания. Противодействовать влиянию Ирана в Герате одними интригами, которые вели сотрудники миссии Тейлора, оказалось невозможно, а подкрепить эти интриги отправкой правителю Герата денег и оружия для английских колонизаторов было затруднительно, так как подавление индийского восстания стоило громадных средств. Не менее важной причиной неудачи миссии Тейлора было и то обстоятельство, что английская дипломатия стремилась избежать поводов для ссоры с Дост Мухаммедом, невмешательству которого в индийские события, как уже отмечалось выше, руководители английской колониальной политики придавали очень большое значение.

В результате иранскому правительству, использовавшему ослабление позиций Англии, удалось фактически уклониться от выполнения статьи 6 англо-иранского мирного договора от 4 марта 1857 г., которая предусматривала отказ Ирана от претензий на суверенитет над Гератом. В течение последующих пяти лет в Герате правил Султан Ахмед-хан, который, однако, признавал себя вассалом шаха Ирана или, по меньшей мере поддерживал дружественные отношения с шахским правительством.

Не сумев подчинить Герат своему влиянию, руководители английской колониальной политики после многих оттяжек и проволочек пошли в гератском вопросе навстречу желаниям Дост Мухаммеда. Заручившись согласием Англии способствовать или во всяком случае не противодействовать присоединению Герата к его владениям, Дост Мухаммед в конце июня 1862 г. выступил из Кандагара с войском в 16 тыс. человек при 32 пушках. Он подошел к Герату в конце июля и осадил город. Осада длилась десять месяцев. Во время осады умер гератский правитель Султан Ахмед-хан, но его сыновья продолжали упорно защищаться. Тем не менее 28 мая 1863 г. Герат был взят.

Присоединение Герата было последним большим успехом политики объединения афганских земель, проводимой Дост Мухаммедом. Он умер в Герате в начале июня 1863 г. Память о его деятельности, направленной на объединение государства, выразилась в утвердившемся за ним у историков Афганистана почетном прозвании «Амир-и кабир» («Великий эмир»). Касаясь отрицательных сторон его правления, современные аф-

⁴¹ См. Бушев, *Герат и англо-иранская война*, стр. 161.

ганские историки отмечают, что Дост Мухаммед не проводил внутренних реформ и не содействовал развитию культуры. Он был чужд меценатства в отношении придворной поэзии, свойственного многим другим правителям Афганистана. Хотя при дворе Дост Мухаммеда и жило несколько талантливых поэтов, его двор уступал в этом отношении малым дворам его братьев и племянников, в частности двору кандагарского правителя Рахмдиль-хана, а также Султан Ахмед-хана, правителя Герата, который сам был литератором ⁴².

Государство Дост Мухаммеда было малоцентрализованным; еще не существовало прочных экономических связей между входящими в него областями. Сепаратистские тенденции многочисленных местных феодалов были ослаблены, но отнюдь не сломлены. Когда Дост Мухаммед умер, в Герате находились все его сыновья, кроме самого старшего — Мухаммеда Афзаль-хана, наместника Афганского Туркестана, который был тогда в Балхе. Через несколько дней после смерти Дост Мухаммеда афганским эмиром был провозглашен Шер Али-хан. Об этом объявил Мухаммед Азам-хан, один из сыновей Дост Мухаммеда, в гератской соборной мечети при стечении народа, собравшегося на пятничную молитву. Вскоре после этого Шер Али-хан со своей семьей и частью войск, принимавших участие во взятии Герата, выехал в Кабул, оставив в Герате сильный гарнизон, в который входили регулярные пехотные отряды, артиллерия, конница дурани, гильзаев и других афганских племен, а также кызылбашей и т. д. ⁴³. Правителем Герата новый эмир назначил своего третьего сына Мухаммеда Якуб-хана, тогда еще несовершеннолетнего.

Вначале все братья согласились признать власть Шер Али-хана, но через некоторое время началась ожесточенная борьба за престол. Первым против нового эмира выступил Мухаммед Азам-хан. В дальнейшем он в течение ряда лет оставался непримиримым врагом Шер Али-хана, вовлекая в борьбу против него других братьев и военачальников. Главным соперником Шер Али-хана стал Мухаммед Афзаль-хан, которого желал посадить на престол Мухаммед Азам-хан. В начале 1864 г. началась вооруженная борьба. Мухаммед Азам-хан к тому времени находился в Зурмате, набирая воинов в Хосте и Кураме. Однако он не успел собрать сколько-нибудь достаточных сил для отпора шеститысячному войску, посланному против него Шер Али-ханом, вынужден был бежать и, покинув пределы Афганистана, в сопровождении 150 всадников направился в Кохат. Английские власти назначили ему содержание в сумме 100 рупий в день. Через некоторое время, по мере

⁴² Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 264.

⁴³ См. *Сирадж ат-таварих*, 252—258.

того как таял отряд Мухаммеда Азам-хана, сумма на содержание была уменьшена до 50 рупий в день⁴⁴. Тем не менее, обосновавшись в Равалпинди, Мухаммед Азам-хан, продолжая пользоваться покровительством английских властей, принимал участие в интригах и распрях афганских вождей. К нему тянулись нити многих заговоров, возникавших в Афганистане.

Вице-король Индии Джон Лоуренс заявлял, что он придерживается «политики закрытой границы» на северо-западе Индии, обещая проводить в отношении афганского государства «политику дружбы с фактическими правителями и строгого невмешательства в междоусобицы»⁴⁵. Таковы были декларации, а на деле лицемерие высказываний Джона Лоуренса и других руководителей английской колониальной политики о невмешательстве во внутренние дела Афганистана показало уже отношение их к приходу к власти Шер Али-хана.

О своем вступлении на престол новый афганский эмир немедленно известил лорда Элджина, предшественника Джона Лоуренса на посту вице-короля Индии. Однако английские власти, рассчитывая, по доходившим из Афганистана слухам, на возможность возникновения в этой стране междоусобной борьбы, намеренно медлили с признанием Шер Али-хана, затянув ответ на полгода. Когда же в Афганистане началась борьба за престол, английские колониальные власти, вопреки лицемерным декларациям Лоуренса, разжигали междоусобия, поддерживая деньгами и оружием то соперников Шер Али-хана, то его самого.

Мухаммеду Афзаль-хану удалось захватить в 1866 г. Кабул, а в 1867 г. и Кандагар. Шер Али-хан, разбитый в нескольких сражениях, отступил в Герат, укрепился там и даже распространил свое влияние на Афганский Туркестан.

Руководители британской колониальной политики, заинтересованные в расколе Афганистана, поспешили признать Мухаммеда Афзаль-хана эмиром Кабула и Кандагара.

7 октября 1867 г. Мухаммед Афзаль-хан умер, и Кабул перешел в руки Мухаммеда Азам-хана. Однако его власть оказалась непрочной; он не пользовался популярностью среди влиятельных афганских феодалов и к тому же рассорился со своим племянником Абдуррахманом (сыном Мухаммеда Афзаль-хана), благодаря энергии и военным способностям которого ему не раз удавалось одерживать победы над Шер Али-ханом. Абдуррахман уехал из Кабула на север, укрепился в Афганском Туркестане, но не смог осуществить намечавшийся им поход на Герат, где продолжал править Шер Али-хан.

⁴⁴ См. там же, 264.

⁴⁵ Синха — Банерджи, *История Индии*, стр. 379.

В 1868 г. в ходе междоусобной борьбы в Афганистане наступил перелом в пользу Шер Али-хана. Он направил из Герата на Кандагар войско во главе со своим сыном Якуб-ханом, который разбил защищавшие Кандагар отряды сыновей Мухаммеда Азам-хана и овладел этим городом (апрель 1868 г.). Через некоторое время Шер Али-хан начал наступление на Газни и Кабул. Между тем Мухаммед Азам-хан, покинутый своими войсками, вынужден был бежать из Кабула. Он направился на север страны, к своему племяннику Абдуррахману. Вместе с ним он вскоре появился в районе Газни и попытался оказать противодействие наступлению Шер Али-хана. Однако это ему не удалось, поскольку жители города Газни не впустили его в город. В окрестностях Газни в течение месяца продолжались стычки между отрядами Мухаммеда Азам-хана и сторонниками Шер Али-хана. Наконец в этот район прибыло сильное войско Шер Али-хана.

Решающее сражение между соперниками, в котором на стороне Мухаммеда Азам-хана принял участие Абдуррахман, произошло в январе 1869 г. у Зурмата. Оно закончилось полной победой Шер Али-хана. Мухаммед Азам-хан и Абдуррахман потеряли войско, пушки, казну и вынуждены были, без денег и надежд на продолжение борьбы в Афганистане, бежать за границу⁴⁶.

Афганское государство при Шер Али-хане

Укрепившись в конце 1868 — начале 1869 г. на эмирском престоле и распространив свою власть на все территории, входившие (к июню 1863 г.) в состав государства Дост Мухаммеда, Шер Али-хан постарался ликвидировать тяжелые последствия многолетней междоусобной войны. Чтобы усилить центральную власть, преодолеть зависимость ее от феодальных группировок и обуздать своевольных вождей племен, эмиру прежде всего необходимо было дисциплинированное войско и деньги.

Ради успеха своей деятельности Шер Али-хан готов был опереться на поддержку извне и принял помощь, предложенную ему англичанами, которые уже в последний период междоусобной борьбы стали помогать ему, рассчитывая вновь усилить свое влияние на Афганистан в условиях обострения англо-русского соперничества на Среднем Востоке. Но, в отличие от политики своего отца в 50-х — начале 60-х годов, Шер

⁴⁶ После долгих скитаний Абдуррахман получил убежище в русских владениях в Средней Азии. Царские власти назначили ему пенсию и предоставили для жительства дом в Самарканде. Абдуррахман оставался в Средней Азии до своего возвращения на родину в конце 1880 г.

Али-хан, вступая в переговоры с англичанами и принимая от них помощь, не поступался суверенитетом своего государства, стремясь, как это полностью выяснилось впоследствии, сохранить самостоятельность.

Приняв приглашение вице-короля Индии лорда Майо, Шер Али-хан встретился с ним в марте 1869 г. в индийском городе Амбале. В ходе состоявшихся там переговоров Шер Али-хан старался добиться от английской стороны заверений об отказе на будущее от вмешательства во внутренние дела своего государства и обязательства «не признавать в Афганистане друзьями» никого, кроме эмира и его наследников. Однако Майо не пошел навстречу этому пожеланию Шер Али-хана. Он ограничился декларативным осуждением дальнейших междоусобий в Афганистане, но отказался дать обязательства о признании Англией права на афганский престол за Абдуллой Джаном, назначенным Шер Али-ханом своим наследником. Все же в ходе переговоров англичане обещали Шер Али-хану не вмешиваться во внутренние дела Афганистана, обязались не добиваться от него принятия английских представителей и согласились оказать ему материальную помощь. Шер Али-хан получил от британского правительства 6 лакхов рупий, 6500 мушкетов, четыре осадных орудия, две гаубицы и горную батарею из шести пушек.

Возвратившись из поездки в Индию, Шер Али-хан принял-ся за осуществление внутренних преобразований. Эмир начал с самых неотложных реформ: налоговой и военной. По сохранившимся в русских архивах сведениям, исходящим от царских дипломатических представителей в соседнем Иране, к этому времени Афганистан был разделен между сардарами. Они взимали все налоги, внося правительству только весьма незначительную часть поступлений, но были обязаны «содержать на свой счет нужное государству войско». Согласно этим же сведениям, «чтобы ослабить влияние своих крупных вассалов, эмир решил взять из их управления источники финансов страны и образовать одну постоянную армию, которая была бы подчинена офицерам, им самим назначенным, и достигла бы численности 26 тыс. человек»⁴⁷.

В исторической литературе есть также сведения о том, что Шер Али-хан принял решение перейти к взиманию земельного налога только в деньгах, отказавшись от применявшейся в Афганистане системы сбора налогов натурой⁴⁸. Однако это решение, если оно и было принято, в жизнь проведено, по-видимому, не было; во всяком случае в северных районах

⁴⁷ Донесение русского посла в Иране И. А. Зиновьева в Министерство иностранных дел от 14 августа 1869 г., цит. по кн.: Халфин, *Провал британской агрессии в Афганистане*, стр. 76.

⁴⁸ См. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 78.

страны в конце правления Шер Али-хана оставалась в силе в основном прежняя налоговая система⁴⁹.

Об осуществлении намеченных Шер Али-ханом преобразований налоговой системы нет сколько-нибудь подробных данных. Общий размер налоговых поступлений, согласно имеющимся сведениям, увеличился при нем примерно в два раза. Такое увеличение отчасти может относиться за счет расширения его владений на севере, приносивших значительный доход казне.

Шер Али-хан, возобновив политику завоеваний за Гиндукушем, подчинил Меймене и некоторые другие узбекские ханства: в 1869 г. был покорен Кундуз, а в 1873 г. — Бадахшан.

По сведениям, относящимся к началу правления Шер Али-хана, годовой доход его казны от налоговых поступлений определялся в 10 млн. рупий, причем около половины этой суммы поступало из «Кабула, Кандагара и собственно Афганистана»⁵⁰. Сам эмир Шер Али в беседе с русскими представителями (может быть несколько преувеличивая) оценивал доходы афганского государства в конце своего правления в 20 млн. рупий, отмечая при этом, что главным источником дохода с города Кабула была торговля⁵¹.

Этот город, насчитывавший 60—70 тыс. населения, был самым крупным торговым центром страны. На двух главных рынках Кабула, Шор-базар и Чатта-базар, продавались товары из Индии, Ирана, Средней Азии и России. В городе было пять больших караван-сараев⁵². Продуктами питания город снабжался главным образом из соседних селений, расположенных у подножий гор. О бедности большинства жителей города и окрестного сельского населения свидетельствует тот факт, что сушеные тутовые ягоды были одним из основных предметов торговли съестными припасами на базарах столицы⁵³.

Другими крупными торговыми центрами Афганистана были Кандагар, Герат и Мазари-Шариф. Численность населения Кандагара и Герата определялась примерно в 50 тыс. в каждом, а в Мазари-Шарифе — до 25 тыс.⁵⁴. Кандагар, основное население которого состояло из афганцев — дурани, какаров, бабар и хароти, сохранял значение крупного торгового го-

⁴⁹ В Чар-вилайте, по наблюдениям И. Л. Яворского, относящимся к самому концу правления Шер Али-хана, подати уплачивались населением «главным образом натурой, т. е. хлебом и скотом» (Яворский, *Путешествие русского посольства*, т. II, стр. 233).

⁵⁰ Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 43. Другая половина поступлений в казну, по словам Хаят-хана, приходилась на Герат и связанные с ним области (т. е., по-видимому, области Афганского Туркестана).

⁵¹ Яворский, *Путешествие русского посольства*, т. II, стр. 164.

⁵² См. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 11, 12.

⁵³ Там же, 12.

⁵⁴ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 195.

рода, причем среди местных купцов самыми богатыми и предприимчивыми считались афганцы из племени баби, сейиды Пишина и фарсибаны⁵⁵. В годы правления эмира Шер Али-хана ежегодный оборот кандагарской торговли определялся в 1 млн. ф. ст.⁵⁶. Город славился выработкой шелка очень высокого качества, но масштабы этого производства были невелики. Кандагарская область была известна богатствами недр, однако кустарная разработка их велась в незначительных масштабах. В горах Пир-Касри, между Кандагаром и Систаном, добывались медный и цинковый купорос, квасцы, нашатырь, сера, много ценных камней (из которых выделялись чётки, цена на них доходила до 100 рупий) и известь очень высокого качества. В нескольких километрах от города Кандагара добывалось золото⁵⁷. На плодородных орошаемых землях Кандагарской области выращивались пшеница, хлопок, табак. Область славилась обилием фруктов.

Население Герата состояло главным образом из таджиков и афганцев дуруни. В городе вырабатывалось много изделий из шелка и шерсти (высокого качества шерстяные ткани, ковры, молитвенные коврики, одеяла и т. п.). Считалось, что по производству сельскохозяйственных продуктов и по изобилию фруктов Герат превосходил остальные области Афганистана. В округе Герата возделывалось не менее 60 сортов винограда⁵⁸.

Налоговая политика Шер Али-хана, выжимавшего из небогатой страны средства на содержание войска и разраставшегося государственного аппарата, вызвала в начале 70-х годов недовольство среди народных масс. Денег эмиру постоянно не хватало, и он вводил чрезвычайные военные налоги. Особенно тяжелым было положение населения завоеванных эмирскими войсками областей на севере страны. Недовольны были и многие феодалы, выступавшие против «стеснительных для сардаров» мероприятий Шер Али-хана⁵⁹.

Стремясь укрепить центральную власть, Шер Али-хан предпринял попытки усовершенствовать административную систему. Он создал совещательный орган, состоявший из 13 человек, который должен был давать эмиру советы по делам управления страной, но вскоре отказался от этого нововведения. Он организовал в Кабуле государственную полицию. Это его мероприятие оказалось более жизнеспособным⁶⁰.

⁵⁵ Мухаммед Хаят-хан, 13. Термином «фарсибан» или «фарсизабан» (букв. «говорящий на языке фарси») обозначались прежде всего таджики.

⁵⁶ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 615.

⁵⁷ Мухаммед Хаят-хан, 13.

⁵⁸ Там же, 14.

⁵⁹ См. Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 77, 78.

⁶⁰ Большую роль полиция играла в системе управления при эмире Абдурахмане (см. ниже, гл. VIII), который при ее организации мог ис-

Определенных успехов Шер Али-хану удалось достигнуть в укреплении военных сил государства, необходимость чего вызывалась переходом Англии к открыто агрессивной политике в отношении Афганистана и возраставшей из года в год опасностью нового вторжения английских завоевателей. Создание регулярного войска было сопряжено со многими трудностями, и далеко не все намеченное в этой области Шер Али-хан смог осуществить.

Недоставало оружия. Эмир издал указ об обязательной сдаче населением оружия, которое намеревался передать солдатам своей армии. Этот указ вызвал большое недовольство в стране, переходившее в открытые выступления (в Кабуле, в Кохистане), и не был выполнен⁶¹.

Шер Али-хан пытался перейти при комплектовании войск от системы рекрутирования (посредством вербовки) к воинской повинности. Эта мера, как сообщает И. Л. Яворский, вызвала, однако, «в связи с обезоружением некоторых округов Афганистана» оппозицию со стороны сардаров, «вообще пользующихся в Афганистане почти независимым положением. Они не давали в войска эмира не только своих людей и родственников, но и простых солдат»⁶².

Чтобы преодолеть сопротивление сардаров и укрепить новую систему комплектования войска, Шер Али, желая показать пример, зачислил в гвардию рядовым даже своего брата Нек Мухаммед-хана, а затем своего любимого внука Ахмед Али-хана⁶³.

Однако Шер Али-хану не удалось ввести воинской повинности, которой не было в Афганистане и при последующих правителях (вплоть до первой половины XX в.), но регулярное войско он увеличил и усилил: к осени 1878 г. армия Афганистана была доведена до 68 (по другим сведениям, до 40) батальонов пехоты (по 600 человек в каждом) и 16 полков кавалерии (по 500 человек в каждом). Общая численность ее доходила до 50 тыс.⁶⁴. В артиллерии насчитывалось свыше 300 орудий. Но в подавляющем большинстве это были гладкоствольные пушки разного калибра, в значительной части сильно устарелые и малопригодные для стрельбы. Большая часть войска Шер Али-хана была плохо вооружена и обмундирована. В казне постоянно недоставало средств на содержание армии, и солдаты нередко вынуждены были искать дополнительных приработков.

пользовать не только свои наблюдения в царской России, но и некоторый опыт уже в самом Афганистане.

⁶¹ Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 77.

⁶² Яворский, *Путешествие русского посольства*, т. II, стр. 223.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 196.

Несмотря на все это, созданное Шер Али-ханом войско было боеспособным, многие батальоны и кадровые офицеры отлично показали себя впоследствии, во время борьбы с новым вторжением английских завоевателей.

При организации регулярной афганской армии Шер Али-хан распорядился перевести на язык пушту английский военный устав.

Шер Али-хана занимали также вопросы развития культуры, в частности печати. При нем в Афганистане было положено начало изданию книг литографским способом⁶⁵. В 1875 г. вышла первая в стране газета «Шамс ун-нахар», выпускавшаяся до 1879 г. Была впервые организована на современный лад почтовая связь, которая соединила Кабул с главными городами Афганистана, а также с Пешаваром. Этой связью получили возможность пользоваться частные лица, а не только эмирская администрация, как то было прежде. В Афганистане начали выпускать почтовые марки⁶⁶. В годы правления Шер Али-хана принимались меры по улучшению дорог, было начато строительство оружейных заводов и нового города близ Кабула, названного Шерабадом.

Преобразования, начатые Шер Али-ханом, должны были способствовать экономическому и культурному развитию страны. Но осуществление реформ Шер Али-хана было прервано новой английской агрессией. Многие из намеченных или только начатых преобразований этого эмира были осуществлены лишь значительно позднее⁶⁷.

Обращаясь к характеристике Шер Али-хана как человека и правителя, следует отметить, что он обладал острым и живым умом⁶⁸, постоянно интересовался вопросами международной политики и был не только хорошо осведомлен о положении соседних с Афганистаном стран Востока, но располагал сведениями и о важнейших событиях в Европе и умело использовал эти сведения при дипломатических перегово-

⁶⁵ Литографским способом был издан и перевод на язык пушту английского военного устава.

⁶⁶ Первые марки датированы 1288 г. х. (1870/1871). (См. Бертельс, *Афганская пресса*, стр. 12). Они печатались в Кабульской литографии (см. Яворский, *Путешествие русского посольства*, т. II, стр. 223, а также стр. 91, 92).

⁶⁷ Конечно, реформы Шер Али-хана имели верхушечный характер, но вряд ли подлежит сомнению, что они во многом предвосхищали не только то, что делалось впоследствии Абдурахманом, но и реформы Амануллы-хана. Тем досаднее, что внутренняя история Афганистана в годы правления Шер Али-хана еще очень мало изучена, и, как ни парадоксально, государственное устройство, культурная жизнь и социально-экономические отношения в Афганистане во времена Садозаев известны много лучше (благодаря наличию ряда монографий), чем хозяйство и культура гораздо более близкой к нам эпохи 60-х — 70-х годов XIX в.

⁶⁸ См. Яворский, *Путешествие русского посольства*, т. II стр. 229.

рах⁶⁹. Шер Али-хан был знаком не только с деятельностью таких современных ему европейских дипломатов, как Бисмарк и Горчаков, но обладал известными познаниями по истории европейских государств, причем с очень большим уважением относился к деятельности Петра I⁷⁰.

«Наступательная политика» и Афганистан

Международное положение Афганистана к началу 70-х годов XIX в. определялось соперничеством Англии и царской России на Среднем Востоке. На юго-востоке с Афганистаном вплотную граничили колониальные владения Англии, уже захватившей часть населенных афганцами земель правобережья Инда и подготавливавшей дальнейшую агрессию в Афганистан. С севера к Афганистану приближалась граница царской России, заканчивавшей подчинение Средней Азии.

В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. «политика закрытой границы» англичан на северо-западе Индии сменилась «наступательной политикой». В отношении Афганистана это означало провозглашение официальным курсом английской политики открытую агрессию, исподволь подготавливавшуюся уже в предшествующие годы. Такая политика отвечала интересам английских правящих кругов в связи с постепенным переходом Англии на империалистическую стадию развития, вызвавшим в последней трети XIX в. резкое усиление захватнических тенденций.

Военная подготовка английской колониальной армии в Индии к предстоявшим крупным операциям на севере началась уже с середины 60-х годов. В штабах в течение ряда лет разрабатывались планы военных действий не только в Афганистане, но и на территории Средней Азии. Это видно, в частности, из факта составления и издания в конце 60-х — начале 70-х годов трехтомного военного справочника, подготовленного разведывательным отделом английского штаба в Индии⁷¹.

С приходом в Англии к власти в 1874 г. консервативного кабинета Дизраэли приготовления к предстоящей войне с Афганистаном усилились. Готовя агрессию, английские колонизаторы для маскировки и обмана общественного мнения широко распространяли версию об угрозе вторжения русских войск в Индию. Однако в действительности такой угрозы не существовало. «Исследование секретнейших для того времени документов царского правительства свидетельствует, что оно не имело никаких планов и стремлений к „походу на Индию“,

⁶⁹ Там же, стр. 132, 151.

⁷⁰ Там же, стр. 107, 229.

⁷¹ Gazetteer «Central Asia».

а тем более к овладению этой британской колонией»⁷². Русский министр иностранных дел Горчаков в переговорах с англичанами предложил считать Афганистан «нейтральной зоной» между владениями царской России в Средней Азии и Британской Индией. При этом независимость Афганистана должна была быть гарантирована Россией и Англией. Однако англичане, готовившие нападение на Афганистан, этого предложения не приняли. В 1873 г. царские дипломаты отказались от своего предложения о нейтрализации Афганистана, пойдя на уступки Англии. Царское правительство официально заверило англичан в том, что оно «рассматривает Афганистан вне сферы русского влияния».

По заключенному между Россией и Англией соглашению, северной границей Афганистана была признана река Аму-Дарья. Обезопасив себя дипломатическим путем со стороны России, англичане перешли к действиям, непосредственно направленным на развязывание войны против Афганистана.

Базой вторжения в Афганистан стала крепость Кветта, построенная британскими колонизаторами на путях к Кандагару. Одновременно англичане стремились ослабить Афганистан, побуждая Якуб-хана, сына Шер Али-хана, и других влиятельных феодалов к восстаниям против эмира.

Вице-король Индии лорд Литтон предъявил Шер Али-хану требование о допуске в Афганистан британского резидента и о разрешении англичанам постройки и инспекции укреплений и дорог на афганской территории. Считаясь с возмущением народа, Шер Али-хан не пошел на уступки этим требованиям, нарушавшим суверенитет страны. Над Афганистаном нависла непосредственная угроза вторжения сосредоточенных на границе англо-индийских войск.

Перед лицом этой угрозы, надеясь использовать обострение англо-русских противоречий, особенно усилившихся во время начавшейся в 1877 г. русско-турецкой войны, Шер Али-хан предпринял попытку заручиться поддержкой России. Весной 1878 г., накануне Берлинского конгресса, царское правительство с целью оказать давление на Англию предприняло военно-дипломатическую демонстрацию, которую К. Маркс характеризовал, как «шахматный ход русских в Афганистане»⁷³: В соседние с Афганистаном районы Средней Азии были двинуты небольшие отряды русских войск, а одновременно в Кабул направлена дипломатическая миссия во главе с генералом Столетовым, встреченная там с большими почестями.

Один из членов этой миссии, И. Л. Яворский, оставил описание встречи. В 20 верстах от Кабула для сопровождения

⁷² Халфин, *Политика России в Средней Азии*, стр. 245.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. I, т. XXIV, стр. 502.

миссии прибыл везирь Шер Али-хана. Он приехал на слоне и привел с собой еще трех слонов, на которых совершали свой дальнейший путь генерал Столетов и его помощники⁷⁴. Двигаясь далее в сопровождении везиря, его свиты, конной и пешей гвардии эмира, миссия совершила торжественный въезд в столицу.

Около самого города миссию встретил сардар Хабибулла-хан, брат эмира. Он прибыл на громадном слоне серо-пепельного цвета с огромными вызолоченными клыками, верхушки которых были спилены. Сардара сопровождал «отряд латников, вооруженных красивыми кабульскими шашками»⁷⁵.

Население афганской столицы приветствовало приезд русской миссии. В Бала-Хисар она вступала под приветственные клики многотысячной толпы и под звуки музыки⁷⁶.

Действуя по инструкции, данной ему до окончания Берлинского конгресса, Столетов обещал афганскому эмиру поддержку России и привез царю Александру II проект договора о союзе. Однако к тому времени Берлинский конгресс закончился мирным соглашением, и непосредственная опасность войны России с Англией миновала. Царское правительство отказалось утвердить доставленный Столетовым проект договора и отвело русские отряды, посланные в соседние с Афганистаном районы.

Английское правительство потребовало принять в Кабуле британское посольство, но эмир Шер Али-хан ответил отказом. Англичане использовали прием русской миссии в Кабуле и отказ Шер Али-хана допустить в Кабул британскую миссию в качестве удобного предлога для начала войны и в ноябре 1878 г. вторглись в Афганистан.

⁷⁴ Яворский, *Путешествие русского посольства*, т. I, стр. 307.

⁷⁵ Там же, стр. 314.

⁷⁶ Там же, стр. 316.

Глава VII

ВТОРАЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА

В ночь с 20 на 21 ноября 1878 г. английские войска двинулись в Афганистан по трем направлениям. Северная группировка, под командованием генерала С. Броуна, наступала со стороны Пешавара через Хайбарский горный проход. В ней насчитывалось 16 тыс. человек. Из Кохата через Пайварский и Шутур-Гарданский перевалы, с целью выйти в Хост и оттуда наступать на Кабул, двигались части генерала Ф. Робертса численностью около 6,5 тыс. человек. На юге из Кветты на Кандагар через Боланский горный проход выступили две колонны под командованием генерала Д. Стюарта общей численностью около 13 тыс. человек.

У входа в Хайбарское ущелье произошли первые столкновения английских частей с пограничными афганскими отрядами, которые, невзирая на превосходство противника в численности и в вооружении, сражались с храбростью и упорством. По Афганистану быстро распространились вести о мужественном сопротивлении, оказанном афганским гарнизоном крепости Али Масджид, и о вынужденном отступлении его под напором превосходящих вражеских сил. Передавали, что против пяти батальонов защитников крепости наступало двадцать английских батальонов¹.

На Курамском направлении в начале декабря завязался ожесточенный бой за Пайварский и Шутур-Гарданский перевалы. Отряды афганских регулярных войск и ополчения племен занимали сильную позицию, и первый этап сражения закончился в их пользу. Попытки генерала Робертса овладеть позицией афганцев фронтальными атаками оказались безуспешными. Однако в конце концов англичанам удалось обойти афганцев, а затем оттеснить их и занять перевалы. Через несколько дней Робертс двинулся по направлению к Кабулу. Однако затруднения с транспортом заставили его задержать-

¹ См. Яворский, *Путешествие русского посольства*, стр. 92, 93. Об искусных действиях афганской артиллерии см. Наппа, *The Second Afghan war*, vol. III, p. 11.

ся в местности Али-хель, отказавшись от немедленного наступления на столицу.

После вторжения английских войск Шер Али-хан обратился к «английским сановникам» с заявлением, в котором осуждал нападение англичан на Афганистан и сообщал о своем намерении поехать в Петербург с целью добиться созыва Международного конгресса. Шер Али-хан надеялся, что конгресс обсудит вопрос об агрессии англичан против Афганистана и заставит их покинуть страну².

Получив известия о вступлении вражеских войск в пределы Афганистана, Шер Али-хан отправил свою семью и родственников на север страны (в Афганский Туркестан) в сопровождении трех полков пехоты и одного полка конницы³.

Сосредоточивая за Гиндукушем значительную часть своих военных сил, Шер Али-хан, по-видимому, выжидал дальнейшего хода событий, желая сохранить резервы для продолжения борьбы в более благоприятной обстановке. Его выжидательная политика сказалась и в посланном им в Кандагар приказе не оказывать англичанам сопротивления⁴. Получение этого приказа связало руки готовившимся к борьбе кандагарским военачальникам.

Заняв Кандагар и Джалалабад, завоеватели выступили на Кабул, подкупая афганских ханов и военачальников. В это время возник заговор афганских феодалов, намеревавшихся посадить на трон Якуб-хана, сына Шер Али-хана. Шер Али-хан вынужден был передать Якуб-хану столицу и 13 декабря 1878 г. с членами русской миссии, остававшимися еще в Афганистане, выехал на север страны, в Мазари Шариф, не отказываясь от мысли отправиться в Петербург и добиться созыва международного конгресса по афганскому вопросу. Прибыв в Мазари-Шариф, эмир Шер Али-хан вскоре тяжело заболел и 20 февраля 1879 г. умер. Русская миссия выехала из Афганистана.

Капитуляция эмира Якуб-хана

Якуб-хан, издавна считавшийся другом англичан, пытался закрепиться с их помощью на престоле. Весной 1879 г. он прекратил сопротивление и 26 мая 1879 г. в местечке Гандамак заключил с уполномоченным англо-индийского правительства майором Каваньяри очень тяжелый для Афганистана мирный договор.

² Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 108.

³ *Сирадж ат-таварих*, 342.

⁴ Там же.

По условиям Гандамакского договора Афганистан превращался в вассальное, зависимое от Англии государство. Правители Афганистана лишались права самостоятельных сношений с другими государствами и могли вести переговоры с иностранными державами лишь через правительство колониальной Индии⁵. Якуб-хан признал за англичанами «права на управление» районами Сиби, Пишином и Курамом, а также на контроль над Хайбарским и Мичнинским горными проходами. Англичане обязались выплачивать афганскому эмиру ежегодную субсидию в 600 тыс. рупий. Для контроля над деятельностью эмира и расходованием назначенной ему субсидии в Кабуле должен был находиться английский резидент со своей вооруженной охраной.

24 июля 1879 г., в соответствии с Гандамакским договором, в Кабул прибыл английский резидент майор Луи Каваньяри с тремя офицерами и вооруженным конвоем. Его торжественно встречали находившиеся на службе у Якуб-хана сановники и сардары. Однако население города отнеслось к его приезду явно враждебно. Каваньяри въехал в Бала-Хисар. Английскому резиденту был отведен дворец эмира Мухаммеда Азам-хана⁶.

Так закончился первый этап англо-афганской войны 1878—1881 гг. Регулярные войска Афганистана уступали английским в вооружении и были к началу войны рассредоточены по стране; афганцы, не желая войны, не были к ней готовы. Регулярные части не имели твердого и решительного руководства, были дезориентированы колебаниями эмира Шер Али-хана и его отъездом из столицы, а затем трусливым поведением и капитуляцией эмира Якуб-хана. Народная же война не успела еще широко развернуться.

Прибыв в Кабул, английский резидент Каваньяри повел себя, как в завоеванной стране, бесцеремонно вмешиваясь в дела управления: распоряжался шахской казной, приглашал к себе афганских сардаров для обсуждения государственных вопросов, назначал угодным лицам награды и поощрения, самолично распределяя между ними подарки и деньги из казны.

Правивший в Герате Аюб-хан, брат эмира Якуба, упрекал его в подписании Гандамакского договора⁷. Афганцы были возмущены присутствием и поведением английского резидента в столице. Предательство большей части сардаров не могло поколебать решимости народа избавить свою страну от иностранцев. Среди горожан и солдат с каждым днем усиливалось недовольство и возмущение надменными иностранцами и шед-

⁵ Полный перевод на русский язык текста Гандамакского договора см. в кн. Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 137—140.

⁶ *Сирадж ат-таварих*, 352.

⁷ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 1194.

шим у них на поводу эмиром. 13 августа на улицах Кабула произошла драка между афганскими солдатами и конвоем английского резидента.

Восстание в Кабуле

Каваньяри неоднократно получал известия и от английских агентов и от эмира Якуба о напряженном положении в стране и в столице. 16 августа Якуб-хан предупредил Каваньяри об угрожающей ему лично, как резиденту, опасности и просил его прекратить ежедневные верховые прогулки по Кабулу. Но Каваньяри оставался глухим к этим сигналам. 2 сентября он отправил в Индию телеграмму, в которой утверждал, что в Афганистане «все в порядке».

На следующий день связь кабульского резидента с английскими властями в Индии была прервана. В столице началось восстание, поднятое афганскими солдатами; к ним присоединились горожане. События начались так. 3 сентября в Бала-Хисаре, неподалеку от здания английского резидентства, в ожидании раздачи жалованья были выстроены три афганских полка. При раздаче солдаты, не получив полностью причитавшихся им денег, стали роптать. Послышался голос: «Убьем посла, а за ним и эмира»⁸. Возмущенные солдаты без оружия направились к английской резиденции, где были встречены огнем. Первым начал стрельбу сам Каваньяри.

Солдаты бросились за оружием и вскоре при поддержке собравшихся горожан осадили резидентство. Осажденные обратились за помощью к эмиру Якубу. Однако, хотя эмир и располагал двухтысячным отрядом, его вмешательство ограничилось уговорами. Якуб отправил для этого к восставшим своего сына и сипахсалара. Но повстанцы не стали слушать увещаний, атаковали здание резидентства и перебили всех находившихся в нем англичан во главе с Каваньяри.

Вечером 3 сентября Якуб-хан послал вице-королю Индии письменное сообщение о кабульских событиях, а 4 сентября отправил правителю Кандагара приказ исполнять все приказы англичан⁹.

5 сентября в Симле были получены вести о восстании в Кабуле и о гибели английской миссии. Срочно был организован новый поход на Кабул. Из Симлы в Курам выехал гене-

⁸ Там же, стр. 1195.

⁹ Там же, стр. 1412. После заключения Гандамакского договора англичане отвели из крупных афганских городов свои главные силы в Индию, оставив войска только в Кандагаре. Английские сведения о положении в Кабуле после подписания Гандамакского договора и о гибели Каваньяри см. «Correspondence relative to the affairs of Afghanistan», pp. 31—48.

рал Ф. Робертс, на которого возлагалось руководство карательной экспедицией.

Происшедшие в столице события всколыхнули всю страну. Наряду с афганцами против колониальных завоевателей, как и в годы первой англо-афганской войны, выступили таджики и другие народы Афганистана. 13 сентября английские власти получили из Джалалабада сообщение о том, что афганцы готовятся к священной войне и что население Герата с радостью встретило известие об убийстве англичан в Кабуле¹⁰. 17 сентября солдаты кабульских полков в Герате напали на дом генерала Фахр Ахмед-хана, ярого сторонника англичан, и убили его.

19 сентября в Симле были получены известия о начале активных действий ополчений повстанцев против английских постов. Гильзаи совершили внезапное нападение на Шутур-Гарданский перевал, которое было отражено англичанами, но пути сообщения войск завоевателей в районе этого перевала стали подвергаться атакам афганцев. Во многих местностях Афганистана создавались добровольческие отряды для борьбы с англичанами. У Кабула сосредоточивались афганские ополчения, прибывавшие со всех сторон.

27 сентября главные силы карательных войск генерала Робертса были уже в районе Шутур-Гарданского перевала. В этот день эмир Якуб-хан, выехавший навстречу англичанам, прибыл в занятое ими селение Куши. Через два дня генерал Робертс принял афганского эмира на состоявшемся в селении Куши дурбаре. Эмир Якуб-хан и его приверженцы из сардаров укрылись в лагере Робертса, спасаясь там под охрану английских штыков от гнева восставшего народа. Якуб-хан направил гарнизону Кабула приказ не оказывать сопротивления англичанам, но солдаты отказались выполнять его.

К 1 октября генерал Робертс стянул в Куши свои силы, сосредоточив их затем для наступления на столицу. Выступив на Кабул, он издал 3 октября прокламацию, призывая афганцев не оказывать сопротивления занятию столицы.

6 октября войска Робертса подошли к высотам Чар-Асийа около Кабула. Здесь афганские отряды, состоявшие из солдат регулярных частей и жителей окрестных селений, вступили в бой с завоевателями. Битва была ожесточенной, афганцы сражались очень храбро, но они не имели единого руководства, их отряды действовали несогласованно и значительно уступали англичанам в вооружении. Поэтому мужественные защитники Кабула не смогли отстоять город в сражении с превосходящими силами противника и вынуждены были отойти, оставив врагу пушки. Сохранив боеспособность и полные ре-

¹⁰ Там же, стр. 1413.

шимости продолжать борьбу за освобождение своей родины от чужеземных завоевателей, афганские отряды отошли в сторону Газни. 8 октября карательные войска генерала Робертса подступили к Кабулу с восточной стороны и заняли Шерпур. Остававшиеся в городе немногочисленные подразделения регулярной афганской армии покинули столицу, отступая к Газни, где собирались основные силы афганцев¹¹.

Англичане в Кабуле

12 октября генерал Робертс занял Бала-Хисар, а 14 октября его войска, насчитывавшие более 5 тыс. солдат и офицеров при 22 орудиях, вошли в Кабул. Началась расправа над жителями афганской столицы. Уже вступая в Бала-Хисар, генерал Робертс издал прокламацию с целью устрашить население, оповещая горожан, что они будут обложены тяжелой контрибуцией, и грозя смертной казнью всем, у кого только обнаружат оружие. В прокламации были объявлены размеры денежной награды за каждого пойманного афганского офицера и солдата, причастного к нападению на английское резидентство. Робертс соблазнял деньгами жителей Кабула, побуждая их выдать на расправу своих соотечественников. Для выявления «виновников гибели английской миссии», а также участников сражения на высотах Чар-Асийа англичане учредили следственную и военно-судебную комиссии. Согласно официальному заявлению английских властей, следственная комиссия учреждалась для выяснения обстоятельств, связанных с восстанием в Кабуле и убийством Каваньяри, и для «рекомендаций относительно наказания, которое должно быть применено ко всем лицам, признанным членами комиссии виновными в участии в нападении на резидентство, прямом или косвенном, активном или пассивном, или других, связанных с этими преступлениями, подлежащих суду»¹².

Председателем этой комиссии был назначен офицер (впоследствии генерал) разведывательного отделения английского штаба в Индии Мак-Грегор, а членами — хорошо владевший языком пушту английский врач Беллью и Мухаммед Хаятхан, афганец из Банну, находившийся на службе у британских колониальных властей Индии в качестве чиновника в районах северо-западной границы.

В результате деятельности следственной и военно-судебной комиссий многие жители Кабула были арестованы и повешены. Террор и массовые репрессии усиливались. Англичане убивали всех пленных афганцев. В Бала-Хисаре была соору-

¹¹ Там же, стр. 1414.

¹² «Correspondence relative to the affairs of Afghanistan», p. 147.

жена построенная кругом гигантская виселица — завоеватели называли ее «каруселью смерти»; на ней подвергалось казни сразу по несколько десятков человек. По сохранившемуся в русских архивах свидетельству одного афганца — очевидца событий в Кабуле, — на этой гигантской виселице английские палачи вешали «...на железных цепях по 15—20 человек, обмазав их предварительно горючей жидкостью и разложив под ними костер». Таким образом, указывал очевидец, они «соединили два рода казни: повешение и медленное сожжение живьем». Он сообщил, что только на этой страшной виселице было замучено более двухсот человек ¹³. 20 октября был казнен глава кабульского духовенства, обвиненный в том, что он во время боев за афганскую столицу призывал народ бороться с чужеземными захватчиками. В этот же день англичане повесили двух афганских военачальников.

Месть английских завоевателей обрушилась не только на жителей Кабула, но и на сам город. Сильно пострадал Бала-Хисар с примыкавшими к нему жилыми кварталами. В течение более чем полувека здесь оставались лишь груды камней и развалин. Только в 30-х годах нашего века были залечены раны, нанесенные этому району англичанами в 1879 г. ¹⁴.

Приведенные в «Сирадж ат-таварих» факты, характеризующие обстоятельства, связанные с разрушением Бала-Хисара, показывают, как англичане обращались с населением афганской столицы и ее окрестностей. Приказав всем жителям Бала-Хисара выселиться, английские власти дали им двухдневный срок для вывоза имущества. Уложиться в этот срок было невозможно. В назначенное время англичане начали все громить и разрушать, совершенно не считаясь с оставшимися еще людьми и их имуществом ¹⁵.

Следственная комиссия приняла участие и в решении судьбы эмира Якуб-хана. Он был обвинен в том, что не принял действенных мер помощи Каваньяри. 28 октября 1879 г. генерал Робертс специальной прокламацией оповестил население об отречении Якуб-хана от престола. Низложив эмира, английские власти отправили его под конвоем в Индию, в ссылку ¹⁶. Расправа над эмиром была вызвана тем, что он стал не

¹³ Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 119.

¹⁴ См. Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 429.

¹⁵ См. *Сирадж ат-таварих*, 355. Разрушив все здания в Бала-Хисаре, англичане перевезли оттуда в Шерпур все пригодное для строительства дерево, которое было использовано на работах по восстановлению шерпурского военного лагеря.

¹⁶ 1 декабря 1879 г. Якуб-хан был отправлен в Пешавар. Бывший эмир, с которым обошлись как с пешкой, выбывшей из игры, прибыл в Индию в состоянии, близком к помешательству. Страдая манией преследования, он долго отказывался принимать какую-либо пищу, кроме женского мо-

нужен английским властям, которые посчитали, что в качестве их ставленника он не сможет сколько-нибудь эффективно способствовать установлению британского колониального господства над Афганистаном и, напротив сам будет нуждаться в поддержке, чтобы усидеть на престоле в стране, поднимавшейся на борьбу за независимость¹⁷.

Народная война

Надеясь запугать народы Афганистана и лишить их воли к сопротивлению, оккупационные власти проводили политику жестоких репрессий не только в Кабуле и его окрестностях, но и во всех районах и населенных пунктах страны, где находились их войска. Однако сопротивление народов Афганистана усиливалось, разрозненные действия отдельных партизанских отрядов и ополчений племен разрастались в большую народную войну против завоевателей.

Низложением эмира английские завоеватели, прикрывавшиеся словами об обороне границ Индии и борьбе с «угрозой вторжения русских», показали свои истинные захватнические намерения. Население Афганистана отвечало на попытки колонизаторов взять в свои руки управление страной все более сильным отпором. Правда, при помощи денег английским властям удалось привлечь на свою сторону многих феодалов, но должностных лиц, назначенных захватчиками для управления отдельными округами, народ встречал с непримиримой враждебностью. Некоторые из таких администраторов были убиты, другие поспешили бежать под защиту английских штыков. Непрекращавшийся террор не помог английским завоевателям упрочить свое господство в частично оккупированной, но непокоренной стране. Вскоре они оказались в весьма затруднительном положении. Оккупационные гарнизоны зачастую оказывались надолго отрезанными от Индии.

Активное участие в борьбе против иноземных завоевателей приняли ополчения афганских племен и таджики Кохистана. Они нашли себе достойного руководителя в лице афганского

лока, боясь, что его могут отравить. Английские колониальные власти представили к нему нескольких кормилиц и умереть ему не дали, но в дальнейшем долгие годы Якуб-хан (умер в 1923 г.) провел в Индии на положении пленника-пенсионера и никакого участия в политических событиях в Афганистане не принимал.

¹⁷ У английских историков, часто останавливавшихся на вопросе о «степени верности» Якуб-хана его английским покровителям и признававших, что обвинение этого бывшего эмира в антианглийских выступлениях по меньшей мере недоказуемо, можно найти и правильные соображения о главной причине расправы над ним. Так, Макман видел эту причину в том, что английские власти считали, что Якуб-хан не смог бы «усидеть в седле Дост Мухаммеда и Шер Али-хана» (см., например, Macmillan, *Afghanistan from Darius to Amanullah*, p. 181).

генерала Мухаммеда Джан-хана Вардака. До войны он служил артиллерийским офицером в армии эмира Шер Али-хана, в начале войны отличился в битве при Али Масджиде, а затем с самой лучшей стороны показал себя как военачальник в боях у Чар-Асийа.

Осенью 1879 г. центром подготовки к дальнейшей борьбе стала область Газни. В один из ее районов, склонив к участию в предстоящих военных действиях ополчения племени вардак, прибыл и генерал Мухаммед Джан-хан¹⁸. Здесь он руководил организацией отрядов из солдат афганской регулярной армии, их обучением и подготовкой. В начале ноября через Гиндукуш перешли пять полков из Афганского Туркестана. Часть солдат этих полков с оружием разошлась по домам, а часть направилась в Газни и в другие места, где формировались отряды для борьбы против англичан¹⁹.

Большое значение в организации сил афганцев в Газнийской области имела деятельность престарелого, но энергичного муллы Дин Мухаммеда, известного под прозвищем Мушк-и Алам Андари. Он считался одним из самых авторитетных мусульманских богословов в Афганистане и пользовался особенно большим влиянием среди гильзайских и момандских племен; многие муллы Газнийской области были его учениками²⁰. Дин Мухаммед призывал народ к священной войне против англичан и вместе с генералом Мухаммедом Джан-ханом и муллой Абдул Гафуром Лангари руководил сбором ополчений племен, стекавшихся в Газнийскую область²¹. Там собрались отряды афганских племен — вардак, андари, тараки, сулейман-хель, вазиров, дзадран, а также таджиков²².

Согласно поступавшим английскому командованию сведениям, генерал Мухаммед Джан-хан формировал и обучал пехотные батальоны; у афганцев были организованы и кавалерийские части. Ополчения формировались также в Кохистане, Логаре, на территории племени займухт и в ряде других районов Афганистана²³.

19 ноября 1879 г. генерал Робертс отправил из Кабула на Газни отряд под командованием генерала Бэкера, в состав которого входили пехота, конница и артиллерия. Отряд этот, встретив сопротивление афганцев, отступил, не дойдя до места назначения. Действия отряда ограничились грабежом и сожжением селений, расположенных на пути его следования²⁴.

¹⁸ *Сирадж ат-таварих*, 355.

¹⁹ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 124.

²⁰ Там же, стр. 212, 213.

²¹ *Сирадж ат-таварих*, 355, 356.

²² Там же, 356.

²³ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 200, 214.

²⁴ Там же, стр. 124—126.

В начале декабря Робертс послал из Кабула еще три отряда с целью нанести встречный удар афганцам, начавшим наступление на столицу из Газни, Кохистана, Логара и из других районов. Генералу Бэкеру предписано было ударить в тыл афганцам, направлявшимся на Кабул из Газни; генерал Макферсон должен был не допустить соединения газнийских отрядов с шедшими им навстречу кохистанцами; генералу Масси с кавалерией было поручено поддерживать продвижение Макферсона²⁵.

10 декабря произошло первое столкновение между афганцами и англичанами на подступах к Кабулу. В последующие три дня здесь развернулись серьезные бои. 11 декабря генерал Масси неожиданно повстречался с афганским отрядом генерала Мухаммеда Джан-хана. Недооценив силы афганцев, Масси бросил свои эскадроны в атаку, был разбит, потерял пушки и отступил в беспорядке. Узнав о поражении генерала Масси, ему на выручку спешно двинул свой отряд генерал Макферсон, но также потерпел неудачу в столкновении с афганцами и вынужден был отступить. Газнийские отряды устремились к гробнице Бабура и заняли несколько господствующих над Кабулом высот.

В дальнейших боях определился полный успех афганцев и окончательный провал планов Робертса воспрепятствовать объединению сил борцов за освобождение, двигавшихся на Кабул. Газнийские отряды соединились с кохистанцами и с ополчениями из других местностей Афганистана и сообща продолжали наступление на столицу.

Решающие бои, закончившиеся 14 декабря, развернулись за высоту Кохи-Асмаи. В ходе боев высота эта несколько раз переходила из рук в руки. Во время одного из сражений за Кохи-Асмаи бессмертный подвиг был совершен Мухаммедом Осман-ханом с восемью газиями. Потесненные сильной атакой англичан, возглавленной полковником Дженкинсом, афганцы вынуждены были временно оставить высоту. Защищая уже покинутую основными силами афганцев позицию, горсть отважных бойцов залегла цепью и отстреливалась от наступающих батальонов Дженкинса. Девять героев сражались до последней возможности, пока не погибли²⁶. В конечном итоге сражение за высоту Кохи-Асмаи окончилось победой афганцев. Преодолев сопротивление регулярной пехоты англичан и захватив два орудия, они прочно заняли эту важную позицию и

²⁵ В отряде Бэкера насчитывалось 1200 человек при четырех орудиях, у Макферсона было 1600 человек, 10 орудий, у Масси — три эскадрона с четырьмя горными орудиями (Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 200, 201, 1417).

²⁶ См. *Сирадж ат-таварих*, 357, 358; Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 208.

удержали ее, что оказало большое влияние на общий результат битвы на подступах к столице.

В числе афганских ополчений, первыми подошедших вплотную к Кабулу, был отряд воинов из Чарха, Хоста и Гардеза, которым командовал генерал Гулам Хайдар-хан Чархи²⁷. К столице подошел также генерал Мухаммед Джанхан. Афганцы окружили Кабул. Англичане поспешно отступили в укрепленный лагерь в Шерпуре, признав тем самым свое поражение в битве за столицу. 15 декабря 1879 г. отряды воинов за освобождение Афганистана заняли столицу. В сражении приняли участие и жители Кабула.

После победы восставших волна народного гнева обратилась против сардаров, известных как приспешники англичан. Кабульские дома этих сардаров были сожжены и разграблены²⁸.

Освобождение столицы от англичан было достигнуто благодаря активному участию широких масс населения в вооруженной борьбе, доблести бойцов и умелому руководству генерала Мухаммеда Джан-хана Вардака и других вождей народных ополчений. Следует особо отметить, что у воинов Афганистана в битве на подступах к Кабулу совсем не было артиллерии, но это не спасло англичан от поражения. Отсутствие артиллерии сильно затруднило, однако, дальнейшие действия против войск Робертса, которые укрылись в Шерпуре²⁹. Афганцы не смогли использовать благоприятный момент для немедленного нападения на отступавших врагов; не последнюю роль здесь сыграли и раздоры между вождями племен. Когда же афганцы осадили шерпурский лагерь, генерал Мухаммед Джан-хан, избегая напрасной гибели своих людей, не пошел на штурм, для успеха которого была необходима артиллерия.

На выручку осажденным в Шерпуре английским войскам были посланы сильные подкрепления из Индии. Неблагоприятное для афганцев соотношение сил, складывавшееся в связи с подходом этих подкреплений, побудило Мухаммеда Джан-хана отступить. 23 декабря 1879 г. он отвел от осажденного английского лагеря свои отряды, а затем, оставив Кабул, направился в долину Майдана (в районе Газни). 4 января 1880 г. английские войска вновь заняли Бала-Хисар, цитадель Кабула.

²⁷ *Сирадж ат-таварих*, 357.

²⁸ Там же, 358.

²⁹ Отступив в ночь на 15 декабря в Шерпур, войска Робертса кое-как разместились в этом лагере, а с наступлением утра начались спешные работы по обновлению укреплений. Оборонительные работы, превратившие лагерь в сильную крепость, были закончены англичанами в течение трех дней.

Несмотря на то, что под властью оккупационных властей оказались и Кандагар, и Кабул (причем английские войска держали под контролем основные пути, соединявшие занятые города с Индией), положение завоевателей в Афганистане оставалось непрочным. Народная война не прекращалась. Продолжались постоянные нападения на английские коммуникации и на отряды, посылавшиеся для заготовки продовольствия и фуража.

Начиная в 1878 г. вторжение в Афганистан, руководители английской колониальной политики рассчитывали на то, что им сравнительно легко удастся осуществить свои завоевательные планы. По сравнению со временем первой англо-афганской войны значительно шагнула вперед военная техника; распространение нарезного оружия усилило преимущества английской колониальной армии над афганским войском в вооружении, особенно в артиллерии. Однако, несмотря на это, когда разгорелась народная война против завоевателей, английским правящим кругам пришлось убедиться в провале своих планов превратить Афганистан в колонию силой оружия. Намечая вывод оккупационных войск, они стали искать пути к возможно более выгодному для себя окончанию затянувшейся войны, стоившей им много денег и не сулившей благоприятных перспектив³⁰.

Стремясь подыскать приемлемого с точки зрения своих интересов кандидата на афганский престол, руководители английской политики уже весной 1879 г. намеревались установить связь с Абдурахманом, внуком Дост Мухаммеда, жившим в это время в русском Туркестане³¹.

Англичане рассчитывали посадить на афганский трон покорного их власти эмира, оставить в некоторых пунктах страны оккупационные гарнизоны и таким путем превратить Афганистан в зависимое от Англии государство. Наряду с этими планами создавались проекты расчленения Афганистана на несколько зависимых от Англии владений³².

³⁰ Поиски способов возможно более выгодного для английских колонизаторов окончания войны с Афганистаном начал еще консервативный кабинет Дизраэли (Биконсфильда), находившийся у власти до апреля 1880 г. Большое влияние на английскую политику в отношении Афганистана оказывало положение в Индии.

³¹ В марте 1879 г. Зиновьев, русский посол в Тегеране, сообщил в Петербург, что английское правительство желает вызвать Абдурахмана в Афганистан (см. Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 127).

³² Один из таких проектов был составлен вице-королем Индии лордом Литтоном и опубликован в феврале 1880 г. В этом проекте намечалось расчленение Афганистана на «самостоятельные владения» под протекторатом Англии. Герат и Афганский Туркестан должны были стать вассальными владениями Ирана. Этот проект предусматривал аннексию Курама, Хоста и Джалалабада, а также создание так называемого «Мервского государства» под протекторатом Англии и Ирана. 4 февраля Биконсфильд

19 апреля 1880 г. кабинет консервативной партии, возглавляемый Дизраэли, должен был уйти в отставку, и к власти в Великобритании пришел кабинет либералов во главе с В. Гладстоном. В падении кабинета консерваторов немалую роль сыграла неудача завоевательной войны в Афганистане, но сама по себе смена кабинета не означала сколько-нибудь существенного изменения политики Англии в отношении этой страны.

Либералы, как и консерваторы, были партией английской буржуазии и проводили в основном такую же внешнюю политику, что и их предшественники. Одной из важнейших целей либерального кабинета также были колониальные захваты, приобретение новых рынков сбыта товаров и источников сырья. В годы правления Гладстона Англия продолжала расширение своих колониальных владений.

В политике в отношении Афганистана кабинет Гладстона унаследовал от своих предшественников-консерваторов по-иски приемлемого для англичан эмира и намерение расчленить страну. Либералы продолжали действовать в этих направлениях, но в силу сложившейся обстановки должны были добиваться более ограниченных целей, нежели консерваторы, твердолобые сторонники планов завоевания Афганистана³³.

Возвращение Абдулрахмана в Афганистан

Царское правительство на первых этапах англо-афганской войны не разрешало Абдулрахману выехать в Афганистан. Будучи заинтересованным в неудачах своего соперника — Англии в этой войне, оно считало, что появление в Афганистане претендента на трон может внести разлад и ослабить силы афганцев, боровшихся против завоевателей. Однако к концу

заявил в палате лордов о намерении английского правительства расчленить Афганистан. 13 апреля на состоявшемся в Кабуле дурбаре английский политический представитель Гриффин объявил, что английские войска очистят страну, как только вожди Афганистана придут между собой к соглашению о выборе эмира, дружелюбно расположенного к британскому правительству. При этом оговаривалось, что из Кандагарской области будет образовано «самостоятельное государство» (см. Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 411, 1421, 1423, 1424).

³³ Преемственность основных направлений английской политики в афганском вопросе несомненно имела место и после смены кабинетов, происшедшей в апреле 1880 г. Пересмотр практического курса в отношении Афганистана был начат уже при консерваторах и завершен либералами в конце 1880 — начале 1881 г., однако отнюдь не из-за изменения принципиальных установок, а в силу окончательно определившегося краха завоевательных планов. Неправомерное преувеличение влияния смены кабинетов на английскую политику в отношении Афганистана встречается и у некоторых афганских историков, в тех случаях, когда они некритически следуют за английскими авторами (см., например, Риштия, *Афганистан в XIX в.*, стр. 449).

1879 г., в связи с новой обстановкой в Афганистане, позиция царских властей в этом вопросе изменилась. После низложения Якуб-хана Афганистан остался без эмира. Стало ясно, что англичане распространили свой контроль лишь на часть восточного и юго-восточного Афганистана, а в Афганский Туркестан им проникнуть еще не удалось. Появились благоприятные возможности противодействовать (способствуя объединению северного Афганистана под властью одного правителя) попыткам англичан подчинить эту часть страны. В связи с этим царские власти сочли целесообразным разрешить Абдуррахману выехать на родину.

Царское правительство предпочитало иметь по соседству со своими владениями в Средней Азии не английскую колонию, а самостоятельное афганское государство. Способствуя выходу на политическую арену нового претендента на афганский трон, царские власти рассчитывали на то, что, если Абдуррахману удастся утвердиться только в Афганском Туркестане, он создаст там независимое владение, а в случае, если он станет эмиром всего Афганистана, надеялись приобрести в его лице дружественного соседа. Однако, не желая давать английской дипломатии поводов обвинить Россию во вмешательстве в афганские дела, царские власти позволили Абдуррахману беспрепятственно «бежать» из своих владений, предоставив ему незначительную помощь деньгами и подарив 200 берданок³⁴. 26 декабря 1879 г. из Ташкента в Петербург была послана телеграмма, в которой сообщалось, что сардар Абдуррахман, отправившийся для свидания с родственниками в Ферганскую область, бежал за границу.

В конце 1879 г. Абдуррахман выехал из Ташкента, проследовал через Ходжент и Ура-Тюбе, затем повернул к Шахриябзу и, не останавливаясь в нем (ворота этого города оказались закрытыми по приказу бухарского эмира, неприязненно относившегося к Абдуррахману и не пожелавшего пропустить его через свои владения), пробрался через Куляб к границе Бадахшана.

На горных дорогах и перевалах Средней Азии, столь трудно проходимых зимой, и сразу же после прибытия в Афганистан Абдуррахману пришлось встретиться со многими опасностями, которые он, однако, сумел преодолеть благодаря своей энергии и изобретательности.

Перед прибытием к переправе в Афганский Бадахшан через Аму-Дарью, он послал письмо Мир Шахзаде Хасану, правившему тогда в Файзабаде. Извещая его о своем прибытии

³⁴ Обстоятельства, связанные с возвращением Абдуррахмана на родину, изложены на основании извлеченных из русских архивов документальных данных в работе: Семенов, *«Бегство» Абдуррахман-хана*.

в Куляб, Абдуррахман сообщил о намерении отправиться в Кабул через Бадахшан, призывая его содействовать осуществлению своих планов занятия престола в Афганистане³⁵. Правитель Файзабада отправил ответное письмо, в котором отказался пропустить Абдуррахмана через Бадахшан, и послал ему навстречу Баба-хана с крупным отрядом конницы. Баба-хану было приказано сделать все возможное, чтобы не дать Абдуррахману переправиться через Аму-Дарью на территорию Бадахшана и вынудить его избрать другой путь для проезда в Кабул.

Но за день до подхода Баба-хана Абдуррахман уже успел переправиться через Аму-Дарью и остановился в одном из поселений округа Рустак. Там он и получил неблагоприятный для него ответ Мир Шахзаде Хасана³⁶. Абдуррахман, у которого было всего около 100 вооруженных всадников, мог оказаться в самом критическом положении — ему предстояло встретиться с конным войском бадахшанцев. Однако посланный против него Баба-хан, враждебно настроенный к Мир Шахзаде Хасану, принял сторону Абдуррахмана и с почетом, как гостя, проводил в Рустак. Абдуррахман умело использовал обстановку и ему удалось побудить Баба-хана выступить в поход против Мир Шахзаде Хасана. Вскоре отряд в 2 тыс. всадников и 1 тыс. пехотинцев под предводительством Баба-хана отправился из Рустака на Файзабад³⁷.

Столкновение между войсками соперничавших бадахшанских правителей произошло на берегу реки Кокча, у Алтун-Джилау. Мир Шахзаде Хасан был разбит и бежал в Читрал³⁸. Баба-хан захватил крепость Файзабад, с почетом принял прибывшего затем туда Абдуррахмана и оказал ему поддержку. В результате этих событий Абдуррахман сумел в начале 1880 г. добиться признания своей власти в Бадахшане и провести в Файзабаде подготовку к дальнейшим действиям.

В Афганском Туркестане соперником Абдуррахмана выступал генерал Гулам Хайдар-хан Вардак, претендовавший на престол Афганистана или, по меньшей мере, на управление северной частью страны в качестве государя. Он был связан с бухарским эмиром. Подчинив своей власти Мазари Шариф и ряд других городов Афганского Туркестана, Гулам Хайдар-хан предпринял поход на Каттаган, чтобы двинуться далее на Бадахшан и покончить с Абдуррахманом.

³⁵ *Тарихи Бадахшан*, 106-а — 106-б.

³⁶ См. там же; *Сирадж ат-таварих*, 363.

³⁷ *Сирадж ат-таварих*, 363.

³⁸ *Тарихи Бадахшан*, 107-б; ср. *Сирадж ат-таварих*, 364, где основной причиной падения власти Мир Шахзаде Хасана над Файзабадом и бегства его в Кашмир выступает деятельность Абдуррахмана, призывавшего бадахшанцев к священной войне за изгнание англичан.

Однако война между этими претендентами на афганский трон не успела развернуться. Войско Гулам Хайдар-хана перешло на сторону Абдуррахмана, который в марте 1880 г. овладел Тальканом и Кундузом. Вскоре его власть была признана во всем северном Афганистане. Гулам Хайдар-хан бежал в Бухару, где впоследствии был убит. Немалое значение для успехов Абдуррахмана в северной части страны имело то обстоятельство, что на севере у него были сторонники среди знати, помнившие его еще как местного правителя. Абдуррахман собрал довольно многочисленное войско, призывая людей под свои знамена обещаниями восстановить независимость Афганистана.

Однако он вел осторожную и выжидательную политику, старался избегать открытых столкновений с англичанами и даже начал с ними переговоры, рассчитывая на возможность использования их поддержки для утверждения на престоле.

Весной 1880 г. англичане опасались одновременного наступления на Кабул отрядов Абдуррахмана с севера и газнийских ополчений с юга, что могло поставить в самое критическое положение войска Робертса, расположенные в афганской столице и ее окрестностях. В Кабул был направлен с семитысячным отрядом генерал Дональд Стюарт, командовавший английскими войсками в Кандагаре. В конце марта, оставив часть войск в Кандагаре, он двинулся на Кабул, рассчитывая по пути грабежами и террором запугать и обескровить афганские племена, не желавшие примириться с господством завоевателей, а в районе Газни рассеять расположенные там главные силы афганских ополчений.

Как сообщается в «Сирадж ат-таварих», племена алихель, тараки и андари, узнав о продвижении английского войска, сжигавшего их укрепленные поселения и жилища, отправили своих жен и детей с пожитками в Зурмат, а затем вместе с отрядами вазиров, сулейман-хеля и других племен выступили против англичан³⁹. Несмотря на мужество и храбрость, они не смогли устоять перед натиском английских регулярных войск и потерпели поражение.

Оттеснив афганские ополчения и опустошив земли племен, лежавшие на пути следования его отряда, генерал Стюарт в конце апреля занял Газни, а 2 мая подошел к Кабулу. Хотя ему удалось нанести тяжелые потери афганцам, ликвидировать главные силы газнийских ополчений он не смог. Однако прибытие его отряда в Кабул значительно усилило английские оккупационные войска в столице Афганистана, увеличив их численность до 18 тыс.

Несмотря на это, уже в начале лета 1880 г. общая обста-

³⁹ *Сирадж ат-таварих*, 366.

новка в объятый пламенем народной войны стране стала весьма угрожающей для оккупантов. Из Афганистана в Индию поступали сведения о сборе в Газнийской области афганских ополчений численностью до 20 тыс. Передавали также, что Абдуррахман склонил их на свою сторону. Правивший в Герате Аюб-хан был настроен непримиримо к завоевателям и готовился к походу на Кандагар.

К этому времени руководителям английской политики пришлось убедиться, что расчленив Афганистан без дальнейшей затяжки войны не удастся. Осуществлению таких планов препятствовал ряд серьезных обстоятельств: в Индии ширилось недовольство афганской войной, в самой Англии развивалось движение за мир с Афганистаном, Россия противодействовала расчленению афганского государства, причем царской дипломатии удалось убедить шаха отказаться от предложения англичан занять Герат иранскими войсками⁴⁰. В такой обстановке правительство Гладстона видело в возможности возведения на престол в Кабуле Абдуррахмана самый приемлемый для себя путь к окончанию войны в Афганистане⁴¹. Руководители английской политики рассчитывали, что Абдуррахман сможет пойти на существенные уступки. Расчеты эти в значительной степени оправдались.

В результате переговоров англичане в июле 1880 г. признали Абдуррахмана эмиром Кабула, после чего передали ему столицу, оказали помощь вооружением и снаряжением, а в дальнейшем стали выплачивать крупную ежегодную субсидию. Абдуррахману удалось добиться согласия Англии на отмену предусмотренного Гандамакским договором требования о пребывании в Афганистане постоянного английского резидента с вооруженной охраной. Вместо такого резидента в Кабуле должен был находиться агент из индийских мусульман для связи Абдуррахмана с английскими властями в Индии. Это изменение означало отказ Англии от непосредственного вмешательства в управление страной.

Однако Абдуррахман был вынужден признать такие, весьма тяжелые для Афганистана, условия Гандамакского договора, как потеря права на самостоятельные дипломатические отношения с другими государствами (кроме Британской Индии) и согласиться на отторжение ряда афганских районов (Курам, Пишин и Сиби), а также признать установление английского контроля над Хайбарским и Мичнийским горными проходами⁴².

⁴⁰ См. Бабаходжаев, *Английская агрессивная политика в Афганистане*, стр. 243.

⁴¹ См. Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 128.

⁴² Уже во время переговоров с Абдуррахманом руководители английской политики заявляли, что Гандамакский договор они признают потеряв-

Обязательство Абдуррахмана вести дипломатические переговоры с другими государствами только через вице-короля Индии ставило внешнюю политику Афганистана под английский контроль. В целом условия, на которых Абдуррахман вступил в соглашение с англичанами, были очень тяжелыми для Афганистана. Эмир обязался обеспечить безопасное отступление английских оккупационных войск. Это развязало английскому командованию руки и дало ему возможность использовать наличные силы для операций против афганцев в Кандагарской области, где в июле против завоевателей сражался Аюб-хан, начавший поход на Кандагар из Герата, и развернулась народная война.

Попытка англичан отторгнуть Кандагар

Английское правительство намеревалось отторгнуть от Афганистана Кандагарскую область, выделив ее в «независимое владение» во главе со своим ставленником, сардаром Шер Али-ханом Кандагари. 11 мая 1880 г. в Кандагаре состоялась организованная английскими властями церемония присвоения ему звания «вали» Кандагарской области, объявленной самостоятельным государством. Разыгранный завоевателями грубый фарс вряд ли мог обмануть кого-либо. Фактически кандагарский правитель находился в полной зависимости от англичан, войско его было набрано на средства, выделенные британским казначейством, причем солдат обучали британские офицеры. Кандагарская область оставалась оккупированной войсками завоевателей.

Располагая сосредоточенными в Герате регулярными полками афганской армии и несколькими артиллерийскими батареями, Аюб-хан мог бы рассчитывать на успех, выступив против Абдуррахмана, когда тот появился в Афганском Туркестане и еще не успел собрать большого войска. Однако Аюб-хан не принес национальные интересы в жертву династическим и, предоставив Абдуррахману действовать беспрепятственно, тщательно подготовил свои войска и повел их на Кандагар, в бои за изгнание англичан из Афганистана.

шим силу, понимая, что правителю, полностью признавшему этот договор, вызвавший величайшее негодование в Афганистане, вряд ли удастся укрепить свою власть в стране. (См. Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 1427). Однако соглашаясь на аннулирование Гандамакского договора в целом, английская сторона стремилась заставить Абдуррахмана признать ряд тяжелых условий этого договора. Некоторые из таких условий в ходе переговоров с будущим эмиром ультимативно объявлялись англичанами не подлежащими обсуждению. В частности, это относилось к отторжению от Афганского государства районов Курам, Пишин и Сиби. (О землях племени тури, которые англичане также отторгли от Афганистана, см. Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 129, 130).

В конце мая 1880 г. британские власти в Кандагаре получили сведения о сосредоточении в лагере под Гератом готовых к походу войск Аюб-хана. В начале июня Шер Али-хан выехал из Кандагара в Гиришк, где стояли его войска, которые англичане при благоприятном для них ходе событий могли использовать в качестве заслона против наступающих на Герат сил Аюб-хана⁴³. Однако заслон оказался совершенно ненадежным.

К концу июня главные силы Аюб-хана подошли к Фарраху. В войске Шер Али-хана началось брожение; солдаты не желали сражаться на стороне англичан против своих братьев. Оказавшись перед угрозой перехода своих воинов на сторону Аюб-хана, кандагарский вали обратился к англичанам с просьбой о срочной помощи.

Английские власти в Индии сочли необходимым удовлетворить просьбу и направили навстречу Аюб-хану отряд, выделенный из оккупационных войск, находившихся в Кандагаре. Англичане опасались, что в случае, если английские войска ограничатся пассивным ожиданием в Кандагаре подхода сил Аюб-хана, то афганцы смогут, не задерживаясь около Кандагара, обойти его и предпринять наступление на Калати-Гильзаи и Газни. Возможность такого наступления рассматривалась тогда британскими властями в Индии как очень большая для них опасность и даже как угроза полного краха всех их политических и военных планов в Афганистане, связанных с поддержкой примирившегося с ними Абдурахмана⁴⁴.

Чтобы предотвратить эту возможность, в район Гиришка из Кандагара был направлен бригадный генерал Бэрроуз, под его командование из состава наличных в Кандагаре английских сил была выделена добрая половина. Общая численность бригады, выступившей в поход 4—5 июля 1880 г., превышала 2,6 тыс. Но артиллерии у Бэрроуза было немного — всего одна конная батарея из 6 орудий⁴⁵.

К 11 июля конница Бэрроуза подошла к р. Гильменду и остановилась лагерем на левом берегу (напротив Гиришка), куда прибыли затем и остальные силы англичан. Основная часть афганских войск Шер Али-хана Кандагари находилась на правом берегу Гильменда. Английское командование предполагало, что прибытие бригады Бэрроуза не только укрепит

⁴³ Численность находившихся в районе Гиришка афганских войск кандагарского правителя составляла 3 тыс. воинов (2 тыс. пехоты и 1 тыс. конницы) при 6 гладкоствольных пушках.

⁴⁴ См., например, Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, pp. 140, 141.

⁴⁵ Британское командование, привыкшее к абсолютному превосходству своей артиллерии в сражениях с афганцами, видимо, не хотело верить, что такое положение может измениться, хотя и должно было располагать сведениями о наличии довольно сильной артиллерии в войске Аюб-хана.

стойкость войск кандагарского марионеточного правителя, но сможет привести и к срыву наступления Аюб-хана.

Но Аюб-хан продолжал наступать. Население приветствовало его как избавителя от гнета иноземцев, ряды его войска пополнялись многочисленными добровольцами. Пехота Шер Али-хана Кандагари (около 2 тыс. человек), не повинувшись приказу о переходе на правый берег Гильменда, также направилась к Аюб-хану с намерением примкнуть к нему, захватив с собой пушки, боеприпасы и снаряжение. Бэрроуз срочно перебросил через Гильменд часть своих войск, они преследовали восставших афганцев, но не смогли помешать их присоединению к войскам Аюб-хана. Англичанам, правда, удалось захватить 6 пушек (в свое время подаренных британскими властями Шер Али-хану Кандагари), но боеприпасов к ним было мало.

Только отряд афганской конницы остался на первых порах верным кандагарскому правителю и выполнил приказ о переправе на левый берег Гильменда. Однако, сопроводив незадачливого правителя с его казной до английского лагеря, отряд этот затем распался, всадники самовольно покинули позиции и ускакали в направлении на Кандагар. Так в очень короткое время от наемного на английские деньги войска английского ставленника не осталось и следа: завоевателям не удалось заставить афганцев сражаться с афганцами.

В результате этих событий военная и политическая обстановка в Кандагарской области резко изменилась не в пользу англичан. Неблагоприятное соотношение сил побудило генерала Бэрроуза отступить из-под Гиришка в Кушки-Нахуд. Затем английский генерал, не имея сколько-нибудь точных сведений о движении войск Аюб-хана, решил опередить афганцев и занять селение Майванд, расположенное в 55 км от Кандагара,— он рассчитывал дать бой войскам Аюб-хана на заранее избранной позиции. Бэрроуз повел к Майванду свою бригаду, но опоздал: 26 июля ему стало известно, что в Майванд уже вступили афганцы. Точных сведений о передвижениях войск Аюб-хана англичане по-прежнему не имели, и в течение некоторого времени Бэрроуз, доверяя одному из полученных им сообщений, полагал, что Майванд занят только отрядом афганской конницы и газиями, и что главные силы регулярных войск Аюб-хана еще не успели туда подойти.

Битва при Майванде

Утром 27 июля, когда бригада Бэрроуза приближалась к Майванду, видимость была сильно ограничена густой мглой, что часто случается в летнее время в Кандагарской области.

Сквозь туман англичане сначала заметили слева большой отряд афганской конницы, а затем два афганских орудия в сопровождении группы всадников были установлены неподалеку от английской колонны и начали ее обстреливать. В это время (примерно в 11 часов утра) сквозь пелену поредевшего тумана прямо перед английскими рядами вдруг стала видна длинная линия желтого цвета ⁴⁶ — то были боевые ряды регулярных войск Аюб-хана и отрядов народных воинов-газиев. Аюб-хан, переправивший еще 20 июля войска через Гильменд у Гиришка и продолжавший наступление на Кандагар, успел до подхода англичан к Майванду сосредоточить около этого селения свои главные силы: в центре он расположил регулярную афганскую пехоту, на левом фланге поместил газиев, а на правом — конницу. К газиям, как видели англичане, присоединялось много местных жителей, главным образом из селения Майванд ⁴⁷.

27 июля 1880 г. произошло одно из самых прославленных сражений в истории освободительных войн Афганистана. Бой начался состязанием между афганской и английской артиллерией, продолжавшимся несколько часов. Афганцы в этой битве располагали большим превосходством в артиллерии и умело использовали его. У них было 30 пушек против 12 у англичан, причем артиллерия афганцев превосходила английскую не только количественно, но и по качеству, так как одна из батарей Аюб-хана состояла из шести нарезных орудий армстронговского образца. Эта батарея подавляла артиллерию Бэрроуза, поражая вражеские ряды более тяжелыми снарядами, чем те, которыми стреляли англичане. Аюб-хан сосредоточил свои пушки в центре и на правом фланге, что позволило афганской артиллерии вести одновременный и концентрированный огонь.

Используя свое преимущество в артиллерии, войска Аюб-хана успешно повели наступление. Регулярная пехота и отряды газиев подошли на близкое расстояние к вражеской позиции. Были подтянуты на расстояние 500 шагов от нее и две афганские пушки, проведенные скрытно благодаря непрекращавшемуся туману и использованию неровностей местности. После этого орудийный огонь с афганской стороны усилился и стал еще более действенным. Наступая, афганцы охватывали вражеское войско с флангов, их конница зашла англичанам в тыл.

Решающую атаку начали газии, которые, передвигаясь по глубокому оврагу, примыкавшему к позиции англичан, подошли вплотную и с беззаветной храбростью напали на врагов.

⁴⁶ Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 716.

⁴⁷ Там же, стр. 718.

Они окружили английские орудия, находившиеся немного впереди пехоты, захватили два из них, а также опрокинули две роты сипаев, занимавших левый фланг пехоты Бэрроуза. В начатой ударом газиев атаке приняли участие кабульские и гератские батальоны пехоты Аюб-хана. В результате кровопролитных схваток пехота Бэрроуза была расколота на несколько частей и сбита с позиций.

Бэрроуз пытался облегчить положение своей пехоты контратакой конницы, но из этого ничего не вышло (полк английской регулярной кавалерии не выполнил приказа об атаке). Пехота Бэрроуза начала отступление, сопровождавшееся большими потерями. Отдельные группы отступавших, в особенности из состава 66-го английского полка, оказывали ожесточенное сопротивление, но в целом отход разбитой бригады быстро превращался в беспорядочное бегство. Однако значительной части отступавших удалось избежать истребления благодаря прикрывавшему их огню английской артиллерии. Избежавшие гибели на поле боя солдаты и офицеры бригады Бэрроуза устремились к Кандагару через безводную степь, думая только о спасении своей жизни. Но спастись удалось далеко не всем, многие погибли на трудном пути от изнеможения и жажды. Добравшиеся до Кандагара укрылись за стенами города под защитой находившихся в нем английских войск.

Так закончилась битва при Майванде. Афганцы одержали в ней решительную победу, разгромив бригаду английских регулярных войск, взяли 2 знамени, захватили две пушки, боеприпасы и снаряжение. Англичане потеряли только убитыми не менее 800 человек, а вместе с ранеными и пропавшими без вести их потери доходили до $\frac{3}{5}$ всего состава бригады, выведенного на поле боя утром 27 июля.

Но и афганцам победа стоила больших жертв. По сведениям, приведенным в «Сирадж ат-таварих», в битве при Майванде было убито 500 и ранено 800 человек⁴⁸. Победа в этой битве рассматривается в Афганистане как символ успешных усилий армии и народа в многолетней борьбе за независимость отечества. Потомки, отдавая должное историческому значению битвы, свято чтут память павших героев. «Памятником неизвестному солдату» называют в афганской столице монумент в честь победы при Майванде, установленный в Кабуле в июне 1958 г. На мраморной плите, прикрепленной к основанию монумента, высечено двустилие:

Если не погибнешь ты в Майванде,
Клянусь, позор тебя не минует, любимый!⁴⁹

⁴⁸ «Сирадж ат-таварих», 376.

⁴⁹ Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*, стр. 22.

Сохранилось предание, что автором этого двустушия была Малала, семнадцатилетняя героиня, участница Майвандского сражения. В критический момент боя, когда силы афганских ополчений были поколеблены, она взяла знамя и обратилась к бойцам с этим, вошедшим в историю, двустушием («ландый»)⁵⁰. Воодушевленные призывом отважной девушки, афганские воины поднялись из укрытий и пошли в решающую атаку на врагов. Это двустушие и впоследствии много раз вдохновляло афганских воинов, сражавшихся за свою свободу против английских завоевателей⁵¹.

Сражение при Майванде воспето афганским народом во многих героических песнях; об этом сражении и ныне слагаются песни и стихи, память о нем вдохновляет поэтов и писателей, обращающихся к историко-патриотическим темам⁵².

Кабульский монумент в честь победы при Майванде находится на площади, образованной пересечением двух улиц: одна из них названа Майвандской, а другая носит имя Надир-хан, связанное с событиями борьбы за независимость страны, происходившими в новейшее время. Памятники в честь славной победы, одержанной афганцами 27 июля 1880 г., установлены также в Кандагаре и у места сражения — в Майванде.

Битва при Майванде показала, что афганцы могут успешно сражаться в открытом бою с соединениями регулярных войск англичан⁵³. Опыт этой битвы свидетельствовал о том, что к важнейшим условиям успеха афганских войск в борьбе с таким хорошо вооруженным противником, как армия английских колонизаторов, относятся: 1) сочетание действий афганских регулярных частей с ополчениями племен и народными отрядами добровольцев; 2) наличие современной артиллерии. Много позднее, в 1919 г., когда генерал Мухаммед Надир-хан, наступая на газнийско-хостинском фронте, вышел к Талу, перебросив туда через горы артиллерию, удачно состязавшуюся с английской, успех его продвижения также во многом зависел от взаимодействия регулярных частей афганской армии с ополчениями племен⁵⁴.

⁵⁰ Там же, стр. 23. «Ландый» (в букв. переводе «коротышка») — жанр афганского фольклора.

⁵¹ См. там же.

⁵² См. Гирс, *Современная художественная проза*.

⁵³ Как справедливо отмечается в афганской военной печати, битва при Майванде служит лучшим опровержением высказываний английских авторитетов по колониальным войнам, утверждавших, что афганцы могли воевать только партизанскими методами, но были не способны противостоять английским регулярным войскам в открытом бою (см. سډنی اچ ټنډه، بالټ، محاربه میوند، مترجمش عبد الرحیم ارسالا کند کمشر خریطه، «د اردو و مجله»، کابل، ۲۳ جولائی ۱۹۵۸، ص ۶۷).

⁵⁴ Об этом см. ниже, гл. X.

Результаты победы афганцев при Майване трудно переоценить. В английских сообщениях того времени разгром бригады Бэрроуза характеризовался как «катастрофа в Южном Афганистане»⁵⁵. Известия о поражении английских завоевателей очень быстро распространились в Афганистане и в соседних странах, вызывая особенно живой отклик среди порабощенных народов Индии и побуждая их к выступлениям против колониального гнета. Битва при Майване сыграла большую роль в срыве английских планов отторжения Кандагара, хотя последовавшие за ней военные действия в Кандагарской области были для Аюб-хана неудачными. Ему пришлось вести борьбу со свежими войсками, срочно переброшенными в эту область английским командованием с целью восстановить положение и взять реванш.

После сражения при Майване Аюб-хан подвел свои войска к Кандагару. Англичане, убедившись в непримиримо враждебном отношении к ним афганцев, выселили афганское население из Кандагара и приняли срочные меры для организации обороны. Аюб-хан начал осаду города. Между тем английское командование сразу же после майвандского разгрома направило в Кандагарскую область свежие войска. Урегулирование отношений с Абдурахманом дало английскому командованию возможность послать на выручку осажденным в Кандагаре крупные силы из Кабула. 8 августа 1880 г. оттуда выступили английские войска, возглавленные генералом Ф. Робертсом. Общая их численность превышала 10 тыс. человек. Они двигались быстро и в конце августа, подойдя к Кандагару, вступили в бой с войсками Аюб-хана.

К этому времени афганские войска были слабее, чем перед битвой при Майване, в которой, как отмечалось выше, они понесли значительные потери. Численность войска Аюб-хана пополнилась только плохо вооруженными ополчениями дуранийских племен и другими нерегулярными отрядами. Несмотря на весьма неблагоприятное соотношение сил, афганцы не уклонились от боя. Они сражались с большим мужеством, однако потерпели поражение и должны были отступить. При отходе афганцам пришлось оставить свои пушки, но они сумели вывести основную часть войска.

Сохранив живую силу, Аюб-хан привел свои полки в Герат. Народ встречал его как победителя англичан. Последние его неудачи уже в глазах современников отступали на задний план, вскоре память о них стерлась; блестящий успех в битве при Майване заслонил все остальное.

⁵⁵ См. Соболев, *Из истории восточного вопроса*, стр. 706.

Конец войны. Распространение власти Абдуррахмана на весь Афганистан

Английские правящие круги и после соглашения с Абдуррахманом не отказались от намерения отторгнуть Кандагар. Однако они полностью разочаровались в своем пособнике Шер Али-хане. 15 декабря 1880 г. он по приказу англичан выехал в Индию. Но попытки английских завоевателей утвердить в неприкрытой форме свою власть над Кандагаром также завершились неудачей. В апреле 1881 г., убедившись в непрочности положения оккупационных войск в Кандагаре, англичане вывели их из этого города и передали его представителям Абдуррахмана.

К середине 1881 г. все находившиеся в Афганистане войска англичан были выведены в Индию. Вторая англо-афганская война закончилась. Английские завоеватели должны были признать, что все их усилия, направленные на превращение Афганистана в колонию, к цели не привели. Только соглашение с Абдуррахманом дало им возможность более или менее удовлетворительного окончания бесперспективной для них войны.

Завершая урегулирование своих отношений с Абдуррахманом, англичане оказались вынужденными пойти на некоторые уступки: они отказались от получения контрибуции, наложенной генералом Робертсом на жителей Кабула за убийство Каваньяри, и т. д. От англичан новый эмир получил то, в чем он более всего нуждался для укрепления своей власти и обеспечения успеха в предстоящей борьбе с Аюб-ханом, — деньги и оружие.

В июне 1881 г. Аюб-хан, предъявивший притязания на престол как преемник Якуб-хана, появился со своим войском в Кандагарской области. Навстречу ему Абдуррахман послал отряды во главе с Гулам Хайдар-ханом и Кази Саад ад-Динном. Аюб-хан разбил их 20 июля в битве около Гиришка и в конце июля занял Кандагар. Население Кандагарской области приветствовало его как прославленного борца против англичан. Ему было оказано содействие со стороны влиятельных в Кандагаре духовных лиц. Муллы провозглашали Аюб-хана «гази» (воителем за веру), а Абдуррахмана обвиняли в дружественных отношениях с англичанами, призывая к священной войне против него.

Ахундзаде Абдуррахим-хан Какари и мулла Ахад Попользай (находившиеся в Кандагаре духовные лица) издали фетву, в которой Абдуррахман объявлялся отлученным от веры за то, что он был провозглашен эмиром англичанами ⁵⁶.

⁵⁶ *Сирадж ат-таварих*, 381.

Абдуррахман, действуя со свойственной ему энергией, быстро собрал наличные силы, хорошо подготовился к походу и выступил на Кандагар. Решающее сражение, происшедшее у стен этого города 22 сентября 1881 г., было очень упорным. В течение двух часов после начала боя ни одна из сторон не добила сколько-нибудь значительного перевеса. Затем Абдуррахману удалось, лично побуждая своих воинов к атакам, несколько продвинуться в центре. Исход битвы этим еще не был решен, но в самый критический момент ряды стойко оборонявшихся воинов Аюб-хана были обстреляны с тыла. Ему изменили четыре полка, которые в прошлом находились в составе войска Абдуррахмана; в июле 1881 г. примкнули к Аюб-хану; а теперь решили принять сторону, которую они посчитали более сильной. В рядах воинов Аюб-хана возникло замешательство, они дрогнули и вскоре были разбиты. Оставив пушки и снаряжение, Аюб-хан с остатками своего войска бежал в направлении на Герат.

Абдуррахман вступил в Кандагар и на продолжительное время остался в этом городе, принимая меры к упрочению своей власти в Кандагарской области. Здесь, как и в других частях Афганистана, он при помощи тайных агентов выявлял настроения людей, жестоко карал представлявшихся ему наиболее опасными. Многие знатные семьи были изгнаны из страны. Среди казненных Абдуррахманом были Ахундзаде Абдуррахим-хан Какари и мулла Ахад Попользай⁵⁷.

Еще когда Аюб-хан только начинал поход на Кандагар, Абдуррахман поручил Абдул Куддус-хану организовать и возглавить наступление на Герат с целью отвлечь внимание и силы Аюб-хана, а в конечном счете — захватить гератское владение. Абдул Куддус-хан, не располагая достаточными силами, пытался привлечь к участию в предпринятых им действиях отряды хазарейцев и других племен, населявших земли, расположенные к востоку и юго-востоку от Герата. Вследствие ряда затруднений (в частности, ненадежности отрядов хазарейских ханов) Абдул Куддус-хан долго не мог добиться решающего успеха, но нажим его на Герат ко времени поражения Аюб-хана у стен Кандагара усилился, а известия об этом событии привели в замешательство гератских сановников и военачальников. Родственники Аюб-хана бежали из Герата, а Абдул Куддус-хан воспользовался благоприятной обстановкой и в начале октября 1881 г. овладел городом⁵⁸.

⁵⁷ Там же, 382.

⁵⁸ Согласно *Сирадж ат-таварих* (382), Абдул Куддус-хан вступил в Герат 8 октября 1881 г., о чем послал письменное донесение Абдуррахману, находившемуся тогда в Кандагаре. Абдул Куддус-хану не пришлось затратить много усилий на взятие Герата, так как выведенные навстречу его армии гератские войска не стали сражаться, а перешли на его сторону, оставив город беззащитным.

Герат в XIX в. был известен как хорошо укрепленный город с сильной для своего времени цитаделью (табл. 13). Распространив свою власть на этот город и важную в стратегическом и экономическом отношении Гератскую область, Абдурахман в основном завершил объединение Афганистана в нынешних его границах ⁵⁹.

Аюб-хан после поражения под Кандагаром и перехода Герата в руки Абдурахмана выехал в Иран. Еще в период прихода к власти в Кабуле Абдурахман получил (в конце июля 1880 г.) признание законности своего воцарения от престарелого муллы Мушк-и Алама, что сыграло тогда немаловажную роль в упрочении нового эмира на престоле. Однако в дальнейшем, распространяя свою власть на всю страну, Абдурахман разбил партизанские отряды, казнил многих руководителей народной войны, сражавшихся прежде против англичан, а потом выступивших против примирившегося с врагами эмира. Были казнены и некоторые духовные лица, выступавшие против Абдурахмана, в частности, представители кандагарского духовенства, активно поддерживавшие Аюб-хана.

Стремясь обезопасить свою власть от попыток захвата ее потомками эмира Шер Али-хана, Абдурахман выслал за границу многих сочувствовавших им людей из знатных родов Афганистана. Назначив правителями областей преданных своих сторонников, находившихся под постоянным его контролем, и наводнив страну тайными агентами, Абдурахман начал борьбу за централизацию афганского государства, ставшую главной целью его внутренней политики.

Во внешней политике Абдурахман, объединив афганское государство, стремился обеспечить его самостоятельное существование путем использования англо-русских противоречий и с самого начала своего правления показал себя осторожным и предусмотрительным дипломатом. Он старался избегать поводов для конфликтов с Россией из-за среднеазиатских дел, что видно, в частности, по его отношению к письму хивинского хана, в котором содержалась просьба о военной помощи против русских, а также из отрицательного ответа на петицию туркменского предводителя Махтум-Кули о присоединении Мерва к Афганистану ⁶⁰.

⁵⁹ Небольшое узбекское ханство Меймене в Афганском Туркестане было подчинено Абдурахманом несколькими годами позднее. Ряд походов потребовался ему для установления фактической власти над Хазараджатом. В годы его правления был завоеван также Кафиристан (ныне Нуристан), о чем см. ниже, гл. VIII.

⁶⁰ *Сирадж ат-таварих*, 383, 384, 388.

Глава VIII

ПРАВЛЕНИЕ ЭМИРА АБДУРРАХМАНА И ПРЕВРАЩЕНИЕ АФГАНИСТАНА В «ЗАКРЫТУЮ СТРАНУ»

Войны 1838—1842 и 1878—1880 гг. стоили Афганистану больших жертв и сопровождались разрушением производительных сил; последствия их для бедной и малонаселенной страны были очень тяжелы. Сильно пострадали города (особенно Кабул), ремесла и торговля, важнейшие земледельческие оазисы. Многие афганские племена, вынесшие на своих плечах тяжесть неравной борьбы, понесли тяжелые потери.

К 1878 г. еще не все последствия первой войны были изжиты, а чтобы залечить раны и восстановить разрушения, причиненные второй англо-афганской войной, опять требовались долгие годы. Между тем дальнейшее историческое развитие Афганистана происходило в чрезвычайно трудных условиях. Оно сковывалось политическим и экономическим гнетом британского колониализма, удерживавшего Афганистан в состоянии изоляции от внешнего мира.

Из Англии и колониальной Индии в Афганистан ввозились дешевые фабричные изделия, причем афганское сырье закупалось на значительно меньшие суммы. В связи с этим торговый баланс с Британской Индией в годы правления Абдурахмана был почти все время пассивным для Афганистана¹.

Рост торговли Британской Индии с Афганистаном был ограничен таможенной политикой Абдурахмана, значительно увеличившего пошлины². Но проводившиеся Абдурахманом защитные тарифные мероприятия не могли существенным образом изменить неблагоприятного для хозяйства Афганистана характера внешней торговли, хотя покровительство этого эмира национальным ремеслам и торговле и давало известные результаты.

Русско-афганская торговля также имела колониальный характер, хотя и была для Афганистана относительно более выгодной благодаря активному балансу. Однако принятые Абдурахманом в связи с политическими трениями в середи-

¹ См. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 10, табл. 2.

² Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк*, стр. 109.

не 90-х годов ограничения торговли с Россией вызвали задержку в росте товарооборота в последние годы XIX в.³

Несомненно, что в Афганистане, как и в других странах феодального Востока, взвоз промышленных товаров пагубно отражался на состоянии многих отраслей местного ремесленного производства и являлся одной из причин, препятствовавших развитию своей промышленности. Постепенное превращение Афганистана в аграрно-сырьевой придаток мирового капиталистического рынка происходило при сохранении изоляции страны от внешнего мира. Поэтому развитие национальной экономики и культуры у афганцев было особенно сильно затруднено. Они были лишены возможности знакомиться с достижениями современной науки и техники и использовать их. Стремясь удержать Афганистан в положении зависимой страны и не допустить усиления влияния на него соперничавших держав, английский империализм всячески препятствовал хозяйственным и культурным связям афганцев с другими народами и государствами.

Со своей стороны и сам эмир придерживался навязанной Афганистану политики изоляции от внешнего мира. При этом, вероятно, им руководило не только желание охранить «запретную страну» от враждебных внешних сил, но и опасения проникновения в феодальное государство свежих веяний, которые могли бы поколебать его деспотический режим. Нет оснований думать, что Абдурахман считал себя во всех отношениях связанным по рукам и ногам обязательством не иметь дипломатических связей с другими государствами, кроме как через правительство Британской Индии. Это обязательство и юридически не распространялось на торговлю. Абдурахман мог, если бы хотел, разрешать въезд в страну частным лицам по торговым делам. Об этом свидетельствуют факты посещения Афганистана в 1889 и 1890 гг. группой русских купцов во главе с Засыпкиным, побывавших в «запретной стране» несколько раз⁴.

Европейцам доступ в Афганистан был строго запрещен именно самим эмиром. Исключение составляли несколько английских специалистов (инженеров, оружейных мастеров, врачей), находившихся у него на службе. Однако, приглашая

³ После русско-афганских столкновений из-за Памира (1892 г.) Абдурахман не допускал в Афганистан русских купцов и запретил афганским купцам ездить в Россию. В ответ на постройку Кушкинской железнодорожной ветки эмир приказал перекопать дорогу из Герата на Кушку. Эти ограничения временно приостановили развитие афгано-русской торговли. В 1893 г. ее оборот составлял 3 млн. руб., а в 1900 г. — 3015 тыс. руб. (см. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 14).

⁴ При этом, если верить сообщению газеты «Туркестанские ведомости», приезд Засыпкина в Афганистан вызвал протесты Англии, которые, однако были решительно отклонены Абдурахманом (см. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 14, прим. 24).

необходимых ему специалистов, он не отступал от своего принципа держать страну на замке, сводя число приглашенных к минимуму.

Подданным эмира за выезд за пределы Афганистана без специального пропускного свидетельства («рахдари») грозила смертная казнь. В случае невозвращения из заграничной поездки родственников эмигранта сажали в тюрьму, а одного из них, считавшегося заложником, казнили. Внутри страны Абдуррахман также стремился поставить передвижение своих подданных под контроль полиции⁵.

Эмир запретил своим подданным пользоваться железной дорогой, проложенной англичанами от Кветты к афганской границе, и категорически воспротивился британским планам постройки железной дороги в самом Афганистане. Пребывавший в Кабуле для связи между эмиром и вице-королем Индии политический агент из индийских мусульман находился под неусыпным наблюдением афганской полиции. Своих подданных, замеченных в знакомстве с этим агентом, Абдуррахман немедленно сажал в тюрьму.

Внутренняя политика Абдуррахмана

Политика изоляции, которую проводил Абдуррахман, была в значительной степени вызвана опасением усиления британского влияния внутри страны. И эти опасения имели основание. Англичане неоднократно подстрекали к восстаниям против эмира недовольных ханов, которых в афганском государстве было немало. Стремясь политически объединить Афганистан и укрепить центральную власть, Абдуррахман с самого начала своего царствования повел борьбу с феодальным сепаратизмом. Борьба была трудной.

В первые годы его правления феодальные заговоры и мятежи создавали весьма напряженную обстановку. На случай бегства от внезапного нападения эмир постоянно держал наготове оседланного коня и мешок золота.

В конце концов он сумел сломить многих крупнейших феодалов, создал административно-полицейский аппарат, обеспечивший более регулярное поступление налогов в казну, и организовал систему тайной осведомительной службы⁶. Стремясь подчинить своему контролю мулл, эмир назначил им постоянное денежное жалованье.

⁵ См. Гамильтон, *Афганистан*, стр. 127. Эти мероприятия Абдуррахмана не касались кочевников и были малоэффективными в отношении населения пограничных районов.

⁶ Абдуррахман обзавелся многочисленными агентами-соглядатаями; доносившими о положении в стране лично ему. Донесения своих военачальников эмир проверял по докладом тайных осведомителей, сообщавших ему подробности о военных действиях.

Самыми суровыми мерами Абдуррахман добился безопасности на караванных путях, предавая пойманных разбойников мучительной казни: преступников сажали в железные клетки, в которых они медленно умирали от голода и жажды, такие клетки подолгу висели для всеобщего устрашения на придорожных столбах. Вообще наказания преступивших эмирский закон и послушников его воли отличались исключительной жестокостью. пытки и массовые казни применялись и должностными лицами эмира с целью навести ужас на непокорных⁷.

Абдуррахман пытался ввести единую для всего Афганистана монетную систему и унифицировать меры веса и длины. Единицей монетной системы была объявлена рупия, составлявшая десять «шахи». Через несколько лет после восшествия на престол Абдуррахман построил в Кабуле монетный двор, на котором машинным способом чеканились серебряные и медные деньги⁸. Наряду с обеспечением безопасности торговли эти мероприятия Абдуррахмана были выгодны для купечества и для связанных с торговлей феодалов.

В целом же внутренняя политика Абдуррахмана, направленная на укрепление эмирской власти, отражала прежде всего интересы той части класса феодалов, которая (в отличие от ханов племен, опиравшихся на силу отрядов возглавляемых ими родо-племенных подразделений) нуждалась в крепком централизованном государстве с аппаратом насилия и принуждения для обеспечения господства над эксплуатируемым крестьянством⁹. Все неафганское и большая часть афганского крестьянства являлись податным сословием, которое облагалось государственным поземельным налогом, взимавшимся преимущественно натурой, а сверх того уплачивало налог со скота и другие многочисленные сборы. Наиболее тяжелым было положение неафганского крестьянства покоренных эмирскими войсками областей левобережья Аму-Дарьи, Хазараджата и т. д.

Многие афганские племена, особенно кочевые или полукочевые, сохраняли разного рода привилегии и были освобождены, полностью или частично, от уплаты государственных податей. Некоторые из них пользовались налоговыми льготами за службу эмиру (охрану путей сообщения и т. д.).

⁷ Так, за набег туркмен, угнавших несколько отар овец, правитель Андохя соорудил «минарет» из 150 голов убитых участников набега (см. *Сирадж ат-таварих*, 418).

⁸ См. Гамильтон, *Афганистан*, стр. 132, 133. Попытки Абдуррахмана унифицировать денежную систему не привели, однако, к сколько-нибудь прочным результатам.

⁹ К этой части феодалов относились преимущественно военачальники, придворные, чиновники и т. п., владевшие землями, пожалованными афганскими государями им или их предкам за службу.

Абдуррахман не смог окончательно подорвать авторитет и влияние аристократии афганских племен. Хотя они оставались носителями феодального сепаратизма, эмир в ряде случаев должен был считаться с их экономическими и политическими интересами (оставлял в их руках сбор налогов и т. п.), что серьезно ограничивало значение проведенных им централизаторских мероприятий.

Из этого вовсе не следует, что Абдуррахман боялся трогать афганские племена и их ханов. Отдавая себе полный отчет не только в силе своей власти, но и в значении дуранийских и других афганских племен в стране, он прибегал к грубому принуждению в отношении их сравнительно редко, только при проведении мероприятий, имеющих важное государственное значение. Так, в 1885/86 г., вскоре после установления границы с Россией на северо-западных окраинах государства, эмир решил усилить пограничные районы путем переселения в них дурани из Кандагарской области. Начиная это мероприятие, открывшее один из первых этапов переселенческой политики правителей Афганистана, Абдуррахман обратился к племенам с воззванием, в котором говорилось, что эмир уже семь лет помышляет о том, чтобы «ради блага и пользы своих народов» заселить людьми своего племени примыкающие к Герату Мургаб и Бадгис. Далее в воззвании говорилось о землях Бадгиса и о территориях, «находящихся за водами реки Мургаба», как о хороших пастбищах для скота и прекрасных местностях «для жизни человеческой, которые были отделены, при установлении границы, от областей, захваченных Российским государством»¹⁰. После характеристики предназначенных для переселения земель объявлялось, что «кочевники-скотоводы, живущие за рекою Кандагарской», должны отправиться на эти земли и поселиться там. Переселенцам была обещана от государства помощь: волы, семена, деньги «на путевые расходы и для найма перевозочных средств»¹¹.

Воззвание это, однако, не оказало желаемого действия, и тогда ко двору в Кабул был вызван Таджу-хан из племени исхакзаев, который после переговоров с Абдуррахманом обязался вывести людей в назначенные местности¹².

¹⁰ *Сирадж ат-таварих*, 511.

¹¹ В порядке возмещения за это «вспомоществование» переселенцам предстояло уплачивать ежегодные взносы, уплата эта должна была начаться с третьего года после переселения, а взимание податей, отложенное до начала четвертого года, должно было производиться «по указанию правительственных чиновников, по одной четверти доходов с неполивных посевов и по одной десятой — с орошаемых» (*Сирадж ат-таварих*, 511).

¹² Он получил от эмира инструкцию сначала явиться к правителю Кандагара и пригласить туда именитых людей каждого племени, чтобы склонить их переселяться, а если кто-нибудь откажется, донести обслушниках эмиру. В то же время правителям Кандагара и Фараха было послано

Таджу-хану удалось направить в Бадгис 1363 семейства. Переселенцы прибыли в Герат, а оттуда двинулись дальше в сопровождении военной охраны. Однако вскоре они подняли восстание и повернули обратно¹³. Лишь после приказа Абдурахмана схватить и наказать руководителей восстания эмирские власти сумели возвратить ушедших и расселить их в Бадгисе.

В положении афганских племен при Абдурахмане происходили некоторые существенные изменения. Одним из показателей этих изменений, происходивших в конце XIX в. и затрагивавших быт афганских племен, было падение роли кочевников-торговцев «повинда» в транзите товаров, подорванной в результате постройки английскими колониальными властями железных дорог к Хайбарскому и Боланскому горным проходам. Основные перевозки грузов стали совершаться по этим путям, а Гомальский горный проход, использовавшийся купеческими караванами повинда, терял свое прежнее значение¹⁴.

В это время в Афганистане в торговлю втягивалась часть афганских феодалов во главе с самим эмиром. Для афганских феодалов открывался новый источник обогащения, был «нанесен тяжелый удар идеологическим пережиткам, мешавшим феодально-племенной аристократии, не связанной с повинда, заниматься торговлей»¹⁵. Абдурахман монополизировал торговлю многими важнейшими экспортными и импортными товарами; значительная часть внешнеторгового оборота страны оказалась в его руках, что существенно увеличило доходы казны.

После прихода к власти Абдурахман монополизировал торговлю каракулем, а затем ввел ряд других экспортно-импортных монополий и стал крупнейшим купцом в государстве. Скупка каракулевых шкур в Афганистане была возложена на государственных чиновников¹⁶. Экспорт их в Европу осуществлялся через Россию¹⁷. В конце XIX в. вывоз афганского

повеление эмира об оказании ими содействия Таджу-хану, а главам племен объявлено, что в случае, если они не пожелают переселиться по указанию Таджу-хана в Бадгис или Мургаб, то их отправят туда насильно.

¹³ О причинах, вызвавших восстание переселенцев, в «Сирадж ат-таварих» не сообщается.

¹⁴ Упадку транзитной торговли через Афганистан между Средней Азией и Индией способствовало введение Абдурахманом высоких пошлин на транзитные товары. На состояние транзитной караванной торговли отрицательно повлияло также включение в 1894 г. Бухарского и Хивинского ханств в таможенную территорию России, что сопровождалось установлением царскими властями запретительных пошлин по афганской границе на основные англо-индийские товары.

¹⁵ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 149.

¹⁶ *Сирадж ат-таварих*, 1098.

¹⁷ Абдурахман пытался вывозить каракуль, минуя территорию Рос-

каракуля в Россию определялся в среднем в 80 тыс. шкурок в год¹⁸. Придавая особое значение этой выгодной монополии, Абдуррахман с большой настойчивостью вел борьбу с ее нарушителями, разбирая лично даже сравнительно мелкие инциденты, происходившие на русско-афганской границе¹⁹. Афганские подданные, уличенные в нарушении монополии на каракуль, карались шестью месяцами тюремного заключения с конфискацией имущества²⁰.

Торговлю товарами, объявленными эмирской монополией, Абдуррахман осуществлял через своих агентов или через лиц, получавших соответствующие права от этих агентов, причем в соседних странах эмир имел неофициальных представителей, которые вели его торговые дела. Коммерческая деятельность Абдуррахмана не ограничивалась оптовыми операциями, он имел свои собственные лавки на кабульском базаре²¹. В торговых делах участвовали и члены семьи эмира, а также его придворные, нередко действовавшие через подставных лиц.

Выступая как крупнейший купец в государстве, Абдуррахман вместе с тем проводил ряд мероприятий с целью поощрить участие афганского купечества во внешней торговле и ограничить преобладание в ней иностранцев. Излагая свои взгляды на хозяйство, Абдуррахман отмечал, что раньше в Афганистане торговля была невелика и находилась в руках индусов и индийских мусульман, вследствие чего «страна только беднела, потому что все барыши чужестранные торговцы отсылали к себе домой». Эмир писал: «Я же поощрил моих подданных взяться самим за торговлю и для этой цели ссудил им деньги из государственного казначейства, не налагая никаких процентов на капитал»²².

Политика Абдуррахмана способствовала некоторому увеличению роли афганского купечества в торговле страны. В конце XIX в. в источниках чаще начинают встречаться упоминания о деятельности афганских купцов в Герате²³. Л. К. Артамонов указывал, что «в Гератской провинции баракзаи встречаются по преимуществу как чиновники, офицеры и торговцы»; в другом месте он отмечал, что закупки товаров и расчеты афганских купцов в торговле между Гератом и Тахта-базаром велись большей частью за наличные деньги, вырученные ими за привезенное сырье, и что среди этих афган-

сии, однако предпринятая им в 1893 г. отправка крупной партии этого товара непосредственно в Лондон окончилась неудачей (см. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 112).

¹⁸ Ремез, *Внешняя торговля Бухары*, стр. 22.

¹⁹ См. *Сирадж ат-таварих*, 1152.

²⁰ Там же, 1197.

²¹ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 147.

²² Абдуррахман, *Автобиография*, т. II. стр. 97.

²³ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 149.

цев не было оптовых купцов²⁴. В целом, хотя к концу правления Абдуррахмана удельный вес афганского национального купеческого капитала по сравнению с общим объемом операций иностранных торговцев и компрадоров и оставался небольшим, значение национального капитала было уже таково, что «вопрос конкуренции иностранных торговцев вырос из экономического в политический»²⁵.

Однако афганская торговая буржуазия при Абдуррахмане самостоятельной политической роли в стране не играла и представители ее не допускались к государственному управлению. Центральное управление осуществлялось через созданные Абдуррахманом министерства: финансов, торговли (с подотделами транспорта и таможенных сборов), юстиции, общественных работ, полиции, государственной канцелярии и почты²⁶. Кроме того, имелись особые ведомства по делам образования и медицины²⁷.

Кабинета министров, как организованного целого с солидарной ответственностью, не существовало, каждое министерство вело текущую работу отдельно, либо под непосредственным руководством эмира, либо под контролем одного из членов династии.

Выступая в качестве главы ислама и верховного руководителя в делах веры не только мусульман Афганистана, но и Индии, Абдуррахман стремился сосредоточить в своих руках всю власть в государстве. Теоретически он был неограниченным монархом. В то же время при нем существовал (сохранившийся и впоследствии) совещательный орган с весьма неопределенными функциями, именовавшийся «верховным советом». В его состав входили назначавшиеся эмиром лица из числа его родственников и высших должностных лиц (министров или бывших наместников), а также ханы и сардары как «представители страны» и руководящие муллы столицы как представители религии²⁸.

Высшими должностными лицами на местах были эмирские наместники («наиб ал-хукуме»). В их обязанности входили сбор налогов и общее управление провинцией. Наместники были также военачальниками, в руках которых находилось

²⁴ Артамонов, *Гератская провинция*, стр. 75, 136.

²⁵ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 147.

²⁶ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 88.

²⁷ В организации медицинского обслуживания в Афганистане до завоевания независимости почти ничего не было сделано, народного здравоохранения в современном значении этого слова не существовало.

²⁸ Этот орган («дурбар») обычно созывался для заседания раз или два в год; собравшиеся заслушивали доклад правительства, одобряли его и расходились. Как правило, дело обходилось без всяких прений, хотя в принципе они, по-видимому, признавались допустимыми (см. Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 87).

командование расположенными на вверенных им территориях войсками и гарнизонами. Кроме наместника, в провинциях имелось еще несколько должностных лиц: «кафиле-баши» (чиновник министерства транспорта со своим военным отрядом и со штатом, ведавшим делами торговли, доходов, сборов и казначейством), «кази» (судья шариатского суда со своим штатом) и «котваль» (начальник полиции) ²⁹.

В силу особого положения полиции в государстве Абдурахмана котваль пользовался большой фактической властью над местным населением.

Внешняя политика Абдурахмана и англо-русское соперничество

В своей внешней политике Абдурахман умело использовал англо-русские противоречия, определявшие международное положение страны. Эмир любил образно сравнивать Афганистан с плавающим по озеру лебедем, которому с одного берега грозила опасность от рыжей собаки, а с другого — от белой. Под белой собакой подразумевалась царская Россия, а под рыжей — Англия.

Отвлекая внимание Абдурахмана от борьбы за пограничные с Индией области, населенные афганцами, и рассчитывая использовать Афганистан в случае войны с царской Россией, англичане побуждали эмира к расширению границ его владений на севере. Они поставляли Абдурахману оружие и снаряжение, помогли построить арсенал в Кабуле и увеличили денежную субсидию. Принимая эту помощь, эмир усилил армию. При дипломатической поддержке Англии он расширял путем завоевательных походов границы своих владений на севере, завершая покорение узбекских и таджикских ханств левобережья Аму-Дарьи и Припамирья. Однако эмир стремился блюсти свои собственные интересы и, хотя в ряде случаев шел на ухудшение отношений с Россией, отнюдь не собирался воевать с ней ради выгод Англии.

В 80-х годах резко обострились противоречия между царской Россией и Англией. Значительное влияние на складывавшуюся на Среднем Востоке ситуацию и на соотношение сил соперничавших колониальных держав оказывали два фактора: внутреннее положение в Индии и воссоздание единства афганского государства.

В январе 1881 г. царские войска взяли туркменскую крепость Геок-Тепе и овладели Ахал-Текинским оазисом. Следующим этапом продвижения царской России в Средней Азии

²⁹ Котваль также располагал своим штатом, в который входили его секретарь и чиновники, ведавшие подорожными, пропускными свидетельствами и т. п. (см. Гамильтон, *Афганистан*, стр. 130, 131).

должен был быть поход на Мерв. Однако немедленного похода на Мерв не последовало, так как царское правительство в неблагоприятной для него международной обстановке не пошло на конфликт с Англией. Британские дипломаты всячески пытались затруднить дальнейшее продвижение царских войск к Мерву³⁰.

В сложившейся обстановке у населения сравнительно небольшого Мервского оазиса не было реальных перспектив на сохранение самостоятельности. Среди туркменской знати Мерва возникло несколько группировок. Наряду с довольно сильной группой, придерживавшейся русской ориентации, выступали сторонники признания власти персидского шаха, некоторые надеялись на помощь англичан, наконец, небольшая группировка склонялась к принятию мало к чему обязывавшего подданства хану Хивы.

Отдельные мервские феодалы пытались обращаться и к эмиру Абдуррахману. В «Сирадж ат-таварих» приводится петиция, поступившая на «высочайшее имя» от Махтум-Кулихана мервского в 1881/82 г. Абдуррахман дал отрицательный ответ на содержащуюся в петиции просьбу о присоединении Мерва к Афганистану³¹. Об аргументации эмира, содержащейся в его письменном ответе на петицию, сообщается следующее: «до высочайшего слуха дошла петиция Махтум-Кулихана, главы Мерва, [с просьбой] о том, чтобы царственной милостью Мервский вилайет был бы присоединен к государству Афганистана. Его величество соблаговолил дать письменный ответ, что Мервский район находится слишком далеко от входящих ныне в состав Афганистана земель и что тамошним людям необходимо, соответственно обстоятельствам, сноситься с правительствами России или Ирана»³².

К концу 1883 г. в Мерве получила преобладание группировка местной знати, придерживавшаяся русской ориентации, и на состоявшемся 1 января 1884 г. «маслахате» (совещании), в котором приняли участие «родовые старшины», было решено принять русское подданство. Решение это отражало желания большинства населения оазиса, и в февралемарте 1884 г. в Мерве было введено русское управление, причем первым начальником округа был назначен Махтум-Кулихан, уже до этого поступивший на русскую службу и получивший офицерский чин.

Английское правительство, встревоженное присоединением Мервского оазиса к России, пыталось воспрепятствовать продвижению царских войск далее на юг — к Иолотану и Пендинскому оазису. Эти районы были тесно связаны с Мервом.

³⁰ См. «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 127, 128.

³¹ *Сирадж ат-таварих*, 388.

³² Там же.

Населявшие их туркменские племена сарыков экономически зависели от Мерва, ввозя оттуда хлеб. Этими причинами были вызваны просьбы сарыков Иолотана принять их в русское подданство³³. 21 апреля 1884 г. иолотанские сарыки приняли русское подданство; возник вопрос о присоединении к России Пендинского оазиса в целом.

Границы царской России подошли теперь вплотную к пределам владений афганского эмира на населенном туркменскими племенами участке от Аму-Дарьи до территории Ирана. На этом участке не существовало твердо установленных пограничных рубежей, что создавало почву для возникновения конфликтов между царской Россией и Афганистаном. Это использовали английские представители, прибывшие в Гератскую область для участия в работе англо-русской комиссии, созданной по договоренности (в мае 1884 г.) между царским правительством и правительством Англии. Задачей комиссии была демаркация афганско-русской границы. Английский персонал разграничительной комиссии в Гератской области состоял из офицеров генерального штаба с конвоем из нескольких сот пехотинцев и полка бенгальских улан. Английские офицеры приняли участие в руководстве фортификационными работами в Герате и немало потрудились над тем, чтобы ухудшить афгано-русские отношения, разжигая пограничные споры между афганскими и русскими должностными лицами.

Английские дипломаты и тайные агенты активно действовали среди туркменского населения в примыкающих к Мерву районах. Они всеми средствами старались создавать конфликты и вооруженные столкновения. В «Сирадж ат-таварих» при описании событий в Герате в 1885/86 г. приводится рассказ об обстоятельствах, связанных со взятием царскими войсками Серахса. Русское правительство решило покорить Серахс и начало готовить поход. Стюарт, заместитель английского посла в Иране, тайно отправился из округа Хаф в Серахс, чтобы собрать для своего правительства сведения о действительном положении дел. Однако прежде чем Стюарт успел туда приехать, русские уже заняли Серахс, и он, не достигнув цели, прибыл в Дёрегез. Сколько он ни уговаривал и ни побуждал местных туркмен к восстанию, успеха не добился и вернулся в Мешхед³⁴.

Одним из спорных районов на русско-афганской границе был Пендинский оазис. В официальной афганской версии хода событий в Пендинском оазисе утверждается, что эмир Абдуррахман предписывал афганским отрядам в случае приближения русских войск отойти без боя. Английский же генерал

³³ См. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 249.

³⁴ *Сирадж ат-таварих*, 422.

Лэмсден, советуя афганским властям уменьшить число расквартированных в Пендинском оазисе войск, одновременно побуждал их в случае наступления русских оказывать вооруженное сопротивление и даже выдал на сей счет письменный документ. Как сообщается в «Сирадж ат-таварих», гератский наместник и казий попросили у генерала Лэмсдена дать письменно гарантию, что в случае, если после уменьшения численности афганских войск русские начнут наступать, «Англия их будет сдерживать и отражать»³⁵. В ответ на это Лэмсден написал, что афганские пограничные начальники во время переговоров об определении границ должны сохранять спокойствие и, если русские не станут наступать, не искали бы поводов к войне. Но в случае наступления русских афганцам рекомендовалось «без стеснения и без промедления» вступить в бой³⁶.

Содержание письменного приказа Абдуррахмана, узнавшего о напряженном положении в районе Пендинского оазиса, находясь на пути в Пешавар, изложено в «Сирадж ат-таварих» следующим образом: «Если русское войско двинется на Пенде и под каким-либо предлогом начнет войну, то смотрите, чтобы афганское войско не приступало к обороне, а отступило, расположилось бы в Мургабе и там оставалось»³⁷.

Можно допустить, что в «Сирадж ат-таварих», составленном через несколько десятилетий после событий 1885 г., при их описании в какой-то мере сказалась тенденция представить Абдуррахмана еще более предусмотрительным, дальновидным и искусным политиком, чем он был на самом деле. Однако в целом афганская версия предыстории пендинского пограничного конфликта верно отражает действительность. Абдуррахман, используя напряженность англо-русских отношений, стремился при дипломатической поддержке Англии удержать за собою возможно больше спорных пограничных районов, в частности Пендинский оазис. Однако эмир пытался достигнуть этого, не доводя дела до вооруженного столкновения с Россией. Англичане же в вопросе о Пендинском оазисе провоцировали афганцев на конфликт.

В этот оазис был послан афганский отряд под командованием наиб-салара Тимур-шаха. Прибыв на место, Тимур-шах укрепился в Ак-тепе³⁸. Отряд первоначально состоял из

³⁵ Там же, 452.

³⁶ Там же.

³⁷ Обосновывая этот приказ, Абдуррахман писал, что война в районе Пенде для Афганистана невыгодна, и в случае если русские будут наступать, афганским войскам следует отойти от Мургаба к Меймене (там же, 454).

³⁸ Там же, 455.

100 всадников и 400 пехотинцев при двух орудиях, но затем его численность значительно увеличилась за счет подошедших подкреплений. В феврале 1885 г. в северной части Пендинского оазиса русские установили пост иолотанских сарыков неподалеку от моста Таш-Кепри через реку Кушка, а несколько позднее небольшой отряд полковника Алиханова получил приказ занять Таш-Кепри³⁹.

Полученное Алихановым от английских представителей письмо, содержавшее угрозу разрыва дипломатических отношений с Россией в случае занятия русскими Таш-Кепри, не остановило продвижения русских войск. В долину Мургаба были направлены две колонны: одна из Ашхабада, другая из Самарканда. В марте они соединились в мургабский отряд, которым командовал генерал Комаров.

Рано утром 30 марта 1885 г. между русскими и афганскими отрядами началось вооруженное столкновение у моста Таш-Кепри. Афганцы сражались храбро, но не могли устоять перед гораздо лучше вооруженным отрядом Комарова, значительно превосходившим их в артиллерии. Кроме того, афганским воинам было чрезвычайно трудно вести огонь из своих заряжавшихся с дула ружей, так как «порох во время засыпки в ружья вследствие сильного дождя смешивался с водой и превращался в тесто»⁴⁰.

Бой закончился поражением афганцев, которые понесли значительные потери и отступили. Русские их не преследовали. Находившийся в Пендинском оазисе (в Гульране) английский отряд разграничительной комиссии, «отойдя в сторону от поля боя, оставался [безучастным] зрителем».

События эти, как признают сами английские историки, нанесли тяжелый ущерб престижу британцев⁴¹. Среди местного туркменского и узбекского населения пограничных районов, а особенно в глазах афганцев, никогда и никому не прощающих малодушия, авторитет руководства английской комиссии был настолько подорван, что возглавлявший ее генерал Лэмсен счел необходимым уйти с этого поста. Вскоре Лэмсен был отозван, и руководство дальнейшей деятельностью английской части разграничительной комиссии было возложено на Риджвея.

Абдуррахман и афганские должностные лица были возмущены провокационной ролью английских представителей в пограничной комиссии. В дальнейшем эмир и его чиновники очень настороженно относились к участию англичан в разборе даже самых незначительных инцидентов, возникавших на

³⁹ Таш-Кепри — буквально «Каменный мост» (тюркское), известный также под названием «Пул-и Хишти» (иранск.) — «Кирпичный мост».

⁴⁰ *Сирадж ат-таварих*, 456.

⁴¹ См., например, Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 164.

афганско-русской границе. В «Сирадж ат-таварих» приводится несколько интересных примеров неблагоприятных действий английских арбитров.

Так, при изложении событий, связанных с приездом английского полковника Бэта в Герат, сообщается о переговорах его в 1892/93 г. с правителем Герата казием Саад ад-Дин-ханом. Целью этих переговоров было разрешение сравнительно незначительного спорного между Афганистаном и Россией пограничного вопроса. Как утверждается в «Сирадж ат-таварих», правитель Герата «по выражениям, мыслям и речам полковника Бэта» догадался, что тот желает, чтобы арыки и ручьи, находящиеся между Кара-Тепе и Чехель-Духтаран, были полностью засыпаны и изъяты из пользования, чтобы из-за этого между Афганистаном и Россией возник спор и обе стороны вступили бы в борьбу. Абдуррахман, узнав из донесения правителя Герата о намерениях полковника Бэта, прислал этому правителю такие указания:

«Полковник Бэт по злобе и из упрямства желает из-за небольшого количества воды и только что возделанной земли посорить государство Афганистана с русским государством. Разве вы не помните о военных столкновениях в Пенде, которые в 1302 г. (1885) произошли между войсками Афганистана и русскими, причем несмотря на договор и решение британского правительства о поддержке Афганистана в случае нападения других держав, оно помощи Афганскому государству не предоставило, хотя английская комиссия находилась (тогда) на границе Герата и в районе Пенде? Посему, будьте осторожны...»⁴².

В результате кризиса англо-русских отношений в 1885 г. возникла серьезная угроза войны между Англией и царской Россией. В. И. Ленин, характеризуя обстановку, сложившуюся вследствие англо-русского соперничества, писал: «1885: Россия на волосок от войны с Англией. Грабят («делят») Среднюю Азию (Россия и Англия)»⁴³. Гладстон потребовал кредита в 11 млн. ф. ст. (суммы, по тем временам очень большой) для приготовлений к войне и заявил, что продвижение русских войск к Герату будет рассматриваться английским правительством как «казус белли». Однако бряцавшее оружием английское правительство по многим причинам опасалось большой войны с Россией на Среднем Востоке.

⁴² Далее Абдуррахман разъяснял Саад ад-Дин-хану, что в связи с напряженным внутренним положением в Афганистане, вызванным затруднениями в карательном походе на хазарейцев, проводившемся эмирскими войсками, а также из-за отсутствия уверенности «в дружественной поддержке, которую мы до сего времени от Англии не видели, невзирая на договор о помощи», следует избегать опасности войны с Россией (*Сирадж ат-таварих*, 897).

⁴³ В. И. Ленин, *Тетради по империализму*, М., 1947, стр. 620.

В случае начала военных действий в Афганистане и в Средней Азии Англия рисковала остаться один на один в борьбе с Россией. При этом британские генералы не обольщались надеждами относительно прочности своего тыла в Индии. Угроза британскому владычеству над Индией, где обстановка оставалась весьма напряженной, была одной из важнейших причин, побуждавших английское правительство опасаться войны с Россией у ворот своей крупнейшей колонии. Положение в Афганистане отнюдь не давало британским генералам и дипломатам уверенности в том, в какую сторону будут стрелять ружья афганских воинов.

Правительство царской России не стремилось к войне против Англии и пошло на разрешение кризиса путем дипломатических переговоров. Оно отвело войска из некоторых занятых русскими войсками пограничных пунктов, но удержало за собой Пендинский оазис. Через некоторое время царское правительство заявило о включении Пендинского оазиса в состав Российской империи.

Дальнейшие попытки англичан разжечь конфликт Афганистана с Россией из-за Пендинского оазиса окончились неудачей, и пограничный бой при Таш-Кепри остался в истории афганско-русских отношений единственным сравнительно крупным вооруженным столкновением. Абдуррахман был осторожным политиком и не проявлял склонности таскать каштаны из огня для Англии, а также, что не менее важно, учитывал настроения афганского народа, ненавидевшего англичан, но не питавшего ненависти к русским, которых афганцы никогда не видели на своей земле в качестве завоевателей.

В официальных переговорах с вице-королем Индии Абдуррахман твердо отстаивал свое намерение пойти на уступку России в вопросе о Пендинском оазисе, чтобы избежать войны⁴⁴. Обосновывая свое решение, Абдуррахман ссылался не только на необходимость восьмилетнего срока для проведения фортификационных работ в северных пограничных областях своей страны и вообще на неподготовленность Афганистана в военном отношении к большому вооруженному конфликту с Россией, но также и на необходимость предварительно добиться того, чтобы «народ мой слушался бы меня и не относился бы беспечно к нынешнему положению»⁴⁵.

Во время дальнейшей работы английских и русских уполномоченных, завершившейся в 1887 г. соглашением «Афганское разграничение», эмир держался очень осторожно. Разгадывая маневры английских арбитров, он неоднократно пред-

⁴⁴ См. *Сирадж ат-таварих*, 460.

⁴⁵ Там же.

писывал своим должностным лицам делать от его имени заявления, способствующие установлению добрососедских отношений с Россией. Так, в рескрипте эмира казию Саад ад-Дин-хану (афганскому уполномоченному при решении спорного вопроса о районе Хам-Яб) Абдуррахман сообщал, что Риджвей получил письмо от вице-короля Индии, в котором говорилось, что представители русского правительства «лестью, соблазном и ласкою» склонили на свою сторону афганских чиновников. «Из письма вице-короля как будто явствует,— комментировал это утверждение Абдуррахман,— что дружественное обхождение русских с афганскими чиновниками и их встречи неприятны англичанам, они протестуют и, видимо, не хотят, чтобы другие державы относились с уважением к Афганистану».

Далее эмир предлагал своему уполномоченному действовать сообразно обстоятельствам, иметь всегда под рукой содержание эмирских ответов на запросы вице-короля Индии, быть постоянно начеку по отношению к Риджвею, который толкает афганский народ на войну с Россией. «Но вы,— предписывал Абдуррахман,— придерживайтесь такого обхождения и поведения с русскими, чтобы они видели, что... мы не таим помыслов вступить на путь вражды с ними и не хотим начать воевать в противность обычаям и законам соседства. Заявите им, что мы на долгие годы будем их добрым соседом и надемся, что и они не задумают своего доброго соседа поставить в неудобное положение, создать ему затруднения и нанести обиду.

И если кто-либо другой пожелает из своекорыстных целей подбить нас на войну с ними, то до тех пор, пока в нашей голове есть рассудок, а на нашей особе [лежит] — честь государства и государя, нам эти цели будут ненавистны. Точно так же и им (русским) здравый смысл и прямота намерений не позволят оставить благой путь и поступить нехорошо»⁴⁶.

Борьба Абдуррахмана с англичанами за полосу независимых племен

Хотя в 90-х годах имели место пограничные трения с царской Россией по Памирскому вопросу (отрегулированному только в 1895 г.), после конфликта 1885 г. Абдуррахман перенес основное направление своей политики на пограничные с Индией области, населенные афганскими племенами. Он рассчитывал добиться присоединения к своим владениям населенной афганцами «полосы независимых племен». Во владениях Абдуррахмана проживало лишь около половины афган-

⁴⁶ *Сирадж ат-таварих*, 505, 506.

ского народа, остальная его часть населяла захваченные англичанами в 1849 г. области правобережья Инда и разделившую Афганистан и Индию «полосу независимых племен». На этой территории жили воинственные афганские горцы, не подчинявшиеся ни британским колониальным властям, ни государям Афганистана.

В 80-х годах XIX в. руководители английской колониальной политики под предлогом защиты от угрозы русского нападения на Индию продолжали вести агрессивную политику в землях афганских племен Северо-западной пограничной полосы Индии. При этом одним из приемов британских колонизаторов было признание вначале независимости отдельных афганских племен для противопоставления их правителю Афганистана, далее они требовали, чтобы племена отказались от всяких связей с эмиром Кабула. Следующим шагом обычно было навязывание этим племенам английской опеки при помощи карательных экспедиций или иными путями, а последним этапом их подчинения — аннексия территории⁴⁷. Английское наступление велось с целью добиться присоединения к Британской Индии всей «полосы независимых племен», а затем использования ее как военного плацдарма для дальнейших наступательных действий против Афганистана и Средней Азии.

В 1883 г. английские колонизаторы окончательно захватили Кветту, в 1887 г. — Пишин и Сиби; в 1889 г. было официально объявлено об установлении верховной власти британского правительства над Зхобом, а в 1890 г. — об «открытии» Гомальского прохода, который контролировался англо-индийскими войсками.

На крайнем северном участке пограничной с Афганистаном полосы в 1889 г. было восстановлено британское агентство в Гилгите, укреплены военные посты и проложены дороги, что подготовило осуществленное англичанами в 1891 г. завоевание Хунзы и Нагара. Опираясь, с одной стороны, на подвластную им Пешаварскую область, а с другой — на находившийся с 1878 г. в вассальной от них зависимости Читрал, руководители британской колониальной политики повели на северном участке границы борьбу с афганским эмиром за влияние в Дире, Свате и Баджауре. Южнее борьба шла за территории племени тури. Захват англичанами важных территорий на афгано-индийской границе и сооружение стратегических дорог и железнодорожных путей, соединявших Пенджаб с индийской административной границей, создавали новую угрозу независимости афганского государства.

⁴⁷ См. Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 130.

Оказывая в течение десятилетий упорное вооруженное сопротивление английской агрессии, пограничные племена видели в афганском государстве своего защитника и искали помощи у эмира.

Абдуррахман уже в конце 80-х годов XIX в. заключил ряд договоров с маликами отдельных афганских племен и хелей пограничной полосы. Такие договоры, подписывавшиеся маликами в Кабуле, утверждались затем на джиргах племен и хелей и сопровождались назначением жалованья знатым людям родовых подразделений, а иногда и оставлением в Кабуле заложников ⁴⁸.

Афганские племена пограничной полосы оставались политически разобщенными, уровень их социально-экономического развития был неодинаковым, что затрудняло совместные выступления горцев против британских завоевателей. Пользуясь этим, английские колониальные власти, натравливая одно племя на другое, постепенно подчиняли их своей власти. Однако почти повсеместно английские завоеватели наталкивались на упорное и ожесточенное сопротивление. Волнения и восстания горцев не прекращались и на уже занятых англичанами землях.

Продолжая попытки опереться на ханов и маликов афганских племен и укрепить их силу и влияние для подчинения этих племен, английские колониальные власти в 80-х — 90-х годах XIX в. далеко не везде добились желательных для них результатов. Характерно свидетельство полковника Уорбартона, прослужившего 18 лет на северо-западной границе. Оценивая результаты английской политики, он писал: «Увеличить силу малика — это значит дать ему возможность вредить нам, но это не значит, что удалось приобрести влияние на его соплеменников, так как повсюду в пограничных патанских обществах все люди равны» ⁴⁹. Во время походов против афганских племен английские офицеры вынуждены были во многих случаях вести переговоры с джиргами племен и подразделений, потому что действительная власть принадлежала им, а не маликам и ханам ⁵⁰. Нередко договорам с джиргами англичане придавали большее значение, чем соглашениям с маликами, которые в ряде случаев не могли действовать вопреки желаниям своих сородичей и соплеменников, ибо не располагали достаточными средствами и силами принуждения в отношении своих хелей ⁵¹.

⁴⁸ *Сирадж ат-таварих*, 885.

⁴⁹ Warburton, *Eighteen years in the Khyber*, p. 76.

⁵⁰ Bruce, *The Forward policy and its results*, pp. 18, 19, 21, 22, 35.

⁵¹ Это относится прежде всего к таким племенам, как вазиры и аффриди, отличавшимся сохранением общинно-родового самоуправления. Однако, судя по договорной практике английских колониальных властей, джирги

На севере пограничной полосы Афганистана с Индией наряду с племенами, сохранявшими общинно-родовое самоуправление, имелось несколько афганских ханств: возникшее в конце XVIII в. княжество Дир⁵², несколько более мелких наследственных феодальных владений в Баджауре и др.

В 90-х годах XIX в. довольно значительную роль в политических событиях, происходивших в северной части полосы независимых племен, сыграл Умра-хан, младший сын правителя Джандола. В конце 70-х годов XIX в. Умра-хану удалось захватить власть в Джандоле и создать довольно сильное (по местным масштабам) войско, после чего он начал завоевательные походы в окрестных землях. В 1890 г. Умра-хан оккупировал территорию Дирского княжества. В 1891 и 1892 гг. военачальники афганского эмира Абдурахмана безуспешно пытались ограничить дальнейшие захваты Умра-хана. Подвергаясь нажиму со стороны эмира Афганистана, Умра-хан стал помогать англичанам подчинять отдельные афганские пограничные племена и хели⁵³.

В землях племен, непосредственно примыкавших к границам афганского государства, эмир развил энергичную деятельность. В качестве религиозного главы всех афганцев эмир призывал к национальному объединению и священной войне с иноземными завоевателями. При этом Абдурахман стремился избегать столкновений, которые могли бы перерасти в опасную войну с Британской империей. Афганский эмир засылал в пограничные земли своих агентов, которые выступали посредниками между ним и джиргами независимых афганских племен. Излюбленным приемом Абдурахмана была подача советов джиргам племен не от своего имени, а от имени афганских должностных лиц⁵⁴.

Среди руководителей британской колониальной политики деятельность афганского эмира в пограничной полосе вызывала сильное раздражение. Генерал Робертс с возмущением упрекал Абдурахмана за то, что тот совершенно забыл, сколь обязан англичанам, напоминая, что без их поддержки день-

в 80-х и 90-х годах XIX в. сохраняли свое значение в качестве органов управления также и у ряда других племен, в частности у оракаев, юсуфзаев Бунера, Свата и «Черных гор» (см., например, Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XI, ed. 1909, pp. 78, 80).

⁵² Правителем его с 1884 г. стал Мухаммед Шериф-хан, сын Рахматуллы-хана.

⁵³ Так, в «Сирадж ат-таварих» сообщается, что, по соглашению с английским колониальным чиновником Удни, Умра-хан должен был послать своего сына и других представителей афганской знати к английским офицерам, находившимся в Нижнем Свате, для того чтобы, войдя в доверие к жителям Бунера, баджаурские посланцы подчинили бы их англичанам. Однако юсуфзаи Бунера отказались подчиниться Англии и сообщили об этих происках эмиру Абдурахману (см. *Сирадж ат-таварих*, 1022).

⁵⁴ Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 140.

гами и военным снаряжением эмир не выиграл бы борьбы за кабульский трон⁵⁵.

Царский посол в Англии барон Стааль, отмечая, что по сути дела Абдуррахман «стремился действовать как совершенно независимый правитель», подчеркивал, что такая позиция афганского эмира не может нравиться в Лондоне⁵⁶.

В начале 90-х годов XIX в. борьба между афганским эмиром и британскими колонизаторами за полосу независимых племен достигла большой остроты. Несмотря на противодействие Абдуррахмана, англичане в 1891 г. заняли долину Курама, подчинили племя тури и завоевали большую часть территорий оракзаев. Из крупных племен на центральном участке полосы независимых племен непокоренными оставались вазиры, в районе Хайбарского прохода — афридии, а на севере — юсуфзаи Дира, Бунера и почти всего Свата.

Выступая как представитель феодально-монархического национализма, Абдуррахман облекал национальные идеи в религиозную форму. В Кабуле был издан его трактат «Таквим ад-дин» («Укрепление веры»). В этом трактате и в многочисленных воззваниях эмир проповедовал учение о «джихаде» (священной войне). Ему удалось установить тесные связи с духовными лицами пограничных афганских племен и заручиться их поддержкой⁵⁷.

Английские колониальные власти были серьезно обеспокоены известиями о договорах, заключенных афганским эмиром с пограничными племенами, и предпринимали официальные дипломатические шаги, стараясь добиться его согласия на демаркацию индо-афганской границы. Но Абдуррахман отказывался от приглашений приехать для переговоров в Индию и не соглашался принять в Кабуле английскую миссию, во главе которой намечалось поставить Робертса⁵⁸.

К моменту наибольшего обострения борьбы с британскими колонизаторами афганский эмир, отказавшись от своей обычной осторожности, в своих посланиях к пограничным племенам выступал с весьма решительными заявлениями. В середине 1892 г. он утверждал, что нарушения англичанами гра-

⁵⁵ Roberts, *Forty-one years in India*, p. 538.

⁵⁶ «Correspondence diplomatique du Baron de Staal», vol. II, p. 167. Цит. по работе: Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 141.

⁵⁷ «К подножию султанатства» в Кабул часто приезжали влиятельные религиозные руководители момандов, оракзаев, вазиров. Многие из них получали жалованье из эмирской казны. Провозглашение Абдуррахмана главой мусульман Афганистана и Индии и проводимая им политика способствовали признанию его высшего авторитета в делах религии и среди афганского населения полосы независимых племен и административных округов правобережья Инда, а также и среди индийских мусульман.

⁵⁸ Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 143.

ницы не принесут им никакой пользы, и заверял, что афганское государство «не уступит ни пяди своей земли»⁵⁹.

Однако именно в конце 1892 и начале 1893 г. в политике относительно пограничной полосы Абдуррахман столкнулся со значительными трудностями. Попытки эмира облагать налогами признавшие его власть племена афганских горцев возбуждали среди них резкое недовольство, выливавшееся и в открытые восстания. Абдуррахман посылал против повстанцев свои войска. Используя слабые стороны пограничной политики Абдуррахмана, англичане засылали к недовольным своим агентов, подстрекая горцев к восстаниям против афганских властей. При этом агенты обещали афганским горцам избавление от уплаты налогов в случае, если они подчинятся английским властям⁶⁰.

«Линия Дюранда» и афганские племена

В 1893 г. английское правительство потребовало, чтобы эмир отказался от борьбы за «полосу независимых племен». Генерал Робертс получил приказ отправиться в Кабул с конвоем в составе целой дивизии английских войск для вручения эмиру ультиматума. Абдуррахман готовил войска для отпора. Возникла непосредственная угроза войны.

Однако, опасаясь в случае войны с Афганистаном противодействия России, отношения с которой и без того сильно обострились из-за Памира, а также учитывая силу сопротивления афганских племен пограничной полосы, британское правительство предпочло немедленному началу войны более осторожные действия. В Кабул было отправлено посольство во главе с М. Дюрандом. Под сильнейшим военным и дипломатическим нажимом Англии эмир вынужден был подписать текст составленного Дюрандом соглашения, признав переход большей части территории независимых племен к Индии. Этим соглашением предусматривался также обмен подвластных афганскому эмиру территорий на северном берегу Аму-Дарьи на земли бухарского эмира, расположенные на южном ее берегу, и присоединение к Афганистану узкой территории Вахана, образовавшего буфер между английскими владениями в Индии и русскими владениями на Памире.

13 ноября 1893 г. на дурбаре в Кабуле, состоявшемся в связи с заключением договора Дюранда, главам пограничных племен были вручены экземпляры, которые они должны были подписать и приложить свои печати. Но подписание договора вовсе еще не означало действительного подчинения свободолюбивых горцев. Первые же попытки англичан продвинуться

⁵⁹ *Сирадж ат-таварих*, 826.

⁶⁰ Там же, 882, 883.

на их территорию вызвали вооруженный отпор. В этих восстаниях в той или иной мере принимали участие все крупнейшие афганские племена пограничной полосы.

Наиболее решительное сопротивление англичане ожидали встретить в Вазиристане и потому в качестве предварительной меры решили создать военный пост в Ване, местности, расположенной в юго-восточной части Вазиристана, к северу от Гомальского прохода. Для занятия этой местности было решено выделить целую бригаду англо-индийских войск.

Вазирь в свою очередь готовились оказать вооруженное сопротивление. Абдуррахман, рассматривая соглашение с М. Дюрандом как вынужденную временную уступку, рассчитывал на дальнейшее развертывание борьбы пограничных племен против англичан. Среди афганских горцев не прекращалась деятельность агентов эмира, через которых местные духовные руководители и вожди племен по-прежнему обращались за указаниями и помощью в Кабул⁶¹.

В ноябре 1894 г. вазирь неожиданно атаковали лагерь прибывшего в Ване отряда англичан и нанесли ему большие потери. Тогда англо-индийские власти направили против повстанцев значительные силы под командованием Локхарта, в связи с чем вазирь и масуды были вынуждены временно прекратить военные действия. Многочисленные представители этих племен были приняты эмиром в Кабуле и щедро одарены. Они получили указание ждать сигнала к общему выступлению⁶². Английская разграничительная комиссия, действовавшая в 1895 г. в Вазиристане, могла продвигаться только под прикрытием военных сил Локхарта. Имели место отдельные вооруженные столкновения англичан не только с вазирями и масудами, но и с отрядами афганского эмира.

Еще большие осложнения между англичанами и Абдуррахманом произошли при установлении границы в землях момандов. По соглашению, заключенному эмиром с М. Дюрандом, граница на этом участке не была определена и на карте, приложенной к соглашению, даже не была обозначена. На более подробных картах, изготовленных затем англичанами, почти все земли момандов были показаны входящими в английские владения. Абдуррахман счел это нарушением соглашения и заявил об этом в письме к вице-королю Индии⁶³.

Глава английской разграничительной комиссии на северном участке Ричард Удни обратился к местному населению с воззванием, где заявлял о том, что вопрос о переходе некоторых территорий момандов к Индии якобы уже согласован

⁶¹ Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 146.

⁶² См. там же, стр. 147.

⁶³ *Сирадж ат-таварих*, 1239.

с эмиром⁶⁴. Абдуррахман был крайне возмущен этим провокационным заявлением и, хотя предостерегал своего уполномоченного сипахсалара Гулам Хайдар-хана о необходимости соблюдать осторожность, не исключал возможности военного конфликта. На момандской границе были сосредоточены афганские регулярные войска и произошли отдельные вооруженные столкновения с англичанами. Гулам Хайдар-хан показал себя умелым исполнителем воли эмира и последовательно отстаивал интересы Афганистана. Требуя включения в афганское государство всех момандов, сипахсалар занял долину Мити и увеличил находившиеся под его командованием воинские силы за счет присоединявшихся к регулярным войскам момандских ополчений⁶⁵. Несмотря на требования англичан, Гулам Хайдар-хан отказался вывести свои войска из долины Мити; действуя по инструкциям Абдуррахмана, он не соглашался ни на какие уступки в вопросе о границах в землях момандов. В конце 1894 г. переговоры афганцев с англичанами по этому вопросу зашли в тупик⁶⁶.

Вскоре в связи с событиями в Читрале пограничные осложнения в землях момандов переросли в новый кризис англо-афганских отношений.

Читральский конфликт

Как уже отмечалось выше, Умра-хан, правивший в Джандоле, вначале ориентировался на англичан. Но в 1892 г. английские колониальные власти отказались предоставить ему оружие и боеприпасы, которые он просил для подавления восставших жителей завоеванных им земель и для борьбы с войсками афганского эмира.

В 1893 г., по соглашению Абдуррахмана с М. Дюрандом, Афганистану была передана территория Асмар, которую к тому времени захватил Умра-хан, но затем вынужден был оставить под натиском афганских войск Гулам Хайдар-хана. События 1892—1893 гг. привели к перемене ориентации Умра-хана, который стал склоняться на сторону афганского эмира. Абдуррахман признал его власть не только над Джандолом, но и над всем княжеством Дир, которым Умра-хан овладел, изгнав правившего в нем Мухаммед Шерифа⁶⁷. Умра-хан пытался распространить свою власть и на племена Свата, а в 1894 г. вторгся в Читрал, в завоевании которого был очень заинтересован Абдуррахман. Читрал в это время находился

⁶⁴ Гамильтон, *Афганистан*, стр. 273.

⁶⁵ *Сирадж ат-таварих*, 1200.

⁶⁶ Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 149.

⁶⁷ Долина Джандол, находящаяся в Баджауре, считалась частью владений князя Дира.

в вассальной зависимости от Кашмира, и в нем с 1893 г. постоянно находился британский политический агент⁶⁸. 1 января 1895 г. правивший в Читрале Низам ал-Мульк был убит и началась борьба между претендентами на престол.

Англичане поддерживали соперников Умра-хана⁶⁹. Он же, воспользовавшись смутой, занял южную часть княжества и заключил соглашение с афганским ставленником в Читрале — Шер Афзалем (до 1895 г. находившимся в Кабуле), а также, по-видимому, договорился с сипахсаларом Гулам Хайдар-ханом о военной поддержке. Имея в своем распоряжении 3—4 тыс. воинов, Умра-хан готовился к захвату всего Читрала, прикрываясь распространявшимися им самим слухами о том, что он начал священную войну против кафиров долины Башгол и будто бы не имеет намерений продвигаться дальше на север. По сведениям, приводимым английскими авторами, на помощь Умра-хану были посланы отряды из состава афганской регулярной армии⁷⁰.

С помощью Умра-хана борьбу за читралский престол выиграл Шер Афзаль. Объявив себя правителем княжества, он предложил английскому политическому агенту Робертсону немедленно покинуть территорию Читрала. Робертсон категорически отказался выполнить это требование, после чего читралские ополчения и отряды Умра-хана осадили укрепление, занятое британским политическим агентом и его отрядом.

В донесении вице-королю Индии Робертсон характеризовал положение осажденных, во главе которых он находился, как почти безнадежное. Он утверждал, что все читралцы присоединились к Шер Афзалю, и сообщал о том, что Умра-хан является сипахсаларом эмира Афганистана и что все мусульмане включились в «священную войну»⁷¹.

События в Читрале побудили руководителей английской колониальной политики ускорить намеченные ими наступательные действия в северной части полосы независимых племен, чтобы опередить царизм в захвате важных в стратегическом отношении районов на подступах к Памиру. Решение английских властей о переходе к активным наступательным действиям на севере ознаменовалось организацией в 1895 г. учреждения, носившего официальное название «Агентство Дира, Свата и Читрала»⁷².

⁶⁸ Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XI, ed. 1909, p. 68.

⁶⁹ *Супадж ат-таварих*, 1052.

⁷⁰ Holdich, *The Indian borderland*, p. 248.

⁷¹ Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 150.

⁷² Значение этого административно-политического мероприятия как важного шага в истории английских колониальных захватов на северо-западной границе Индии оценивается последним британским губернатором Северо-западной пограничной провинции как более важное, чем оккупация Белуджистана и Кветты (Caroe, *The Pathans*, pp. 383, 386).

Стремясь во что бы то ни стало не допустить утверждения власти Шер Афзала и Умра-хана над Читралом, англичане направили в это княжество значительные воинские силы под командованием генерала Лоу. В их состав входили, кроме пехоты, батареи горной и полевой артиллерии, кавалерийский полк, саперные и другие подразделения.

Перед началом похода была выпущена прокламация к племенам, через территории которых должны были продвигаться войска, извещавшая, что британское правительство находится в ссоре только с Умра-ханом джандольским и не имеет намерений нарушать независимость племен.

В результате английским колониальным властям удалось склонить на свою сторону феодальных вождей, маликов и джирги некоторых племен: сам-ранизай согласился пропустить через свою территорию английские войска, навагайский хан обещал сделать все, что было в его силах, чтобы сохранить спокойствие в Баджауре, то же обещали малики Бунера и утман-хеля, активно поддерживал англичан и Мухаммед Шериф, хан Дира. Однако, вопреки обещаниям маликов и ханов, вооруженные отряды афганских племен заняли все важнейшие перевалы, и англичанам пришлось прорываться с боями.

Генерал Лоу двинулся к Малакандскому перевалу, защищаемому наиболее слабыми ополчениями племен. Несмотря на то, что только одна треть афганских защитников перевала имела огнестрельное оружие, англичане понесли довольно значительные потери⁷³.

В конце концов отрядам генерала Лоу удалось пробиться через юсуфзайские земли и войти в Читрал. Несколькими днями ранее туда вступил английский отряд, следовавший другим путем. С завоеваниями Умра-хана было покончено, и надежды Абдуррахмана на овладение Читралом рухнули. Шер Афзаль был убит, а Умра-хан нашел себе убежище в Кабуле, получив от Абдуррахмана пожизненную пенсию и высокую должность в афганском войске⁷⁴.

Англичане, заинтересованные в овладении путем из Пешавара в Читрал через Дир, вернули трон Мухаммеду Шерифхану и заключили с ним соглашение. Хан Дира «от своего имени и от имени своих преемников» обязался «держатъ открытым путь из Чакдара к Ашрету», построить необходимые почтовые сооружения, охранять телеграфную линию (если таковая будет построена), ремонтировать дорогу, сторожевые посты и лагерные строения и охранять весь путь. За это англо-индийское правительство установило хану Дира ежегодную

⁷³ Составившие 50% всех их потерь во время этого похода (Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*, pp. 165—167).

⁷⁴ Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*, стр. 150.

субсидию в 10 тыс. рупий в год, предоставило ему 400 винтовок и обещало, «если будет необходимо», оплатить стоимость содержания сторожевых отрядов. Оно обязывалось также не вмешиваться в управление страной. Хан Дира обещал не взимать пошлин с товаров на дороге в Читрал. Он признал также право англо-индийских властей посылать войска на важнейшие перевалы ⁷⁵. Таким образом, Дир превратился в одно из многочисленных вассальных княжеств британской колониальной империи, а население Пянджкоры в качестве подданных вассального князя (а не только по букве договора Дюранда) вошло в состав этой империи.

Во время читральских событий 1895 г. весьма затруднительное положение создалось для английской разграничительной комиссии, работавшей на северном участке полосы независимых племен. С этим было связано подписание в апреле 1895 г. мистером Удни, главой комиссии, соглашения с Гулам Хайдар-ханом. Согласно этому соглашению, англичане временно отказывались от демаркации линии границы на отрезке между долинами рек Кунара и Пянджкоры. Соглашением подтверждалась «уступка» Англией афганскому эмиру политических прав на Кафиристан, вытекавшая из условий соглашения 1893 г. Абдуррахмана с М. Дюрандом ⁷⁶.

Кафиристан и его завсевание

Кафиристаном называлась высокогорная область на южных склонах Гиндукуша, разделенная на несколько долин реками Башгул, Печдара и Рамгул, текущими с севера на юг ⁷⁷. Общая площадь области в современных границах расселения племен кафилов (ныне нуристанцев) в северо-восточном Афганистане определяется примерно в 9,5 тыс. кв. км ⁷⁸. Эти территории, а также соседние с ней районы Читрала и верховьев Пянджкоры населяли племена и родовые группы, отличающиеся друг от друга по диалектам, но известные под собирательным наименованием «кафиры». Это название было дано их соседями — афганцами и другими мусульманами — по религиозному признаку, так как вплоть до описываемых событий 1895—1896 гг. жители Кафиристана оставались язычниками.

⁷⁵ Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XI, ed. 1909, p. 72.

⁷⁶ «Уступка» Англией Афганистану этой никем еще не подчиненной горной области была вызвана стремлением англичан задержать продвижение России на юг. Предпринять же немедленную оккупацию Кафиристана англичане не рисковали.

⁷⁷ В нижнем течении река Рамгул называется Алингар.

⁷⁸ Поляк, *Нуристан*, стр. 80.

Наиболее многочисленным из кафирских племен было кати (у Бабур — катор). Группы этого племени населяли восточную и западную части Кафиристана. В долине реки Печдар жили прасун (парун), считающиеся в этнографической литературе самой древней группой населения Кафиристана⁷⁹. К югу от них, по верхнему и среднему течению реки Вайгель, обитали вайгели. Район между реками Печдар и Алинггар заселяли ашкуну. Эти и ряд других племен и родственных групп кафиров соседние народы делили (по-видимому, лишь по внешним признакам) на тор-кафиров, или сиях-пушей («одетые в черное»), и спин-кафиров, или сафид-пушей (одетые в белое).

Кафирские языки и диалекты представляют собой особую группу, занимающую промежуточное положение между индийскими и иранскими языками. Происхождение кафиров не выяснено. По этому вопросу исследователями высказывались самые различные догадки⁸⁰.

Связь с Кафиристаном и между селениями кафиров осуществлялась лишь по горным тропам, труднопроходимым даже для вьючных животных, чем и объясняется изолированность кафирских поселений. Зимой, когда закрыты горные перевалы, их поселения полностью изолированы от внешнего мира.

До самого недавнего времени среди жителей этого края господствовала меновая торговля. Обменивались в основном скот и меха, причем существовали определенные соотношения ценности различных видов домашних животных⁸¹. Главными занятиями кафиров были земледелие и скотоводство. Большое значение имела также охота на диких зверей и птиц⁸². Кафиры занимались также садоводством и виноградарством. Из винограда изготавляли вино и уксус. Важным продуктом питания были дикорастущие плоды и ягоды.

Разделение труда по полу и возрасту в хозяйстве кафиров отличалось своеобразными, весьма архаическими чертами. Почти все земледельческие работы, включая вспашку полей, выполняли женщины, которым помогали дети; животноводством занимались преимущественно мужчины. Они пасли скот, доили коров и коз, приготавливали сыр и масло.

Кафирские племена разделялись на независимые друг от друга родственные группы, часто враждовавшие между собой.

⁷⁹ Гафферберг — Кисляков, *Кафиры*, стр. 136.

⁸⁰ Н. И. Вавилов считал вероятным, что в «своей исходной основе» кафиры составляли «близкую этническую группу» с горным таджикским населением соседнего Кохистана, Припамирья и Памира (Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 136).

⁸¹ См. Поляк, *Нуристан*, стр. 86.

⁸² На крупных хищных животных устраивались облавы, применялись западни (там же, стр. 85).

Сохранялась родовая экзогамия, в которой этнографы видят следы материнского рода: мужчина не имел права брать себе жену из рода своей матери, а также из рода матери своего отца⁸³.

Ко времени афганского завоевания у кафиров, по-видимому, сохранялась общинная собственность на землю. На общинный характер землепользования указывает сохранение до недавнего времени за советом (урир) выборных лиц (управлявших общиной) прерогатив по руководству хозяйственной жизнью. Такой совет выносил решения о начале сева, жатвы, следил за распределением воды, за сбором винограда и т. д.⁸⁴. Имеются сведения о существовании у кафиров обычая «шир-вар», согласно которому владельцы скота пользовались по очереди правом на удой со всего стада, что давало возможность каждому за один раз получить большое количество масла, сыра и т. д. Иногда практиковалась также система, по которой земледельческие работы совершались в порядке взаимопомощи таким образом, что один день все участники трудились в одном хозяйстве, на следующий день — в другом и т. д.⁸⁵.

Ко времени афганского завоевания у кафиров существовало довольно значительное имущественное расслоение при наличии рабства. Больше всего рабов было в племени кати. Члены этого племени занимались и работорговлей, причем рабы продавались и соседним мусульманским народам. В селении Камдеш на реке Башгул существовал невольничий рынок. В рабство обращались в основном военнопленные; есть сведения и о наличии у кафиров долгового рабства. В некоторых поселениях рабы жили в отдельных домиках, расположенных на окраине поселка. Есть основания считать, что общественный строй кафиров в конце XIX в. сохранял патриархально-рабовладельческие черты, характерные для большинства народов Средней Азии и Афганистана в древности⁸⁶.

Племена и селения кафиров управлялись группами влиятельных старейшин. Старейшина (джаст или яст) получал такое звание после прохождения ряда религиозных церемоний, требовавших устройства за счет соискателя многолюдных угощений и пиршеств.

Обычаи, связанные с устройством пиршеств с целью получения звания старейшины, сохранились у жителей Нуриста-

⁸³ Гафферберг — Кисляков, *Кафиры*, стр. 139.

⁸⁴ Поляк, *Нуристан*, стр. 85.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Гафферберг — Кисляков, *Кафиры*, стр. 140. На основании этого С. П. Толстов считает, что изучение особенностей социальных отношений у кафиров может явиться ключом к изучению быта домусульманской Средней Азии (Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 337).

на до нашего времени. По наблюдениям современного афганского автора Абдул Халика Ихласа, на пиршествах («малбар»), которые устраивают состоятельные люди в Нуристане, чтобы приобрести влияние среди общины и стать джастом, богатый человек, добивающийся этого титула, получает право сидеть на особого рода табурете⁸⁷. Афганцы называют такие угощения «пиром табурета», ибо не устраивающий «малбара» не имеет права во время угощения сидеть на нем. Джаст на всех пиршествах при дележе мяса получает большую долю, во время танцев выступает в первом ряду вместе с другими знатными людьми и имеет право участвовать во всех советах племени и при решении споров⁸⁸.

Стать джастом можно было только после устройства пиршеств примерно в течение трех лет, поэтому старейшинами у кафиров могли стать только богатые люди. Кроме богатства, кандидат в джасты должен был обладать организаторскими способностями и даром слова, а также проявить себя как доблестный воин, убив по меньшей мере пятерых врагов. Большое значение имела и принадлежность к влиятельному роду, имеющему многочисленное мужское потомство.

Помимо джастов, звание которых было пожизненным, для управления селениями или общинами существовал особый орган «совет уриров». Во главе этого совета стоял один из джастов, который назывался «урир-джаст». Совет уриров ведал распределением воды, пастбищ, определял время начала земледельческих работ, организовывал общественные охоты, а также был судебно-примирительным органом по улаживанию споров и т. д.

Уриры обязаны были следить за проведением религиозных праздников, поддерживать сношения с соседними селениями и т. д. В совет уриров также, как правило, выбирались состоятельные лица, поскольку уриру нужно было несколько раз устроить угощения для всей общины или рода⁸⁹. Кроме джастов и уриров, к привилегированной верхушке кафирских племен относились различные духовные лица: жрецы, пшуры (выступавшие с заклинаниями во время религиозных праздников), дебели (певцы на религиозных церемониях).

Кафиры были многобожниками. Верховным божеством считался Ибра, наряду с ним чтили его пророка Мони и бога войны Гиша. Многочисленные другие боги и богини считались детьми или творениями Ибры.

⁸⁷ Возможно, что в подобного рода архаическом обычае следует видеть объяснение происхождения царского трона, атрибута монаршей власти, распространенного у самых разных народов и племен.

⁸⁸ Поляк, *Нуристан*, стр. 125.

⁸⁹ Там же, стр. 84.

В мифологии кафиров большое место занимали дуалистические представления о борьбе добра со злом. Главным божеством зла считался Юш.

Кафиры поклонялись добрым божествам, принося им в жертву животных, хлеб, топленое масло и т. д. В их честь возжигались костры. Жертвы приносились также и Юшу и подчиненным ему злым богам с целью умиловить их.

Готовясь к завоеванию Кафиристана, эмир Абдуррахман решил, что наиболее благоприятным временем для похода является зима, когда жители кафирских поселений лишены возможности укрыться в горах при подходе врага. Зимой 1895/96 г. в Кафиристан были направлены несколько тщательно снаряженных отрядов эмирских войск. Один из них двигался с запада через Панджшер, другой с востока — из Асмара, третий с севера — из Бадахшана. Кроме того, небольшой отряд отправился из Лагмана.

Покорение Кафиристана заняло всего несколько недель. Кафирские воины оказывали мужественное сопротивление, но неравенство в силах было слишком велико. Огнестрельному оружию и выучке войск Абдуррахмана кафиры могли противопоставить только холодное оружие, лук, стрелы и свою храбрость. Покорив Кафиристан, афганцы силою обратили его жителей в ислам, в ознаменование чего страна была переименована в Нуристан (т. е. страна, озаренная светом истинной религии). Обращенных в ислам кафиров стали называть «нуристанцами».

В поселениях Нуристана были построены мечети. Из Афганистана к новообращенным прибыли муллы⁹⁰. Однако официальная религия ислама очень медленно проникала в народные массы и многие предписания ее не соблюдались новообращенными.

Свободолюбивые племена нуристанцев еще долго не прекращали борьбу с завоевателями. Многие, бежавшие от войск Абдуррахмана в Читрал, сохранили там свои прежние верования. Пережитки доисламских верований и обычаев прослеживаются этнографами и в современном Нуристани.

Восстание афганских племен 1897 г.

По вопросу о границе в землях момандов эмир Абдуррахман в конце концов был вынужден пойти на уступки англичанам, сосредоточившим на этом участке крупные военные силы, и в 1896 г. признал обозначенную на английских картах границу, рассекавшую момандские племена на две части. На аф-

⁹⁰ Впоследствии в крупных селениях оказалось даже по два муллы: один из афганцев, а другой — из местных жителей.

ганско-индийской границе наступило кратковременное затишье, прерванное вскоре очень крупным антианглийским восстанием афганских племен.

Первыми выступили вазирь. В июле 1897 г. они атаковали отряд английских войск в селении мадда-хеля. Через две недели восстали юсуфзаи Свата, они осадили английский форт в Малаканде. В августе восстание охватило земли момандов, вскоре в него включились афридии и оракзаи Тираха. Английские посты в Хайбарском проходе были захвачены повстанцами.

Единственным крупным афганским пограничным племенем, не принявшим активного участия в восстании 1897 г., были масуды. Однако, остальные племена вазиров сыграли большую роль в восстании. Наряду с афридиями вазирь проявили удивительное мужество в сражениях против английских завоевателей.

Среди повстанцев распространялись прокламации эмира Абдуррахмана, призывавшие к борьбе с англичанами. В некоторых сражениях вместе с повстанцами участвовали солдаты афганских регулярных войск. Руководители восставших племен были тесно связаны с Кабулом, получая оттуда оружие, деньги и указания. Из числа наиболее энергичных руководителей восстания 1897 г., непосредственно связанных с Абдуррахманом, можно назвать муллу Повинда, действовавшего в Вазиристане, и факира Садуллу, выступавшего в Свате.

Восстание в Свате приняло большой размах и рассматривалось английскими колониальными властями в Индии как опаснейшая угроза для их господства на северо-западной границе.

Официальная версия английских чиновников и офицеров, изображающая основной и единственной причиной сватского восстания 1897 г. «фанатизм» местного населения, не выдерживает критики. Пропаганда эмира Абдуррахмана, проводившаяся его эмиссарами, деятельность проповедников джихада, в особенности «юродивого факира» Садуллы, конечно, сыграли существенную роль. Однако основной причиной выступления племен Свата было наступление на их земли, свободу и независимость, начатое ханом Дира Мухаммед Шерифом, опиравшимся на англичан.

Мухаммед Шериф с большими военными отрядами вступил в Сват весной 1897 г.⁹¹ Его войска грабили и разоряли мирное население. 12 июня старший из мян-гулей, внуков ахунда Свата, которые проживали в Верхнем Свате, обратился к губернатору Пенджаба с письмом, в котором извещал о том,

⁹¹ См. Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XI, ed. 1909, p. 72.

что хан Ди́ра вторгся в пределы Свата и грабит мирное население. Не веря, как говорилось в письме, в то, что хан Ди́ра действует по распоряжению англо-индийского правительства, мян-гуль просил разрешения противостоять хану Ди́ра силой оружия.

Афганскому посланцу, который доставил письмо, было устно объявлено, что мян-гуль может обратиться с соответствующей просьбой к английскому политическому чиновнику майору Дину. Но с майором Дином сватские мян-гули уже до того вели переговоры, и он на все их просьбы и жалобы ответил отказом.

В конце июня хан Ди́ра с 400 маликами из Верхнего Свата, перешедшими на его сторону, и более чем с тысячью маликов из числа противников хана Ди́ра явились к майору Дину. Он их принял в начале июля в английском форте Чакдара. Майор Дин сообщал потом своему командованию об этом приеме, что якобы все малики соглашались признать свою страну находящейся под английским влиянием и «политическим контролем»⁹².

Убедившись, как ему казалось, в полном спокойствии, которое якобы наступило в Свате, майор Дин стал подстрекать хана Ди́ра к нападению на Сват. Так как у Мухаммеда Шерифа не было достаточных сил, чтобы подавить вооруженное сопротивление племен Верхнего Свата, он попытался припугнуть своих противников, объявив им, что действует не только с согласия и одобрения англичан, но чуть ли не по прямому и официальному заданию англо-индийского правительства. На это племена Свата ответили восстанием.

Английские колониальные власти были успокоены заверениями, которые майор Дин слышал от маликов Верхнего Свата, но эти же самые малики разносили по всему Свату тревожные вести о том, что Англия намерена лишить их независимости; назревало восстание, которое грозило охватить все северные пограничные племена. Восстание началось объявлением джихада, которое сделал «юродивый факир» Садулла. Он прибыл из Бунера в Мингаору (в Верхнем Свате) около 6 июля, т. е. сразу же как только в Бунере были получены известия о торжественном приеме маликов Верхнего Свата майором Дином в форте Чакдара. Факир заявил, что настало время начать немедленно священную войну против неверных, которые собираются поработить Сват. Этот призыв нашел живой отклик широких масс, и пока Садулла продвигался к Малаканду, сопровождавший его отряд пополнялся новыми и новыми добровольцами. 26 июля, когда Садулла, двинувшись в Малаканду, достиг многолюдного селения Тана, к нему при-

⁹² Аристов, *Англо-Индийский Кавказ*, стр. 88.

соединилось несколько сот местных жителей. На дальнейшем пути его отряд быстро увеличивался и достиг тысячи человек.

Горцы под предводительством «юродивого факира» пошли на штурм форта Малаканд.

Штурм продолжался почти всю ночь. В это же время другие отряды повстанцев напали на форт Чакдара. У англичан на месте сражения было около 4 тыс. солдат. К афганцам подходили все новые и новые подкрепления⁹³: из Нижнего Свата, от утман-хеля, из Бунера и от юсуфзаев Пянджковы (подданных хана Дира), от афганских племен Баджаура⁹⁴ и даже от афганцев Пешаварской долины, находившейся под властью англичан⁹⁵.

Восстание охватило почти всю пограничную полосу.

Горцы выступали еще в рамках своей родо-племенной организации, но имеются отдельные сведения о классовом расстройстве в рядах участников восстания, о поддержке со стороны беднейших слоев тех племен, которые в целом оставались в стороне от движения своих соседей, выступивших против англичан. Имеются также сообщения о переходе на сторону восставших афганских воинов из числа британских подданных, населявших административные округа правобережья Инда⁹⁶. Все это позволяет считать восстание 1897 г. началом нового этапа совместной борьбы афганцев пограничной полосы за свою независимость.

Несмотря на перевес в силах и технике, английскому правительству, бросившему в 1897 г. 80-тысячную армию против восставших горцев, все же не удалось оккупировать большую часть индо-афганских пограничных территорий, отошедших к ним по договору Дюранда. В конце концов английские завоеватели вынуждены были примириться с тем, что значительная часть афганских пограничных племен сохранила самоуправление и право иметь оружие. Полностью подчинить эти племена англичанам не удалось и в дальнейшем.

Последние годы Абдурахмана

Тяжелая болезнь, поразившая Абдурахмана и усилившаяся в последние годы его жизни⁹⁷, часто не давала ему возможности лично руководить государственными делами, во

⁹³ Аристов *Англо-Индийский Кавказ*, стр. 90.

⁹⁴ Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XI, ed. 1909, pp. 16, 18, 19.

⁹⁵ Воины, прибывшие из Пешаварского округа, были вооружены винтовками, которые они получили от англо-индийских властей для обороны перевалов от набегов горцев (Аристов, *Англо-Индийский Кавказ*, стр. 90).

⁹⁶ См. Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*, p. 164.

⁹⁷ Абдурахман болел подагрой и в последние годы жизни совсем не мог ходить, так что даже для передвижения по комнате постоянно нуждался в посторонней помощи (см. Martin, *Under the absolute Amir*, p. 125).

всяком случае в той мере, как прежде. Фактическая власть нередко переходила к распоряжавшимся от его имени доверенным приближенным. С их влиянием должен был считаться даже Хабибулла-хан, наследник престола, старший сын эмира.

Абдуррахман, чувствуя приближение смерти, был озабочен дальнейшими судьбами государства и династии. Своих сыновей он постоянно держал при себе в Кабуле, не отдавая никому из них в управление городов и областей. В «Автобиографии» Абдуррахман ссылается на «поучительные примеры» междоусобиц в Афганистане при преемниках Тимур-шаха и Дост Мухаммеда. Обосновывая этими отрицательными примерами свое обращение с сыновьями, Абдуррахман заявлял: «Я не желаю следовать по стопам своих предшественников, чтобы не дать этим повод моим сыновьям ко взаимным распрям. Я предпочитаю держать моих сыновей в Кабуле, ставя их всех под главенство моего старшего сына. В таком направлении я веду свои дела»⁹⁸.

Возвышая над остальными своего старшего сына Хабибулла-хана, эмир стал заблаговременно готовить его к занятию престола⁹⁹. Абдуррахман поручал ему руководство важнейшими ведомствами, предоставил ему право смещения и назначения гражданских и военных должностных лиц (впрочем, входившее в силу только после санкции самого эмира) и т. п. с тем, чтобы Хабибулла смог бы, вступив на трон, опереться на войско и незамедлительно взять в свои руки аппарат управления.

Младших своих сыновей эмир также привлекал в той или иной мере к участию в государственных делах, однако заставлял их отчитываться не только перед собою, но и перед Хабибуллой¹⁰⁰. Продолжая укреплять положение своего старшего сына, Абдуррахман с 1897 г. вверил ему заведование казной, находившейся до того исключительно под личным контролем самого эмира¹⁰¹.

В сентябре 1901 г. Абдуррахмана разбил паралич. Призвав сыновей, придворных, главных должностных лиц и рай-

⁹⁸ Абдуррахман, *Автобиография*, т. II, стр. 9.

⁹⁹ Хабибулла-хан родился в 1872 г. в Самарканде, где тогда в качестве изгнанника жил Абдуррахман. Матерью Хабибуллы была дочь эмира Бадахшана, на которой Абдуррахман женился по приезду в Самарканд (см. Абдуррахман, *Автобиография*, т. I, стр. 202).

¹⁰⁰ Абдуррахман обязывал своих младших сыновей присутствовать на дурбарах, председательствовать на которых уже с 1891 г. было поручено Хабибулле.

¹⁰¹ Абдуррахман, *Автобиография*, т. II, стр. 10, 11. По-видимому, только решение вопросов внешней политики Абдуррахман стремился сохранить полностью за собой до самой своей смерти.

сов Кабула, эмир еще раз потребовал от них признания Хабибуллы-хана наследником. Все присутствующие заявили, что Хабибулла будет для них желанным правителем. Абдуррахман приказал своему второму сыну, Насрулле-хану, надеть на наследника саблю и пояс, усыпанный драгоценными камнями. Вскоре после этой аудиенции Абдуррахману стало хуже, и в ночь на 1 октября 1901 г. он умер.

Хабибулла-хан был объявлен эмиром во дворце Баг-и Бала, где в ночь на 1 октября собрались члены правившей династии и высшие сановники¹⁰². Новый эмир немедленно проследовал в кабульский арк, охранявшийся надежными отрядами войск. В арке находились казна и запасы оружия. Утром в эту же крепость было перевезено тело Абдуррахмана.

Первое время населению о смерти эмира не сообщалось ничего. Но в столице это быстро стало известно, распространялись тревожные слухи о готовящемся восстании в войсках, а также о заговоре с целью похитить тело эмира во время похорон. Однако все обошлось без кровопролития. Войска сохранили спокойствие, а тело Абдуррахмана утром 2 октября захоронили поблизости от кабульского арка¹⁰³.

3 октября 1901 г. Хабибулла-хан был публично провозглашен эмиром Афганистана и состоялась его коронация. Религиозная часть этой церемонии проводилась в соборной мечети столицы. Во время последовавшей затем публичной церемонии Насрулла-хан надел на голову брата шапку («калла») Абдуррахмана и вручил новому правителю саблю умершего эмира. Выступив в заключение церемонии с речью, Хабибулла-хан клялся соблюдать целостность Афганистана и отражать натиск врагов. Сообщают, будто он также обещал содействовать проведению реформ и отменить ненавистную населению систему сыска и шпионажа, процветавшую при Абдуррахмане¹⁰⁴. Власть Хабибуллы вскоре была признана во всем Афганистане.

Таковы были события, происходившие в Афганистане на пороге XX столетия. Начинался век небывалого ускорения прогресса науки и техники, век, уже первая половина которого ознаменовалась рождением новых общественных порядков и смертельными ударами по колониальной системе. В этот век Афганистан вступал страной, сохранившей самостоятельность, но с неполным суверенитетом, ограниченным внешнеполитическими запретами, страной политически объединенной, но отсталой, внутри которой единственным средством пе-

¹⁰² Описание очевидцем событий, связанных с приходом Хабибуллы-хана к власти, см. в кн.: Martin, *Under the absolute Amir*, pp. 127—138.

¹⁰³ А не в сооруженной для него заранее усыпальнице, находившейся за городом.

¹⁰⁴ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 216.

ревозок грузов оставались, как и во времена далекого прошлого, лишь караваны.

Режим Абдуррахмана был очень тяжким для народа, но проведенные им мероприятия способствовали росту городов, торговли, приобщению к ней части феодального класса, формированию национального купеческого капитала и внутреннего рынка. Начав при приходе к власти с казней многих людей, отстаивавших независимость родины против английских завоевателей в 1878—1880 гг., Абдуррахман в дальнейшем искусной политикой успешно сохранял завоеванную народом самостоятельность афганского государства.

Несмотря на неоднократно возникавшую опасность войн с соседними государствами, Абдуррахману удалось избежать их; однако в годы его правления в Афганистане не только подавлялись мятежи отдельных феодалов, но неоднократно велись и крупные внутренние войны, унесшие множество жизней и стоивших казне больших денег. В 1886 г. в ответ на обложение налогами вспыхнуло восстание гильзаев, подавленное только после многих жестоких битв. В 1888 г. войска Абдуррахмана вели весьма напряженные операции против войск его двоюродного брата Исхак-хана, наместника Афганского Туркестана, поднявшего восстание. Трижды восставали хазарейцы, тяжелая и ожесточенная борьба с которыми в начале 90-х годов XIX в. завершилась их разгромом, разграблением поселений и окончательным подчинением эмирскими властями всех их земель.

Абдуррахман отгораживался от внешнего мира и препятствовал своим подданным видеть и узнавать новое. Однако для снабжения и снаряжения своей армии он устанавливал на кабульском предприятии «Машин-хане» современные станки и механизмы, доставленные в разобранном виде по горным дорогам и тропам Афганистана, а для работы на этом предприятии должен был набирать и обучать первые кадры промышленных рабочих. Многие в деятельности Абдуррахмана, хотел он этого или нет, создавало предпосылки для появления в дальнейшем ростков нового.

Глава IX

АФГАНИСТАН В НАЧАЛЕ XX в.

Вскоре после прихода к власти Хабибуллы (1901—1919) Афганистан вновь подвергся сильному нажиму со стороны английской колониальной дипломатии. О своем восшествии на престол Хабибулла известил вице-короля Индии письмом, в котором заявлял о намерении следовать по стопам своего отца и обещал быть «другом его друзей» и не становиться на сторону его врагов.

Вице-королем Индии в то время был лорд Керзон. Он попытался немедленным грубым нажимом вырвать у нового афганского эмира дополнительные уступки, еще более урезающие суверенитет страны. С этой целью лорд Керзон использовал переписку о пересмотре существовавших между Англией и Афганистаном соглашений, считая выгодным истолковывать их как договоры, заключенные лично с эмиром Абдуррахманом и нуждающиеся в возобновлении после его смерти.

Керзон сообщил Хабибулле, что прежние договоры могут быть возобновлены лишь после обсуждения и урегулирования вопросов, затруднявших англо-афганские взаимоотношения (т. е. вопросов, которые английской стороне угодно было подвести под такую рубрику), и предложил эмиру встретиться с ним в Пешаваре весной 1902 г.

На первое приглашение лорда Керзона посетить Индию Хабибулла ответил отказом, мотивируя его тем, что спорных вопросов между сторонами не существует и нет надобности вносить какие-либо дополнения к соглашению, заключенному эмиром Абдуррахманом. Второе приглашение, посланное Керзоном в начале июня 1902 г., Хабибулла оставил вовсе без ответа¹.

¹ О «приглашениях» Керзона эмир высказался на дурбаре 21 августа 1907 г., охарактеризовав письмо вице-короля, как угрозу прекратить выплату субсидии в случае неявки по вызову (см. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 217).

Внутреннее и внешнеполитическое положение Афганистана в 1901—1904 гг.

Внутреннее положение в Афганистане в первые годы правления Хабибуллы было весьма неустойчивым. В ущерб интересам своих собственных сыновей Хабибулла вынужден был признать право престолонаследования за своим братом Насрулло-ханом, назначил его сипахсаларом (главнокомандующим). Заняв важные должности и укрепляя свое положение руководителя в религиозных делах, Насрулла приобретал все большее влияние на эмира и оказывал значительное воздействие на его политику при решении многих вопросов. В то же время Насрулло-хана считали соперником Хабибуллы за власть, и по-видимому у эмира были основания опасаться своего брата.

Новому эмиру угрожали интриги и нескольких других претендентов на трон. Весною 1902 г. был раскрыт очередной дворцовый заговор. Вскоре после этого Хабибулла, обещавший при вступлении на престол отменить систему сыска, восстановил в правах тайную полицию и систему внутреннего шпионажа, вначале несколько ослабленную.

После на редкость бесснежной зимы 1901—1902 гг. наступила сильная засуха. Страну поразил голод, вспыхнула эпидемия холеры, унесшая множество жизней. В августе 1903 г. дуруани и гильзаи (в частности, сулейман-хель) выступили с протестом против обязанности поставлять одного воина из каждых восьми способных носить оружие и требовали заменить им службу в войске обучением стрельбе в городах, ближайших к местам их жительства.

Эмир пошел на некоторые уступки афганским племенам, в частности стал привлекать их представителей к разбору дел, касающихся племен, в учрежденном для этого особом управлении (или совещании). В него входили наиболее влиятельные лица из различных племен, собиравшиеся в Кабуле под личным председательством эмира.

После отказа Хабибуллы посетить Индию вопрос о перспективах взаимоотношений с Афганистаном на несколько лет стал предметом немалого беспокойства для руководителей британской колониальной политики. Сильное раздражение у них вызывали известия о связях Кабула с пограничными афганскими племенами Индии, которые особенно усилились после прихода к власти Хабибуллы. Делегации племен довольно часто посещали столицу Афганистана. Хабибулла оказывал особое внимание вождям антианглийского восстания 1897 г. и даже пытался организовать свою личную гвардию из афридиев и т. п.

Политическая линия, которую в те годы, хотя и непоследо-

вательно, проводил Хабибулла, вызывала резкое недовольство лорда Керзона и всяческие попреки со стороны британских авторов, именовавших эмира «строптивым вассалом» и не жалевших уничижительных эпитетов для характеристики его политики. А. Гамильтон, например, не скупясь на выражения, писал о «нелепых притязаниях на независимость» со стороны Абдуррахмана в последние годы его царствования и nasledовавшего ему Хабибуллы-хана².

В английской и русской прессе начала XX в. много говорилось о намерениях и попытках России установить отношения с Афганистаном путем обмена представителями. Правда, даже в описаниях английских авторов, конкретные официальные шаги, которые предпринимали с этой целью царские власти, изображаются как направленные непосредственно лишь на развитие торговли и установление более тесных коммерческих связей с Афганистаном.

Исходя из того что торговые связи бывают первым шагом к установлению связей политических и опасаясь появления в Кабуле враждебного Англии влияния, британское правительство противодействовало выходу Афганистана из состояния изоляции, и попытки обмена торговыми представителями между Россией и Афганистаном остались безрезультатными³. Руководителей английской колониальной политики беспокоили доходившие до них сведения о попытках Хабибуллы прощупать почву для установления торговых и дипломатических сношений Афганистана и с другими государствами⁴.

Миссия Дэна

Международная обстановка, сложившаяся в 1904 г., значительно облегчила британским империалистам активные действия на Среднем Востоке в связи с общим ослаблением царской России, вызванным ее неудачами в войне с Японией. Стремясь использовать эту обстановку для укрепления позиций в Афганистане, англичане направили в Кабул миссию Дэна. Задачей миссии было заключение с Хабибуллой нового договора.

Дэну было поручено добиваться сохранения на дальнейшее полного контроля со стороны британского правительства

² Гамильтон, *Афганистан*, стр. 277.

³ Хабибулле удалось впоследствии учредить лишь должность афганского торгового агента в Бухаре (Логофет, *Бухарское ханство*, т. I, стр. 288).

⁴ Из Афганистана в Индию ко времени отправления миссии Дэна поступали сообщения о том, что Хабибулла будто бы отдал распоряжение Насрулле-хану в июле 1904 г. выбрать 24 офицера для назначения посланцами в Англию, Россию и в другие страны Европы и Азии, а также в Египет и Америку.

над внешней политикой Афганистана. Он должен был получить согласие эмира на постройку в Афганистане железных дорог, которые соединили бы эту страну с Индией. По сообщениям печати, миссия Дэна в ходе переговоров ставила перед Хабибуллой также вопрос о продолжении по территории Афганистана индийских телеграфных линий и о предоставлении английским гражданам права въезда во владения эмира⁵. По-видимому, Дэн требовал также заменить находившегося при кабульском дворе агента из индийских мусульман официальным посольством. Есть основания полагать, что Дэн пытался добиться разрешения эмира на проезд в Афганистан английских военных инженеров для руководства фортификационными работами на афгано-русской границе⁶.

Принятие таких требований в дополнение к прежнему соглашению с Абдуррахманом, уже ограничившему суверенитет Афганистана, значительно усилило бы проникновение британского империализма в эту страну, подготавливая почву для окончательного превращения ее в английскую колонию.

Дэн привез с собой в Кабул проект договора, выработанный Керзоном. Однако Хабибулла отказался принять этот проект, выразив особенно резкое недовольство по поводу одной из его статей, ограничивавшей право ввоза оружия в Афганистан. В ходе переговоров, начатых в середине декабря 1904 г. и затянувшихся до марта 1905 г., эмир на уступки не шел. Выставлявшиеся афганской стороной встречные требования, в числе которых, по сообщениям печати, был вопрос о предоставлении Афганистану выхода к морю, отклонялись англичанами.

Афганцы дали понять Дэну, что вырвать у них уступки дипломатическим путем не удастся. 1 января 1905 г. Хабибулла предложил свой проект договора, сводившийся к продлению на срок его царствования прежних соглашений, заключенных англичанами с Абдуррахманом. Проект этот английскими колониальными властями Индии был признан неприемлемым. В дальнейшем переговоры неоднократно заходили в тупик. Керзон настаивал перед британским правительством, чтобы в случае дальнейшей неуступчивости эмира миссия Дэна была отозвана из Кабула. Однако в правящих кругах Англии добились преобладания сторонники более осторожной политики, считавшие невыгодным идти на риск войны с Афганистаном. Британское правительство решило полностью принять проект договора, предложенный Хабибуллой. Текст его был подписан в Кабуле 21 марта 1905 г. афганским эмиром и Дэном.

⁵ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 16, прим. 30.

⁶ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 95.

Самолюбие Хабибуллы в известной мере было удовлетворено признанием за ним англичанами королевского титула. В тексте договора он был назван «Его Величество Сирадж ал-миллет ва-д-Дин эмир Хабибулла-хан, независимый король афганского государства»⁷. Конечно, эпитет «независимый» ни в малейшей степени не означал изменения позиции английского правительства в вопросе о подлинной независимости Афганистана, по-прежнему лишенного одного из основных прав суверенного государства — права самостоятельных дипломатических сношений с другими странами.

Принятие Хабибуллой обязательств Абдуррахмана перед Англией закрепляло сохранение за ней полного контроля над внешней политикой Афганистана, осуществлявшегося английским правительством через вице-короля Индии. За это англичане выплачивали новому афганскому эмиру ту же субсидию, которую прежде получал Абдуррахман⁸.

В начале 1907 г. Хабибулла, приняв приглашение вице-короля Минто, совершил поездку в Индию, передав власть на время своего отсутствия Насрулле-хану. Англо-индийские колониальные власти с большой помпой встретили афганского эмира, прибывшего с многочисленной свитой и в сопровождении отрядов телохранителей-гвардейцев. В его честь устраивались парады и смотры войск, пышные банкеты и приемы. Он получил ордена «Бани» и «Большого креста», побывал на кораблях английского военно-морского флота в Бомбее, охотился на тигров во владениях махараджи Гвалиора, посещал фабрики, заводы, музеи и т. д.⁹.

Хабибулла проявлял интерес к технике, особенно к военной, выразил желание внедрить в Афганистане некоторые из виденных им в Индии производств (в частности, выработку бездымного нитроглицеринового пороха). Во время поездки афганский эмир познакомился со многими высшими должностными лицами английской колониальной администрации Индии. Впечатления, полученные им в Индии, повлияли на его мероприятия по европеизации кабульского двора и т. п. По рассказам, доходившим из Афганистана в Россию¹⁰, Хабибулла-хан в молодости читал переведенную на персидский язык книгу о Петре I, называвшуюся «Саардамский плотник», и,

⁷ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 355. До этого англичане во всех документах называли Хабибуллу, так же, как в свое время Абдуррахмана, «Его высочество». Значение этой перемены в титулатуре нередко явно переоценивалось английскими авторами (см., например, Гамильтон, *Афганистан*, стр. 332, 333).

⁸ Англичане выплатили Хабибулле 400 тыс. ф. ст. субсидии, недоплаченной в последние годы правления его отца.

⁹ Подробности о пребывании Хабибуллы в Индии см. в статье: Yate, *The visit to India of the amir Habibullah Khan*.

¹⁰ См. Ковалев, *Отчет*, стр. 168—170.

следуя его примеру, намеревался провести в Афганистане реформы, направленные прежде всего на развитие промышленности. Согласно этим же рассказам, предположения о развитии в Афганистане промышленности были высказаны Хабибуллой-ханом на одном из дурбаров, но встретили оппозицию со стороны Насруллы-хана и мусульманского духовенства.

Афганистан и англо-русское соглашение 1907 г.

Хотя в начале XX в. англо-русские отношения на Ближнем и Среднем Востоке продолжали оставаться напряженными, уже тогда появились некоторые признаки поворота в политике Англии, связанного с резким усилением ее соперничества с Германией. Готовя большое наступление против Англии на Ближнем Востоке, германский империализм начинал уделять внимание не только Ирану, но и Афганистану, рассматривая его как ворота в Индию.

Правда, практические возможности установления связей Германии с Афганистаном в то время были весьма невелики ¹¹. Полосу немецкого влияния в районе строительства Багдадской железной дороги от Афганистана отделял Иран, в котором прочно закрепились английские и русские конкуренты. Однако, поскольку дальнейшее сохранение протектората Англии над Афганистаном во многом зависело от общей международной обстановки, руководители английской колониальной политики стремились не допускать даже возможности появления немецких агентов в соседних с Индией странах.

Сооружение Багдадской дороги подготавливало почву для ожесточенных схваток Германии и Англии за Средний Восток. В 1906—1907 гг. особенно усилилось проникновение германского империализма на Ближайший Восток и в Иран ¹².

Новая международная обстановка, сложившаяся в результате обострения противоречий между Англией и Германией, а также революции в Иране и развития национально-освободительного движения в Индии, побуждала британские пра-

¹¹ Известно, все же, что немецкие фирмы продавали афганскому эмиру образцы артиллерийского вооружения для налаживания оружейного производства в Кабуле. Такие сделки совершались втайне от Англии, стремившейся держать под своим контролем ввоз оружия в Афганистан, производившийся транзитом через территорию Индии.

¹² В эти районы было направлено, в связи с ростом вывоза немецких товаров и попытками увеличить экспорт капитала, экономическое наступление Германии, сопровождавшееся организацией с 1906 г. регулярных рейсов пароходов немецкого торгового флота из Гамбурга в Персидский залив. Германия пыталась получить в аренду порт на берегах этого залива, предлагала заем шахскому правительству, добивалась различных концессий в Иране (в частности, учреждения там немецкого банка с широкими привилегиями) и т. д.

вящие круги искать соглашения с Россией¹³. Русский царизм, ослабленный революцией 1905 г. и поражением в войне с Японией, пошел навстречу их намерениям. Царское правительство было также обеспокоено усилением влияния Германии на Ближнем и Среднем Востоке, тем более что в эти годы в его восточной политике наметился поворот от неудавшихся агрессивных планов на Дальнем Востоке вновь к Константинополю и проливам. Между Англией и Россией завязались переговоры, о содержании которых британское правительство в начале 1907 г. информировало вице-короля Индии лорда Минто. Британское правительство настаивало на сохранении изоляции Афганистана от внешнего мира, не желая в этом вопросе идти на уступки царской России.

Царская дипломатия готова была поступиться прежними намерениями в отношении Афганистана взамен за содействие Англии в вопросе о проливах. Царский посол в Константинополе И. А. Зиновьев в докладной записке о соглашении между Россией и Англией следующим образом формулировал свою точку зрения по этому вопросу: «В случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах, могли бы быть с нашей стороны сделаны ей уступки в среднеазиатском вопросе»¹⁴.

Такая точка зрения соответствовала общему курсу, принятому царской дипломатией при переговорах с Англией. Но идя на уступки Англии по важнейшим политическим вопросам, касающимся Афганистана, царская дипломатия все же стремилась выговорить определенные льготы для развития русско-афганской торговли.

Англо-русское соглашение о размежевании сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете было подписано 31 августа 1907 г. Это было империалистическое соглашение, завершившее создание англо-русской Антанты и грубо попиравшее права стран Востока. Пять статей соглашения касались Афганистана. В статье 1-й содержалась прежняя формула признания Афганистана как страны, «лежащей вне сферы русского влияния». Однако если до этого царская дипломатия никогда не высказывалась относительно лишения Англией афганского эмира права непосредственных сношений с другими государ-

¹³ Переход английской политики на новые рельсы совершился далеко не сразу. Как показывают исследования дипломатических документов, произведенные Г. Л. Бондаревским, уже во время переговоров с Россией о договоре 1907 г. Англия заключила секретный договор с Турцией, предусматривавший вступление Турции, при поддержке Англии, в войну против России. Этот договор оставлял Англии запасной выход на тот случай, если бы ей удалось примириться с гогенцоллерновской Германией. В то время английские правящие круги еще не решили окончательно вопроса о том, кого считать своим главным врагом: Германию или Россию.

¹⁴ Цит. по кн.: Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 97.

ствами, то теперь она вынуждена была дать обязательство «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества». Царское правительство обязалось также «не посылать никаких агентов в Афганистан»¹⁵.

Статья 2-я начиналась ссылкой на договор, подписанный в Кабуле 21 марта 1905 г., в котором британское правительство объявило, «что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдуррахманом, и что оно не имеет намерения вмешиваться во внутреннее управление Афганистана». Далее правительство Англии заявляло, что оно обязуется не присоединять и не занимать, согласно указанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет выполнять обязательства, уже принятые им по отношению к британскому правительству.

Действительную цену содержащегося в этой статье обязательства британского правительства (включенного в текст соглашения, по-видимому, в основном для успокоения эмира и снабженного оговоркой на случай, когда понадобится нарушить это обязательство) показывает содержание секретного меморандума британского министерства иностранных дел, датированного 12 августа 1907 г. В этом меморандуме, направленном в Петербург, когда переговоры уже заканчивались, совсем незадолго до подписания англо-русского соглашения 1907 г., руководители британской политики решительно отвергли всякую мысль об ограничении своей «свободы действий» в отношении Афганистана¹⁶.

В статье 3-й признавалось, что русским и афганским должностным лицам, служащим на границе или в пограничных областях, не возбраняются непосредственные контакты с целью решения «местных вопросов, не имеющих политического характера». В статье 4-й декларировалось признание принципа торгового равноправия Англии и России в Афганистане. В конце этой статьи, представлявшей собой определенную уступку Англии торговым интересам России, предусматривалось, что в случае если развитие торговли приведет к необходимости иметь в Афганистане русских торговых агентов, британское и царское правительства согласуют между собой во-

¹⁵ Цит. по сб. «Афганистан», стр. 87.

¹⁶ «Какое-либо ограничение такой свободы со стороны Великобритании не преминуло бы подвергнуть серьезной опасности мир в Средней Азии, поощряя эмира и его подданных игнорировать трактаты, которыми регулируются отношения, существующие между Великобританией и Афганистаном. Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции» (цит. по: Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 100).

прос о мерах, которые надобно будет принять, причем «должное уважение будет оказано суверенным правам эмира».

Вице-король Индии информировал Хабибулла о содержании относящихся к Афганистану статей англо-русского соглашения письмом, датированным 10 сентября 1907 г. В своем ответе Хабибулла сообщил, что государственный совет признал соглашение невыгодным для Афганистана и нарушающим его независимость¹⁷. Считаясь с возмущением, вызванным в Афганистане сговором царской России и Англии, решавшим без участия афганцев судьбы их страны, Хабибулла объявил, что он не признает англо-русского договора 1907 г.

Отказ Хабибуллы присоединиться к англо-русскому соглашению не обеспокоил руководителей британской политики, ибо осенью 1908 г. русский министр иностранных дел А. П. Извольский заявил, что вне зависимости от того, даст ли афганский эмир официальное согласие или нет, царское правительство будет рассматривать это соглашение как имеющее «законную силу». Опротестование Хабибуллой англо-русского соглашения 1907 г. и политика эмира в отношении России в дальнейшем сводили на нет торговое равноправие сторон, «непосредственные сношения» програничных властей и перспективу допуска в Афганистан русских торговых агентов, выговоренные царской дипломатией в ходе переговоров с Англией. Предпринимавшиеся впоследствии царской дипломатией попытки получить помощь англичан, чтобы реализовать на практике выговоренные для России по соглашению 1907 г. права, успеха не имели. Просьбы царской дипломатии благожелательного отношения у англичан не вызывали; отказы мотивировались тем, что действительной власти над Афганистаном они не имеют, эмир не прислушивается к их рекомендациям, что с этим приходится мириться, дабы не обострять положения, и т. д. Такой ответ, в частности, был дан на меморандум «о неудовлетворительном характере русско-афганских взаимоотношений», переданный Сазоновым Эдуарду Грею в 1912 г.¹⁸

¹⁷ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 236.

¹⁸ Весьма четко призрачность прав, выговоренных в Афганистане царской дипломатией по соглашению 1907 г., и нежелание британской дипломатии ставить перед эмиром вопрос об их осуществлении выражены в памятной записке британского министерства иностранных дел от 4 октября 1912 г. В этой записке утверждается, что британское правительство «после зрелого размышления» приняло по отношению к Афганистану политику невмешательства и «очень затруднялось бы настаивать перед эмиром» на предоставлении русским подданным тех льгот, которых британское правительство «еще не может требовать для собственных подданных, и оно не думает, чтобы побуждение эмира осуществить ст. 3-ю англо-русского соглашения могло увенчаться успехом» (см. Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 110).

Англо-русское соглашение 1907 г. объективно ослабляло Афганистан, ибо создавало гораздо более тяжелую, чем в предшествующие годы, внешнеполитическую обстановку, в которой ему труднее было бороться за восстановление государственного суверенитета. Возможности игры на англо-русских противоречиях, отличавшей в свое время политику Абдуррахмана, теперь свелись к минимуму. Афганистан оказался сдавленным объединенным империалистическим фронтом, созданным союзом Англии и царской России. В этих условиях Хабибулла продолжал неотступно придерживаться политики полной изоляции страны, проводившейся Абдуррахманом.

Европейцам по-прежнему строго воспрещался въезд в Афганистан без особого на то разрешения (фирмана) эмира, выдававшегося лишь в единичных случаях. Для того чтобы попасть в запретную страну, европейскому специалисту или купцу необходимо было, чтобы эмир лично был заинтересован в этой поездке. С другой стороны, поскольку Англия продолжала удерживать Афганистан в состоянии изоляции, проезд туда для европейцев был возможен только через Индию и Белуджистан, для чего требовалось специальное разрешение английских властей Индии¹⁹.

В начале XX в. Афганистан был слаборазвитой страной, полностью изолированной от внешнего мира, с почти поголовно неграмотным населением, около трети которого составляли кочевники и полукочевники. В стране удерживались архаические, феодальные отношения, власть эмира была неограниченной.

Субсидии английского правительства и поступления, связанные с внешней торговлей, в которой первое место занимала Британская Индия, составляли большую часть денежных доходов эмирской казны. Вывозя сырье и импортируя промышленные товары, Афганистан все больше превращался в аграрно-сырьевой придаток капиталистического мира.

Насильственная изоляция от других стран и тяжелый груз средневековья препятствовали хозяйственному и культурному развитию страны и приобщению ее населения к современной науке и технике. Железные дороги в Афганистане не строились, а использование для гужевого транспорта имевшихся в стране грунтовых дорог не всегда было возможно из-за их неисправности и труднопроходимости. Грузы перевозились главным образом на вьючных животных.

На проходящей по территории Афганистана части торгового пути между Кабулом и Пешаваром для перевозки казенных грузов, в особенности таких тяжелых, как машинное обо-

¹⁹ Подробности о действовавших к началу первой мировой войны правилах проезда иностранцев в Афганистан через территорию Индии см. в кн.: Baker and other consular officers, *British India*, p. 234.

рудование, использовались слоны. К началу первой мировой войны у эмира было 50 слонов. Хабибулла пытался применить для перевозки грузов между Пешаваром и Кабулом также и автотранспорт. Для этой цели он купил 15 грузовых автомашин. Однако вследствие непригодности для автомобильного движения части пути между Кабулом и Джалалабадом использовать эти грузовики для дальних перевозок не удалось²⁰.

За исключением оставшихся от времен Абдуррахмана кабульского военного арсенала («машин-хана») и нескольких других более мелких казенных предприятий, фабрично-заводской промышленности в стране не существовало. В годы правления Хабибуллы число казенных предприятий увеличилось всего на несколько единиц, причем строительство их осуществлялось с большими трудностями²¹.

Земледелие и скотоводство

Основой хозяйства большинства населения Афганистана в начале XX в. оставались земледелие и скотоводство. В первые годы XX в., по сообщениям приезжавших в Среднюю Азию афганских купцов, наиболее плодородными районами Афганистана, «снабжающими продуктами земледелия не только местное население, но и имеющими возможность вывозить избыток продуктов», считались Бадахшан, Кундуз, Чар-вилайет, Герат, Фарах, Кандагар с Газни и долина среднего течения реки Кабул²². В стране часто не хватало хлеба. Вывоз пшеницы, ячменя, джугары и муки в Среднюю Азию, имевший место в отдельные урожайные годы, был очень невелик и носил в основном характер обычной базарной торговли между соседними районами²³.

По определению Н. И. Вавилова, первое место среди зерновых культур, возделывавшихся в Афганистане, занимала пшеница (под посевами пшеницы была занята значительная

²⁰ См. Ibid., pp. 535, 536, 543.

²¹ Об этих трудностях см. ниже, стр. 344. Частной фабрично-заводской промышленности капиталистического типа в Афганистане совсем не было.

²² Ковалев, *Отчет*, стр. 10. Продукты, как правило, вывозились лишь в соседние районы страны.

²³ Среднегодовой вывоз этих продуктов из Афганистана в среднеазиатские владения России и в Бухару с 1896 по 1905 г., по данным Ковалева, составлял 7384 пуда (см. Ковалев, *Отчет*, стр. 20, табл. 1). В 20-х годах XX в. Н. И. Вавилов писал: «В стране нет избытков хлеба, скорее наблюдается его недостаток. Земледельцы горных долин и пустынных районов Афганистана с трудом сводят концы с концами, экономя скудные запасы зерна. Душевые нормы зерна здесь, несомненно, ниже среднеевропейских» (Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 220).

часть основных массивов поливных земель²⁴); второе — ячмень, в особенно больших количествах возделывавшийся в горных и высокогорных районах, где он являлся основным продуктом питания населения; третье — рис, возделывавшийся в основном в долине реки Кундуз, около Ханабада, в Гератском оазисе, по реке Кунар, около Кандагара и Джалалабада²⁵; четвертое — бобовые, которые также играли существенную роль в питании земледельцев горных районов.

По расчетам Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, вся посевная площадь Афганистана составляла около 1 млн. га (т. е. менее 2% всей территории страны), причем поливные посевы занимали площадь примерно такую же, как и неполивные²⁶. Неполивное зерновое земледелие было наиболее распространено в Северном Афганистане. В Гератском оазисе экспедиции Н. И. Вавилова выявили в 20-х годах до 100 видов возделываемых растений.

В Кандагарском оазисе, расположенном в пустыне и орошаемом водами реки Аргандаб, природные условия способствовали развитию интенсивного плодоводства. Этот оазис превосходил все другие районы Афганистана по вывозу в Индию свежих и сушеных фруктов.

В юго-восточной части Афганистана серьезное хозяйственное значение имели отличающиеся исключительным плодородием Кунарская долина и Джалалабадский оазис²⁷.

Значительные массивы поливного земледелия находились в узких горных долинах на высотах от 1400 до 2600 м. К числу таких земледельческих районов относятся верхняя часть долины реки Кабул, Газни, долина Бамиана, Файзабад в Бадахшане и ряд других, менее значительных²⁸.

Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич подробно описали хозяйство высокогорных районов страны, через которые проходили маршруты советской экспедиции 1920-х годов. В высокогорных (свыше 2,6 тыс. м) долинах были распространены исключительно яровые посевы, как поливные, так и неполивные.

²⁴ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 221.

²⁵ По данным Ковалева (Ковалев, *Отчет*, стр. 12—14), рис возделывался в окрестностях Мазари-Шарифа, Балха, в Систане и Кабулистане. С десятины снималось до 160 пудов риса. Несмотря на сравнительно широкое распространение посевов риса в Афганистане, цены на него на внутренних рынках в первые годы XX в. были довольно высокие: от 1 р. 50 к. до 3 р. за пуд. Пшеница стоила, в разные годы, в зависимости от урожая, от 30 до 80 коп. за пуд, просо — от 40 коп. до 1 р. 20 к. за пуд.

²⁶ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 218.

²⁷ В Кунарской долине достаточное количество осадков позволяет выращивать пшеницу без искусственного орошения. В Джалалабаде климатические условия позволяют заниматься земледелием круглый год (там же, стр. 48).

²⁸ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 30.

В таких районах, типичных для всего Центрального и Восточного Афганистана, возделывались преимущественно ячмень и бобы²⁹.

Поселения земледельцев в высокогорных районах состоят из каменных жилищ и расположены в узких небольших долинах горных речек, карликовые поля, огороженные камнями, обеспечивают лишь самый скудный минимум пропитания. При большой сухости климата в этих районах почти нет пастбищ, и, имея даже очень немного скота, жители все же вынуждены были сеять кормовые травы.

Земледельцы Афганистана использовали только примитивные сельскохозяйственные орудия, в частности деревянный плуг. Молотьба производилась перегонкой животных по разбросанному стогу. Однако в процессе многовековой практики в конструкции примитивных орудий труда вносились простые, но полезные усовершенствования.

Д. Д. Букинич отмечал, что, «несмотря на изолированность Афганистана от стран с высокоразвитой земледельческой техникой, при внимательном изучении местных сельскохозяйственных орудий приходится констатировать большие самостоятельные достижения в смысле разработки их конструкций»³⁰.

Так, в частности, разнообразием в различных районах страны отличались упряжные орудия по обработке почв. К югу от Гиндукуша распространены плуги с работающей частью (подошвой) не строго горизонтальной, а с приподнятой пяткой подошвы, чем уменьшается сопротивление орудия и количество увлекаемой им земли³¹.

В Северном Афганистане преобладает плуг другого типа, омач, известный и в Средней Азии. Омач имеет малую опорную поверхность и неустойчив на ходу, но пашет более глубоко, чем плуг, распространенный к югу от Гиндукуша.

В целом, несмотря на ряд интересных особенностей в конструкции орудий, охарактеризованных Д. Д. Букиничем как

²⁹ Особый сорт ячменя (голозерный ячмень) для местного населения заменял пшеницу. Во многих местах, в частности в Бамиане, «конские бобы» («бокля») составляли основу питания (там же, стр. 35, ср. стр. 91). Для Саланга и Бадахшана были характерны так называемые тутовые деревни, в которых каменистые почвы заставляли земледельцев перейти к культуре шелковицы (тут). Из сушеных ягод тута изготовлялась мука, заменявшая для жителей этих деревень ячменную и пшеничную (там же, стр. 34).

³⁰ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 179.

³¹ Такой плуг требует сравнительно небольшой затраты сил пахаря, прост и удобен в работе; Д. Д. Букинич полагал, что в этой конструкции «общую достигнута основное правило для устойчивости плуга, а именно, линия тяги проходит через след центра тяжести работающей части» (там же, стр. 185).

«значительные достижения, не имеющие места даже в других менее изолированных странах»³² и объясняющихся исторически сложившимися культурно-трудовыми навыками населения, Афганистан в начале XX в. оставался страной, почти совершенно не затронутой влиянием современной техники, где по-прежнему применялись лишь сохранившиеся от дедовских времен примитивные орудия³³.

Выработанные веками трудовые навыки местных земледельцев сказывались в применении приспособленных к природным условиям способов ирригации, в смене культур, в умелой подготовке полей к посеву и в тщательности ухода за растениями. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич отмечали тщательность прополки, борьбу с сорняками, содержание полей в чистоте, улучшение почвы естественными удобрениями³⁴.

Побывавшие в Афганистане специалисты во многом высоко оценивали садоводство и огородничество этой страны. Начальник Бухарской таможни Е. П. Ковалев, встречавшийся в течение 14 лет с приезжавшими в Россию афганцами, писал, что, по его наблюдениям, торговля и ремесла в Афганистане находятся преимущественно в руках таджиков и узбеков, но «любимейшим занятием истых афганцев является огородничество и садоводство»³⁵.

Среди фруктов, выращиваемых в Афганистане, славилась персика из северных областей; как и в средние века, не имели себе равных по качеству гранаты Кандагара, где под городом главные массивы садов состояли из гранатовых деревьев и огромные рощи их тянулись по реке Аргандаб³⁶.

Наиболее распространенными среди плодовых деревьев и кустарников Афганистана были урюк (абрикос), тут (шелковица) и виноград. Главнейшими районами виноградарства считались Гератский и Кандагарский оазисы, Мазари-Шариф и Балх (с примыкающей к ним с запада группой городов) и Кабул с Чарикаром³⁷.

³² Там же, стр. 217.

³³ Наиболее «сложным» сельскохозяйственным орудием, встреченным Н. И. Вавиловым и Д. Д. Букиничем в Афганистане, была употреблявшаяся в Гератском оазисе молотилка в виде вращающегося барабана с деревянными зубьями.

³⁴ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 190—195.

³⁵ В связи с этим Ковалев утверждал: «Лично я убедился, что ничем нельзя больше снискать симпатий афганца, как подарив ему несколько пачек семян огородных, цветочных и декоративных растений» (Ковалев, *Отчет*, стр. 107).

³⁶ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 455, 458. В первые годы XX в. в связи с вывозом фруктов и овощей в Индию по построенной англичанами железной дороге Кветта — Нью-Чаман площади под фруктовыми садами и огородами в окрестностях Кандагара значительно увеличались.

³⁷ Там же, стр. 468.

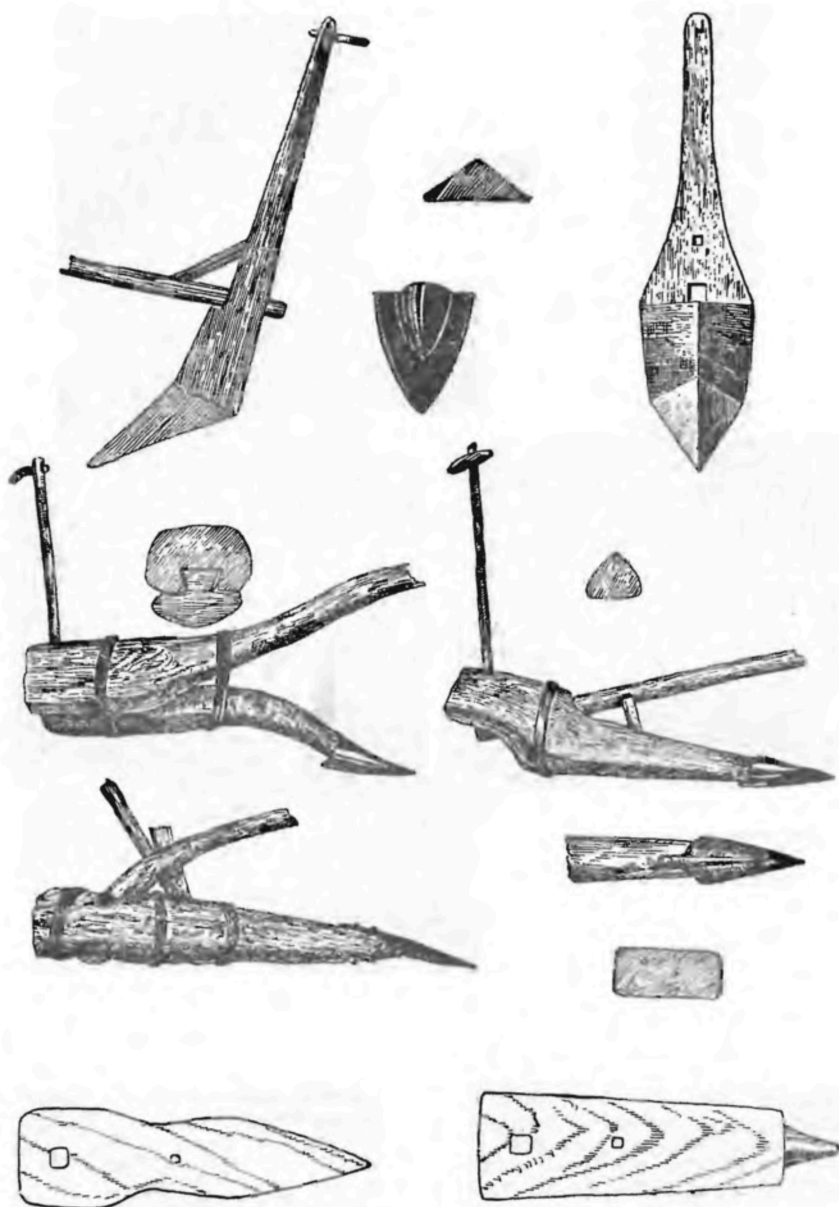

Рис. 3. Деревянные плуги из Афганистана начала XX в.

Из технических культур в начале XX в. стало развиваться хлопководство (в первую очередь на севере страны и в меньших масштабах в Кандагарском оазисе), что было вызвано ростом вывоза хлопка в Индию и в Россию, особенно в годы первой мировой войны.

У некоторых крупнейших афганских племен основной отраслью хозяйства оставалось кочевое скотоводство. Среди дурани кочевым скотоводством занимались нурзай (около 300 тыс.), а у гильзаев — сулейман-хель (около 350 тыс.). Некоторые афганские племена занимались как земледелием, так и скотоводством, в частности дуранийское племя ацакзаяв. Кроме афганцев скотоводством занимались многие другие племена и народности страны: туркмены, часть узбеков и др.

В 20-х годах XX в. в Афганистане насчитывалось более 2 млн. кочевников. Многие из них периодически и регулярно перекочевывали со своим скотом на очень большие расстояния с юга на север и обратно³⁸. Существовали различные типы скотоводческого хозяйства, отличавшиеся, в частности, радиусом перекочевок. Часть скотоводов кочевала отдельными семьями со своими стадами на сравнительно незначительные расстояния от зимних стоянок³⁹.

Стада кочевников состояли преимущественно из овец⁴⁰. Уже в первые годы XX в. наряду с курдючными овцами, в Афганистане разводилось много каракульских овец. Значительную часть стад кочевников составляли длинноухие черношерстные козы⁴¹.

Афганские скотоводы разводили также верблюдов⁴² (особенно в Кандагарской области). На разведении верблюдов специализировалось племя ака-хель (около 25 тыс.). Распространенными породами животных в хозяйствах кочевых афганцев были также ослы, зебу и буйволы.

³⁸ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 86. Авторы этой книги писали: «Мы не знаем другой страны, в которой периодические переселения кочевников захватывали бы столь огромную часть населения и ее территории» (там же).

³⁹ Там же, стр. 87.

⁴⁰ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич отмечали, что особенно славилась северная овца. Ковалев указывал, что весьма хорошими качествами отличалась шерсть белых курдючных овец, разводимых гильзаями (Ковалев, *Отчет*, стр. 86). В числе основных пород курдючных овец в стадах афганских кочевников называют гисарскую, бурую или черную, с очень грубой шерстью, но дающую много мяса и сала (Асланов, *Афганцы*, стр. 65).

⁴¹ В ряде районов Центрального и Южного Афганистана были распространены различные формы горно-кочевого хозяйства с преобладанием в стадах овец и коз. В некоторых труднодоступных горных районах Бадахшана, Гиндукуша, Хоста преобладающее значение имело разведение коз (см. Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 87, 88).

⁴² Асланов, *Афганцы*, стр. 58, 65.

Коневодство было развито сравнительно слабо. «Многие горные племена (какары, гильзай, фирузкухи, хазарейцы и др.) занимались разведением небольших косячков (по 20—30 лошадей). Лучшими считались лошади из окрестностей Нура, Калаи-Ноу и разводимые гильзаями»⁴³.

Передвигаясь с юга в северную часть страны, афганские кочевники нередко производили на севере посевы хлеба, преимущественно пшеницы, ячменя, нута, используя, как правило, только неполивные земли⁴⁴.

В Хазараджате, жители которого вели в основном оседлый образ жизни, скотоводство имело подсобный характер. Используя пастбища, расположенные на склонах гор, многие семьи передвигались для выпаса скота на летовки (отстоявшие обычно неподалеку от их селений), возвращаясь осенью для уборки урожая. У западных хазарейцев скотоводство имело относительно большее значение и сезонные перекочевки на летние пастбища совершались на более значительные расстояния (все же обычно не превышавшие 100 км)⁴⁵. В скотоводческих хозяйствах хазарейцев, как и у афганцев, первое место занимало овцеводство и разведение коз. Хазарейцы также имели верблюдов и ослов, слабее было развито коневодство, но разведение крупного рогатого скота имело относительно большее значение.

В хозяйстве туркмен, остававшихся преимущественно скотоводами, с начала XX в. (в связи с ростом экспорта каракуля) резко увеличилось разведение каракульских овец. Большое значение скотоводство имело у джемшидов, фирузкухов, таймени, а также у части узбеков. В хозяйстве таджиков оно имело лишь подсобный характер.

Социально-экономические отношения

Тяжелый груз средневековья и гнет абсолютистского режима препятствовали развитию земледелия; нормальная хозяйственная деятельность земледельцев Афганистана нередко нарушалась. Оценивая условия для ведения сельского хозяйства и состояние земледелия в этой стране в конце XIX—начале XX в., Ковалев писал: «Земледельческая промышленность Афганистана находится, как то я наблюдал и в бухарском ханстве, в ненормальных условиях. Причины этому необеспеченность землевладения, произвол и тяжелые, непосильные поборы афганской администрации». Далее, ссылаясь на сведения, собранные им от подданных афганского эмира, приезжавших в Среднюю Азию, он сообщал: «Как

⁴³ Ковалев, *Отчет*, стр. 34.

⁴⁴ Вавилов — Букенич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 87.

⁴⁵ Гафферберг, *Хазара*, стр. 113, 114.

мне передавали, сельское население до такой степени угнетено, что перестало возделывать полностью все имеющиеся у него культурные участки и ограничивается возделыванием лишь незначительных клочков земли для посевов необходимого годовичного запаса хлебных злаков для одной семьи.

Благодаря этому в Афганистане стал ощущаться недостаток в хлебе, и эмир вынужден был воспретить вывоз за границу всех хлебных продуктов и жизненных припасов. Местная же администрация, в интересах личных, настолько расширила это запрещение эмира, что воспретила вывоз хлебных продуктов из одного селения в другое. Такой произвол вызвал, как мне передавали, в 1901 г. целый бунт сельских жителей Чахар-вилайета.

Когда же доискались до причины недостатка хлебных продуктов, то силою и из-под палок стали заставлять поселян обрабатывать имеющиеся у них участки, причем заранее, сообразно величине участка и нисколько не сообразуясь со стихийными бедствиями, определялось, не менее какого количества зерна с своего участка должен внести владелец его в казну эмира. Жителей, которые не могли или не пожелали выполнить этого требования, целыми семьями выселяли в Катаганскую провинцию (Кундуз), где их силою принуждают обрабатывать рисовые поля и где тысячами вымирают они от злокачественных малярийных и тифоидального типа лихорадок»⁴⁶.

Степень изученности внутренней истории Афганистана начала XX в. не позволяет пока проследить изменения в положении крестьянства в годы правления Хабибуллы. Поэтому приходится ограничиться краткой характеристикой (по сведениям, имеющимся в советской литературе) положения крестьян в конце его правления⁴⁷.

Большая часть афганских крестьян и все неафганское крестьянство составляли податное сословие, обязанное уплачивать поземельный и другие налоги в пользу эмирской казны. Налоги взимались преимущественно натурой. Точных

⁴⁶ Ковалев, *Отчет*, стр. 10, 11. Составитель отчета добавляет, что этим обстоятельством объясняются частые переселения афганских таджиков, узбеков и туркмен в пределы Бухарского ханства, особенно в Курган-Тюбинское, Кулябское и Бальджуанское бекства, утверждая, что там им первые два-три года дают разные льготы, а затем бухарские власти обращаются с ними не лучше, чем обращались афганские.

⁴⁷ Сведения о положении крестьянства в Афганистане, имеющиеся в советской литературе, относятся главным образом к 20-м годам XX в., причем преимущественно к Афганскому Туркестану и Гератской области; по Кабульской области их меньше, а по остальным частям Афганистана они очень скудны. Сведения, собранные в начале 20-х годов XX в., могут быть в значительной степени отнесены и к последним годам правления Хабибуллы.

сведений о ставках налогообложения нет, имеющиеся в литературе данные по этому вопросу довольно разноречивы. По материалам, собранным путем опроса населения Э. М. Риксом, в Кабульском и Чарикарском районах поземельный налог при Хабибулле взимался с одного джариба поливной земли по трем установленным разрядам независимо от того, какими культурами земли засеивались, но с учетом расположения земель, качества почвы и обеспеченности их водой.

Цифры, приведенные Э. М. Риксом, свидетельствуют о сравнительно невысоких нормах натурального поземельного налога⁴⁸. Если эти цифры и верны, то они показывают скорее официально декларируемые размеры налогообложения с намерением (хотя бы в теории) приблизить их к признанному шариатом размеру поземельного налога (в $\frac{1}{10}$ часть урожая), но отнюдь не фактически собиравшийся поземельный налог.

По данным И. М. Рейснера (приведенным им, к сожалению, без указания источника и уточнения места и времени, к которому они относятся), при Хабибулле малиат, взимавшийся натурой или деньгами, в зависимости от желания плательщика, брался только с неполивных земель в размере одной десятой части валового урожая, а с земель, орошаемых водами рек, — в размере одной трети валовой продукции; орошаемых водами источников — в размере одной пятой урожая, а орошаемых системами кяризов — в размере одной шестнадцатой части урожая. При этом, если система искусственного орошения принадлежала казне, за воду взималась дополнительная плата⁴⁹.

По словам Гамильтона, «земельный доход» в Афганистане составлял одну треть «продуктов земли» и должен был собираться амбардаром каждого села⁵⁰.

Оценивая все эти сведения, следует иметь в виду, во-первых, жестокий произвол и вымогательства чиновников, связанные, в частности, с системой сдачи сбора податей на откуп, а во-вторых, тот факт, что основной поземельный налог далеко не был единственным.

Чиновники, ведавшие сбором податей, строго контролировали крестьян, опечатывая помещения с собранным урожаем, которым земледелец под страхом сурового наказания не мог пользоваться, пока не сдаст положенный с него налог на правительственные склады. Для опечатывания пользовались деревянной печаткой (рис. 4), оттиск которой выдавливался на глине. Но такому строгому контролю подвергались только крестьяне. И. М. Рейснер, побывавший в стране в конце 1919

⁴⁸ См. Беркман, *Налоговые реформы Амануллы-хана*, стр. 167.

⁴⁹ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 91.

⁵⁰ Гамильтон, *Афганистан*, стр. 131.

и в 1920 гг., когда в этом отношении, сравнительно с временем Хабибуллы, мало что изменилось, писал: «Всей своей тяжестью налоговый гнет ложится на трудовые, производящие классы. Всякий раз при взимании того или иного налога плательщикам приходится уплачивать добавочную сумму в пользу многочисленного чиновничьего персонала. При таких условиях следует признать афганские налоги весьма обременительными»⁵¹.

Рис. 4. Деревянная печать сборщика налогов.

В годы правления Хабибуллы с налогоплательщиков, кроме зерна и скота, взимавшихся в счет основных налогов — малната и зяката, — взыскивалось множество других податей и сборов. Налогоплательщики должны были поставлять эмирским властям различные изделия домашнего производства: мешки, веревки, попоны и т. д.⁵². В число сборов входили похоронные, свадебные и др. На базарах взимался сбор с каждого выюка товара. Кроме обычных сборов и податей, нередко вводились различные чрезвычайные

налоги: на ремонт или постройку казенных зданий и т. п.⁵³.

В случаях, когда для правительственных обозных и транспортных команд требовались лошади, их нередко покупали у населения насильно по пониженным ценам⁵⁴. Широко применялись принудительные работы по очистке казенных арыков, ремонту и постройке дорог, мостов и т. п.

Особенно тяжелым было положение крестьян в покоренных афганскими эмирами районах северной части страны, а также в Нуристане и др. В Афганском Туркестане громадные территории принадлежали на правах домена лично Хабибулле; часть этих земель раздавалась афганской знати. В этой области почти все поливные земли, принадлежавшие в прошлом крестьянам, в 20-х годах XX в. были уже захвачены помещиками, и мелкое крестьянское землевладение сохранялось главным образом в районах неполиваемого земледелия⁵⁵. По

⁵¹ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 92.

⁵² Беркман, *Налоговые реформы Амануллы-хана*, стр. 160.

⁵³ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 92.

⁵⁴ Беркман, *Налоговые реформы Амануллы-хана*, стр. 160.

⁵⁵ О распределении земель в некоторых районах Северного Афганистана в 20-х годах XX в. см.: Днепровский, *Хозяйство Гератской области*, стр. 77; Алексеенков, *Аграрный вопрос в Афганском Туркестане*, стр. 33 и сл. В этих работах некоторые данные относятся к годам правления Ха-

даным, принятым И. М. Рейснером, в 20-х годах XX в. только 20% крестьян вели свое хозяйство на собственной (а не помещичьей) земле⁵⁶. Основной формой эксплуатации крестьян землевладельцами была, как и прежде, издольщина. Крестьяне, не имевшие земли, обрабатывая участки, предоставленные им землевладельцами, кроме выплаты доли урожая обязаны были выполнять различные феодальные или полуфеодальные повинности в пользу хозяев земли: работать на очистке оросительной сети, чинить дувалы и сарай, пасти скот землевладельцев и т. п.⁵⁷

В такой аграрной стране, как Афганистан, не только положение крестьян, но и характер господствовавших социально-экономических отношений в целом определялись во многом формами собственности на землю, земельными отношениями. В начале XX в. в этой стране сохранялся институт государственной собственности на землю, типичный для феодального Востока. Земли, пожалованные афганскими эмирами феодалам, были юридически признаны частной собственностью их владельцев только в 20-х годах XX в., после издания закона о собственности. Социально-экономические отношения в годы, предшествовавшие изданию этого закона (в частности, вопросы собственности на землю и формы землевладения), до сих пор не изучены, необходимый документальный материал не введен в научный обиход⁵⁸. Изложенная ниже краткая характеристика некоторых сторон социального строя Афганистана начала XX в. основана главным образом на сложившихся в советской исторической литературе представлениях, которые в общих чертах правильно отражают его сущность, но нуждаются, конечно, в детальной проверке фактическим материалом и в уточнении отдельных вопросов.

В связи с существованием в Афганистане в рассматриваемое время такого исторического анахронизма, как остатки условного феодального владения землей за службу, следует отметить следующее место в Уставе Амануллы-хана о продаже казенных земель: «Земли халисе, находящиеся во владении подданных, являющиеся предметом купли и продажи

бибуллы, а некоторые, хотя и фиксируют факты более позднего времени, могут в той или иной степени быть отнесены также к рассматриваемому периоду.

⁵⁶ Эта часть крестьянства состояла в основном из жителей «коренных афганских областей к югу от Гиндукуша» (см. Рейснер, *Новейшая история Афганистана*, стр. 21).

⁵⁷ См. Рейснер, *Аграрный вопрос в Афганистане*, стр. 236.

⁵⁸ Большое значение для исследования этих вопросов должна иметь разработка, хранящихся в рукописном фонде САГУ в Ташкенте (под шифрами 09826—09834) документов государственного архива Афганистана за первые годы XX в., до сих пор еще совершенно не использованных историками.

у населения и на которые имеются купчие крепости, не могут быть продаваемы государством»⁵⁹. По-видимому, здесь мы имеем констатацию практики (в предшествующее издание документа время) купли-продажи государственных земель их владельцами, юридически оформлявшейся составлением купчих крепостей.

Это свидетельство дает основание предполагать, что в начале XX в. феодальное владение землей за службу в Афганистане фактически в значительной мере уже превратилось в наследственную помещичью собственность, продолжая, однако, юридически оставаться государственной собственностью.

Наряду с государственной собственностью в Афганистане не только существовала фактически, но признавалась и юридически частная собственность на землю («мульк»). Однако, по-видимому, удельный вес юридически признанной частной собственности на землю был сравнительно невелик. Эта форма собственности возникала в соответствии с действовавшим мусульманским правом, в результате «оживления» прежде пустовавших земель (путем их орошения и т. п.). Скупавшие землю купцы и ростовщики становились помещиками; в то же время часть феодалов вовлекалась в торговлю.

Кроме остатков крестьянской собственности на землю в некоторых районах номинально сохранялась также общинно-родовая собственность. Однако пастбищами и обрабатываемыми землями, считавшимися коллективной собственностью того или иного рода или племени, фактически распоряжалась феодальная знать, использовавшая общинно-родовые пережитки и патриархальные традиции для укрепления своей власти над соплеменниками.

Класс феодалов состоял из нескольких групп. Военачальники, придворные и чиновники, владевшие землями, пожалованными афганскими государями им или их предкам, как правило, были заинтересованы в укреплении центральной власти. Эти землевладельцы нуждались в крепком централизованном государстве для обеспечения своего господства над эксплуатируемым крестьянством.

Другую часть класса феодалов составляли ханы племен, не столь непосредственно связанные с центральной властью и опиравшиеся на силу возглавляемых ими родо-племенных подразделений. Аристократия таких племен часто выступала носительницей феодального сепаратизма.

Влиятельной группой феодального класса было высшее мусульманское духовенство. В его ведении находились имевшее религиозный характер образование и основанный на ша-

⁵⁹ Цит. по кн.: Беркман, *Налоговые реформы Амануллы-хана*, стр. 158.

риате суд по гражданским делам. Влияние служителей религии на духовную жизнь всех классов населения Афганистана было очень велико. Примечательной чертой, характеризующей степень сохранения остатков средневековья в общественной жизни страны, было особо привилегированное положение сейидов⁶⁰.

Среди простого населения сейиды пользовались чрезвычайным авторитетом, принадлежность к сейидам гарантировала в афганском государстве фактическую неприкосновенность личности, так как не только высокопоставленные сановники, но и сам эмир должны были опасаться оскорбить религиозные чувства и традиции широких слоев населения, возмущавшегося даже только слухами о том, будто кого-либо из сейидов преследуют власти⁶¹.

Господствующее положение в государстве занимала афганская, прежде всего дуранийская, помещичья знать. В ее руках находились высшие административные и военные должности. Самыми привилегированными были знатные роды племени баракзаев, к которому принадлежала правившая династия; некоторыми льготами пользовалось и все племя баракзаев, в котором насчитывалось около 300 тыс. человек. Многие другие афганские племена, особенно кочевые, сохраняли различные привилегии и налоговые льготы (в частности, они освобождались, полностью или частично, от уплаты податей в эмирскую казну).

Зякат был основным налогом, взимавшимся со скотоводов. При Хабибулле размер зяката за год исчислялся в следующих суммах (с одной головы скота): с верблюда — 2 рупии, с лошади — 1 рупия, с коровы — 0,5 рупии, с овцы — 7 пайс, с осла — 0,5 рупии⁶². Кроме того, скотоводы должны были уплачивать множество других налогов и сборов. Самым крупным из них был налог «турук-пули» (за пользование дорогами), взимавшийся, как правило, в денежной форме и в том же размере, как и зякат с указанных пород скота (только за овцу бралась несколько меньшая сумма — 5 пайс).

⁶⁰ Согласно полицейским правилам, строго регламентировавшим жизнь в Кабуле и запрещавшим, в частности, злословие на улицах столицы, порицание сейида, ученого богослова и гражданских властей каралось 20 ударами и штрафом в 50 рупий. Злословие по адресу обыкновенного смертного наказывалось лишь 10 ударами и штрафом в 10 рупий (Гамильтон, *Афганистан*, стр. 128).

⁶¹ Привилегии святости по происхождению, каковой среди подданных эмира обладали сейиды, близко напоминают особое положение различных наследственных групп «святых людей» среди афганских племен, о котором говорилось выше (в гл. III) в связи с вопросом о развитии феодальных отношений у афганцев. (О неприкосновенности сейидов в средние века в государстве Тимура ср.— Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 1, стр. 738).

⁶² В конце правления Хабибуллы мясная овца стояла 2 рупии, каракулевая — 5 рупий.

Особую подать скотоводы уплачивали за пользование пастбищами, а также за изготовление масла, сыра и т. д. Положение маломущих скотоводов, обремененных многочисленными податями и поборами, было очень тяжелым. Многие из них, как и оседлые крестьяне, страдали и от развития денежного хозяйства, сопровождавшегося проникновением в деревню торгово-ростовщического капитала и подрывом натуральных форм хозяйства. Крестьянство разорялось и обезземеливалось, а среди кочевников резко усиливалось имущественное неравенство — маломущие скотоводы превращались в пастухов стад, принадлежавших богачам. В годы правления Хабибуллы неоднократно происходили восстания как оседлых крестьян, так и кочевников-скотоводов, направленные против эмирских властей. Так, в 1911—1912 гг. произошло крупное восстание племен мангал и ахмадзай, в 1913 г. народные восстания охватили почти всю страну⁶³.

Нередки были вооруженные столкновения отрядов кочевых племен с эмирскими войсками. В районах, пограничных с Ираном и русскими владениями в Средней Азии, такие столкновения зачастую заканчивались переходом через границу довольно многочисленных групп повстанцев. Так, в 1908 г. сыновья и племянники казненного при Абдуррахмане джемшидского хана Ялангуша подняли восстание в Бадгисе, а затем вместе со старшинами племени и тремя тысячами джемшидских семей двинулись искать убежища в Россию. Правда, туда была пропущена только часть их, но многие после этого восстания перешли границу Ирана, так что общая численность джемшидов, покинувших тогда пределы Афганистана, определяется приблизительно в 10 тыс.

Ремесла и торговля

Значительная часть сельских промыслов в Афганистане была связана с обработкой продуктов скотоводства. В связи с тем что хлопковое хозяйство в Афганистане было развито сравнительно слабо, широкое распространение получило производство различных изделий из шерсти. Н. И. Вавилов отмечал, что население Афганистана чаще носит шерстяную одежду, чем сшитую из хлопчатобумажных тканей. Из шерсти вырабатывались ткани, ковры, войлок, палатки кочевников и много других предметов. Среди афганских кочевников были особенно широко распространены выделка грубых шерстяных тканей и одеял, ковроткачество, валяние войлока,

⁶³ См. «Сирадж-ал-Ахбар», № 1, шавваль 1330 г. х.; Очильдиев, *Некоторые вопросы*, стр. 21.

а также вязанье чулок, плетение арканов и т. п., причем все эти работы выполнялись женщинами.

Хазарейцы славились выработкой сукон. По наблюдениям Н. И. Вавилова и Д. Д. Букиннича, в одежды из кустарных хазарейских сукон одевалось большинство населения Афганистана⁶⁴. В Хазараджате вырабатывалось грубое сукно

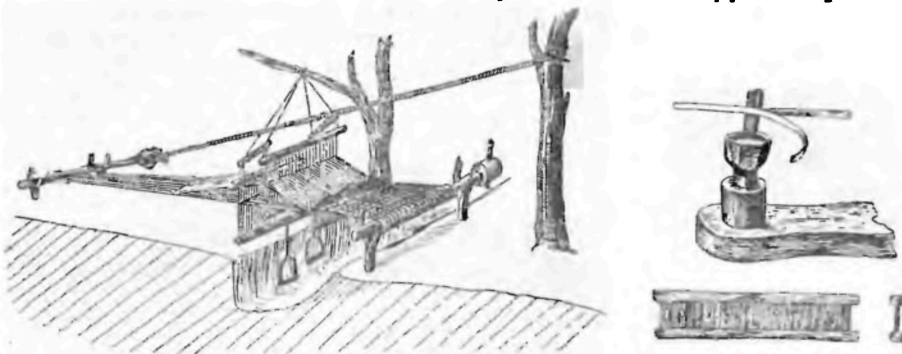

Рис. 5. Ткацкий станок из Афганистана начала XX в.

(«барак») из верблюжьей шерсти, получившее известность своей прочностью, а также более тонкая ткань из козьего пуха.

В горных таджикских районах выделялась «рагза» — шерстяная ткань, идущая на халаты. Узбеки вырабатывали грубую шерстяную ткань, паласы, мешки и т. п. В Гератской области выделялось сукно «какма». Кандагар славился изготовлением войлочной верхней зимней одежды.

Обработка шкур, выделка кож и изделий из них (в частности, одежды, обуви, бурдюков и т. п.) производились в рамках домашнего сельского производства, но этим, кроме того, занимались в сравнительно широких масштабах и ремесленники во многих городах Афганистана. Дубление овечьих шкур и выделка одежды из них составляли важный промысел в Кандагарской области. Усиленно развиваясь в начале XX в. в связи с возраставшим спросом в Индии, этот промысел получил довольно широкое распространение и в Кабуле и Газни.

Выработка хлопчатобумажных тканей в Афганистане была развита меньше, чем шерстяных. К началу 20-х годов городское население в основном пользовалось привозными материями из Индии. Домотканая материя («карбас») употреблялась беднейшими слоями населения страны. Для из-

⁶⁴ Вавилов — Букиннич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 210.

готовления этой материи применялся ткацкий станок, распространенный во многих странах Востока (рис. 5). Карбас вырабатывался, в частности, в горных таджикских районах; узбекские ткачи выделявали хлопчатобумажные ткани «алача» и «мата». Выработка кустарных хлопчатобумажных тканей была распространена в хлопководческих областях Северного Афганистана, в районе Кандагара, в Джалалабадской долине, а также в Чарикарском районе. В некоторых частях Афганистана было распространено и кустарное производство шелковых тканей.

Мелкое ткацкое производство прежде всего хлопчатобумажных (а в значительной мере и шерстяных) тканей, ставившееся в городе с конкуренцией импортных товаров, развивалось в виде сельских домашних промыслов⁶⁵.

Значительное место в хозяйственной жизни населения юго-восточных областей Афганистана занимал лесной промысел; отсюда в столицу и в другие города страны доставляли лес, деготь и древесный уголь. Дрова для кабульских предприятий доставлялись на вьючных животных из богатых лесом отдаленных районов страны⁶⁶.

В домашнем производстве афганских племен юго-восточной части страны из листьев растущей там карликовой пальмы выделялись веревки, сандалии, циновки, корзины и т. п.

Среди сельского афганского населения в различных районах были распространены кузнечное, медницкое, плотничное и столярное ремесла, имелись свои мастера-ювелиры, выделявшие женские украшения и наносившие искусную чеканку на оружие.

Из городов Афганистана наибольшее значение как центр ремесленного производства имел Кабул, на втором месте находился Кандагар, бывший также крупным по масштабам Афганистана торговым городом. По-видимому, в Афганистане, как и в соседней с ним Средней Азии, значительную роль в жизни ремесленников продолжали играть остатки средневековой цеховой организации, причем каждая профессия имела свои традиции и уставы. Городские ремесленники различных профессий занимали отдельные кварталы или ряды на базарах. Так, в Кандагаре, к северу от Гератского базара, помещались сундучные мастера, а против них — портные и сапожники. Особый сапожный ряд имелся и в Кабуле. В столице существовал специальный базар, где не только продавались, но и вырабатывались предметы домашнего оби-

⁶⁵ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 98, 128.

⁶⁶ По данным американской консульской службы в Индии, доставка дров для казенных предприятий Кабула стоила Хабибулле около 100 тыс. долларов ежегодно (Baker and other consular officers, *British India*, p. 545).

хода из меди. И городские, и сельские ремесленники обычно сами выступали на рынке продавцами своих изделий.

В Кандагаре основными видами ремесленного производства была выделка зимней одежды из войлока, а также других войлочных изделий и обработка шелка. Кандагарские мастера славились искусством вышивки шелками войлочных одежд, предназначенных для богатых людей. В орнаментальных узорах этих вышивок удерживались старинные афганские национальные мотивы, связанные, в частности, с изображением солнца и его лучей.

Во многих областях страны сравнительно высокого развития достигло художественное ремесло. С давних времен заслуженной известностью пользовались туркменские и гератские ковры. Среди ремесленников Кабула славились не только своим профессиональным умением, но и высоким качеством художественной отделки своей продукции мастера, вырабатывавшие изделия из металла и дерева. Резчики по металлу украшали медную посуду замечательными рисунками. Истинно художественные произведения создавали резчики по дереву (табл. 16).

Положение подавляющего большинства рядовых ремесленников было очень тяжелым, труд их оценивался низко. С раннего утра и до позднего вечера, не разгибая спины, трудились ремесленники в мастерских богатых купцов, помещавшихся, как правило, в низких полуподвальных помещениях под лавками на базарах.

Еще в середине 20-х годов Н. Днепровский писал о почти полном отсутствии экономических связей между районами Гератской области. Подчеркивая, что это нельзя рассматривать как исключение, он писал: «Все остальные районы Афганистана и даже отдельные части районов (например, отдельные оазисы Герирудской долины) в той или иной мере оторваны друг от друга, почти никакого влияния друг на друга не оказывают и сплошь и рядом перераспределяют внутри себя то, что сами производят... замкнутость затрудняет влияние одного района на другой, ослабляет товарообмен, замедляет товарооборот»⁶⁷. Развитие внутренней торговли тормозилось, в частности, и внутренней пошлиной, взимаемой в месте отправления товара в размере от $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{6}$ его стоимости⁶⁸.

⁶⁷ Днепровский, *Хозяйство Гератской области*, стр. 73.

⁶⁸ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 92. Имеющиеся в источниках и в литературе сведения об уничтожении афганским правительством внутренних пошлин, сопровождавшемся увеличением пошлины на товары внешней торговли (см., например, Ковалев, *Отчет*, стр. 507), относятся, по-видимому, только к транспортировке экспортных и импортных товаров внутри страны (ср. Очильдиев, *Обстановка*, стр. 353).

Однако, несмотря на объективные трудности и многочисленные препоны, в начале XX в. в Афганистане проявлялась тенденция к росту внутренней торговли и происходило, хотя и очень медленно, некоторое укрепление межобластных и межрайонных связей. Выше уже приводились сведения об областях Афганистана, вывозивших в начале XX в. хлеб в другие области, о распространении по всей стране кустарных хазарейских сукон и т. д. Отдельные продукты и изделия служили преимущественно или исключительно предметом внутренней торговли.

В Кандагаре ежегодно проходила конная ярмарка, на которую из разных областей Афганистана в первые годы XX в. доставлялось от двух до трех тысяч лошадей⁶⁹. Поскольку в рассматриваемое время вывоз лошадей за границу был воспрещен, эта ярмарка обслуживала, очевидно, только внутренний рынок. Подобного рода примеры можно умножить. Однако из-за отсутствия статистических данных проследить динамику внутренней торговли и определить состояние экономических связей между областями и районами Афганистана в годы правления Хабибуллы не представляется возможным.

Значительное влияние на формирование национального торгового капитала в Афганистане и на различные экономические явления, связанные с состоянием внутреннего рынка страны, оказывала внешняя торговля и вызывавшаяся развитием экспорта специализация отдельных отраслей сельского хозяйства⁷⁰.

Хабибулла провел ряд мероприятий, ослабивших ограничения, существовавшие при Абдурахмане для развития внешней торговли Афганистана с Индией. Так, было ликвидировано несколько монополий, затруднявших деятельность иностранных купцов и компрадоров в Афганистане, постепенно понижена часть пошлин на границе с Индией, а некоторые пошлины полностью отменены. В связи с этим товарооборот индо-афганской торговли стал быстро возрастать — с 1900/01 г. до 1906 г. сумма его увеличилась с 10 620 тыс. до 20 952 тыс. индийских рупий (т. е. почти в два раза)⁷¹.

Хотя темпы роста русско-афганской торговли были еще более высокими, чем торговли Афганистана по индийской границе, однако среднегодовой товарооборот Афганистана с Россией в денежном выражении в 1900—1910 гг. определялся цифрами почти в два раза меньшими, чем товарооборот по

⁶⁹ Ковалев, *Отчет*, стр. 34.

⁷⁰ См. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*. В этой работе содержится значительный материал по истории хозяйства Афганистана.

⁷¹ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 16.

индийской границе, а в 1911—1915 гг. был все еще в полтора раза меньше его.

Такое соотношение сохранялось, несмотря на то что царское правительство предоставляло большие льготы экспортерам товаров в Афганистан. При вывозе мануфактуры выдавались премии, по некоторым другим товарам возвращался акциз. Основным импортным товаром для Афганистана были, как и прежде, хлопчатобумажные изделия, составлявшие, по подсчетам Н. М. Гуревича, в 1906/07 г. 70% всего ввоза страны, а в 1913/14 — 67% в денежном выражении. Вывоз хлопчатобумажных тканей из России в Афганистан с начала XX в. до первой мировой войны увеличился более чем в десять раз.

Афганский импорт хлопчатобумажных тканей в эти годы характеризуется следующими цифрами (в т) ⁷²:

	1899/900 г.	1906/07 г.	1913/14 г.
По индо-афганской границе	1500	3000	3500
По русско-афганской границе	134	737	1750

Англия и Россия сохраняли монопольное положение на афганском рынке, не допуская транзита товаров других стран через свои владения в Индии и в Средней Азии. Внешнеторговое господство Англии распространялось на рынки к югу от Гиндукуша, а России — в основном на левобережье Аму-Дарьи и, в меньшей степени, на Гератскую провинцию. Третьей страной, с которой Афганистан вел внешнюю торговлю, был Иран. Однако стоимость оборота по афгано-иранской границе в первые годы XX в., даже по оценкам Ковалева (которые представляются завышенными), составляла в среднем не более 10% от всего внешнеторгового товарооборота Афганистана ⁷³.

В результате англо-русского соперничества за афганский рынок в начале XX в. Англии удалось сохранить свое преобладание на нем. Решающее влияние на такой исход имели более высокий уровень развития английской промышленности, прочность традиционных позиций индийского торговлоростовщического капитала в Афганистане и торгово-политические преимущества Англии в этой стране. В первые годы своего правления эмир Хабибулла ослабил внешнеторговые ограничения в отношении Англии в несколько большей мере, чем в отношении России.

⁷² Там же, стр. 95.

⁷³ Ковалев, *Отчет*, табл. «Торговля Афганистана с Персией».

По русским данным, на индо-афганской границе пошлины с привозных и вывозных товаров со стороны Афганистана были установлены в размере от 10 до 33%, а на русско-афганской границе — до 20 и 30% стоимости товара⁷⁴. По-видимому, в дальнейшем понижение афганского тарифа по индийской границе и повышение его по русской границе, произведенные после миссии Дэна, значительно изменили это соотношение в пользу Британской Индии⁷⁵.

Англия наводняла Афганистан дешевыми фабричными изделиями, а ее закупки сырья в этой стране были относительно невелики, так что торговый баланс постоянно оставался для Афганистана пассивным. Рост ввоза промышленных товаров тяжело сказывался на состоянии ряда отраслей ремесленного производства Афганистана. Колониальный характер носила и торговля России с Афганистаном, но Россия покупала сырьё на несколько большие суммы, чем вывозила промышленных товаров, так что баланс торговли с нею был активным для Афганистана.

Экспорт хлопка из Афганистана в Россию возрастал примерно в той же пропорции, что и импорт хлопчатобумажных изделий из России. Соотношение цен на русские фабричные хлопчатобумажные ткани и на афганский хлопок-сырец обуславливало большую рентабельность для Афганистана обмена хлопка на русские готовые изделия по сравнению с кустарной выработкой хлопчатобумажных тканей на месте⁷⁶.

Из остальных продуктов земледелия, экспортировавшихся из Северного Афганистана в Россию, сравнительно крупное значение имел вывоз кунжутного и льняного семян. Основными районами возделывания кунжута были Кундуз и Бадахшан⁷⁷. Кунжутное семя доставлялось на каюках в Керки, и оттуда не только развозилось по Бухарскому ханству и Средней Азии, но отправлялось и в Европу (в Гамбург).

⁷⁴ Ковалев, *Отчет*, стр. 511.

⁷⁵ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 17, прим. 34.

⁷⁶ Вывоз хлопка-сырца из Афганистана в Россию составлял в 1901 г. 880 т, а в 1903 г. — 1176 т. После резкого сокращения в 1905—1909 гг., вызванного распространением с 1904 г., с русской стороны, на этот товар высокого таможенного тарифа, действовавшего до того только на русско-иранской границе, экспорт хлопка из Афганистана в 1911 г. вырос до 2858 т, в 1913 г. — до 2994 т, а в 1915 г. — до 4539 т. Рост экспорта хлопка в Россию вызвал довольно значительное расширение посевных площадей под этой культурой в северной и северо-западной частях Афганистана (в основном в Гератской и Мазари-Шарифской областях).

⁷⁷ Скупкой семян кунжута и других масличных растений для вывоза за границу занимались проживавшие в Бухаре пешаварские купцы (английские подданные). Средний ежегодный вывоз кунжутного и льняного семени из Афганистана в Россию за время с 1896 по 1905 г. определялся в 69 847 пудов, а в некоторые годы (как, например, в 1902 г.) он превышал 90 тыс. пудов (Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 135).

По своему удельному весу в общей сумме экспорта Афганистана важнейшее место занимали продукты скотоводства. В первые годы XX в. вывоз скота и продуктов скотоводства составлял более 70% суммы всех экспортировавшихся из страны товаров⁷⁸.

Основными товарами в экспорте продуктов скотоводства Афганистана, вывоз которых сильно возрастал в годы правления Хабибуллы, были шерсть и каракуль. В 1913/14 г. вывоз шерсти и каракуля составил почти половину стоимости всего экспорта Афганистана в Англию и Россию⁷⁹. Хабибулла сохранил эмирскую монополию на экспорт каракуля, введенную Абдуррахманом. Эта монополия осуществлялась следующим образом. Все каракулевые шкурки должны были предъявляться специальным сборщикам, назначенным эмиром. Сборщики оценивали их и принимали, выдавая квитанции на сумму, определенную за шкурки. По этим квитанциям можно было получить деньги в областных казначействах, они также принимались в счет уплаты правительственных податей и сборов.

Взимание шкурок и определение их качества и ценности сопровождалось большими злоупотреблениями со стороны эмирских сборщиков. В конце XIX—начале XX в. размер оценки шкурок сборщиками колебался от 40 коп. до 1 р. 20 к. за штуку, причем богатые овцеводы путем подкупа сборщиков всегда пользовались разными льготами, так что вся тяжесть монополии ложилась «на беднейший класс населения»⁸⁰.

Вследствие низких цен на каракуль, устанавливавшихся эмирскими сборщиками, и злоупотреблений этих должностных лиц широко развивалась контрабандная торговля каракулевыми шкурками в обход монополии. В начале XX в. в связи с повышением спроса на каракуль, вывоз его в Россию значительно увеличился, и к началу первой мировой войны Хабибулла экспортировал ежегодно в среднем 150 тыс. шкурок. Кроме того, столько же вывозилось контрабандой⁸¹.

Контрабандная торговля каракулем превратилась в Афганистане в особый промысел, процветавший несмотря на строгие наказания, грозившие уличенным в нарушении эмирской монополии. В этом «промысле» активное участие через посредничество своих приказчиков принимали и бухарские купцы. Приказчики отправлялись в Афганистан в январе—феврале незадолго до окота овец. Они разъезжали по степным районам Афганистана и договаривались с каракулево-

⁷⁸ Ковалев, *Отчет*, стр. 23.

⁷⁹ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 109, табл. 39.

⁸⁰ Ковалев, *Отчет*, стр. 69.

⁸¹ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 112.

дами о продаже шкурок, выплачивая им задаток в размере от одной трети до половины стоимости будущего товара. Наняв надежных людей, гуртовщики загоняли стада в глухие места, забивали ягнят и слегка просоленные шкурки переправляли контрабандным путем через границу, преимущественно в районах Керки и Чушка-Гузар⁸².

Ко времени первой мировой войны численность каракульских овец в Афганистане превышала 1 млн. голов⁸³. Кроме экспорта каракуля, Хабибулла проводил оптовые операции и с другими товарами, расходуя значительную часть английской субсидии на закупку товаров в Индии. В годы его правления «целый ряд оптовых и розничных лавок на кабульском базаре становится эмирской собственностью. Жены эмира и придворные также участвовали через подставных лиц в торговле и даже имели свои лавки»⁸⁴. Не только эмир, но и многие высшие чиновники принимали участие в торговле непосредственно или входя в компании, создававшиеся купцами-профессионалами. В торговлю вовлекались помещики, ханы кочевых племен, мелкие и средние чиновники, офицерство. Хабибулла в начале своего правления проводил некоторые мероприятия, содействующие укреплению позиций национального купечества Афганистана (в частности, предоставлял ему возможность пользоваться кредитом в кабульском казначействе).

На развитие афганского национального купечества северных районов страны, особенно Гератской провинции, большое влияние оказывало расширение русско-афганской торговли. В этих областях Афганистана сколько-нибудь сильной конкуренции со стороны иностранных купцов и компрадоров не было, а русские власти и фирмы содействовали участию афганцев в торговле, используя их как посредников для продвижения русских товаров на юг страны⁸⁵. В русско-афганскую торговлю в связи с ростом цен на шерсть в России начинали вовлекаться и афганские купцы из Кандагара. В Кушку приезжали «ханы из-под Кандагара», доставляя партии шерсти до 15 тыс. пудов. Затем эти ханы-купцы совершали путешествия в Москву для закупки товаров⁸⁶.

К концу правления Хабибуллы в Афганистане существовала довольно значительная прослойка национального купечества. При этом быстрее всего росло «крупное афганское купечество, происходившее в основном из крупного чиновни-

⁸² Ремез, *Внешняя торговля Бухары*, стр. 26.

⁸³ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 113.

⁸⁴ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 124.

⁸⁵ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 153, 154.

⁸⁶ Губаревич — Радобыльский, *Значение Туркестана в торговле России*, стр. 172.

чества и широко использовавшее в торговых целях прерогативы власти»⁸⁷. Однако несмотря на то что национальный торговый капитал значительно усилил свои позиции, иностранные купцы и компрადоры сохраняли преобладание как в денежных операциях, так и в ряде важнейших отраслей торговли, имея тесные связи с английскими фирмами и не выпуская из своих рук такие рынки, как Кабул и Кандагар.

При характеристике первых ростков капиталистических отношений в Афганистане, условия для возникновения которых создавались ростом денежного хозяйства и формированием торгового капитала (связанных в значительной мере с расширением внешней торговли в начале XX в.), следует учитывать крайне низкую емкость рынка страны и сохранение в ней натуральных и полунатуральных форм хозяйства.

При довольно значительном увеличении среднегодового товарооборота с Англией и Россией (с 14 927 тыс. инд. рупий в 1896—1900 гг. до 47 381 тыс. инд. рупий в 1911—1915 гг.) объем внешней торговли на душу населения оставался более низким, чем в подавляющем большинстве других стран того времени, что отражало экономическую отсталость Афганистана⁸⁸.

При сохранении натуральных и полунатуральных форм хозяйства в афганском государстве удерживалась архаическая налоговая система, тормозившая развитие товарно-денежных отношений. В начале XX в. налоги с земледельцев и скотоводов по-прежнему взимались преимущественно натурой. Население свозило зерно и другие продукты в правительственные склады («гудамы»), для обслуживания которых содержался многочисленный персонал. Однако хранение собранных продуктов было налажено плохо, и значительная часть их портилась.

Отсутствие точного учета и хищения чиновников приводили к тому, что правительство не получало и половины взимавшихся натурой налоговых поступлений; часть их еще до сдачи на склады присваивалась ведавшими сбором местными властями и ханами племен⁸⁹.

Несмотря на гнет империализма и сохранение сильных пережитков средневековья, тормозивших развитие Афганистана, в этой стране в начале XX в. происходили некоторые немаловажные изменения. Их предпосылками были: политическое объединение страны, возраставшая специализация в

⁸⁷ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 154, 155.

⁸⁸ См. там же, стр. 20, 22.

⁸⁹ Большую часть денежных доходов казны составляли таможенные поступления. В финансовом отношении афганский эмир в значительной мере зависел от внешней торговли и от выплачиваемой ему англичанами субсидии.

сельском хозяйстве, рост торговли и увеличение населения городов.

В крупной торговле, находившейся прежде главным образом в руках индийских и таджикских купцов, стала постепенно повышаться роль афганского купечества. В стране формировалась афганская национальная торговая буржуазия. В Афганистане, хотя и очень медленно, возрастали межобластные торговые связи, начинал складываться единый внутренний рынок и зрели элементы капиталистических отношений.

Хотя медленно и в крайне незначительных масштабах, в страну проникала современная техника. Проведением телефонной линии между Кабулом и Джалалабадом был положен первый шаг в развитии в Афганистане современных средств связи. Эта линия была проведена в 1909/10 г.⁹⁰. В 1911/12 г. телефонная линия соединила столицу с Джабаль ус-Сираджем⁹¹. В это же время было выстроено несколько мелких электростанций, решено соорудить гидроэлектростанцию в Джабаль ус-Сирадже (в 60 км от Кабула) для снабжения энергией нескольких новых предприятий фабрично-заводского типа⁹². Строительство этой первой в Афганистане гидроэлектростанции началось в 1907 г. и завершилось только в 1919 г.⁹³. В 1908 г. было создано казенное кожевенно-обувное предприятие. Его продукция предназначалась главным образом для нужд афганской армии. К 1917 г. закончилось строительство суконной фабрики, которой предстояло стать одним из основных потребителей электроэнергии.

С какими трудностями приходилось сталкиваться при сооружении промышленных предприятий в связи с бездорожьем, дороговизной импортного оборудования и его доставкой, хорошо показывает история постройки суконной фабрики. Только возведение стен фабричного здания из-за отсутствия на месте необходимых строительных материалов и затруднений при транспортировке их из отдаленных районов затянулось на пять лет. Покупная цена машин для суконной фабрики составила несколько более 80 тыс. долл., а доставка их обошлась эмирской казне почти в 240 тыс. долл.⁹⁴

Результаты сопровождавшихся такими трудностями первых шагов в создании в Афганистане фабрично-заводской

⁹⁰ «Сирадж ал-Ахбар», № 1 от 15 шавваля, 1330 г. х.

⁹¹ Там же.

⁹² Оборудование и материалы, необходимые для строительства этой гидроэлектростанции, импортировались преимущественно из США, а руководство ее сооружением возглавлялось американским инженером (см. Jewett, *An American engineer in Afghanistan*).

⁹³ Головин, *Развитие промышленности*, стр. 26.

⁹⁴ Baker and other consular officers, *British India*, p. 545.

промышленности были невелики. К началу первой мировой войны производительность казенных предприятий определялась следующими данными: кабульский арсенал мог ежедневно выпускать 25 ружей и каждую неделю — 20 тыс. патронов и два артиллерийских орудия; на кожевенно-обувном предприятии вырабатывалось 400 пар армейской обуви в день; на монетном дворе могло чеканиться 20 тыс. монет ежедневно; мыловаренный завод выпускал 10 т мыла, а свечной — 100 тыс. свеч в неделю. В экономическом отношении для страны, насчитывавшей около 10 млн. жителей, эта продукция еще очень мало что значила.

Однако именно с введением в строй казенных предприятий в Афганистане связано зарождение промышленного пролетариата. В кабульской «машин-хана» насчитывалось около 1,5 тыс. местных рабочих, трудившихся под руководством 100 квалифицированных индийских мастеров.

Новшества при дворе и новое в стране

Требованиями жизни были вызваны попытки верхушечной европеизации афганского государства. Однако они в основном не выходили за рамки внешней европеизации этикета эмирского двора. Это сводилось к тому, что во время некоторых церемоний эмир и его сановники облачались в европейские одежды; стали играть в такие спортивные игры, как гольф и крикет. Эмир и его приближенные обзавелись американскими авторучками, оборудование дворцовых канцеляристов пополнилось пишущими машинками и т. п. Хабибулла пристрастился к езде на автомобиле и к началу первой мировой войны имел для своих личных выездов 57 автомашин разных марок⁹⁵.

Новшества в придворном обиходе и закупки заморских диковинок, которые эмир выбирал по иллюстрированным каталогам европейских и американских фирм, заказывая их через бомбейских комиссионеров, входили в быт лишь самого узкого круга приближенных Хабибуллы. Большее значение имела организация государственного гражданского учебного заведения «Хабибия» (1903 г.) и офицерского училища, положивших начало созданию (в первое время весьма немногочисленной) новой афганской интеллигенции. Получив элементы современного образования, эта интеллигенция сыграла определенную роль в развитии культуры в Афганистане и в распространении новых идей в стране. «Хабибия» — первое светское государственное учебное заведение в Афганистане — было основано в качестве лицея (т. е. полной средней школы)

⁹⁵ Ibid., p. 536.

с 12-летним сроком обучения и организовано по типу англо-индийских колледжей. Лицей этот был предназначен для подготовки административных кадров.

Преподавание большинства общеобразовательных дисциплин в этом лицее велось на персидском языке, серьезное внимание уделялось изучению персидской литературы. Некоторые предметы преподавались на английском языке, который был обязательным предметом. С открытием «Хабибия» в афганском государстве был сделан первый шаг к созданию системы современного образования⁹⁶. Несомненно также значение учрежденной в Кабуле эмирской типографии, оставшейся правда, единственной во всей стране⁹⁷.

Значительную роль в развитии культуры в стране сыграли приглашенные афганскими властями на педагогическую работу образованные индийцы. Многие из них были связаны у себя на родине с национально-освободительным движением. Кроме преподавателей, на работу в Кабул были приглашены индийские врачи, техники, оружейные мастера и др.

Развитие новых идей, распространявшихся под влиянием русской революции 1905 г. и подъема национальной борьбы в странах Востока, коснулось и Афганистана. Правда, приверженцы этих идей в замкнутой и слабо развитой стране были немногочисленны, но они оставили заметный след в ее истории. В марте 1909 г. Хабибулла бросил в тюрьму организатора и директора училища «Хабибия» д-ра Абдул Гани, индееца, участвовавшего в деятельности небольшой группы интеллигенции, выступившей за конституцию и реформы. Были репрессированы не только участники этой группы; многочисленные аресты обвиненных в реформаторском заговоре были произведены в Кабуле и других городах⁹⁸.

⁹⁶ К сожалению, нам не удалось ознакомиться с опубликованным в Кабуле в ознаменование сорокалетнего юбилея «Хабибия» сборником, содержащим статьи, написанные бывшими учащимися этой школы.

⁹⁷ В 1911/12 г. типографское дело было расширено и усовершенствовано, создана школа, готовившая специалистов по цинкографии, приняты меры к улучшению качества клише и к повышению квалификации наборщиков. Все это создало условия для значительного технического улучшения печатных изданий в Афганистане, где в прошлом качество печати, осуществлявшейся литографским способом, было крайне низким. Теперь стали применяться подвижный наборный шрифт и печатные машины, для воспроизведения иллюстративного материала начали пользоваться методом фотоцинкографии (см.: «Сирадж ал-Ахбар», № 1 от 15 шавваля 1330 г. х.: «Современный Афганистан», стр. 321).

⁹⁸ Очильдиев, *Некоторые вопросы*, стр. 18. Изучение русских архивных документов показало, что движение за внутренние реформы и независимость Афганистана «носило более широкий и организованный характер, чем это представлялось ранее в нашей исторической литературе» (там же, стр. 14). Есть сведения о том, что первая организация конституционалистов была основана в Кабуле в конце 1906 г. и называлась «Ихвани афган» («Братья афганцы»), см. Мирзоев, *Деятельность Махмуда Тарзи*, стр. 26.

С этими событиями связывается начало движения в пользу конституционных реформ в Афганистане. В дальнейшем это движение, известное в русской литературе под названием «младоафганского», развивалось, но круг его сторонников ограничивался в основном немногочисленными образованными людьми из афганской знати, представителями новой афганской интеллигенции, передового офицерства, купечества.

Младоафганцы этого круга не опирались на массы, хотя ставили целью завоевание независимости. Они ратовали за более решительную европеизацию афганского государства, надеясь на превращение его в конституционную монархию; стояли за реформы, выдвигавшиеся жизнью в стране, развитие которой сковывалось такими остатками средневековья, как условное феодальное землевладение, натуральные налоги, привилегии племен, внутренние таможи и т. п.

Проведение «сверху» реформ, направленных на уничтожение феодальных институтов и пережитков, отвечало прежде всего интересам купечества и связанных с торговым земледелием помещиков. Объективно их интересы и выражали младоафганцы, возлагавшие свои надежды на молодого принца Аманулла-хана, третьего сына эмира Хабибуллы. Идейным главою младоафганцев был Махмуд-бек Тарзи. Под его влиянием и воспитывался принц Аманулла, женатый на его дочери Сураие.

Махмуд-бек Тарзи происходил из кандагарской ветви того же баракзайского рода Мухаммедзаев, к которому принадлежала и правящая династия. Отец его Гулам Мухаммед-хан считался мастером каллиграфии, пробовал свои силы в живописи (миниатюра) и писал стихи под псевдонимом «Тарзи». Этот псевдоним перешел впоследствии и к его сыну Махмуд-беку⁹⁹.

Гулам Мухаммед-хан играл видную политическую роль в Афганистане, но в 60-х годах XIX в. был вынужден эмигрировать в Иран, оттуда направился в Ирак, а затем в Сирию, где Махмуд и получил образование. Он изучал турецкий и арабский языки. Персидским языком и литературой он занимался под руководством своего отца и рано начал писать стихи, обнаружив незаурядный поэтический дар. Познакомившись с новой турецкой литературой, юный поэт обратился к гражданским, общественным мотивам, отказавшись от традиционного подхода, при котором обычно глубина содержания приносилась в жертву стилистической изощренности.

Его внимание привлекала и литература Запада¹⁰⁰. Воспри-

⁹⁹ Халили, *Махмуд-бек Тарзи*, стр. 156.

¹⁰⁰ Произведения европейских авторов он читал в турецких переводах.

нимая прогрессивные идеи из книг и расширив свой кругозор путешествиями, Махмуд Тарзи пришел к решению посвятить жизнь борьбе за независимость отчизны. Публицистическую деятельность, направленную к достижению этой цели, он начал, еще находясь за пределами Афганистана.

После вступления на престол эмира Хабибуллы Махмуд Тарзи получил от него приглашение приехать в Афганистан и возвратился с женой сирийкой и дочерьми. Отца его к этому времени уже не было в живых. Вернувшись на родину, Махмуд Тарзи развернул разностороннюю просветительскую и политическую деятельность. Он выступал в качестве писателя, публициста, переводчика и издателя. С 1911 г. он начал выпускать периодический печатный орган «Сирадж ал-Ахбар Афганиа»¹⁰¹. Махмуд Тарзи был не только неизменным редактором его, но и автором многих печатавшихся в нем статей и заметок.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении комплектам «Сирадж ал-Ахбар», наиболее значительное по объему место в нем занимали материалы о событиях, происходивших в странах Среднего и Ближнего Востока и в Европе (главным образом в России и Англии). Сведения эти черпались преимущественно из сообщений западноевропейских телеграфных агентств, взятых из газет, главным образом английских. Уделялось внимание и хронике событий внутренней жизни Афганистана, публиковались также письма читателей по различным вопросам, статьи и заметки на литературные темы, небольшие популярные статьи о современных науках и т. п.¹⁰² При передаче официальных сообщений и в хроникальных заметках, посвященных внутренней жизни Афганистана (как правило, очень кратких), тщательно отмечалось новое в области техники, появлявшееся в эмирском дворце и в стране, сообщалось о строительстве промышленных предприятий, каналов, о сооружении и ремонте дорог и мостов, об изменениях в организации армии и т. д.

¹⁰¹ «Сирадж ал-Ахбар» выходил один раз в две недели на 16 страницах в бумажной обложке. Обычно его называют газетой (см., например, «Современный Афганистан», стр. 321). По своему внешнему виду, объему и периодичности «Сирадж ал-Ахбар» скорее отвечает нашему представлению о журнале, по характеру же большей части содержавшегося в нем материала действительно есть основания считать его газетой. Видимо, по замыслу издателя и редактора, этот печатный орган, первенец афганской периодики, должен был служить читателям одновременно и газетой с информацией о международных событиях, и хроникой внутренней жизни страны, и двухнедельным иллюстрированным журналом. Издавался «Сирадж ал-Ахбар» до 1919 г. (Ср. Бертельс, *Афганская пресса*, — «Библиография Востока», вып. 5—6, 1934).

¹⁰² В таких статьях в самой популярной форме говорилось о предмете отдельных современных наук (в частности, разъяснялось, что такое геология, политэкономия и т. д.).

«Сирадж ал-Ахбар» в определенной мере являлся рупором младоафганцев, призывавших к европеизации страны и борьбе за независимость. С его страниц младоафганцы обращались к патристическим чувствам афганцев, к их национальной гордости и любви к родине.

Поскольку идеология младоафганцев находилась под влиянием панисламизма, а также в связи с тем, что сам Махмуд Тарзи получил воспитание и образование в Сирии, входившей в состав Османской империи, в «Сирадж ал-Ахбар» не только подчеркивались особые симпатии к мусульманским странам, но проявлялись и протурецкие настроения¹⁰³.

Однако наряду с идеями панисламизма в «Сирадж ал-Ахбар» нередко выражались и прогрессивные взгляды на пробуждение Востока. В разделах, посвященных зарубежной хронике, встречаются оценки событий, интересные для характеристики именно этой, прогрессивной стороны идеологии младоафганцев¹⁰⁴.

Гораздо осторожнее в «Сирадж ал-Ахбар» комментировались политические события в самом Афганистане. В хронике внутренней жизни большое место занимали сообщения о придворной жизни, помещались фотографии эмирской охоты (излюбленного развлечения Хабибуллы) и т. п. Вместе с тем кратко освещались и такие события, как восстания племен против эмирских властей, но повстанцы квалифицировались как «безумцы».

Последний из имеющихся в библиотеке ЛО ИНА АН СССР номер «Сирадж аль-Ахбар» от 13 октября 1917 г. более чем наполовину заполнен материалом о положении в России. Объем и подбор этого материала, почерпнутого из английской и русской прессы, свидетельствует о напряженном внимании и большом интересе редактора журнала и его читателей к событиям в России.

Обращаясь к деятельности Махмуда Тарзи как переводчика и литератора, следует отметить, что к 1917 г. он опубликовал переводы на персидский язык ряда научно-фантастических романов Жюль Верна. В 1916/17 г. он издал в Кабуле перевод многотомной истории русско-японской войны, составленной офицерами турецкого генерального штаба.

К числу оригинальных произведений Махмуда Тарзи (выступавшего под литературным псевдонимом Махмуд Афгани) принадлежит ряд художественных, публицистических произведений, а также множество стихотворений и статей, опубликованных в периодических изданиях. Кроме того, Махмуд

¹⁰³ «Сирадж ал-Ахбар», № 18 от 1 раджаба 1331 г. х., стр. 8—10.

¹⁰⁴ По сообщениям современников, эмирские власти неоднократно запрещали отдельные номера «Сирадж ал-Ахбар» (см. «Современный Афганистан», стр. 321).

Тарзи опубликовал работу, посвященную географии Афганистана, написал краткий очерк всеобщей географии и т. д.¹⁰⁵

Заслуги М. Тарзи перед родиной высоко ценятся в современном Афганистане, и в сердцах его почитателей живет благодарная память о разносторонней общественно-политической и культурной деятельности выдающегося просветителя.

В весьма эмоциональной характеристике Махмуда Тарзи, опубликованной на страницах советского журнала, современный афганский поэт и историк Х. Халили пишет: «Книги этого выдающегося писателя, политического и общественного деятеля нашей страны до сих пор остаются предметом внимательнейшего чтения и изучения в Афганистане. Молодежь считает его провозвестником обновления, создателем просветительского направления, великим мыслителем, руководителем борьбы за свободу»¹⁰⁶.

Наиболее реакционные афганские феодалы группировались вокруг Насруллы, брата царствовавшего эмира. Насрулла был главою мусульманского духовенства, пользовался религиозным и политическим влиянием среди ханов и маликов афганских пограничных племен Северо-западной Индии. Поддерживавшие его феодальные землевладельцы, ханы племен и служители религии были противниками всяких новшеств и отрицательно относились даже к чисто внешней европеизации некоторых сторон дворцовой жизни. Эта группировка известна в русской литературе под названием «староафганцев». Политических партий в Афганистане не было. Староафганцы представляли собой прежде всего придворную группировку, соперничавшую за влияние на эмира с младоафганцами.

Староафганцы до начала первой мировой войны в общем склонялись к тому, чтобы примириться с английским контролем над внешней политикой Афганистана,— изоляция от внешнего мира устраивала наиболее реакционные элементы господствовавшего класса. Староафганцы боялись проникновения в Афганистан свежих веяний, грозивших поколебать средневековые устои жизни.

Но и староафганцы были недовольны все большим подчинением эмира Хабибуллы в последние годы его правления английскому влиянию. Они пытались противопоставить английскому влиянию сближение с Германией и Турцией. С правящими кругами султанской Турции их идеологически связывал воинствующий панисламизм. С немецкими империалистами староафганцы обнаружили общность интересов не только (и может быть не столько) в области политики, но и в делах коммерческих, приносивших ощутимые выгоды.

¹⁰⁵ Список опубликованных и находившихся в печати работ Махмуда Афгани см. в кн.: Халили, *Махмуд-бек Тарзи*, стр. 157.

¹⁰⁶ Там же.

В годы подготовки к первой мировой войне кайзеровская Германия организовала в значительных масштабах контрабандную торговлю оружием на северо-западной границе Индии, снабжая им пограничные афганские племена. В доставке этого оружия и в торговле активное участие приняла группа афганских феодалов и купцов. Ее возглавляли влиятельные лица, и прежде всего Насрулла-хан.

Нейтралитет Афганистана и германо-австро-турецкая миссия

Вскоре после начала первой мировой войны Хабибулла на дурбаре, состоявшемся в Кабуле 24 августа 1914 г., провозгласил нейтралитет Афганистана¹⁰⁷. На следующем дурбаре, 3 октября 1914 г., он подтвердил свою решимость соблюдать нейтралитет и опроверг слухи, приписывавшие ему враждебные намерения в отношении к России¹⁰⁸.

В дальнейшем, несмотря на сложную внутреннюю обстановку в стране, Хабибулла стремился соблюдать нейтралитет, лавируя, но в общем придерживаясь проанглийской внешнеполитической ориентации. В Афганистане же и особенно среди афганских пограничных племен были сильны антианглийские настроения. Значительное идеологическое воздействие на население Афганистана оказало вступление в войну Турции (октябрь 1914 г.) и провозглашение турецким султаном «джихада» против Англии и России. В кругу близких ко двору Хабибуллы лиц активными сторонниками протурецкой и прогерманской политики выступали староафганцы во главе с Насрулло-ханом. Прогерманские настроения затронули и младоафганцев. В «Сирадж ал-Ахбар» появлялись высказывания об «освободительной миссии» Германии и т. п.¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Согласно данным, имеющимся в Центральном государственном архиве Узбекской ССР, британское правительство, как только началась война, поручило англо-индийским властям сообщить афганскому эмиру о событиях в Европе, посоветовать ему придерживаться абсолютного нейтралитета и «принять все зависящие от него меры к поддержанию порядка» на границах с Индией и Средней Азией (Бабаходжаев, *Миссия Нидермайера — Гендига*, стр. 19).

¹⁰⁸ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 246.

¹⁰⁹ В 1917 г. царские власти Туркестана даже прошупывали почву, желая при помощи Англии воздействовать на афганского эмира с целью изменить внешнеполитическую направленность «Сирадж ал-Ахбар» того времени. В секретной телеграмме, посланной дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе в Индию на имя представителя царской России Томановского 18 февраля 1917 г., говорилось: «Обративши внимание на враждебное нам и англичанам направление издающейся в Кабуле и проникающей в пределы Бухары и Туркестанского края газеты «Сирадж ал-Ахбар», генерал Куропаткин интересуется, не представляется ли возможным воздействие со стороны Индии на Афганского Эмира, в целях прекращения вредного направления сказанного издания» («Синяя книга», стр. 115).

Для привлечения на свою сторону Афганистана в качестве союзника германские империалисты всячески использовали религиозный авторитет турецкого султана. Германская и турецкая пропаганда представляли кайзеровскую Германию бескорыстным другом мусульман, распространяя вымыслы о том, будто Вильгельм II принял ислам и т. п.¹¹⁰ В своих письмах к правителю Афганистана турецкий султан призывал его принять участие в «джихаде» против России и Англии¹¹¹.

В Турции была сформирована германо-австро-турецкая миссия, которой было поручено проникнуть через Иран в Афганистан и убедить афганского эмира вступить в войну на стороне Германии и ее союзников. Миссию возглавлял капитан германского генерального штаба Оскар Нидермайер. В начале 1915 г. он с отрядом в 80 человек, среди которых были турки во главе с Казим-беем, перешел турецко-иранскую границу. По имеющимся архивным данным (основанным на рассказах одного из иранских подданных, сопровождавшего германо-австро-турецкую миссию из Ирана в Афганистан), эта миссия весной 1915 г. с конвоем из 200 турецких солдат прибыла из Стамбула через Багдад в Керманшах. Миссия имела «довольно крупный багаж, каковой везло 40 мулов и 30 лошадей. В этом караване было шесть лошадей с грузом золотых монет и шесть с грузом серебряных, а кроме того, значительный запас ружей и патронов»¹¹².

Передвигаясь через территорию Ирана, южная часть которого в то время была оккупирована английскими войсками, а северная — русскими, миссии удалось благополучно добраться до районов, пограничных с Афганистаном. Однако граница охранялась кавалерийскими отрядами русских и английских оккупационных войск, предупрежденных о продвижении германо-австро-турецкой миссии.

С большим трудом миссии удалось перейти ирано-афганскую границу. Преследуемая русским казачьим отрядом, миссия вынуждена была разделиться на два отряда и бросить золото и багаж¹¹³. В июле 1915 г. в Герат прибыла одна груп-

¹¹⁰ Бабаходжаев, *Миссия Нидермайера — Гентига*, стр. 21.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, стр. 22.

¹¹³ По воспоминаниям Э. М. Рикса, принимавшего участие в преследовании миссии, казаки, приближаясь к каравану миссии с каждым переходом, должны были настигнуть его у самой границы. Утомленные длительными напряженными маршами по пустыне, они уже приготовились к жестокому бою, так как было известно, что члены миссии хорошо вооружены и имеют даже пулеметы. В последний момент только простая случайность (путь каравана миссии пересек какой-то другой караван, и казаки поскакали по ложному следу) позволила ей пересечь границу. Э. М. Рикс делился своими воспоминаниями с автором этих строк в 1948 г.

па членов миссии во главе с Вагнером, а 24 августа — другая, возглавлявшаяся Нидермайером.

В этом городе, если верить данным, полученным туркестанскими властями, миссия была принята очень хорошо. В 35 верстах от города ее встретил военный эскорт, и въезд ее в город напоминал «триумфальное шествие»¹¹⁴. 29 августа миссия, получив разрешение эмира на въезд в Кабул, покинула Герат. Генерал-губернатор Герата отправил впереди миссии отряд в 50 человек и приказал командиру отряда «объявить жителям городов и селений, через которые будет лежать путь, что это идут в Кабул посланцы его величества султана халифа правоверных»¹¹⁵. 2 октября миссия прибыла в Кабул, где ей также была устроена торжественная встреча и (во всяком случае, на первых порах) назначено богатое содержание. Руководители миссии встречались с братом эмира Насруллой-ханом и принцем Амануллой-ханом¹¹⁶.

Эмир принял миссию только 26 октября. Ему было вручено письмо турецкого султана, в котором содержался призыв принять участие в «джихаде», а также личное послание кайзера Вильгельма II с предложением выступить на стороне Германии и ее союзников против Англии и России.

Хабибулла держался осторожно. Однако в конце ноября Нидермайеру и Гентигу, по-видимому, удалось склонить его подписать проект договора с Германией, и он в связи с этим разрешил членам миссии принять участие в реорганизации афганской армии¹¹⁷. Однако в ходе дальнейших переговоров руководители миссии, затрагивая вопрос о вступлении Афганистана в войну, получали только уклончивые и неопределенные ответы, сопровождавшиеся со стороны эмира предъявлением не выполнимых для Германии предварительных условий.

На одной из встреч с Нидермайером и Гентигом, состоявшейся в феврале 1916 г., Хабибулла заявил, что Афганистан выступит против Англии только в том случае, если будет обеспечен нейтралитет России, а в мае 1916 г. обусловил свое участие в войне предварительной доставкой из Германии в Афганистан 20 тыс. солдат, 100 тыс. винтовок и 200 орудий, а также боеприпасов и снаряжения¹¹⁸.

Нидермайер и Гентиг попытались через приехавшего с миссией индийского эмигранта Махандра Пратапа обратиться к царскому правительству с целью добиться нейтралитета России в случае выступления Афганистана против Анг-

¹¹⁴ Бабаходжаев, *Миссия Нидермайера — Гентига*, стр. 22.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, стр. 23, 24.

¹¹⁸ Там же, стр. 25, 26; Рыбичка, *В гостях у афганского эмира*, стр. 38, 79.

лии. В конце февраля 1916 г. в Ташкент из Афганистана выехали два индийца с письмом к Николаю II, составленным Махандра Пратапом и выгравированным на золотой пластинке. В своем письме Махандра Пратап высказывал сожаление по поводу войны, происходившей между Россией и Германией и выражал надежду, что скоро эти государства помирятся и «соединят свои усилия против Англии»¹¹⁹.

Как показывает содержание письма, целью Махандра Пратапа было заручиться содействием или, по крайней мере, нейтралитетом России в отношении предполагавшегося восстания в Индии против британского владычества и совместных действий восставших индийцев и Афганистана против Англии¹²⁰.

Царское правительство не ответило на это письмо и информировало о нем английские власти в Индии¹²¹. Английское правительство, положение которого осложнялось развитием освободительного движения в Индии и неудачами английских войск в Месопотамии и Галлиполи, опасалось возможного выступления Афганистана на стороне Германии и с большой тревогой относилось к деятельности миссии Нидермайера — Гентига.

Было известно, что Хабибулла являлся сторонником нейтральной политики, но положение его нередко было затруднительным ввиду распространения среди сановников и придворных прогерманских настроений, причем наиболее активную группировку староафганцев возглавлял Насрулла-хан, считавшийся претендентом на престол в случае внутреннего переворота.

Английская дипломатия всеми имевшимися в ее распоряжении средствами стремилась избежать столкновения с Афганистаном также и потому, что не желала допустить к решению «афганского вопроса» царскую Россию, что «было бы неизбежно при нарушении Афганистаном нейтралитета»¹²².

Добиваясь скорейшего удаления миссии Нидермайера — Гентига из Афганистана и желая материально заинтересовать афганского эмира в дальнейшем соблюдении нейтралитета, англичане обещали ему увеличить ежегодную субсидию с 18 до 24 лакхов рупий и выплатить в трехмесячный срок после

¹¹⁹ «Синяя книга», стр. 74.

¹²⁰ Бабаходжаев, *Миссия Нидермайера — Гентига*, стр. 25.

¹²¹ «Синяя книга», стр. 72—74. Царские власти оставили без ответа и второе письмо Махандра Пратапа, посланное им также в Ташкент (Бабаходжаев, *Миссия Нидермайера — Гентига*, стр. 25).

¹²² Это подчеркивалось в донесениях управляющего русским генеральным консульством в Индии Лисовского от 11 мая и 7 октября 1916 г. («Синяя книга», стр. 78, 100).

окончания войны 50 лакхов рупий¹²³. Англичане спешили срочно информировать эмира о военных событиях, которые могли бы утвердить его в желании поддерживать нейтралитет, сообщая ему о взятии русскими войсками Эрзерума, вступлении их в Исфахан и Керманшах и т. п. Они не упускали также возможностей дискредитировать германо-австро-турецкую миссию в глазах эмира, сообщая ему о перехваченных письмах и других сведениях, свидетельствовавших о намерениях членов этой миссии произвести в Афганистане переворот и покончить с Хабибуллой в случае дальнейшей затяжки его с выступлением против России и Англии¹²⁴.

Весной 1916 г. Нидермайер и Гентиг окончательно убедились в безнадежности дальнейших попыток втянуть Афганистан в войну, во всяком случае без отправки туда немецко-турецких войск и доставки оружия и боеприпасов, что Германия и ее союзники не в состоянии были тогда сделать. 22 мая 1916 г. германо-австро-турецкая миссия выехала из Кабула, и большая часть ее членов вскоре покинула Афганистан¹²⁵. В стране осталось только несколько турецких офицеров и бывших австрийских военнопленных (бежавших из Русского Туркестана). Им было поручено продолжать подрывную работу против Англии и России.

Провал миссии Нидермайера — Гентига объясняется рядом причин, в частности внутренней обстановкой в Афганистане в конце 1915 — начале 1916 г., политикой эмира, положением на фронтах первой мировой войны и международным положением на Среднем Востоке. Германия и Турция находились далеко от Афганистана и были отделены от его границ иранской территорией, оккупированной Англией и Россией, а потому не имели возможности прислать ни войск, ни оружия, ни денег. Опасность же для Афганистана со стороны Англии и России в случае его выступления против Антанты была очень велика. Эмир и наиболее дальновидные из окружавших его лиц это хорошо понимали. Хабибулла сомневался в победе Германии и ее союзников, на него и на его окружение большое воздействие оказывали сведения о победах русских войск на турецком фронте и взятии Эрзерума, совпавшие по времени с пребыванием в Афганистане германо-австро-турецкой миссии. Эмир был также материально заинтересован в соблюдении нейтралитета, получая субсидию от англичан, рассчитывая на обещанное ее увеличение и т. п.

¹²³ См. «Синяя книга», стр. 84, 86; Бабаходжаев, *Миссия Нидермайера — Гентига*, стр. 25.

¹²⁴ «Синяя книга», стр. 77.

¹²⁵ Нидермайер выехал в Иран и добрался до Хамадана, в котором тогда находились германо-турецкие войска, а Гентиг с сопровождавшими его двумя германскими офицерами сумел перейти китайскую границу и обосновался в Яркенде.

Однако рассматривая политику афганского правительства того времени, нельзя не учитывать отношение Хабибуллы к нейтралитету вообще и, в частности, применительно к Афганистану. Оно было весьма отчетливо выражено в выступлении афганского эмира на дурбаре весной 1915 г. Эмир охарактеризовал войну как «величайшее бедствие» и отметил, что, несмотря на понесенные воюющими странами потери, они не пришли еще ни к какому результату. «Из этого,— заявил Хабибулла,— явствует, что в настоящее время счастливы только нейтральные государства и что строгий нейтралитет — величайшее благо для Афганистана»¹²⁶. Повторив это заявление дважды, Хабибулла подчеркнул величайшее значение, которое он придавал соблюдению строгого нейтралитета.

Несомненно, что последовательное проведение политики нейтралитета во время первой мировой войны (вне зависимости от личных побуждений) является объективно крупной заслугой Хабибуллы перед своей страной.

Положение в афганских районах Северо-Западной Индии

После крупного восстания 1897 г. вооруженная борьба афганцев полосы независимых племен против английских завоевателей не прекращалась. Одним из важнейших центров этой борьбы был Вазиристан. Ни блокадой непокорных племен, ни военными экспедициями английским колониальным властям не удавалось сломить сопротивления афганских горцев и распространить свою власть до «линии Дюранда». Английские карательные отряды уничтожали посевы, жгли афганские селения, убивали жителей, но результатом была еще большая ненависть к британскому владычеству со стороны афганцев.

В начале XX в. английские колониальные власти увеличили численность наемной «милиции», возлагая на отряды, набранные из самих афганцев, охрану британских постов в некоторых пограничных районах. Но в те районы, где положение оставалось наиболее напряженным, англичане вынуждены были перебрасывать свои войска. Так, численность их вооруженных сил в Вазиристане возросла с 12 тыс. в 1900 г. до 20 тыс. в 1901 г.¹²⁷ Весьма опасным для себя британские колониальные власти считали в то время и положение в ряде других районов, в частности в Свате.

Сложившаяся обстановка побудила руководителей британской колониальной политики в Индии на время отказаться от насильственного подчинения афганцев полосы незави-

¹²⁶ «Синяя книга», стр. 52.

¹²⁷ Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 155.

симых племен и принять меры к постепенному усилению своего контроля над ними. В связи с этим в Индии была создана новая административная единица — Северо-западная пограничная провинция с центром в городе Пешаваре, отделенная административной чертой от полосы независимых племен. Проект создания этой провинции британское правительство утвердило в декабре 1900 г., а 9 ноября 1901 г. было официально объявлено об этой административной реформе. В новую провинцию вошли округа с афганским населением, прежде находившиеся в составе Пенджаба: Пешавар, Банну, Кохат, Дера Исмаил-хан и Хазара. Общая численность жителей этих пяти административных округов в 1901 г. составляла около 2 млн.¹²⁸.

В последующие годы, вплоть до начала первой мировой войны, в полосе независимых племен продолжалось вооруженное сопротивление афганцев политике насильственного распространения на них контроля со стороны британских колониальных властей¹²⁹. Среди афганского населения административных округов Северо-западной пограничной провинции развивалось национально-освободительное движение. В этих округах, хотя и очень замедленно, в особенно тяжелых для народных масс условиях, происходило развитие капитализма, в результате чего создавались предпосылки для роста национального самосознания у афганцев и культурно-просветительского движения, объективно подготавливавшего почву для вовлечения широких масс угнетенного народа в национально-освободительную и антиколониальную борьбу.

Северо-западная пограничная провинция была одной из самых отсталых аграрных окраин колониальной Индии. Широкие массы трудящегося населения провинции в сельских местностях и в городах страдали от постоянной нехватки продовольствия, голод и болезни вызывали высокую смертность. Больше половины крестьян владели карликовыми участками земли, недостаточными для того, чтобы прокормить свои семьи. Сельскохозяйственный кризис, охвативший колониальную Индию, с большой силой проявился в Северо-западной провинции: резко уменьшались посевные площади, сокращалось поголовье скота и т. д.¹³⁰

¹²⁸ Верховная власть в Северо-западной пограничной провинции принадлежала «главному комиссару», подчинявшемуся непосредственно английскому правительству. На представителей английских колониальных властей в Северо-западной пограничной провинции во главе с этим комиссаром возлагалось также руководство «агентствами», в ведении которых находились районы полосы независимых племен, расположенные между границами административных округов и «линией Дюранда».

¹²⁹ В дореволюционной русской литературе сводка материала о вооруженной борьбе афганцев этих районов в начале XX в. дана в кн.: Грулев, *Очерк восстаний пограничных племен Индии*.

¹³⁰ См. Гордон, *Аграрные отношения*; стр. 156—158.

Тяжелое положение широких масс в округах Северо-западной пограничной провинции, населенных афганцами, побудило передовых представителей местной интеллигенции, видевших в образовании спасительный путь к улучшению жизни народа, развернуть культурно-просветительную деятельность. Среди этой интеллигенции одним из первых глашатаев идеи просвещения народа был Хаджи Абдул Вахид Сахиб. Он выступал за организацию школ в деревнях. Первые такие школы возникли в районах Пешавара и Мардана. Их создали Хаджи Абдул Вахид Сахиб и Абдул Гаффар-хан¹³¹. Они сами и преподавали в них.

Вскоре новые школы приобрели большую известность во всей провинции, и за организацию подобного рода учебных заведений взялись многие учителя-добровольцы. Английские колониальные власти препятствовали открытию таких школ, но, несмотря на это, сеть общеобразовательных учебных заведений для народа к началу первой мировой войны охватила всю Северо-западную пограничную провинцию.

После начала войны английские власти перешли к более суровым административным мерам, направленным против культурно-просветительского движения на северо-западной границе Индии. Колонизаторам представлялось опасным все, что было так или иначе связано с ростом национального самосознания афганцев. Все общеобразовательные школы в Северо-западной пограничной провинции были закрыты, а многие из преподававших в них учителей арестованы. Руководитель движения Хаджи Абдул Вахид Сахиб был вынужден искать убежища в районах полосы независимых племен. В землях этих племен в годы войны вел свою деятельность и Абдул Гаффар-хан. Он много ездил, встречаясь с различными людьми, и возглавил новое движение, которое уже не ограничивалось рамками культурно-просветительской работы, а приобретало политический характер, отражая стремление афганцев к освободительной борьбе. Английскими колониальными властями деятельность Абдул Гаффар-хана расценивалась уже как явно антиправительственная.

Положение в полосе независимых племен во время первой мировой войны вызывало большое беспокойство руководителей английской колониальной политики. В нападениях на английские посты неоднократно принимали участие воины

¹³¹ Абдул Гаффар-хан — впоследствии один из руководителей движения афганцев (пуштунов) за национальное самоопределение, развернувшегося в современном Пакистане. Он родился в январе 1890 г. в селении Утманзан (район Пешавара), в семье крупного землевладельца, получил начальное образование в селении Утманзан и в муниципальной школе города Пешавара, затем учился в миссионерской школе в этом же городе, а впоследствии — в Алигархском университете. Начал принимать активное участие в общественно-политической жизни с 1912 г.

афганских племен дзадран, мангал и другие подданные эмира Афганистана¹³². Насколько напряженной была обстановка на индо-афганской границе, можно судить по характеристике положения в Нью-Чамане, которую дали в 1915 г. сотрудники американской консульской службы в Бомбее. Нью-Чаман, один из важнейших английских пограничных пунктов, расположенный на пути из Кветты на Кандагар (всего в нескольких километрах от границы с Афганистаном), находился постоянно на военном положении. В ночное время жителям выходить из домов на улицу разрешалось только при соблюдении особых правил. Английские власти объясняли введенные ими чрезвычайные строгости частыми нападениями афганцев, сопровождавшимися захватом оружия и амуниции¹³³.

Вооруженные выступления отрядов афганских пограничных племен значительно активизировались с весны 1915 г. В апреле этого года на Пешаварский округ нападали моманды, среди которых вел антианглийскую пропаганду Хаджи Турангази, а отряды племен Хоста (численностью от 8 до 10 тыс.) с территории Афганистана перешли границу и атаковали район горного прохода Точи. Только после серьезных боев англичанам, бросившим в Точи значительные силы, удалось отеснить ополчения хостинских племен¹³⁴. В 1915 г. имели место также вооруженные выступления юсуфзаев Свата, атаковавших английские войска у форта Чакдара, и юсуфзаев Бунера, напавших на находившиеся под управлением английских властей территории.

Однако выступления племен пограничной полосы оставались, как правило, разрозненными и несогласованными между собой; общего руководства у них не было. Трения между отдельными афганскими пограничными племенами, а в некоторых местностях и вооруженные конфликты, мешали совместным выступлениям повстанцев. На самом северном участке афганских районов полосы независимых племен в 1915 г. происходила война между ханом Дира и юсуфзаями Свата¹³⁵.

Тем не менее в 1916 г. на индо-афганской границе в целом сложилась тревожная для англичан обстановка — ожидалось большое восстание афганских племен пограничной полосы. Одним из обстоятельств, способствовавших подготовке восстания и вызывавших особое беспокойство английских властей, была деятельность находившейся до мая 1916 г. в Кабуле гер-

¹³² «Синяя книга», стр. 36, 40, 46, 51, 66.

¹³³ Baker and other consular officers, *British India*, p. 541.

¹³⁴ «Синяя книга», стр. 46.

¹³⁵ Ханом Дира, являвшегося вассалом Англии, был тогда Бадша-хан (1904—1925). На время ему удалось подчинить племена правобережья реки Сват, но в 1915 г. они восстали против его гнета. В ходе развернувшейся затем длительной борьбы, в которой приняли участие все племена Свата, военным руководителем их с 1917/18 г. стал Абдул Вадуд, впоследствии первый князь (вали) Свата.

мано-австро-турецкой миссии, не полностью прекратившаяся после отъезда из Афганистана ее основного состава.

Немалую помощь англичанам в предотвращении крупного восстания афганцев на северо-западной границе Индии оказал на сей раз Хабибулла. По настоянию вице-короля Индии эмир призвал зарубежных афганцев к покорности англичанам и послал в районы, где ожидалось восстание, своих представителей. Им было поручено отговорить племена от выступления. Некоторые предводители племен были задержаны в Кабуле. К границе с Индией Хабибулла двинул афганские войска.

Когда восстание зарубежных афганских племен все же вспыхнуло в отдельных местах, эмир приказал своим должностным лицам оказывать содействие английским властям и не допускать поддержки повстанцев населением Афганистана. Самое крупное вооруженное выступление против британского господства в 1916—1917 гг. имело место в Вазиристане, где поднялись масуды. Только бросив на борьбу с повстанцами большие силы, поддержанные самолетами, английским властям к августу 1917 г. удалось установить спокойствие и на этом участке границы. К тому же времени были жестоко подавлены английскими карательными отрядами и другие очаги восстания.

Поведение эмира вызвало негодование в Афганистане. Он начал получать анонимные письма с обвинениями в предательстве и измене исламу. Широким слоям афганского народа, принимавшим близко к сердцу судьбу своих единоплеменников и единоверцев на северо-западной границе Индии, действия эмира и его властей представлялись непонятными и непростительными. Люди старшего поколения еще хорошо помнили пограничную политику Абдуррахмана, при котором ничего подобного не бывало ¹³⁶. Представители афганской интеллигенции особенно болезненно относились к антинациональным действиям эмира и его пограничных властей в 1916—1917 гг. в связи с ростом национального самосознания. Этот рост, вызванный происходившим, несмотря на все препятствия, процессом складывания афганской нации, проявлялся в развитии национальной культуры, в возрождении письменной литературы на языке пушту.

¹³⁶ Хабибулле-хану в годы первой мировой войны приходилось гораздо меньше, чем Абдуррахману в конце XIX в., опасаться репрессий Англии в случае поддержки восстаний афганцев, оказавшихся в пределах Индии, или даже тайного содействия эмирских властей повстанцам (как то бывало при Абдуррахмане). Англо-индийские власти, заинтересованные в соблюдении Афганистаном нейтралитета, вели себя по отношению к Хабибулле с крайней осторожностью, граничившей порой с послаблением во всех вопросах, связанных с пограничными конфликтами, избегая каких бы то ни было угроз эмиру (см. «Синяя книга», стр. 93, 114 и др.).

XIX век, начавшийся в Афганистане феодальными смутами, а затем омраченный английской агрессией, политическим разъединением афганского народа и превращением афганского государства в «закрытую страну», принес с собой упадок литературы на языке пушту. Во времена правления Абдулрахмана и Хабибуллы ведущим государственным и литературным языком в государстве оставался «персидский язык Афганистана» («фарси-йи Афганистан», или «кабули»), а развитие литературы на пушту было заторможено.

Возникновение художественной прозы на пушту, изучение и использование литераторами афганского языка, распространение грамотности и образования на языке пушту были связаны в конце XIX — начале XX в. прежде всего с Кандагаром и Пешаваром. В силу конкретных исторических условий, развившихся, в частности, в отмеченном выше культурно-просветительском движении, перераставшем в политическое, национально-освободительное движение, именно город Пешавар, расположенный в центре областей пограничных афганских племен, которые вели героическую борьбу против английских завоевателей, стал очагом возрождения художественной литературы на языке пушту. В Пешаваре уже в конце XIX — начале XX в. издавалось довольно много произведений на пушту, в том числе «народные» (лубочные) книжки¹³⁷.

В прошлом, в XVII—XVIII вв., господствующим жанром в художественной литературе на пушту была поэзия. Зачинателями нового жанра — современной афганской прозы — были пешаварские писатели. Во второй половине XIX в. с небольшими рассказами, главным образом переводными, выступил Маулави Ахмед, уроженец селения Танги в Хаштнагаре (Пешаварская область)¹³⁸. Эти прозаические произведения, имевшие весьма несложные сюжеты, сыграли немалую роль в развитии афганской художественной прозы благодаря умелому применению в них живого народного языка. Большинство рассказов Маулави вошло в составленный им сборник «Сокровищница языка пушту». Преемником Маулави Ахмеда в области прозы стал Мир Ахмед-шах Ризвани (1863—1937). Он родился в Пешаваре и провел большую часть своей жизни в родном городе. Мир Ахмед-шах Ризвани составил грамматику языка пушту и преподавал этот язык в Пенджабском университете. Так же как и Маулави Ахмед, он был прозаиком и поэтом.

¹³⁷ См. Гирс, *Современная художественная проза на пушту*, стр. 25.

¹³⁸ Там же.

В начале XX в. в афганскую литературу вступил Мунши Ахмед-джан (1882—1951), уроженец Банну¹³⁹. Достоинства его стиля, выразительность, краткость и образность языка создали ему заслуженную славу мастера художественной прозы на пушту¹⁴⁰.

Мунши Ахмед-джан создал ряд оригинальных рассказов на бытовые темы и широко использовал, подвергая их литературной обработке, материалы афганского фольклора. Обращение к сокровищнице народного творчества было одним из источников силы писателя.

Одним из характерных в этом отношении произведений Мунши Ахмед-джана является рассказ «Адам и Дурханый», написанный на сюжет весьма популярной народной повести юсуфзаев Свата. В основе сюжета лежит история любви юноши и девушки, происходивших из разных племен. Дурханый была просватана за своего единоплеменника Пайяв-хана. Отец влюбленного Адам-хана обратился к Мир Майи, хану своего племени, с просьбой помочь сыну похитить свою возлюбленную. Мир Майи согласился. В селение, где жила Дурханый, был направлен отряд (лашкар) племени Адам-хана, и Дурханый (в данном случае, конечно, с ее согласия) была похищена. Мир Майи предоставил ей убежище в своем жилище. Влюбленные соединились и были счастливы. Но их счастье продолжалось недолго. Пайяв-хан, жених Дурханый, как говорится в рассказе, «ведь тоже был пахтуном». Он не хотел отказаться от Дурханый без борьбы. С помощью большой суммы денег ему удалось подкупить жадного хана Мир Майи. Тот нарушил свое слово и дал возможность Пайяв-хану беспрепятственно похитить Дурханый. Беглянка силою была возвращена домой и должна была стать женой Пайяв-хана. Этого не случилось, но жизнь влюбленных закончилась трагической гибелью.

В конце рассказа автор пишет, что племя Мир Майи отвернулось от этого хана и «лашкар» повел другой человек.

¹³⁹ В юные годы он приехал в Пешавар в поисках заработка, изучил английский язык и начиная с 1900 г. преподавал пушту англичанам. В 1910 г. он опубликовал афгано-английский словарь к переводу «Истории Махмуда Газневи», выполненному Маулави Ахмедом, и примерно в это же время издал словарь к «Сокровищнице афганского языка» (служившей изучавшим пушту англичанам в качестве учебной хрестоматии). Мунши Ахмед-джан и сам переводил с английского на пушту, в числе его опубликованных переводов — «История Афганистана» Маллесона и «Утопия» Томаса Мора (Гирс, *Современная художественная проза на пушту*, стр. 30). В тематике рассказов Мунши Ахмед-джана отсутствуют сюжеты, связанные с борьбой афганцев против английских поработителей; это объясняется прежде всего тем, что сборник своих рассказов «То и сё» автор также предназначал в качестве хрестоматии для обучавшихся у него языку пушту английских офицеров и чиновников.

¹⁴⁰ См. Гирс, *Современная художественная проза на пушту*, стр. 32, М. Г. Асланов. *Рассказы и очерки*, стр. 3—4.

В ремарке автора кратко и сильно выражено его отношение и отношение народа к вероломству и жадности Мир Майи.

В рассказе «Адам и Дурханий» и в других произведениях Мунши Ахмед-джана много бытовых подробностей, характеризующих жизнь, нравы и обычаи афганцев XVIII—XIX вв., их кодекс чести («пуштунвала») с предписываемой им верностью своему слову, святостью убежища и т. п.

Среди зарубежных афганцев рост национального самосознания, связанный с процессом складывания афганской нации, проявлялся в области культуры в движении за просвещение народа среди интеллигенции и в возрождении пешаварскими писателями литературы на языке пушту.

Развитие национального самосознания афганцев отразилось в деятельности Махмуда Тарзи, в повышении интереса афганцев к истории своей страны, на развитии афганской литературы.

В 1916 г., в связи с введением преподавания языка пушту в «Хабибия», в Кабуле было опубликовано учебное пособие, составленное Салихом Мухаммедом. В этом пособии, состоявшем из 76 уроков, для подтверждения излагаемых грамматических правил приводились наряду с отдельными фразами и небольшие связные тексты, короткие рассказы «хикайяты» нравоучительного содержания¹⁴¹.

Интерес к истории со стороны афганской интеллигенции и образованных людей из окружения эмира, разделявший и самим Хабибуллой-ханом, выразился в составлении и опубликовании в 1913—1915 гг. обширного труда «Сирадж ат-таварих»¹⁴².

В 1918 г. в Кабуле был создан первый в Афганистане музей, впоследствии ставший важным центром развития национальной культуры и в наши дни пользующийся мировой известностью благодаря собраниям памятников древнего искусства, монет и т. д. Музей был организован на базе частных коллекций афганских эмиров, собиравших оружие, доспехи, знамена, редкие ювелирные изделия, украшения, а также рукописи¹⁴³.

Состояние армии и деятельность Надир-хана

Среди получивших европеизированное образование офицеров некоторые становились приверженцами идей младоаф-

¹⁴¹ О Салих Мухаммеде см. Гирс, *Современная художественная проза на пушту*, стр. 45—48.

¹⁴² Эмир принимал личное участие в подготовке и издании труда «Сирадж ат-таварих», составленного по его повелению Файз Мухаммедом Катибом (см. Семенов, *Светильник историй*, стр. 198, 200, 201).

¹⁴³ «Современный Афганистан», стр. 317.

ганцев; были среди таких офицеров и не примыкавшие к младоафганским требованиям широких реформ, политических и других, но осознававшие необходимость больших перемен в армии, улучшения ее организации, вооружения, боевой подготовки. У передовых офицеров, горячо любивших родину, понимание необходимости реформ в армии связывалось с задачами борьбы за независимость, стоявшими перед афганским народом.

Военная система и организация вооруженных сил Афганистана носили отпечаток общего состояния страны, еще не вышедшей из эпохи средневековья. Состав соединений и частей армии отличался большой пестротой¹⁴⁴. Вооружение было устарелым и нуждалось в замене; технический уровень средств связи и т. п. оставался крайне низким; офицеров, получивших современное военное образование, было мало, и требовалось сделать многое для повышения их квалификации и улучшения боевой подготовки.

Высшая военная власть в Афганистане была прерогативой эмира, а непосредственное командование армией и заведование всеми военными делами возлагалось на сипахсалара (главнокомандующего).

В 1913 г. на пост сипахсалара был назначен генерал Мухаммед Надир-хан, с именем которого связано проведение в афганской армии мероприятий по усовершенствованию ее организации и по улучшению боевой подготовки. Эти мероприятия, при ограниченности материальных ресурсов и скудости технических возможностей Афганистана, не изменили и не могли изменить коренным образом многих существенных сторон военной системы и вооруженных сил. Но несомненно, что состояние афганской армии было улучшено, и это сыграло важную роль в надвигавшихся больших событиях¹⁴⁵.

Мухаммед Надир-хан родился в 1883 г. в Индии, в городе Дехра-Дун, куда его отец, Мухаммед Юсуф-хан, эмигрировал из Афганистана в 1880 г. Мухаммед Юсуф-хан был знатным афганским сардаром и происходил из того же баракзайского

¹⁴⁴ Так, по русским данным, относящимся к 1905 г., состав крупных единиц армии Афганистана, примерно соответствовавших русской дивизии или отдельной бригаде того времени, отличался большим разнообразием (см. «Вооруженные силы Афганистана и Индии», стр. 4). Согласно несколько более ранним сведениям, армия Афганистана в мирное время состояла в основном или исключительно только из тактических единиц (в пехоте — батальон из шести рот, в коннице — полк из шести сотен, в артиллерии — батарея из трех взводов по два орудия в каждом). В военное же время должны были формироваться в качестве более крупных соединений отряды смешанного состава из нескольких родов оружия (см. «Сборник новейших сведений», стр. 2, 3).

¹⁴⁵ Афганские историки высоко оценивают результаты деятельности Мухаммеда Надира-хана в бытность его на посту сипахсалара (см., например, Ahmad Jamal-ud-Din, *Afghanistsans*, p. 71).

рода Мухаммедзаев, к которому принадлежала правившая в Афганистане династия потомков Дост Мухаммеда¹⁴⁶. Мухаммед Надир-хан получил образование (общее и специальное военное) в Индии. В самом конце своего правления эмир Абдуррахман разрешил семье Мухаммеда Юсуф-хана возвратиться на родину, о чем известил ее через своего представителя в Индии¹⁴⁷.

Мухаммед Надир-хан начал службу в афганской армии в 1901 г. В 1911 г. Хабибулла поставил его во главе кабульского гарнизона, а в 1913 г. назначил главнокомандующим¹⁴⁸. Различные крупные военные посты и государственные должности занимали и родственники Мухаммеда Надир-хана¹⁴⁹.

В 1916—1917 гг. под руководством Мухаммеда Надир-хана в афганской армии были начаты реформы организационного характера и были приняты меры к улучшению военной подготовки. В 1917 г. было объявлено о некоторых изменениях в структуре армии. Как можно судить по опубликованным в «Сирадж ал-Ахбар» официальным материалам, при прежней структуре войсковые соединения, называвшиеся «орду», состояли из четырех полков. После реорганизации в каждое такое соединение должно было входить по две дивизии, а в каждую дивизию — по три полка. При этом численность дивизии устанавливалось в 12 тыс. человек¹⁵⁰.

Обращалось внимание не только на усовершенствование организации армии, но и на повышение квалификации офицерского состава. Мухаммед Надир-хан опубликовал две специальные работы, предназначенные служить в качестве наставлений офицерам¹⁵¹.

Судя по сведениям, поступавшим в Индию, эмир Афганистана проводил военные мероприятия «на случай внутренних осложнений»¹⁵².

¹⁴⁶ Мухаммед Юсуф-хан был потомком Султан Мухаммед-хана, одного из братьев Дост Мухаммеда, правивших в Пешаваре. Ближайшим общим предком Мухаммеда Надир-хана и эмира Хабибуллы-хана был баракзайский визирь Пайинда-хан.

¹⁴⁷ Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 12.

¹⁴⁸ Смирнов, *Важный этап независимого развития Афганистана*, стр. 82.

¹⁴⁹ К концу правления Хабибуллы-хана отец и дядя Мухаммеда Надир-хана стали советниками эмира. Мухаммед Хашим-хан, один из братьев Мухаммеда Надир-хана, был назначен в Гератскую провинцию наиб-саларом (командующим войсками провинции). Его старший брат был министром двора («шагаси»), выполняя в какой-то мере и функции министра иностранных дел; другой брат, Шах Махмуд-хан, имел чин «сароуса» — командира отряда гвардейской кавалерии (см. Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 15).

¹⁵⁰ «Сирадж ал-Ахбар», № 3, 15 зу-л-ка'да 1335 г. х., стр. 2.

¹⁵¹ Там же, стр. 2, 3.

¹⁵² См. «Синяя книга», стр. 99.

Положение Хабибуллы на троне не было прочным уже в силу наличия придворной оппозиции, возглавлявшейся Насруллой-ханом. Не исключено, что сам эмир при проведении военных мероприятий в значительной мере исходил из внутриполитических соображений, ибо его власти угрожали не только придворные группировки знати.

Серьезные основания для недовольства режимом были у купечества. К концу царствования Хабибуллы значительно ухудшилось положение крестьянства, на которое тяжело повлиял рост денежного хозяйства, происходивший при сохранении натуральных налогов. Первая мировая война относительно мало затронула сохранявший свою замкнутость Афганистан. Однако резкое сокращение афгано-русской торговли, составлявшей по своему обороту около трети внешней торговли Афганистана, а также некоторое уменьшение его торговли с Индией повлекли снижение поступлений от таможенных пошлин в эмирскую казну. В связи с этим были повышены существовавшие налоги и введены новые. На увеличение и до того тяжелых налогов крестьянство отвечало восстаниями, жестоко подавлявшимися эмирскими войсками. Внутренняя обстановка в стране к концу первой мировой войны отличалась значительной напряженностью.

К началу новейшего периода истории положение Афганистана несколько отличалось от большинства других стран колониального и полуколониального Востока. Подвергаясь через внешнюю торговлю воздействию капиталистического рынка, Афганистан, однако, не был превращен в объект экспорта капитала, являющегося наиболее характерной для эпохи империализма формой эксплуатации колониальных и зависимых стран. Афганское государство не было опутано кабальными внешними займами, на его территории не существовало иностранных концессий.

Непокоренный Афганистан удерживался в изоляции британским империализмом. В известной мере это положение устраивало наиболее реакционную часть господствующего класса Афганистана, не желавшую допускать в страну проникновение свежих веяний, которые могли бы поколебать существующий порядок.

Отсталость и замкнутость страны затрудняла развертывание борьбы афганского народа за освобождение. В то же время патриархальные традиции среди афганских племен по обе стороны индо-афганской границы, сохранение оружия в руках свободолюбивых воинов, еще далеко не везде окончательно закрепощенных ханами и помещиками, воспитанная поколениями ненависть к чужеземным порабощателям и стремление

к независимости — все это создавало условия для развертывания национально-освободительной борьбы.

Близки были большие перемены. В 1917 г. Афганистан находился накануне переломного момента в своей истории, связанного с коренным изменением в международной обстановке.

Глава X

ЗАВОЕВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

В 1918 г. создались весьма благоприятные объективные условия для восстановления Афганистаном полного государственного суверенитета. Эти условия определялись прежде всего дружественной позицией Советской России, а также революционной ситуацией в Индии, охваченной массовым освободительным движением и потому являвшейся весьма ненадежным тылом для английских колониальных войск. В совершенно новой обстановке особое значение приобретали исторически сложившиеся национальные традиции, в силу которых Афганистан мог опереться на активную помощь пограничных афганских племен.

Вести о событиях, потрясавших устои старого мира, окрыляли сторонников борьбы за независимость и в Афганистане. Среди них крепла решимость покончить с неравноправным положением своей страны. К необходимости борьбы склонялись представители различных слоев населения Афганистана и идеологических группировок и течений. Наиболее последовательно призывали к ней младоафганцы. Однако реакционность господствовавшего режима, внешнеполитическая зависимость от британского империализма и проанглийская ориентация эмира препятствовали установлению сколько-нибудь нормальных отношений между Афганистаном и Советской республикой. А Советская Россия была тогда единственной (и притом соседней) державой, на всестороннюю поддержку которой могли рассчитывать афганцы. Советское правительство с самого начала своей деятельности проявило готовность рассматривать Афганистан как независимое государство. Эта позиция была подтверждена в ряде официальных документов Советского государства¹. Правительство Туркестанской республики неоднократно обращалось к эмиру с предложениями установить дипломатические отношения с Афганистаном. Однако Хабибулла оставлял эти предложения без ответа². Напротив,

¹ См. Теплинский, *Советско-афганские отношения*, стр. 6.

² См. Бабаходжаев А., *Провал агрессивной политики*, стр. 55—57.

он предпринял явно недружелюбные по отношению к Советскому государству шаги, установив тесную связь с бухарским эмиром Сейид Алимом и побуждая его к активным действиям против Советского Туркестана. Английские империалисты, используя свое влияние на эмира и его сановников, подогревали при кабульском дворе враждебные к Советской России настроения, стремясь превратить территорию Афганистана в одну из баз для борьбы против Советской республики. С конца 1917 г. обстановка на советско-афганской границе стала довольно напряженной.

Положение в Афганистане в 1918 — начале 1919 г.

Политика Хабибуллы и его окружения, отражавшая интересы наиболее реакционных элементов афганских феодалов и иноземных империалистов, создавала реальную опасность вовлечения Афганистана в авантюры империалистических интервентов, пытавшихся задуть молодую Советскую республику. Такая тенденция находилась в вопиющем противоречии с коренными национальными интересами Афганистана. Утверждение английских интервентов в Средней Азии создало бы смертельную угрозу самому существованию афганского государства. Это понимали афганские патриоты.

По-видимому, под давлением настроений, распространенных среди широких слоев населения страны, Хабибулла в последние дни своего царствования попытался дипломатическим путем поставить вопрос о восстановлении суверенитета Афганистана. 2 февраля 1919 г. он направил вице-королю Индии послание, в котором требовал признания за Афганистаном «абсолютной [политической] свободы, свободы действия и независимости навечно»³. Однако, хотя эти требования были сформулированы в письме к вице-королю, обращены они были не к английскому правительству и даже не непосредственно к вице-королю и британским колониальным властям в Индии, а к предстоявшей мирной конференции в Версале.

Вице-король Индии, уклоняясь даже от обсуждения вопроса о независимости Афганистана, ответил категорическим отказом, преподнесенным в форме отвода намерения Хабибуллы отправить афганского представителя на Версальскую конференцию. Вице-король со всей определенностью дал понять, что об афганском представительстве в Версале не может быть и речи, ибо состав конференции будет строго ограничен участвовавшими в войне странами, а относительно всего прочего отделался туманным и ни к чему не обязывающим обещанием

³ См. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 265.

тщательно соблюдать на конференции интересы Афганистана⁴.

Несмотря на различия во взглядах между младоафганцами и староафганцами, и те и другие осуждали Хабибуллу за неспособность или нежелание сколько-нибудь активно использовать создавшуюся в годы первой мировой войны международную обстановку для ликвидации зависимости Афганистана от Англии.

В 1918 — начале 1919 г. оппозиция обеих этих группировок политике эмира усилилась. Коррупция и бесконтрольность ослабили административно-полицейский аппарат. Ханы племен нередко стали выходить из повиновения. Непокойно стало на дорогах, участились грабежи купеческих караванов. Нарушение безопасности на торговых путях вызывало неудовлетворенность режимом у купечества. Афганские купцы и причастные к торговле помещики негодовали на министра финансов Мухаммед Хусейна за его антинациональную политику в области внешней торговли. Извлекая личные выгоды из операций по ввозу английских товаров, он своей деятельностью способствовал укреплению экономических и политических позиций британского империализма в Афганистане. Будучи тесно связанным с индийскими купцами и ростовщиками, Мухаммед Хусейн поддерживал купцов-чужеземцев и всячески покровительствовал им в ущерб интересам национального торгового капитала.

Между тем позиции афганского купечества во внешней торговле и без того были сильно ослаблены в связи с сокращением русско-афганской торговли в 1916—1917 гг. и почти полным прекращением экономических связей с Россией после Октябрьской революции⁵. В результате этого монопольное положение на афганском рынке заняла Британская Индия, а во внешней торговле усилилось преобладание иностранных купцов и компрадоров. Хабибулла не принимал мер к ограничению их деятельности. В этом, по-видимому, была одна из важнейших причин противоречий, нараставших между эмиром и афганскими купцами и связанными с торговлей помещиками⁶.

Хабибулла, передоверяя Мухаммед Хусейну ведение многих государственных дел, в последние годы все более отходил от управления страной. Он был занят своим гаремом, устройством пышных празднеств, любимыми развлечениями — охо-

⁴ Ответ вице-короля был доставлен в ставку Хабибуллы уже после смерти эмира.

⁵ Именно с русско-афганской торговлей был в предшествующие годы связан, особенно в северных районах Афганистана, рост афганского национального купечества, серьезно пострадавшего затем от нарушения коммерческих связей с Россией (см. Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 153—155).

⁶ Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*, стр. 155

той и т. п. На постройки дворцов и увеселения эмира расходо-
вались весьма крупные средства.

Хабибулла обвиняли в расточительных тратах государ-
ственных средств на личные прихоти, а также в том, что он,
движимый симпатиями к англичанам, бросил в тюрьму многих
популярных в стране участников антибританской освободи-
тельной борьбы⁷. Среди населения все больше начинал поль-
зоваться авторитетом царевич Аманулла, известный своими
связями с младоафганским движением⁸.

Как уже было отмечено, снижение поступлений от тамо-
женных пошлин побудило эмирские власти увеличить разме-
ры налогов и ввести некоторые новые поборы. От увеличения
и до того тяжелого податного бремени⁹ пострадали прежде
всего крестьяне и городские низы. В городах вспыхивали на-
родные волнения. В эмирской армии назревало недовольство
солдат и офицеров, вызванное урезыванием жалованья.

Летом 1918 г. на эмира было совершено покушение. Участ-
ников покушения схватить не удалось. Последовали аресты,
пытки и казни заподозренных. Через несколько месяцев после
покушения эмир получил анонимное письмо с обвинением его
в измене делу ислама и в том, что он продался англичанам⁹.

В феврале 1919 г. Хабибулла охотился неподалеку от Джа-
лалабада, куда на зиму переехал со своим двором. Утром
20 февраля эмира нашли в его палатке охотничьего стана с
простреленным черепом. Убийцу обнаружить не удалось. По-
видимому, эмир был умерщвлен в результате дворцового за-
говора.

Приход Амануллы-хана к власти

В то время Насрулла-хан, брат Хабибуллы, находился с
эмирским двором в Джалалабаде, а царевич Аманулла в Ка-
буле, где был оставлен в качестве наместника на время пребы-
вания эмира в зимней резиденции. Инаятулла-хан, старший
сын убитого эмира, только что выехал из Джалалабада в Ка-
бул по приказу отца, чтобы сменить Аманулла на посту на-
местника в столице. Однако как только при дворе в Джалал-
абаде стало известно о смерти Хабибуллы, Инаятулла-хан был
отозван с пути и возвратился в Джалалабад. Насрулла-хан
сумел там добиться от него отказа от притязаний на трон в

⁷ Ахрамович, *Великая Октябрьская революция и утверждение на-
циональной независимости Афганистана*, стр. 215.

⁸ Об этом сообщает очевидец событий, австрийский офицер Э. Рыбич-
ка, бежавший в 1915 г. из русского плена в Туркестане и находившийся в
Афганистане с конца 1915 по февраль 1920 г. (см. Рыбичка, *Бурные годы
Афганистана*, стр. 119, 120).

⁹ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 135.

свою пользу и был объявлен эмиром на совещании высших сановников, происходившем при участии Инаятуллы-хана. На состоявшемся в Джалалабаде 21 февраля дурбаре Инаятулла-хан и другие члены царской семьи, а также высшие сановники признали Насруллу-хана эмиром¹⁰.

Насрулла-хан пользовался поддержкой мусульманского духовенства и значительной части влиятельных ханов и феодально-родовых вождей пограничных афганских племен. Однако склонить войска к признанию своей власти ему не удалось. Сразу же после убийства Хабибуллы в важнейших гарнизонах Афганистана начались стихийные выступления солдат, в ряде случаев выходивших из повиновения офицерам. Некоторые офицеры, а также придворные Хабибуллы были арестованы (в частности, ненавистный народу бывший министр финансов Мухаммед Хусейн).

В момент смерти Хабибуллы в руках его третьего сына, Амануллы-хана, управлявшего Кабулом, оказалась эмирская казна, в его распоряжении находились также столичный гарнизон и арсенал. 21 февраля 1919 г. Аманулла-хан при поддержке гарнизона и населения столицы был провозглашен эмиром. Вступая в борьбу за престол, он заявил о своем твердом намерении избавить Афганистан от внешнеполитической зависимости и провести некоторые внутренние реформы. Армии он обещал увеличение солдатского жалованья и другие льготы.

Перед строем войск кабульского гарнизона Аманулла дал торжественную клятву добиться независимости и отомстить за кровь своего отца¹¹. Обнажив саблю, он заявил, что не вложит ее в ножны до тех пор, пока эта клятва не будет выполнена. Призыв к борьбе за независимость и обещание, в случае необходимости, завоевать ее силой оружия обеспечили Аманулле и связанным с ним младоафганцам симпатии народа и активную поддержку войска. Это и определило исход всей борьбы за престол.

Известия о событиях в Кабуле быстро распространились по стране. Показательно, что даже в резиденции Насруллы-хана — городе Джалалабаде открыто велась агитация в пользу Амануллы. Через несколько дней после смерти Хабибуллы гарнизон Джалалабада перешел на сторону Амануллы. Насрулла был вынужден отказаться от дальнейшей борьбы за

¹⁰ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 267.

¹¹ Клятва Амануллы о выполнении сыновнего долга мести за кровь отца отвечала феодально-родовым традициям афганцев, воспитанных в духе старых обычаев, считавших кровную месть одной из важнейших обязанностей, налагаемых на каждого афганским кодексом чести. Аманулла выступал с резкими обвинениями в адрес Насруллы-хана за неудачу в розысках убийцы Хабибуллы. Молва приписывала убийство эмира группировке Насруллы-хана.

престол и в письме к Аманулле от 27 февраля известил его о своей покорности. После этого он был арестован, препровожден в Кабул и посажен в крепость.

Провозглашение независимости Афганистана

28 февраля состоялась церемония коронации Амануллы-хана. Большое влияние на окончательный исход борьбы за власть в пользу Амануллы оказал его первый манифест, в котором провозглашалась полная независимость Афганистана. В этом манифесте, начинавшемся обращением к народу и архам, говорилось: «О нация, гордая сознанием собственного достоинства! В минуту, когда мой великий народ возложил на мою главу эту корону, я объявляю вам громким голосом, что приму корону и трон лишь при условии, что вы окажете мне содействие в проведении моих планов и намерений. Свои идеи я уже излагал вам и повторяю здесь лишь важнейшие:

1. Афганистан должен стать свободным и независимым, он должен пользоваться всеми правами, которыми обладают другие суверенные государства.

2. Вы поможете мне всеми силами в отмщении крови мученика — моего покойного отца.

3. Нация должна стать свободной: ни один человек не должен быть предметом угнетения и тирании»¹².

В манифесте объявлялось также об уничтожении принудительных работ («бегар») и о снижении некоторых категорий поземельного налога.

В начале марта 1919 г. власть Амануллы-хана была признана во всех областях афганского государства. В ходе борьбы за престол и в первые дни своего правления Аманулла умело использовал народное недовольство режимом Хабибуллы, направляя его против отдельных чиновников покойного эмира. Имеются сведения, что новый эмир даже «санкционировал действия солдат и населения, направленные против наиболее ненавистных ставленников Хабибуллы. Было объявлено, что солдаты или жители могли сместить и в случае необходимости арестовать провинившихся чиновников»¹³.

Новое правительство предало суду бывшего министра финансов Мухаммед Хусейна. Временщик был казнен.

К числу первых шагов нового правительства относятся решения об отмене сдачи сбора налогов на откуп и об отмене на три года внутренних пошлин. Аманулла-хан выполнил свои обещания о повышении жалованья и других льготах войску. Все офицеры были произведены в следующий чин. Солдаты

¹² Цит. по: Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 138.

¹³ Ахрамович, *Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана*, стр. 217.

получили льготное право в течение года покупать на базарах продукты по установленной низкой цене.

Эти мероприятия обеспечили Аманулле-хану поддержку тех слоев населения, в интересах которых они были проведены. Однако решающую роль в укреплении нового режима в Афганистане продолжал играть вопрос о завоевании независимости.

3 марта 1919 г. Аманулла направил письмо вице-королю Индии лорду Челмсфорду. Извещая его о своем восшествии на престол, новый эмир ставил вопрос о пересмотре англо-афганских отношений и о восстановлении полной независимости Афганистана. В этом письме, написанном в очень сдержанной форме, давалось понять, что правительство Афганистана не считает себя связанным предшествующими неравноправными договорами. Оно выражало готовность заключить с Англией новые договоры и соглашения только на равноправных началах. Соответствующее место в письме было сформулировано следующим образом: «Наше независимое и свободное правительство Афганистана склонно и готово в любое время к заключению таких соглашений и договоров с могущественным правительством Англии, которые могли бы быть полезны и пригодны в отношении коммерческих преимуществ и выгод нашему правительству и Вашему»¹⁴.

В ответе на это обращение, посланном с промедлением в полтора месяца, вице-король Индии обошел молчанием вопрос о независимости Афганистана¹⁵. Сославшись на то, что англо-афганские отношения основаны на договорах и обязательствах Абдуррахмана, подтвержденных Хабибуллой, лорд Челмсфорд писал, что, как он понял из приведенного выше места из обращения Амануллы, правительство Афганистана думает о заключении с британским правительством коммерческого соглашения, «дополняющего вышеупомянутые договоры и обязательства»¹⁶. Иными словами, Челмсфорд приписал Аманулле и правительству Афганистана желание соблюдать, как то было в прошлом, неравноправные договоры, ограничивавшие суверенитет страны.

В ответе Челмсфорда, выдержанном в оскорбительном тоне, свойственном британской колониальной дипломатии, содержался по существу категорический отказ признать неза-

¹⁴ Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XIII, p. 223.

¹⁵ Это было лишь дипломатическим приемом. Если первоначально у британских колониальных властей в Индии и были какие-либо сомнения в твердости взятого Амануллой курса, то ко времени написания Челмсфордом его ответа после торжественного объявления эмиром независимости Афганистана на дурбаре 13 апреля, о чем был специально уведомлен британский агент в Кабуле, они должны были рассеяться (см. Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 139).

¹⁶ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 268.

висимость Афганистана. Яркая характеристика формы и смысла ответа Челмсфорда принадлежит И. М. Рейснеру: «Смысл дипломатической магии, приписывающей эмиру Аманулле-хану намерения, диаметрально противоположные тем, которые он имел в действительности, заключался в нежелании англо-индийского правительства поставить вопрос о независимости, хотя бы в порядке обсуждения. Выдержанное в чисто керзоновских, высокомерных и холодных, тонах, вице-королевское послание так именно и было истолковано в Кабуле»¹⁷.

У истоков советско-афганской дружбы

Непризнание Англией независимости Афганистана создавало угрозу войны. В то же время и другие буржуазные государства медлили с признанием суверенитета Афганистана. В эти трудные для Афганистана дни ему подало руку дружбы Советское государство. 27 марта 1919 г. Советское правительство первым в мире объявило о признании им полного суверенитета и независимости афганского государства. Это было закономерным следствием всей предшествующей политики Советского правительства в отношении афганского государства, проводившейся после Великой Октябрьской социалистической революции¹⁸.

Для молодой Советской республики, находившейся в кольце интервенции, установление добрососедских отношений со своим южным соседом имело немаловажное значение. Афганистан был одним из первых иностранных государств, признавших РСФСР де-факто и де-юре.

У истоков советско-афганской дружбы стоял великий Ленин. Большое историческое значение имела переписка Амануллы с В. И. Лениным. 7 апреля 1919 г. Аманулла обратился к В. И. Ленину с посланием, в котором предлагал молодому Советскому государству союз и дружбу. В этом послании Аманулла, сообщая о том, что считает заявление о единении и дружбе «неотложно необходимым во имя объединения, мира и блага человечества», писал далее: «Хотя Афганистан по духу и природе своей со времени своего возникновения и основания всегда был сторонником свободы и равноправия, однако до сих пор по некоторым причинам он был лишен возможности поддерживать связи и сношения с другими подобными ему государствами и народами.

Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли

¹⁷ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 140.

¹⁸ Теплинский, *Советско-афганские отношения*, стр. 7.

на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира, то я счастлив впервые, от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание Независимого и свободного Афганистана»¹⁹.

Это письмо Амануллы было доставлено афганцами в Термез, а оттуда переслано в Ташкент. Из Ташкента содержание его 20 мая было передано в Москву по радио, так как в то время железнодорожная связь между Туркестаном и Москвой была прервана. 27 мая в Ташкенте уже был получен по радио текст ответного письма, подписанного В. И. Лениным и М. И. Калининским и предназначенного для передачи в Кабул²⁰. В этом историческом документе содержалось предложение установить постоянные дипломатические сношения между Советской республикой и Афганистаном. Ниже приводится текст этого письма:

«Получив первое послание от имени свободной самостоятельной афганской нации с приветом русскому народу и извещением о вступлении Вашего Величества на престол, спешим от имени рабоче-крестьянского правительства и всего русского народа принести ответный привет независимому афганскому народу, героически отстаивающему свою свободу от иностранных поработителей. Вашему Величеству приносим поздравления по поводу вступления на престол 27 февраля 1919 г.

Действительно, рабоче-крестьянское правительство дало равенство и свободу всем народам, входящим в состав Российской республики, и утвердило, как Вы говорите, интернациональное начало, провозгласив единение всех трудящихся против эксплуататоров.

Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства.

Приветствуя намерения Вашего Величества завязать близкие сношения с русским народом, мы просим Вас назначить официального представителя в Москву и, с своей стороны, мы предлагаем послать в Кабул представителя рабоче-крестьянского правительства, о немедленном пропуске которого просим Ваше Величество сделать распоряжение всем властям. Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние.

Посылая этот первый привет народам Афганистана, счита-

¹⁹ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 175.

²⁰ Ахрамович, *Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана*, стр. 219.

ем себя крайне счастливыми и просим Ваше Величество принять наш дружеский поклон от друзей Вашего народа»²¹.

В тревожные для Афганистана дни, накануне начала войны за независимость против могущественной Британской империи Аманулла-хан написал и отправил свое второе письмо В. И. Ленину, датированное 21 апреля 1919 г. Письмо это было послано с Чрезвычайной афганской дипломатической миссией, возглавлявшейся генералом Мухаммед Вали-ханом. Миссии поручалось известить правительство Советской России, а затем правительства других стран Европы и Америки о провозглашении Афганистаном независимости и восшествии на престол эмира Амануллы-хана. В конце апреля 1919 г. Чрезвычайная афганская миссия выехала из Кабула, направляясь в Москву. Путь ее лежал через Советский Туркестан, находившийся в кольце фронтов. Мухаммед Вали-хан вез с собой подлинник письма афганского эмира, которое он должен был вручить В. И. Ленину. Аманулла писал в этом письме:

«Отправляя моего чрезвычайного посла многоуважаемого генерала Мухаммед Вали-хана с особой миссией моего правительства в Европу через цветущую страну Вашего великого дружественного и соседнего нам государства, поручаю ему обратить внимание руководителей Вашей великой страны на установление дружественных связей и искренних отношений между обоими великими государствами. Ему же мной разрешено вести личные переговоры и подготовить почву для установления необходимой дружбы между обоими государствами и обеспечения обоюдных интересов»²².

Обстановка накануне третьей англо-афганской войны

Ко времени отправления этого письма и выезда Чрезвычайной миссии английские империалисты по-прежнему упорно отказывались признать Афганистан полностью самостоятельным государством. Действия британских властей в Индии свидетельствовали о том, что они готовят новую войну против Афганистана. Оказавшись перед угрозой столкновения с Британской империей, афганское правительство проявило твердость и, не отказываясь от борьбы за независимость, принимало меры с целью использовать пошатнувшееся положение английских империалистов в Индии. Порабощенные народы Индии, поднимавшиеся на борьбу против колониального гнета, были потенциальными союзниками Афганистана.

В Индии в конце марта — начале апреля 1919 г. развернулась широкая кампания гражданского неповиновения

²¹ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 174.

²² Лавров, *Хроника*, стр. 72.

колониальным властям. В апреле грандиозные масштабы принял протест против «билля Роулэта»²³. Всю Индию всколыхнули массовые демонстрации в Амритсаре, одном из городов Пенджаба. 10 апреля 1919 г. английские власти, стремясь ослабить народное движение, выслали из Амритсара двух популярных политических деятелей: Сатьяпала и Сейфутдина Китчлу²⁴. Население ответило на этот акт полицейского произвола новыми выступлениями. 13 апреля английский генерал Дайер приказал расстрелять многочисленную мирную демонстрацию, проводившуюся в Амритсаре в знак протеста против высылки Сатьяпала и Китчлу. Эта демонстрация проходила в день религиозного праздника, когда в Амритсар собрались тысячи людей из окрестных деревень. Среди убитых и раненых было много женщин и детей. Индийский народ, возмущенный этой расправой, ответил крупным восстанием в Пенджабе. Англичане бросили против повстанцев войска с броневыми автомобилями и самолетами. Основные очаги восстания в крупных городах были подавлены в течение нескольких дней. Однако во многих местах Пенджаба вооруженная борьба продолжалась до конца апреля. Повстанцы разрушали линии связи, железнодорожное полотно станции и мосты, пускали под откос воинские поезда.

В это время Аманулла-хан, пытаясь установить контакт с силами национально-освободительной борьбы в Индии, выступил открыто с одобрением повстанцев. Его воззвания распространялись в Северо-западной пограничной провинции, в Белуджистане и Пенджабе²⁵. В них резко осуждались жестокости и насилия английских колониальных властей в Индии. В одном из воззваний, выступая против «билля Роулэта» как несправедливого «с точки зрения ислама и человечности», Аманулла-хан писал: «По-моему мнению, индийцы глубоко правы, когда они поднимают восстания и беспорядки»²⁶.

Правительство Амануллы-хана особенно интересовалось положением в Полосе независимых племен и административных округах Северо-западной пограничной провинции Индии, население которых готовилось примкнуть к борьбе за не-

²³ «Билль Роулэта» — чрезвычайный закон, вступивший в силу с февраля 1919 г., — разрешал самый свирепый полицейский террор против революционного движения в Индии. По этому закону исполнительная власть получила неограниченные полномочия для расправы с обвиненными или даже только заподозренными в участии в освободительном движении. Дела о них передавались особым трибуналам, причем отменялись все судебные гарантии (вызов свидетелей, право апелляции, прения сторон и т. д.).

²⁴ Сейфутдин Китчлу — впоследствии известный деятель движения за мир, председатель Всеиндийского совета сторонников мира.

²⁵ Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*, стр. 252.

²⁶ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 152.

зависимость афганского государства. 13 апреля в Кабуле состоялся торжественный дурбар, на котором Аманулла-хан подтвердил, что Афганистан является суверенным государством, полностью независимым от Англии во внешних и внутренних делах. На дурбар были приглашены представители из всех областей Афганистана, а также от афганских племен Индии.

В Пешаваре распространялись листовки, призывавшие пуштунов поддержать борьбу Афганистана за независимость. В этом же городе происходили волнения и готовилось вооруженное восстание. Подготовка к нему велась под руководством представителей местной интеллигенции и связанного с транзитной торговлей купечества. Английским властям удалось узнать о готовящемся восстании, арестовать руководителей и подавить его в самом начале, окружив город войсками. Однако английские войска не смогли предотвратить вооруженных выступлений на многих других важных участках границы с Афганистаном.

Уже с конца апреля, когда военные мероприятия британских империалистов не оставляли сомнений в их намерениях развязать новую захватническую войну против Афганистана, в Кабул стали прибывать влиятельные вожди и духовные лица из районов пограничных племен. Одновременно посланцы из Афганистана проводили энергичную деятельность среди афридиев и момандов, в Вазиристане и долине Зхоба. Из arsenалов Кабула и Джалалабада было доставлено оружие, которое раздавалось отрядам афганских горцев²⁷. Отряды племен по ту и другую сторону границы готовились принять участие в борьбе за независимость. Большую роль в подготовке восстания сыграла деятельность Мухаммеда Надир-хана в Хосте. Он объединил силы местных афганских племен с регулярными войсками, находившимися под его командованием. Одновременно Мухаммед Надир-хан укреплял связи с вазирами и другими воинственными афганскими племенами по ту сторону границы²⁸.

Афганские планы освободительной войны предусматривали активные действия и возможность (при обеспечении боевого сотрудничества с пограничными племенами) выхода регулярных войск к Инду. В условиях, когда в Пенджабе еще не было до конца подавлено вооруженное восстание против колониального ига, это могло создать серьезную угрозу господству британского империализма в Индии, и английское командование в Индии это отлично понимало. Главнокомандующий

²⁷ См. там же, стр. 152.

²⁸ О деятельности Мухаммеда Надир-хана в Хосте (южной области Афганистана) и в Полосе независимых племен на северо-западной границе Индии см. Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 19—29.

в Индии, полагая, что «нападение племен» было основой всего плана афганцев, утверждал: «Их лучшим и единственным шансом на успех было обеспечение сотрудничества племен и координация их военных действий»²⁹. Подобного рода соображения английских военных в значительной мере отражают объективную обстановку и соотношение сил. Но встречающееся в английской литературе (в частности, в книге П. Сайкса) истолкование причин и характера англо-афганской войны 1919 г. грубейшим образом извращает историческую истину. Сетую на Амануллу-хана за то, что он отбросил «дружбу с британским правительством, на которой его дед и отец твердо основывали свою политику», П. Сайкс утверждает, будто афганский эмир «навязал» англичанам «совершенно неоправданную войну». Касаясь истории возникновения войны, П. Сайкс пытается изобразить ее как плод внезапного решения молодого эмира «объединить нацию провозглашением джихада» с целью удержаться на престоле³⁰. При этом обходится факт провозглашения независимости при приходе Амануллы-хана к власти и замалчивается, что курс на достижение независимости был принят правительством с самого начала его деятельности и проводился последовательно и неуклонно.

Попытки П. Сайкса и других английских авторов объяснить возникновение войны тем, что молодой эмир был якобы втянут в нее против своей воли восставшими солдатами, которых он не смог усмирить, совершенно несостоятельны. Причины войны достаточно ясны из приведенных выше сведений о переписке между эмиром и вице-королем Индии Челмсфордом. Эмиру и его правительству нужна была независимость, а не война сама по себе. Английские же правящие круги не желали отказаться от протектората над Афганистаном и готовились силой воспрепятствовать восстановлению его полного государственного суверенитета.

Начало военных действий

К началу военных действий афганские регулярные силы в пограничных районах состояли из трех основных группировок: хайбарской, газнийско-хостинской и кандагарской. Хайбарской группой командовал генерал Салех Мухаммед-хан. Центральную (газнийско-хостинскую) группу афганских войск возглавлял генерал Мухаммед Надир-хан. Войсками Кандагарской области командовал престарелый военачальник Абдул Куддус-хан, сподвижник эмира Абдулрахмана.

²⁹ Watteville, *Waziristan*, p. 47.

³⁰ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, pp. 268, 269.

Основным резервом были гарнизоны Кабула, Фараха и Герата, а также сравнительно незначительные контингенты войск, расположенные в Бадахшане и в некоторых других районах страны. Общая численность афганских регулярных войск составляла около 50 тыс.³¹

Британская армия, противостоявшая афганским войскам, во много раз превосходила их численно, не говоря уже о совершенно несоизмеримом соотношении в технике. На 6 мая 1919 г. только ударные силы английских войск, сосредоточенные в районах Равалпинди, Пешавара и Хайбарского прохода, насчитывали 22 пехотных батальона и шесть кавалерийских полков. Английские силы, предназначенные для нанесения главного удара на Хайбарском направлении, располагали 104 пулеметами и значительно превосходили афганцев в артиллерии. К концу кампании Англия сосредоточила на границе с Афганистаном 340-тысячную армию (общее списочное число ее определялось в 750 тыс. человек при 450 тыс. вьючных животных)³².

Уравновесить численность армий на линии фронта могло только всеобщее восстание пограничных афганских племен против английского гнета. Афганское правительство полагало, что эти племена сумеют выставить в общей сложности не менее 200 тыс. первоклассных воинов, искусных в ведении партизанской войны, но вооруженных только винтовками и холодным оружием.

Согласно распространенному в исторической литературе мнению, план афганского командования, заключавшийся в единовременном наступлении сосредоточенных на границе регулярных войск и ополчений пуштунских племен, не смог полностью осуществиться вследствие преждевременного начала операций на Хайбарском фронте. Генерал Салех Мухаммед-хан не выполнил распоряжений эмира (или был вынужден к тому обстоятельствами) и вступил в крупные бои. Так или иначе, согласованности в действиях между командующими основных трех афганских групп добиться не удалось³³. Осуществление широких совместных операций афганских регулярных войск с ополчениями племен, для чего требовалось прежде всего взаимодействие между афганскими командую-

³¹ Из них 38 тыс. штыков, 8 тыс. сабель и 4 тыс. артиллеристов (см. Mohammed Ali, *The war of independence*, pp. 28, 29).

³² Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 153; Molesworth, *Afghanistan 1919*, p. VII.

³³ Генералу Салех Мухаммед-хану к началу войны было поручено осуществлять главное командование над тремя группировками войск. В связи с преждевременным началом военных действий и с неудачами на Хайбарском направлении он был смещен эмиром с этой должности. В дальнейшем пост главнокомандующего и военного министра получил Мухаммед Надир-хан.

щими, затруднялось также объективными причинами, связанными с состоянием армии Афганистана (низким уровнем техники, в частности связи, недостатками системы снабжения, вооружения и т. п.).

Военные действия начались 3 мая 1919 г. столкновением между афганскими и английскими пограничными отрядами в районе Хайбарского прохода. После этого подразделения регулярных афганских войск перешли границу, овладели пунктом Баг и совместно с ополчениями племен шинвари и момандов заняли высоты перед английским укреплением Ланди-Котал. Английские власти вынуждены были срочно подбросить на грузовиках подкрепления к Ланди-Коталу, а 8-го туда прибыла первая пехотная бригада под командованием генерала Г. Ф. Крокера ³⁴.

Получив подкрепления и подавив готовившееся в Пешаваре восстание (о нем упоминалось выше), англичане предприняли наступательные действия на Хайбарском участке фронта. Против девяти батальонов афганской регулярной армии и ополчений окрестных племен английское командование бросило две дивизии, поддерживавшиеся авиацией. Согласно английскому плану военных действий, на Хайбарском участке фронта их войска должны были нанести главный удар на Джалалабад с целью создать угрозу Кабулу и помешать соединению афганских регулярных частей с ополчениями афридиев и момандов ³⁵.

Под натиском превосходящих сил противника афганские войска на этом фронте были вынуждены отступить. Преследуя отступающие силы афганцев, английская кавалерия при поддержке авиации 13 мая заняла афганское укрепление Дакку. Однако дальше в глубь страны англичане наступать не решились. Их коммуникации с Индией оказались под ударами горных афганских племен, нарушавшими доставку продовольствия, снаряжения и боеприпасов. К тому же среди английских войск вспыхнула эпидемия холеры. Войска Салех Мухаммед-хана отошли к Джалалабаду, но оставили в районе Дакки значительные силы, которые не прекращали активных действий. Готовясь возвратить эту крепость, афганские войска с артиллерией предприняли контрнаступление и заняли сильные позиции на господствующих возвышенностях вблизи Дакки.

16 мая англичане предприняли разведку боем, которая была успешно отражена афганцами. Участвовавшая в разведке колонна английских войск под натиском афганцев едва успела укрыться в Дакке. 17 мая английские войска, стоявшие

³⁴ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 274.

³⁵ См. Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*, стр. 255.

лагерем в этом пункте, были вынуждены оставить свои позиции и принять бой. Вначале сражение протекало весьма неудачно для англичан и лишь прибытие к ним подкреплений во главе с генералом Скином изменило обстановку. Сильный огонь английской артиллерии и угроза афганскому правому флангу со стороны свежих войск противника заставили афганцев отойти от Дакки.

Восстание племен и операции Надир-хана

Однако полностью использовать успех в сражении под Даккой англичане не смогли и их план наступления на Кабул был сорван. Очень большую роль в срыве этого плана сыграли действия афганских независимых племен. Часть афридиев уже в первой половине мая активно выступила против завоевателей, провозгласив «джихад». 15 и 16 мая афридии атаковали английские посты. Правда, атака была отбита, но эти выступления повлекли за собой переход на сторону повстанцев значительной части хайбарских стрелков, набранных англичанами главным образом из афридиев. Хайбарские стрелки дезертировали из английской армии, унося с собой оружие и аммуницию.

Английские военные власти вынуждены были пойти на формирование отрядов хайбарских стрелков и поставить на охрану коммуникаций свои регулярные части. На Хайбарском фронте, по английским официальным военным данным, на охране коммуникационных линий оказались в конце концов занятыми почти полностью две дивизии и многие кавалерийские подразделения.

Английское командование вынуждено было отказаться от наступления на Джалалабад, поскольку оно считало, что с восемью батальонами и 12 эскадронами, которые были в его распоряжении, операцию продолжать нельзя, так как при продвижении пришлось бы постоянно выделять часть наличных сил для охраны все более удлиняющихся коммуникаций.

В середине мая вслед за афридиями против англичан выступили многие другие племена. На индо-афганской границе началось большое восстание, охватившее районы от Хайбарского прохода до Белуджистана. Афганские воины, завербованные в свое время англичанами в отряды пограничной «милиции», почти повсюду переходили с оружием на сторону повстанцев. В Хайбарском районе возрастала активность афридиев, к которым вскоре примкнули ополчения племени оракзаев. Железная дорога, связывавшая район Хайбарского прохода с Пенджабом, была сильно разрушена. Все это не только препятствовало английским планам дальнейшего на-

ступления в глубь Афганистана, но серьезно сковывало их войска и продолжительное время не позволяло перебрасывать подкрепления с Хайбарского участка фронта в Вазирстан³⁶.

Восстание пограничных племен могло оказаться еще более опасным для англичан, если бы оно приобрело всеобщий характер. Однако несмотря на весьма значительный его размах, некоторые сильные афганские племена не приняли в нем участия. В этом сказался сепаратизм отдельных племен и хелей, не подчинявшихся единому руководству и в ряде случаев выступавших одновременно.

Пуштунские племена, населявшие районы к северу от Хайбарского прохода и Пешаварской долины, в значительной своей части остались в стороне от происходивших событий. Так, в восстании не приняли участия юсуфзаи Дира и Свата, которые были в это время отвлечены многолетней междоусобной войной местных феодалов³⁷.

Горные моманды совместно с отрядами афганских регулярных войск предприняли наступление на Гандаб, но моманды равнинных районов не только отказались присоединиться к восставшим, но даже не пропустили их отряды через свои земли³⁸.

В историю военных действий афганских регулярных частей в дни освободительной войны самая яркая страница была вписана операциями генерала Мухаммеда Надир-хана. Ему удалось наиболее полно осуществить тесное взаимодействие регулярных войск с ополчением афганских племен и добиться выдающегося успеха, имевшего серьезное стратегическое значение и существенно повлиявшего на исход войны за независимость.

Будучи командующим группой войск Газнийско-Хостинского района, Мухаммед Надир-хан со своими братьями Шах

³⁶ Там же.

³⁷ Дирский правитель Бадша-хан пытался восстановить утраченную власть над землями племен правобережья Свата, восставших против его ига. Ополчения Свата возглавлялись Абдул Вадудом (впоследствии основатель княжества Сват). Ожесточенная борьба завершилась сражением в долине Харнавай в 1919 г., после чего Абдул Вадуд оккупировал земли племени адинзай, являвшиеся частью территории княжества Дир. Война за эти земли между феодальными правителями Дира и Свата продолжалась до 1922 г. (см. Hay, *The Yusufzai state of Swat*, pp. 239, 240).

³⁸ Враждебная позиция равнинных момандов и неудачи главных афганских сил на Хайбарском участке фронта вынудили афганских военачальников и момандских повстанцев отказаться от наступления на Гандаб. На позицию равнинных момандов большое влияние оказала проанглийская группировка их маликов, получавших субсидии от англичан (Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*, стр. 256).

Вали-ханом и Шах Махмуд-ханом выступил из Кабула в Южную область 24 апреля 1919 г.³⁹ Он приказал отряду из вверенных ему регулярных войск двинуться на Гардез, а сам выехал вперед с целью поднять на войну за независимость афганские племена. 27 апреля (26 раджаба) он прибыл в укрепление Сафид, находящееся на расстоянии около трех курухов (примерно 18 км) от Ал-Тимура. Там собрались люди племени мангал и других окрестных племен и впервые узнали от Надир-хана о предстоящем «джихаде»⁴⁰.

Весть о предстоящей священной войне за независимость вызвала горячий отклик среди свободолюбивых афганцев. Прибыв вечером 27 апреля в Гардез, Надир-хан в ту же ночь написал и разослал воззвания к вождям южных племен — мангал, ахмадзаев, дзадран, дзадзи и др.⁴¹ В этих воззваниях он призывал вождей афганских племен покончить с внутренними распрями и прибыть со своими отрядами в Гардез, чтобы принять участие в священной войне. Через три дня в Гардез стали прибывать ополчения племен. Надир-хан добивался сбора джирги в каждом племени и, выступая там, убеждал отказаться на время священной войны от междоусобиц. Он получал от участников джирг клятвенные заверения в том, что они вместе с другими племенами примут участие в народном восстании⁴². Надир-хан отправлял послания также племенам независимой полосы, призывая их готовиться к совместному выступлению.

Свои войска Надир-хан разделил на три части, поручив одному своему брату Шах Махмуд-хану командование отрядами, расположенными в районе племени дзадзи, а Шах Вали — в районе Ургуна, у границы с Вазиристаном⁴³.

Проведя подготовку к походу, Надир-хан 19 мая прибыл в Матун, главный населенный пункт Хоста. Выступив оттуда, он быстро форсировал труднопроходимые горные перевалы и 21 мая пересек индо-афганскую границу⁴⁴. 23 мая войска Надир-хана приблизились к пункту Спинвам (находится на пересечении нескольких горных путей и отстоит на равном расстоянии от укреплений Идак на р. Точи, от города Банну и от укрепления Тал на р. Кайту, притоке Курмана)⁴⁵.

Заняв Спинвам, Надир-хан пошел на Тал через горы, — путь, считавшийся английскими военными специалистами непроходимым для полевой артиллерии. Преодолев стремительным броском этот путь, Надир-хан не только подвел к утру

³⁹ Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 19.

⁴⁰ Кушкеки, *Надир-и Афган*, стр. 106.

⁴¹ Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 21.

⁴² Там же, стр. 22.

⁴³ Там же, стр. 23, 24; Mohammed Ali, *The war of independence*, p. 37.

⁴⁴ Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*, стр. 256.

⁴⁵ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 277.

26 мая к Талу афганскую регулярную пехоту и ополчения племен, но доставил и артиллерию. Переброска орудий была осуществлена на выюках. Она оказалась возможной благодаря наличию в афганских регулярных войсках батарей, перевозившихся на слонах (табл. 15).

Блестяще выполненный переход с артиллерией через горы оказался неожиданным для англичан и явился крупным тактическим успехом. Выйдя к Талу, афганцы открыли себе дорогу в долину р. Инда.

Наступление войск Надир-хана через индо-афганскую границу с выходом к Талу имело и стратегическое значение, влияние которого на исход войны трудно переоценить. В результате перехода на сторону Афганистана группы воинов из «милиции», набранной англичанами из афганских пограничных племен, в Вазиристане была быстро взята крепость Вана⁴⁶. Появление 21 мая афганских регулярных частей во главе с Надир-ханом в Полосе независимых племен повлекло за собой всеобщее восстание, которое началось в Вазиристане в тот же день. Англичане оказались вынужденными оставить все посты на линии Банну, Гомала и Верхнего Точи.

Дезертирство афганцев из «милиции» и англо-индийской армии приняло массовый характер. К Надир-хану прибывали целые подразделения вазиров, афридиев и оракзаев. Они переходили на сторону Афганистана с английским оружием и военным снаряжением и заявляли афганскому сипах-салару о своей готовности подчиняться его приказам и нести назначенную им службу⁴⁷.

26—27 мая повстанцы овладели всеми английскими постами в Нижней долине Точи; гарнизоны этих постов и остатки «милиции» повсеместно были вынуждены отступать⁴⁸. В результате восстания в Вазиристане против англичан выступило до 20 тыс. воинов из племен вазиров, масудов и дауров⁴⁹.

Английские военные историки справедливо считают, что своим маршем на Тал Надир-хану удалось воспрепятствовать дальнейшему продвижению британских войск на Джалал-абад⁵⁰. В результате восстания племен оказалась скованной весьма значительная часть английской армии на всем протяжении границы от Хайбарского прохода до Белуджистана.

Поскольку часть афганских племен еще сохраняла выжидательную позицию, английское командование поспешило активизировать свои действия, опасаясь, что военные неудачи

⁴⁶ Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 30.

⁴⁷ Кушкеки, *Надир-и Афган*, стр. 130.

⁴⁸ См. Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*, стр. 256—258.

⁴⁹ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 156.

⁵⁰ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 280. Molesworth, *Afghanistan* 1919, pp. 117, 121.

британской армии ускорят присоединение к повстанцам новых десятков тысяч воинов. Англичане стали срочно подтягивать подкрепления к Талу.

Взятие Тала и последние дни войны

По английским данным, Надир-хан подвел к этому городу 3 тыс. афганской регулярной пехоты и многочисленные ополчения племен, а также две стомиллиметровые гаубицы и семь семидесятимиллиметровых орудий⁵¹. 27 мая 1919 г. английские отряды, оборонявшие Тал, были разбиты; Надир-хан овладел этим населенным пунктом⁵².

Английские войска укрылись в форт Тал, который после взятия города был блокирован афганцами. Надир-хан приказал вести по форту артиллерийский огонь. Афганские артиллеристы оказались на высоте положения и выиграли состязание в поединке с противником. Особенно тяжелый урон гарнизону форта наносили гаубицы. 28 мая их огнем были повреждены склады оружия и продовольствия, подожжено нефтехранилище и на время выведена из строя радиостанция. Однако Надир-хан не предпринимал сколько-нибудь решительных попыток овладеть фортом штурмом и не продолжал наступление⁵³.

Спешно перебросив к осажденному форту подкрепления, англичане, при большом превосходстве в артиллерии, 1 июня рассеяли четырехтысячное ополчение племен Хоста и вазиров, занимавшее глубокую ложину к югу от Тала, а затем заставили замолчать афганские гаубицы. 2 июня англичане атаковали позиции главных афганских сил, расположенных на склонах возвышенностей к северу-западу от Тала⁵⁴. В это время английский бригадный генерал Дайер, руководивший подошедшими на выручку гарнизона Тала английскими войсками, получил от Надир-хана письмо с сообщением, что им получены от эмира инструкции о прекращении военных действий. Официально война была окончена 3 июня подписанием перемирия.

В афганской исторической литературе опубликовано письмо Надир-хана к эмиру Аманулле, в котором афганский сипахсалар высказывается о возможности добиться признания англичанами независимости Афганистана при заключении перемирия и весьма оптимистически оценивает общую обстановку. Утверждая, что англичане «не могут не принять условия

⁵¹ Ibid.

⁵² Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 31, 32.

⁵³ Вероятно, Надир-хан должен был уже тогда считаться с желанием эмира и правительства заключить перемирие. В то же время, заняв город и осадив крепость Тал, он выполнил свои важнейшие задачи — стимулировал восстание племен и отвлек английские силы с Хайбарского направления (ср. Molesworth, *Afghanistan 1919*, pp. 121, 122).

⁵⁴ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 280.

Афганистана» (т. е. признания независимости), Надир-хан аргументировал это тем, что «все пограничные афганские племена постоянно нападают на них, закрыли им дороги в Афганистан, они потеряли надежду и веру в свои войска. Ежедневно на нашу сторону переходит много солдат из английских войск. Англичане вынуждены принять условия перемирия, их положение очень плохое. В противном случае, если будем наступать, они будут разбиты»⁵⁵.

На других участках фронта к концу войны сложилась следующая обстановка. На Хайбарском направлении, не имея возможности наступать дальше, в глубь Афганистана (во всяком случае, не решаясь на это), англичане использовали для удара по афганским городам авиацию. 17, 20 и 24 мая они бомбили с воздуха Джалалабад, 24 мая английский самолет появился над Кабулом и сбросил несколько бомб, одна из них попала в эмирский дворец, другая — в арсенал.

Командующий кандагарской группой афганских регулярных войск Абдул Куддус-хан медлил с началом активных действий. Между тем уже одной только угрозы со стороны афганских войск, концентрировавшихся на соседнем с долиной Зхоба участке границы, оказалось достаточно, чтобы стимулировать восстание племен в этом районе. В нем приняли участие вазиры, масуды, ширани и мардок-хель⁵⁶. Англичане попытались приостановить это восстание путем наступления против афганских регулярных войск и перенесли военные действия на территорию Афганистана, заняв крепость Спинбулдак. Она была окружена 29 мая превосходящими силами англичан, состоявшими из кавалерии, двух пехотных бригад и нескольких артиллерийских батарей. При взятии крепости штурмом афганский гарнизон сражался с величайшим мужеством, что вынуждены признать и английские военные историки⁵⁷. Однако и после потери Спинбулдака повстанцы Зхоба и окрестных районов продолжали вести борьбу.

Военные действия афганских регулярных войск вскрыли некоторые слабые стороны армии Афганистана, связанные с отсталостью страны. Недостатки в координации между действиями командующих джалалабадской, газнийско-хостинской и кандагарской группами войск, отсутствие современных путей сообщения, низкий технический уровень средств связи⁵⁸ и вооружения не дали возможности Афганистану в ходе войны в полной мере использовать успехи Надир-хана, положение в

⁵⁵ Кушкеки, *Надир-и Афган*, стр. 147, документ № 5.

⁵⁶ Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 156, 157.

⁵⁷ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 282.

⁵⁸ Ни радио, ни полевого телефона в афганской армии не было. Связь осуществлялась посредством гелиографа и через конных связных (см. Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 27).

Вазиристане и благоприятную обстановку в пограничных районах. Афганское правительство, целью которого было достижение независимости, готово было пойти на перемирие, однако при обязательном условии признания Англией независимости Афганистана⁵⁹.

Аманулла-хан обратился к англичанам с предложением заключить перемирие и сообщил, что отдал приказ о прекращении военных действий. Английские власти получили это предложение 28 мая и приняли его.

Заключение перемирия. Начало советско-афганских посольских связей

Условиями перемирия, заключенного 3 июня 1919 г., предусматривался вывод афганских войск из пограничной Полосы независимых племен. Однако афганское командование, опасаясь, что англичане могут еще отказаться от признания независимости страны, не горело желанием выводить войска из занятых в этой полосе районов. Уведомляя Шаха Вали о приказе эмира приостановить наступление в связи с заключением перемирия, генерал Надир-хан утверждал, что до тех пор, пока не признана полная независимость Афганистана, отвод войск несовместим с интересами национальной безопасности. В связи с этим Надир-хан писал Шаху Вали: «По получении этого письма приостановите наступление, но оставьте свои части на занимаемых ими позициях, а сами срочно выезжайте ко мне в Хост для консультации»⁶⁰.

В середине июля активизировались выступления афридиев, предпринявших общую атаку на английские посты в Хайбарском проходе. На юге ополчения племен в июле заняли долину Зхоба. В Вазиристане оставался отряд афганских войск под командованием генерала Шах Даула; вазирские повстанцы передали ему укрепленный пункт Вана. Афганцы продолжали занимать этот важный стратегический пункт, чтобы

⁵⁹ И. М. Рейснер полагал, что «причину выхода Афганистана из войны, несмотря на сравнительно благоприятное стратегическое положение и героическую борьбу племен, следует искать в причинах внутреннего порядка». В числе этих причин он называл незаинтересованность афганского правительства в дальнейшем ведении затягивавшейся войны, сулившей большие расходы, ущерб интересам купечества и сардаров в связи с прекращением торговли с Индией и угрозу конфискации их капиталов, вложенных в индийские банки. Кроме того, он отмечал роль жестоких воздушных налетов и неудач афганцев на Хайбарском направлении (ср. Рейснер, *Независимый Афганистан*, стр. 158, 159). К этим причинам следует еще добавить опасения Амануллы-хана за престол, которым он овладел и на котором укрепился при помощи популярного лозунга завоевания независимости, но который мог потерять в ходе дальнейшей трудной и затяжной войны с Британской империей.

⁶⁰ Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 36.

иметь залог для возвращения Дакки, оставшейся оккупированной англичанами. Вазиристан полностью находился в руках повстанцев и афганских войск. Признавая положение на этом участке границы серьезным, англичане спешно переводили туда подкрепления. Однако, несмотря на перевес противника в силах, повстанцы в ряде случаев сохраняли инициативу, переходя к наступлению на сосредоточенные у границ английские войска и нанося удары по линиям их коммуникаций, аэродромам и военным базам⁶¹.

В целом летом 1919 г. сложилась следующая обстановка. Афганистан после месяца военных действий все еще находился вне ударов английской армии. (за исключением налетов с воздуха), войска Хоста и Кандагара сохраняли свою боеспособность. Продолжение военных действий против афганских войск и одновременно против восставших племен отнюдь не предвещало британскому командованию легких успехов. Предстояла затяжная война, на которую при сложившейся к началу лета 1919 г. международной обстановке правящие круги Англии не пошли. Они предпочли перемирие, выведившее их из опасного положения и позволяющее освободить силы для подавления восстания афганских племен.

Национально-освободительное движение в Индии не прекращалось, и руководители английской политики рассматривали возможность совместного выступления народов Индии с афганцами как серьезную угрозу своему колониальному владычеству.

В более широком плане международных отношений важнейшей предпосылкой успеха освобождения Афганистана и упрочения завоеванной им независимости была победа Великой Октябрьской социалистической революции и политика Советского государства. В связи с установлением дружественных отношений между афганским государством и Советской республикой перспектива их совместных действий в борьбе против общего врага — британского империализма не могла не учитываться английскими правящими кругами как фактор первостепенной важности. Уже поэтому при рассмотрении международных условий, в которых происходила освободительная война афганцев в 1919 г., а затем определялись дипломатическим путем ее результаты для Афганистана, никак нельзя отвлекаться от хода событий гражданской войны в России, имевших вообще огромное международное значение.

Весной 1919 г. кольцо вражеских сил, окружавших Советское государство, сжималось все теснее. Соседняя с Афгани-

⁶¹ Так, в июле 1919 г. ополчения вазиров атаковали английский аэродром в Банну. Подробности о борьбе афганских племен против англичан в это время см. в работе: Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*, стр. 258, 260.

станом Туркестанская Советская республика была отрезана от России, окружена белогвардейцами и интервентами, но, несмотря на чрезвычайные трудности, успешно отбивалась от многочисленных врагов, в числе которых были и английские войска генерала Маллесона, оккупировавшие с июля 1918 г. часть Закаспийской области. Благодаря ликвидации весной 1919 г. первой «Оренбургской пробки» и временному восстановлению железнодорожной связи Туркестанской республики с Европейской Россией стало возможным организовать помощь туркестанским частям Красной Армии. Помощь эта, осуществленная в результате мероприятий, проведенных по инициативе В. И. Ленина, опосредствовала решающим победам Красной Армии на Закаспийском фронте над английскими интервентами и белогвардейцами. Английские войска были вынуждены очистить территорию Закаспия и отступили в Иран. Полностью провалились планы переброски британских военных сил из Закавказья и Иранского Азербайджана через Каспийское море и далее по Закаспийской железной дороге к захваченной белогвардейцами Кушке с целью удара на Афганистан с севера⁶².

Продолжая успешную борьбу против белогвардейцев в Закаспии, Красная Армия 20 мая разгромила их под Байрам-Али, а 23 мая освободила Мерв. В пограничной крепости Кушке появился советский гарнизон.

Значение этих побед Красной Армии для боровшегося за независимость Афганистана трудно переоценить. То был прежде всего удар по общему для афганского государства и молодой Советской республики врагу — британскому империализму.

Освобождение Мерва и Кушки от белогвардейцев создавало перспективу помощи со стороны Советской республики афганцам, воевавшим против общего врага.

Эта перспектива к июню 1919 г. становилась все более реальной в результате успехов Красной Армии на Восточном (колчаковском) фронте гражданской войны в России⁶³.

Наступление Колчака к Волге было сорвано, к 1 июня 1919 г. он вынужден был отвести все свои войска за реку Белую. Окруженная многочисленными врагами, Советская республика показала всему миру свою силу. Ей предстояло еще много тяжелых испытаний, но уже теперь расчеты на

⁶² Об этом см. Бабаходжаев, *Война Афганистана за независимость в 1919 г.*, стр. 8.

⁶³ От положения на Восточном фронте зависела, в частности, и железнодорожная связь центральных районов европейской части России с Туркестаном (Туркестанской республикой), из которого и через который могли получить помощь сражавшиеся против британских империалистов афганские воины в случае, если бы империалисты пошли на затяжную войну с Афганистаном.

непрочность Советской власти начинали возбуждать серьезные сомнения даже у самых упрямых ее врагов, к числу которых относились руководящие политические деятели Англии, Франции и других империалистических держав.

В эти дни английские правящие круги сочли благоразумным пойти на перемирие с Афганистаном. Непосредственное влияние успехов Красной Армии в Закаспии и перспективы получения афганцами помощи оружием и боеприпасами из Туркестанской республики сказались, несомненно, на политике Англии в вопросе о перемирии с Афганистаном. Это признал и сам Чарльз Монро, главнокомандующий британскими войсками на афганском фронте. Объясняя английскому парламенту причину того, почему англичане не затягивали переговоры о перемирии с афганцами, Монро сослался на конфиденциальную инструкцию, которой предписывалось «ни в коем случае не допускать переброску большевиками боеприпасов в Афганистан»⁶⁴.

Идя на перемирие с Афганистаном, английские империалисты не могли не учитывать продолжавшегося в мае — июне 1919 г. укрепления советско-афганских взаимоотношений. Советская республика оказывала моральную и дипломатическую поддержку Афганистану в его освободительной борьбе, и именно в это время было положено начало установлению постоянных дипломатических отношений между Советской страной и Афганистаном. 28 мая 1919 г. афганское чрезвычайное посольство во главе с Мухаммед Вали-ханом прибыло в Ташкент⁶⁵. Там, однако, оно должно было задержаться, ибо железнодорожная связь Туркестана с Москвой вновь оказалась прерванной белогвардейцами.

В ответ на приезд в Советскую страну афганской чрезвычайной миссии уже в конце мая 1919 г. в Афганистан была направлена дипломатическая миссия Туркестанской Советской республики⁶⁶. В июне 1919 г. в Ташкенте было учреждено генеральное консульство Афганистана⁶⁷.

10 июня афганскому правительству через чрезвычайную афганскую миссию в Ташкенте был передан ответ Советского правительства на письмо эмира Амануллы и министра иностранных дел Махмуда Тарзи, датированные 7 апреля 1919 г. В своем ответе Советское правительство выражало согласие на установление дипломатических отношений с Афганистаном и вновь подтверждало признание его независимости.

⁶⁴ Цит. по кн.: Бабаходжаев, *Война Афганистана за независимость в 1919 г.*, стр. 8.

⁶⁵ Ахрамович, *Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана*, стр. 221.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Теплинский, *Советско-афганские отношения*, стр. 9.

В отдельной ноте министру иностранных дел Афганистана Народный комиссариат по иностранным делам отмечал, что «Советское Правительство с первых дней принятия власти возвестило всему миру о своем желании не только признать самоопределение всех народов — великих и малых, но и оказывать свою поддержку тем народам, которые борются за свою внутреннюю жизнь по собственному желанию»⁶⁸.

Далее в этой ноте говорилось об уничтожении Советским правительством всех секретных договоров, которые были силой навязаны малым и слабым народам «их сильными и хищными соседями, в том числе и бывшим царским правительством». Затем сообщалось о предоставлении широкой автономии «всем мусульманским народам, которые добровольно пожелали оставаться в составе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В отношении Афганистана в ноте указывалось, что, как только Советское правительство узнало о провозглашении независимости афганского народа, оно «тотчас же торжественно признало самостоятельность Афганистана и с величайшим благожелательством относится к борьбе афганского народа против его угнетателя и врага».

В газете «Правда» сообщалось, что одновременно с передачей этой ноты официальные представители Народного комиссариата по иностранным делам прибыли в пределы независимого Афганистана⁶⁹.

Продолжавшейся много десятилетий дипломатической изоляции Афганистана от внешнего мира был положен конец.

Посольство Я. З. Сурица

Советское правительство направило в Афганистан посольство во главе с Я. З. Сурицем⁷⁰. 23 июня 1919 г. он выехал из Москвы с постоянным составом сотрудников⁷¹. В их числе в качестве первого секретаря находился И. М. Рейснер⁷². Вторым секретарем был Э. М. Рикс. Посольству поручалось доставить в Кабул подлинник письма В. И. Ленина афганскому эмиру от 27 мая 1919 г.⁷³.

⁶⁸ Здесь и далее эта нота цитируется по газете «Правда» от 6 июля 1919 г.

⁶⁹ «Правда», 6.VII. 1919.

⁷⁰ Я. З. Суриц (1882—1952) — советский дипломат. В дальнейшем полномочный представитель Советского Союза в Норвегии, Турции, Германии, Франции, Бразилии и т. д.

⁷¹ «Материалы по национально-колониальным проблемам», № 7 (22), 1934, стр. 73.

⁷² И. М. Рейснер (1899—1958) — впоследствии исследователь истории колониальных и зависимых стран; внес крупный вклад в изучение прошлого Афганистана и Индии.

⁷³ Лавров, *Хроника*, стр. 73.

Посольство Я. З. Сурица явилось важной вехой в установлении советско-афганских дружественных взаимоотношений. Однако оно имеет и более широкое историческое значение, составляя интересную страницу в развитии дружественных связей Советской России со странами и народами Востока, поднимавшимися на борьбу за свое освобождение.

В полученной Я. З. Сурицем верительной грамоте говорилось, что СНК РСФСР назначает его «Чрезвычайным и Полномочным Представителем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Центральной Азии, возлагая на него дипломатические отношения с народами независимого Афганистана, независимыми племенами Белуджистана, Хивы и Бухары и с борющимися за освобождение народами Индии, Кашмира и Тибета»⁷⁴. Эта верительная грамота, датированная 23 июня 1919 г., была подписана Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным) и заместителем Народного комиссара по иностранным делам Л. Караханом⁷⁵.

Посольство Я. З. Сурица начало свой путь в тяжелые для Советской России дни, когда шла ожесточенная борьба с контрреволюцией и интервенцией, когда осажденную Советскую республику терзали голод и разруха. Поезда ходили крайне нерегулярно. Из-за отсутствия каменного угля паровозы топились дровами. Передвижение по железным дорогам было не только очень трудным, но и опасным. Путь посольства Я. З. Сурица на Восток пересекал линию фронта. Красная Армия вела наступательные бои за Урал против главных сил Колчака, но южной армии колчаковцев удалось прервать железнодорожную связь с Туркестаном.

До Оренбурга посольство доехало сравнительно быстро, однако здесь ему пришлось задержаться, пока войска Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе не ликвидировали так называемую Дутовскую пробку колчаковцев, перекрывших путь в Туркестан.

Восстановление железнодорожной связи с Туркестаном дало возможность выехать из Ташкента и афганской чрезвычайной миссии Мухаммед Вали-хана. В конце сентября 1919 г. афганская чрезвычайная миссия и советское посольство встретились.

Их встреча происходила в весьма своеобразных условиях и многое в ней не укладывалось в рамки обычных представлений о дипломатических встречах, связанных с определенным церемониалом, заблаговременно подготовленных и удоб-

⁷⁴ «Дружба народов», 1957, № 11, стр. 17, 18.

⁷⁵ Л. М. Карахан (1880—1938) — советский дипломат. В 1918—1923 гг. — член коллегии Народного комиссариата по иностранным делам. В 1923—1925 гг. — посол СССР в Пекине.

но обставленных. Через пустыни и степи по однопутному пути, движение по которому только что было восстановлено, шли друг другу навстречу два поезда и остановились для разъезда у станции Челкар. Люди высыпали из вагонов и между участниками советского и афганского посольств завязались оживленные беседы, к которым самый горячий интерес проявляли матросы военного эскорта советского посольства.

На станции Челкар встретились союзники, хотя и не связанные буквой договора о военной взаимопомощи, но фактически сражавшиеся, пусть далеко друг от друга, на разных фронтах, но против одного и того же врага. Это отчетливо понимали участники встречи, и это сильнее всего сближало их. Многие из состава миссии Мухаммеда Вали-хана были в афганской полевой военной форме. Они производили впечатление фронтовиков, людей из действующей армии. Зная, что если и не эти именно люди, то их братья и соотечественники, одетые в такую же форму, вели бои на индо-афганской границе, сотрудники советского посольства и матросы его вооруженного эскорта живо интересовались, кто из присутствовавших афганцев или их близких родственников принимал участие в сражениях.

Как рассказывал в своих воспоминаниях И. М. Рейснер, вскоре обнаружилось, что афганской чрезвычайной миссии еще ничего не было известно о заключенном 3 июня перемирии между Афганистаном и Англией⁷⁶. Мухаммед Вали-хан и члены его миссии ехали в глубь объятой гражданской войной России, думая, что все еще продолжают бои афганской армии против войск Британской империи⁷⁷.

Известия, полученные впервые от посольства Я. З. Сурица, глубоко взволновали афганцев. Они узнали не только о том, что заключено перемирие, но также о том, что афганские племена независимой полосы продолжают вооруженную борьбу и что афганское правительство ставит дипломатическим путем вопрос о признании Англией независимости Афганистана. К сожалению, весть о достижении Афганистаном полной независимости и об официальном признании ее Англией (при заключении мирного договора в Равалпинди

⁷⁶ Своими воспоминаниями о встрече на станции Челкар И. М. Рейснер делился со студентами, слушавшими в 1947 г. в МГУ его курс по истории советско-афганских отношений.

⁷⁷ Ко времени выезда из Ташкента миссия Мухаммеда Вали-хана еще не получила информации даже о заключении перемирия 3 июня, не говоря уже о дальнейших событиях. Объясняется это тем, что связи с Афганистаном миссия не имела, а до советского Ташкента подробные сведения о текущих международных событиях доходили тогда, в условиях гражданской войны, зачастую с запозданием.

8 августа 1919 г.) советское посольство не могло тогда сообщить афганской миссии, ибо само об этом еще не знало⁷⁸.

Кратковременная встреча советского и афганского посольств на станции Челкар была, по рассказам ее участников, исключительно дружественной. Двигаясь затем по своим маршрутам, посольство Я. З. Сурица направилось через Ташкент на Кабул, а афганская миссия — через Оренбург на Москву, куда она прибыла в октябре 1919 г.

Признание Англией независимости Афганистана

Результаты войны определились путем дипломатических переговоров, состоявшихся в индийском городе Равалпинди. Афганская делегация прибыла в Равалпинди 25 июля. В ходе переговоров английская сторона прибегала к угрозам ультимативного характера, но афганцы твердо держались основного своего требования — признания полной независимости. В результате 8 августа 1919 г. в Равалпинди был заключен предварительный (предварительный) мирный договор между Афганистаном и Англией.

Текст договора состоял из пяти статей, в которых говорилось о запрещении британским правительством провоза оружия, амуниции и боевых припасов через Индию в Афганистан, об отмене английской субсидии афганскому эмиру, о признании афганским правительством существовавшей при прежнем эмире (Хабибулле) индо-афганской границы.

Содержание договора свидетельствовало о том, что английские империалисты надеялись в будущем добиться от Афганистана значительных уступок, намечая дальнейший дипломатический нажим на эту страну. В статье 4-й договора согласие Англии на будущие переговоры о заключении окончательного мира обуславливалось необходимостью предварительных доказательств со стороны афганского правительства, которые бы свидетельствовали, что оно «искренне стремится возратить дружбу британского правительства», для доказательства чего «действиями и поведением» афганскому правительству предоставлялся своего рода испытательный срок в шесть месяцев.

Однако при всем этом предварительный договор в Равалпинди знаменовал собой победу Афганистана в важнейшем вопросе — о независимости. В приложенном к тексту договора

⁷⁸ При переезде от Москвы до Оренбурга, а особенно во время длительной задержки в Оренбурге посольство Я. З. Сурица не получало достаточной информации о текущих международных событиях и не знало еще об окончании переговоров в Равалпинди. В основном сведения о положении на индо-афганской границе и о взаимоотношениях Афганистана с Англией, которыми располагали сотрудники советского посольства на станции Челкар, были почти двухмесячной давности.

письме Гамильтона Гранта (который в это время занимал пост верховного комиссара Северо-западной пограничной провинции Индии) к эмиру Аманулле-хану содержалось безоговорочное признание полной независимости и государственного суверенитета Афганистана⁷⁹.

Афганскому государству предстояла еще длительная борьба за укрепление вновь обретенных прав на прямые и беспрепятственные связи с другими государствами и на действительно самостоятельное и свободное внутреннее развитие по пути прогресса. В частности, афганской дипломатии предстояло добиться включения в основной текст окончательного мирного договора признания независимости, оформленного пока лишь письмом Гамильтона Гранта. Заключенным в Равалпинди договором задачи освободительного движения афганского народа не были решены полностью, поскольку афганское правительство не смогло добиться никаких изменений индо-афганской границы. Этот договор по-прежнему оставлял в пределах британских колониальных владений в Индии земли пограничных афганских племен, героически сражавшихся на стороне афганского государства.

Однако очень большое значение не только для Афганистана, но и для всего угнетенного Востока имел уже сам по себе тот факт, что при несоизмеримом соотношении сил и материальных ресурсов величайшая колониальная империя все же должна была отступить в вопросе о независимости восточной страны перед мужественным народом, завоевавшим ее собственной рукой в вооруженной борьбе. В самом Афганистане результаты освободительной войны 1919 г. были справедливо восприняты, как победа.

Признание английским правительством независимости Афганистана было вынужденным, ибо британскому империализму не удалось подавить силой освободительную борьбу афганского народа. Значительная часть регулярной армии Афганистана полностью сохраняла боеспособность, а пограничные афганские племена независимой полосы продолжа-

⁷⁹ Гамильтон писал: «Вы запрашиваете меня относительно некоторых дальнейших заверений о том, что мирный договор, предлагаемый сейчас британским правительством, не содержит ничего нарушающего полную свободу Афганистана как во внутренних, так и во внешних делах.

Мой друг, если Вы прочтете договор внимательно, Вы увидите, что в нем нет такого посягательства на свободу Афганистана. Вы сообщили мне, что афганское правительство не желает возобновить договоренность, по которой покойный эмир согласился безоговорочно следовать советам британского правительства касательно его [эмира] внешних сношений. Я поэтому не настаиваю на этом вопросе, и о нем не упоминается в договоре. Итак, названный договор и это письмо оставляют Афганистан официально свободным и независимым в его внутренних и внешних делах.

Сверх того настоящая война аннулировала все предшествующие договоры» (Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, app. F, p. 359).

ли вести активные военные действия, защищая свои земли и оказывая существенную помощь афганскому государству.

Положение в Индии оставалось весьма напряженным, оно вызывало серьезные опасения со стороны британских властей за дальнейшую судьбу своего господства над народами этой великой страны, побуждало руководителей английской политики к большой осторожности во взаимоотношениях с Афганистаном.

В случае возобновления войны против Афганистана у английских генералов и дипломатов в создавшихся условиях не было оснований рассчитывать на возможность закончить ее в короткий срок. Между тем не только усиливалась моральная и дипломатическая поддержка, получаемая Афганистаном от Советской республики и имевшая сама по себе очень большое значение, но намечались и вполне реальные перспективы получения Афганистаном всесторонней помощи от своего дружественного северного соседа. Советская республика приветствовала успехи Афганистана в освободительной войне, укреплялись советско-афганские взаимоотношения.

Во время англо-афганских переговоров в Равалпинди в Афганистан уже прибыла миссия Туркестанской Советской республики⁸⁰. Члены миссии сообщили афганскому правительству о готовности Советского Туркестана оказать всяческую, в том числе военную, помощь Афганистану в борьбе против империалистов⁸¹. Победы, которые Красная Армия одерживала в азиатских районах Советской России, оказывали особенно сильное влияние на народы Востока.

Характеризуя значение побед Красной Армии, В. И. Ленин в докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. говорил: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых... таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской республикой,

⁸⁰ Теплинский, *Советско-афганские отношения*, стр. 9.

⁸¹ Ахрамович, *Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана*.

подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма»⁸².

Известия о признании Англией полной независимости и суверенности Афганистана вызвали радость и ликование афганского народа. Аманулла-хан устроил большой прием, на котором, обращаясь к собравшимся, перечислил имена проявивших себя в войне за независимость и зачитал рапорты трех фронтов — Кандагарского, Восточного и Южного, особо отметив заслуги Надир-хана, воинов и вождей племен Южной области и независимой полосы. Эмир провозгласил приказ о назначении Надир-хана военным министром и командующим вооруженными силами и вручил ему орден «Высокого Солнца» — высший государственный орден Афганистана. «Одновременно он распорядился воздвигнуть напротив Восточных ворот Арка, вблизи королевского дворца и военного министерства, на дороге, ведущей из Кабула в Пешавар, колонну, поместив на ней во славу сипахсалара мемориальную доску в память завоевания независимости. Были награждены и другие участники священной народной войны»⁸³.

В Пагмане в ознаменование национального торжества была сооружена триумфальная арка победы. С тех пор и доныне день подписания договора в Равалпинди отмечается в Афганистане, как национальный праздник. В дни этого празднества стали традицией выступления танцоров, певцов и музыкантов воинственных афганских пограничных племен, чьи отряды так много сделали для завоевания и упрочения независимости афганского государства.

Красочные описания празднеств независимости в первые годы после ее завоевания принадлежат перу Л. М. Рейснер, советской писательницы и журналистки, побывавшей в Афганистане в начале 20-х годов. Важное место в программе праздника занимают танцы племен. «И вот самое главное, — пишет Л. М. Рейснер. — Танец племен — не старинный обряд, не художественная традиция, а правда. Они танцуют то, что вчера было у Хайбарского прохода, что завтра может повториться под стенами форта Макин.

Они танцуют не просто войну, но войну с Англией»⁸⁴.

В другом месте книги Л. М. Рейснер после описания групповой пляски воинов пограничных афганских племен, исполненной на праздновании независимости, рассказывает о песне, исполненной на празднике независимости. «Племя садится в круг, прямо на земле. Лучший певец, стоя в середине, поет

⁸² В. И. Ленин, *Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 321.

⁸³ Шах Вали, *Воспоминания*, стр. 39.

⁸⁴ Л. Рейснер, *Афганистан*, стр. 78, 79.

стих, и барабанщик его сопровождает, точно гортанным смехом, тихой щекочущей дробью.

„Англичане отняли у нас землю,— поет певец,— но мы протоним их и вернем свои поля и дома“.

Все племя повторяет рефрен, а английский посол сидит на пышной трибуне, бледнеет и иронически аплодирует.

„Мы сотрем вас с лица земли, как корова слизывает траву,— вы нас никогда не победите“.

Тысяча глаз следят за англичанами: вокруг певцов стена молчаливых, злорадно улыбающихся слушателей.

„К счастью, не все европейцы похожи на проклятых ференги,— есть большевики, которые идут заодно с мусульманами“.

И толпа смеется, рокошет, теснится к трибунам.

„Большевик“ — это они понимают. О большевиках поют песни на окраине мира, на границах Индии. „Большевик“ — это звучит так гордо и сурово у певца, поднявшего над головой винтовку,— английскую винтовку, снятую после боя с побежденного врага»⁸⁵.

Чувства глубокой благодарности к Советскому государству за поддержку, оказанную при завоевании и укреплении независимости, очень сильны в Афганистане. С уважением и любовью в этой стране относятся к В. И. Ленину, стоявшему у истоков советско-афганской дружбы и продолжавшему непосредственно руководить советской дипломатией, устанавливавшей и развивавшей дружественные отношения со странами Востока. Приводя факты о величайшем внимании В. И. Ленина к отношениям со странами Востока, Г. В. Чичерин в своих воспоминаниях отмечал и прием афганской чрезвычайной миссии в Кремле в качестве одного из примеров огромного интереса, «с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики»⁸⁶.

Чрезвычайная афганская миссия во главе с Мухаммед Вали-ханом прибыла в Москву 10 октября 1919 г.⁸⁷ Через несколько дней ее принял В. И. Ленин. В советской прессе об этом приеме сообщалось следующее: «14 октября 1919 г. в 7 часов вечера предсовнарком т. Ленин принимал афганское чрезвычайное посольство в присутствии представителей Народного комиссариата иностранных дел тт. Карахана и Нариманова. Тов. Ленин встретил посла в своем рабочем кабинете со словами: „Я очень рад видеть в красной столице рабочекрестьянского правительства представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига“. На это посол ответил: „Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете

⁸⁵ Там же, стр. 27, 28.

⁸⁶ Г. В. Чичерин, *Ленин и внешняя политика*,— ВИ, 1957, № 2, стр. 24

⁸⁷ Теплинский. *Советско-афганские отношения*, стр. 9.

освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку“»⁸⁸.

В беседе с Мухаммедом Вали-ханом В. И. Ленин заявил, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится, чтобы помочь освобождению Востока. В. И. Ленин призывал мусульманский Восток понять это и помогать Советской России в великой освободительной войне. Отвечая В. И. Ленину, Мухаммед Вали-хан сказал, что он может утверждать, что мусульманский Восток это понял и что близок час, когда весь мир увидит, что европейскому империализму нет места на Востоке. Затем афганский посол вручил В. И. Ленину письмо эмира Амануллы от 21 апреля 1919 г. со следующими словами: «Имею честь вручить главе свободного русского пролетарского правительства письмо от моего повелителя и надеюсь, что то, о чем говорит афганское правительство, обратит на себя внимание советской власти». В. И. Ленин ответил, что с величайшим удовольствием принимает это письмо и обещает в скором времени дать ответ на все интересующие Афганистан вопросы. Беседа между Мухаммедом Вали-ханом и В. И. Лениным длилась более получаса⁸⁹.

Отвечая на письмо, доставленное Мухаммедом Вали-ханом, В. И. Ленин благодарил Амануллу-хана за приветствия и за почин в установлении дружбы между русским и афганским народами, а затем писал: «С первых дней славной борьбы афганского народа за свою независимость рабоче-крестьянское правительство России не замедлило признать новый порядок вещей в Афганистане, торжественно признало его полную независимость и отправило свое посольство для создания постоянной и неослабной связи между Москвой и Кабулом. В настоящее время цветущий Афганистан является единственным в мире независимым мусульманским государством, и судьба посылает афганскому народу великую историческую задачу объединить вокруг себя все порабощенные мусульманские народы и вести их на путь свободы и независимости»⁹⁰.

Далее В. И. Ленин указывал, что правительство Советской России поручает своему посольству вступить в переговоры с правительством Афганистана «для заключения торговых и иных дружественных договоров», и выражал надежду, что они закончатся подписанием соответствующих соглашений. В конце письма В. И. Ленин сообщал о затруднениях, возникших для чрезвычайного посольства Мухаммед Вали-хана в начале его пути: «Наше правительство, по желанию Вашего посла, снеслось по радио с правительствами соседних с Рос-

⁸⁸ Лавров, *Хроника*, стр. 73.

⁸⁹ Там же, стр. 73, 74.

⁹⁰ Там же, стр. 74.

сией государств, чтобы обеспечить дальнейший проезд афганского посольства в Европу и Америку, но, к сожалению, интриги той же заинтересованной державы, о которой Вы упоминаете в Вашем высокоценном письме, не дали возможности осуществить этот план Вашего Величества и Ваше посольство принуждено избрать другой путь. Отпуская его со всеми благопожеланиями русского народа, я от имени Рабоче-крестьянского правительства свидетельствую сердечный привет Вам и всему афганскому народу»⁹¹.

Несмотря на препятствия, чинившиеся англичанами дальнейшему следованию афганской чрезвычайной миссии, она сумела выполнить поставленные перед ней задачи и, посетив ряд стран Европы, способствовала установлению с ними нормальных дипломатических отношений.

Ленинская политика мирного сосуществования и независимый Афганистан

Советское посольство во главе с Я. З. Сурицем прибыло в Кабул 14 декабря 1919 г. К этому времени в результате завоевания Афганистаном независимости и укрепления Советской власти в Туркестане создались благоприятные условия для дальнейшего развития советско-афганских отношений.

Укрепление этих отношений в значительной мере помогло Афганистану упрочить его суверенитет⁹². Неоднократные попытки английских империалистов подорвать суверенитет Афганистана и восстановить свои утраченные позиции в конечном счете потерпели провал.

В феврале 1920 г. Советскому правительству была передана афганская нота, в которой выражалась благодарность правительства и народа Афганистана правительству РСФСР за его благородную политику по отношению к народам Востока, за то, что оно через «мужей светлых умом и полных доверия протянуло руку дружбы прежде всего независимому Афганистану». В ноте подчеркивалось, что в то время, когда Англия вела войну против афганского народа, «Афганистан увидел на севере от себя вместо самодержавной тиранствующей России свободную и справедливую Россию, услышал голос любви и союза»⁹³.

8 мая 1920 г. афганское правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой о помощи и с предложением заключить торговый договор и военный союз между Афганистаном и РСФСР. Советско-афганские переговоры проходили успешно, и 13 сентября 1920 г. в Кабуле был парафирован

⁹¹ Там же, стр. 74, 75.

⁹² Теплинский, *Советско-афганские отношения*, стр. 10.

⁹³ Хейфец, *Великий Октябрь и угнетенные народы Востока*, стр. 28, 29.

первоначальный текст договора о дружбе между Афганистаном и РСФСР⁹⁴.

28 февраля 1921 г., несмотря на противодействие английской дипломатии, был подписан советско-афганский дружественный договор. В феврале — марте 1921 г. Советской Россией были заключены также договоры с Турцией и Ираном, что серьезно сказалось на общей международной обстановке на Среднем и Ближнем Востоке. Создались благоприятные условия для борьбы государств Востока против империалистов. 1 марта 1921 г. Афганистан заключил союзный договор с Турцией (подписанный в Москве), а 22 июня того же года — договор о дружбе с Ираном.

Дипломатическая поддержка Советской страны помогла Афганистану укрепить свое международное положение. В создавшейся обстановке Англия была вынуждена в ноябре 1921 г. подписать окончательный англо-афганский мирный договор.

Из числа других капиталистических европейских держав первой установила дипломатические отношения с Афганистаном Италия (3 июня 1921 г.). Начало дипломатических и торговых отношений Афганистана с Францией было положено конвенцией, подписанной в Париже 28 апреля 1922 г. Затем были установлены дипломатические и торговые взаимоотношения Афганистана с Бельгией, а в последующие несколько лет — с рядом других государств. Афганистан вышел на широкую арену международной политической жизни.

В эти годы и в дальнейшем особо важное значение для Афганистана имело установление дружественных связей с его северным соседом — Советским Союзом. Эти связи с самого начала характеризовались стремлением к разностороннему их развитию в различных областях. Следует учитывать, что в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство могло оказывать странам Востока в основном только политическую и моральную поддержку. Возможности экономической и технической помощи этим странам со стороны Советского государства были тогда еще весьма ограниченными. Однако уже в то время Афганистан получал разностороннюю помощь от Советской республики. В свою очередь во время голода, охватившего в 1921 г. Поволжье, правительство Афганистана пожертвовало в пользу голодающих около 100 тыс. пудов зерна⁹⁵.

Ярким воплощением ленинских принципов внешней политики нашей страны был упомянутый выше договор от 28 февраля 1921 г., заключенный между РСФСР и Афганистаном. Оба договаривающихся государства взаимно обязались не

⁹⁴ Теплинский, *Советско-афганские отношения*, стр. 10.

⁹⁵ Хейфец, *Великий Октябрь и угнетенные народы Востока*, стр. 94.

заключать с другими государствами соглашений, враждебных одной из сторон. Этот договор стал основой последующего развития дружественных советско-афганских отношений. В договоре отразилось искреннее стремление Советской республики помочь Афганистану в преодолении экономических трудностей, стоявших перед слаборазвитой в хозяйственном и техническом отношении страной, только что завоевавшей независимость в тяжелой борьбе против империалистов. Статьей 10-й предусматривалось, что РСФСР окажет Афганистану денежную и прочую материальную помощь.

Одним из первых примеров претворения в жизнь договора 1921 г. в области технической помощи было создание советско-афганской комиссии по проведению телеграфных линий в Афганистане. При организации комиссии указывалось, что она создается в осуществление условий договора 1921 г.

В 1924 г. начались работы по установке железобетонных телеграфных столбов между Гератом и Фарахом. Прибывшая из СССР на этот участок строительства группа советских инженеров и техников обучила в процессе работы афганских рабочих новым для них производственным навыкам. Рабочая сила и все транспортные средства обеспечивались Афганистаном, а цемент и железо доставлялись из СССР. Между советскими специалистами и афганскими рабочими, местным населением и афганскими должностными лицами сразу же установились дружеские отношения, сохранявшиеся до конца работ⁹⁶.

В инструкции НКВД полномочному представителю РСФСР в Афганистане, датированной 3 июня 1921 г., указывалось: «Наша политика есть политика мира и сотрудничества между всеми народами. В настоящее время, когда восточные народы, как экономически отсталые, болезненно ощущают иностранное экономическое угнетение, социалистическая Советская Россия является для них естественным другом. Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей Вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью Вашей деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном. Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию дружественного афганского государства, мы готовы оказать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах. Вы должны изучить нужды

⁹⁶ Краткая характеристика деятельности советско-афганской комиссии на участке Герат — Фарах приведена по воспоминаниям А. М. Мугинова, ныне старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института народов Азии, в те годы работавшего в составе упомянутой комиссии в Афганистане.

и потребности Афганистана и выяснить желания его правительства с тем, чтобы в развитии и во исполнение русско-афганского договора мы могли оказывать ему посильное содействие в целях способствования его развитию и благосостоянию. Вам поручается обратить особое внимание на реформистскую программу эмира. В нынешней стадии развития Афганистана просвещенный абсолютизм типа нашего XVIII столетия является для него серьезным прогрессивным явлением. Мы не можем и не должны подходить к Афганистану с мерилами экономически развитых стран.

...Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самодеятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития»⁹⁷.

Цитатой из этого замечательного документа, ярко характеризующей ленинскую внешнюю политику Советского государства, мы заканчиваем последнюю главу нашей книги, главу, посвященную завоеванию Афганистаном независимости и выходу его на путь самостоятельного политического, экономического и культурного развития.

Приведенный в главе материал показывает, как возникла дружба советского и афганского народов и было положено начало добрососедским отношениям между Афганистаном и Советским государством. Дружба, отвечающая интересам народов обеих стран, получила дальнейшее развитие, основанное на ленинских принципах мирного сосуществования государств с различными экономическими системами и политическим строем.

⁹⁷ Цит. по кн.: Хейфец, *Великий Октябрь и угнетенные народы Востока*, стр. 48, 49.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Завоевание независимости открыло Афганистану путь самостоятельного политического, экономического и культурного развития. На этом пути ему пришлось преодолевать большие трудности. Многие страницы новейшей истории афганского государства заполнены бурными и драматическими событиями. Тем не менее за сорок пять лет, прошедших после освободительной войны 1919 г., Афганистан добился значительных сдвигов.

Афганское правительство, упрочив международное положение своего государства и опираясь на дружественные связи с Советской республикой, получило возможность уже в начале 20-х годов начать проведение реформ, необходимых для укрепления завоеванной независимости и выхода страны на путь самостоятельного развития экономики и культуры. Реформы начала 20-х годов проводились правительством Аманулла-хана, руководствовавшегося младоафганскими идеями.

В целом эти реформы создавали гораздо более благоприятные, чем прежде, условия для развития капитализма в стране. К числу самых важных преобразований относятся узаконение частной собственности на землю и расширение государственного сектора во многих отраслях хозяйства. Правительство содействовало организации первых национальных акционерных торговых компаний (шirketов). Уничтожались некоторые феодальные юридические институты (прежде всего владение землей за службу) и средневековые пережитки. Натуральные налоги на землю заменялись денежными.

Младоафганские реформы, при всей их объективной прогрессивности в условиях Афганистана, являлись классово ограниченными. Так, ускоренное развитие товарно-денежных отношений в стране сопровождалось ростом эксплуатации крестьян и малоимущих скотоводов крупными собственниками, что привело к резкому усилению недовольства трудовых слоев населения.

Недовольство использовали афганские реакционеры, за спиной которых стояли английские империалисты. В стране начались антиправительственные волнения (в Хазараджате, восстание племен в Хосте). В 1928 г. вспыхнуло крупное антиправительственное восстание. В январе 1929 г. предводитель

восставших Бачайи Сакао захватил Кабул и провозгласил себя эмиром Афганистана под именем Хабибуллы-хана.

Аманулла выехал в Кандагар и после неудачно предпринятого им весной 1929 г. похода на Кабул эмигрировал за границу¹.

В Афганистане наступило тяжелое время. До осени 1929 г. страну терзала кровавая внутренняя война; возникла серьезная угроза целостности и независимости государства.

В период правления Бачайи Сакао (январь — октябрь 1929 г.) Афганистан оказался отброшенным к худшим временам средневековья. Внутренняя политика этого правителя отличалась крайней реакционностью. Придя к власти, он отменил реформы, ликвидировал почти все светские школы, закрыл издававшиеся прежде газеты².

Во внешней политике Бачайи Сакао проводил враждебную СССР линию, превращая Афганистан в базу басмаческих выступлений против советских республик Средней Азии. Враждебная Советскому государству политика Бачайи Сакао, проводившаяся феодально-клерикальными кругами, тесно связанными с английскими империалистами и с басмачами, находилась в противоречии с коренными национальными интересами Афганистана.

Конец режиму Бачайи Сакао был положен генералом Надир-ханом, сумевшим сплотить против него патриотические силы страны. Войска Надир-хана заняли Кабул. 15 октября 1929 г. он был провозглашен падишахом (королем) Афганистана, и его власть была вскоре признана всеми областями страны. Были созданы условия для постепенной нормализации жизни в Афганистане. Правительству Надир-шаха предстояло, однако, преодолеть много трудностей в связи с необходимостью ликвидации тяжелых последствий войны и режима Бачайи Сакао. Новое правительство провело ряд мероприятий по упрочению центральной власти и укреплению государства.

Правительство Надир-шаха выступило за сохранение добрососедских отношений с СССР. 24 июня 1931 г. в Кабуле был заключен «Договор о нейтралитете и взаимном ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном».

¹ Он выехал со своими родственниками в Бомбей, а затем в Европу. Заявив об отказе от продолжения дальнейшей борьбы, он поселился в Италии на положении частного лица, оставался в эмиграции до конца своих дней и умер в Цюрихе в 1960 г. Похоронен в Афганистане, в Джалалабаде.

² В Кабуле при нем выходила только одна газета («Хабиб ал-Ислам») самого крайнего клерикального направления.

Соблюдая принцип нейтралитета, проводя политику расширения добрососедских связей с СССР и развивая отношения со всеми заинтересованными государствами на основе равноправия сторон, правительство Надир-шаха упрочило независимость Афганистана и его положение на международной арене. Серьезное значение имели мероприятия правительства, способствовавшие усилению роли национального капитала в хозяйстве Афганистана. Были созданы условия для последующего мирного и самостоятельного развития страны.

С 8 ноября 1933 г., после смерти Надир-шаха, падишахом стал его сын — Мухаммед Захир-шах, нынешний эмир Афганистана. Основные принципы внешней и внутренней политики остались прежними. Продолжалось постепенное осуществление многих назревших реформ, начатых в 20-х годах и прерванных гражданской войной 1929 г.

При поддержке государственной власти в Афганистане создавались новые ширкеты — объединения национального капитала в форме акционерных компаний. Вначале деятельность ширкетов ограничивалась в основном перепродажей на внутреннем рынке импортных промышленных товаров и заготовкой сырья на экспорт. Затем, получая от государства монопольные или преимущественные права на внешнюю торговлю, ширкеты стали занимать все более важные позиции в экономике Афганистана, вытесняя из внешней торговли страны купцов-чужеземцев. Большое значение имело учреждение в 1933 г. Афганского национального банка (Афганнацбанка).

С 30-х годов правительство стало привлекать капиталы ширкетов к участию в фабрично-заводской промышленности. Получая временные торговые монополии для накопления средств на строительство предприятий, а также прямую финансовую помощь государства, ширкеты приняли участие в создании промышленности по обработке сельскохозяйственного сырья. Строительство ряда промышленных предприятий осуществлялось непосредственно за счет государства, но впоследствии они были проданы специально основанным ширкетам с сохранением за государством права участия в них.

Мероприятия правительства способствовали увеличению роли национального капитала в хозяйстве страны, что в свою очередь стимулировало некоторый рост производительных сил и укрепляло самостоятельность страны, уменьшало ее экономическую зависимость от империализма. Но империалисты не прекращали попыток экономического и политического наступления на Афганистан. В середине 30-х годов империалистические державы вновь попытались утвердить в нем свое влияние и подорвать советско-афганские отношения.

Однако в марте 1936 г., исходя из интересов обеих сторон, СССР и Афганистан подписали протокол о продлении на десять лет договора 1931 г. Происки империалистов закончились неудачей.

В 30-х годах на основе дружественных отношений между Афганистаном и СССР развивались взаимовыгодные торговые связи. Советский Союз оказывал своему южному соседу разностороннюю помощь поставками оборудования и технической консультацией при строительстве промышленных предприятий. Советские специалисты приняли участие в строительстве хлопкоочистительных заводов и некоторых других промышленных объектов. В 1935 и 1938 гг. были подписаны советско-афганские соглашения о совместных мероприятиях по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений. Советский Союз предоставил Афганистану необходимую аппаратуру и химикаты, советские специалисты оказали помощь в создании ветеринарной станции в Кабуле и т. д.

В годы второй мировой войны Афганистан оставался нейтральным государством. Однако война все же тяжело отразилась на экономике Афганистана, в значительной мере зависящей от международного рынка.

В годы войны империалистические монополии использовали экономические трудности в Афганистане для укрепления своих позиций в стране. К концу войны, а особенно в первые послевоенные годы, все большую активность в борьбе за афганский рынок стали проявлять США. В связи с перемещением в Нью-Йорк центра международной меховой торговли США монополизировали сбыт афганского каракуля, составлявшего по стоимости около 50% афганского экспорта.

Американские займы оказались для Афганистана очень невыгодными. Платежный баланс с США оказывался постоянно пассивным, что было связано с падением цен на каракуль. Проникновение американского капитала в экономику Афганистана привело не только к ухудшению положения широких народных масс, но и нанесло ущерб финансам страны и интересам афганского национального торгово-промышленного капитала. Ухудшились условия внешней торговли.

Совершенно другие результаты принесло Афганистану укрепление и развитие политических и экономических связей с СССР и с другими странами социалистического лагеря. Одним из ярких примеров дружественной политики Советского государства явилось советско-афганское соглашение 1946 г. о государственной границе. Прежняя линия границы на протяжении более 1200 км проходила по южному берегу рек Аму-Дарья и Пяндж. Соглашением 1946 г. советско-афганская

граница установлена по тальвегу³, а в несудоходной части — по середине этих рек. Население северных районов Афганистана получило возможность пользоваться водами Аму-Дарьи и Пянджа для орошения, транспорта и т. д.

Были восстановлены и развивались нарушенные войной торговые связи между СССР и Афганистаном. Начиная с 1947 г. они стали регулироваться коммерческими договорами о взаимных поставках. Равноправный характер торговли с СССР представлял собой резкий контраст экономическим отношениям между Афганистаном и империалистическими монополиями.

По соглашению от 27 января 1954 г. СССР предоставил Афганистану кредит на строительство хлебокомбината, мельницы и элеваторов, а по протоколу от 5 октября того же года — дополнительный кредит на производство работ по асфальтированию дорог и улиц Кабула. В последующие годы был заключен еще ряд экономических соглашений, Афганистан получил от Советского Союза кредиты, в счет которых из нашей страны поставлялось оборудование и оказывалась техническая помощь в строительстве ряда промышленных и транспортных объектов.

Советские специалисты руководили строительством предприятий и оказывали помощь в подготовке национальных кадров рабочих. В начале 1957 г. вступил в строй кабульский хлебокомбинат с громадным элеватором, механизированной мельницей и хлебозаводом.

Содействие развитию хозяйства, техники и культуры в Афганистане со стороны Советского Союза выразилось также в участии советских геологов в изыскательных работах по изучению природных богатств страны, в участии советских врачей в борьбе с эпидемиями, в совместной работе советских и афганских специалистов по сельскому хозяйству и т. д.

Успешно развивались также политические и экономические связи Афганистана с Чехословакией, Польшей и другими социалистическими странами. Чехословакия оказала помощь, в частности, в сооружении цементных заводов. Польские специалисты приняли участие в реконструкции кабульской и кандагарской шерстоткацких фабрик.

Дальнейшему укреплению советско-афганской дружбы содействовали взаимные визиты государственных деятелей, продемонстрировавшие торжество принципов мирного сосуществования и способствовавшие дальнейшему развитию советско-афганских взаимоотношений. С целью расширения связей в области науки, культуры и искусства в 1960 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве.

³ Тальвег — линия, соединяющая наиболее глубокие места реки.

История взаимоотношений Афганистана со странами лагеря социализма показывает, что между государствами с различным политическим и общественным строем вполне возможны мирное сосуществование, взаимовыгодные связи, дружба и сотрудничество на благо народов.

Среди побывавших в Афганистане буржуазных авторов есть еще и сейчас такие, в чьих глазах постепенно уходящий в прошлое облик старого, феодального Афганистана совершенно заслоняет все или почти все новое в стране. Но любой объективно настроенный и умеющий более или менее внимательно наблюдать человек, посещающий эту страну вновь через несколько лет, не может не видеть каждый раз совершившихся за прошедшее время перемен, хотя новое в Афганистане и сейчас тесно переплетается со старым.

Пути и средства передвижения — это то, с чем сталкивается прежде всего всякий приезжающий в страну. Афганистан остается одним из немногих теперь государств Азии, в которых пока еще нет железных дорог. Всего лишь несколько десятилетий назад единственным средством перевозки грузов был вьючный транспорт (главным образом караваны верблюдов). Но строительство шоссейных дорог и регулярный ввоз автомобилей позволяют ныне в постепенно возрастающих масштабах применять автотранспорт и для грузовых, и для пассажирских перевозок. Сравнительно быстро развивается и воздушный транспорт, преимущественно использующийся пока при внешних связях, для перевозок пассажиров и дорожных экспортных грузов. Однако кроме международных создано и несколько внутренних авиационных линий, соединяющих Кабул с Кандагаром, Гератом и некоторыми другими городами.

Так современные средства передвижения начинают постепенно заменять вьючных животных. Правда, удельный вес воздушных перевозок еще крайне незначителен, а приспособленных для автотранспорта дорог в стране пока мало. Весьма крупная часть внутренних перевозок, прежде всего по труднопроходимым песчаным и каменистым местностям, до сих пор осуществляется при помощи вьючных животных. Они по-прежнему используются и кочевниками во время сезонных переселений на новые пастбища.

Основными отраслями хозяйства остаются земледелие и скотоводство. Крестьяне составляют около 90% населения страны. Промышленный пролетариат еще очень малочислен. Общая численность рабочих, включая занятых на транспорте и на строительстве, составляет около 110 тыс., из них постоянных фабрично-заводских рабочих около 18 тыс.⁴

⁴ «Афганистан» (Справочник 1964 г.), стр. 82.

Но при всем этом страна идет вперед, в ней происходят определенные социально-экономические сдвиги, вызывающие оживление общественной жизни. Новое сказывается в идеологии, культуре. В 1947 г. в афганской печати выступила группа «Пробудившаяся молодежь». Участники ее, выступая против злоупотреблений администрации, взяточничества и т. п., призывали к борьбе за изживание феодальных пережитков в быту афганцев. В программе группы, опубликованной в журнале «Кабул», провозглашалось, что «Пробудившаяся молодежь стремится к тому, чтобы трудиться на благо отчизны и своего народа, чтобы вывести афганцев из темницы незнания и невежества, чтобы искоренить до конца существующие в народе недостойные обычаи и пороки»⁵.

В начале своей деятельности главным средством для достижения своих целей сторонники движения «Пробудившаяся молодежь» считали только просвещение, но в 50-х годах они стали выдвигать и политические требования (в частности, отмены привилегий крупного торгово-промышленного капитала).

К началу 50-х годов относится и некоторая активизация политической деятельности депутатов Народного совета, представлявших интересы средних городских слоев. Они выступили с критикой отдельных сторон афганской действительности, публикуя в газетах материалы, характеризующие тяжелое положение трудящихся, стоявшие перед страной экономические трудности, печатали статьи, разоблачавшие злоупотребления чиновников, а также содержавшие критику деятельности американских империалистов в Афганистане.

В мае 1952 г. в Кабуле состоялась первая в стране политическая демонстрация: участники ее протестовали против порядка выборов в Народный совет, контролировавшихся властями.

Все это свидетельствовало об оживлении общественной и культурной жизни, отразившем происходившие в стране социально-экономические сдвиги.

Афганское правительство уже в конце 40-х годов предприняло попытки смягчить растущие социальные противоречия и осуществило некоторые мероприятия с учетом запросов средних городских слоев. Так, в 1947 г. был утвержден закон, разрешающий избирать тайным голосованием в крупных центрах страны городские управы. Этим был сделан шаг к некоторой демократизации местного управления.

В сентябре 1953 г. произошла смена правительства. Политическую власть по-прежнему сохранили помещики и круп-

⁵ См. Гирс, *Современная художественная проза на пушту в Афганистане*, стр. 81.

ный капитал. Однако новое правительство, возглавленное Мухаммедом Даудом, приняло курс на более последовательное и планомерное проведение некоторых реформ с учетом международной обстановки и назревших проблем экономического и культурного развития страны.

Экономической правительственной программой 1954 г. предусматривалась охрана капитала, преодоление инфляции, контроль над валютой, расширение кредита. Провозгласив политику «руководимой экономики», правительство осуществило некоторые преобразования государственно-капиталистического типа.

23 августа 1956 г. Народным советом Афганистана был утвержден первый экономический план, сроком осуществления которого был определен период с 24 сентября 1956 до 23 сентября 1961 г. Главное место в этом плане занимали сельское хозяйство, промышленность, транспорт и связь. Предусматривалось также расширение системы просвещения и здравоохранения. По существу первый пятилетний план экономического развития представлял собой долгосрочную программу государственных и частных ассигнований для осуществления намеченных задач. В 1961 г. было завершено выполнение первого пятилетнего плана развития и со следующего года начались работы, предусмотренные вторым пятилетним планом (1962—1967). Важнейшее значение для осуществления этого плана имеет сотрудничество с социалистическими странами, в первую очередь с СССР. Принимая меры к повышению продуктивности земледелия и поощряя развитие национальной промышленности, афганское правительство способствует созданию основ самостоятельной экономики страны. Однако для решения этой важнейшей проблемы предстоит еще многое сделать. Изучение и разработка ископаемых богатств страны только начинаются. Легкая промышленность (не считая мелкого ремесленного производства) обеспечивает пока еще только около 25—30% потребности внутреннего рынка. Афганистан остается в экономическом отношении одной из слаборазвитых стран Востока. На долю сельского хозяйства приходится около 80% валового национального продукта. Увеличение продуктивности сельского хозяйства тормозится докапиталистическими пережитками в аграрных отношениях.

Как уже подчеркивалось выше, многие серьезные проблемы — хозяйственные, технические и другие — независимый Афганистан имеет возможность решать и решает при помощи Советского Союза и других социалистических стран.

О том, как рождается новое в стране, идущей путем самостоятельного развития, свидетельствует, в частности, постепенная ликвидация обязательности обычая носить чадру женщинами-горожанками, осуществляемая с 1959 г. Летом 1959 г.

впервые тысячи женщин вышли на улицы городов Афганистана с открытыми лицами.

В марте 1963 г. кабинет Мухаммеда Дауда ушел в отставку; новое правительство было сформировано Мухаммедом Юсуфом, занимавшим в прежнем кабинете пост министра горных дел и промышленности. Новое правительство, придерживаясь разработанной в предшествующие годы программы развития экономики, подтвердило намерение осуществить второй пятилетний план. Правительство Мухаммеда Юсуфа приступило к подготовке ряда реформ и объявило о намерении внести изменения в систему государственного управления и пересмотреть действовавшую с 1931 г. конституцию «в соответствии с требованиями современности»⁶. В результате работы правительственной комиссии был подготовлен проект новой конституции, утвержденный в сентябре 1964 г. «Большой джиргой», а в октябре — королем.

Основными положениями новой конституции подтверждается конституционно-монархический строй Афганистана. Основной закон предусматривает разрешение создания в Афганистане политических партий, расширение прав и полномочий Нижней палаты парламента, введение тайного голосования на выборах в парламент и в местные представительные учреждения. Специальным разделом конституции устанавливается так называемый переходный период, который продлится до 14 октября 1965 г., когда должен быть созван новый парламент.

Обращаясь к некоторым фактам, характеризующим культуру современного Афганистана, надо вспомнить, что благоприятные условия для ее развития в стране, в прошлом скованной гнетом колониализма, изоляцией от внешнего мира и сохранением средневековых порядков, были созданы только в результате завоевания независимости в 1919 г.

В 1928 г. в Афганистане насчитывалось 320 светских школ с 51 тыс. учащихся. Развитию народного образования большой ущерб нанес в 1929 г. режим Бачайи Сакао, а в годы второй мировой войны помешали экономические трудности, однако в целом за последние десятилетия Афганистан добился в этой области определенных сдвигов. По данным на 1956/57 учебный год, в стране было уже 857 школ с 134,2 тыс. учащихся, а к 1961 г. общее число учащихся возросло более чем на 60%⁷. Однако пока процент грамотных в стране невелик: в 1960 г. среди мужского населения грамотных было только около 10%. В последние годы увеличилось число курсов по ликвидации неграмотности среди взрослых.

Начало созданию современной системы специального и профессионального образования было положено в 20-х годах

⁶ См. «Афганистан» (Справочник 1964), стр. 55.

⁷ См. там же, стр. 141.

открытием в Кабуле нескольких лицеев, профессиональных школ и курсов. В 30-х годах в Кабуле открылись первые профессионально-технические училища. Важнейшим культурным центром стал Кабульский университет. В 50-х годах учреждено несколько технических училищ в различных городах страны.

Большое значение в развитии культуры афганского народа имело объявление пушту официальным государственным языком, о чем 4 ноября 1936 г. в газете «Ислах» был опубликован специальный фирман. Язык фарси (кабули)⁸ сохранял свое значение в качестве второго государственного языка страны. По конституции 1964 г. оба эти языка объявлены официальными языками Афганистана (ст. 3).

В современной афганской литературе немало талантливых поэтов и прозаиков, которых знает и любит народ. Требованиями жизни вызывается особенно значительное развитие художественной прозы. Эти требования сказываются прежде всего на развитии новых для Афганистана видов художественной прозы, что хорошо видно на примере таких недавно возникших в афганской литературе жанров, как очерк, фельетон, рассказ, повесть. Школа, печать, театр и более всего радио расширяют сферу применения литературного языка.

В связи с развитием просвещения и национальной литературы в современном Афганистане возрастает интерес интеллигенции и широких кругов читателей и радиослушателей к литературам других стран и народов. Печатаются (преимущественно в газетах, журналах и альманахах) многочисленные переводы на язык пушту и на фарси из иностранных литератур. Среди публикуемых переводов видное место принадлежит классикам русской и советской литературы — А. С. Пушкину, Л. Н. Толстому, А. П. Чехову, М. Горькому. Напечатаны также переводы нескольких стихотворений М. Ю. Лермонтова, отрывки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и др.⁹

Переводы пьес западноевропейских и русских классиков сыграли немалую роль в развитии афганского театра. Но в Афганистане есть и своя драматургия. В создании афганского современного театра, возникновение которого относится к 20-м годам XX в., почетное место принадлежит Мухаммеду Али Раунаку, режиссеру, драматургу и педагогу, руководителю школы актеров (открытой в 1956 г. при кабульском театре «Похыни нындаре»). Руководимая им труппа актеров ставила как оригинальные пьесы афганских драматургов, так

⁸ Этот язык называется в Афганистане также языком дари.

⁹ См. Гирс, *Переводы произведений русской и советской литературы*, стр. 58, 59.

и переводные (произведения Мольера, «Ревизор» Гоголя, инсценировки по произведениям Гюго, Чехова и т. д.).

Связанное с вступлением страны на путь капитализма развитие национального самосознания афганцев на новом этапе проявилось, в частности, и в растущем интересе к прошлому своего народа. В драматургии это вызвало появление пьес на исторические темы, в живописи — картин на сюжеты из истории афганского народа. В науке существенно продвинулось исследование прошлого афганцев и Афганистана. Значение крупного культурного центра приобрел Кабульский историко-этнографический музей с его богатыми археологическими коллекциями, образцами оружия, тканей, одежды и т. п. В числе реликвий истории борьбы афганского народа за свою независимость здесь хранятся и знамена освободительной войны 1919 г.

Во многих трудах современных афганских историков, посвященных войнам за независимость, проявляется антиимпериалистическая направленность. В этом, в новых условиях, сказываются, несомненно, и исторические традиции многолетней борьбы афганского народа за свою независимость против британских колониальных завоевателей. Так, в переведенной на русский язык книге Сейид Касема Риштия «Афганистан в XIX веке» автор, рассматривая события войны 1838—1842 гг. против английских завоевателей, приходит к диктуемому фактами выводу о решающей роли народа в борьбе за освобождение страны.

Историками Афганистана поднят большой материал по различным периодам истории своей страны, публикуются документы, издаются исследования. Немало сделано для изучения истории Афганистана и советскими исследователями. Однако в многовековой истории Афганистана многое остается еще неясным. Необходимым условием для заполнения оставшихся пробелов должно быть написание монографических исследований по тем разделам истории Афганистана, которые до сих пор изучены еще недостаточно. Для успеха этой работы весьма важно дальнейшее укрепление научных связей между советскими и афганскими историками, к чему имеются самые благоприятные возможности, созданные развитием дружественных взаимоотношений нашей страны с Афганистаном в области политической, хозяйственной и культурной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Перечисляя в этом обзоре лишь основные источники и исследования, мы отсылаем читателя к специальным библиографиям и общим библиографическим пособиям. В обзоре наибольшее место уделено сравнительно малоизвестным и недостаточно изученным источникам.

Данные археологии, служащие основным источником для изучения древней истории страны, пополнились весьма значительно в результате изысканий, проведенных в последние десятилетия в Афганистане и в соседних областях. Афганистан справедливо называют сокровищницей памятников древности. Многие из них заслуженно пользуются широкой известностью.

Краткая характеристика археологических исследований

Подлинно научное исследование археологических памятников Афганистана еще только начинается. В XIX в. английские и другие европейские путешественники, побывавшие в Афганистане, оставили описание виденных ими памятников. Уже тогда были составлены описания мечетей Герата, ступ Кабулистана, городищ Беграма и великолепного комплекса Бамиана. Однако эти работы, как правило, велись лицами, не имевшими специальной подготовки. Исключение составляют те случаи, когда исследованием древностей Афганистана занимались крупные востоковеды¹. В начале XX столетия появились публикации Тэта и Нидермайера, посвященные главным образом памятникам средневековой архитектуры².

Важным этапом в истории археологического исследования Афганистана было образование в 1922 г. Французской археологической миссии. Она была создана по соглашению между правительствами Афганистана и Франции и продолжает свою деятельность до настоящего времени³. С тех пор началось

¹ В качестве примера можно сослаться на работы Н. В. Ханыкова.

² Tate, *Seistan*; Niedermayer, *Afghanistan*.

³ В советской литературе имеется обзор деятельности миссии, доведенный до 1952 г. См.: Мандельштам, *О некоторых результатах*.

систематическое изучение археологических памятников, в котором приняли участие и афганские ученые. В деятельности французской археологической миссии можно отметить два периода. Для первого из них (до 1940 г.) характерен искусствоведческий уклон работ сотрудников миссии. В этот период были систематически исследованы такие памятники, как Ба-миан и Хадда⁴. В результате раскопок в Беграме были обнаружены высокохудожественные изделия⁵. Важные материалы дали также раскопки буддийских монастырей у Кундуза, брахманского святилища Хайр-хане около Кабула, ступ Шотарака (неподалеку от Беграма) и монастыря в Фундукистане⁶. В ходе этих работ были тщательно изучены известные ранее памятники живописи, скульптуры и архитектуры и открыты десятки новых; многие из них украшают ныне собрания Кабульского исторического музея.

Систематизация и классификация археологического материала в этот период оставались вне поля зрения сотрудников миссии. Исключением служат лишь небольшие раскопки, проведенные Р. Гиршманом на одном из поселений Систана⁷.

В 40-х годах наметился поворот в изучении археологических памятников. Важные данные для истории материальной культуры были получены в результате раскопок Р. Гиршмана в Беграме, где он выделил три культурных слоя⁸. Раскопки, произведенные в 1947 г. на городище Балха — Бактр, были шагом вперед в исследовании истории этого крупнейшего городского центра⁹. Однако научное значение результатов раскопок Бактр было ослаблено методикой их обработки¹⁰. В связи с этим при классификации археологического материала из Северного Афганистана использовалась схема, разработанная советскими археологами для приамударьинских районов Узбекистана и Таджикистана¹¹.

Весьма важные результаты дали работы французской миссии по исследованию развалин газневидского дворцового комплекса в Лашкар-и Базар¹². В 1957 г. был открыт минарет

⁴ Godard et autres, *Les antiquites bouddhique*; Hackin — Carl, *Nouvelles recherches*; Bathyhou, *Les fouilles*.

⁵ Hackin J.—Hackin R., *Recherches archeologiques*; Hackin J.—Hackin R. et autres, *Nouvelles recherches*.

⁶ Hackin, *L'art bouddhique*; Hackin — Carl, *Recherches*; Meunie, *Shotarak*; Hackin, *La monastere Poudtrique*.

⁷ Ghirshman, *Fouille de Nad-i-Ali*.

⁸ Ghirshman, *Begram*.

⁹ Schlumberger, *La prospection archeologique*; Gardin, *Ceramiques*.

¹⁰ См. Дьяконов, *Сложение классового общества*, стр. 134—135.

¹¹ См., например, Allchin, *The cultural sequence*.

¹² Schlumberger, *Les fouilles*; Schlumberger, *La grande mosquée*. Обзор предварительных итогов раскопок в Лашкар-и Базар см. Арунова, *О некоторых общих результатах*.

Джам, выдающийся памятник средневековой архитектуры¹³. В том же году итальянская археологическая экспедиция начала раскопки в Газни¹⁴.

Ценный материал вводят в науку раскопки культовых комплексов Сурх-Котала, относящихся к кушанскому периоду¹⁵. В послевоенные годы впервые началось систематическое изучение памятников первобытнообщинного строя на юге Афганистана американской экспедицией и французской миссией¹⁶.

Кратко охарактеризованные здесь археологические исследования в Афганистане выявили много памятников, существенно расширяющих наши представления о древней и средневековой истории и культуре страны. Однако этим исследованиям свойственны и серьезные недостатки. Раскапывались, как правило, только отдельные объекты, так или иначе связанные с наличием памятников искусства.

Не проводилось широких комплексных исследований с охватом всех памятников какого-либо района и с конечной установкой на создание археологической карты Афганистана; очень мало внимания уделялось исследованию исторической топографии и географии.

В публикациях французской миссии почти полностью отсутствуют материалы раскопок рядовых памятников, в том числе замков и сельских поселений.

Досадным пробелом в археологических изысканиях является также невнимание к важнейшим проблемам этногенеза афганского народа. Не приходится сомневаться в том, что изучение памятников кочевых племен, особенно в южных областях Афганистана, должно сыграть в решении этих вопросов весьма значительную роль.

Письменные источники древнего периода

Сведения письменных источников по древней истории территорий Афганистана весьма немногочисленны — собранные воедино, они составили бы сравнительно небольшой сборник. В подавляющем большинстве эти источники неоднократно издавались и переводились на различные языки.

Древнейшим из них следует считать «Авесту», но текст ее дошел до наших дней в сравнительно поздних списках. Для истории Афганистана наибольший интерес представляют тексты гимнов-молитв (Яшты), отражающих верования еще дозороастрийского периода (II — начало I тысячелетия до н. э.),

¹³ Maricq — Wiet, *Le minaret de Djam*.

¹⁴ Bombaci, *Summary report, I*; Scerrato, *Summary report, II*.

¹⁵ Schlumberger, *Le temple de Surkh-Kotal*; Schlumberger, *Surkh-Kotal*.

¹⁶ Fairservis, *Preliminary report*; Casal, *Quatre campagnes*.

и Гаты — проповеди, приписываемые большинством исследователей самому Зороастру¹⁷. Весьма важный, хотя и лаконичный, материал по истории древних народов Афганистана VI—IV вв. до н. э. содержится в клинописных надписях Ахеменидов, особенно в большой Бисутунской надписи Дария I. Одним из основных источников по древней истории и исторической географии областей, вошедших в состав Афганистана, служат сообщения греческих и латинских авторов¹⁸. Первоначально источником сведений этих авторов были отчеты путешественников (например, путешествие Скилака по Инду в конце VI в. до н. э.), официальные документы ахеменидской державы (откуда, видимо, заимствованы Геродотом список ахеменидских сатрапий и описание армии Ксеркса), а также легенды и предания. Из произведений ранних греческих авторов наибольшее значение имеют история Геродота (прибл. 484—430 гг. до н. э.) и сочинения Гекатея (V в. до н. э.), сохранившиеся в отрывках. В сочинениях Ктесия Книдского (V — начало IV в. до н. э.), дошедших главным образом в отрывках у Диодора (I в. до н. э.) и ранневизантийского историка Фотия, содержится много сомнительных и явно неверных сообщений, но проявляемое некоторыми исследователями крайне скептическое и даже нигилистическое отношение ко всем сведениям, приводимым Ктесием, нельзя считать обоснованным.

Значительно расширился кругозор античных авторов в результате похода Александра Македонского. Во время этого похода велся подробный путевой дневник, многие его участники, в частности Птолемей Лаг, Аристовул и другие, оставили мемуары. Эти данные дошли до наших дней в переложении более поздних авторов, причем наиболее ценен «Анабасис Александра» Арриана (ок. 95—175 гг. н. э.), который, видимо, в ряде случаев цитирует Птолея и Аристовула. С большей осторожностью следует относиться к описанию похода Александра в сочинении Квинта Курция Руфа (I в. н. э.).

По истории Греко-Бактрии важные сведения можно почерпнуть в «Истории» Полибия (200—120 гг. до н. э.), где описание восточного похода Антиоха III основано, видимо, на каких-то официальных данных селевкидской канцелярии. Первостепенное значение для истории Бактрии и соседних стран имеют приведенные в «Географии» Страбона (ок. 66 г.

¹⁷ Об изданиях и переводах Авесты см. «История таджикского народа», т. I, стр. 504, прим. 1. О проблеме датировки, локализации и составе Авесты см.: Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 45—56; Оранский, *Введение*, стр. 67—94.

¹⁸ Последнее полное издание текста (в транскрипции) ахеменидских надписей: Kent, *Old Persian*; русский перевод Бисутунской надписи: Дандамаев, *Иран*, стр. 262—270. Об античных авторах см.: «История греческой литературы», тт. II—III; Rose, *A handbook of Greek literature*; Idem, *Handbook of Latin literature*; Томсон, *История древней географии*.

до н. э. — 25 г. н. э.) отрывки из книги по истории Парфии Аполлодора из Артемиды (видимо, конец II — начало I в. до н. э.). Не менее ценны сведения и другого автора истории Парфии и Греко-Бактрии, чье сочинение в I в. до н. э. было использовано неизвестным греческим историком, которое в свою очередь в начале I в. н. э. было переработано римским автором Помпеем Трогом. Но и само сочинение Помпея Трога дошло до нас лишь в сокращении Юстина (II в. н. э.)¹⁹.

В более позднее время значение античных источников почти полностью сходит на нет. Втянутый в длительную борьбу с парфянской державой, римский мир почти ничего не знал о не менее могущественной империи Кушан. Можно отметить лишь важный источник по торговле и хозяйству — «Перипл Эритрейского моря» (последняя треть I в. н. э.) — сочинение, служившее справочником для торговцев и моряков.

Сравнительно ограничено значение индийских источников; среди них следует отметить надписи с именами кушанских правителей и беседы буддийского мудреца с Менандром²⁰. В недавнее время при раскопках Сурх-Котала в Северном Афганистане была найдена очень важная бактрийская надпись²¹.

Со времени путешествия во второй половине II в. до н. э. Чжан Цяня все большую роль приобретают данные китайских летописей — «Исторических записок» Сыма Цяня (окончены в 91 г. до н. э.), «Истории династии Ранняя Хань» Бань Гу (вторая половина I в. н. э.) и «Истории династии Поздняя Хань» Фань Е (первая половина IV в. н. э.), в которых использованы более ранние источники.

Роль китайских источников сохраняется и для периода V—VII вв. н. э., когда территория Афганистана входила в состав эфталитского объединения, вскоре распавшегося на отдельные владения [данные исторических хроник: «История северных дворов» и др.; описание паломничеств буддистов, особенно путешествия Фа Сяна (399—424) и Сюань Цзана (вторая четверть VII в.)].

Средневековые письменные источники

Интересные параллели к сведениям из восточных источников можно найти в сочинениях византийских историков Приска Панийского (V в.) и Прокопия Кесарийского (VI в.).

¹⁹ Об «источнике Трога» см.: Tarn, *The Greeks*, pp. 45—50. Ф. Альтгейм высказал предположение, что «источник Трога» не что иное, как сочинение Аполлодора из Артемиды (Altheim, *Weltgeschichte Asiens*, S. 2—24).

²⁰ Rhys Davids, *The questions of king Milinda*.

²¹ Maricq, *Le grande inscription de Kaniska*; Henning, *The Bactrian inscription*.

Очень ценны сообщения армянских историков IV—VII вв.—Фавста Бузанда, Егише, Лазаря Парбского и Себеоса. К сасанидской исторической традиции восходят сведения об этом периоде, имеющиеся в арабской исторической литературе (Табари, Динавери, Ибн ал-Асир и др.).

Большинство средневековых источников на арабском и персидском языках, важных для изучения истории Афганистана и соседних с ним стран, введено в науку трудами нескольких поколений специалистов-востоковедов. Почти все рукописные сочинения описаны в каталогах, значительная часть их издана.

Содержательные характеристики важнейших арабских и персидских источников VIII—XV вв. дал В. В. Бартольд в своем капитальном труде по истории Туркестана²².

Важными источниками сведений о событиях в Хорасане, Систане и других восточных областях халифата служат сочинения историков IX в.—Балазури и Динавери и «Тарих ар-Русул ва-л-Мулук» Табари (838—923 гг.). Данные, относящиеся к началу X в., содержатся в сочинениях историка и географа Масуди; для истории хозяйства IX—X вв. главными источниками являются географические сочинения Ибн Хордадбега, Якуби, Ибн ал-Факиха, ал-Истахри, Ибн Хаукаля и особенно Мукаддаси²³.

Для истории газневидского государства конца X — начала XI в. важным источником служит «Китаб ал-Ямини» — сочинение Утби, придворного летописца Махмуда Газневида. Из числа других авторов, писавших на арабском языке, чьи труды содержат сведения о происходивших на территории современного Афганистана событиях и историко-географические данные, следует упомянуть сочинения великого хорезмийского ученого Бируни, историка Са'либи (ум. в 1038) и составителей биографических и географических словарей: Самани и Якута.

В XII томе «ал-Камил фи-т-Тарих», знаменитого труда Ибн ал-Асира (1160—1234) по всеобщей истории, содержится основанный в значительной мере на свидетельствах очевидцев рассказ о завоевании хорезмского государства Чингисханом. Будучи одним из основных источников по истории Ближнего и Среднего Востока (в частности, Хорасана и прилегающих к нему областей) конца XII — начала XIII в. (изложение доведено до 1231 г.), труд Ибн ал-Асира важен и для освещения некоторых событий более раннего времени, поскольку автор использовал многие не дошедшие до нас источники.

²² Бартольд, *Туркестан*, стр. 46—108; см. также МИТТ, I, стр. 12—61.

²³ См. Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 147—154; 171—184; 196—204; 210—221.

Для изучения истории Афганистана после монгольского завоевания роль арабских источников становится значительно меньшей, и первое место по значению в течение длительного периода удерживается за источниками, написанными на персидском языке. Важнейшими из таких источников для истории Афганистана домонгольского времени являются сочинения Гардези и Бейхаки, а также два труда, авторы которых остаются неизвестными: «Тарих-и Систан» и «Худуд ал-алам».

В «Худуд ал-алам», самом раннем из них по времени (ок. 982/83 г.), имеются краткие, но весьма ценные сообщения об афганцах²⁴; подробно описаны области нынешнего Северного Афганистана.

«Зайн ал-Ахбар» (1048 или 1050 г.) — первое из дошедших до нас оригинальных исторических сочинений, написанных на персидском языке. Автором его был Абу Саид Абд ал-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардези, происходивший, как показывает нисба, из города Гардеза в Афганистане. Труд Гардези признается одним из основных источников по истории Хорасана²⁵.

Дошедшая до нас часть многотомного сочинения Абу-л-Фазла Бейхаки («Тарих-и Бейхаки») содержит богатейший материал о газневидском государстве, его административной системе, дипломатии, о военных событиях и т. п.²⁶

Для изучения средневекового Гура важное значение имеет описание похода в Гур принца Масуда в 1020 г. (сведения о военных действиях, воинских приемах и оружии отрядов Масуда и гурцев; приводятся также подробности, позволяющие судить о некоторых сторонах жизни гурцев, характере их селений и т. д.).

Из источников по средневековой истории Афганистана и Ирана особого внимания заслуживает «История Систана» («Тарих-и Систан»), изданная в 1935 г. иранским ученым М. Бехаром²⁷. Сочинение состоит из двух частей, написанных в разное время. Первая часть составлена в XI в., в ней изложены события IX—первой половины XI вв.; во второй части изложение доводится до конца первой четверти XIV в.

Из источников по времени монгольского нашествия для истории Афганистана важны сочинения Джузджани и Джувейни.

²⁴ См. Худуд ал-алам, *Введение*, стр. 20—22.

²⁵ См. МИТТ, I, 44.

²⁶ Характеристику источника см. во вступительной статье к изданию: Бейхаки, пер. Арендса, стр. 5—38.

²⁷ О списках этого сочинения см. Смирнова, *Язык «Тарих-и Систан»*, стр. 16—18.

Первое из них — «Табакат-и Насири» — написано в 1259—1260 гг. в Индии, куда его автор, Абу Омар Минхадж ад-Дин Осман Сирадж ад-Дин Джузджани, эмигрировал из Гура в связи с монгольским завоеванием. «Табакат-и Насири» — сочинение по всеобщей истории. Из 23 входящих в его состав «разрядов» («табакат») большинство компилятивного характера. Но содержащийся в сочинении Джузджани оригинальный материал и пересказ сведений из несохранившихся произведений гурских историков дают достаточные основания признать «Табакат-и Насири» основным источником по истории Гура. Политическая история гурского княжества, а наряду с ней и многие стороны прошлого племен Гура освещаются в этом сочинении более полно и детально, чем во всех других дошедших до нас источниках²⁸.

К числу «разрядов» сочинения Джузджани, имеющих значение первоисточника, относится последний — 23-й разряд. В нем ценно прежде всего описание вторжения монголов в Гур и в соседние с ним области, поскольку автор был современником, а в некоторых случаях очевидцем и участником изложенных событий.

Описание Джузджани дополняет местным материалом более общие сведения, содержащиеся в сочинении «Тарих-и Джахангушай», составленном между 1252 и 1260 гг., автор которого — Ала ад-дин Ата Малик Джувеини (род. в 1226 г.), хотя и не был в отличие от Джузджани современником первых завоеваний монголов на Среднем Востоке, но хорошо знал о них по рассказам людей старшего поколения и по традиции, сохранявшейся как в хорасанской, так и в монгольской среде. Джувеини был знаком и с официальными документами благодаря своей многолетней службе у могольских правителей Ирана.

Ценный обзор источников XIII—XIV вв. по истории монгольского завоевания и хулагуидского государства, значительная часть которых содержит сведения, освещающие в той или иной мере и историю западных областей современного Афганистана, приведен в опубликованной в 1960 г. монографии И. П. Петрушевского²⁹. Отсылая читателей к этой рабо-

²⁸ Джузджани родился в 1193 г. и провел свое детство и молодость в Фирузкухе и Бамиане, при дворах гуридских правителей, на службе у которых состоял как его отец, так и он сам. Джузджани был хорошо знаком с местной исторической традицией и с политическими событиями, происходившими в государстве Гуридов.

²⁹ Петрушевский, *Земледелие*, стр. 12—26. Автор упоминает или кратко характеризует хорошо изученные источники, значение которых общеизвестно, подробнее останавливаясь на источниках, до сих пор еще мало разработанных: он рассматривает и анализирует документальные материалы, сочинения агнографические и биографические, трактаты по агротехнике и т. п.

те, остановимся здесь на «Тарих-наме-йи Харат» — труде гератского автора начала XIV в., введенном в научный оборот сравнительно недавно и еще не в полной мере использованном историками. Автором его был Сейф ад-дин ибн Мухаммед ибн Якуб ал-Харави, имя которого в сокращенной форме «Сейфи» упоминалось в других, известных прежде источниках³⁰. Однако вплоть до нынешнего столетия сообщений о сохранившихся рукописях труда Сейфи в востоковедной литературе не появлялось.

Первые сведения о сохранившемся в Индии (Калькутта) списке «Тарих-наме-йи Харат» опубликовал в 1916 г. индийский ученый Хан Сâхиб Маулави Абдул Муктадир, считавший калькуттский список единственным³¹. В 1944 г. по одному только этому списку, который продолжали считать уникальным, источник был опубликован в Индии проф. Мухаммедом Сиддики, предпославшим изданию подробное введение. Это издание прочно ввело в науку новый памятник и сделало его доступным для широкого круга исследователей³². Дальнейшему углубленному изучению содержащихся в «Тарих-наме-йи Харат» сведений должно способствовать привлечение также и других списков этого сочинения, известных к настоящему времени³³.

Характеристику автора «Тарих-наме-йи Харат» и анализ памятника как источника по истории Восточного Хорасана, прежде всего Герата, дал в специальном исследовании И. П. Петрушевский, отметивший, что основное значение труда Сейфи заключается в богатстве фактического материала по политической истории княжества Куртов³⁴. Жизнь народных масс мало занимала автора «Тарих-наме-йи Харат» (как и других придворных историков феодального Востока), и характеризующие положение народа сведения в данном источнике, как правило, приводятся лишь попутно, в связи с

³⁰ О существовании исторического труда Сейфи востоковедам было известно еще в прошлом веке по упоминанию в более позднем сочинении другого гератского историка — Исфизари (см. Исфизари, Извлечения в пер. Барбе де-Майнар, 438, 439).

³¹ Abdul Muqtadir, *Notes on a unique history of Herat*. Абдул Муктадиру принадлежит заслуга первого и подробного описания калькуттской рукописи, содержащего основательную характеристику нового источника, не утратившую своего научного значения и поныне.

³² См. Сейфи ал-Харави.

³³ Еще до публикации Сиддики появилось сообщение А. З. Велиди о списке сочинения «Тарих-наме-йи Харат», хранящемся под № 15 в Национальной библиотеке Кабула (см. Minorsky, *Persian literature*, p. 1153). Об этом списке см.: de Beaurecueil, *Manuscripts d'Afghanistan*. В СССР один список «Тарих-наме-йи Харат» (или «Тарих-и Мулук-и Курт»), несколько неполный и, в основном, совпадающий с изданным Сиддики, хранится в ЛО ИНА под шифром С 1834, а другой — в личной библиотеке покойного проф. Б. Н. Заходера (см. Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 133).

³⁴ Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 139, 155, 156.

изложением событий военно-политической истории. Однако в своей совокупности имеющиеся данные все же дают возможность пополнить интересными деталями картину внутренней жизни Хорасана и соседних с ним областей на рубеже XIII—XIV вв.³⁵

Следует особо подчеркнуть, что труд Сейфи ал-Харави — самый ранний из известных письменных памятников, содержащий упоминания термина «Афганистан» (при изложении событий середины XIII в.), а также материал, позволяющий примерно определить границы средневекового Афганистана. Заслуживают внимания данные по топонимике, упоминания собственных имен афганских вождей XIII в. и т. п.³⁶

Из большого числа сочинений, посвященных истории государства Тимуридов, до нас дошел целый ряд написанных в XV — начале XVI в.; эти памятники достаточно хорошо известны в востоковедной науке³⁷, хотя еще далеко не все они изданы³⁸. Многие исследователи обращались к тимуридским источникам для воссоздания истории Герата; содержащийся в этих источниках материал по истории других областей Афганистана, особенно восточных и южных его районов, еще недостаточно изучен.

Одним из самых ценных источников тимуридского круга для истории Афганистана является историко-географический труд Исфизари «Китаб Раузат ал-Джаннат фи Аусаф Мадина ал-Харат»³⁹. Изложение истории Герата, Гератской области и соседних с ней районов начинается в этом источнике с легендарных времен основания Герата.

Наибольшее значение имеют приведенные в источнике сведения по экономике государства тимуридских правителей Герата. В сочинении Исфизари содержится также материал, редко встречающийся у историков того времени, позволяющий судить о положении народных масс и о некоторых народных выступлениях, не упоминаемых другими авторами.

Для исследования истории афганцев и Афганистана начала XVI в. весьма велико значение «Бабур-наме» — мемуаров

³⁵ Там же, стр. 149—155, 157—160.

³⁶ Сейфи ал-Харави, 169, 193—196, 214, 215, 222 и др.

³⁷ Имеется специальное источниковедческое исследование: Hinz, *Quellenstudien*.

³⁸ Об изданиях источников тимуридского времени см. В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 2.

³⁹ Труд Исфизари, впервые изданный в Иране только в 1959—1960 гг., дошел до нас во многих списках, в том числе и в советских собраниях. В ЛО ИНА, кроме хорошего, но позднего списка С 474, есть еще один (В 690); в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется список ПНС 102; Восточный факультет ЛГУ располагает полным списком, датированным началом XVI в. Удовлетворительный, хотя и поздний список имеется и в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (ф. «Персидские рукописи», рук. № 13).

ферганца Захир ад-дина Бабур. Сообщаемые им сведения основаны почти исключительно на его личных наблюдениях и отличаются высокой степенью точности. Эти сведения дают возможность составить гораздо более отчетливое и полное представление о значительной части афганских племен, их расселении, хозяйстве и быте, чем фрагментарные сообщения об афганцах, содержащиеся в предшествующих источниках.

Ценность содержащихся в «Бабур-наме» данных об афганских племенах давно признана историками, эти данные многократно использовались, но еще не проведено систематического и полного их исследования, основанного на критическом сопоставлении их с историко-этнографическим материалом об афганцах, имеющимся в ближайших по времени других источниках.

Из числа других таких источников позднего средневековья наибольшее значение имеют исторические, генеалогические, агиографические (жития шейхов) и некоторые богословские сочинения афганских авторов; часть этих сочинений написана на персидском языке, другие — на пушту⁴⁰.

Многие важные афганские источники XVI—XVII вв. непосредственно связаны с народным движением, возглавлявшимся сектой рошани. Эта группа источников отражает прежде всего борьбу между сторонниками учения секты рошани и его противниками.

Сохранилось несколько сочинений, написанных Баязидом Ансари, основателем секты рошани. Среди них книга «Хайр ад-Байан» («Преблагая весть»), написанная на пушту (с вставками на фарси, хинди и арабском языках), «Сират ат-Тавхид» (на арабском и персидском языках; издана в Пешаваре в 1952 г.), в которых Баязид Ансари изложил основы своего учения, а также «Хальнаме-йи Пир-и Дастгир» (на персидском языке), первая часть которого представляет собой автобиографию Баязида Ансари⁴¹.

Из противников учения рошани большую известность, как автор полемических богословских трудов, снискал себе Ахунд Дарвеза Нинграхари (род. в 1533 г.) Он жил на положении духовного лица среди юсуфзаев и писал на пушту и на персидском языке. В основном на пушту (некоторые разделы — на фарси) написано им сочинение «Махзан ал-Ислам». Один из разделов его посвящен истории секты рошани, изложенной крайне тенденциозно.

Весьма большой тенденциозностью отличается и другое бо-

⁴⁰ Датировка нескольких более ранних письменных памятников на языке пушту, отрывки из которых публиковались в Афганистане, до сих пор окончательно не установлена (см. Morgenstierne, *Afghan*). О сочинении Шейха Мали см. выше, в гл. I, стр. 59, прим. 149.

⁴¹ Подробнее о сочинениях Баязида Ансари см. выше, стр. 60.

гословско-полемическое произведение Ахунда Дарвезы: «Тазкират ал-Абрар ва-л-Ашрар», написанное на персидском языке⁴². Как показывает его название, в нем повествуется о «праведных» и «злых» (нечестивых) людях, причем к последним относятся прежде всего Баязид Ансари и сторонники секты рошани.

Наряду с богословской полемикой и схоластическими рассуждениями в сочинении «Тазкират ал-Абрар ва-л-Ашрар» содержатся и разнообразные сведения по истории афганских племен, излагаются их генеалогические предания, описываются военные и политические события, приводятся иногда и весьма ценные данные, характеризующие обычаи афганцев, социально-экономические отношения и т. п.

Ряд источников, содержащих важные сведения по истории афганцев и Афганистана, написан в XVI—XVII вв. на персидском языке в Индии. Значительный материал содержится в определенном Б. А. Дорном как «Махзан-и Афгани» сочинении Ниматуллы. Это сочинение введено в научный обиход благодаря переводам и комментариям Б. А. Дорна. Кроме политической истории правителей Индии XV—XVI вв. из афганских династий Лоди и Сур, в нем приводятся жизнеописания афганских шейхов, а также генеалогические предания и другие историко-этнографические данные, характеризующие афганские племена⁴³.

С традициями эпохи монгольского падишаха Акбара (1556—1605) связано составление труда «Дабиستان-и Мазахиб», написанного Мохсином Фани около 1650 г. и содержащего сведения о различных религиях и сектах (в этом сочинении, в частности, содержатся ценнейшие сведения по истории зороастризма в Иране после арабского завоевания). В одном из разделов этого сочинения сообщаются некоторые данные о секте рошани, характеризующие биографию Баязида Ансари и вкратце историю секты. Веротерпимость, свойственная Индии времен Акбара, сказалась на направленности труда «Дабиستان-и Мазахиб», в частности на изложении фактов в

⁴² Оба этн сочинения изданы. Используя материал из «Тазкират ал-Абрар ва-л-Ашрар», мы обращались, однако, в основном к списку ЛОИНА — С 1560, на который и даны все ссылки (цитаты сверялись с литографированным изданием этого сочинения, Лахор, 1900). В списке С 1560 не хватает нескольких страниц в начале и в конце, но он относится к числу самых ранних. По мнению В. И. Беляева, палеографические признаки дают основание полагать, что список выполнен в середине XVII в. Сочинение же было закончено автором в 1612 г. (год смерти Ахунда Дарвезы в точности не известен; предположительная дата — 1638 г.).

⁴³ О сочинении по истории афганских правителей Индии и авторстве Ниматуллы и Ибрахима Батани (с поправками источниковедческого характера к положениям Б. А. Дорна) см. Roy, *Makhzan-i-Afghani and Tawarikh-i-Majlis Ara*.

разделе о рошани, отличающемся сравнительной объективностью.

Не только сведения о политической истории афганцев в связи с историей Индии, но и некоторые данные о положении областей Афганистана, находившихся под управлением могольских властей, встречаются в сочинениях индийских авторов XVI—XVII в., посвященных истории царствований могольских правителей — Акбара, Джахангира, Шах-Джахана и Аурангзеба ⁴⁴.

В персидских источниках позднего средневековья события истории Афганистана затрагиваются преимущественно в связи с длительной борьбой Сефевидов с могилами за Кандагар и с положением на восточных окраинах сефевидского государства. В сочинениях среднеазиатских авторов по истории этого времени имеются сведения о политической истории Балха (входившего в состав государства узбекских правителей Бухары), а также Бадахшана и других областей нынешнего Северного Афганистана, данные о взаимоотношениях правителей Бухары и моголов Индии и др.

Сведения западноевропейских средневековых путешественников о территории нынешнего Афганистана и о населявших их народах весьма немногочисленны. После знаменитой «Книги Марко Поло», на страницах которой содержатся относящееся к XIII в. описание Шибиргана, Балха, Талькана, Бадахшана и упоминание о расположенных к югу от него областях, только у авторов XVII в., послов и купцов, мы находим некоторые краткие сообщения, интересные для истории Афганистана ⁴⁵.

XVII в. относятся и первые из до сих пор известных сообщений об афганцах, встречающиеся в русских источниках. Упоминание о них имеется в делах о посольстве князя Козловского, отправленного в Персию царем Алексеем в 1646 г. ⁴⁶ Небезынтересные сообщения о восстании афганцев против могольского владычества в 70-х гг. XVII в., охарактеризованном

⁴⁴ См. Vicaji Taraporevala — Marshall, *Mughal bibliography*.

⁴⁵ Кроме важных свидетельств английского путешественника Ричарда Стила об афганцах и о Кандагаре (он проезжал из Индии в Персию через этот город в 1615 г.), использованных И. М. Рейснером (Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 11, 12, 50, 51, 67, 75), следует отметить сообщение об осаде Кабула афганцами («потанами») в 1611 г. и характеристику Кабула как торгового города, принадлежавшие английскому путешественнику В. Финчу («Hakluytus Posthumus», vol. IV, pp. 58, 59). Краткое описание Кандагара и упоминание о Герате («Arat») содержится в записи от 1619 г., сделанной испанским послом Гарсиас де Сильва Фигвероа, отправленным королем Филиппом III в Иран в 1614 г., откуда он выехал в 1620 г. в Гоа (см. Figueria, *L'Ambassade*, p. 322; см. также: Juan de Persia, *Relationes*, pp. 7, 81).

⁴⁶ Малиновский, *Известие об отправлениях в Индию Российских посланников*, стр. 139.

при изложении известий о политической обстановке в среднеазиатских государствах и в Индии, содержатся в «отписках» русского посланника Василия Даудова из Бухары в Посольский приказ (от 20 марта 1676 г.) и из Яицкого городка — царю Федору Алексеевичу (май 1677 г.) ⁴⁷.

Источники нового времени

После образования государства Ахмед-шаха в 1747 г. в афганской историографии произошли значительные изменения. Прежде большинство сочинений афганских авторов, писавших о прошлом своего народа, было посвящено генеалогическим и иным преданиям или изложению истории отдельных племен и их вождей, завоеваниям и переселениям этих племен. В афганской историографии второй половины XVIII в. начинают преобладать хроники, в которых излагаются политические и военные события царствований садовзайских шахов, связанные с историей всего афганского народа ⁴⁸.

Одним из первых таких сочинений является летопись «Тарих-и Ахмед-шахи». Автором ее был Мухаммед ал-Мунши ибн Ибрахим ал-Хусейни. В начале хроники сообщается о происхождении и приходе к власти Ахмед-шаха, а далее излагаются в хронологическом порядке события времени его правления ⁴⁹. Основные нарративные источники на персидском языке для изучения истории Афганистана при Ахмед-шахе довольно полно охарактеризованы. Начало их детальному исследованию было положено специальной источниковедческой работой немецкого ираниста Оскара Манна ⁵⁰.

Имеется несколько сочинений, являющихся источниками по истории времен Ахмед-шаха и его ближайших преемников. В одном из них, сохранившемся в уникальной ташкентской рукописи и известном под названием «Зиннат-и Тарихха» или

⁴⁷ МИУТТ, вып. 3, ч. 1, стр. 227, 339.

⁴⁸ При этом прежняя традиция не прервалась полностью. В XVIII и XIX вв. составлялись также сочинения, целиком или в значительной своей части посвященные генеалогическим преданиям афганцев и включавшие в себя истории отдельных племен или групп племен. О составленном в XVIII в. историческом сочинении «Тарих-и Хафиз Рахмат-хани» см.: Dorn, *Beitrag*. В XVIII в. было написано также использовавшееся Б. А. Дорном сочинение «Хуласат ал-Ансаб», посвященное генеалогиям афганских племен и т. д.

⁴⁹ В списке Британского музея изложение доводится до 1758 г. (Rieu, *Catalogue*, 941 b.). В ЛОИНА хранится очень хороший и более полный список, в котором изложение доводится до конца правления Ахмед-шаха и прихода к власти Тимур-шаха. Об этом списке см.: Миклухо-Маклай, *О некоторых рукописях*, стр. 240.

⁵⁰ Oskar Mann, *Quellenstudien*. Перечисление основных источников см.: Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 8—15. Характеристику рукописей см. в кн.: Ganda Singh, *Ahmad Shah Durrani*, pp. 415—424.

«Зиб-и Тарихха» («Украшение летописей»), излагается история царствований Ахмед-шаха и Тимур-шаха, но наиболее подробно освещены события времени Земан-шаха (до 1800 г.)⁵¹. Автором этого сочинения был Хусейн Али, биография которого не выяснена; судя по встречающимся в тексте «Зиб-и Тарихха» восхвалениям царевича Хумаюна, старшего сына Тимур-шаха, Ю. В. Ганковский полагает, что автор был близок к этому царевичу и выступал его сторонником в борьбе за трон, начавшейся в Афганистане после смерти Тимур-шаха⁵².

В середине XIX в. Султаном Мухаммед-хан Дурани было написано историческое сочинение «Тарих-и Султани», изданное в 1880/81 г. в Бомбее (литография). В начале этого сочинения довольно подробно излагается история племен абдали и более кратко — гильзаев, составленная на основании более ранних источников. При описании событий времени правления Ахмед-шаха и его ближайших преемников автор использовал сведения, полученные им от дуранийских ханов старшего поколения.

Мухаммед Хаят-хан, афганец из Банну, находившийся на службе у англичан, написал (на языке урду) сочинение «Хаят-и Афгани», опубликованное в Лахоре в 1867 г.; английский перевод его (неполный) издан там же в 1874 г.⁵³. «Хаят-и Афгани» — один из важнейших источников для изучения этнографии афганцев середины прошлого века. Определенную ценность имеют и исторические разделы, сопровождающие описание каждого афганского племени. При написании этих разделов Мухаммед Хаят-хан пользовался не только более ранними историческими сочинениями, но и материалами из семейных архивов афганских ханов, а также устными народными преданиями.

Наиболее полно в «Хаят-и Афгани» освещен быт тех племен, среди которых или близко от которых жил автор, — приводимые им сведения о баннучах, марватах, вазирах отличаются обстоятельностью и достоверностью. Имеются также очень ценные, не встречающиеся в других источниках сведения о гильзаях, дурани и других афганцах.

Из отрицательных сторон «Хаят-и Афгани» как исторического источника, кроме встречающейся довольно часто неопределенности в датировках приведенного в книге материала и отсутствия во многих случаях ссылок на заимствования из произведений других авторов, следует подчеркнуть недостатки,

⁵¹ Каль, *Рукописи*, стр. 29, 30; СВР АН Узб.ССР, I; Ганковский. *Империя Дуррани*; Волошина, «Зиб-и Тарихха».

⁵² Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 9; Волошина, «Зиб-и Тарихха», стр. 7.

⁵³ См. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.

связанные с классовой ограниченностью Мухаммеда Хаят-хана и его службой англичанам. Классовая тенденция и ограниченность, свойственные и другим авторам, выражавшим интересы афганской феодальной знати, проявились в труде Мухаммеда Хаят-хана не только в освещении, но и в отборе фактов, в замалчивании сведений о народных движениях, а зачастую и в невнимании к имеющимся в использованных в «Хаят-и Афгани» письменных источниках описаниям обычаев и т. п., характеризующим социальные отношения⁵⁴.

Положение Мухаммеда Хаят-хана, колониального чиновника английской службы, очевидно связывавшее этого автора, сказалось (каковы бы ни были его субъективные мнения) на том факте, что в «Хаят-и Афгани» в отличие от подавляющего большинства произведений других афганских авторов почти не уделяется внимания событиям, связанным с борьбой афганцев за свою независимость против английских завоевателей. В качестве характерного примера отметим, что описание войны 1838—1842 гг. в «Хаят-и Афгани» представляет собой лишь весьма конспективный, беглый и неполный обзор фактов.

Несмотря на эти недостатки, труд Мухаммеда Хаят-хана справедливо признается одним из наиболее ценных источников по истории и этнографии афганцев; это — самый полный в XIX в. свод сведений о родо-племенном составе, генеалогиях афганских племен и их обычаях.

Из афганских исторических сочинений, заслуживающих внимания как источники для изучения событий первой половины XIX в., а особенно войны 1838—1842 гг., следует назвать исторический труд Джамал ад-Дина Афгани⁵⁵.

В числе афганских повествовательных источников XIX в. имеется и мемуарная литература⁵⁶. В самом начале столетия было написано сочинение «Тазкира-и Ризаи», имеющее характер семейных мемуаров⁵⁷. Автор его, Риза ибн Мухаммед Касим Мухаммед Риза, происходил из знатной гератской фамилии; он сообщает довольно подробные сведения о своих предках, а также приводит копии некоторых документов о земельных пожалованиях членам своей семьи со стороны сефевидских государей и афганских шахов.

Афганский шах Шуджа написал мемуары, в которых изложены события, происходившие с 1801/02 до 1825/26 г. Ши-

⁵⁴ Ср., например, Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 95—104; Дар-веза, 69-а — 76-б.

⁵⁵ Имеется татарский перевод этого сочинения, изданный в Казани.

⁵⁶ Сочинение «Тазкира-и Ризаи» известно в единственном списке (ЛОИНА, С 402). Об этом списке см.: Миклухо-Маклай, *О некоторых рукописях*, стр. 240.

⁵⁷ О новых мемуарных и других источниках по истории Афганистана XIX в. см.: Kohzad, *Les manuscrits*.

рокой известностью пользуется «Автобиография» эмира Абдуррахмана⁵⁸.

Скромное место среди письменных источников по истории Афганистана в новое время занимает выходившая в этой стране пресса, возникшая только в 60—70-х годах XIX в.⁵⁹ и возродившаяся после более чем тридцатилетнего перерыва в 1911 г.

Первенцем периодики Афганистана в XX в. был печатный орган «Сирадж ал-Ахбар», издававшийся с 1911 по 1919 г. Махмудом Тарзи, идейным главой младоафганцев. «Сирадж ал-Ахбар» служит важным источником для изучения идеологии младоафганцев, истории культуры афганского народа и внутренней истории Афганистана⁶⁰.

Документальные источники по истории Афганистана в новое время лишь в незначительной мере привлекались исследователями и изучены недостаточно, а многие из них еще не введены в научный обиход и остаются труднодоступными или совершенно недоступными для историков. По-видимому, еще не издан обнаруженный в Пешаваре список судебника, составленного при Ахмед-шахе (на языке пушту) с целью кодифицировать и унифицировать обычное право афганских племен⁶¹.

Документы государственных архивов Афганистана сколько-нибудь систематически не публиковались. Столь важная категория письменных источников по истории Афганистана в новое время, как жалованные грамоты, указы и распоряжения правителей государства, еще только начинают вводиться в научный обиход (издания отдельных документов). Насколько нам известно, до сих пор публиковались только или главным образом документы шахов Садозайской династии⁶².

Содержащийся в афганских архивных документах материал известен лишь в передаче нескольких авторов, имевших возможность ознакомиться с архивами Афганистана.

⁵⁸ Это сочинение написано на персидском языке; в оригинале озаглавлено «Тадж ат-Таварих». Имеется лахорское издание (без указания года); книга переведена на английский и русский языки.

⁵⁹ Первым периодическим печатным изданием в Афганистане считается журнал «Кабул», начавший выходить в столице в 1867 г. Однако он существовал недолго. В 1875 г. стала печататься первая в Афганистане газета «Шамс ан-Нахар», выходившая еженедельно до 1879 г. К сожалению, оба эти издания были нам недоступны — в библиотеках СССР их нет. Ср. Бертельс, *Афганская пресса*, стр. 9—26.

⁶⁰ В нашем распоряжении имелись комплекты «Сирадж ал-Ахбар» за 1912/13 и 1917 гг., хранящиеся в библиотеке ИНА. Подробнее об этом периодическом издании и о характере печатавшегося в нем материала см. выше, гл. X, стр. 348, 349.

⁶¹ См. Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 47 и прим. 41.

⁶² См. Ганковский, *Империя Дуррани*; его же, *Новая работа по истории шахов Дуррани*, стр. 285. Из изданий фирманов, кроме указанных Ю. М. Ганковским, отметим еще: Masoud Ali, *A farman of Timur Shah*.

Мир Абдул Керим Бухари в историческом сочинении, написанном в начале XIX в., привел данные о налоговых поступлениях в казну садозайских шахов. Этот автор в прошлом был близок к шаху Махмуду и потому знаком с материалами налогово-финансового ведомства афганских государей садозайской династии.

Данные, извлеченные из налогово-финансовых документов хранившегося в Кандагаре архива афганских шахов, приведены в составленном английским ориенталистом Г. Роулинсоном отчете о племенах дурани⁶³. Г. Роулинсон принимал участие в первой англо-афганской войне и пользовался материалами архива во время оккупации англичанами Кандагара. Отчет о племенах дурани был составлен им на основе довольно обстоятельного изучения истории развития земельных отношений у дурани с начала XVIII в. и положения в Кандагарской области ко времени английской оккупации не только по документам, но и по материалам, собранным на месте⁶⁴.

Советские историки имеют возможность исследовать ценные данные из афганского архива начала XX в., который хранится в рукописном фонде САГУ в Ташкенте. К сожалению, материал, содержащийся в этом архиве, пока не только совершенно не использован исследователями, но до сих пор достаточно подробно не описан.

Некоторые сведения о числящихся в фонде САГУ (шифры 09826—09834) афганских документах содержатся в неопубликованном описании рукописей САГУ, составленном А. А. Семеновым⁶⁵. Разработка этих документов должна будет дать многое для исследования административного устройства, налоговой системы и земельных отношений в Афганистане времени правления Хабибуллы⁶⁶. Хранящиеся в САГУ материалы объединены под названием «Правительственные распоряжения». В девяти больших фолиантах (42 × 25 см) вклеено коло 2 тыс.

⁶³ Rawlinson, *Report on the Dooranee Tribes*.

⁶⁴ Материалы, содержащиеся в отчете Г. Роулинсона, потеряли практическое значение для руководства Ост-Индской компании, так как удержать свою власть над временно оккупированной Кандагарской областью английским завоевателям не удалось. Отчет Г. Роулинсона, содержащий ряд интересных для историков сведений, был использован с научной целью лишь более чем через 100 лет после его составления советским исследователем И. М. Рейснером, а затем Ю. В. Ганковским и некоторыми другими при изучении истории аграрных отношений в Кандагарской области XVIII — начала XIX в. (см.: Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 348—352, а также 38, 80, 318 и сл.; Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 97, 99, 116 и сл.).

⁶⁵ Как указал в своем описании А. А. Семенов, документы были в свое время переданы в фонд САГУ Инаятулло-ханом, очевидно после отъезда его в 1929 г. из Афганистана.

⁶⁶ Приведенные здесь краткие сведения об этих документах основаны на описании А. А. Семенова и на заметках, сделанных В. А. Ромодины при просмотре части документов в Ташкенте в 1949 г.

документов, представляющих собой заявления, доклады должностных лиц по разным вопросам и т. п., а также решения по этим вопросам.

Значительный документальный материал содержится в третьем томе опубликованного в Кабуле в 1913—1915 гг. обширного исторического труда «Сирадж ат-Таварих» («Светильник историй») ⁶⁷. В целом труд этот, в особенности первые его два тома — сочинение повествовательного характера.

В «Сирадж ат-Таварих» изложены события от прихода к власти Ахмед-шаха и до правления Абдуррахмана включительно. Третий том этого труда, посвященный событиям времени Абдуррахмана, следует рассматривать как важный источник прежде всего потому, что именно здесь приводится в наибольшем количестве документальный материал (фирманы эмира, его письма должностным лицам и т. д.), а кроме того ряд сведений почерпнут от очевидцев и участников описываемых событий. Документы неоднократно цитируются в пространных выдержках, например при освещении вопросов, связанных с афгано-русскими и афгано-английскими отношениями. Этот материал отражает, в частности, афганскую официальную точку зрения на пограничные вопросы. Первый и второй тома в основном компилятивны, что сказывается при изложении некоторых важных вопросов не только на характере материала, но и на его освещении, однако и в этих томах имеется немало исторических сведений, извлеченных из редких источников; некоторые подробности излагаются на основании воспоминаний участников или устной традиции, а иногда приводятся и неизданные документы ⁶⁸.

Появление «Сирадж ат-Таварих» было важным этапом в афганской историографии. «Сирадж ат-Таварих», с одной стороны, продолжает старую традицию придворных хронистов, а с другой — является ступенью к освещению истории в современном духе с использованием возможно более широкого круга источников и литературы. В целом «Сирадж ат-Таварих» представляет собой официальную версию истории афганского государства, изложенную в труде, который при обилии собранного фактического материала (особенно позднейшего времени) по кругу затронутых вопросов все же еще не выходит из обычных для восточной феодальной историографии рамок.

Некоторый дополнительный материал для более полного и глубокого освещения новой истории афганцев и афганского

⁶⁷ Автором этого труда был Файз Мухаммед Катиб, сын Саид Мухаммеда Могола, приступивший к его написанию по повелению эмира, Хабибуллы-хана, который указал составитель план и хронологические рамки сочинения, держал корректуру, вносил иногда в текст свои замечания и поправки (см. Семенов, «Светильник историй», стр. 198).

⁶⁸ Ср. Семенов, «Светильник историй», стр. 206—207.

государства содержится в сочинениях, написанных в Иране, Индии и Средней Азии.

Персидские источники, освещающие события первой половины XVIII в., содержат сведения по истории гильзаев, абдали и афганского завоевания Ирана, о покорении Надир-шахом Афшаром Герата, Кандагара, Кабула, Пешавара и борьбе против него афганских племен⁶⁹.

Сведения о подвластных Моголам областях Афганистана содержатся в «Ма'сир ал-Умара», обширном труде Наваба Самсам ад-Дауда Шах Наваз-хана, составленном в XVIII в. Данные о военной системе афганского государства, о походах Ахмед-шаха в Индию и т. п. содержатся в сочинениях шейха Гулам Хасана Самина и некоторых других индийских авторов XVIII в.⁷⁰.

Из сочинений среднеазиатских авторов отметим «Мунтахаб ат-Таварих» Мухаммед Хаким-хана, исторический и автобиографический труд, написанный в Шахрисябзском вилайете в годы первой англо-афганской войны⁷¹. Сочинение это не издано. Мы пользовались списком ЛОИНА С 470, выполненным с оригинала в 1843 г. в Шахрисябзском вилайете (л. 688-б)⁷². Всего с оригинала было сделано 10 или 11 таких копий⁷³.

Большая часть исторических разделов «Мунтахаб ат-Таварих» посвящена Средней Азии, но один из них непосредственно относится к истории Афганистана. После сообщения о походе бухарского эмира Насруллы в Балх в 1836/37 г. автор говорит о первой англо-афганской войне (л. 269-б и сл.). Сведения среднеазиатского историка о событиях первой англо-афганской войны показывают, как эти события воспринимались современниками в Средней Азии. Интересен рассказ о пребывании в Бухаре Дост Мухаммеда и его сыновей.

Для истории Афганистана в XVIII, особенно в XIX и в начале XX в., немалое значение имеют русские источники. Из опубликованных источников XVIII в. отметим книги Соймонова, Ефремова и Хрисанфа⁷⁴. Воспоминания, отчеты и другие материалы, оставленные приезжавшими из России в Афганистан в XIX в., содержат преимущественно данные о Гератском

⁶⁹ Обзор этих источников см. Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха Афшара*, стр. 7—16.

⁷⁰ См.: Ганковский, *Империя Дуррани*, стр. 10—11. Характеристику рукописей см. Ganda Singh, *Ahmad Shah Durrani*, pp. 415—424.

⁷¹ Характеристику автора и источника см. Ромодин, *Некоторые источники*, стр. 2—5.

⁷² О списке см. Миклухо-Маклай, *О некоторых рукописях*, стр. 241—242. В ГПБ имеется более поздний список «Мунтахаб ат-Таварих», хранящийся под шифром ПНС-44.

⁷³ Семенов, *Указатель*, стр. 27; СВР АН Узб.ССР, т. 1, стр. 87—88.

⁷⁴ Соймонов, *Описание Каспийского моря*; Ефремов, *Странствования*; Хрисанф, *Записки*, стр. 142—156.

оазисе, левобережье Аму-Дарьи и горных таджикских районах Памира⁷⁵. Большая часть этих источников относится к последней четверти XIX в. Из них пользуются известностью записки врача И. Л. Яворского, посетившего Афганистан в 1878—1879 гг. в составе миссии Столетова⁷⁶. В книге Яворского не только приводится описание дипломатических событий, но содержатся также некоторые данные о внутренней жизни Афганистана.

Среди русских источников по истории Афганистана в XIX—начале XX в. необходимо отметить также материалы, опубликованные в периодической печати⁷⁷.

Из числа вышедших в России публикаций документов и материалов, содержащих сведения о русско-афганских отношениях, а также по некоторым другим вопросам, главным образом внешнеполитической истории Афганистана в XIX в., следует назвать такие издания, как «Акты Кавказской археографической комиссии», «Афганское разграничение» и «Сборник материалов по Азии»⁷⁸. Донесения царских консулов из Индии в 1914—1916 гг. и некоторые другие документы из архива МИД царской России, включенные в опубликованную вскоре после Октябрьской революции «Синюю книгу», отражают главным образом положение в Индии, но в них имеется также довольно значительный материал об Афганистане. Этот материал не только позволяет полнее осветить внешнеполитическую обстановку, сложившуюся для Афганистана в годы первой мировой войны, но дает представление и о некоторых важных моментах, характеризующих его внутреннее положение в то время.

Хорошие результаты обещает привлечение неопубликованных материалов, хранящихся в архивах нашей страны. Использование русских документов XVIII в. дало возможность Ю. В. Ганковскому⁷⁹ установить обстоятельства взятия Кандагара Надир-шахом Афшаром и более полно осветить ряд вопросов истории афганского государства, а также впервые ввести в научный обиход материал о русско-афганских политических и торговых отношениях в XVIII в., в частности

⁷⁵ Библиографические сведения об основных источниках см. Ромодин, *Из истории изучения*, стр. 152—154.

⁷⁶ Яворский, *Путешествие*.

⁷⁷ Сведения о материалах, помещенных в русской прессе, см. Гетце и др., *Библиография Афганистана*; там же (приложение 1, стр. 89—114) помещен перечень относящихся к Афганистану сочинений и статей русских и западноевропейских авторов, вошедших в первые 415 томов «Туркестанского сборника», хранящегося в Гос. библиотеке Узб.ССР в Ташкенте.

⁷⁸ АКАК; СМА; Афганское разграничение.

⁷⁹ См.: Ганковский, *Из истории осад Кандагара*; его же, *Империя Дуррани*; его же, *Миссия Богдана Асланова*; его же, *Из истории торговых отношений*.

о попытке установления дипломатических связей России с Афганистаном в 60-х годах XVIII в. Количество имеющихся в русских архивах данных об Афганистане заметно увеличивается после присоединения Средней Азии к России. Разработка относящихся к Афганистану документов этого периода была начата уже до революции А. А. Семеновым, а в наше время успешно продолжается советскими исследователями, изучающими историю международных отношений, а также вопросы истории хозяйства Афганистана, борьбы народов этой страны против английских завоевателей и т. п.⁸⁰

Из числа использованных нами неопубликованных русских источников по истории Афганистана остановимся на отчете Е. П. Ковалева, рукопись которого хранится в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр 1935 № 1). Рукопись, перепечатанная на машинке (628 стр.), озаглавлена: «Афганистан. Его промышленность и торговля. Отчет управляющего Бухарскою таможнею Ковалева по командировке 1907 года». В рукописи имеется более 100 статистических таблиц (большая часть их помещена в приложениях), содержащих данные по внешней торговле Афганистана с 1895 до 1906 г. В предисловии автора указывается, что работа написана в 1908 г. и что сбор материалов проводился в течение 14 лет; автор, таможенный чиновник, изучал Афганистан путем расспросов приезжавших оттуда лиц. Определенную ценность имеют содержащиеся в рукописи сведения об отдельных отраслях сельского хозяйства и ремеслах, о продуктах и товарах, о ценах на них в Афганистане, о внешней торговле с Россией по русским таможенным данным (с некоторыми коррективами автора) и т. д. Интересны, хотя, к сожалению, сравнительно малочисленны, сведения о положении крестьян, торговцев и торговли, о налогах и т. д.

Ценнейшим источником по истории сельского хозяйства Афганистана служит труд Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича «Земледельческий Афганистан», основанный на результатах

⁸⁰ См.: Семенов, «Бегство» Абдур-Рахман-хана; Рейснер, *Англо-русская конвенция 1907 г.*; его же, *Независимый Афганистан*; Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*; Халфин, *Провал британской агрессии*; его же, *Политика России в Средней Азии*; Бабаходжаев, *Борьба Афганистана за независимость*. Сведения о других опубликованных, а также неопубликованных (диссертационных) работах советских исследователей, основанных преимущественно или в значительной мере на документальных данных из архивов нашей страны и посвященных истории Афганистана, а также смежным вопросам истории Ирана XVIII и XIX вв., международным отношениям на Среднем Востоке и т. д. см. в работе: *افغانستان شناس شوروی در عرصهٔ چهل سال مجموعه، ترتیب دهندگان: رومان اخراموویچ، ناوم گوریویخ، لیدیا دوروفییوا، کیورگی گیرس. شیون مسکو ۱۹۵۹*

советской экспедиции 1924 г.⁸¹ Перед экспедицией были поставлены такие задачи: исследование сортового состава полевых, огородных и отчасти садовых растений Афганистана, выяснение закономерностей в распределении растительных культур и сортов по склонам Гиндукуша, изучение техники земледелия (в частности, техники ирригации), сбор сведений о сельскохозяйственных ресурсах Афганистана, о возможности развития хлопководства⁸².

Экспедиция пробыла в Афганистане 5 месяцев и обследовала большую его часть — все важные земледельческие районы страны, кроме Афганского Систана, Хоста и районов, соседствующих с Пешаварской областью⁸³.

Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич внесли серьезный вклад в изучение физической географии и экономики Афганистана, в частности водных ресурсов и почв, они описали основные типы земледельческого хозяйства страны, а также привели ряд данных о скотоводстве, промыслах по обработке сельскохозяйственного сырья и т. д. В науку книга Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича получила высокую оценку как труд, представляющий собой энциклопедию сведений о природе и земледелии страны. В нем приводятся также сообщения о быте населения, постройках, одежде и другие сведения историко-этнографического характера.

Для истории афганцев и Афганистана в XVIII в. европейских источников немного. Положение меняется в XIX в., главным образом за счет английских материалов самого различного характера, собранных при подготовке колониальной экспансии Ост-Индской компании на северо-западе Индии и в период, когда Афганистан становится главным объектом агрессии британских колониальных завоевателей на Среднем Востоке.

Сведения об афганцах конца XVII — начала XVIII в. и о кандагарском владении Мир Вайса содержатся в сочинениях Тавернье, Крусинского и в некоторых других трудах авторов XVIII в., посвященных истории Ирана и сопредельных с ним стран⁸⁴. Английские путешественники в XVIII в. в Афганистан проникали очень редко. Из оставленных ими описаний наиболее известна книга Форстера, проехавшего через Афганистан в начале 80-х годов XVIII в.⁸⁵.

⁸¹ Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*.

⁸² См. Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 2—3.

⁸³ Там же, стр. 219 и др.

⁸⁴ Библиографические данные об этих сочинениях см.: Миклух-Маклай, *Из истории афганского владычества в Иране*, стр. 139 (прим. 1), 140 (прим. 1); см. также Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty*, p. 92 (footnote 1), App. VI, p. 516 sq.; Bibliography.

⁸⁵ Forster, *A journey*.

К первой половине XIX в. относятся многочисленные описания путешествий в Афганистан, совершенных главным образом либо служащими Ост-Индской компании, либо лицами, как или иначе связанными с ее деятельностью. То были участники дипломатических миссий и различных экспедиций, изучавших Афганистан как рынок сбыта английских товаров, как будущую колонию и плацдарм для дальнейшего наступления на Среднем Востоке, а также отдельные агенты и искатели приключений, иногда остававшиеся надолго в стране, нанимаясь на службу к местным правителям. Среди лиц, побывавших в это время в Афганистане и оставивших опубликованные материалы, отражающие их наблюдения и воспоминания, были индийцы Мохан Лал Кашмири и Шахамат Али, француз Феррье, американец Харлан⁸⁶ и целый ряд англичан: Муркрофт и Требек, Массон, Конолли, Бернс, Лорд, Лич и др.⁸⁷

В своей совокупности эти источники содержат довольно значительный материал не только о современных авторам политических событиях, но также о хозяйстве и населении страны; в частности, в них встречаются данные этнографического характера, основанные на личных наблюдениях.

События англо-афганской войны 1838—1842 гг. освещаются в опубликованных воспоминаниях, дневниках и письмах английских офицеров (Нейль, Стэси, Денни, Гринвуд и др.), а также медиков (Кеннеди), пасторов (Глейг, Оллен) и других лиц (леди Ф. Сэйл), побывавших в Афганистане в связи с военными действиями и временной оккупацией Кабула и некоторых других городов и районов этой страны войсками Ост-Индской компании⁸⁸.

В большинстве этих источников внимание сосредоточено главным образом на описании хода военных действий. Тенденциозность их авторов, особенно английских офицеров и гене-

⁸⁶ Mohan Lal, *Journal of a tour* (первое издание опубликовано в 1834 г., в 1846 г. вышло третье издание в несколько измененном виде); Mohan Lal, *Travels*; Shahamat Ali, *The Sikhs and Afghans*; Ferrier, *Caravan journeys and wanderings*; Harlan, *A memoir of India and Avghanistan*; Id., *Central Asia*.

⁸⁷ Moorcroft — Trebeck, *Travels*; Masson, *Narrative of various journeys*; Бернс, *Путешествие в Бухару*; его же, *Кабул*; Vigne, *A personal narrative of a visit*; Wood, *To the service of the river Oxus*; Burnes and others, *Reports and papers*.

⁸⁸ Весьма полная аннотированная библиография этих английских источников, изложенная в виде систематического обзора, приводится в кн.: Риттер — Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 943—945. Отсылая к ней читателя, отметим здесь несколько книг, опубликованных после выхода в свет этой работы; Abbot, *The Afghan war 1838—1842*. «Life and correspondence of Sir George Pollock»; Eyre, *The Kabul insurrection (revised and corrected ed.* London, 1879; этот источник был известен В. В. Григорьеву по изданию 1843 г.). Новые данные об афганских источниках, в значительной мере еще не опубликованных, см.: Kohzad, *Les manuscrits*.

ралов, проявлялась прежде всего в стремлении оправдать захватническую политику Ост-Индской компании в Афганистане. Вместе с тем при изложении событий и описании отдельных фактов нередко и эти авторы из враждебного афганскому народу лагеря сообщают живые подробности, показывающие народный характер войны, развернувшейся в Афганистане против ига иноземцев и их ставленника — шаха Шуджи, а также разоблачающие жестокости проводившейся завоевателями политики террора. Некоторые сведения о быте афганских племен содержатся в материалах, оставленных английскими офицерами, совершившими в годы войны 1838—1842 гг. поездки с разведывательными целями⁸⁹.

Аннексия Пенджаба в 1849 г. и последующие военно-политические события 50—70-х годов XIX в. на северо-западных границах Индии, подготовка к первой англо-афганской войне и сама эта война вызвали появление довольно обширной английской мемуарной литературы⁹⁰. Из воспоминаний, охватывающих широкий круг связанных с Индией событий, но содержащих также некоторые небезынтересные сообщения очевидца об афганцах и Афганистане, отметим книгу Лоуренса⁹¹. По количеству разнообразного материала, характеризующего не только политическую историю, но и быт, хозяйство, социально-экономические отношения у афганских племен ко времени аннексии Пенджаба англичанами, одно из первых мест среди мемуарной литературы занимают записки Эдвардса⁹². Из произведений английской мемуарной литературы конца XIX в., в которых попутно с изложением военно-политических событий приводятся и некоторые подробности, освещающие особенности быта афганских племен, заслуживает внимания книга полковника Р. Уорбуртона⁹³. Имеющийся в этой книге материал об афганцах относится преимущественно к племени афридиев. Автор был хорошо знаком с жизнью и обычаями племен Северо-западной границы Индии, и этим объясняется ценность его наблюдений. Но необходимо считаться с тем, что ему была свойственна идеализация быта афганцев, вероятно связанная с его происхождением⁹⁴.

Внутренняя жизнь Афганистана в годы правления Абдурахмана (1880—1901) и Хабибуллы (1901—1919) была мало известна в других странах, так как европейцам въезд в Афганистан в то время не разрешался. Однако в виде исключения туда все же приезжали по приглашению эмиров и работали

⁸⁹ Broadfoot, *Reports on parts of the Ghilzi country*; Conolly; *Notes*.

⁹⁰ См.: Гетце и др., *Библиография Афганистана*, стр. 54—57.

⁹¹ Lawrence, *Reminiscences*.

⁹² Edwardes, *A year on the Punjab frontier*.

⁹³ Warburton, *Eighteen years in the Khyber*.

⁹⁴ Его мать была афганкой.

там немногочисленные иностранные специалисты (преимущественно англичане — врачи, инженеры); изредка попадали в Афганистан и английские дипломаты и офицеры. В воспоминаниях этих лиц отражается главным образом жизнь двора и столицы, а также содержатся сведения о политических событиях, очевидцами которых были авторы⁹⁵.

Английские публикации документов по вопросам, связанным с историей афганцев и Афганистана XIX — начала XX в., весьма многочисленны⁹⁶. Значительная часть документального материала опубликована в различных сборниках и справочниках; ряд документов выпущен в свет отдельными изданиями (официальные налоговые отчеты чиновников по населенным афганцами районам Северо-Западной Индии и т. д.). Тенденциозность составителей, проявлявшаяся прежде всего в подборе документов, особенно сказывалась в публикациях, относящихся к истории англо-афганских войн и к связанным с их подготовкой дипломатическим событиям. При издании документов имела место и прямая фальсификация с целью оправдания британской захватнической политики в Афганистане и обмана общественного мнения.

Примером этого может служить получившая широкую огласку история с подделками и подлогами, допущенными в пальмерстоновском издании документов о первой англо-афганской войне. Документы были опубликованы по указанию Пальмерстона (тогда министра иностранных дел) в 1839 г. и представлены парламенту в качестве «Синей книги», озаглавленной «Переписка, относящаяся к афганским делам». К. Маркс, неоднократно клеймивший позором фальсификаторов документов, связанных с колониальными войнами, характеризуя пальмерстонову «Синюю книгу» 1839 г., писал, что помещенные в ней документы были фальсифицированы с целью оправдать англо-афганскую войну⁹⁷. В другом месте К. Маркс подчеркивал, что в этой публикации корреспонденции А. Бернса, касающейся Дост Мухаммеда, «посредством искажений и подделок был придан смысл, совершенно противоположный первоначальному»⁹⁸.

В английских официальных и полуофициальных изданиях второй половины XIX — начала XX в., посвященных событиям

⁹⁵ Daly, *Eight years among the Afghans*; Gray, *My residence at the court of the amir*; Jewett, *An American engineer in Afghanistan*; Martin, *Under the absolute amir*; Thornton, *Leaves from an Afghan scrapbook*.

⁹⁶ Библиографические данные об этих публикациях см. в кн.: СНИ, vol. VI; Гетце и др., *Библиография Афганистана*, стр. 49—50, 55, 81, 106—108.

⁹⁷ К. Маркс, *Интервенция в Мексике*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 382.

⁹⁸ К. Маркс, *Новая китайская война*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 539.

на северо-западной границе Индии, наряду с материалами по политической и военной истории содержатся также некоторые сведения, характеризующие социально-экономические отношения и быт афганских племен. Значительный социально-экономический и политический материал имеется в посвященных сношениям англичан с независимыми афганскими племенами томах сборников договоров и соглашений, касающихся Индии и сопредельных с нею стран, составленных Атчисоном и опубликованных двумя изданиями — в первом десятилетии XX в. и в 30-х годах ⁹⁹.

Разнообразные сведения об афганском населении районов Пенджаба могут быть извлечены из публикаций результатов статистических переписей, из ежегодных административных отчетов, а также из сборников этнографических и других данных о племенах, составленных Иббетсоном, Роузом и др. ¹⁰⁰.

Сведения об обычном праве афганских племен содержатся в справочниках, пособиях и других публикациях ¹⁰¹.

Среди материалов, в свое время собранных и изданных английскими колонизаторами со специальными, заведомо практическими целями, а ныне представляющих собой одну из разновидностей источников, которые можно использовать (разумеется, при условии критического к ним отношения) для исследования некоторых вопросов истории и этнографии афганцев и Афганистана, имеются книги, служившие пособиями для английских офицеров и чиновников, связанных по своей службе с афганскими племенами и районами.

Для использования в качестве учебного пособия при подготовке английских офицеров к службе на северо-западной границе Индии была предназначена книга «От Черных гор до Вазиристана», написанная полковником Уилли ¹⁰². С целью

⁹⁹ Aitchison, *A collection of treaties*. Следует отметить, что в последнем издании значительная часть материала об афганских племенах опущена, и поэтому для истории и этнографии афганцев во многих отношениях гораздо большую ценность имеет первое издание (прежде всего vol. XI ed. 1909), к которому лучше обращаться при исследовании соответствующих вопросов, используя его как основное.

¹⁰⁰ Ibbetson, *Account of the Punjab census*; Rose, *A glossary*. Библиографию основных официальных публикаций о результатах статистических переписей, административных отчетов и т. п. см. в кн.: Spain, *The Pathan borderland*.

¹⁰¹ Boulnois — Rattigan, *Notes on customary law*; Lorimer, *Customary law of the Peshawar district*; «Customary law of the independent Pathan tribes»; Tupper, *Punjab customary law*. Характеристику фактического материала, опубликованного Таппером, и статьи Таппера о племенах и общине см. в работе: Минаев, *Родовой быт*. Сборник Таппера имеется в СССР только в библиотеке МГУ, куда он, по-видимому, поступил в числе книг коллекции М. М. Ковалевского, пользовавшегося материалами этого сборника.

¹⁰² Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*.

служить справочником для офицеров английских колониальных войск в Индии при комплектовании этих войск солдатами-афганцами (патанами) была составлена Риджвеем книга «Патаны»¹⁰³. В этих пособиях, а также в справочниках военно-разведывательного характера¹⁰⁴ содержится довольно значительный историко-этнографический материал об афганских племенах северо-западной границы Индии и собственно Афганистана.

Наиболее полные и детальные сведения о хозяйстве, расселении, обычаях, истории аграрных отношений у афганцев, оказавшихся с 1849 г. под управлением колониальных властей Пенджаба, содержатся в английских официальных справочниках («газеттирах»), по округам («дистриктам»), населенным афганцами. Они составлены по той же схеме, что и другие газеттиры Индии, предусматривавшей разделы, посвященные физической географии, населению и кратким сведениям о его прошлом, хозяйству, религии и кастам, налоговой системе и ее изменениям и т. п., причем материал дается в рамках административной единицы, по которой составлен газеттир, — округ, провинция и т. д., вплоть до «имперских», охватывающих всю Индию¹⁰⁵.

В окружных газеттирах, рассчитанных на служебное использование колониальными чиновниками на местах, цифровые и прочие данные приводятся в масштабе до тахсилей (податных районов, соответствующих примерно дореволюционной волости в России) включительно. Статистические материалы в этих справочниках помещены в специальных разделах (приложениях), но в ряде случаев имеются также и в тексте. Хозяйственную жизнь населения и землевладение отражают землемерно-топографические планы, схемы орошения и т. п. Сведения описательного характера, содержащиеся в окружных газеттирах (об этническом составе жителей, земельных отношениях и т. п.), основаны в значительной части на отчетах чиновников (изданных и неизданных), а также на материалах, извлеченных из опубликованных научных сочинений.

Поскольку официальные отчеты послужили одним из главных источников для газеттиров (а также для упомянутых выше

¹⁰³ Ridgway, *Pathans*.

¹⁰⁴ «A dictionary of the Pathan tribes»; *Gazetteer «Central Asia»*.

¹⁰⁵ «Gazetteer of the Bannu District 1883—1884»; «Gazetteer of the Dera Ismail Khan District 1883—1884»; «Gazetteer of the Dera Ghazi Khan District 1883—1884»; «Gazetteer of the Hazara District 1883—1884»; «Gazetteer of the Peshawar District 1883—1884»; *Ibid.*, 1897—1898. Многотомный «имперский» газеттир Индии, включающий большую статью об Афганистане, был составлен Хантером (Hunter, *The Imperial gazetteer of India*, 2 ed.). Из провинциальных газеттиров Индии начала XX в. сведения общего характера по основным ее районам с афганским населением содержит «Gazetteer of the North-West Frontier Province».

многих справочников, например составленного Таппером сборника юридических документов), при изучении вопросов истории и этнографии афганского населения бывшего колониального Пенджаба следует обращаться непосредственно к таким отчетам. Из опубликованных отчетов английских колониальных чиновников, содержащих важный материал об афганцах, отметим ряд редких изданий, имеющихся в Фундаментальной библиотеке Ленинградского государственного университета¹⁰⁶. В библиотеку ЛГУ эти издания попали в числе ценнейшей коллекции печатных материалов по Пенджабу, собранной во время путешествий в Индию русским востоковедом И. П. Минаевым. Коллекция эта до сих пор еще мало использована советскими исследователями.

Некоторые отчеты должностных лиц английского колониального аппарата, служивших в населенных афганцами районах, обработаны самими составителями, придавшими им форму научных сочинений и дополнившими собранные сведения данными, извлеченными из восточных письменных источников и т. п. К числу таких произведений английских буржуазных авторов относится книга Г. Беллью о юсуфзаях, содержащая детальное историко-этнографическое описание этих афганских племен и населенных ими земель¹⁰⁷.

К числу достоинств Беллью, как составителя источника и собирателя фактических сведений, относятся хорошее знание языка пушту (восточного наречия — пахто), обычаев населения, топографии и природных условий страны¹⁰⁸.

Однако в исследовании истории афганцев Беллью не достиг заслуживающих внимания результатов. В частности, его сближения названий афганских племен с названиями, приводимыми в античных источниках, весьма произвольны¹⁰⁹. В описаниях современного ему положения афганцев он далек от объективности. Классовая ограниченность его идеологии и узость кругозора сказывались в подборе и трактовке материала¹¹⁰.

Обширный труд английского офицера Г. Раверти «Заметки об Афганистане и части Белуджистана» представляет собой скорее свод сведений из источников, нежели исследование¹¹¹.

¹⁰⁶ Lumsden, *Report*; James, *Report on the settlement*; Hastings, *Report*; Wace, *Report*.

¹⁰⁷ Bellew, *A general report*.

¹⁰⁸ Беллью составил словарь афганского языка, он владел также рядом других восточных языков. По профессии он был медиком и долго работал в Пешаварской области в качестве врача.

¹⁰⁹ См.: Bellew, *An inquiry into the ethnography of Afghanistan*.

¹¹⁰ Характеристику Беллью как исследователя этнографического материала см. в работе: Ромодин, *Социально-экономический строй юсуфзайских племен*, стр. 111—115.

¹¹¹ Raverty, *Notes*.

Описание военных маршрутов в этой книге перемежается с этнографическими сведениями об афганских племенах и с переводами отрывков из средневековых источников. Несмотря на мозаичный характер составленного Раверти сборника, в нем содержится много важных для истории афганцев и Афганистана сведений.

Раверти изучал афганский язык, литературу, а также историю и этнографию афганцев и Афганистана. Он был одним из самых эрудированных английских афганистов. Однако как исследователю ему был свойствен ряд недостатков. Одним из них была чрезвычайная категоричность в суждениях, приводившая к тому, что даже самые гипотетические свои положения он преподносил в качестве якобы бесспорных истин, а с мнениями и фактами, противоречившими его построениям, не желал считаться.

Особое место среди английских источников по истории Афганистана занимает труд М. Эльфинстона «Королевство Кабул», содержащий обширный и доброкачественный фактический материал и в то же время представляющий собой серьезное научное исследование¹¹². Труд этот был написан в 1811 г. Сведения, положенные в его основу, собраны английской миссией, возглавлявшейся М. Эльфинстоном и направленной в 1808 г. в Афганистан для заключения договора, целью которого было воспрепятствовать возможной попытке Наполеона вторгнуться в Индию¹¹³.

В 1815 г. произведение Эльфинстона было опубликовано в Лондоне и в течение многих десятилетий оставалось единственным в Европе основательным и подробным источником для ознакомления с Афганистаном, его природой и населяющими эту страну племенами и народами.

Миссия побывала лишь в Пешаваре, и поэтому сведения об афганцах только этой области основаны на личных наблюдениях Эльфинстона.

Отдельные члены миссии пробирались и в некоторые другие районы афганских племен, но в целом данные о населении других областей Афганистана были получены путем расспросов. Тем не менее, поскольку Эльфинстон подходил к расспросным сведениям осторожно и критически, и они в значительной своей части оказались достоверными. Последующими путешественниками, наблюдателями и исследователями неоднократно отмечалось соответствие действительности данных, приведенных в книге Эльфинстона. Только в отношении некоторых, сравнительно немногочисленных фактов, относящихся к опи-

¹¹² Elphinstone, *The kingdom of Caboul*.

¹¹³ Об этой миссии и договоре см. выше, стр. 146, 147.

санию жителей, их нравов и обычаев, были сделаны впоследствии существенные коррективы ¹¹⁴.

По разносторонности описания Афганистана и афганских племен, по глубине объяснения наблюдаемых явлений никому из последующих английских и других западноевропейских буржуазных ученых и путешественников, которые изучали афганцев, не удалось сравняться с Эльфинстоном. Для понимания причин этого странного на первый взгляд факта следует иметь в виду два момента первостепенной важности.

Во-первых, Эльфинстон принадлежал к поколению исследователей, выдвинутых буржуазным обществом в эпоху, когда оно находилось еще на подъеме, на восходящей линии развития. Среди этих ученых были люди, которые искренне стремились к глубокому познанию общества и законов его жизни, создавая труды по политэкономии, истории и другим социальным наукам, более или менее объективно отражавшие действительность. Эльфинстон в своих исторических работах и в описании современного ему Афганистана показал себя одним из таких ученых. Научные заслуги Эльфинстона получили признание со стороны К. Маркса, избравшего другой его капитальный труд — «Историю Индии» — для изучения прошлого этой страны и использовавшего содержащийся в нем фактический материал при работе над «Хронологическими выписками по истории Индии» ¹¹⁵.

Во-вторых, Эльфинстон встретился с афганцами во время, предшествовавшее началу направленной непосредственно против Афганистана военной экспансии английских колонизаторов. Видя в членах миссии Ост-Индской компании прибывших с дружественными целями посланцев, афганцы встречали их с гостеприимством, освященным народными обычаями, с интересом присматриваясь к невиданным иноземцам ¹¹⁶. Представители разных племен и различных слоев населения Афганистана охотно отвечали на расспросы о своей жизни, нравах и

¹¹⁴ Географические, а отчасти и исторические сведения об Афганистане, содержащиеся в книге Эльфинстона, устарели. Но та часть, которая посвящена людям и обществу, сохранила свою ценность, изменив только значение: раньше она была живым и достоверным описанием современности, а теперь стала источником для изучения прошлого.

¹¹⁵ К. Маркс, *Хронологические выпуски по истории Индии* (664—1858 гг.), М., 1947.

¹¹⁶ Гостеприимно встречавшие миссию Эльфинстона афганцы не подозревали тогда о далеко идущих агрессивных замыслах Ост-Индской компании и ничего не знали о враждебной Афганистану тайной ее политике. В начале XIX в. границы владений Ост-Индской компании проходили еще далеко от Афганистана. Гордые величием созданного Ахмед-шахом государства, афганцы не видели грядущей угрозы, а непосредственной целью миссии Эльфинстона был действительно союз с Афганистаном против казавшегося одно время возможным вторжения Наполеона Бонапарта.

обычаях¹¹⁷. Эльфинстон сумел хорошо использовать благоприятные возможности для сбора материала и научного описания страны и ее населения.

Впоследствии такие возможности уже не повторялись в кровавой истории изучения Афганистана и афганцев английскими буржуазными исследователями, путешественниками и агентами, дипломатами, чиновниками и офицерами. Сталкиваясь с афганцами в большинстве случаев как открытые враги, они собрали в течение многих десятилетий в своей совокупности гораздо более обширный материал, чем то смогла сделать за сравнительно кратковременный срок своего пребывания в Пешаварской области миссия Эльфинстона. Но среди них не оказалось ни одного ученого, который сумел бы, подобно Эльфинстону, обобщить фактический материал и свести его в цельную картину¹¹⁸.

Ограниченность Эльфинстона, как сына своего времени и своего класса, выразилась в том, что он не видел в афганском обществе классовых противоречий. Именно благодаря этому Эльфинстон, будучи в Пешаваре, не сумел разглядеть признаков назревающего политического кризиса в афганском государстве.

Первые известные нам американские официальные публикации, содержащие сведения об Афганистане, относятся к началу XX в. Появление их было прямо связано с экономической экспансией США в страны Востока, где, вступая в конкурентную борьбу за рынки с английскими и другими капиталистами старых колониальных держав, американцы стали проявлять интерес даже к таким отдаленным и изолированным странам, как Афганистан и Тибет. При сравнительной бедности опубликованных материалов о хозяйстве Афганистана в годы правления эмира Хабибуллы, известное значение имеют краткие сведения, собранные и изданные в 1915 г. сотрудниками консульской службы США в Бомбее¹¹⁹. Эти сотрудники, видимо, сами не бывали в Афганистане, но имели возможность собрать ряд данных (главным образом о торговле и афганском

¹¹⁷ Эльфинстон был не только видным ученым, но и крупным чиновником английской колониальной службы в Индии. Миссия его собирала и военно-политическую информацию об Афганистане,

¹¹⁸ Книга Эльфинстона выдержала в прошлом веке несколько изданий в Англии, а кроме того была переведена на французский и немецкий языки. Как источник она широко использовалась всеми русскими востоковедами, обращавшимися к изучению афганцев и Афганистана, однако в русском переводе не издавалась.

¹¹⁹ Baker and other consular officers, *British India*. Сведения, касающиеся Афганистана, помещены на стр. 533—560. Они включают данные о торговле и торговых путях, о строительстве предприятий и закупке для них машин и оборудования афганским эмиром, об импортных и экспортных товарах, а также замечания о почтовой связи, монетной системе, костюмах и обуви населения и т. д.

рынке) благодаря тому, что эмир Хабибулла вел свою внешнюю торговлю через бомбейских комиссионеров, заказывая в США значительную часть ввозившихся в Афганистан иностранных изделий, машин, оборудования и т. п.¹²⁰.

Исследования по древней и средневековой истории

Переходя к замечаниям об исследованиях, посвященных отдельным периодам и проблемам истории Афганистана, отметим, что древняя история этой страны была предметом специального исследования лишь в очень немногих трудах, таких, как дополнения В. В. Григорьева к его переводу на русский язык книги «Кабулистан и Кафиристан» К. Риттера. Попытки сколько-нибудь систематического изложения событий, происходивших в древности на территории нынешнего Афганистана, имеются в также немногочисленных сводных работах по истории этой страны, например в книге П. Сайкса. В связи с происходящим в течение последних десятилетий развитием исторической науки в Афганистане появились сводные труды афганских авторов. В многотомной коллективной работе «История Афганистана» основные разделы по древней истории принадлежат перу Ахмед Али Кохзада.

Среди огромного количества трудов, посвященных империи Ахеменидов, походам Александра Македонского и селевкидской державе, имеется лишь весьма небольшое число статей, в которых выделяются и специально рассматриваются события, происходившие в областях, входящих ныне в Афганистан.

В ином положении находится историография тех периодов, когда в этих областях складываются крупные независимые политические объединения. Большое внимание историков привлекло преко-бактрийское царство. Одной из самых фундаментальных работ по истории Греко-Бактрии является труд В. Тарна¹²¹, основанный на обширном фактическом материале. Однако в нем содержится много предвзятых суждений и с трактовкой им ряда основных исторических вопросов нельзя согласиться¹²².

Важное значение для разработки истории культуры имеет труд К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства» (М. — Л., 1940). Новые нумизматические материалы учтены в книге А. Нарайна¹²³. Однако этот автор ограничивается исключительно вопросами политической истории.

¹²⁰ Нам пока не удалось ознакомиться с книгой Engert, *A report on Afghanistan*.

¹²¹ Tarn, *The Greeks*.

¹²² См. Толстов, *Подъем и крушение*.

¹²³ Narain, *The Indo-Greeks*.

Очень значительна количественно литература, посвященная истории и культуре кушанской империи ¹²⁴.

К самым запутанным периодам древней и раннесредневековой истории относятся IV—VI вв., когда на территории Средней Азии и Афганистана появляются племена хионитов и эфталитов. Из сводных работ по истории этого времени основной остается книга Р. Гиршмана, посвященная хионитам и эфталитам ¹²⁵. Однако эта книга еще в большей степени, чем «Беграм» того же автора, перегружена произвольными построениями; особенно сомнительными являются разделы, посвященные чтению легенд на эфталитских монетах.

Среди большого числа статей, посвященных истории IV—VI вв., следует отметить, как имеющие значительную ценность, источниковедческие исследования К. В. Тревер и Н. В. Пигулевской ¹²⁶. Н. В. Пигулевской принадлежит ряд трудов по истории этого периода, в которых особое внимание уделено проблеме распада рабовладельческого общества и формированию феодальных отношений на Ближнем Востоке и в Иране ¹²⁷. Многие общие проблемы исследования рабовладельческого и феодального строя, имеющие значение и для истории Афганистана, подняты и своеобразно освещены в работах С. П. Толстова, касавшегося и непосредственно вопросов, связанных с историей Кушанского государства и эфталитов ¹²⁸.

Важнейшие проблемы социальной истории, классовой борьбы и народных движений, во многом общие для народов Средней Азии и Афганистана эпохи древности и средневековья, рассматриваются в работе Б. Г. Гафурова по истории таджикского народа и в коллективных сводных трудах по истории Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР ¹²⁹. Обобщающего характера сводная работа по истории Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. написана коллективом историков Восточного факультета ЛГУ ¹³⁰.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, советские историки-востоковеды внесли серьезный вклад в научное исследование общественного развития Средней Азии и Ирана в эпоху древности и средневековья. Посвященные этим перио-

¹²⁴ Основными сводными работами для этого периода являются книги: Ghirschman, *Begram*; Van Lohuizen-de Leeuw, *The «Scythian» period*.

¹²⁵ Ghirschman, *Les Chionites-Hephthalites*.

¹²⁶ Пигулевская, *Сирийские источники*; Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*.

¹²⁷ Из обобщающих работ Н. В. Пигулевской, посвященных вопросам социально-экономической истории этого периода, отметим «Города Ирана», «Зарождение феодальных отношений».

¹²⁸ Толстов, *Древний Хорезм*; его же, *По следам*.

¹²⁹ Гафуров, *История*; «История народов Узбекистана», т. I; «История Узбекской ССР», т. I; «История Туркменской ССР», т. I; «История таджикского народа», т. I.

¹³⁰ Пигулевская и др., *История Ирана*.

дам труды советских историков Средней Азии и Ирана (в этом обзоре отмечена только небольшая часть их) имеют немалое значение и для истории Афганистана как в силу близости исторических судеб народов, населявших эти соседние страны, так и в связи с тем, что многие основные источники для указанных периодов у них общие.

Из опубликованных за последние годы советскими востоковедами монографий следует особо выделить исследование И. П. Петрушевского, посвященное истории земледелия и аграрных отношений в Иране XIII—XIV вв. и имеющее большое значение для разработки теоретических вопросов развития феодализма на Среднем Востоке ¹³¹.

Хронологические рамки этого исследования много шире указанного в заглавии периода: при анализе ряда рассматриваемых проблем в нем, с одной стороны, привлекается материал нескольких предшествовавших монгольскому завоеванию столетий, а с другой — затрагивается время Тимура и Тимуридов. Труд И. П. Петрушевского существенно расширяет наши представления и вносит новое в понимание многих вопросов средневековой истории не только Ирана, но и сопредельных с ним стран, в том числе и Афганистана. Большое место в этом труде занимает Хорасан в целом и Герат в частности, причем, как и в отношении других рассматриваемых в книге областей, характеризуется на обширном материале первоисточников история хозяйства и социальных отношений и освещаются народные движения и идеологические течения.

Из других работ И. П. Петрушевского наибольшую ценность для истории Афганистана имеет упоминавшееся выше его исследование о труде Сейфи как источнике по истории Восточного Хорасана.

Среди трудов русских и советских востоковедов предшествующего поколения, посвященных Средней Азии и Ирану, но важных и для истории Афганистана, непреходящее значение сохраняют работы В. В. Бартольда ¹³².

В изучение раннего феодализма в Иране и Средней Азии крупный вклад внесли Б. Н. Заходер и А. Ю. Якубовский; последний оставил также работы по истории послемонгольского времени. Периоду ильханов в Иране посвящен ряд трудов А. А. Али-заде и исследование А. М. Беленицкого о социальных отношениях в этом государстве ¹³³. Внимание советских ученых привлекали преимущественно проблемы государственного и общественного строя, эволюции феодальных

¹³¹ Петрушевский, *Земледелие*.

¹³² Прежде всего: Бартольд, *Туркестан*; его же, *Историко-географический обзор Ирана*.

¹³³ Библиографические данные об основных работах перечисленных авторов по этим вопросам см. в кн.: Пигулевская и др., *История Ирана*, стр. 380—383.

институтов и форм эксплуатации крестьян, а также вопросы о роли остатков рабства, о характере города, ремесла и торговли и т. п.

Для истории Хорасана в X—XI вв. представляют интерес главы в исследовании А. Е. Бертельса о Насир-и Хосрове и исмаилизме, в которых рассматриваются социально-экономические проблемы¹³⁴. Глубокая характеристика эпохи и условий, определявших творчество поэтов газневидского круга, содержится в монументальном труде Е. Э. Бертельса по истории персидско-таджикской литературы¹³⁵.

Интерес советских исследователей прошлого Средней Азии и ее культуры к тимуридскому Герату, связанный, в частности, с тем, что в этом городе жили и творили Алишер Навои и Джами, занимающие столь большое место в истории литературы узбеков и таджиков, стимулировал создание многих работ. Полнотой использования источников отличается исследование Бартольда об Алишере Навои и политической жизни его эпохи¹³⁶. Различным сторонам социально-экономической, политической и культурной истории тимуридского Герата посвятили свои работы А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, М. Е. Массон, А. А. Молчанов, А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский¹³⁷.

События, связанные с падением власти Тимуридов над Гератом и Хорасаном, и положение в этом районе в XVI в. освещены в исследованиях А. А. Семенова и Н. Д. Миклухо-Маклая¹³⁸.

В современном Афганистане уделяется значительное внимание изучению средневековой истории (тогда как еще в «Сирадж ат-Таварих» изложение было начато лишь с Ахмед-шаха, причем это аргументировалось разноречивостью сведений о предшествующей истории Афганистана). В разработке средневековой истории приняли участие Ахмед Али Кохзад, Халиллулла Халили, Абдулхай Хабиби и другие ученые. Развитие исторической науки в течение последних десятилетий вызвало появление ряда книг и многих статей, основанных на персидских и арабских источниках и посвященных истории средневековых государств, в которые входила в домонгольское время территория Афганистана¹³⁹. В 1957 г. в Кабуле был издан

¹³⁴ Бертельс А., *Насир-и Хосров и исмаилизм*.

¹³⁵ Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*.

¹³⁶ Бартольд, *Мир-Али-Шир*.

¹³⁷ Библиографию см. в кн.: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. 2.

¹³⁸ Семенов, *Шейбани-Хан*; Миклухо-Маклай, *Гератское восстание*; его же, *К истории политических взаимоотношений*.

¹³⁹ Две монографии историков Афганистана посвящены вопросам истории государства Газневидов: احمد علی کهزاد، لشکرگاه؛ خليل الله خليلی، سلطنت عزبویان

третий том сводной работы по истории Афганистана, предпринятой «Историческим обществом». Этот том охватывает события от «возникновения ислама и проникновения ислама и арабов в Афганистан» до монгольского нашествия. Как отмечается в предисловии к третьему тому, он, к сожалению, должен был выйти в свет без раздела по истории Гуридов.

В связи с этим надо отметить, что сравнительно с другими вопросами средневековой истории Афганистана домонгольского времени ¹⁴⁰ история Гура и Гуридов остается сравнительно мало исследованной, хотя ее изучение в известной степени обеспечено письменными источниками, к которым добавляется археологической и этнографический материал ¹⁴¹. Монографических трудов, посвященных средневековому Гуру и Гуридам, пока опубликовано не было, но в последние годы стали появляться статьи, в которых отражены результаты необходимой предварительной работы по систематизации сведений, имеющих в письменных источниках ¹⁴². Подобного рода

Исторические статьи публикуются главным образом в двух журналах, издаваемых Историческим обществом Афганистана: «Afghanistan» и «آريانا»»; в первом печатаются статьи афганских и иностранных ученых на английском и французском языках, они расписаны (до 1955 г.) в библиографии: Wilber, *Annotated bibliography of Afghanistan*.

¹⁴⁰ Общую библиографию по домонгольскому времени см. в кн.: Spuler, *Die Chalifenzeit*. Библиографию исследований и источников по истории первых Газневидов см. в кн.: Bosworth, *The Ghaznavids; Nazim, The life and times*. Большой фактический материал по истории правления Махмуда Газневида, извлеченный из многочисленных источников и систематически изложенный, содержится в монографии индийского ученого Мухаммеда Назима: Muhammad Nazim, *The life and times* (в перс. пер. опубл. в Кабуле в 1939 г.). В отношении к личности Махмуда и к описываемым событиям Мухаммед Назим следует старой традиции, идущей еще от средневековых мусульманских авторов, идеализируя Махмуда и замалчивая многие отрицательные стороны его правления, отмечавшиеся в работах историков нового времени. Автор уделяет более всего места описанию походов Махмуда в Индию.

¹⁴¹ Mariq-Wiet, *Le minaret de Djam*; Janata, *Die Bevölkerung von Ghor*. Следует также отметить интересную статью о происхождении гурцев: Петров, *К вопросу*.

¹⁴² Wiet, *Commentaire historique*; Bosworth, *The early islamic history of Ghur*. Из вышедших ранее работ особое значение для ранней истории Гура и соседних с ним областей, входящих ныне в Афганистан, имеют соответствующие разделы комментария В. Ф. Минорского к его переводу «Худуд ал-Алам». Небольшой по объему, но ценный исторический комментарий по вопросам политической истории последних Гуридов опубликован В. Ф. Минорским в его издании текста и английского перевода документов (Minorsky, *Some early documents*), содержащих интересные подробности о положении в районе Бамиана при последних гуридских правителях. См. также: Болдырев, *Предисловие*, где дана яркая характеристика феодального быта и общей обстановки в этом районе (однако с неправомерным распространением представления о «захолустности» местной культурной жизни на горные области Гура в целом, который с середины XIX в. был ядром большого государства со столицей в Фирузкухе).

работа ведется в Афганистане и по истории государства Куртов, династий правителей, выступавших после монгольского нашествия в качестве преемников Гуридов ¹⁴³.

Начало изучению средневековой истории афганских племен в русском и западноевропейском востоковедении было положено трудами акад. Б. А. Дорна. Он впервые использовал для ее исследования ряд сочинений позднего средневековья и нового времени, написанных на персидском языке, а также источники на языке пушту ¹⁴⁴. Основной работой Б. А. Дорна по средневековой истории афганцев являются обширные комментарии, которыми он сопровождал свой перевод с персидского языка сочинения, определенного им как «Махзан-и Афгани» Нияматуллы и датированного началом XVII в. ¹⁴⁵. В этих комментариях Б. А. Дорн привел сведения о первых упоминаниях этнического названия «афганцы» и термина «Афганистан» в известных в то время источниках, критически разобрал легенды о происхождении афганцев, дал значительный материал по генеалогиям афганских племен, привел ряд сообщений о них из источников XIV—XV вв. и т. д. В дальнейшем начатое им изучение средневековой истории афганских племен мало разрабатывалось востоковедами, и в этом одна из причин того, почему до сих пор по ряду вопросов приходится обращаться к работам Б. А. Дорна ¹⁴⁶.

¹⁴³ «ارياڼا» اول ۱۳۳۸ ځل. В этой статье использованы сведения, извлеченные из сочинения Сейфи ал-Харави. Из старых работ европейских востоковедов не потеряли научного значения комментарии Барбье де Менара, которыми он сопровождал свой перевод извлечений по истории Куртов из сочинения Исфизари: «Extraits de la Chronique persan d'Herat, traduits et annotés par M. Barbier de Meynard», — JA, serie 5, t. XVII, 1861. В современной зарубежной исторической литературе на более широкие темы краткий обзор политической истории Куртов содержится в книге: Spuler, *Die Mongolen in Iran*.

¹⁴⁴ Характеристику вклада, сделанного Б. А. Дорном в изучение языка пушту, см. в статьях Лившиц — Оранский, *Изучение афганского языка*.

¹⁴⁵ [Dorn], *The history of the Afghans*. Ныне правильность определения Б. А. Дорном названия и автора переведенного им сочинения опровергается (см.: Roy, *Makhzan-i-Afghani and Tawarikh-i-Majlis Ara*). Но это не снижает значения комментариев Б. А. Дорна, выполненных по другим многочисленным источникам. Кроме этих комментариев Б. А. Дорн опубликовал работу по истории юсуфзаев (Dorn, *Beitrag*) и некоторые другие статьи и заметки, касающиеся истории афганцев.

¹⁴⁶ Из неафганских народов значительный интерес у этнографов и лингвистов вызвали таймени, хазарейцы и особенно остатки монголоязычных групп населения в Афганистане. См. Васон, *An inquiry*, а в последние годы монография Schurmann, *The Mongols of Afghanistan*, в которой изложен обширный этнографический материал и затронут ряд вопросов истории народов Афганистана. (Библиографию по этнографии и истории хазарейцев см. в этой монографии, а также: Ferdinand, *Preliminary notes*; Ferdinand, *Ethnographical notes*). О таймени и других племенах на территории Гора см. Janata, *Die Bevölkerung von Ghor*.

Большое значение для перспектив исследования истории афганских племен имеет тот факт, что к этим проблемам в последнее время обратились сами афганские ученые. Так, Абдул-рауф Бенава, не только выдающийся современный афганский поэт и общественный деятель, но и историк, кроме работы о Мир Вайсе опубликовал труд, посвященный истории гильзайского племени хотяки, в котором приводится материал, характеризующий историю гильзаев начиная с XIV в.¹⁴⁷

В советской историографии большая заслуга в изучении истории афганцев в позднем средневековье принадлежит М. Г. Асланову, который занялся одной из самых интересных и в то же время малоисследованных проблем этого периода — движением рошани. Результаты его работы отражены в статье, основанной на исторических и литературных источниках¹⁴⁸. Рошанитское движение убедительно трактуется М. Г. Аслановым, как движение народное, в противоположность буржуазным востоковедам, отрицающим в нем социальное содержание.

А. Д. Давыдов публикацией балхской вакфной грамоты XVII в. (с переводом ее текста и комментариями) положил начало исследованию документального материала, характеризующего социально-экономические отношения позднего средневековья в северных областях нынешнего Афганистана¹⁴⁹.

Из обширной литературы по истории государства Великих Моголов для исследователей истории афганцев серьезное значение имеет один из разделов капитального труда индийского ученого Джадунатха Саркара о времени Аурангзеба, посвященный крупнейшему восстанию афганцев в 70-х годах XVII в. против могольского ига¹⁵⁰. Краткая сводка сведений по истории абдали и гильзаев в связи с событиями в сефевидском Иране XVII — начала XVIII в. дана в последнем исследовании Локхарта о падении династии Сефевидов и афганской оккупации Персии¹⁵¹.

Исследования по истории нового времени

В советской историографии разносторонне разрабатывалась новая история Афганистана. Этот период освещен в ряде монографий и в многочисленных статьях¹⁵². Значительный

¹⁴⁷ عبد الرؤف بينوا هوتکيها، کابل، ۱۳۳۵

¹⁴⁸ Асланов, Народное движение рошани.

¹⁴⁹ Давыдов, Имения медресе Субханкули-хана.

¹⁵⁰ Sarkar, History of Aurengzib, vol. III.

¹⁵¹ Lockhart, The fall of the Safavi dynasty.

¹⁵² Миклухо-Маклай, Из истории афганского владычества в Иране; Арунова, Гератское восстание 1716—1732 гг.; Рейснер, Возникновение и распад Дурранийской державы; Рейснер, Роль афганцев в Индии в XVIII в.; Бабаходжаев, Английская агрессивная политика в Афганистане;

материал по истории афганцев и Афганистана в новое время имеется в некоторых трудах И. М. Рейснера, Л. Р. Гордон и Н. М. Гуревича, основным содержанием которых являются история, экономика и социальные отношения новейшего времени ¹⁵³.

В изучение социально-экономической истории афганских племен и афганского государства особенно большой вклад внес И. М. Рейснер. Основные результаты его многолетних исследований в этой области обобщены в книге «Развитие феодализма и образование государства у афганцев». В этой книге И. М. Рейснер на основе весьма обширного материала, характеризующего социально-экономические отношения у афганских племен в XVIII—XIX вв., поставил и разрешил ряд проблем истории их общественного развития с позиции исторического материализма. В труде И. М. Рейснера дана картина общественного развития афганского народа в новое время в целом и выявлены особенности, присущие отдельным важнейшим племенам. (Только опираясь на этот труд, оказалось возможным дать очерк социально-экономических отношений у афганских племен во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в главе XIII второго тома нашей книги). Из других советских историков более всего сделал для изучения афганского государства второй половины XVIII — начала XIX в. Ю. В. Ганковский, подробно осветивший его административное устройство, военную систему и многие другие важные вопросы его истории в монографии «Империя Дуррани».

В исследованиях И. М. Рейснера и других советских авторов по новой истории Афганистана главное место отводится наряду с изучением истории хозяйства Афганистана и социально-экономического строя афганских племен проблеме развития афганского государства, вопросам истории освободительной борьбы афганского народа и международного положения Афганистана. Из работ советских авторов по новейшей истории Афганистана при написании последней главы второго тома использованы также те, в которых рассматриваются события войны за независимость 1919 г. и установление советско-афганских дипломатических отношений ¹⁵⁴.

Ганковский, *Независимое афганское государство*; Ганковский, *Северо-Западная Индия под властью шахов Дуррани*; Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*; Семенова, *Афгано-маратхская борьба*; Давыдов, *О сельской общине*.

¹⁵³ Рейснер, *Независимый Афганистан*; Гуревич, *Внешняя торговля Афганистана*; Гордон, *Аграрные отношения*; см. также: Шамансурова, *Афганские племена*.

¹⁵⁴ Ахрамович, *Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана*; Ахрамович, В. И. *Ленин и борьба Афганистана за независимость*; Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*; Теплинский, *Советско-афганские отношения*.

Дореволюционная русская литература по новой истории Афганистана ограничивается немногими работами. Но исследования большинства русских ученых отличаются объективным подходом к описанию и объяснению событий и сочувствием к афганскому народу.

В. В. Григорьев в своих дополнениях к переводу книги К. Риттера «Кабулистан и Кафиристан» дал один из лучших очерков первой англо-афганской войны, в котором убедительно сумел показать авантюристический характер английской завоевательной политики в Афганистане.

Обстоятельный обзор хода второй англо-афганской войны в связи с международной обстановкой, политическими событиями и внутренним положением в Афганистане принадлежит Л. Н. Соболеву¹⁵⁵, который хорошо понимал народный характер развернувшейся с конца 1879 г. вооруженной борьбы против английских завоевателей.

Живым сочувствием к борьбе афганского народа за свою независимость проникнуты работы русского этнографа Н. А. Аристова; осуждавшего грабительскую колониальную политику всякого, в том числе и русского, империализма. В его книге «Англо-индийский Кавказ» более всего места уделено политическому положению в пограничных с Индией землях, населенных афганцами, анализу политики Англии в районах пограничных племен и борьбе афганцев за свободу¹⁵⁶.

Вместе с тем в работе затронут ряд вопросов истории и этнографии афганцев. Н. А. Аристов пытался разобраться и в особенностях социально-экономических отношений и политического устройства афганских племен, но не смог разрешить многих поставленных им самим же вопросов, так как подходил к ним с идеалистических позиций. Он не видел существования классов и классовой борьбы в афганском обществе и относил все афганские племена к «родовому» строю.

Развитие исторической науки в Афганистане в течение последних десятилетий характеризуется, в частности, созданием афганскими учеными монографических исследований. Наряду с трудами, посвященными древности и средневековью, был опубликован ряд монографий по истории Афганистана в новое время.

В 1944 г. в Кабуле было издано исследование Мир Гулам Мухаммед Губара «Ахмад-шах Баба-и Афган» («Ахмед-шах — отец афганцев»)¹⁵⁷. В этой монографии освещается возникновение афганского государства и приводится значительный фактический материал об его административном устройстве, организации воинских сил и т. п.

¹⁵⁵ Соболев, *Из истории восточного вопроса*.

¹⁵⁶ Аристов, *Англо-индийский Кавказ*.

¹⁵⁷ Имеется перевод этой работы на русский язык: Губар, *Ахмад-шах*.

В 1951 г. в Кабуле вышла в свет первым изданием (2-е изд. в 1955 г.) книга Сейид Касема Риштия «Афганистан в XIX веке»¹⁵⁸, охватывающая события с конца XVIII — начала XIX в. и до второй англо-афганской войны и прихода к власти Абдул-рахмана. Автор оценивает войны Афганистана против английских колониальных завоевателей как народные войны и справедливо подчеркивает, что именно народный характер этих войн и был основной причиной срыва попыток англичан покорить Афганистан.

В 1953 г. в Кабуле издано исследование Азизуддина Попользаи «Тимур-шах Дуррани»¹⁵⁹. Это первая работа по истории двадцатилетнего периода правления Тимур-шаха, счень скупом освещенного в ранее вышедших книгах и статьях. В книге Азизуддина Попользаи на основе обширного материала, извлеченного из повествовательных источников и из документов, не только излагаются события политической истории, но также подробно описываются многие важные стороны жизни афганского государства в рассматриваемое время: налоговая система, административное устройство, войско и т. д.

В последние годы в Афганистане опубликовано еще несколько книг, посвященных новой и новейшей истории страны, в их числе воспоминания маршала Шах Вали (важны как источник; имеется перевод на русский язык)¹⁶⁰, работы Мухаммеда Али и др.

Интерес к новой истории Афганистана в соседних странах вызвал появление ряда книг и статей, опубликованных в Индии и в Пакистане¹⁶¹. Для более полного изучения ряда событий новой истории Афганистана и афганских племен полезны исследования индийских ученых по истории государства Моголов в XVIII в. и Пенджаба в первой половине XIX в.¹⁶²

Западноевропейская литература по новой истории Афганистана, прежде всего английская, весьма обширна. Ограничимся здесь перечислением некоторых книг, заслуживающих внимания по основательности использования источников и обилию фактического материала, а также остановимся на нескольких сводных работах, охватывающих различные периоды истории Афганистана. По истории первой англо-афганской войны наиболее обстоятельным исследованием остается книга Дж. Кэя,

¹⁵⁸ Русский перевод: Риштия, *Афганистан в XIX веке*.

¹⁵⁹ На эту книгу имеется обстоятельная рецензия: Ганковский, *Новая книга*.

¹⁶⁰ Шах Вали, *Воспоминания*.

¹⁶¹ В их числе одна из работ афганского историка Мухаммеда Али: Muhammed Ali, *Afghanistan. The national awakening*. Индийский ученый Ганда Сингх выпустил монографию: Ganda Singh, *Ahmad Shah Durrani*.

¹⁶² Sarkar, *The fall of the Mughal empire*; Ganda Singh, *The British occupation of the Panjab*; Gupta, *Studies*; Narang Saxena, *History of the Panjab*; Sethi, *The Lahore durbar*; Sinha, *The N.-W. frontier tribes under Ranjit Singh's sway*. Idem, *Ranjit Singh*.

основанная на очень широком круге разнообразных, в том числе и неизданных, документальных источников; из компилятивных работ следует назвать посвященный этой войне раздел многотомного сочинения о Кашмире и сикхах Карла Хюгеля, выполненный весьма скрупулезно на основе изданных источников и широкого привлечения литературы; о второй англо-афганской войне к наиболее обстоятельным по описанию событий и по использованию источников относятся сочинения С. Шэдболта и Г. Ханна¹⁶³.

Среди книг, характеризующих английскую политику на северо-западной границе Индии и военные экспедиции в земли афганских племен, следует отметить сочинения Эдая, Бартона, Брюса, Холдича и Торборна, содержащие также и этнографический материал¹⁶⁴. Большинство этих книг относится в значительной степени к категории источников, так как их авторы, английские офицеры и чиновники, сами были активными проводниками политики, о которой они пишут, и располагали большим материалом своих собственных наблюдений.

Из сочинений, содержащих обзор событий, главным образом политических, новой истории Афганистана, упомянем труд француза Феррье, хорошо знакомого со страной и привлечшего большой и в значительной мере оригинальный материал, но не всегда критически к нему относившегося, а из более поздних работ — книгу Тэта, пользовавшегося источниками на персидском языке и включившего в свою книгу разделы, посвященные позднему средневековью¹⁶⁵.

Сводные работы

Английскими авторами написаны и книги более широкого хронологического охвата, в каждой из которых излагаются в той или иной пропорции события всех периодов истории Афганистана. Появление сочинений сводного характера прежде всего в Англии несомненно связано с интересом, который в этой стране по политическим причинам вызывали афганцы и Афганистан в течение последних полутора веков; авторами их

¹⁶³ Kaye, *History of the War*; Hügel, *Kaschmir und das Reich der Siek*; Shadbolt, *The Afghan campaigns of 1878—1880*; Hanna, *The second Afghan war*. Последние работы по истории войны 1838—1842 гг. — Yapp, *In Eastern Afghanistan*; Yapp, *In Western Afghanistan*.

¹⁶⁴ A dye, *Indian frontier policy*; Barton, *India's North-West Frontier*; Bruce, *The forward policy and its results*; Thorburn, *Bannu, or our Afghan frontier*; Collin Davies, *The problem of the North-West frontier*; Enriquez, *The Pathan borderland*; Holdich, *The Indian borderland*; Oliver, *Across the border*; Scott, *Afghan and Pathan*.

¹⁶⁵ Ferrier, *History of the Afghans*; Tate, *The kingdom of Afghanistan*.

были, как правило, генералы и чиновники колониальной службы. Остановимся на двух таких сочинениях: двухтомной истории Афганистана, составленной английским бригадным генералом Перси Сайксом, и книге о патанах, написанной Олафом Каруэ¹⁶⁶.

На книге Сайкса мы останавливаем внимание читателя не потому, что она много лучше или много хуже других книг, написанных подобного рода английскими авторами: уровень их примерно одинаков, и если бы мы основывали наш выбор на количестве и качестве содержащегося в них фактического материала, то могли предпочесть, например, сочинение раннего английского автора — Дж. Маллесона, который хорошо знал события XVII в. и довольно обстоятельно их изложил¹⁶⁷. В отношении событий позднейшего времени такого автора, как В. Фрэйзер-Титлер, конечно, нельзя считать менее осведомленным, чем Сайкс¹⁶⁸.

Мы выбрали книгу Сайкса, во-первых, потому, что многие ее стороны типичны для посвященной истории афганцев и Афганистана английской исторической литературы последних десятилетий; во-вторых, в связи с тем, что эта книга в силу ряда причин, не в последнюю очередь, благодаря доступности и живости изложения, а также удобству пользования ею для справок, получила сравнительно широкую известность среди читателей, в том числе и читателей-историков, в частности и в самом Афганистане.

В предисловии к своей книге автор называет ее первой работой, содержащей полную историю Афганистана, и указывает, что при ее написании он руководствовался целью «снабдить британских должностных лиц и британскую публику точной информацией»¹⁶⁹. Следует отметить, что приведенный в книге довольно обширный материал относится почти исключительно к политической и военной истории Афганского государства в новое время, а в древности и в средние века — государств, в состав которых входили целиком или частично территории нынешнего Афганистана. Этим автор и ограничился. Сведений по истории культуры и историко-этнографических данных читатель, обращающийся к труду П. Сайкса за справками, найдет очень мало, а вопросам истории хозяйства и общественного строя в нем вообще места не нашлось.

В разделе по древней истории даже не упомянуто гандхарское искусство, представленное скульптурой Хадды, ничего не говорится о Беграме, исследованном еще в 30-х годах. Вообще данные археологии в книге П. Сайкса не привлекаются, что,

¹⁶⁶ Sykes, *A history of Afghanistan*; Caroe, *The Pathans*.

¹⁶⁷ Malleson, *History of Afghanistan*.

¹⁶⁸ Fraser-Tytler, *Afghanistan*.

¹⁶⁹ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. I, p. VIII.

конечно, чрезвычайно обедняет содержание разделов, посвященных древней истории.

Политическая история дана, как правило, слишком широко. Подробно описываются многие события, происходившие на древнем Востоке, которые непосредственно не затрагивали судеб населения территорий, входящих в нынешний Афганистан. Десятки страниц посвящены истории Шумера, борьбе диадохов, римско-парфянским и византийско-сасанидским отношениям и т. д.

Подобного рода недостатки имеются и в описании событий политической истории средневековых государств, в большей или меньшей степени связанных с историей народов Афганистана. Изложение этих событий не свободно и от ошибок фактического характера. Так, например, неправильно освещаются военные действия Чингисхана в Мавераннахре, которые сводятся к вымышленному генеральному сражению в окрестностях Оша¹⁷⁰.

Наиболее богаты фактическим материалом разделы книги Сайкса, посвященные новой истории. Довольно тщательно дана хронологическая канва событий новой истории Афганистана в основном можно верить. Подробно даны описания военных действий, вызванных агрессией британских империалистов против Афганистана, что, естественно, можно было ожидать от автора — английского генерала, много лет служившего на Востоке.

Достоинства разделов работы Сайкса, посвященных истории Афганистана в новое время, объясняются разработанностью ряда вопросов военной, политической, династической истории Афганистана нового времени в английской историографии и специальной литературе, что связано с английской агрессивной колониальной политикой в отношении Афганистана. Но этим же обстоятельством объясняются и многие недостатки и пороки книги П. Сайкса. Прежде всего отметим тенденциозность в оценке вопросов, связанных с англо-афганскими взаимоотношениями, резко возрастающую при описании событий, близких к современности. Более или менее придерживаясь возможной для буржуазного английского автора объективности в изложении некоторых более чем столетней давности событий первой англо-афганской войны, П. Сайкс значительно меняет тон изложения на страницах, посвященных второй англо-афганской войне. Оценку причин третьей англо-афганской войны П. Сайкс уже явно фальсифицирует, приписывая ее объявление со стороны Афганистана желанию Амануллы-хана удержаться на престоле и умалчивая об известных

¹⁷⁰ Ibid., p. 221.

и из английских документов данных о том, что самый приход Амануллы к власти был связан прежде всего с выдвинутым им лозунгом борьбы за независимость.

В целом книга П. Сайкса во многих отношениях уступает более ранним трудам английских авторов, посвященным истории Афганистана, и прежде всего труду Эльфинстона. Весьма примечательным недостатком не только книги П. Сайкса, но и ряда других современных английских книг по истории Афганистана и афганцев является неиспользование английских же источников об афганских племенах, содержащих большой материал этнографического и социально-экономического характера. Непонятно, почему совершенно не привлечены афганские источники, даже «Сирадж ат-Таварих» — труд, легко доступный благодаря наличию типографского издания.

В изданной в 1958 г. книге Олафа Каруэ, в прошлом последнего английского генерал-губернатора Северо-западной пограничной провинции Индии, впервые сделана попытка проследить исторические судьбы афганских племен с древности до нашего времени. При этом, однако, автор искусственно разделяет афганцев и патанов, в чем сказалась его политическая тенденция¹⁷¹.

В книге Каруэ основное внимание уделено политической истории, а также вопросам этногенеза и отчасти историко-этнографическим проблемам, но вопросы социально-экономические почти совершенно не затрагиваются. Очерк древней истории, занимающий небольшую часть книги¹⁷², самостоятельного значения не имеет. В главах, посвященных средним векам, наиболее подробно освещена история пешаварских племен XVI в. и антимогольская борьба афганцев в XVI—XVII вв. Автор дал довольно полную сводку материала по этому периоду позднего средневековья, достаточно хорошо обеспеченному афганскими и индийскими источниками и разработанному в исторической литературе. События предшествующих столетий описаны гораздо слабее, в чем сказалась не только их меньшая изученность, но и незнакомство автора с некоторыми основными источниками на персидском языке, даже с изданными. Так, Каруэ утверждает, будто Курты никогда не проникали в страну афганцев далее Кандагара¹⁷³. Ознакомление со сведениями о походах Шамс ад Дина I Курта в афганские земли в 50-х — начале 60-х годов XIII в., описанных в изданном в 1944 г. в Калькутте сочинении Сейфи ал-Хараби «Тарих Наме-йи Харат», показывает обратное.

¹⁷¹ На неправильность такого разделения было справедливо указано в рецензии на книгу О. Каруэ, опубликованной английским иранистом Д. Н. Маккензи (Mackenzie, *Olaf Caroe, The Pathans*).

¹⁷² Caroe, *The Pathans*, Chs. II—VI, pp. 25—90.

¹⁷³ Ibid., p. 136.

Политическая тенденция Олафа Каруэ проявилась в полной мере в описании, очень идеализированном, деятельности английских колониальных офицеров на северо-западной границе Индии в XIX в. и особенно при освещении событий ближайшего к нам времени. Говоря о референдуме 1947 г., в результате которого Северо-западная провинция была признана частью Пакистана, он утверждает, будто патаны с величайшим энтузиазмом стали пакистанскими подданными¹⁷⁴.

В русской литературе есть только одна книга сводного характера, содержащая обзор нескольких периодов истории Афганистана. Это упоминавшаяся выше работа В. В. Григорьева — его дополнения к переводу «Кабулистана и Кафиристана» К. Риттера.

В исторических разделах своих дополнений В. В. Григорьев дал обзор известного к его времени археологического материала и событий древней истории (основываясь на сведениях античных авторов), уделил внимание вопросу о происхождении афганцев и составил один из лучших очерков истории первой англо-афганской войны. Однако средневековая история Кабулистана (после арабского завоевания) почти не была им затронута, поскольку изложение ее предполагалось дать в дополнениях к другому тому труда К. Риттера.

В. В. Григорьев, несмотря на ограниченность его взглядов, как буржуазного историка, обладал многими весьма ценными для исследователя качествами: критическим подходом к источникам, логичностью и трезвостью мысли в своих гипотезах.

Современниками В. В. Григорьева его книга была высоко оценена. Крупнейший русский востоковед В. Вельяминов-Зернов писал в своей рецензии: «Автор совокупил в одно целое и критически рассмотрел о каждом предмете особо важнейшие из сведений за последние тридцать лет. Знаменательно при этом отношение, в которое умел себя поставить автор к западноевропейской учености, нет и тени рабского преклонения перед именами и авторитетами. Наш ученый относится к ним совершенно свободно и не боится подвергать их критике строгой, но правдивой, в том случае, когда мнения их кажутся ему неосновательными и не вполне заслуживающими одобрения»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Ibid., p. 435; об этом референдуме см. Ганковский, *Народы Пакистана*, стр. 228.

¹⁷⁵ Вельяминов-Зернов, рец. на: Риттер — Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 625. К. Коссович писал о «Кабулистане и Кафиристане» В. В. Григорьева: «Смело можем показать мы Европе эту работу — в некоторых отношениях не имеющую образца, где русский ученый является не учеником, а судьей Запада, судьей в силу не только многосторонней и обширной, но, главное, необыкновенно здраво переваренной начитанности» (см. Коссович, *Об ученых трудах профессора В. В. Григорьева*, стр. 655).

За столетие, которое прошло со времени составления труда В. В. Григорьева, исследование Афганистана весьма значительно продвинулось, накоплен обширный материал как по географии, так и по этнографии и истории страны. Поэтому ныне в большой мере труд В. В. Григорьева устарел. Но во многом он и до сих пор сохраняет научное значение, а в истории русского востоковедения за ним по праву признано почетное место.

ХРОНОЛОГИЯ

До нашей эры

- Около ... 40 тыс. — Поселение людей древнекаменного века —
30 тыс. лет пещера Кара-Камар (район Таш-Кургана, Северный Афганистан).
- Около 9 тыс. лет — Верхний мезолитический слой Кара-Камара.
Середина — вторая поло — Древнейшие земледельческие поселения
вина IV тысячелетия Южного Афганистана и Северо-западного Белуджистана (нижние слои Саид-Калы, нижние слои Мундигака и Кили-Гхул-Мухаммед).
- III тысячелетие — первая — Памятники развитой культуры раннеземле-
половина II тысячеле — дельских племен в Кандагарской области
тия (Мундигака).
- Середина II тысячелетия — Расселение древних племен индо-иранской
(арийской) языковой группы на террито-
рии Афганистана и Северо-Западной Индии.
- Начало I тысячелетия — Сооружение ирригационных систем с маги-
стральными каналами, использование для
орошения больших рек, возникновение круп-
ных поселений с цитаделями (Нади-Али в Систане).
- Первая половина I ты — Образование самостоятельных политических
сячелетия объединений в Бактрии, Арее, Дрангиане и
Арахосии и рост политического значения
этих областей на Древнем Востоке.
- VIII—VII вв. — Создание древнейших частей Авесты.
539—530 гг. — Завоевание Бактрии Киром.
- 30-е годы VI в. — 331 г. — Народы и племена древнего Афганистана в
составе Персидского царства Ахеменидов
(550—331).
- 522—521 гг. — Восстания против Ахеменидов в Маргиане
и Арахосии.
- Около 517—513 гг. — Завоевание персидскими войсками террито-
рий, прилегающих к р. Инду.
- 334 г. — Начало похода Александра Македонского в
Азию.
- 330 г. — Покорение Александром Македонским Ареи,
Дрангианы и Арахосии.
- 329 г. — Поход Александра Македонского из долины
Кабула в Бактрию и покорение ее.
- 327 г. — Поход Александра Македонского в Индию
из Бактрии через Гиндукуш, долину р. Ка-
бул-Дарьи и долину р. Кунара к р. Инду.
- 323 г. — Смерть Александра Македонского.
- Около 306 г. — Покорение Бактрии Селевком I. Распростра-
нение власти индийского царя Чандрагупты
на часть Арахосии и бассейна р. Кабул.
- 292 г. — Назначение Селевком I своего сына Ан-
тиоха соправителем на Востоке.

- Около 250 г. — Провозглашение Диодота независимым царем Бактрии. Возникновение греко-бактрийского царства.
- Около 230 — около 200 гг. — Правление греко-бактрийского царя Евтидема.
- 207—206 гг. — Осада Бактр селевкидской армией Антиоха III.
- Конец III в. — Поход Деметрия на юг от Гиндукуша. Присоединение Арахосии и части Гандхары к Греко-Бактрии.
- Около 171—155 гг. — Правление греко-бактрийского царя Евкратиды.
- 40-е или 30-е годы II в. — Падение греко-бактрийского царства под ударами аснев, паснанов, сакараваков и тохаров.
- 30-е — 20-е годы II в. — Борьба тохаров и саков с парфянами.
- 129/28 г. — Гибель парфянского царя Фраата II (138—129/28)¹ в битве с саками и начало завоевания ими Дрангианы.
- 124 г. — Победа тохаров в сражении с парфянским царем Артабаном II (129/28—124).
- Конец II в. — Передвижение саков на юг и закрепление их в Дрангиане (= Сакастан, позднее Сиджистан, Систан).
- Конец II — начало I в. — Временное подчинение Парфией Сакастана, Ареи и Маргианы в годы правления парфянского царя Митридата II (124—87).
- Первая половина I в. — Образование индо-сакского государства.

Наша эра

- I—IV в. — Кушанский период в истории Афганистана и Средней Азии.
- Первая половина I в. — Возвышение Кушанов среди правителей даюечжей; объединение при Кадфизе I пяти владений в Тохаристане.
- Около середины I в. — Подчинение Кушанами владения Гермея, последнего греческого царя на территории Афганистана.
- Около 78—101 гг. — Правление кушанского царя Канишки.
- 100 г. — Буддийский церковный собор при участии Канишки.
- 152—176 гг. — Правление кушанского царя Васудевы.
- III в. — Ослабление и распад Кушанского царства.
- Около середины IV в. — Государство Кидары в Северном Афганистане.
- Середина V в. — Распространение власти эфталитских правителей на большую часть Афганистана.
- Около 460 г. — Покорение Гандхары эфталитами.
- 484 г. — Поражение и гибель сасанидского царя Пероза (459—484) в войне с эфталитами.
- Конец V в. — Распространение власти эфталитского правителя Тораманы на Синд, Раджастан, долины рек Джамны и Ганга.
- Около 533 г. — Поражение Михиракулы, сына Тораманы, в войне с коалицией индийских правителей.

¹ Здесь и далее в скобках указаны годы правления.

- 60-е годы VI в. — Распад эфталитского государства под ударами тюрков и сасанидского Ирана.
- 629—645 гг. — Путешествие Сюань Цзана в Индию. Сообщение его о «королевстве А-бу-цзянь» (в области Сулеймановых гор).
- 652 г. — Взятие арабами Герата и поход в Систан.
- VIII—IX вв. — Хариджитское движение в восточных областях халифата.
- 707 г. — Окончательное покорение Балха арабами.
- 713 г. — Покорение Мультана арабами.
- 725/26 г. — Восстановление г. Балха.
- 734, 745 гг. — Восстания хариджитов в Хорасане.
- Начало IX в. — Временное подчинение арабами Кабула и Кандагара и начало исламизации владений кабул-шахов.
- 821—873 гг. — Правление Тахиридов.
- 823—844 гг. — Правление Абу-л-Аббаса Абдаллаха ибн Тахира.
- 861 г. — Провозглашение Якуба ибн Лейса Саффарида эмиром Систана.
- 861—900 гг. — Правление Саффаридов.
- 867 — начало 70-х годов IX в. — Подчинение Якубом ибн Лейсом Синда, Мекрана, Герата, Бушенга, Балха, Газни и долины р. Кабула.
- 868—871 гг. — Захват Якубом ибн Лейсом Герата, Балха, Кабула.
- 871 г. — Утверждение Якуба ибн Лейса наместником Балха и Тохаристана.
- 873 г. — Распространение власти Саффаридов на весь Хорасан.
- 879—900 гг. — Правление Амра ибн Лейса.
- 900 г. — Поражение Амра ибн Лейса в битве с Исмаилом ибн Ахмедом Саманидом (875—907).
- Начало X в. — Переход владений Саффаридов под власть Саманидов.
- 907 г. — Восстание в областях Герата и Гура, возглавленное Абу Билалем.
- 962 г. — Провозглашение Алп-тегина правителем Газни.
- 977—997 гг. — Правление Себук-тегина, основателя династии Газневидов (977—1186).
- Начало 80-х годов X в. — Упоминание об афганцах в географическом сочинении «Худуд ал-алам».
- 998—1030 гг. — Правление Махмуда Газневида.
- 1001 г. — Победа Махмуда Газневида над войсками раджи Джайпала в районе Пешавара. Начало походов Махмуда в Индию.
- 1007 г. — Победа Махмуда над вторгшимся в Балх войском Караханидов.
- 1010 г. — Подчинение Махмудом князя Гура из дома Сури.
- 1013 г. — Завоевание Кабула Махмудом.
- 1020 г. — Поход царевича Масуда в Гур.
- 1031—1041 гг. — Правление Масуда I Газневида.
- 1035—1040 гг. — Война Масуда I с туркменами-сельджуками.
- 24 мая 1040 г. — Поражение войска Масуда I в битве у Данданакана.

- 1041—1048 гг.
1049—1052 гг.
- Середина XI в.
- 1052—1059 гг.
1059 г.
- 1059—1099 гг.
1099—1114 гг.
1099 г.
1099/1100 г.
- 1118—1153 гг.
Середина XII в.
1148—1156/57 гг.
1150 г.
- 1156/57—1162/63 гг.
- 1162/63—1203 гг.
- 1173/74 г.
- 1175/76 г.
1186 г.
- 1193 г.
- 1203—1206 гг.
- 1206—1217 гг.
- весна 1221 г.
- лето 1221 г.
- осень 1221 г.
- ноябрь 1221 г.
- 3 июля 1222 г.
октябрь 1222 г.
- 1236 г.
- 1245—1383 гг.
1245—1278 гг.
1248 г.
- Правление Газневида Маудуда.
— Борьба за престол между Газневидами. Вторжение Сельджукидов в Газнийскую область и в Заминдавар, поражение их при Хамаре и Бусте.
— Окончательный переход Балха под власть Сельджукидов.
— Правление Газневида Фаррухзада.
— Поход сельджуков на Газни и заключение мира между Сельджукидами и Газневидами.
— Правление Газневида Ибрахима.
— Правление Газневида Масуда III.
— Поход Санджара в Тохаристан.
— Начало правления в Гуре малика Изз ад-Дина.
— Правление Газневида Бахрама.
— Возвышение султанов из династии Гуридов.
— Правление Гурида Ала ад-Дина Хусейна.
— Взятие и разрушение Газни Ала ад-Дином Хусейном.
— Правление Гурида Сейф ад-Дина Мухаммеда.
— Правление гуридского султана Гияс ад-Дина Мухаммеда, сына Сейф ад-Дина.
— Вытеснение гузов из Газни султаном Гияс ад-Дином и его братом Шихаб ад-Дином Мухаммедом.
— Подчинение Гияс ад-Дином Герата.
— Взятие Лахора Шихаб ад-Дином и ликвидация власти последних Газневидов в Индии.
— Захват Дели гуридскими войсками под начальством Кутб ад-Дина Айбека.
— Правление гуридского султана Шихаб ад-Дина.
— Завоевание гуридских владений хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммедом II (1200—1220).
— Вторжение монгольских войск в Тохаристан и Хорасан. Капитуляция Балха и разгром его монголами, подчинение ими Герата.
— Победа Джалал ад-Дина над войском монгольского полководца Шики Хутуху-нойона в битве у Парвана.
— Падение Бамиана, опустошение Гурзивана, взятие монгольскими войсками Газни.
— Поражение Джалал ад-Дина в битве с монголами у переправы через р. Инд.
— Взятие и разрушение монголами Герата.
— Переправа войска Чингисхана через Аму-Дарью и уход главных сил монголов на север.
— Начало восстановления Герата по приказу Угэдэя.
— Правление династии Куртов.
— Правление малика Шамс ад-Дина I Курта.
— Назначение Шамс ад-Дина I правителем Герата, Гура, Систана, Кабула и других областей до Инда.

- 1251/52 г.
- 50-е годы XIII в.
- 1270 г.
- 1278—1294/95 гг.
- 1281/82 г.
- 1294/95—1307 гг.
- 1307—1329 гг.
- Около 1314 г.
- 1326 г.
- 1329—1331 гг.
- 1331—1370 гг.
- 1370 г.
- 1370—1381 гг.
- 1381 г.
- 1383 г.
- 1397/98 г.
- 1398—1399 гг.
- 1405—1447 гг.
- 1409/10—1417/18 гг.
- 1415 г.
- 1420 г.
- 1426/27—1439/40 гг.
- 1441—1442 гг.
- 1447—1457 гг.
- 1450—1526 гг.
- 1457—1468/69 гг.
- 1460/61—1501/02 гг.
- 1469—1506 гг.
- 1470 г.
- Конец XV в.
- 90-е годы XV в.
- Начало XVI в.
- 1504 г.
- Получение Шамс ад-Дином I жалованной грамоты от Менгу-хана на управление областями и городами от Мургаба и Аму-Дарьи до Инда.
- Походы Шамс ад-Дина I в земли афганских племен.
- Осада и разграбление Герата войском Хулагуидов.
- Правление Шамс ад-Дина II Курта.
- Завоевание Шамс ад-Дином II Кандагара.
- Правление Фахр ад-Дина Курта. Постройка гератской цитадели «Ихтияр ад-Дин».
- Правление Гияс ад-Дина I Курта.
- Фактическое прекращение вассальной зависимости Куртов от Хулагуидов.
- Разрушение Газни войском Хулагуидов.
- Правление Хафиза Курта.
- Правление Муызз ад-Дина Хусейна Курта.
- Взятие Балха Тимуром и начало его правления (1370—1405).
- Правление Гияс ад-Дина II Пир Али Курта.
- Взятие Герата Тимуром и подчинение им Систана. Конец самостоятельности Куртов.
- Подавление Тимуром восстаний в Герате и Систане и опустошение им Гура, Исфизара и Систана.
- Военные действия против афганцев Сулеймановых гор и вторжение в Индию Пир Мухаммеда (внука Тимура) — правителя Кабула, Газни и Кандагара.
- Поход Тимура в Индию.
- Правление Тимурида Шахруха в Герате.
- Правление в Кабуле и Кандагаре Кайду.
- Восстановление Шахрухом укреплений Герата.
- Посольство Шахруха в Китай.
- Правление в Кабуле Масуда, сына Суюргатмыша.
- Посольство Шахруха в Индию.
- Правление Тимурида Абу-л-Касима Бабур в Герате.
- Афганская династия Лоди в Индии.
- Правление Тимурида Абу Саида в Мавераннахре и Герате.
- Правление в Кабуле и Газни Тимурида Улуг-бека, сына Абу Саида.
- Правление Тимурида Хусейна Байкара в Герате.
- Народное восстание в Герате.
- Передвижение юсуфзаев с родственными и союзными племенами через Нинграхар и Хайбарский проход в Пешаварскую долину.
- Усиление Зу-н-Нун-бека Аргуна.
- Покорение юсуфзаями Бунера, Свата и Пянджкоры.
- Установление Захир ад-Дином Мухаммедом Бабуrom власти над Кабулом.

- 1507 г. — Взятие Герата войсками узбекского хана Мухаммеда Шейбани; падение власти Тимуридов над Хорасаном.
- осень 1507 г. — Военные действия Бабура против афганских племен в районах Джагдалака и Нинграхара.
- 1510 г. — Подчинение Герата иранским шахом Исмаилом I.
- 1515 (или 1525) — 1572 (или 1573) — Годы жизни Баязида Ансари.
- 1522 г. — Взятие Кандагара Бабуром.
- 1539—1555 гг. — Правление афганской династии Сур в Индии.
- Середина XVI в. — 30-е годы XVII в. — Народное движение афганцев, возглавлявшееся сектой рошани.
- 1558 г. — Взятие Кандагара войсками шаха Тахмаспа.
- 1586 г. — Восстание момандов. Разгром могольского отряда юсуфзаями Свата. Осада Пешавара войском рошанитов.
- 1594 г. — Установление власти Акбара в Кандагаре.
- Конец XVI — начало XVII в. — Признание шахом Аббасом I (1587—1628) вождя Садо верховным главой всех абдали.
- 1600 г. — Нападение рошанитов на Газни.
- 1613—1689 гг. — Годы жизни Хушхаль-хана Хаттака.
- 1620 г. — Разгром афганцами могольского войска у перевала Сампага.
- 1622 г. — Взятие Кандагара шахом Аббасом I.
- 1626 г. — Гибель вождя рошанитов Ахдада (внука Баязида Ансари).
- 1630 г. — Восстание афганских племен против Моголов. Осада Пешавара рошанитами под руководством Абдул Кадира (сына Ахдада).
- 1632—1708 гг. — Годы жизни поэта Абдуррахмана (Рахмана Баба).
- 1637 г. — Завоевание Кандагара могольским падишахом Шах-Джаханом (1628—1656); взятие Моголами Гиришк и Заминдавара.
- 1641 г. — Начало правления Хушхаль-хана в Хаттакском княжестве.
- Середина XVII в. — Окончательное завоевание Кандагара Сефевидами.
- март 1667 г. — Восстание юсуфзаев под предводительством Бахаку против Моголов.
- 1672 г. — Начало крупнейшего восстания афганских племен во главе с вождем афридиев Аймаль-ханом и вождем хаттаков Хушхаль-ханом.
- апрель 1672 г. — Победа афганцев над могольским войском Амин-хана в Хайбарском ущелье.
- 1674 г. — Взятие крепости Наушера афганцами, во главе которых стояли Хушхаль-хан Хаттак и Аймаль-хан Африди.
- 1709 г. — Восстание гильзаев, возглавленное Мир Вайсом.
- 1709—1715 гг. — Правление Мир Вайса в Кандагаре.
- 1711—1712 гг. — Победы Мир Вайса над сефевидскими войсками.
- 1715—1717 гг. — Правление Мир Абдуллы в Кандагаре.

- 1716 г. — Восстание племен абдали и образование самостоятельного абдалийского владения в Герате.
- 1717—1725 гг. — Правление Махмуда, сына Мир Вайса (1717—1721), в Кандагаре, с 1722 до 1725 — шах Ирана.
- 8 марта 1722 г. — Разгром афганцами сефевидского войска при Гульнабаде.
- 25 октября 1722 г. — Вступление афганского войска в Исфаган и занятие Махмудом шахского престола в Иране.
- 1725 г. — Низложение и убийство шаха Махмуда.
- 1725—1729 гг. — Правление гильзайского шаха Ашрафа в Иране.
- 1729 г. — Поход Надира Афшара против гератских абдали.
- 29 ноября 1729 г. — Свержение власти афганских завоевателей в Иране.
- 1731 г. — Восстание абдали в Хорасане.
- 1736—1737 гг. — Завоевание Надир-шахом Афшаром Балха.
- март 1738 г. — Взятие Кандагара Надир-шахом Афшаром.
- 1742 г. — Восстание в Балхе против иранского господства.
- 1747 г. — Восстание в Систане против власти Надир-шаха Афшара.
- октябрь 1747 г. — Провозглашение Ахмед-хана Садозая шахом Афганистана.
- 1747 г. — Подчинение Ахмед-шахом Газни, Пешавара и Кабула.
- 1750—1752 гг. — Подчинение Ахмед-шахом Герата, Балха, Кундуза, Меймене и Анджоя.
- 1752 г. — Завоевание Кашмира.
- 1757 г. — Установление власти Ахмед-шаха над Сирхиндом и Синдом.
- 1758—1761 гг. — Афгано-маратхская война.
- 14 января 1761 г. — Панипатская битва.
- 1764 г. — Захват сикхами провинции Сирхинд.
- 1773—1793 гг. — Правление Тимур-шаха (сына Ахмед-шаха).
- 1774 г. — Перенесение столицы Афганистана из Кандагара в Кабул.
- 1790 г. — Поход Тимур-шаха в Балх.
- 1793—1801 гг. — Правление Земан-шаха.
- 1801—1803 гг. — Правление Махмуд-шаха.
- 1803—1809 гг. — Правление шаха Шуджи ал-Мулька.
- 1809 г. — Договор о союзе против Наполеона, заключенный представителем Ост-Индской компании Эльфинстоном с шахом Шуджой.
- 1809 г. — Свержение шаха Шуджи и приход к власти Махмуд-шаха.
- 1809—1818 гг. — Второе правление Махмуд-шаха.
- 1812 г. — Поход везира Фатх-хана на Кашмир. Захват Аттожа Ранджит Сингхом.
- 1818 г. — Распад афганского государства на несколько самостоятельных владений.
- 1818—1819 гг. — Завоевание Ранджит Сингхом Мультана, Кашмира и области Дера Гази-хан.
- 1821 г. — Покорение Ранджит Сингхом области Дера Исмаил-хан.

- март 1823 г. — Поражение ополчений афганских племен в битве с сикхами под Наушерой. Признание баракзайскими правителями Пешавара вассальной зависимости от Ранджит Сингха.
- 1826 г. — Утверждение власти Дост Мухаммед-хана над Кабулом.
- 12 марта 1833 г. — Подписание договора «о дружбе и союзе» между Ранджит Сингхом и бывшим шахом Шуджой.
- март 1834 г. — Начало похода Шуджи на Кандагар.
- 6 мая 1834 г. — Занятие Пешавара войсками сикхов и окончательное отторжение этого города от Афганистана.
- июнь 1834 г. — Победа Дост Мухаммеда над Шуджой в битве у Калайи Азим (близ Кандагара).
- 1835 г. — Поход Дост Мухаммеда против сикхов и поражение его войск под Пешаваром.
- апрель 1837 г. — Победа афганцев над сикхами в битве у Джамруда.
- сентябрь 1837 г.— апрель 1838 г. — Пребывание в Кабуле английской миссии А. Бернса.
- октябрь 1837 г.— август 1838 г. — Осада Герата войсками иранского шаха Мухаммеда.
- декабрь 1837 г. — Прибытие в Кабул русской миссии Я. Виткевича.
- июль 1838 г. — Заключение договора между Ранджит Сингхом, Шуджой и Ост-Индской компанией.
- октябрь 1838 г.— ноябрь 1842 г. — Первая англо-афганская война.
- 1 октября 1838 г. — Опубликование в Симле манифеста Окленда о причинах военного вторжения в Афганистан.
- 25 апреля 1839 г. — Вступление английских войск в Кандагар.
- 23 июля 1839 г. — Падение Газни.
- 2 августа 1839 г. — Отъезд Дост Мухаммеда на север страны.
- 7 августа 1839 г. — Вступление английских войск в Кабул.
- 13 августа 1839 г. — Подписание договора между Ост-Индской компанией и Камраном, правителем Герата.
- осень 1839 г. — Отъезд Дост Мухаммеда в Бухару.
- сентябрь 1839 г. — Восстание племен в районе Хайбарского прохода и гильзаев в Маруфе.
- весна 1840 г. — Восстание гильзаев.
- лето 1840 г. — Возвращение Дост Мухаммеда в Афганистан.
- 2 ноября 1840 г. — Парванская битва.
- весна и лето 1841 г. — Народная война в Афганистане против английских завоевателей. Восстания в районах Джалалабада, Зурмата, Калати-Гильзаи и Гиришка.
- 2 ноября 1841 г. — Восстание в Кабуле.
- 3 ноября 1841 г. — Уничтожение кохистанцами гуркхского полка войск Ост-Индской компании.
- 1 января 1842 г. — Заключение соглашения о немедленном выводе войск Ост-Индской компании из Афганистана.
- 6—13 января 1842 г. — Уничтожение английских войск, отступавших из Кабула.

- 6 марта 1842 г. — Взятие Газни афганскими повстанцами и уничтожение английского гарнизона.
- 18 апреля 1842 г. — Занятие Джалалабада отрядом английского генерала Поллока.
- 16—17 сентября 1842 г. — Вступление в Кабул карательных войск Поллока и Нотта.
- 12 октября 1842 г. — Отход из Кабула в Индию английских войск, разрушивших столицу Афганистана.
- ноябрь 1842 г. — Полная эвакуация английских войск из Афганистана.
- 1843—1863 гг. — Второе правление эмира Дост Мухаммеда.
- 1849—1851 гг. — Завоевание афганцами Балха, Хульма и Ахчи.
- 1849 г. — Аннексия Пенджаба англичанами.
- 30 мая 1855 г. — Подписание в Пешаваре мирного договора между эмиром Дост Мухаммедом и Ост-Индской компанией.
- август 1855 г. — Присоединение эмиром Дост Мухаммедом Кандагара.
- 1856 г. — Взятие Герата войсками иранского шаха.
- 26 января 1857 г. — Подписание в Пешаваре договора о военном союзе против Ирана между эмиром Дост Мухаммедом и Ост-Индской компанией.
- 1859 г. — Завоевание Кундуза афганцами.
- 1863 г. — Подчинение Герата Дост Мухаммедом и его смерть.
- 1863—1879 гг. — Правление эмира Шер Али-хана (до 1868 г. с перерывами).
- 1863—1868 гг. — Борьба за престол в Афганистане.
- 1869—1873 гг. — Англо-русские переговоры о демаркации северной границы Афганистана.
- 70-е годы XIX в. — Попытки Шер Али-хана провести преобразования в Афганистане.
- 1875 г. — Начало издания первой в Афганистане газеты «Шамс ан-Нахар».
- 22 июня 1878 г. — Приезд в Кабул русской миссии генерала Столетова.
- 31 октября 1878 г. — Английский ультиматум Афганистану.
- ноябрь 1878 г. — Вторжение английских войск в Афганистан.
- апрель 1879 г. — Вступление на престол Якуб-хана, сына эмира Шер Али-хана.
- 26 мая 1879 г. — Подписание Якуб-ханом Гандамакского договора.
- 24 июля 1879 г. — Прибытие в Кабул английского резидента Каваньяри.
- 3 сентября 1879 г. — Антианглийское восстание в Кабуле.
- 12 октября 1879 г. — Занятие Кабула английским карательным отрядом генерала Робертса.
- 14—24 декабря 1879 г. — Осада повстанцами отряда Робертса в укрепленном лагере Шерпур.
- июль 1880 г. — Признание англичанами Абдуррахман-хана эмиром Афганистана и передача ему Кабула.
- 1880—1901 гг. — Правление эмира Абдуррахман-хана.
- 27 июля 1880 г. — Победа афганцев над английскими войсками под Майвандом.

- апрель 1881 г. — Вывод английских войск из Кандагара.
- 1883 г. — Захват англичанами Кветты.
- 18 марта 1885 г. — Пограничное столкновение между афганскими и русскими отрядами у Таш-Кепри.
- 1886 г. — Восстание гильзаев.
- 1887 г. — Оккупация англичанами Пишина и Сиби.
- 1887 г. — Демаркация англо-русской разграничительной комиссией северо-западной границы Афганистана с Россией на участке Ходжа-Салех — Зульфагар.
- 1888 г. — Восстание Исхак-хана в Афганском Туркестане.
- 1889 г. — Установление верховной власти англичан над Зхобом.
- 1891 г. — Захват англичанами долины Курама и подчинение ими племени тури.
- 1892 г. — Подавление восстания в Хазараджате.
- 12 ноября 1893 г. — Подписание соглашения о северо-западной границе Индии между эмиром Абдуррахманом и Англией («Линия Дюранда»).
- ноябрь 1894 г. — Нападение вазиров на английский отряд в Вану.
- осень 1894 — 1895 г. — Соппротивление вазиров и момандов деятельности английских разграничительных комиссий.
- 1895 г. — Читральский конфликт между Англией и эмиром Абдуррахманом. Установление английской власти над Читралом и превращение Дира в вассальное княжество Британской Индии.
- 1895 г. — Заключение англо-русского соглашения об определении границы Афганистана на Памире.
- 1896 г. — Покорение афганскими войсками Кафиристана.
- 1897 г. — Восстание афганских племен пограничной полосы против английских завоевателей.
- 1901 г. — Крестьянское восстание против эмирских властей в Чаар-вилайте.
- 1 октября 1901 г. — Смерть эмира Абдуррахман-хана.
- 1901—1919 гг. — Правление эмира Хабибуллы.
- 9 ноября 1901 г. — Создание в Британской Индии Северо-западной пограничной провинции.
- 1902 г. — Засуха и голод в Афганистане. Эпидемия холеры.
- 1903 г. — Открытие в Кабуле лицея «Хабибия» — первого светского учебного заведения в Афганистане.
- 21 марта 1905 г. — Подписание в Кабуле англо-афганского договора, подтверждавшего соглашения, заключенные англичанами с эмиром Абдуррахманом.
- 1907 г. — Поездка Хабибуллы в Индию.
- 1907 г. — Открытие в Афганистане первой медицинской школы.
- 31 августа 1907 г. — Подписание англо-русского соглашения о размежевании «сфер влияния» в Иране, Афганистане и Тибете.

- 1907—1919 гг. — Строительство первой в Афганистане электростанции (в Джабаль ус-Сирадже).
- март 1909 г. — Разгром эмирскими властями нелегальной группы сторонников реформ.
- 1909/10 г. — Сооружение первой телефонной линии связи в Афганистане между Кабулом и Джалал-абадом.
- 1911 г. — Начало издания Махмудом Тарзи периодического печатного органа «Сирадж ал-Ахбар Афганиа».
- 1912 г. — Создание первых общеобразовательных школ в районах Пешавара и Мардана. Начало просветительского движения среди афганской интеллигенции Северо-западной провинции Индии.
- 1912—1913 гг. — Народные восстания в Афганистане.
- 1913 г. — Назначение на пост главнокомандующего афганской армии генерала Мухаммеда Надир-хана.
- август 1914 г. — Заявление эмира Хабибуллы о нейтралитете Афганистана в первой мировой войне.
- весна 1915 г. — Активизация антианглийских выступлений афганских племен пограничной полосы на северо-западе Индии.
- октябрь 1915 г. — май 1916 г. — Пребывание в Кабуле германо-австро-турецкой миссии.
- 1916 г. — Введение преподавания языка пушту в кабульском лицее «Хабибия».
- 1916—1917 гг. — Антианглийское восстание в Вазиристане.
- 1918 г. — Открытие Кабульского историко-этнографического музея.
- 21—28 февраля 1919 г. — Приход к власти Амануллы-хана.
- 28 февраля 1919 г. — Провозглашение независимости Афганистана.
- 3 марта 1919 г. — Предложение афганского правительства пересмотреть англо-афганские отношения на основе равноправия сторон.
- 27 марта 1919 г. — Признание правительством РСФСР полного суверенитета и независимости Афганистана.
- 7 апреля 1919 г. — Письмо эмира Амануллы В. И. Ленину с предложением союза и дружбы.
- 21 апреля 1919 г. — Письмо эмира Амануллы В. И. Ленину, посланное с миссией Мухаммеда Вали-хана.
- 3 мая 1919 г. — 3 июня 1919 г. — Война Афганистана за независимость.
- май 1919 г. — Восстание афганских племен на северо-западной границе Индии.
- 12 мая 1919 г. — Опубликование манифеста об организации министерств в Афганистане и их функциях.
- 21 мая 1919 г. — Переход индо-афганской границы афганскими регулярными частями под командованием генерала Мухаммеда Надир-хана.
- 27 мая 1919 г. — Ответное послание В. И. Ленина эмиру Аманулле.
- 27 мая 1919 г. — Взятие Тала афганскими войсками и ополчениями племен.

- 27 мая 1919 г. — Ответное письмо В. И. Ленина эмиру Аманулле о готовности Советского правительства немедленно обменяться дипломатическими представительствами с Афганистаном.
- 28 мая 1919 г. — Приезд чрезвычайного посольства Афганистана в Ташкент.
- 8 августа 1919 г. — Подписание англо-афганского прелиминарного договора в Равалпинди. Признание Англией независимости Афганистана.
- 10 октября 1919 г. — Прибытие в Москву чрезвычайного афганского посольства.
- 14 октября 1919 г. — Прием В. И. Лениным чрезвычайного афганского посольства.
- 27 ноября 1919 г. — Письмо В. И. Ленина эмиру Аманулле.
- 14 декабря 1919 г. — Прибытие в Кабул чрезвычайной миссии РСФСР.
- 28 февраля 1921 г. — Подписание дружественного договора между РСФСР и Афганистаном.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

- Абдул-Керим Бухари.— *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I, Texte persan [Boulaq, 1290/1873—74 (литогр.)]; t. II, Traduction française, Paris, 1876 (PELOV, vol. I).
- Абдуррахман, *Автобиография*.— *Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана*. Пер. с англ. М. Грулев, т. I—II, СПб., 1902.
- Абул Фазл Аллами, *Акбарнаме*.— *The Akbornamah*. By Abul Fazl l'Allami, vol. I—III Calcutta, 1877—1886.
- Абул Фазл Аллами; *Акбарнаме*.— *The Akbornamah*. By Abul Farli 'Allami, ed. by H. Blochmann, vol. I—II, Calcutta, 1872—1877.
- Алексеевков, *Аграрный вопрос в Афганском Туркестане*.— П. Алексеевков, *Аграрный вопрос в Афганском Туркестане*, М., 1933.
- Андреев, *Долина Панджшира*.— М. С. Андреев, *По этнологии Афганистана. Долина Панджшира*, Ташкент, 1926.
- Андреев, *Таджики долины Хуф*.— М. С. Андреев, *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*, вып. 1—2, Сталинабад, 1953—1958 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. 7, Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- Антонова, *Очерки*.— К. А. Антонова, *Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.)*, М., 1952.
- Аристов, *Англо-индийский Кавказ*.— Н. А. Аристов, *Англо-индийский Кавказ. Столкновения Англии с пограничными авганскими племенами (этноко-исторический и политический этюд)*, СПб., 1900 (из журн. «Живая старина», 1899, вып. 4, стр. 436—486; 1900, вып. 1—2, стр. 3—150).
- Аристов, *Об Авганистане и его населении*.— Н. А. Аристов, *Об Авганистане и его населении*, СПб., 1898.
- Артамонов, *Гератская провинция*.— Л. К. Артамонов, *По Афганистану. Гератская провинция (Гератский театр). Опыт военно-статистического исследования Л. К. Артамонова*, Асхабад, 1895.
- Арунова, *Гератское восстание*.— М. Р. Арунова, *Гератское восстание 1716—1732 гг.*,—сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 153—163.
- Арунова, *Исследование по истории афганцев*.— М. Р. Арунова, *Исследование по истории афганцев (о книге Абдуллаха Бенава «Хотаки»)»,—* КСИВ, 1960, вып. XXXVII, стр. 135—139.
- Арунова, *О некоторых общих результатах*.— М. Р. Арунова, *О некоторых*

¹ Издания текстов и переводов восточных источников, а также некоторых сочинений на восточных языках даны в сокращенных названиях в русском алфавите.

- общих результатов археологических раскопок в Лашкаргахе,— КСИБ, вып. XXXIII, 1959, стр. 87—94.
- Арунова, Фирман Надир-шаха.— М. Р. Арунова, Фирман Надир-шаха,— СВ, 1958, № 2, стр. 116—120.
- Арунова — Ашрафян, Государство Надир-шаха Афшара.— М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян, Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века, М., 1958.
- Асланов, Афганский фольклор.— М. Г. Асланов, Афганский фольклор и его изучение в СССР,— «Труды МИВ», 1947, сб. № 5, стр. 341—348.
- Асланов, Афганцы.— М. Г. Асланов, Афганцы,— в кн.: «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 56—106.
- Асланов, «Баз-наме».— М. Г. Асланов, «Баз-наме» («Книга о соколе») Хушхаль-хана Хаттака, М., 1964 (рукопись статьи).
- Асланов, Народное движение рошани.— М. Г. Асланов, Народное движение рошани и его отражение в афганской литературе XVI—XVII вв.,— СВ, 1955, № 5, 121—132.
- Асланов, Рассказы и очерки.— М. Г. Асланов, Рассказы и очерки на восточно-афганском языке (пахто), М., 1948.
- Асланов, Хушхаль-хан Хаттак.— М. Г. Асланов, Хушхаль-хан Хаттак, М., 1964 (рукопись статьи).
- «Афганистан» (Справочник 1964 г.).— Афганистан (Справочник), М., 1964.
- «Афганистан».— «Афганистан» (сборник статей), М., 1924.
- «Афганское разграничение».— Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872—1885, ч. 1—2, СПб., 1886.
- Ахрамович, В. И. Ленин и борьба Афганистана за независимость.— Р. Т. Ахрамович, В. И. Ленин и борьба Афганистана за независимость,— сб. «Ленин и Восток», М., 1960, стр. 231—249.
- Ахрамович, Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана,— сб. «Великий Октябрь и народы Востока. 1917—1957», М., 1957, стр. 209—227.
- Ахунд Дарвеза — см. Дарвеза.
- Бабаходжаев, Английская агрессивная политика в Афганистане.— М. А. Бабаходжаев, Английская агрессивная политика в Афганистане и борьба афганского народа за независимость в 70-е годы XIX века,— сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 219—244.
- Бабаходжаев, Борьба Афганистана за независимость.— М. А. Бабаходжаев, Борьба Афганистана за независимость. 1838—1842, М., 1960.
- Бабаходжаев, Миссия Нидермайера — Гентига.— М. А. Бабаходжаев, Миссия Нидермайера — Гентига в Афганистане,— КСИБ, вып. XXXVI, 1960, стр. 18—26.
- Бабаходжаев А., Война Афганистана за независимость в 1919 г.— А. Бабаходжаев, Война Афганистана за независимость в 1919 г., М., 1960 (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
- Бабур-наме.— см. Библиографию к т. I.
- Бадаони.— The Muntakhab al-Tawarikh of Abd al-Qādir Bin-i-Maluk Shāh Badāoni, Calcutta, vol. I—III, 1865—1869 (I — 1865; II — 1868; III — 1869).
- Бартольд, Историко-географический обзор Ирана.— В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903.
- Бартольд, История культурной жизни Туркестана.— В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана,— В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 167—433.
- Бартольд, Мир-Али-Шир.— В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь,— «Мир-Али-Шир, Сборник к пятистолетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164.
- Бартольд, Туркестан.— В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, М., 1963.

- Бейхаки, пер. Арендса.—Абу-л-Фазл Бейхаки, *История Мас'уда. 1030—1041*. Вступ. статья пер. и прим. А. К. Арендса, Ташкент, 1962.
- Беркман, *Налоговые реформы Амануллы-хана*.—С. Беркман, *Налоговые реформы Амануллы-хана*,—сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 155—172.
- Бернс, Кабул.—[А. Борнс], *Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах*, ч. 1—2, М., 1847.
- Бернс, *Путешествие в Бухару*.—[А. Борнс], *Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг. лейтенантом ост-индской службы А. Борнсом*, ч. 1—3, М., 1849.
- Бертельс, *Афганская пресса*.—Е. Э. Бертельс, *Афганская пресса*,—«Библиография Востока», Л., 1934, вып. 5—6, стр. 9—26.
- Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*.—Е. Э. Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*,—Е. Э. Бертельс, Избр. труды, т. 1, М., 1960.
- Бертельс А., *Насир-и Хосров и исмаилизм*.—А. Е. Бертельс, *Насир-и Хосров и исмаилизм*, М., 1959.
- Болдырев, *Предисловие*.—А. Н. Болдырев, *Предисловие*,—в кн. Низами Арузи, *Чахар макала*, пер. Баевского—Ворожейкиной, стр. 3—22.
- Брегель, *Хорезмские туркмены*.—Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX веке*, М., 1961.
- Бушев, *Герат и англо-иранская война*.—П. П. Бушев, *Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг.*, М., 1959.
- Вавилов—Букинич, *Земледельческий Афганистан*.—Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, *Земледельческий Афганистан*, Л., 1929.
- Вельяминов-Зернов, [рец. на:] Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*.—В. Вельяминов-Зернов, [рецензия на:] книгу «Землеведение» К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Кабулистан и Кафиристан...—ЖМНП, ч. СXXXIV, 1867, стр. 615—635.
- Владимирцов, *Общественный строй монголов*.—Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.
- Волошина, *«Зиб-и Тарихха»*.—Г. Волошина, *«Зиб-и Тарихха»*—малоизвестный источник по истории Афганистана и Северо-Западной Индии, Ташкент, 1963 (автореф. канд. дисс.).
- «Вооруженные силы Афганистана и Индии».—«Вооруженные силы Афганистана и Индии», Ташкент, 1907.
- Гамильтон, *Афганистан*.—А. Гамильтон, *Афганистан*. Пер. с англ. С. П. Голубинова, СПб., 1908.
- Ганковский, *Из истории осады Кандагара*.—Ю. В. Ганковский, *Из истории осады Кандагара Надир-шахом Афшаром в 1737—1738 гг.*,—КСИВ, XXXVII, 1960, стр. 27—33.
- Ганковский, *Из истории торговых отношений*.—Ю. В. Ганковский, *Из истории торговых отношений России с Афганистаном во второй половине XVIII в.*,—ПВ, 1959, № 1, стр. 142—143.
- Ганковский, *Империя Дуррани*.—Ю. В. Ганковский, *Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы*, М., 1958.
- Ганковский, *Миссия Богдана Асланова*.—Ю. В. Ганковский, *Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 г.*,—СВ, 1958, № 2, стр. 82—87.
- Ганковский, *Народы Пакистана*.—Ю. В. Ганковский, *Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории)*, М., 1964.
- Ганковский, *Независимое Афганское государство*.—Ю. В. Ганковский, *Независимое Афганское государство Ахмад-шаха Дуррани и его приемников (1747—1819)*,—сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 164—179.

- Ганковский, *Новая работа по истории шахов Дуррани*.— Ю. В. Ганковский, *Новая работа по истории шахов Дуррани*,—сб. «Индия и Афганистан. Очерки истории и экономики», М., 1958, стр. 284—290.
- Ганковский, *Северо-Западная Индия под властью шахов Дуррани*.— Ю. В. Ганковский, *Северо-Западная Индия под властью шахов Дуррани (Некоторые вопросы организации управления индийскими вилайетами)*,— КСИБ, XXVIII, 1958, стр. 60—74.
- Гафуров, *История*.— Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, изд. 3, исп. и доп., т. 1 — С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., М., 1955.
- Гафферберг, *Хазара*.— Э. Г. Гафферберг, *Хазара*,— в кн.: «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 107—124.
- Гафферберг — Кисляков, *Кафиры*.— Э. Г. Гафферберг — Н. А. Кисляков, *Кафиры (нуристанцы)*,— в кн.: «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 133—148.
- Герасимова — Гирс, *Литература Афганистана*.— А. Герасимова, Г. Гирс, *Литература Афганистана. Краткий очерк*, М., 1963.
- Гетце и др., *Библиография Афганистана* — см. раздел «Библиографические пособия».
- Гирс, *Переводы произведений русской и советской литературы*.— Г. Ф. Гирс, *Переводы произведений русской и советской литературы в Афганистане*,— КСИБ, XXXVII, 1960, стр. 53—59.
- Гирс, *Современная художественная проза*.— Г. Ф. Гирс, *Современная художественная проза на пушту в Афганистане*, М., 1958.
- Головин, *Развитие промышленности*.— Ю. М. Головин, *Некоторые черты развития промышленности в Афганистане*,— КСИБ, вып. XXXIII, 1959, стр. 26—36.
- Гордон, *Аграрные отношения*.— Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947)*, М., 1953.
- Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии*.— Л. Р. Гордон, *Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX века*,— сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 125—154.
- Гордон, *Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии*.— Л. Р. Гордон, *Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX века*,— ВИ, 1950, № 3, стр. 47—68.
- Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость*.— Л. Р. Гордон-Полонская, *Война Афганистана за независимость и участие в ней пограничных пуштунских племен (1919—1921 гг.)*,— сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 245—269.
- Гордон-Полонская, *Мусульманские течения*.— Л. Р. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения в общественной мысли Индии*, М., 1963.
- Гордон-Полонская, *Пережитки общинно-родового строя в социально-экономическом развитии афганцев в XIX в.*, М., 1960 (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
- Грантовский, *Paṛṣi — Paṛṣava*.— Э. А. Грантовский, *Племенное объединение Paṛṣi — Paṛṣava у Панини*,— сб. «История и культура Древней Индии», М., 1963, стр. 68—100.
- Грулев, *Очерк восстаний пограничных племен Индии*.— М. Грулев, *Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет*, СПб., 1909.
- Губар, *Ахмад-шах*.— Мир Гулям Мухаммед Губар, *Ахмад-шах — основатель Афганского государства*. Пер. И. М. Рейснера и Э. М. Рикса, со вступ. статьей И. М. Рейснера, М., 1959.
- Губаревич-Радобыльский, *Значение Туркестана в торговле России*.— А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Значение Туркестана в торговле*

- России с сопредельными странами Азии, СПб., 1912 («Материалы для изучения хлопководства», вып. 2).
- Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк. — А. Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб., 1905.
- Гуревич, Внешняя торговля Афганистана. — Н. М. Гуревич, Внешняя торговля Афганистана до второй мировой войны, М., 1959.
- Дабистан ал-Мазахиб. — ۱۹۰۲ کانون المذاهب،
- Давыдов, Имена медресе Субханкули-хана. — А. Д. Давыдов, Имена медресе Субханкули-хана в Балхе (по грамоте XVII в.), — КСИБ, XXXVII, 1960, стр. 82—128.
- Давыдов, О сельской общине. — А. Д. Давыдов, О сельской общине и ее хозяйственном значении в Афганистане (районы с преимущественно таджикским населением), — сб. «Вопросы экономики Афганистана», М., 1963, стр. 57—124.
- Дандамаев, Иран. — М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963.
- Дарвеза. — Ахунд Дарвеза Нанграхари, Тазкират ал-абрар ва-л-Ашрар, рук. ИНА С 1560.
- Днепровский, Хозяйство Гератской области. — Днепровский, Хозяйство Гератской области Афганистана, М., 1928 («Библиотека хлопкового дела», № 10).
- Дюранд, Созидание границы. — М. Дюранд, Созидание границы. The making of a frontier. Северная Индия. С англ. пер. А. Смесарев, СПб., 1905.
- Ефремов, Странствования. — Странствования Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и о возвращении его оттуда через Англию в Россию, Казань, 1811.
- И. А., Посланцы из Афганистана в Россию. — И. А., Посланцы из Афганистана в Россию в 1833—1836 гг., — «Русская старина», 1880, кн. 8.
- Инструкция Виткевичу от 14 мая 1837. — Инструкция Виткевичу от 14 мая 1837, — АКАК, т. 8, 1881, док. 874.
- «История греческой литературы», т. II—III. — История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского, т. 2—3, М., 1955—1960 (т. 2, История, философия, ораторское искусство классического периода, 1955; т. 3, Литература эллинистического и римского периодов, 1960).
- «История таджикского народа», I. — История таджикского народа. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, с древнейших времен до V в. н. э., М., 1963.
- «История Туркменской ССР». — История Туркменской ССР, т. 1, кн. 1. — С древнейших времен до конца XVIII века, Ашхабад, 1957.
- «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 1. — История Узбекской ССР, т. 1, кн. 1, Ташкент, 1955.
- Исфизари, пер. Барбье де Мейнара. — Extraits de la Chronique persan d'Herat, traduits et annotés par M. Barbier de Meynard, — JA, sér. 5, t. XVI, 1860, pp. 461—520; t. XVII, 1861, pp. 438—457, 473—522; t. XX, 1862, pp. 268—318.
- Исфизари, рук. — Му'ин ад-дин Исфизари, Kitāb rauzāt al-džannāt fī auṣāf madīyat Harāt, рук. ИНА С 472, С 474, В 690.
- Исфизари, тегеранск. изд. — سفزاري روضات الجنات في اوصاف مدينة هرات
با تصحيح و حواشی و تعليقات سيد محمد تأليف معين الدين محمد زمحي
کاظم امام، بخش ۱—۲، تهران ۱۳۳۸—۱۳۳۹ ۱۹۵۹—۱۹۶۰ ۱۳۳۹—۱۳۴۰ هـ
(انتشارات دانشگاه تهران، ۱۳۳۵ هـ، ۱۳۳۶ هـ)
- Каль, Рукописи. — И. Каль, Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки, Ташкент, 1889.

- Кисляков, Патриархально-феодалные отношения.— Н. А. Кисляков, Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в., М.—Л., 1962 (ТИЭ, н. с. т. LXXIV).
- Ковалев, Отчет.— [Е. П. Ковалев], Афганистан. Его промышленность и торговля. Отчет управляющего Бухарскою таможнею Ковалева по командировке 1907 года (машинописный текст. Рукописный отдел ГПБ, шифр 1935, № 1).
- Коссович, Об ученых трудах профессора В. В. Григорьева.— К. Коссович, Об ученых трудах профессора В. В. Григорьева,— ЖМНП, ч. СХ, 1868.
- Крачковский, Арабская географическая литература.— И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература,— И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
- Кухтина, Просвещение в Афганистане.— Т. И. Кухтина, Просвещение в Афганистане за 50 лет (1906—1956),— КСИБ, вып. XXXIII, 1959, стр. 128—132.
- Кухтина, Просвещение в независимом Афганистане.— Т. И. Кухтина, Просвещение в независимом Афганистане, М., 1960.
- Кушкеки, Надир-и Афган.— Кушкеки, Надир-и Афган, М. 1957.
- Лавров, Хроника событий.— Н. Лавров, Хроника событий истории Афганистана за 15 лет [с 1919 г. до августа 1934 г.],— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., 1934, № 7 (22), стр. 69—121.
- Лившиц, Поэт-воин.— В. А. Лившиц, Поэт-воин (Хушхаль-хан Хаттак),— «Литературный Таджикистан», 1957, № 12, стр. 247—251.
- Лившиц — Оранский, Изучение афганского языка.— В. А. Лившиц; И. М. Оранский, Изучение афганского языка (пашто) в отечественной науке,— «Труды таджикского Женского Педагогического института», Сталинабад, 1957.
- Лившиц — Оранский, Изучение афганского языка.— В. Лившиц и И. Оранский, Изучение афганского языка (пушту) в Афганистане и за его пределами,— «Ученые записки ЛГУ». Сборник студенческих работ, вып. 1, 1949, № 117, стр. 179—204.
- Логофет, Бухарское ханство.— Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1—2, СПб., 1911.
- Логофет, На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах, т. 1—3, СПб., 1909.
- Маасир ал-Умара,— The Maásir-i-Umara by Nawab Samsámú-d-Daulah Sháh Nawáz Khán. Vol. II. Ed. for the Asiatic Society of Bengal by Maulavi Abdur Rahim and Maulavi Mirzá Ashraf Ali, Calcutta, 1890 (BI, N. S. № 665, 669, 673, 679, 684, 704, 708, 713, 740).
- Малиновский, Известие об отправленных в Индию Российских посланников.— А. Малиновский, Известие об отправлении в Индию Российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о поездках в Россию индейцев с 1469 по 1751 год,— «Труды и летописи Общества Истории и древностей Российских», ч. VII, М., 1837.
- Мандельштам, О некоторых результатах.— А. М. Мандельштам, О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане,— СА, XXI, 1954.
- Миклухо-Маклай, Гератское восстание.— Н. Д. Миклухо-Маклай, Гератское восстание 1535—1636 гг.,— «Ученые записки ЛГУ», СВН, 1956, вып. 6(195), стр. 58—68.
- Миклухо-Маклай, Завоевание Ирана афганцами.— Н. Д. Миклухо-Маклай, Завоевание Ирана афганцами, Ташкент, 1945 (канд. дисс.).
- Миклухо-Маклай, Из истории афганского владычества в Иране.— Н. Д. Миклухо-Маклай, Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.),— «Ученые записки ЛГУ», № 179, СВН, 1954, вып. 4, стр. 138—158.

- Миклухо-Маклай, *К истории политических взаимоотношений*.— Н. Д. Миклухо-Маклай, *К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке*.— КСИАВ, 1952, вып. IV, стр. 11—18.
- Миклухо-Маклай, *О некоторых рукописях*.— Н. Д. Миклухо-Маклай, *О некоторых неизвестных и малоизвестных рукописях персидских и таджикских исторических сочинений*.— УЗИБАН, т. XVI, 1958.
- Минаев, *Землевание в современной Индии*.— И. П. Минаев, *Землевание в современной Индии*.— ЖМНП, т. 230, СПб., 1883, № 11, стр. 132—152.
- Минаев, *Родовой быт*.— И. П. Минаев, *Родовой быт в современной Индии*.— ЖМНП, 1883, № 3, стр. 164—188.
- Мир Абд ал-Керим Бухари — см. Абд ал-Керим Бухари.
- Мирзоев, *Деятельность Махмуда Тарзи*.— С. Мирзоев, *Литературно-просветительская деятельность Махмуда Тарзи и его газета «Сирадж-уль-ахбар» (1911—1919)*, М., 1964 (автор. канд. дисс.).
- Муджмал ат-Таварих.— *مجمّل التواريخ و القصص تأليف سال ٥٢٠ هجرى*
(=1939) تصحيح ملك الشعراء بهار، طهران، ١٣١٨ ش
- Мухаммед Казим, *Поход Надир-шаха в Индию*.— Мухаммед-Казим, *Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Тарих-и аламара-йи надири)*. Пер., предисл. и прим. П. И. Петрова, М., 1961.
- Мухаммед Хаким-хан.— Хаджи Мухаммед Хаким-хан-торе, *Мунтахаб ат-таварих*, рук. ИНА С 470.
- Мухаммед Хаким-хан, узб. пер., рук. Д 90.— Хаджи Мухаммед Хаким-хан-торе, *Мунтахаб ат-таварих*, рук. ИНА Д 90; то же, рук. ИНА Д 225.
- Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.— Afghanistan and its inhabitants. Transl. from the Hayat-i-Afghan [так! однако верно: Afghāni] of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley, Lahore, 1874.
- «Независимый Афганистан».— Сб. «Независимый Афганистан. 40 лет независимости», М., 1958.
- Низами Арузи, *Чахар макала*, пер. Баевского — Ворожейкиной.— Низами Арузи Самарканди, *Собрание редкостей, или Четыре беседы*, пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. Под ред. [и с предисл.] А. Н. Болдырева, М., 1963.
- Новейшая история стран зарубежного Востока, вып. 1.— Новейшая история стран зарубежного Востока, вып. 1 (1918—1929), М., 1954.
- Оранский, *Введение*.— И. М. Оранский, *Введение в иранскую филологию*, М., 1960.
- Очильдиев, *Обстановка*.— Д. Я. Очильдиев, *Внутриполитическая обстановка в Афганистане накануне первой мировой войны*.— «Научные сообщения и работы АН Узб. ССР, ООН, кн. 6, Ташкент, 1963, стр. 352—368.
- Очильдиев, *Некоторые вопросы*.— Д. Я. Очильдиев, *Некоторые вопросы внутриполитического и международного положения Афганистана в начале XX века*, Ташкент, 1963 (канд. дисс.).
- Петров, *К вопросу*.— П. И. Петров, *К вопросу о происхождении населения Гура в X в.*.— «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 72—76 (Труды совещания по топонимике Востока, Москва, 10—13 апреля 1961 г.).
- Петров, *Предисловие*.— Мухаммад-Казим. Поход Надир-шаха в Индию (Извлечения из Тарих-и аламара-йи Надири). Пер., предисл. и прим. П. И. Петрова, М., 1961, стр. 3—35.
- Петрушевский, *Земледелие*.— И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960.
- Петрушевский, *Труд Сейфи*.— И. П. Петрушевский, *Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана*.— «Труды ЮТАКЭ», т. V, 1955, стр. 130—162; то же, отд. отт.

- Пигулевская, *Города Ирана*.— Н. В. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956.
- Пигулевская, *Зарождение феодальных отношений*.— Н. В. Пигулевская, *Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке*,— УЗИБАН, т. XVI, 1958, стр. 5—80.
- Пигулевская, *Сирийские источники*.— Н. В. Пигулевская, *Сирийские источники по истории народов СССР*, М.—Л., 1941.
- Пигулевская и др., *История Ирана*.— Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий, *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*, Л., 1958.
- Поляк, *Нуристан*.— А. А. Поляк, *Нуристан (Кафиристан)*,— КСИБ, XXXIII, М., 1959, стр. 79—86.
- Поляк, *Экономический строй Афганистана*.— А. А. Поляк, *Экономический строй Афганистана*, М., 1954 (докт. дисс.).
- Рейснер, *Аграрный вопрос в Афганистане*.— И. М. Рейснер, *Аграрный вопрос в Афганистане*,— Сб. «Аграрный вопрос на Востоке», М., 1933.
- Рейснер, *Англо-русская конвенция 1907 г.*— И. М. Рейснер, *Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана* (по материалам секретного архива бывшего МИД),— «Красный архив», т. 3(10), М.—Л., 1925, стр. 54—66.
- Рейснер, *Возникновение и распад Дурранийской державы*.— И. М. Рейснер, *Возникновение и распад Дурранийской державы*,— сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 53—81.
- Рейснер, *Десять лет внешней политики Афганистана*.— И. М. Рейснер, *Десять лет внешней политики Афганистана*,— «Новый Восток», 1928, № 22, стр. 67—86.
- Рейснер, *К вопросу о складывании афганской нации*.— И. М. Рейснер, *К вопросу о складывании афганской нации*,— ВИ, 1949, № 7, стр. 66—85.
- Рейснер, *Независимый Афганистан*.— И. М. Рейснер, *Независимый Афганистан*, М., 1929.
- Рейснер, *Развитие феодализма*.— И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954.
- Рейснер, *Роль афганцев в Индии в XVIII в.*— И. М. Рейснер, *Роль афганцев в Индии в XVIII веке*,— «Ученые записки Тихоокеанского ин-та», т. II, М.—Л., 1949, стр. 94—128.
- Ремез, *Внешняя торговля Бухары*.— И. А. Ремез, *Внешняя торговля Бухары до мировой войны*, Ташкент, 1922.
- Риттер—Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*.— К. Риттер, *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан*. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил источниками, изданными в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока, СПб., 1867.
- Риштия, *Афганистан в XIX в.*— Сейид Касем Риштия, *Афганистан в XIX веке*. Пер. с перс. Л. Н. Дорофеевой, М. К. Куркина, Мухаммед Рахим-хана. Ред. и предисл. Ю. В. Ганковского, М., 1958.
- Робертс, *Сорок один год в Индии*.— Ф. Робертс, *Сорок один год в Индии. От субалтерна до главнокомандующего*. Пер. с англ., СПб., 1902.
- Рожевиц, *Поездка*.— Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.*,— ИИРГО, т. XI, 1909, стр. 593—652.
- Ромодин, *Из истории изучения*.— В. А. Ромодин, *Из истории изучения афганцев в Афганистана в России*,— сб. «Очерки по истории русского востоковедения» (вып. 1), М., 1953, стр. 148—184.
- Ромодин, *Некоторые источники*.— В. А. Ромодин, *Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукопис-*

- ных собраниях Ленинграда, М., 1960 (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
- Ромодин, *Социально-экономический строй юсуфзайских племен*.— В. А. Ромодин, *Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX века*.— сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 99—124.
- «Россия и Туркмения в XIX в.»— Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца, I, Ашхабад, 1946.
- Рыбичка, *В гостях у афганского эмира*.— Э. Рыбичка, *В гостях у афганского эмира*. Пер. с нем., под ред., с предисл. и прим. Азиза Ниялло, М., 1935.
- «Сборник новейших сведений».— «Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Афганистан», СПб., 1904.
- Сейфи ал-Харави.— *The Ta'rikh Nāma-i-Hardt (The History of Hardt) of Saṣf ibn Muḥammad ibn Ya'qub al-Harawī*. Ed. with introduction by Moḥammad Ḍubayr as Siddiqi, Calcutta, 1944.
- Семенов, «Бегство» Абдуррахмана.— А. А. Семенов, «Бегство» Абдуррахман-хана из Ташкента в Афганистан (Эпизод из нашей внешней политики в Средней Азии).— в кн.: «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 100—117.
- Семенов, *Некоторые данные*.— А. А. Семенов, *Некоторые данные по экономике империи Султана Хусейн-мирзы (1469—1506)*.— Изв. ООН Тадж.ССР, 1953, вып. IV, стр. 69—82.
- Семенов, *Описание рукописей САГУ*.— А. А. Семенов, *Описание рукописей САГУ*, Ташкент, [б. г.] (рукопись).
- Семенов, [рец. на:] «Светильник историй»,— А. А. Семенов, [рец. на:] «Светильник историй» (سراج التواريخ), история Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы-хана. Проф. А. А. Семенов.— «Известия ТОРГО», т. 17, 1925, стр. 197—207.
- Семенов, *Указатель*.— А. А. Семенов, *Указатель персидской литературы по истории узбеков Средней Азии*, Ташкент, 1924.
- Семенов, *Шейбани-хан*.— А. А. Семенов, *Шейбани-хан и завоевание империи тимуридов*.— МИТУСА, вып. 1, Сталинабад, 1954 (ТИИАЭ—АН Тадж.ССР, т. XII), стр. 39—83.
- Семенова, *Государство сикхов*.— Н. И. Семенова, *Государство сикхов. Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в.*, М., 1958.
- Семенова, *Движение сикхов в Пенджабе*.— Н. И. Семенова, *Движение сикхов в Пенджабе в первой половине XVIII века и образование сикхских княжеств*.— КСИВ, 1957, вып. XXIII, стр. 55—68.
- Семенова, *Панипатская битва*.— Н. Семенова, *Афгано-маратхская борьба за преобладание в Индии и Панипатская битва 1761 года*.— сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 82—98.
- Синха — Баннерджи, *История Инди*.— Н. К. Синха, А. Ч. Баннерджи, *История Индии*, М., 1954.
- «Синяя книга».— «Синяя книга», сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего министерства иностранных дел, М., 1918.
- «Сирадж ал-Ахбар».— سراج الاخبار الافغانية، کابل
- «Сирадж ат-таварих».— فیض محمد کاتب بن سعید محمد مغول معروف بهزاره محمد خواجه، سراج التواريخ، ج ۱-۲، کابل ۱۳۴۱، ج ۳ کابل ۱۳۴۳
- Смирнов, *Важный этап независимого развития Афганистана*.— Н. И. Смир-

- нов, *Важный этап независимого развития Афганистана (К характеристике внешней и внутренней политики правительства Мухаммеда Надир-шаха 1929—1933 гг.)*, — сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 78—94.
- Смирнова, *Язык «Тарих-и Систан»*. — Л. П. Смирнова, *Язык «Та'рих-и Систан» (грамматическое описание)*, Сталинабад, 1959 (ТИЯЛ АН Тадж.ССР, т. СХ, Исследования по исторической грамматике таджикского языка, вып. 1).
- Соболев, *Из истории восточного вопроса*. — Л. Н. Соболев, *Страница из истории восточного вопроса. Англо-афганская распря (Очерк войны 1879—1880)*. Л. Н. Соболева, т. 1—4, СПб., 1882—1885.
- «Современный Афганистан». — «Современный Афганистан». Отв. ред. Н. А. Дворянков, М., 1960.
- Соймонов, *Описание Каспийского моря*. — Ф. И. Соймонов, *Описание Каспийского моря (обработал и дополнил Миллер)*, СПб., 1763.
- Соловьев, *Из истории русско-индийских связей*. — О. Ф. Соловьев, *Из истории русско-индийских связей*, М., 1958.
- Тазкират ал-абрар ва-л-аширар* — см. Дарвеза.
- «Тарих-и Бадахшан». — *Та'рих-и Бадахшан*. «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев, Л., 1959 (ЛГУ, Восточный факультет. Иранская филология, вып. 1).
- «Тарих-и Султани». — *کتاب مسمى بتاريخ سلطانی تألیف خان عالیشان سلطان محمد خان ابن موسی جان درانی بمی، ۱۲۹۸ هجری*
- Теплинский, *Советско-афганские отношения*. — Л. Б. Теплинский, *Советско-афганские отношения за сорок лет существования независимого Афганистана*, — сб. «Независимый Афганистана», М., 1958, стр. 5—38.
- Теплинский, *Советско-афганские отношения 1919—1960*. — Л. Б. Теплинский, *Советско-афганские отношения 1919—1960*, М., 1961.
- Толстов, *Древний Хорезм*. — С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948.
- Толстов, *Подъем и крушение*. — С. П. Толстов, *Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока*, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 194—208.
- Толстов, *По следам*. — С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М. — Л., 1948.
- Томсон, *История древней географии*. — Дж. О. Томсон, *История древней географии*, М., 1953.
- Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*. — К. В. Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.*, — СА, 1954, XXI, стр. 131—146.
- Туманович, *Организация военных союзов и блоков*. — Н. Н. Туманович, *Организация военных союзов и блоков как средство английской экспансии на Среднем Востоке в первой половине XIX века*, — «Труды Института истории» АН Кирг.ССР, Фрунзе, 1955, вып. 1, стр. 95—112.
- Халили, *Махмуд-бек Тарзи*. — Х. Халили, *Махмуд-бек Тарзи*, — ПВ, 1959, № 2, стр. 156—157.
- Халфин, *Английская экспансия*. — Н. А. Халфин, *Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX в.*, — сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 180—218.
- Халфин, *Политика России в Средней Азии*. — Н. А. Халфин, *Политика России в Средней Азии (1857—1868)*, М., 1960.
- Халфин, *Провал британской агрессии*. — Н. А. Халфин, *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX — начало XX вв.)*, М., 1959.
- Хаят-хан, — см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.
- Хаят-и Афгани, — см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.

- Хейфец, *Великий Октябрь и угнетенные народы Востока*.— А. Н. Хейфец *Великий Октябрь и угнетенные народы Востока*, М., 1959.
- Хрисанф, *Записка*.— «[Записка] Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах, издал с введением и примечаниями В. В. Григорьев», М., 1861 (из ЧОИДР, 1861).
- Хушхаль-хан, *Поэт и поэзия*, пер. М. Фофановой,— «Литературный Таджикистан», 1957, № 12, стр. 252—257.
- Шах Вали, *Воспоминания*.— Маршал Шах Вали, *Мои воспоминания*. Перевод с фарси [П. Б. Зудина под ред. Р. Т. Ахрамовича], М., 1960.
- Шах Наваз-хан, *Маасир ал-Умара*.— см. Маасир ал-Умара.
- Шамансурова, *Афганские племена*. А. Ш. Шамансурова, *Афганские племена Пакистанского Белуджистана*,— «Сборник работ аспирантов АН УзССР», ООН, вып. II, Ташкент, 1958, стр. 203—221.
- Эдай, *Ситана*.— Дж. Эдай, *Ситана. Горная экспедиция на Северо-Западной границе Индии в 1863 году*, пер. М. Н. Анненкова,— в кн. [М. Н. Анненков], *Отношения англо-индийских владений к их северо-западным соседям*. М. Н. Анненкова, СПб., 1874, стр. 61—96.
- Яворский, *Путешествие русского посольства*.— [И. Л. Яворский], *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Из дневников члена посольства д-ра И. Л. Яворского*, т. I—II, СПб., 1882—1883.
- Яворский, *Русская миссия в Кабуле*.— И. Яворский, *Русская миссия в Кабуле в 1878—1879 году*,— «Русский вестник», т. 155, 1881, № 9, стр. 43—83, № 10, стр. 443—474.
- Abbot, *The Afghan war 1838—1842*.— A. Abbot, *The Afghan war 1838—1842*. From his journal and correspondence by Ch. Rathbone Law, London, 1879.
- Abdul Muqtadir, *Notes on a unique history of Herat*.— Khan Sahib Maulavi Abdul Muqtadir, *Notes on a unique history of Herat, discovered in the Bûhar collections of Mss; in the Imperial Library, Calcutta*,— JASB, new series, vol. XII, 1916, pp. 165—184.
- Abdur Rahim, *Mughal relations with Persia and Central Asia*.— Abdur Rahim, *Mughal relations with Persia and Central Asia (Babur to Aurangzeb)*, Aligarh, [s. a.].
- Adye, *Indian frontier policy*.— J. Adye, *Indian frontier policy. An historical sketch*, London, 1897.
- Afghanistan and its inhabitants* — см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.
- Ahmad Ali Kohzad — см. Kohzad.
- Aitchison, *A collection of treaties*, vol. XI, ed. 1909.— [C. U. Aitchison], *A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries*, compiled by C. U. Aitchison, vol. XI containing the treaties, etc, relating to the North-West Frontier Province, Baluchistan, Jammu and Kashmir, Eastern Turkistan and Afghanistan. Revised and continued to the 1st June 1906 by the authority of Foreign Department, Calcutta, 1909.
- Aitchison, *A collection of treaties*.— C. U. Aitchison, *A collection of treaties, engagements, and sanads relating to India and neighbouring countries*, vol. I—XIII, London, 1929—1933.
- Akram, Mohammed.— См. раздел «Библиографические пособия».
- Allchin, *The cultural sequence*.— F. R. Allchin, *The cultural sequence of Bactria*,— «Antiquity», 1957, № 123, pp. 131—141.
- Allen, *Diary of a march*.— A. N. Allen, *Diary of a march through Sindh and Afghanistan with the troops under command of general sir W. Nott*, London, 1843.
- Altheim, *Weltgeschichte Asiens*.— F. Altheim, *Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*, Bd I, Halle, 1947.
- Atkinson, *The expedition into Afghanistan*.— J. Atkinson, *The expedition into Afghanistan*. Notes and sketches descriptive of the country. Contained

- in a Personal narrative during the campaign of 1839 and 1840 up to the surrender of Dost Mohamed Khan, London, 1842.
- Bacon, *An inquiry*.—E. E. Bacon, *An inquiry into the history of the Hazara Mongols of Afghanistan*.—«Southwestern journal of anthropology», vol. 7, № 3, Albuquerque, 1951, pp. 230—247.
- Baker and other consular officers, *British India*.—Henry D. Baker, American consul at Bombay and other consular officers, *British India with special notes on Ceylon, Afghanistan and Tibet (Department of Commerce special consular reports, № 72)*, Washington, 1915.
- Barth, *Political leadership*.—[F. Barth], *Political leadership among Swat Pathans*, London, 1959 (London School of economics. Monographs on social anthropology, № 19).
- Barthou, *Les fouilles de Hadda*.—J. Barthou, *Les fouilles de Hadda*,—MDAFA, t. IV, 1930—1933.
- Barton, *India's North-West frontier*.—W. Barton, *India's North-West Frontier*, London, 1939.
- Beaurecueil, de, *Manuscripts d'Afghanistan*—см. Библиографические пособия.
- Beckett, *Vesh in Swat*.—[H. B. Beckett], *Vesh in Swat*. No 192. Murdan, dated 29th November 1872. From Beckett, Esq. Assist. Commissioner, Murdan to the Deputy Commissioner Peshawar,—Suppl. to «Punjab Government Gazette», March, 27, 1873, pp. 353—357.
- Bellew, *A general report*.—H. W. Bellew, *A general report on the Yusufzais* in six chapters, with a map, Calcutta, 1864.
- Bellew, *An inquiry*.—*An inquiry into the ethnography of Afganistan*, prepared for and presented to the ninth International Congress of Orientalists (London, September 1891) by H. W. Bellew, London, 1891.
- Beuermann, *Über Afganistan*—см. Библиографию к т. I.
- Bombaci, *Summary report*, I—см. Библиографию к т. I.
- Bosworth, *The early Islamic history of Ghur*—см. Библиографию к т. I.
- Bosworth, *The Ghaznavids*—см. Библиографию к т. I.
- Broadfoot, *Reports on parts of the Ghilzi country*.—[J. S. Broadfoot], *Reports on parts of the Ghilzi country and on some of the tribes in the neighbourhood of Ghazni and the route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghwalarai pass by lieut. J. Sutherland Broadfoot Bengal Engineers, 1839*.—«Royal geographical society», vol. I, pt III, Supplementary papers, London, 1885.
- Bruce, *The Forward Policy and its results*.—R. I. Bruce, *The Forward Policy and its results—or thirty-five years work amongst the tribes of our N.-W. frontier of India*, London, 1900.
- Boulnois—Rattigan, *Notes on customary law*.—Ch. Boulnois, W. H. Rattigan, *Notes on customary law as administered in the courts of the Puniab*, London, 1878.
- Burnes, *Cabool*.—A. Burnes, *Cabool: a Personal narrative of journey to and residence in that city, in the years 1836, 7 and 8*, London, 1843.
- Campbell, *The Afghan frontier*.—G. Campbell, *The Afghan frontier*, London, 1879.
- Caroe, *The Pathans*.—O. Caroe, *The Pathans 500 B. C.—A. D.*, 1957, London, 1958.
- Casal, *Fouilles de Mundigak*—см. Библиографию к т. I.
- «Central Asia», vol. II—См. Gazetteer «Central Asia».
- Collin Davies, *The problem of the North-West frontier*.—C. Collin Davies, *The problem of the North-West frontier, 1890—1908, with a survey of the policy since 1849*, Cambridge, 1932.
- «Commentaries».—Commentaries [on the Notes by E. Conolly],—JASB, vol. IX, 1840, pt II, pp. 937—940.
- Conolly, *Notes*.—E. Conolly, *Notes on the Eusofzye tribes of Afghanistan*,—JASB, vol. IX, 1840, pt II, pp. 924—938.
- Conolly, A., *Journey*.—A. Conolly, *Journey to the North of India, overland from England, through Russia, Persia and Affghaunistaun*, London, 1838.

- «Correspondence diplomatique du Baron de Staal» — «Correspondence diplomatique du Baron de Staal», Paris, 1920.
- «Correspondence... From Roberts to Lyall» — Correspondence relative to the affairs of Afghanistan presented to both Houses of Parliament to command of Her Majesty. Enclosure 31 No 19 No 39 dated Bala Hisar, Kabul, 16th October 1879. From general Roberts to Lyall, p. 32 (Typk. c6. 305, 1883).
- «Correspondence relative to the affairs of Afghanistan, 1880».— Correspondence relative to the affairs of Afghanistan presented to both Houses of Parliament to command of Her Majesty, London, 1880.
- Cotton, *Nine years*.— S. Cotton, *Nine years on the North-West frontier of India from 1854 to 1863*, London, 1868.
- Daly, *Eight years among the Afghans*.— K. Daly, *Eight years among the Afghans*, London, 1905.
- Darmesteter, *The Afghan life in Afghan songs*.— J. Darmesteter, *The Afghan life in Afghan songs*.— «Contemporary review», 1887.
- Darmesteter, *Chants populaires des Afghans*.— J. Darmesteter, *Chants populaires des Afghans*. Textes afghans et traductions françaises avec une introduction sur la langue, histoire et littérature populaire des Afghans par J. Darmesteter, Paris, 1888.
- «A dictionary of the Pathan tribes».— A dictionary of the Pathan tribes on the North-West frontier of India. Compiled under the orders of the Quarter-Master-General in India, in the Intelligence Branch, Calcutta, 1899.
- Dorn, *Beitrag*.— B. Dorn, *Beitrag zu der Geschichte des Afghanischen Stammes der Jusufzey*.— «Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg», t. IV, SPb., 1838, No 1—2.
- [Dorn] *The history of the Afghans* — см. Библиографию к т. I.
- Edwardes, *A year on the Punjab frontier*.— H. B. Edwardes, *A year on the Punjab frontier, 1848—49*, vol. I—II, London, 1851.
- Elphinstone, *The Kingdom of Caubul*.— M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815.
- Engert, *A report on Afghanistan*.— C. Engert, *A report on Afghanistan*. Department of State. Division of publications. Series C. No 53. Afghanistan No 1, Washington, 1924.
- Enriquez, *The Pathan borderland*.— C. M. Enriquez, *The Pathan borderland*. A consecutive account of the country and people on and beyond the Indian frontier from Chitral to Dera Ismail Khan, Calcutta—Simla, 1921.
- Eyre, *The Kabul insurrection* (revised and corrected ed.).— V. Eyre, *The Kabul insurrection of 1841—42* (revised and corrected from lieutenant Eyre's original manuscript by major-general Sir Vincent), London, 1879.
- Fairservis, *Preliminary report*.— см. Библиографию к т. I.
- Ferdinand, *Preliminary notes*.— см. Библиографию к т. I.
- Ferdinand, *Ethnographical notes*.— см. Библиографию к т. I.
- Ferrier, *Caravan journeys and wanderings*.— J. P. Ferrier, *Caravan journeys and wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan; with historical notices of the countries lying between Russia and India*. Transl. by captain William Jesse, London, 1857.
- Ferrier, *History of the Afghans*.— J. P. Ferrier, *History of the Afghans*. Transl. from the original unpublished manuscript by captain William Jesse, London, 1858.
- Figveroa, *L'Ambassade*.— *L'Ambassade de D. Garcias de Silva Figveroa in Perse, contenant la politique de ce Grand Empire, les moeurs du Roy Schach Abbas, et une relation exacte de tous les lieux de Perse et des Indes, où cet Ambassadeur a esté l'espace de huit années qu'il y a de-*

meuré. Traduite de l'Espagnol par Monsieur De Wicqfort. A Paris... MDCLXVII.

Finch, *Travels*.—W. Finch, *Travels*,—«Purchas», vol. IV.

Forster, *A journey*.—G. Forster, *A journey from Bengal to England through the northern part of India, Kashmir, Afghanistan and Persia and into Russia by the Caspia-sea*, by George Forster, vol. I—II, London, 1798.

Fraser-Tytler, *Afghanistan*.—W. Fraser-Tytler, *Afghanistan. A study of political developments in Central Asia*, London, 1950; 2nd ed.: London, 1953.

Ganda Singh, *Ahmad Shah Durrani*.—Ganda Singh, *Ahmad Shah Durrani: father of modern Afghanistan*, Madras, 1959.

Ganda Singh, *The British occupation of the Panjab*.—Ganda Singh, *The British occupation of the Panjab*, Amritsar—Patiala, 1955.

Gardin, *Céramiques*—см. Библиографию к т. I.

Gazetteer of the Bannu district 1883—1884, Lahore [s. a.].

Gazetteer «Central Asia».—«Central Asia. Part II. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources and history of Afghanistan compiled (from political and military reference) by lieut.—col. MacGregor, Assistant Quarter-Master-General», Calcutta, 1871.

Gazetteer of the Dera Ghazi Khan district 1883—1884, Lahore [s. a.].

Gazetteer of the Dera Ismail Khan district 1883—1884, Lahore [s. a.].

Gazetteer of the Hazara district 1884—1883, Lahore [s. a.].

Gazetteer of the Peshawar district 1883—1884, Lahore [s. a.].

Gazetteer of the Peshawar district 1897—1898, Lahore [s. a.].

Gazetteer of the N.-W. F. P.—Gazetteer of the North-West Frontier Province, Lahore, 1908.

Ghirshman, *Bégram*—см. Библиографию к т. I.

Ghirshman, *Les Chionites-Heptalites*—см. Библиографию к т. I.

Ghirschman, *Fouilles de Nad-i-Ali*.—R. Ghirschman, *Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan*,—«Revue des arts asiatiques», 1939, No I, pp. 10—22.

Gnoli, *Jewish inscriptions in Afghanistan*.—Gh. Gnoli, *Jewish inscriptions in Afghanistan*,—«East and West», n. s., vol. 13, 1962, No 4, pp. 311—312.

Godard A.—Godard Y.—Hackin—см. Библиографию к т. I.

Gray, *At the court of the Amir*.—J. A. Gray, *My residence at the court of the Amir*, London, 1901.

Greenwood, *Narrative*.—Greenwood, *Narrative of the late victorious campaign in Afghanistan under general Pollock with recollections of seven years' service in India*, London, 1844.

Gul-Pāčā Ulfat, *Notes*.—Gul-Pāčā Ulfat (Kabul), *Notes sur la peinture de la vie quotidienne dans la poésie de Khosh-hāl Khattak*,—«Akten des vierundzwanzigsten internationalen Orientalisten-Kongresses, München—Wiesbaden», 1959, pp. 493—496.

Gupta, *Studies*.—H. R. Gupta, *Studies in the later Mughal history of the Panjab (1707—1793)*, Lahore, 1944.

Hackin, *L'art bouddhique*—см. Библиографию к т. I.

Hackin, *La monastère bouddhique*—см. Библиографию к т. I.

Hackin—Carl, *Nouvelles recherches*—см. Библиографию к т. I.

Hackin—Carl, *Recherches*—см. Библиографию к т. I.

Hackin J.—Hackin R., *Recherches archéologiques*.—J. Hackin, R. Hackin, *Recherches archéologiques à Bégram*,—MDAFA, t. IX, 1939.

Hackin J.—Hackin R. et autres, *Nouvelles recherches*—см. Библиографию к т. I.

Hanna, *The Second Afghan war*.—H. B. Hanna, *The Second Afghan war, 1878—79—80. Its causes, its conduct and its consequences*, vol. I—III, Westminster and London, 1899—1910 [I—Westminster, 1899, II—Westminster, 1904, III—London, 1910].

- Harlan, *Central Asia*.—[J. Harlan], *Central Asia*. Personal narrative of general Josiah Harlan. 1823—1841. Ed. by F. E. Ross, London, 1939.
- Harlan, *A memoir of India and Avghanistaun*.—[J. Harlan], *A memoir of India and Avghanistaun, with observations on the present exciting and critical state and future prospects of those countries. Comprising remarks on the massacre of the British Army in Cabul, British policy in India... With an appendix on the fulfilment of a text of Daniel, in reference to the present prophetic condition of Mahomedan nations throughout the world, and the speedy dissolution of the Ottoman Empire*. By J. Harlan, Philadelphia, 1842.
- Hastings, *Report*.—E. G. G. Hastings, *Report on the regular settlement of the Peshawar district of the Punjab*, Lahore, 1878.
- Hayât-i Afghānī — см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.
- Henning, *The Bactrian inscription* — см. Библиографию к т. I.
- Henning «Surkh Kotal» — см. Библиографию к т. I.
- Hinz, *Quellenstudien*.—W. Hinz, *Quellenstudien zur Geschichte der Timuriden*,—ZDWG, Bd 90 (N. F. Bd 15), 1936, S. 357—398.
- Holdich, *The Indian borderland*.—T. H. Holdich, *The Indian Borderland 1880—1900*, London, 1901.
- Hügel, *Kaschmir und das Reich der Siek*, Bd 5.—K. Hügel, *Kaschmir und das Reich der Siek*, Bd 5, Stuttgart, 1848.
- Hunter, *The Imperial gazetteer of India*, 2-nd ed.—W. W. Hunter, *The Imperial gazetteer of India*, 2-nd ed., vol. 1—14, London, 1885—1887.
- Ibbetson, *On the census of the Panjab*.—D. Ch. I. Ibbetson, *Report on the census of the Panjab taken on the 17th of February 1881*, vol. I—III, Calcutta, 1883.
- Ikbal Ali Shah, *The tragedy of Amanullah*.—[Ikbal Ali Shah], *The tragedy of Amanullah*. By sirdar Ikbal Ali Shah, London, 1933.
- James, *Report on the Settlement*.—H. R. James, *Report on the settlement of the Peshawar district*, Lahore, 1871.
- Janata, *Die Bevölkerung von Ghor*.—A. Janata, *Die Bevölkerung von Ghor*,—«Archiv für Völkerkunde», Bd. XVII/XVIII 1962/1963, Wien [1964], S. 73—156 (Herausgegeben von Verein «Freunde der Völkerkunde», Wien I, Museum für Völkerkunde).
- Jewett, *An American engineer in Afghanistan*.—A. C. Jewett, *An American engineer in Afghanistan*, London, 1939.
- Juan de Persia, *Relaciones*.—Juan de Persia, *Relaciones de Don Juan de Persia*. Dirigidas a la magestad Catholica de Don Philippe III. Rey de las Españas, y Señor nuestro. Dividas en tres libros, donde se tratan las cosas notables de Persia, la genealogía des sus Reyes, guerras de Persianos, Turcos, y Tartaros, y las que vido en el viaje que hizo à España; y su conversión y la de otros dos Cavalleros Persianos. Valladolid, 1604.
- Kaye, *History of the war in Afghanistan*.—J. W. Kaye, *History of the war in Afghanistan*, vol. I—III, London, 1857.
- Kent, *Old Persian* — см. Библиографию к т. I.
- Khan Sahib Maulavi Abdul Muqtadir — см. Abdul Muqtadir, *Notes on a unique history of Herat*.
- Kohzad, *Les manuscrits*.—Ahmad Ali Kohzad (Caboul): *Les manuscrits relatifs à l'histoire de l'Afghanistan au XIX-e siècle*,—«Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. II, М., 1963, стр. 207—211.
- Lal, Mohan — см. Mohan Lal.
- Lawrence, *Reminiscences*.—G. Lawrence, *Reminiscences of forty-three years in India*, London, 1874.
- Lentz, *Sammlungen* — см. раздел «Библиографические пособия».
- Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty*.—L. Lockhart, *The fall of the Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia*, Cambridge, 1958.

- Lockhart, *Nadir Shah*.—L. Lockhart, *Nadir Shah. Critical study based mainly upon contemporary sources*, London, 1938.
- Lohuizen de Leeuw, van, *The «Scythian» period*—см. Библиографию к т. I.
- Lorimer, *Customary law of the Peshawar district*.—J. G. Lorimer, *Customary law of the Peshawar district*, Lahore, 1899 («Civil and military gazette» Press, vol. XVII).
- Lumsden, *Report*.—*Report on the Yoozoofzaee district* by Lieutenant H. B. Lumsden,—«Selections from the public correspondence of the administration, for the affairs of the Punjab», vol. I, No 15, printed at the Chronicle press by Mahomed Azeem, Lahore, 1853, pp. 352—390; Appendices, pp. 391—397.
- Mackenzie, [печ. на:] Olaf Caroe, *The Pathans*.—D. N. Mackenzie, [печ. на:] Olaf Caroe, *The Pathans (A book-review)*,—BSOAS, vol. XXIII, pt 1, 1960.
- Macmunn, *Afghanistan from Darius to Amanullah*.—[G. Macmunn]. *Afghanistan from Darius to Amanullah*, London, 1929.
- Majrouh, *Etude du Destar-nama*.—S. B. Majrouh (Caboul): *Etude du Destar-nama de Khoshhal Khan Khatak*,—«Труды XXV Междунар. конгресса востоковедов», т. II, М., 1963, pp. 241—250.
- Malleson, *History of Afghanistan*.—G. B. Malleson, *History of Afghanistan. From the earliest period to the outbreak of the war of 1878*, London, 1878.
- Mann, *Quellenstudien*.—Oskar Mann, *Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Shah Durrani (1747—1773)*,—ZDMG, Bd 52, Leipzig, 1898, S. 97—118; 161—186; 323—358.
- Manucci, *Storia do Mogor*.—*Storia do Mogor or Mogul India 1653—1708* by Niccolao Manucci Venetian. Transl. with introduction and notes by W. Irvine, vol. I—IV, London, 1907.
- Maricq, *Le grande inscription de Kaniska*—см. Библиографию к т. I.
- Maricq—Wiet, *Le minaret de Djam*—см. Библиографию к т. I.
- Martin, *Under the absolute amir*.—F. A. Martin, *Under the absolute amir*, London and New York, 1907.
- Massood Ali, *A farman of Timur Shah*.—S. Massood Ali, *A farmān of Timūr Shah*,—JPHS, vol. VI, 1958, pt III, pp. 202—207.
- Masson, *Narrative of various journeys*.—Ch. Masson, *Narrative of various journeys in Bilochistan, Afghanistan and the Panjab incl. a residence in those countries from 1826 to 1838*, pt I—III, London, 1842.
- Meunier, *Shotarak*—см. Библиографию к т. I.
- Minorsky, *Persian literature*.—V. Minorsky, *Persian literature*,—AO, vol. XXI, Pars 2, 1951.
- Minorsky, *Some early documents*—см. Библиографию к т. I.
- Mohammed Akram, *Bibliographie*—см. раздел «Библиографические пособия».
- Mohammed Ali, *Afghanistan. The national awakening*.—Mohammed Ali, *Afghanistan. The national awakening*, Lahore, 1958.
- Mohammed Ali, *The War of Independence*.—Mohammed Ali, *Afghanistan. The War of Independence 1919*, Kabul, 1960.
- Mohan Lal, *Journal of a tour*.—Mohan Lal, *Journal of a tour through the Panjab, Afghanistan, Turkistan, Khorasan and a part of Persia, in company with lieut. Burnes and dr. Gerard, Calcutta, 1834* (Опублик. затем в 1835 г. в Лондоне, а в 1846 г. вышла 3-м изд. в несколько измененном виде: См. Mohan Lal, *Travels*).
- Mohan Lal, *Life of the amir Dost Mohammed Khan*.—Mohan Lal, *Life of the amir Dost Mohammed Khan of Kabul; with his political proceedings towards the English, Russian and Persian governments, including the victory and disasters of the British Army in Afghanistan*, vol. I—II, London, 1846.

- Mohan Lal, *Travels*.—[Mohan Lal], *Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan, to Balk, Bokhara and Herat; and a visit to Great Britain and Germany*. By Mohan Lal... lately attached to the Mission at Kabul, London, 1846.
- Molesworth, *Afghanistan 1919*.—G. N. Molesworth, *Afghanistan 1919. An account of operations in the Third Afghan war*, Bombay, 1962.
- Moorcroft—Trebeck, *Travels*.—[W. Moorcroft and G. Trebeck], *Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara*; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819 to 1825, London, 1841.
- Morgenstierne, *Afghan*.—G. Morgenstierne, *Afghān*,—E¹², I, pp. 216—221.
- Morgenstierne, *Indo-Irapien frontier languages*.—см. Библиографию к т. I
- Morgenstierne, *Khushhal Khan*.—G. Morgenstierne, *Khushhāl Khān en Afgansk Nasjonaldikter*,—«Øst og Vest, Afhandlinger Tilegnede Prof. Dr. phil. Arthur Christensen. Paa Halvjerdsdaarsdagen D. 9. Januar 1945 Af Nordiske Orientalister og Folkemindforskere», København, 1945, pp. 50—61.
- Narain, *The Indo-Greens*—см. Библиографию к т. I.
- Nazim, *The life and times*—см. Библиографию к т. I.
- Niedermayer, *Afghanistan*.—O. Niedermayer, *Afghanistan*, Leipzig, 1924.
- Oliver, *Across the border*.—E. E. Oliver, *Across the border, or Pathan and Biluch*, London, 1890.
- Princep, *Origine et progrès de la puissance des sikhs*.—H. T. Princep, *Origine et progrès de la puissance des sikhs dans le Penjab et histoire de Maha-Radja Ranjit Singh*, trad. de l'anglais par X. Raymond, Paris, 1836.
- Puglisi, *Italian archaeological mission*—см. Библиографию к т. I.
- Rahim, *History of the Afghans in India*.—M. A. Rahim, *History of the Afghans in India. A. D. 1545—1631*, Karachi, 1961.
- Raverty, *An account of Suwāt*.—H. G. Raverty, *An account of Upper and Lower Suwāt*,—JASB, vol. XXXI, No 1 to V, 1862, Calcutta, 1863, pp. 227—281.
- Raverty, *Notes*.—H. G. Raverty, —*Notes on Afghanistan and part of Baloochistan, geographical, ethnographical and historical, extracted from the writings of the little known Afghan and Tajzjik historians, geographers and genealogists, the histories of the Churis, the Turk Sovereigns of the House of Timur and other Muhammadan chronicles; and from Personal observations*, London, 1881.
- Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes*.—H. G. Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes dated 19th April 1841*,—Gazetteer «Central Asia» (Appendix).
- Reports and papers.—Reports and papers, political, geographical and commercial submitted to Government by sir A. Burnes, lieutenant Leech, doctor Lord and lieutenant Wood... employed on missions in the years 1835—1837 in Scinde, Afghanistan, and adjacent countries, Calcutta, 1839.
- Return No 40. 1877.—Return (to an adress of the House of Lords. dated 28-th February. 1881). No 40. 1877. Government of India. Foreign Department. Political (Түрк, с6. № 305, 1883).
- Rhys Davids, *The questions of King Milinda*—см. Библиографию к т. I.
- Ridgway, *Pathans*.—R. T. Ridgway, *Pathans*, Calcutta, 1918.
- Rieu.—Ch Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, vol. I—III, London, 1879—1883.
- Roberts, *Forty-one years in India*.—F. C. Roberts, *Forty-one years in India*, vol. I—II, London, 1897.
- Rose, *A glossary*.—Rose, *A glossary of the tribes of the Panjab and N. W. Frontier Province*, Lahore, 1919.

- Rose, *Handbook of Latin literature*.—H. J. Rose, *Handbook of Latin literature*, 1936.
- Rose, *A handbook of Greek literature*.—H. J. Rose, *A handbook of Greek literature from Homer to the age of Lucian*, 1934.
- Roy, *Makhzan-i-Afghani and Tawarikh-i-Majlis Ara*.—Visva — Bharati N. B. Roy, *Makhzan-i-Afghani and Tawarikh-i-Majlis Ara and their relative value as sources of history*.—JAS, Letters, vol. XIX, 1953, No 1.
- Rushbrook Williams, *The political career of Babur*.—[L. F. Rushbrook Williams], *An Empire builder of the sixteenth century. A summary account of the political career of Zahir-Ud-Din Muhammad surnamed Babur, being the university lectures for 1915—16 by L. F. Rushbrook Williams*. With 16 ill. and 7 maps and plans, London, 1918 (Publication of the Department of modern Indian history Allahabad University No 3).
- Sarkar, *The fall of the Mughal Empire*.—J. Sarkar, *Fall of the Mughal Empire*, vol. I—II, Calcutta, 1949—1950.
- Sarkar, *History of Aurangzib*.—J. Sarkar, *History of Aurangzib. Mainly based on Persian sources*. Vol. III. *Northern India, 1658—1681*, 2-d, ed. revised and corrected. Calcutta, 1921.
- Schlumberger, *The excavations at Surkh Kotal* — см. Библиографию к т. I.
- Schlumberger, *Les fouilles* — см. Библиографию к т. I.
- Schlumberger, *La grande mosquée* — см. Библиографию к т. I.
- Schlumberger, *La prospection archéologique* — см. Библиографию к т. I.
- Schurmann, *The Mongols of Afghanistan*.—см. Библиографию к т. I.
- Scerrato, *Summary report*, II — см. Библиографию к т. I.
- Scott, *Afghan and Pathan*.—G. B. Scott, *Afghan and Pathan*, a sketch, London, 1929.
- Sethi, *The Lahore Durbar (in the light of the correspondence of sir C. M. Wade, 1823—1840)*, Simla, 1950.
- Shadbolt, *The Afghan campaigns of 1878—1880*.—S. H. Shadbolt, *The Afghan campaigns of 1878—1880*, vol. I—II, London, 1882.
- Shafi, *Bayazid Ansari*.—Muhammed Shafi, *Bayazid Ansari*,—El², vol. I, pp. 1121—1124.
- Shahamat Ali, *The Sikhs and Afghans*.—Shahamat Ali, *The Sikhs and Afghans, in connexion with India and Persia, immediately before and after the death of Ranjeet Singh: from the journal of an expedition to Kabul, through the Panjab and the Khaibar Pass*, London, 1847.
- Sinha, *The N.-W. Frontier tribes under Ranjit Singh's sway in 1837*.—N. K. Sinha, *The N.-W. Frontier tribes under Ranjit Singh's sway in 1837*,—«The Indian historical quarterly», vol. XVII, 1942.
- Sinha, *Ranjit Singh*.—N. K. Sinha, *Ranjit Singh*, Calcutta, 1945.
- Spain, *The Pathan borderland*.—J. W. Spain, *The Pathan borderland*, The Hague, 1963.
- Spuler, *Die Chalifenzeit*.—B. Spuler, *Die Chalifenzeit. Entstehung und Zerfall des islamischen Weltreichs*, Leiden, 1952 (HO^r, Bd VI, Geschichte der islamischen Länder, I. Abschnitt).
- Spuler, *Die Mongolen in Iran* — см. Библиографию к т. I.
- Steel — Grootler, *A journal of the journey*.—A journal of the journey of Richard Steel and John Grootler, from Azmere in India, the place of the Great Mogols residence, to Spahan the Royall Seat of the King of Persia, in the affaires of the East-Indian society. Ann. 1615. 1616,—«Purchas», IV.
- Sykes, *A history of Afghanistan*.—P. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. I—II, London, 1940.
- Tarn, *The Greeks* — см. Библиографию к т. I.
- Tate, *The Kingdom of Afghanistan*.—G. P. Tate, *The Kingdom of Afghanistan. An historical sketch*, Bombay and Calcutta, 1911.
- Tate, *Seistan* — см. Библиографию к т. I.

- Thorburn, *Bannu, or our Afghan Frontier*.— S. S. Thorburn, *Bannu, or our Afghan Frontier*, London, 1876.
- Thorburn, «Vesh» in the Murwat tract.— S. S. Thorburn, «Vesh» in the *Murwat tract*,— Gazetteer of the Bannu district 1883—1884 (Appendix).
- Thornton, *Leaves from an Afghan scrapbook*.— E. Thornton, *Leaves from an Afghan scrapbook: The experiences of an English official and his wife in Kabul*, London, 1910.
- Tupper, *Punjab customary law*.— C. L. Tupper, *Punjab customary law*, vol. I—III, Calcutta, 1881 [vol. I. A selection from the Records of the Punjab Government; vol. II. Statements of customary law in different districts (Extracted chiefly from the settlement reports); vol. III. Questions on tribal and local custom (A manual for the use of Settlement officers)].
- Vicaji Taraporevala.— Marshall, *Mughal bibliography*— см. Библиографические пособия.
- Vigne, *A Personal narrative of a visit*.— G. T. Vigne, *A Personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul, and Afghanistan, and of a residence at the court of Dost Mohamet; with notices of Runjit Sing, Khiva, and the Russian expedition*, London, 1840.
- Warburton, *Eighteen years in the Khyber*.— R. Warburton, *Eighteen years in the Khyber*, London, 1900.
- Wiet, *Commentaire historique*— см. Библиографию к т. I.
- Wilber, *Bibliography*— см. раздел «Библиографические пособия».
- Wood, *To the source of the river Oxus*.— J. Wood, *A journey to the source of the river Oxus*. New edition, with an essay on the geography of the valley of the Oxus, by H. Yule, London, 1872.
- Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*.— H. C. Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*, London, 1912.
- Yapp, *In Eastern Afghanistan*.— M. E. Yapp, *Disturbances in Eastern Afghanistan, 1839—42*,— BSOAS, vol. 25, 1962, pt 3, pp. 499—523.
- Yapp, *In Western Afghanistan*.— M. E. Yapp, *Disturbances in Western Afghanistan, 1839—42*,— BSOAS, vol. 26, 1963, pt 3, 288—313.
- Yate, *The visit to India of the Amir Habilullah Khan*.— F. C. Yate, *The visit to India of the Amir Habilullah Khan, The fourth Amir of Barokzai dynasty*,— «The Imperial and Asiatic quarterly review», 3-d series, vol. XXIV, London, 1907, No 47, pp. 29—37.

احمد علی کهزاد، بالا حصار کابل و پیش آمدهای تاریخ، جلد اول،
 حوت ۱۳۴۹ [1958] کابل نمره نشرات (۵۱) انجمن تاریخ افغانستان
 احمد علی کهزاد، لشکرگاه، کابل ۱۳۳۳. «تاریخ افغانستان» جلد ۳—تاریخ
 افغانستان، جلد سوم، کابل ۱۳۳۶، تألیف میر غلام محمد غبار، علی
 احمد نعیمی، محمد صدیق فرهنگ، احمد علی محبی، خلیل الله خلیلی
 جمال الدین افغانی، تمة البیان فی تاریخ الافغان، قزان 1902، تاتارچه
 عربچه دان مترجمی: محمد منیر بن محمد هادی
 شدبالت، بحارۃ میوند، ترجمه از انگلیسی مؤلف: سدنی ایچ شدبالت، مترجمش
 عبد الرحیم ارسلان کندکمر خریطه «د اردو مجله» شماره مخصوص
 جشن استقلال، اول سنبله ۱۳۳۷ ص ۶۰—۷۱
 عبد الحی جیبی، تاریخ افغانستان در عصر گورگانی هند، کابل ۱۳۴۱
 [1962] سلسله نشرات د تاریخ تولنه ۷۰
 عبد الرؤف ینوا، هوتکیها، کابل ۱۳۳۵

عتیق الله. معروف، غور و غوریها «آریانا» ۱۳۴۰

عزیز الدین فوفلزائی، تیمور شاه درّانی، کابل ۱۳۳۲

غزجستانی، ملوک کرت «آریانا» ۱۳۳۸

فرمان تاریخی احمد شاه درانی از آقای سید حسین شمشهانی «قرهنگ

ایران زمین» دفتر ۲ و ۳ جلد ۶ ص ۱۵۹-۱۶۳

گل پاچه الفت، د پښتو ژبی دوه لوی شاعران خوشحال خان خټک او

رحمان بابا

«Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. II, М., 1963,
стр. 251—253.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

- [Гетце и др.], Библиография Авганистана. Составили: В. Ф. Гетце, Б. П. Кареев и С. Д. Масловский. Под ред. С. Д. Масловского, СПб, 1908 (Общество востоковедения, 16. Сборник Средне-Азиатского отдела. Вып. 2).
- Межов В. И., *Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам*, т. I — III, СПб, 1891—1894.
- Пенкина З. Д., *1865—1885 Закаспийский край. Систематический сборник библиографических указаний книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах*, СПб, 1886 [Афганистан — стр. 96—105].
- «Современный Афганистан». Отв. редактор К. А. Дворянков, М., 1960 [Библиография — стр. 457—471].
- S. de Laugier de Beaurecueil, *Manuscripts de l'Afghanistan*, — «Extrait de Melanges de l'Institut Dominicain d'études orientales», du Caire, t. 3, 1956, pp. 75—205.
- C. Cahen et J. Sauvaget, *Introduction à l'histoire de l'orient musulman. Éléments de bibliographie. Éd. refondue et complétée par Cl. Cahen*, Paris, 1961.
- Lentz Wolfgang, *Sammlungen zur afghanischen Literatur- und Zeitgeschichte*, — ZDMG, Bd XCI, 1937, S. 711—732.
- *Massé Henri, *L'Académie afghane et ses publications. Appendice: La presse en Afghanistan*, — «Revue des Études Islamiques», vol. XIII, 1939, Cahier II., pp. 179—199.
- Mohammed Akram, *Bibliographie Analytique de l'Afghanistan. I. Ouvrages parus hors de l'Afghanistan*, Paris, 1947.
- Pearson J. D., *Index Islamicus 1906—1955. A catalogue of articles on Islamic subjects in periodicals and other collective publications, Compiled by J. D. Pearson. With the assistance of Julia F. Ashton*, Cambridge, [1958].
- Pearson, J. D., *Index Islamicus supplement 1956—1960. A catalogue of articles on Islamic subjects in periodicals and other collective publications. Compiled by J. D. Pearson*, Cambridge, 1962.
- Storey, C. A., *Persian literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I—II, London, 1927—1958.
- Vicaji Taraporevala and D. N. Marshall, *Mughal Bibliography*, Bombay, 1962.
- Wilber Donald N., *Annotated Bibliography of Afghanistan by Donald N. Wilber*, New Haven, 1956 (Behavior science Bibliographies. Human relations area files).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, СЕРИИ, СБОРНИКИ, НАЗВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ)

- АКАК — Акты Кавказской Археологической Комиссии
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ИИРГО — «Известия (Имп.) Русского географического общества», СПб.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР, М.
КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР.
МГУ — Московский Государственный университет.
МИВ — Московский Институт востоковедения.
МИТТ, I — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М. — Л.; 1939; т. II. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М. — Л., 1938.
МИТУСА — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад.
ООН — Отделение общественных наук.
МИУТТ — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской СССР», ч. I, вып. 3, Л., 1933.
ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
СА — «Советская археология», М.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
СВ — «Советское востоковедение», М. — Л., I—VI (1940—1949); М. (1956—1959).
СВН — Серия востоковедческих наук.
СВР — «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», (Каталог). Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I—V, Ташкент, 1952—1960.
СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издание Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.
ТИИАЭ — «Труды Института истории, археологии и этнографии».
ТИЭ — «Труды Института этнографии АН СССР».
ТИЯЛ — «Труды Института языка и литературы».
ТОРГО — Туркестанский отдел Имп. Русского Географического общества
УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М. — Л., М.
ЦГВИА — Центральный Государственный Военно-исторический архив, М.
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция.
- AO — «Acta Orientalia». Ediderunt Societates
orientales Batava, Danica, Norvegica
(Svecica), Leiden.
- BJ — Bibliothica Indica: a collection of
Oriental works, published by the Asiatic
Society of Bengal.
- BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Lon Universi-
ty of London».
- CHI — Cambridge history of India.
- EI² — «The Encyclopaedia of Islam». New ed vol. I,
Leiden — London, 1960.
- Hakluytus Posthumus — см. „Purchas“.
- HOr — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von
B. Spuler, Leiden.
- JA — «Journal asiatique», Paris.
- JASB — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
- JPHS — «Journal of the Pakistan historical society», Karachi.
- MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanis-
tan», Paris». — Le Caire.
- PÉLOV — Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes.
- «Purchas» — Hakluytus Posthumus or Purchas. His pilgrimes containing a
history of the world in sea voyages and lande travells bu Englishmen
and others by Samuel Purchas, B. D.— new ed., Glazgow.
- SPA — «Survey of Persian Art», London — New York.
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», Leipzig —
(Wiesbaden).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аббас I Сефевид 18, 25, 26, 472
 Аббас II Сефевид 18*, 19
 Аббас Кули-хан Шамлу 73
 Аббот А. (Abbot A.) 222
 Абд ар-Рашид см. Кайс
 Абдул Азиз 18
 Абдул Вадуд 359 *, 384*
 Абдул Вахид Сахиб см. Хаджи
 Абдул Вахид Сахиб
 Абдул Гани 346
 Абдул Гани-хан Алькозай 78, 81
 Абдул Гафур 232
 Абдул Гафур Лангари, мулла 256
 Абдул Гаффар-хан 358
 Абдул Кадир 47, 48, 472
 Абдул-Кадир Бадаони см. Бадаони
 Абдул Керим Бухари 86*, 145*, 436
 Абдул Куддус-хан 273, 381, 388
 Абдул Муктадир 427
 Абдул Халик Ихлас 303
 Абдул Халик Садозай 140
 Абдулла Ансари 34
 Абдулла Джан 240
 Абдулла-хан, беглербег Кандагара 70
 Абдулла-хан Ацакзай 208, 210
 Абдулла-хан Садозай 73, 75
 Абдулхай Хабиби 454
 Абдуррауф Бенава см. Бенава
 Абдурахман, гильзайский предводитель 202
 Абдурахман, поэт 68, 102, 472
 Абдурахман, эмир Афганистана 238, 239, 242*, 244*, 259—266, 271—290, 292—297, 299, 300, 304, 305, 307—311, 313—315, 318, 320, 321, 334, 341, 360, 361, 365, 374, 435, 437, 443, 460, 476, 477
 Абдуррашид 193
 Абдуссамад-хан 168 *
 Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Тажир 469
 Абу Билаль 469
 Абу Саид Абд ал-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардези см. Гардези
 Абу Саид Тимурид 471
 Авитабиле 174, 175*
 Ага Мухаммед-хан Каджар 143
 Агар-хан 54, 55
 Адалис А. 64*
 Адам-хан 362
 Азамир 48
 Азизуддин Попользан см. Попользан, Азизуддин
 Аймаль-хан 53, 54, 57, 472, 473
 Акбар, могольский падишах 18, 24, 40—45, 49, 430, 431, 472
 Акбар (Мухаммед Акбар-хан), сын Дост Мухаммеда 175, 191, 194, 195, 198, 200, 206, 211—217, 220, 221, 223
 Акораи 42, 49
 Ала ад-Дин Мухаммед II 470
 Ала ад-Дин Хусейн 470
 Алаи, Биби см. Биби Алаи
 Александр Македонский 422, 451, 467
 Александр II, царь 247
 Алексей Михайлович, царь 52, 431
 Али Кули-хан 85
 Али Мардан-хан 18
 Али Мухаммед ибн Аб Бекр Кан-

¹ Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках. Латинским алфавитом (в круглых скобках) в указателе имен даны фамилии авторов, цитируемых в «Истории Афганистана» сочинений на западноевропейских языках.

дахари, мулла 60
 Али Шах Термези см. Пир Баба
 Али-заде А. А. 453
 Алиханов 287
 Алишер Навои, см. Навои, Алишер
 Аллая-хан 76, 77
 Аллен А. (Allen A. N.) 217
 Алп-тегин 469
 Альтгейм Ф. (Altheim F.) 423 *
 Аманулла-хан 244*, 331, 347, 353,
 371—380, 387, 389, 392, 397,
 399, 401, 406, 407, 463, 477, 478
 Амин-хан 53
 Аминулла-хан Логари 208, 211,
 214, 215
 Амир Мухаммед-хан 164
 Амир-хан 57
 Амр ибн Лейс 469
 Анкетиль 213
 Ансари, Мирза-хан см. Мирза-
 хан Ансари
 Антиох I 468
 Антиох III 422, 468
 Аполлодор из Артемиды 423
 Аргуны, династия 9
 Арзани, мулла 61
 Аристов Н. А. 459
 Арриан 422
 д'Арси Тодд 182
 Арслан-бек 18 *
 Арслан-хан 139 *
 Артабан II 468
 Артамонов Л. К. 281
 Асад-хан 164
 Асадулла 73, 75
 Асламов М. Г. 37, 38*, 39*, 115*
 457
 Ата Мухаммед-хан 148, 149, 164
 Аткинсон Дж. (Atkinson J.) 201*
 Атчисон (Aitchison C. U.) 445
 Аурангзеб 19*, 51—59, 67, 69,
 166*, 431, 457
 Афганá 21, 22
 Афзаль-хан см. Мухаммед Афзаль-
 хан
 Афзаль-хан Хаттак 37, 38, 58, 59, 68
 Ахад Попользай, мулла 272, 273
 Ахдад (Ихдад) 37, 39, 45—47, 472
 Ахемениды 422, 451
 Ахмед, юсуфзайский малик 12
 Ахмед-хан Садозай 86—88, 473
 см. далее Ахмед-шах
 Ахмед-шах 73, 88—102, 104, 106,
 108, 118, 119, 136, 138—140, 142,
 148, 178, 432, 433, 435, 437,
 449*, 454, 473
 Ахмед Али Қоҳзад см. Қоҳзад
 Ахмед Али-хан 243
 Ахрамович Р. Т. 398 *

Ахунд Дарвеза Нинграхари 28, 29,
 31, 36, 37, 38*, 44, 60, 61, 429,
 430
 Ахундзаде Абдуррахим-хан Қақари
 272, 273
 Ашраф, гильзайский шах Ирана
 74—76, 473
 Ашраф, сын Хушхаль-хана 57, 58
 Аюб, сын Тимур-шаха 153, 154,
 163
 Аюб, сын Шер Али-хана 250, 264—
 269, 271—274
 Баба-хан 262
 Баба-хан Курд 77*
 Бабаходжаев М. А. 176*, 177*
 Бабур, Абу-л-Қасим 471
 Бабур, Захир ад-Дин Мухаммед
 7—17, 23, 24, 27, 36*, 301, 429,
 472
 Бадаони, Абдал-Қадир 37
 Бадар 31
 Бадша-хан 359*
 Балазури 424
 Бамизаи 88
 Бань Гу 423
 Барбье де Менар (Barbier de Mey-
 nagd) 456*
 Барт Ф. (Barth F.) 127*, 132*
 Бартольд В. В. 23*, 424, 453
 Бартон В. (Barton W.) 461
 Батан (Биган) 19, 20
 Батани, Ибрахим 430 *
 Баха ад-Дин Закария 34
 Бахадур-шах 58 см. Шах Алам
 Бахаку 52, 472
 Бахрам, сын Хушхаль-хана 57
 Бахрам Газневид 470
 Бачайи Сакао 407, 414
 Баязид Ансари 33—39, 60, 61, 68,
 429, 430, 472
 Бейхаки 425
 Бекетт Г. (Beckett H. B.) 123
 Беленицкий А. М. 453, 454
 Белью Г. (Bellew H. W.) 253, 447
 Беляев В. И. 430*
 Бенава, Абдуррауф 412, 457
 Бернс А. (Burnes A.) 176, 181—185,
 196, 204, 205*, 206, 208, 209,
 442, 444, 474
 Бертельс А. Е. 454
 Бертельс Е. Э. 454
 Бехар М. 425
 Биби Алаи 45—48
 Биби Мубарика 12, 13
 Биконсфильд см. Дизраэли
 Бирбаль, раджа 43
 Бируни 424
 Бисмарк 245

Бларамберг И. 182, 185
Болдырев А. Н. 454, 456*
Бондаревский Г. Л. 317*
Брайдон У. 214
Броун С. 248
Брюс Р. (Bruce R. I.) 461
Букинч Д. Д. 322—324, 326*,
335, 440, 441
Бурхан 21
Бэкер 256, 257
Бэрроуз 266—296, 271
Бэт 288

Вавилов Н. И. 301*, 321, 322,
324, 326*, 334, 335, 440, 441
Вагнер 353
Ваймер 206
Василий Даудов см. Даудов Васи-
лий
Васудева 468
Велиди А. З. 427*
Великие Моголы (Моголы) 7, 16—19,
25, 26, 30, 39, 41, 49, 57, 63, 68,
69, 86*, 92, 93*, 96, 431, 457,
460, 472
Вельяминов-Зернов В. 465
Виктория 86*
Вильгельм II 352, 353
Виткевич И. В. (Ян Виткевич)
172, 179—181, 183, 184, 474

Газан-хан 136, 160
Газневиды 455*, 469, 470
Гамильтон А. (Hamilton A.) 313, 329
Гамильтон Грант 397
Ганда Сингх (Canda Singh) 460*
Ганковский Ю. В. 79*, 141*, 433,
435*, 439, 458
Гардези 425
Гарди, Ибрахим см. Ибрахим Гар-
ди
Гафуров Б. Г. 452
Гекатей 422
Гентиг 353—355
Георгий XI (Гурген-хан) 70—73
Гермей 468
Геродот 29*, 422
Гиршман Р. (Ghirshman R.) 420,
452
Гиш 303
Гияс ад-Дин I Курт 471
Гияс ад-Дин II Пир Али Курт 471
Гияс ад-Дин Мухаммед Гурид 470
Гладстон В. 260, 264
Глейг 442
Гноли Г. (Gnoli G.) 23
Гоголь Н. В. 415
Голицын М. М. 85
Гордон (Гордон-Полонская) 458

Горчаков А. М. 245, 246
Горький А. М. 415
Грей Эд. 319
Григорьев В. В. 22, 192, 205, 207,
442*, 451, 459, 465, 466
Гринвуд (Greenwood) 217, 442
Гриффин Л. 260*
Губар Мир Гулам Мухаммед 459
Гулам Мухаммед-хан 347
Гулам Хайдар-хан 194*, 219, 225,
272, 297, 298, 300
Гулам Хайдар-хан Вардак 262,
263
Гулам Хайдар-хан Чархи 258
Гуль Джи 201
Гуль Мухаммед 201, 202
Гумбольдт 180*
Гургушт 19—21
Гуревич Н. М. 339, 458
Гуриды 470
Гюго В. 415

Давыдов А. Д. 457
Дад-хан 79*
Дайер М. 378, 387
Дальхузи 225
Данай 20
Даниял Аталык 201
Дара Шикох 19*
Дарвеза см. Ахунд Дарвеза Нинг-
рахари
Дарий I 422
Дария-хан 53, 57
Дармстетер Ж. (Darmesteteter J.)
101, 113*
Даттаджи Синдия 96
Даудов Василий 56, 432
Даулат-хан 14
Делавар-хан Исхакзай 141
Деметрий 468
Денни 203, 442
Джабар-хан 164
Джадунатх Саркар см. Саркар,
Джадунатх
Джалал ад-Дин, сын Баязида Анса-
ри 40—42, 45
Джалал ад-Дин, хорезмшах 470
Джамал ад-Дин Афгани 202, 434
Джами 454
Джасвант Сингх 52, 54
Джахан-хан 96
Джахангир, могольский падишах
16, 24, 47, 431
Джахангир-мирза, брат Бабура 8
Джеймс (James) 134*
Дженкинс 257
Дизраэли (Биконсфильд) 245, 259*,
260
Дин 306

- Дин Мухаммед (мулла Мушк-и Алам Андари) 256
 Динавери 424
 Диодор 422
 Диодот 468
 Днепровский Н. 337
 Дорн Б. А. 22, 430, 456
 Дост Мухаммед 147—149*, 151, 153, 154, 156, 163—164, 166, 168, 173, 175—177, 180, 185, 187, 191—196, 198—201, 203—206, 211—213, 216, 218—232, 235—237, 239, 255*, 308, 365, 438, 444, 474, 475
 Дурханый 362
 Дэн Л. 313, 314, 340
 Дюгамель 184
 Дюранд М. 295—297

 Евкратид 468
 Евтидем 468
 Егише 424
 Ефремов Ф. 438

 Жюль Верн 349

 Заин-хан 43, 44
 Засыпкин 276
 Зафар-хан 47
 Заходер Б. Н. 427*, 453
 Земан-хан 76*
 Земан-хан, баракзайский наваб 164
 Земан-шах (Садозай) 143—145, 422, 473
 Зенды, династия 143
 Зиновьев И. А. 240*, 259*, 317
 Зирак 25
 Зороастр 422
 Зу-н-Нун Аргун 8, 472
 Зульфикар-хан 76, 77

 Иббетсон 445
 Ибн ал-Асир 424
 Ибн ал-Факих 424
 Ибн Хаукаль 23*, 424
 Ибн Хордадбех 424*
 Ибрахим Батани см. Батани, Ибрахим Ибрахим Газневид 470
 Ибрахим Гарди 97
 Ибрахим Лоди 13—15
 Извольский А. П. 319
 Изз ад-Дин 470
 Иехуда 21
 Имра 303
 Инаятулла-хан 371, 372, 436*
 Иса-хан 228*
 Искандер Бернс см. Бернс А.
 Исмаил, наставник Баязида Ансари 34
 Исмаил ибн Ахмед Саманид 469
 Исмаил I Сефевид 9, 10, 472
 Исфараги см. Мирза Каландар Мушриф Исфараги
 Исфизари 30, 427*, 428, 456
 Исхак-хан 310, 476
 Ихдад см. Ахдад
 Ихлас см. Абдул Халик Ихлас

 Кабир-хан 201
 Кабули Мал 99
 Каваньяри Л. 249—251, 253, 254, 272, 476
 Каджары 143, 144, 146, 183
 Каджин 31
 Кадфиз I 468
 Казн Саад ад-Дин см. Саад ад-Дин, казн
 Казим-бей 352
 Кайду 471
 Кайс 20, 22
 Калинин М. И. 376
 Калужкин И. П. 79*
 Камбир Али 36
 Камран, сын Бабура 17, 24, 25
 Камран, сын Махмуда 151—154, 181*, 182, 197, 221, 474
 Кан 31
 Канд 20
 Канишка 468
 Карахан Л. М. 394
 Караханиды 469
 Каримдад 48
 Каррак Сингх 187*
 Карран (Карлан) 19, 21
 Каруэ О. (Саргое О.) 464
 Касим-хан, сподвижник Акбара Могола 41
 Касим-хан, правитель Дира 135, 136
 Квинт Курций Руф 422
 Кеннеди 442
 Керзон Д. 311, 313, 314
 Кидара 468
 Кин Дж. 189, 193, 195
 Кир 467
 Клэрак М. 80
 Ковалев Е. П. 321*, 324, 326*, 327, 339, 440
 Ковалевский М. М. 123*, 445*
 Козловский, князь 52, 431
 Колчак 391
 Комаров 287
 Конолли А. (Conolly A.) 442
 Конолли Эд. (Conolly Ed.) 114*
 Коссович К. 465*
 Коттон С. (Cotton S.) 189, 197*
 Кохзад, Ахмед Али 451, 454
 Кохендиль-хан 164, 166, 177, 180, 181, 183, 190, 221*, 226

- Крокер Г. Ф. 382
 Крусинский 80*, 441
 Ксеркс 422
 Ктесий Книдский 422
 Куропаткин А. Н. 351*
 Курты 456*, 464, 470, 471
 Кутб ад-Дин Айбек 470
 Кэй Дж. (Kaue) 195, 460
 Кэмпбелл 170*, 209

 Лазарь Парбский 424
 Лауренс Джон 225, 238
 Лейден Дж. (Leyden J.) 38*
 Ленин В. И. 288, 375—377, 391, 393, 394, 398, 400, 401, 478
 Лермонтов М. Ю. 415
 Лисовский 354*
 Литтон 246, 259*
 Лич 442
 Лоди, династия 13, 14, 17*, 430, 471
 Локхарт, генерал 296
 Локхарт Л. (Lockhart L.), историк 457
 Лорд П. 204, 205, 442
 Лоуренс Джордж (Lawrence G.) 175, 210, 443
 Лэмсен Г. (Lumsden H. B.) 133, 227
 Лэмсен П. 286, 287

 Майо 240
 Мак-Грегор (Mac Gregor) 215*, 253
 Маккензи Д. (Mackenzie D. N.) 60*, 464
 Мак-Кэскилл 217
 Макман Д. (Macmunn D.) 255
 Макниль 187
 Макнотен В. 186, 189, 190, 195—197, 202*, 204—206*, 208, 210—212
 Макферсон 257
 Малаля 270
 Малек-яр 26
 Мали, шейх см. Шейх Мали
 Малик Касем 151
 Маллесон Д. (Mалleson G.) 362, 462
 Ман Сингх 42, 43
 Манн Оскар (Mann Oskar) 432
 Мануччи Никколо (Manucci N.) 55, 56*
 Маркс К. 33, 123*, 129, 130, 135, 144, 246, 444, 449
 Масси 257
 Массон М. Е. 454
 Массон Ч. (Masson Ch.) 166, 442
 Масуд I 425, 469, 470
 Масуд III 470
 Масуд, сын Суюргатмыша 471
 Масуди 424
 Мато 20
 Маудуд 470
 Маулави Ахмед 361, 362*
 Махабат-хан 46, 53
 Махандра Пратап см. Пратап, Махандра
 Махмуд, Махмуд-шах (Садозай) 143, 145, 146, 148—155, 181*, 436, 473, 474
 Махмуд Афгани см. Махмуд Тарзи
 Махмуд Газневид 424, 469
 Махмуд, сын Мир Вайса 73, 74, 473
 Махмуд Тарзи (Махмуд Афгани) 347—350, 363, 392, 435, 477
 Махтум-Кули-хан 274, 284
 Менгу-хан 471
 Менандр 423
 Мехрдиль-хан 164, 177
 Миклухо-Маклай Н. Д. 80, 454
 Минаев И. П. 447
 Минорский В. Ф. 455*
 Минто 315, 317
 Мир Абдул Керим Бухари см. Абдул Керим Бухари
 Мир Абдулла 473
 Мир Ахмед-шах Ризвани см. Ризвани
 Мир Вайс 70—73, 79, 80, 102, 441, 457, 473
 Мир Майи 362, 363
 Мир Масджиди 210
 Мир Шахзаде Хасан 261, 262
 Мирза Каландар Мушриф Исфа-раги 95*
 Мирза Мухаммед 172
 Мирза Мухаммед Хаким 35, 42
 Мирза-хан Ансари 60*, 61
 Митридат II 468
 Михиракула 469
 Моголы см. Великие Моголы
 Молчанов А. А. 454
 Мольер 415
 Мони 303
 Монро Ч. 392
 Мор Томас 362*
 Моргенштерне Г. (Morgenstierne G.) 63
 Мохан Лал Кашмири 201*, 442
 Мохсин Фани 430
 Мубарика см. Биби Мубарика
 Мугинов А. М. 404*
 Мукаддаси 424
 Мукррам-хан 55
 Муким 8, 9
 Муктадир, Абдул см. Абдул Муктадир

- Мулла Повинда см. Повинда, мулла
- Мунши Ахмед-джан 362, 363
- Муркрофт 442
- Муса-хан Исхакзай 87
- Муса-хан, мехтар (гильзайский) 201
- Мухаббат-хан Попользай 87
- Мухаммед ал-Мунши ибн Ибрахим ал-Хусейни 432
- Мухаммед, пророк 22, 34
- Мухаммед Азам-хан 219, 237—239, 250
- Мухаммед Азим-хан 149—151, 153—155, 159—161, 163
- Мухаммед Акбар-хан см. Акбар, сын Дост Мухаммеда
- Мухаммед Акрам-хан 223
- Мухаммед Али 460
- Мухаммед Али Раунак 415
- Мухаммед Амин-бек, правитель Хульма 198
- Мухаммед Амин-хан 219, 473
- Мухаммед Афзаль-хан 191, 192, 194*, 198, 200, 219, 220, 223, 237, 238
- Мухаммед Вали-хан 377, 392, 394, 395, 400, 401, 478
- Мухаммед Дауд 413, 414
- Мухаммед Джан-хан Вардак 256—258
- Мухаммед Захир-шах 408
- Мухаммед Земан-хан 163*, 211, 214
- Мухаммед Исмаил 165*, 233*
- Мухаммед Казим 79*
- Мухаммед Надир-хан 270, 363—365, 379, 381, 383—389, 399, 477, 478
- Мухаммед Назим 455*
- Мухаммед Осман-хан 257
- Мухаммед Сиддики 427
- Мухаммед Тимур 204
- Мухаммед Хаким-хан 194*, 195*, 198, 199*, 200*, 201, 205*, 209, 438
- Мухаммед Хашим-хан 365 *
- Мухаммед Хаят-хан 31, 48, 49, 81*, 104, 241*, 253, 433, 434
- Мухаммед Хусейн 370, 372, 373
- Мухаммед Шафи 38*
- Мухаммед Шейбани 7—9, 472
- Мухаммед Шериф-хан 293*, 297, 299, 306
- Мухаммед Юсуф, премьер-министр Афганистана 414
- Мухаммед Юсуф-хан, отец Мухаммед Надир-шаха 364, 365
- Мухаммед Якуб-хан см. Якуб-хан
- Мухаммед-хан Афган 76*
- Мухаммед-хан Афшар 77*
- Мухаммед-хан Мерви 77
- Мухаммед-шах Каджар 181, 182, 474
- Мухаммед-шах Могол 82
- Мухаммедзан, род и династия 156, 347, 365
- Мухлис см. Али Мухаммед ибн Абу Бекр Кандахари
- Мушк-и Алам см. Дин Мухаммед
- Муызз ад-Дин Хусейн Курт 471
- Навои, Алишер 454
- Навуходоносор 21
- Надир-шах (Мухаммед Надир-шах) король Афганистана (1929—1933) 407, 408, ранее см. Мухаммед Надир-хан
- Надир-шах Афшар 75—87, 89, 92, 93, 95, 99, 118, 141*, 178, 438, 439, 473
- Наполеон I Бонапарт 144, 146, 147, 174, 448, 450, 474
- Нарайн А. (Narain A.) 451
- Нариманов Н. Н. 400
- Насир-и Хосров 454
- Насир-мирза 8, 9
- Насрулла-мирза 77*
- Насрулла-хан, бухарский эмир 198—200, 206, 211, 438
- Насрулла-хан, сын Абдурахмана 309, 312, 313*, 315, 316, 350, 351, 353, 354, 371, 372
- Насрулла-хан Нурзай 87
- Нейль 442
- Нек Мухаммед-хан 243
- Некрасов Н. А. 415
- Нидермайер О. (Niedermayer O.) 352—355
- Низам ал-Мульк, правитель Чит-рала 298
- Никколо Мануччи см. Мануччи
- Николай I 172
- Николай II 354
- Ниматулла 430
- Нотт Р. 215—217, 475
- Нур ад-Дин 40
- Нур Мухаммед-хан 86, 87
- Окленд Д. 172, 173, 474
- Омар, сын Баязида Ансари 34, 40
- Омар-хан, правитель Кокандского ханства 95*
- Омар-Шейх Тимурид 7
- Пайинда-хан 141, 143, 145, 365*
- Пайяв-хан 362
- Пальмерстон Г. 172*, 183*
- Панджтар 166

Панджу 47
 Патан см. Кайс
 Перовский В. А. 172, 180
 Пероз 468
 Петр I 75*, 245, 315
 Петров П. И. 82* 455*
 Петрушевский И. П. 426, 427, 453
 Пигулевская Н. В. 452
 Пир Баба (Сейид Али Шах Термези) 36, 165*
 Пир Мухаммед, внук Тимура 471
 Пир Мухаммед-хан (XVIII в.) 157, 164
 Пир Мухаммед-хан (XIX в.) 77*
 Пир-и рошан; Пир-и тарик см. Баязид Ансари
 Повинда, мулла 305
 Полибий 422
 Поллок 215, 216, 475
 Поляк А. А. 176*
 Помпей Трог 423
 Попользай, Азизуддин 460
 Поттингджер Э. 182, 212
 Пратап, Махандра 353, 354
 Приск Панийский 423
 Прокопий Кесарийский 423
 Птолемей Лаг 422
 Пурдиль-хан 154, 163, 164
 Пушкин А. С. 415
 Пхульра Сингх 161

Раверти Г. (Raverty H. G.) 50, 59*, 447, 448
 Ранджит Сингх 86*, 146, 147, 149, 150, 158—165, 167, 168*, 169—171, 173—175, 183, 185—187, 190, 474
 Рафаилов 148
 Рахимдад-хан Баракзай 141*
 Рахматулла 145*
 Райсдиль-хан 164, 177, 226, 237
 Рейснер И. М. 27*, 38*, 39*, 94*, 99*, 107, 108*, 110, 122*, 124*, 156, 329, 331, 458
 Рейснер Л. М. 399
 Риджвей В. 287, 290
 Риджвей Р. (Ridgway R. T.) 446
 Риза ибн Мухаммед Касим Мухаммед Риза 434
 Риза Кули-хан 83*
 Ризвани, Мир Ахмед-шах 361
 Рикс Э. М. 329, 352*, 393
 Риттер К. (Ritter K.) 451, 459, 465
 Риштия см. Сейид Касим Риштия
 Робертс Ф. (Roberts F.) 229*, 248, 252—254, 256—258, 263, 271, 272, 293—295, 476
 Робертсон 298
 Ромодин В. А. 436*

Роуз 445
 Роулинсон Г. (Rawlinson H.) 119*, 156, 436
 Рукья-бегум 151
 Рыбичка Э. 371*
 Саад ад-Дин, кази 272, 288, 290
 Сабир-шах 87
 Садашир Бхао 97
 Садо 25, 26, 472
 Садозай, Садозайская династия 25, 139, 140, 145, 154, 156, 163, 191, 244*, 435
 Садулла, факир 305, 306
 Сазонов 319
 Саид-хан 47
 Саид Мухаммед Могол 437*
 Сайкс П. (Sykes P.) 380, 451, 462—464
 Салех Мухаммед-хан 380—382
 Салих Мухаммед 363
 Са'либи 424
 Самани 424
 Самсам ад-Даула Шах Наваз-хан 438
 Санджар 470
 Сарбан 19, 20
 Саркар, Джадунатх (Sarkar, Jadunath) 56, 87, 94, 98, 457
 Сатьяпал 378
 Саул 21, 22
 Саффарида 469
 Себеос 424
 Себук-тегин 469
 Сейдал-хан Гильзай 77
 Сейид Али Шах Термези см. Пир Баба
 Сейид Алим 369
 Сейид Акбар-шах 165, 167
 Сейид Ахмед Барелви 165—167, 173, 233*
 Сейид Касем Риштия 166*, 175*, 205, 218, 219, 416, 459
 Сейид Мухаммед, сын Яр Мухаммеда 225*
 Сейид Мухаммед-хан, брат Фатх-хана 157, 164
 Сейид Хамид Бухари 40
 Сейф ад-Дин Мухаммед Гурид 470
 Сейфутдин Китчлу 378
 Селевк I 467, 468
 Сельджукиды 470
 Семенов А. А. 30*, 436, 440, 454
 Сефевиды 17—19, 25, 26, 69—74, 80, 92, 93*, 431, 457, 472
 Сефи I 18
 Сиддики, Мухаммед 427
 Сикандар Лоди 17*
 Симонич 180, 181, 183, 184

- Сирадж ад-Дин Ансари 34
 Скилак 422
 Соболев Л. Н. 459
 Соймонов 438
 Стааль 294
 Стил Р. (Steel R.) 27, 30, 431*
 Стоддарт Ч. 182
 Столетов Н. 246, 247, 439, 475
 Страбон 422
 Стюарт Д., генерал 248, 263
 Стюарт, дипломат 285
 Сулейман, мулла 34
 Сулейман, сын Ахмед-шаха 140
 Султан Али 153, 154
 Султан Ахмед-хан Баракзай 200*,
 227, 229, 235—237
 Султан Махмуд-хан 201
 Султан Мухаммед-хан, сын Пайин-
 да-хана 157, 159, 161, 164, 167,
 171, 365*
 Султан Мухаммед-хан Баракзай
 211
 Султан Мухаммед-хан Дурани, ис-
 торик 88, 433
 Сур, династия 430, 472
 Сурайя 347
 Сури, династия 469
 Суриц Я. З. 393—396, 402
 Сыма Цянь 423
 Сыроежин Никита 52
 Сэль, генерал 204, 206, 208, 214,
 215
 Сэйл Ф. (Sale, Lady F.) 442
 Сюань Цзан 423, 469

 Табари 424
 Тавернье 441
 Таги-хан 84
 Таджу-хан 279, 280
 Тан 31
 Таппер (Tupper C. L.) 445*, 447
 Тарзи, Махмуд (Махмуд-бек)
 см. Махмуд Тарзи
 Тарин 20
 Тарн В. (Tarn W.) 451
 Тахириды 469
 Тахмасп I Сефевид 17, 18, 472
 Тахмасп, сын Хусейна Сефевиды
 75, 77
 Тахмасп-хан из племени джалаир
 83
 Тейлор 235, 236
 Тимур (Тамерлан) 333*
 Тимур, сын Шуджи 193, 194, 196
 Тимур-шах, сын Ахмед-шаха 96,
 140—143, 152, 308, 432, 433*,
 460, 473
 Тимур-шах, наиб-салар 286
 Типу-султан 144, 146

 Толстой С. П. 112, 302*, 452
 Толстой Л. Н. 213, 415
 Томановский 351*
 Тор 37, 47
 Торамана 468
 Торборн С. (Thorburn S. S.) 125*,
 127*, 461
 Требек 442
 Тревер К. В. 451, 452
 Тэт Дж. (Tate G. P.) 419, 461
 Тушканов Василий 52

 Удни Р. 293*, 296, 300
 Уилли (Willy) 445
 Улуг-бек, сын Абу Саида 12, 471
 Ульянов В. И. 394 см. Ленин В. И.
 Умра-хан 293, 297—299
 Уорбартон Р. (Warburton R.) 292,
 443
 Устад Али 10
 Утби 424
 Утрам Дж. (Outram J.) 195, 202
 Уэйд К. 169, 191, 193, 194, 196

 Фа Сян 423
 Фавст Бузанд 424
 Файз Мухаммед Катиб 363, 437
 Файзулла, кази 143
 Фань Е 423
 Фарид 17* см. Шер-шах
 Фаридун 35
 Фаррухзад 470
 Фаст 175*
 Фатх Али-шах Каджар 152, 153*
 Фатх Джанг 215—217
 Фатх-хан Баракзай 145—153, 156,
 157, 474
 Фахр ад-Дин Курт 471
 Фахр Ахмед-хан 252
 Федор Алексеевич, царь 56, 432
 Феррье Ж. (Ferrier J.) 442, 461
 Фигвероа, Гарсиас де Сильва
 (Figueroa, Garcias de Silva)
 431*
 Фидан-хан 54, 55
 Филипп III 431*
 Финч В. (Finch W.) 46, 431*
 Фируз ад-Дин 147, 151, 152
 Форстер Дж. (Forster G.) 441
 Фотий 422
 Фофанова М. 64*
 Фраат II 468
 Фрэйзер-Титлер В. (Fraser-Tytler
 W.) 462
 Фрунзе М. В. 394

 Хабибулла см. Бачайи Сакао
 Хабибулла, сын Мухаммеда Азима
 163, 164

Хабибулла, Хабибулла-хан, эмир
 Афганистана (сын Абдуррахмана)
 308, 309, 311—316, 319—321,
 328—330, 333, 334, 336*, 338,
 339, 341, 342, 345—351, 353—
 355, 360, 361, 363, 365, 366,
 368—374, 436, 437*, 443, 450, 477
 Хабибулла-хан, брат Шер Али-ха-
 на 247
 Хаджи Абдул Вахид Сахиб 358
 Хаджи Джемаль-хан Баракзай 87
 Хаджи Турангзай 359
 Хаджи-хан Какари 190, 195
 Хайдар-хан 191
 Хаким Абдул-Фатех 43
 Халили Халилулла 350, 454
 Халфин Н. А. 205
 Хамза 40
 Хамид Бухари см. Сейид Хамид
 Бухари
 Ханна Г. (Hanna H. B.) 461
 Хантер (Hunter) 446*
 Ханыков Н. В. 229, 419*
 Хари Сингх 164, 165, 173—175
 Харлан Дж. (Harlan J.) 171, 442
 Харшбун 20
 Хасан 17*
 Хафиз Курт 471
 Хашим-хан, кунарский сейид 202
 Хаят-хан см. Мухаммед Хаят-хан
 Ходжа Исмаил см. Исмаил
 Холдич Т. (Holdich T. H.) 461
 Холькар 96
 Хотак-Баба 26
 Хрисанф 438
 Хулагуиды 471
 Хумаюн, сын Бабура 13, 17, 18,
 36*, 433
 Хумаюн, садоводский царевич 143
 Хусейн, гильзайский правитель
 Кандагара 75, 77, 79, 102
 Хусейн Байкара 7, 8, 471
 Хусейн Сефевид 70, 71, 74, 76
 Хусейн Али, историк 433
 Хусейн Али, посол Дост Мухамме-
 да 172
 Хусрау-шах 7, 8
 Хушхаль-хан Хаттак 13, 37, 48—
 51, 53—55, 57—59, 61—68, 472
 Хюгель К. (Hügel K.) 461

Чабров Г. Н. 172*
 Чалак, мулла 52
 Чандрагупта 467
 Чаттар Сингх 222
 Челмсфорд 374, 375, 380
 Чемберлен Н. (Chamberlain N.)
 230, 234, 235
 Чехов А. П. 415

Чжан Цянь 423
 Чингисхан 424, 463, 470
 Чинджо 48, 49
 Чичерин Г. В. 400

Шамс ад-Дин I Курт 464, 470, 471
 Шамс ад-Дин II Курт 471
 Шархбун 20
 Шах Алам 58, 59
 Шах Вали-хан, везирь Ахмед-ша-
 ха 100, 140, 141
 Шах Вали-хан, маршал 384, 389,
 460
 Шах Даула 389
 Шах-Джахан 18, 49, 52, 472
 Шах-Мансур 12
 Шах Махмуд-хан 365*, 385
 Шах Мурад 143
 Шах-бек Аргун 9
 Шах-бек, могольский правитель
 Кабула 46
 Шахамат Али 442
 Шахбаз-хан 49
 Шахпур 217
 Шахрух, внук Надира Афшара 99
 Шахрух Тимурид 471
 Шейх Мали 31, 32, 59*, 429*
 Шейх Омар см. Омар, сын Баязида
 Ансари
 Шелтон 210
 Шер-шах (Шер-хан) Сури 17, 18
 Шер Али-хан, эмир Афганистана
 219, 237—247, 249, 250, 255*,
 256, 274, 475
 Шер Али-хан Кандагари 265—267,
 272
 Шер Афзаль 298, 299
 Шер Сингх 187*
 Шердиль-хан 163, 164
 Шиваджи 96*
 Шики Хутуку-нойон 470
 Шихаб ад-Дин Мухаммед Гурид 470
 Шуджа ал-Мульк 146, 147, 149,
 150, 153, 169—172, 184, 186,
 188—197, 199, 201, 203—207, 209—
 211, 214—217, 219, 434, 443,
 474
 Шуджаат-хан 54
 Шэдболт С. (Shadbolt S. H.) 461
 Эдай D. (Adye D.) 461
 Эдвардс Г. (Edwardes H. B.) 122,
 225, 443
 Элджин 238
 Элленборо 215, 216
 Эльфинстон М. (Elphinstone M.)
 22, 88*, 89, 90*, 93*, 103, 109,
 124, 131—134, 146, 147, 448—450,
 464, 474

Эльфинстон У., генерал 210—213
Энгельс Ф. 33, 110

Юлий Цезарь 130

Юстин 423

Юсуф Африди 48

Яворский И. Л. 241*, 243, 246,
439

Якуб-хан, сын Шер Али-хана 237,

239, 246, 249—252, 254, 255*,
261, 476

Якуб ибн Лейс 469

Якуби 424

Якубовский А. Ю. 453, 454

Якут 424

Яр Мухаммед-хан, сын Пайинда-
хана 157, 164, 166

Яр Мухаммед-хан Алькозай 181*,
196, 197, 221, 225*

Яхья-хан 49

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- А-бу-цзянь 469
 Аби Истада, оз. 11
 Абдалийское княжество 69
 Агра 15, 46
 Азия 129, 130, 313*, 398, 411, 452, 467
 Азия Центральная 394
 Ак-тепе 286
 Акора 49
 Акча 224
 Акче 223
 Ал-Тимур 385
 Али Масджид 42, 53, 218, 256
 Алигарх 60*
 Алингар, р. 300*, 301
 Аллахданд 32
 Алтун-Джилау 262
 Амбала 240
 Амбельский проход 234
 Америка 313*, 377, 402
 Амритсар 99, 378
 Аму-Дарья левобережье 7, 100, 143, 195, 197, 198, 202, 221—223, 278, 283, 339, 439
 Аму-Дарья правобережье 469
 Аму-Дарья, р. 7, 17, 143, 200, 201, 246, 261, 262, 285, 295, 410, 470, 471
 Англия 135, 146, 173, 181, 183, 184, 186, 187, 197, 208, 220, 221*, 224—229, 232, 235, 236, 240, 243, 245—247, 250, 259, 260, 264, 275, 276*, 283—286, 288, 289, 292*, 293, 295, 300, 306, 313—320, 339—341, 343, 348, 351—353, 359*, 360*, 370, 374, 375, 379, 381, 389, 390, 392, 395, 396, 399, 402, 403, 450*, 461, 476
 Андхой 84, 100, 473
 Аравия 166
 Арахосия 467, 468
 Аргандаб, р. 78, 322, 324
 Аргандех, кишлак 194
 Аргестан 25
 Арея 467, 468
 Артемита 423
 Асмар 297, 304
 Астерабад 75
 Атток 24, 40—44, 48, 49, 52, 59, 82, 148—150, 165, 222, 474
 Ауд 96, 144
 Афганистан 7, 16, 22, 23, 26, 61, 73, 76, 83—85, 86*, 87, 90, 96, 98—101, 107, 119, 138, 140, 142, 144—149, 154—156, 158, 163, 168, 169, 171—173, 175, 176*, 178—192, 195—198, 201, 202, 205*, 206—209, 211—222, 224, 225, 227, 229—232, 235—252, 255—266, 268—285, 286*, 288—291, 293, 294*, 295, 297, 298, 300, 301, 304, 308—329, 331—361, 363—377, 379—382, 384, 386—416, 419, 421—424, 426, 428, 429*, 430—432, 435, 438—444, 446—456, 457*, 458—465, 467, 468, 473—478
 Афганистан Восточный 261
 Афганистан Северный 204, 261, 263, 322, 323, 330*, 336, 340, 420, 424, 425, 431, 457, 467
 Афганистан Центральный 326*
 Афганистан Юго-Восточный 261
 Афганистан Южный 271, 326*, 467
 Ахал-Текинский оазис 283
 Ахеменидская империя 451
 Ахча 475
 Ашрет 299
 Ашхабад 287
 Баг, пункт 382
 Баг-и Бабур, парк 15
 Багдад 352
 Багдадская железная дорога 316
 Бадахшан 13, 18, 19, 50, 100, 241, 261, 262, 264, 321—323, 326*, 340, 381, 431

Бадахшан, Афганский 261
 Бадгис 73, 77, 101, 279, 280, 334
 Баджаур 43, 44, 45*, 55, 136*,
 139*, 220, 235, 291, 293, 297*,
 299, 307, 473
 Баджаур, крепость 12
 Баджгах 203
 Базар, долина 42
 Байрам-Али 391
 Баку 75*
 Бактрия 422, 467, 468
 Бактры 420, 468
 Бала-Хисар, крепость 145, 163,
 164, 195, 196, 209, 210, 214—217,
 247, 250, 251, 253, 254, 258
 Балакот 167
 Балх 14, 18, 19, 50, 56, 83*, 84, 100,
 144, 223, 224, 228, 237, 322*,
 324, 419, 420, 431, 438, 469—471,
 473, 475
 Балхская область 18
 Бальджуанское бекство 328*
 Бамиан 7, 100, 176, 195, 197, 201,
 203, 323*, 426*, 470
 Бамианская долина 322
 Бамиана, район 455*
 Бангаш 10, 35, 96
 Бангаш (Курам), р. 11
 Бангаш, туман 11
 Бангашат 90
 Банну 10, 11, 23, 25, 27, 45*, 59,
 120, 166, 222, 253, 357, 362, 386,
 390, 433
 Банну, город 385
 Барá, р. 10, 27, 47, 106
 Баранду, р. 234
 Барелви 165
 Башгол, долина 298
 Башгул, р. 300, 302
 Беграм 419, 420, 462
 Беграм (Пешавар) 10
 Бела 11
 Белая, р. 391
 Белуджистан 90, 100, 190, 298*,
 320, 378, 383, 386, 394, 467
 Белуджистан Северный 11*
 Бельгия 403
 Бемару, холмы 210
 Бенгал 229*
 Бенгалия 15
 Биджапур 58
 Бихар 15, 17
 Ближний Восток 316, 317, 348, 403,
 424, 452
 Боланский проход 169, 248, 280
 Боланское ущелье 189
 Бомбей 188, 315, 359, 407*, 450
 Бразилия 393*

Британская империя 229, 292, 377,
 389, 395
 Британская Индия 184, 246, 264,
 275, 276, 291, 320, 340, 370, 477
 Бунер 24, 32, 36*, 43, 44, 58, 105,
 128, 132, 136*, 161, 233*, 234,
 292*, 294, 299, 306, 307, 359, 472
 Бурдж-и Вазир, крепость 163*
 Буст 78, 470
 Бухара 18, 56, 95*, 143, 145, 172,
 180*, 197—201, 203, 206, 210,
 263, 313*, 321, 340*, 351*, 394,
 431, 432, 438, 474
 Бухарское ханство (эмират) 143,
 199, 200, 223, 280*, 328*, 340
 Бушенг 469
 Бушир, порт 227
 Бхира 12
 Вазиристан 34, 296, 305, 356, 360,
 379, 384—386, 389, 390, 477
 Вану, крепость 386, 389, 476
 Вардак 214
 Вахан 295
 Великобритания 260, 318*
 Верхнее Сураи 58
 Верхний Сват 305, 306
 Волга, р. 391
 Газневидское государство 455*
 Газни 8, 11, 21, 23, 25, 28, 45, 82,
 89, 95, 105, 153, 154, 163, 164, 181,
 192—194, 201, 202, 204, 206, 216,
 219, 239, 253, 256, 257, 263, 266,
 321, 335, 421, 469—475
 Газни, крепость 191, 192, 214
 Газни, район 176, 239, 258, 263,
 322
 Газнийская область 25, 105, 256,
 264, 470
 Галлиполи 354
 Гамбург 316*, 340
 Ганга, долина 468
 Гандаб 384
 Гандамак 82, 208, 213, 249
 Гандхара 468
 Гардез 258, 385, 425
 Гвалиор 315
 Гвалиор, крепость 51
 Геок-Тепе, крепость 283
 Герат 9, 23*, 25, 30, 70, 72, 73, 75,
 76, 78, 81, 83—85, 100, 101, 104,
 140, 143, 144, 145*, 147, 151, 152,
 154—156, 169, 181—184, 186, 187,
 191, 196, 197, 221, 224, 225, 227—
 229, 235—239, 241, 242, 250,
 252, 259*, 264—266, 272—274,
 276*, 279—281, 285, 288, 321,
 352, 353, 381, 404, 411, 419, 427,

428, 431*, 438, 453, 454, 469—475
Гератская область 26, 73, 76—78,
151, 152, 274, 285, 328*, 335, 340,
428
Гератский оазис 438, 439
Гератское княжество (ханство) 147,
154, 155, 182, 235
Герирудская долина 337
Германия 316, 317, 350—355, 393*
Гилгит 291
Гильзайское княжество 69, 79
Гильменд, р. 105, 266—268
Гиндукуш 9, 19, 83, 100, 101, 197,
203, 241, 249, 256, 300, 323, 326,
328*, 339, 441, 467, 468
Гиришк 18, 72, 78, 145, 177, 190, 206,
266—268, 272, 472
Гиришка, район 475
Гоа 431*
Гомал, р. 11, 233
Гомал 386
Гомальский проход 280, 291, 296
Горбанд, р. 204
Греко-бактрийское царство 452, 468
Греко-Бактрия 422, 423, 451
Гробница Али Лала 153
Гуджарат 222
Гузган 23*
Гульнабад 473
Гульран 287
Гур 21, 22, 23*, 425, 426, 455, 456*,
469—471
Гуриан 73

Дагестан 84
Дакка, укрепление 382, 383, 390
Дакки, район 139
Дальний Восток 317
Даман 90, 106, 118
Данданакан 470
Дашт (Даман или Дераджат) 11
Дашт-и Кипчак 9
Даур, долина 45*
Дели 14, 15, 18, 49, 51, 54, 55, 82,
83, 96—98, 154, 165*, 166, 229*,
232, 470
Дера Гази-хан 159, 474
Дера Исмаил-хан 25, 121*, 159, 357,
474
Дербент 75*
Дерегез 75, 285
Дехра-Дун 364
Джабалъ ус-Сирадж 344
Джардилък, перевал 51, 55, 213,
472
Джалалабад 46, 82, 164, 168, 175*,
176, 177, 186, 195, 206, 208, 213—
217, 220, 249, 252, 259*, 321, 322,

344, 371, 372, 379, 382, 383, 386,
387, 407*, 475, 477
Джалалабад, район 156, 475
Джалалабадская долина 336
Джалалабадская крепость 208
Джалалабадский оазис 322
Джалландар 34
Джам (Джамруд) 10, 52, 54
Джамму 100
Джамна, р. 97
Джамны, долина 468
Джамруд, крепость 175, 474
Джандол, долина 297
Джейхун, р. 199
Диларам 73, 78
Дир 105, 135, 136, 139*, 155, 160,
235, 291, 294, 299, 300, 306, 307,
359, 384
Дир, княжество 136, 293, 297, 384*,
476
Доаб 24*, 158
Дрангиана 467, 468
Дуки 27
Дуки, район 11, 12
Дуранийская держава 88, 101, 139,
142, 143, 155

Европа 22, 131, 244, 280, 313*,
340, 348, 351*, 377, 402, 407*, 448
Европейская Россия 391
Египет 313*

Закавказье 75*, 391
Закаспий 391, 392
Закаспийская железная дорога 391
Закаспийская область 391
Заминдавар 9, 18, 24, 26, 73, 78,
271, 470, 472
Зульфагар 476
Зурмат 27, 168, 205*, 206, 219, 237,
239, 263
Зхоб 291, 476
Зхоба, долина 379, 388, 389

Идак, укрепление 385
Инд, р. 10—12, 14, 24, 30, 40, 41,
49, 52, 69, 82, 83, 95, 100, 105,
150, 158, 159, 165, 167, 169, 170,
188, 189, 233, 234, 379, 386, 422,
467, 470, 471
Инд, левобережье 105, 118, 165
Инд, правобережье 89, 100, 101, 104,
106, 108*, 159, 162, 165, 166, 173,
244, 291, 294*, 307
Индийские украинные места 52*
Индия 7, 9, 10, 12—14, 16—19, 24,
26, 27, 34, 41, 46, 48, 51, 52, 55,
56, 58, 60*, 62, 71*, 82, 83, 96, 98—
101, 106, 120, 122, 131, 132, 139*,

- 144—147, 151, 165—169, 172, 177, 178, 184—188, 204, 206, 208, 210, 212—217, 222, 224, 225, 228, 230—233, 235, 236, 238, 240, 241, 245, 246, 250, 251, 253—255, 258, 259, 264—266, 271, 272, 275, 277, 280, 282, 283, 289—291, 293—296, 298, 305, 311, 312, 313 *, 314—317, 319, 320, 322, 324, 326, 335, 336, 338, 339, 342, 351, 354, 356—358, 360, 364—366, 368, 369, 374, 377—380, 382, 389, 390, 393 *, 394, 396—398, 400, 426, 427, 430—432, 438, 439, 443, 445, 446, 448, 449, 450 *, 459, 460, 467, 469—472, 477
- Индия Британская см. Британская Индия
- Индия Северная 26, 90, 96, 97, 99, 100, 143, 197
- Индия Северо-западная 149, 230, 350, 356, 441, 444, 467, 477
- Индия, Северо-западная пограничная полоса 291, 443, 445, 446, 461, 465, 476, 478
- Индия, Северо-западная пограничная провинция см. Северо-Западная пограничная провинция Индии
- Индия Центральная 147, 166
- Индостан 30
- Иолотан 284, 285
- Ирак 347
- Иран 41, 51, 68, 69, 73—78, 79 *, 83 *, 143, 145 *, 146, 169, 171, 172, 177, 178, 181—185, 187, 190, 221, 224—228, 235, 236, 240, 241, 259 *, 274, 284, 285, 316, 317, 334, 339, 347, 352, 355 *, 391, 403, 425, 428 *, 431 *, 438, 440 *, 441, 452—454, 457, 469, 473, 477
- Иран Восточный 23
- Иса-хель, долина 45 *
- Истаиф 217
- Исфahan 21, 71—76, 78, 355, 473
- Исфизар 77, 471
- Италия 178
- Ихтияр ад-Дин, цитадель Герата 471
- Кабул 7—12, 15—17, 21, 23 *, 24, 35, 40—42, 46, 48, 51, 53, 54, 57, 58, 68, 82—84, 89, 92, 95, 100, 101, 119, 139 *, 140, 141, 143, 145, 148, 150, 152—155, 159, 161, 163, 164, 166, 168, 170, 171, 173, 176, 177, 181—184, 188, 191—197, 199 *, 201, 203—205, 207—212, 214, 216—218, 220, 223, 228—230, 237—239, 241—244, 246—259, 260 *, 262—264, 269, 271, 272, 274, 275, 277—279, 291, 292, 294—296, 298, 299, 305, 308, 309, 312—314, 316 *, 318, 320, 321, 324, 333 *, 335—337, 343, 344, 346, 349, 351, 353, 359, 360, 363, 371—377, 379, 381—383, 385, 388, 393, 396, 399, 401, 402, 404, 407—412, 414, 420, 427 *, 431 *, 437, 438, 442, 459, 469, 471—478
- Кабул, р. (Кабул-Дарья) 10, 49 *, 160, 161, 321, 322, 467
- Кабула, р. бассейн 467
- Кабула, р. долина 467, 469
- Кабулистан 22, 176, 177, 207, 322 *, 419, 465
- Кабульская область, район Кабула 16, 156, 328 *, 329, 470
- Кабульский вилайет 15
- Кабульский Кохистан 148 *, 164, 191, 206
- Кабульский университет 414
- Кабульское владение, Кабульское княжество 10, 155, 168—171, 173, 176, 218
- Кайту, р. 385
- Кала-йи Азим, крепость 170, 474
- Калабаг 49
- Калаи-Ноу 327
- Калькутта 165, 215, 426, 464
- Камдеш, сел. 302
- Кангра 50
- Кандагар 8—10, 17—19, 21, 24—27, 30 *, 69—73, 75, 77—84, 86, 87, 93, 100, 101, 102, 104, 105, 119, 140, 141, 143, 145, 151—156, 158, 163, 164, 166, 169, 170, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 188—191, 194, 197, 201, 202, 208, 214—216, 218, 221, 224, 226—229, 236—239, 241, 242, 246, 248, 249, 251, 259, 263—274, 279, 321, 322, 324, 335—337, 342, 343, 359, 361, 390, 407, 411, 431, 436, 438, 439, 465, 469, 471—475
- Кандагарская область 8, 18, 25—27, 30, 35, 53, 71, 72, 74, 80, 81, 83, 104, 105, 118, 140, 153, 202, 226, 242, 260 *, 265, 267, 271—273, 277, 279, 326, 334, 335, 436, 437
- Кандагарская река 279
- Кандагарские горы 30
- Кандагарский вилайет 30, 80
- Кандагарский оазис 322, 324, 326
- Кандагарское владение, Кандагарское княжество 80, 81, 155, 157, 173, 176, 177, 179, 441
- Канджпура, крепость 97
- Канигурем 34, 35

Кара-Камар, пещера 467
Кара-Теде 288
Каракар, перевал 43
Караппа, перевал 44
Карачи 189
Каспия, побережье 75 *
Каттаваз 23, 28, 219
Каттаган 201, 223, 262
Каттаганская провинция 328
Кафиристан (ныне Нуристан) 274 *,
300, 301, 304, 476
Кашмир 42, 52, 82, 96, 100, 142,
148—151, 153, 154 *, 159, 169,
173, 186, 233, 262 *, 298, 394,
461, 474
Кашмирская долина 150
Кветта 9, 189, 246, 248, 277, 291,
298 *, 324 *, 359, 476
Келат 8
Калати-Гильзаи 78, 192, 266, 475
Калати-Гильзаи, район 26, 206
Керки 340
Керки, район 342
Керман 70, 78
Керманшах 352, 355
Кили-Гхул-Мухаммед 467
Киргизская (Казахская) степь 180 *
Китаб 201
Китаб, вилайет 201
Китай 197 *, 227, 471
Кокандское ханство 95 *
Кокча, р. 262
Константинополь 317
Кохат 10, 24, 27, 46, 47, 157, 231,
237, 248, 357
Кохатский район 10, 59, 106, 167
Кохи-Асман, высота 257
Кохи-Фируза 21
Кохистан 164, 168, 194, 203—205,
209, 217, 219, 233, 243, 255—257,
301 *, 407
Кремль (Московский) 400
Куляб 261, 262
Кулябское бекство 328 *
Кунар 139 *
Кунар, р. 300, 322, 467
Кунарская долина 322
Кунарское владение 139 *
Кунарское ущелье 202
Кундуз 7, 8, 100, 241, 263, 321, 340,
473, 475
Кундуз, р. 322
Курам 219, 237, 250, 251, 259 *, 264,
265 *
Курам, р. 11, 105, 385
Курам[ская] долина 294, 476
Курган-Тюбинское бекство 328 *
Куртское государство 456
Кусувийе 73

Кух-и михтар Сулейман (Тахт-и
Сулейман), гора 11
Кухсан 152
Кучан 99
Кушанская империя, Кушанское
царство 423, 452, 468
Куши, сел. 252
Кушка 276 *, 342, 391
Кушка, р. 287
Кушки-Нахуд 267
Кушкисканская железнодорожная
ветка 276 *

Лагман 164, 304
Лальпура 139 *, 155, 156
Ламган, район 177
Ландаи, р. 49, 50, 58
Ланди-Котал, укрепление 382
Лахор 13, 46, 48, 95, 96, 99, 164, 186,
222, 433, 470
Лашкар-и Базар 420
Ловагар 47
Логар 34, 105, 119, 164, 176, 219,
256, 257
Лодиана 151, 169
Лондон 215, 281 *, 293, 448
Лоралан 11 *

Мавераннахр 7, 9, 18, 463, 471
Мазандаран 75, 79
Мазар Пир-Кан 11
Мазари-Шариф 223, 241, 249, 322 *,
324
Мазари-Шарифская область 340 *
Майванд, сел. 267—271, 476
Майвандская улица (в Кабуле)
270

Майдан 105, 106, 258
Майсур 144
Макин, форт 399
Малаканд 305, 306
Малаканд, форт 307
Малакандский перевал 43, 299
Маландран, перевал 44
Малька, сел. 234, 235
Мангаль Тана 233
Манупур 95
Марват 25
Маргиана 467, 468
Мардан 358
Мардан, форт 232
Маруф 177, 192, 201, 474
Мастура, долина 46
Матун 385
Махабан 234
Махабанские горы 233, 234
Меймене 23 *, 100, 241, 286, 473
Мекка 71, 207
Мекран 469

Мерв 9, 274, 284, 285, 392
Мервский вилайет 284
Мервский оазис 284
Мервский район 284
Месопотамия 354
Мешхед 76, 99, 152, 153 *, 285, 473
Минарет Джам 420
Мингаора 306
Мирут 232
Мити, долина 297
Михмандуст (Михмандост), р. 76
Мичинский проход 250, 264
Могила Бабура 15
Моголистан 7
Момандские горы 53, 54
Мора, перевал 13
Москва 342, 376, 377, 392, 393, 396,
400, 401, 403, 428 *, 478
Музаффарабад 142
Мультиан 15, 73, 96, 142, 149, 150,
159, 169, 186, 222, 469
Мукур 23, 24, 176
Мундигах 467
Мургаб 9, 73, 96, 279, 280, 286, 471
Мургаб, р. 279
Мургаба, долина 287
Мухаммед Пих (?), перевал 10
Наваган 139 *
Нагар 48, 291
Нади-Али 153, 467
Улица Надира (в Кабуле) 270
Надирабад 78, 79, 81, 86
Нара 165
Наушера (Наушахр) 42, 49, 160,
161, 163—166, 232, 473, 474
Нингнахар (Нинграхар) 8
Нинграхар 36, 54, 55, 472
Нинграхарская область 35
Нишاپур 81, 100, 181
Норвегия 393 *
Нур 327
Нуристан 274 *, 300, 302—304, 330
Нью-Йорк 409
Нью-Чаман 324 *, 359

Оба 77
Оренбург 172, 180, 394, 396
Оренбургская губерния 180 *
Оренбургская область 172
Орск 180 *
Османская империя 349
Ош 463

Пагман 399
Пайварский перевал 248
Пакистан 83, 358, 460, 465
Пакхли, долина 52
Памир 83, 276, 295, 298, 301 *, 439,
476

Панджтер 100, 304
Панипат 14, 48, 473
Парван 176, 204, 205 *, 470, 475
Париж 227, 403
Парфия 423
Пенде 286, 288
Пенджаб 14, 34, 41, 86, 95, 96, 99,
123, 132 *, 142, 144, 149, 150, 158,
169, 185, 187, 222, 224, 229 *,
230—232, 291, 305, 357, 378, 379,
384, 443, 445—447, 460, 475
Пенджаб Центральный 13
Пендинский оазис 284—289
Персидский залив 316 *
Персия 52, 144, 180, 181, 199, 238,
431, 457
Петербург 172, 180, 184 *, 249, 259,
261, 318
Пешавар 10, 24, 25, 35, 41—43,
46—49, 51—55, 60 *, 67, 69, 82,
89, 94, 95, 100, 101, 111, 142 *,
145, 146, 150, 153—155, 157—171,
173—175, 182, 183, 185, 186, 191,
193, 202, 204, 214, 215, 221, 222,
225, 226, 228, 232, 244, 243, 286,
299, 311, 320, 321, 357, 358, 361,
365, 379, 381, 382, 435, 438, 448,
450, 472—475, 477
Пешавара, район 469
Пешаварская долина 10, 24, 25, 32,
43, 52, 58, 105, 114 *, 157, 167,
173, 174 *, 175, 233, 307, 384
Пешаварская дорога 49, 52, 59
Пешаварская область 12, 24, 29, 35,
36, 40, 42, 44, 49, 53, 55, 69, 131,
133, 134, 164, 167, 173, 174, 222,
223, 232, 291, 361, 441, 448, 450
Пешаварский округ 113 *, 231, 307,
359
Пешаварское княжество 155, 157,
159
Пир-Кан, мазар см. Мазар Пир-Кан
Пир-Касри, горы 242
Пишин 242, 250, 264, 265 *, 291,
476
Поволжье 403
Польша 180 *
Припамирье 283, 301 *
Пул-и Хишти, мост см. Таш-
Кепри
Пуна 97
Пушт-и Кух 90
Пяндж, р. 410
Пянджкора 24, 32, 132, 135, 300,
307, 472
Пянджкора, р. 136, 155, 300
Равалпинди 42, 54, 238, 381, 395—
399, 478

Раджастан 468
Рамгул, р. 300
Решт 75 *, 85
Российская империя 289
Российская республика 376 см. также Советская Россия, РСФСР
Россия 75, 148, 169, 171, 172, 177, 180, 181, 183—185, 225, 229, 241, 243 *, 244—247, 261, 264, 274, 276, 279—281, 283—290, 295, 300 *, 313, 315, 317—320, 321 *, 324, 326, 334, 338—343, 348, 349, 351—355, 367, 370, 390, 391, 394, 401, 402, 438—440, 447
РСФСР 375, 393, 394, 402—404, 477, 478
Рустак, округа 262
Сад (парк) Баг-и Бабур (в Кабуле) 15
Сад Баг-и Шахи (в Герате) 152
Сайган 203
Сайд-кала 467
Сайиду, сел. 233 *
Сакастан 468
Саланг 323
Самарканд 7—9, 18 *, 34, 239 *, 287, 308 *
Сампага, перевал 46, 47, 472
Сар-и Пуль 223
Сатледж, р. 13
Сафид, укрепление 385
Сафед-Кох, горы 105
Сват 12, 23, 24, 36, 38, 43, 44, 45 *, 52, 58, 59 *, 105, 123 *, 127 *, 128, 132, 137, 161, 232, 233, 291, 292 *, 294, 297, 305, 306, 356, 359, 362, 384, 472
Сват, княжество 384 *
Сват, р. 49, 105, 359 *
Сват, страна 31, 32
Сват Верхний 305, 306
Сват Нижний 117, 292 *, 307
Свата, долина 23, 43, 62
Северо-западная пограничная провинция Индии 298 *, 357, 358, 378, 397, 477
Серахс 285
Сиби 250, 264, 265, 291, 476
Сибирь 398
Сиджистан (Систан) 468
Симла 187, 251, 252
Синд 35, 83, 90, 100, 164, 186, 189, 221, 468, 473
Сирия 347, 349
Сирхинд 95, 97, 99, 473
Систан 78, 84, 99, 145 *, 180, 242, 322 *, 420, 424, 467, 469, 471, 473
Систан Афганский 441

Ситана 233, 234
Ситана, крепость 165, 167
Советская Россия, Советская республика, Советское государство 368, 369, 375—377, 390—392, 394, 398—401, 403, 404
Советский Союз, Советское государство 393 *, 403—410, 414
Советский Туркестан 369, 377, 398
Спарта 114 *
Спинбулдак 388
Спинвам 385
Средний Восток 144, 184, 224, 236, 239, 245, 283, 313, 316, 317, 348, 355, 403, 424, 426, 440 *, 441, 442, 453
Средняя Азия 7, 9, 13, 16, 18, 19, 41, 51, 52 *, 56, 83 *, 95 *, 106, 112, 113, 169, 172, 177, 181, 182, 184, 197, 205 *, 209, 225, 239 *, 241, 245, 246, 261, 280, 283, 288, 289, 291, 301, 318 *, 321, 323, 327, 334, 336, 338, 340, 351 *, 369, 403, 407, 438, 440, 452—454, 468
СССР 427 *, 435 *
Сулеймановы горы 11, 21, 100, 104, 105, 469, 471
Сурхель, горы 105
Сурх-Котал 421, 423
США 344, 409, 450
Таджикистан 64 *, 420
Тал 10, 270, 386
Тал, населенный пункт 387, 478
Тал, форт 385, 387
Талькан 7, 263, 431
Тан, сел. 306
Танг-и Азао 23 *
Танги, сел. 361
Танк 25
Тахт-и Сулейман (Кух-и михтар Сулейман) 11
Тахта-базар 281
Таш-Кепри 287, 289, 476
Таш-Курган (Хульм) 223
Таш-Кургана район 467
Ташкент 102 *, 261, 331 *, 354, 376, 392, 394—396, 436, 439 *, 478
Тегерац 180, 181, 228, 259
Терин 105
Термез 36 *, 376
Тибет 317, 394, 450, 477
Тирах 35, 36, 40, 42, 46, 47, 52, 55, 106, 231, 305
Торбела 40
Тохаристан 468—470
Тохи, р. 233, 385
Тохи, долина 35
Тохи, район 359
Тохи Верхний 386

- Точи Нижняя, долина 386
 Троя 22
 Туркестан 30 *, 259, 351, 371, 376, 392, 394, 402, 424
 Туркестан Афганский 217, 223, 237, 238, 241 *, 249, 256, 259 *, 261, 262, 265, 274 *, 310, 328 *, 330, 476
 Туркестан Малый 223
 Туркестан Русский 355
 Туркестанская Советская Республика, Туркестанская республика, Советский Туркестан 368, 369, 377, 391, 392, 398
 Туркестанский край 351 *
 Туркменская ССР 452
 Турция 75, 84, 187, 255, 317 *, 350—352, 355, 393 *, 403
 Тюбинген 60
 Узбекистан 420
 Узбекская ССР 351 *, 453
 Ура-Тюбе 261
 Урал 394
 Ургун 385
 Утманзаи, сел. 358 *
 Файзабад 261, 262, 322
 Фарах 72, 73, 76, 78, 266, 321, 381, 404
 Фарс 76
 Фергана 7
 Ферганская область 261
 Ферганский удел 7
 Ферганское владение 7
 Фирузкух 426 *, 456 *
 Фирузпур 188, 189
 Франция 144, 146, 1 4, 229 *, 392, 393 *, 403, 419
 ФРГ 60
 Фундукистан 420
 Хабушан 85, 86
 Хадда 420, 463
 Хазара 222, 233
 Хазара, область, округ 123 *, 165, 167, 222, 357
 Хазараджат 78, 278, 327, 335, 407, 473, 476
 Хазроу 150
 Хайбарский проход 10, 35, 41, 42, 53, 106, 139, 157, 171, 175, 176, 191, 193, 194, 202, 208, 215, 230, 231, 248, 250, 264, 280, 305, 381—384, 386, 389, 399, 472
 Хайбарский район 202, 215, 383, 474
 Хайбарского прохода район 11, 23, 52, 106, 194, 294
 Хайбарское ущелье 12, 41—43, 47, 53, 82, 106, 248, 473
 Хайр-Хане 420
 Хамадан 355 *
 Хамар 470
 Ханабад 322
 Хангу 10, 23, 157
 Харипур 165
 Харнавал, долина 384 *
 Хасан Абдал 54
 Хаттакское княжество 48, 49, 50, 58, 472
 Хаштнагар 23, 27, 35, 40, 158
 Хезареджит (Хазараджат) 83
 Хива 56, 145 *, 284, 394
 Хивинское ханство 280 *
 Хисар 8
 Ходжа-Салех 476
 Ходжент 261
 Хорасан 7, 9, 16, 17, 75—78, 81, 85, 90, 99, 106, 143, 424, 425, 428, 453, 454, 469, 470, 472
 Хорасан Восточный 427, 453
 Хост 237, 248, 258, 259 *, 326 *, 334, 359, 379, 385, 387, 389, 390, 407, 441
 Хост, область 106
 Хульм 195, 198—201, 203, 223
 Хунза 291
 Центральная Азия 394
 Цитадель Герата см. Ихтияр ад-Дин
 Цюрих 407 *
 Чаар-вилает см. Чар-вилает
 Чакдара 43, 299
 Чакдара, форт 306, 307, 359
 Чамла, долина 234
 Чар Асийа, высоты 252, 253, 256
 Чар-вилает 241, 321, 477
 Чарикар 82, 204, 214, 217, 324
 Чарикарский район 329, 336
 Чарх 258
 Чатта-базар 241
 Чахар-вилает 328
 Челкар, станция 395, 396
 Чехель-Духтаран 288
 Чехословакия 410
 Читрал 105, 262, 291, 297—300, 304, 476
 Чора 36
 Чушка-Гузар 342
 Шабкадар 54
 Шал (Кветта) 9
 Шахджеханпур 213
 Шахрисябз 201, 261
 Шахрисябзский вилайет 438
 Шейх-Тапур 31
 Шерабад 244
 Шердарваза, хр. 15

Шерпур 196, 254 *, 258, 476
Шерпурский лагерь 196, 210, 211
Шибирган 100, 223, 431
Шикарпур 90, 95, 153, 169, 186,
189
Шир-Сурх 87
Ширван 99
Шор-базар 241
Шотарак 420
Шумер 463
Шутур-Гарданский перевал 248,
252

Ындийская земля 56

Энзели 75 *

Эрзерум 355

Южная область 385, 399

Яицкий городок 432

Яркенд 355

Яхудан (Яхудийя) 23 *

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абба-хель** 126
абдали 20, 24, 25, 28, 45 *, 69, 70, 73, 75, 76, 78, 81, 86 *, 87—89, 104, 117, 438, 458
абдалийские племена 24, 26, 73, 77, 81, 85, 86, 88, 473
авганы (авган) 30, 56
авганы 30
адам-хель 106
адганские (авганские) люди 52*
адинзаи 384*
ака-хель 106, 326
акозаи 31, 40, 105, 233 *
алькозаи 25, 71
али-хель 263
ализаи 87 *
андари 256, 263
арабы 459
асии 468
афган-шали 27
афганцы, афганские племена 7, 8, 10—13, 18—43, 45, 46, 48, 51—61, 68—72, 74—76, 80, 82—84, 86, 89, 92, 94—96, 98—104, 106—111, 113—118, 120—123, 124 *, 128—132, 134, 137—139, 141, 142, 144, 149 *, 152, 156, 161, 165—168, 205 *, 209, 230—234, 237, 241, 242, 255, 275, 278—280, 290—293, 300, 304, 305, 307, 312, 324, 326, 327, 333, 336, 382, 384—388, 390, 395—397, 399—402, 404, 405, 415, 416, 421, 425, 428—435, 437, 438, 441, 443, 445—450, 456—462, 464, 465, 469, 471—474, 476, 477 см. также патаны, пуштуны
афганцы Северо-западной Индии 291, 292, 294, 296, 312, 357—360, 379
африди, афридии 20, 23, 24, 27, 35, 40, 42, 46, 47, 51, 53, 54, 57, 94, 106, 115, 117, 118, 138, 157, 159, 292 *, 294, 305, 312, 383, 386, 389, 443, 472
афшар, афшары 75
ахмедзаи, гильзайское племя 105, 334
ахмедзаи, ветвь вазиров 105, 106
ацакзаи (ачакзаи) 25, 104 *, 326
ашкуны 301
бабар 241
баби 242
бабузаи 174 *
бабури 71, 106
бамизаи 88
бангаш, бангаши 20, 23, 35, 37, 46—48, 55, 61
баннучи, баннуджи 20, 23, 118, 120—122, 433
баракзаи 25, 87, 104, 146, 147, 153, 178, 333
бараки см. ормур
барец 20, 35
бахтиары 78, 79
белуджи 36, 81, 100
битаны, битани (батани) 19, 106
вазиры 11, 20, 21 *, 105, 106, 116—118, 121 *, 137, 138, 256, 263, 292 *, 294, 296, 305, 386, 387, 433, 476
вайгели 301
вардак 256
гагиани (гигиани) 20, 24, 35, 47
гандапур (гандапуры) 25, 106
германцы, древние 130
гильджи (гильзаи) 20, 23
гильзаи 19, 23, 25—28, 54, 55, 70—74, 76—82, 85, 87 *, 89, 90, 103, 105, 111, 112, 117, 119, 124, 192, 201, 202, 205 *, 208, 218, 220, 223, 237, 252, 310, 312, 326, 327, 433, 438, 457, 458, 473—476
гильзайские племена 25, 26, 79, 82, 84, 105, 119, 192, 206
гория-хель

грузины 78
гургушти 19
гурцы, племена Гура 425, 426, 455 *

дарвеш-хель см. утманзаи (дарвеш-хель)

даудзаи 20, 35, 55
даулат-хель 25
даулатзаи 46, 47
дауры 20, 21*, 35, 106, 386
джалаир 83
джемшиды 327, 334
дзадзи (джаджи) 20, 47, 90, 106
дзадран (джадран) 20, 106, 256, 359
дилазаки 11—13, 20, 23, 24, 29
дурани 88, 103—105, 107, 108, 111, 116, 118, 119, 144, 178, 179, 220, 223, 237, 241, 242, 312, 326, 433, 436

дуранийские племена 88, 105, 202

евреи 21, 22, 23

займухт 256

зака-хель 106

зирак 25, 103

израильтяне Гура 22

ильясзаи 31, 105

индийцы 18, 30, 100, 177

индийские племена и народности 29, 104

индоиранцы 468

индусы 132

иранские племена и народности 29, 83, 104

иса-хель

исазаи 31, 105

исмаилзаи 105

исхакзаи 279

кабули (кабульцы) 31

кайсар-хель 105

какары 20, 27, 71, 72, 81, 89 *, 106, 125, 241, 327

камар 106

камбар 106

каррани, карларни (карларнийская ветвь) 20, 24

каси 27

касуриа-патаны 13

кати (катор) 301, 302

кафиры долины Башгол 298

кафиры (нуристанцы) 300, 301, 302, 303

кафирские племена 301

кенегес 201

киви 23

куки 106

курды 78

курдские племена Хабушана 85

ламгани 32

лоди 17, 20, 33, 47

мадда-хель 305

мализаи 31, 105

мангал 20, 106, 334, 359, 385

манданы 52, 105, 131

маратхи 56, 96, 97, 98, 99 *

марваты 25, 106, 118, 121—123, 125—127; 129, 130, 433

масуды 105, 106, 233, 296, 305, 360, 386

мати 19, 20

мийана 20

мина-хель 126, 127

миян-хель 25, 106

моманды 20, 23—25, 27, 35, 40, 42, 53, 55, 89 *, 94, 106, 139, 157, 294 *, 296, 297, 304, 305, 359, 382, 472

моманды горные 47, 101, 384

моманды равнинные 106, 384 *

мухаммедзаи [пешаварские] 13, 20, 23, 40, 47, 94

мухаммедзаи, род браксаев 147, 154, 156

насыр 71

некпи-хель 124, 233 *

нинграхари (нинграхарцы) 31

нияззаи 25, 178

нурзаи 71, 105, 326

нуристанцы (жители Нуристана) 302, 303, 304

оракзаи 20, 35, 38, 46, 47, 94, 106, 293 *, 294, 305, 384, 386

ормур (бараки) 33

пайинда-хель 137 *

панджпао 103

пани (парни) 20, 45 *

парун см. прасун

парфяне 468

пасианы 468

патаны 39, 55, 56 *, 446, 464, 465 см. также афганцы

патанские горцы 46

пахтуны 37

персы 73

попользаи 25, 88

потаны (патаны) 30

пранги 25

прасун (парун) 301

пухтуны 30 *

пуштунские племена 384

разар 105

ранизаи 105

рохилы 97

Садозаи 25, 73, 88
сакараваки (сакараулы, сарауки) 468
саки 468
сакские племена 468
сам-ранизаи 299
сарбани 20
сарауки см. сакараваки
сарыки 285
сарыки полотанские 285, 287
сафи 35, 52, 53, 82, 90
сафид-пуши см. спин-кафиры
сватцы (-юсуфзаи Свата) 234
сикандар-хель 126
сиях-пуши см. тор-кафиры
спин-кафиры (сафид-пуши) 301
спин-тарины 20
сулейман-хель 25, 105, 120, 256, 263, 312, 326
султанзаи 108
сур 17
сури (сур) 25

таджики 80, 81, 92, 100, 104, 105, 111 *, 112 *, 118, 178, 197, 198, 209, 242, 256, 324, 327, 328 *, 454
горцы-таджики 148 *, 335, 336
таджики Кокхистана 204, 209, 255, 407
таджики горные 301 *
таймени 327, 457 *
тараки 256, 263
тарины 20, 27, 71
тарклани 47
таторы 25
тор-кафиры (сиях-пуши) 301
тор-тарины 20
тохи 80
тохары 468
тури 47, 90, 291, 294
туркмены 81 *, 223, 278, 287, 326, 327, 328 *
туркмены-сельджуки 469
тюрки 54, 469

узбеки 197, 198, 224, 287, 324, 326, 327, 328 *, 335, 336, 454
узбеки кочевые 7, 14
узбекское население области Бал-
ха 18
урмари 21

усманзаи 105
утман-хель 20, 307
утманзаи (дарвеш-хель) 105, 106
утманзаи, подразделение юсуфзаев 40, 105
уштарана 106

фирсибаны 242
ференги (англичане) 209
фируз-хель 47
фирузкухи 327

хазара, хазарейцы 45, 81, 90 *, 100, 104, 144, 178, 273, 288 *, 310, 327, 335, 457 *
хазарейские племена 8
хазаре Герата 84
хазарейцы западные 327
халиль, халили 20, 25, 35, 40, 42
хароти 241
хаттаки 20, 24, 47—51, 53, 54, 57, 58, 117, 118, 121 *, 159, 166, 233 *, 472
хахи 20, 24
хешги 13
хизр-хель 11
хотаки 26, 71 *, 80, 457
худу-хель 173, 233

Шах-Алам-хель 26, 70
шахин-хель 48
шерани 20
шильмани 29
шинвари 20, 35, 53, 382, 457
шитак 24, 120

Эфиопы 29 *
эфталиты 468

юсуфзаи 12, 13, 20, 23, 24, 29, 31—33, 35, 36 *, 38—40, 43, 44, 45 *, 47, 49—52, 55, 58, 59 *, 69, 89 *, 94, 103, 105, 111, 112, 115, 117, 118, 123, 124, 127, 129—134, 137, 138, 157, 159—161, 165, 166, 174, 293 *, 384, 429, 447, 448, 472
юсуфзайские племена 38, 127, 131, 233, 234
юсуфзаи Бунера 128, 293 *, 294, 359
юсуфзаи Дира 234, 307
юсуфзаи Свата 128, 294, 305, 359, 362

СПИСОК РИСУНКОВ

ТОМ I

- Рис. 1. Кремневые орудия из пещеры Кара-Камар: *a* — из верхнего слоя; *б* — из нижнего слоя. С. В. Кооп, *Seven caves*, London, 1957, p. 233.
- Рис. 2. Раннеземледельческая культура Систана. А. Stein, *Innermost Asia*, vol. III, Pl. CXIV; W. A. Fairservis, «*American museum novitates*», Sept. 12, 1952, № 1587, p. 29, fig. 5.
- Рис. 3. Женские статуэтки из района Кветты и Кандара. W. A. Fairservis, «*American museum novitates*», Sept. 12, 1952, № 1587, p. 29, fig. 2.
- Рис. 4. Сопоставление памятников культуры Кветты (верхний ряд) и раннеземледельческой культуры Южного Туркменистана (нижний ряд).
- Рис. 5. Предметы материальной культуры из слоя Нади Али II. «*Revue des Arts Asiatiques*», t. XIII, № 1, 1939, Pl. IV—V.
- Рис. 6. Дарий I и пленные вожди. Рельеф на Бисутунской скале. Под ногами Дария — Гаумата, далее следуют пленные Ассина, Нидинту-Бел, Фравартиш, Мартия, Чиссатахма, Вахьяздата, Арах, Фрада и сакский вождь Скунха. С рисунка начала XIX в. из альбома Керпортера, хранящегося в Государственном Эрмитаже.
- Рис. 7. Монеты V—VI вв. до н. э. из Кабульского клада. MDAFA, XIII, Pl. III—IV.
- Рис. 8. План городища древних Бактр. MDAFA, XV, fig. 1, p. 15.
- Рис. 9. Комплекс Беграм I. MDAFA, XI, Pl. XXVIII, XXIX, XXX.
- Рис. 10. Комплекс Беграм II. MDAFA, XI, Pl. XXXIV—XLI, XLIII.
- Рис. 11. Архитектура кушанского времени. Прорисовка деталей с резной слоновой кости из Беграма. MDAFA, XI (texte), Pl. D.
- Рис. 12. Комплекс Беграм III. MDAFA, XI, Pl. XLVI, XLVIII, XLIX, L, LI.
- Рис. 13. Бронзовая чаша с надписью «Абу Наср ибн Ахмед Систанец», SPA, III, 1939, p. 2482, fig. 811-a.
- Рис. 14. Фигура воина. Лашкар-и Базар. «*Afghanistan*», № 1, 1951.

ТОМ II

- Рис. 1. Хаттакские всадники в доспехах. Е. Е. Oliver, *Across the Border or Pathan and Biloeh*, London, 1899, p. 152.

- Рис. 2. Патанский рубаб (музыкальный инструмент) и чура (боевой нож).
Е. Е. Oliver, *Across the Border: or Pathan and Biloeh*, p. 329.
- Рис. 3. Деревянные плуги из Афганистана начала XX в. Н. И. Вавилов и
Д. Д. Букинич, *Земледельческий Афганистан*, Л., 1929, рис. 132,
133, 134.
- Рис. 4. Деревянная печатка сборщика налогов. Н. И. Вавилов и Д. Д. Бу-
кинич, *Земледельческий Афганистан*, рис. 163.
- Рис. 5. Ткацкий станок из Афганистана начала XX в. Н. И. Вавилов и
Д. Д. Букинич, *Земледельческий Афганистан*, рис. 171.

СПИСОК ТАБЛИЦ

ТОМ I

- Табл. 1. Голова Будды из Хадды. Подарок афганского правительства Советской правительственной делегации. Собрание Государственного Эрмитажа (Ленинград).
- Табл. 2. Жители Гандхары. Рельеф из Персеполя. E. Schmidt, *Persepolis*, vol. I, Chicago, 1953, Pl. 40.
- Табл. 3. Золотые и серебряные изделия из Аму-Дарьинского клада. O. M. Dalton, *Treasure of the Oxus*, London, 1905, Pl. V, 10; XII, 38, 39, 40.
- Табл. 4. Золотая маска из Аму-Дарьинского клада. O. M. Dalton, *Treasure of the Oxus*, Pl. III.
- Табл. 5. Селевк I. R. Delbrück, *Antike Porträts*, Bonn, 1912, Taf. 22.
- Табл. 6. Александр Македонский. Мозаичная копия в Помпее с картины Филоксенд (IV в. до н. э.). Деталь.
- Табл. 7. Селевкидский чекан Бактрии (1, 3—7) и соседних стран. Селевк I (2—3), Селевк I и Антиох I (4—7). «Numismatic Chronicle», 1880, Pl. I, 1881, Pl. II.
- Табл. 8. Скульптурный портрет Евтидема. Мрамор. «Mittheilungen des Deutschen Archaeologischen Instituten, Roemische Abteilung», Bd IX, 1894, Taf. V.
- Табл. 9. Золотая монета Евкратиды в 20 статеров. C. Seltman, *Greek coins*, London, 1955.
- Табл. 10. Серебряный фалар с изображением боевого слона. Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 11. Кухи-Ходжа. Штуковая орнаментация. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, Pl. XCIX.
- Табл. 12. Кухи-Ходжа. Стенная роспись. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, Pl. CII.
- Табл. 13. Монеты Мауэса (1—2), Аза (3—4), Азилиса (5), Аза II (6) и Герая (10). Подражание чекану Гелиокла (7, 9) и Евкратиды (8). Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 14. Монеты Гондофара (1—2), Пакора (3), Ортагна (4), Диодота (5), Евтидема (6), Деметрия (7), Антимаха (8), Евкратиды (9—10). Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 15. Статуя Канишки. Каменная скульптура матхурской школы. H. N. von der Osten, *Die Welt der Perser*, Zürich, 1956, Taf. 110.
- Табл. 16. Беграм. Танцовщица. Слоновая кость. MDAFA, XII, fig. 638.

- Табл. 17. Терракотовый рельеф из Беграма. Собрание Музея искусств Узбекистана (Ташкент).
- Табл. 18. Хадда. Голова бодисатвы и головы «варваров». MDAFA, III, Pl. 33, 65, 82.
- Табл. 19. Хадда. «Голова аскета». MDAFA, III, Pl. 42.
- Табл. 20. Хадда. Статуя воина. MDAFA, III, Pl. III, d.
- Табл. 21. Сурх-Котал. Большая строительная надпись.
- Табл. 22. Монеты эфталитских (1—5) и тюркских (6—7) правителей. Собрание Государственного Исторического музея в Москве.
- Табл. 23. Бамиан. Роспись в нише около статуи «Большого Будды».
- Табл. 24. Фундукистан. Солнечное и лунное божества. «Revue des Arts Asiatiques», t. III, № 1; 1938, Pl. VII.
- Табл. 25. Фундукистан. Глиняная скульптура. «Revue des Arts Asiatiques», t. III, № 1, 1938, Pl. VII.
- Табл. 26. Систан. Руины замка X—XI вв. A. Stein, *Innermost Asia*, v. II, fig. 484.
- Табл. 27. Монеты Муызз Ад-Дина Курта. Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 28. Ходжа-и Чишт. Руины мечети XI—XII вв. близ Герата. Устой портала. O. Niedermayer, *Afghanistan*, Leipzig, 1924, Abb. 183.
- Табл. 29. Минарет в Джаме. MDAFA, XVI, frontispiece.
- Табл. 30. Бронзовый котелок, изготовленный в Герате в 1163 г. Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 31. Герат. Комплекс Мусалла. Мавзолей Гаухаршад и минарет. O. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 158.
- Табл. 32. Ширин с портретом Хосрова. Гератский список «Хамсе» Низами (1431 г.). Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 33. Лейли и Меджнун в школе. Гератский список «Хамсе» Низами (1431 г.). Собрание Государственного Эрмитажа.
- Табл. 34. Балх. Мечеть Абу Наср Парса. SPA, IV, Pl. 422.
- Табл. 35. Портрет Султана Хусейна работы Бехзада. A. Sakisian, *La miniature persane*, Paris, 1929, Pl. XXXVII, fig. 59.

ТОМ II

- Табл. 1. Могила Бабура в Кабуле. O. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 37.
- Табл. 2. Гробница Али в Мазари-Шарифе. O. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 190.
- Табл. 3. Гробницы кандагарских монархов и мечеть Гулано Хусира Хазрат. J. Rattray, *The costumes of the various tribes, portraits of ladies of rank, celebrated princes and chiefs, views of the principal fortresses and cities, and interior of the cities and temples of Afghaunistaun*, London, 1848, fig. 30.
- Табл. 4. Дуранийские скотоводы. Рисунок XIX в. M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caboul*, fig. to pp. 234, 235.
- Табл. 5. Юсуфзай. Рисунок начала XIX в. M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caboul*, fig. to pp. 346, 347.

- Табл. 6. Мавзолей Ахмед-шаха в Кандагаре. О. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 128.
- Табл. 7. Монеты Дост Мухаммеда. «Numismatic Chronicle», 1896, Ser. III, vol. XVI, Pl. XII, 1—7.
- Табл. 8. Дуранийские знатные воины в доспехах и полном вооружении. Рисунок первой половины XIX в. J. Rattray, *The costumes of the various tribes*, frontispiece.
- Табл. 9. Гуль Джи, вождь гильзаев. Рисунок первой половины XIX в. J. Rattray, *The costumes of the various tribes*, fig. 25.
- Табл. 10. Акбар-хан. P. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, London, 1940, fig. to pp. 30, 31.
- Табл. 11. Эмир Шер Али-хан. Сейид Касем Риштия, *Афганистан в XIX веке*, М., 1958, стр. 281.
- Табл. 12. Афганские пехотинцы в зимней одежде. Рисунок первой половины XIX в. J. Rattray, *The costumes of the various tribes*, fig 11.
- Табл. 13. Арк (цитадель) Герата. О. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 147.
- Табл. 14. Эмир Абдурахман. F. A. Martin, *Under the absolute Amir*, London, 1907, fig. to p. 128.
- Табл. 15. Афганская артиллерия на слонах. О. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 87.
- Табл. 16. В мастерской кабульского ремесленника. О. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 66.
- Табл. 17. Деревянные идолы кафиров. О. Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 55.
- Табл. 18. Первая страница «Сирадж ал-Ахбар» от 3 сентября 1917 г. (фото).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

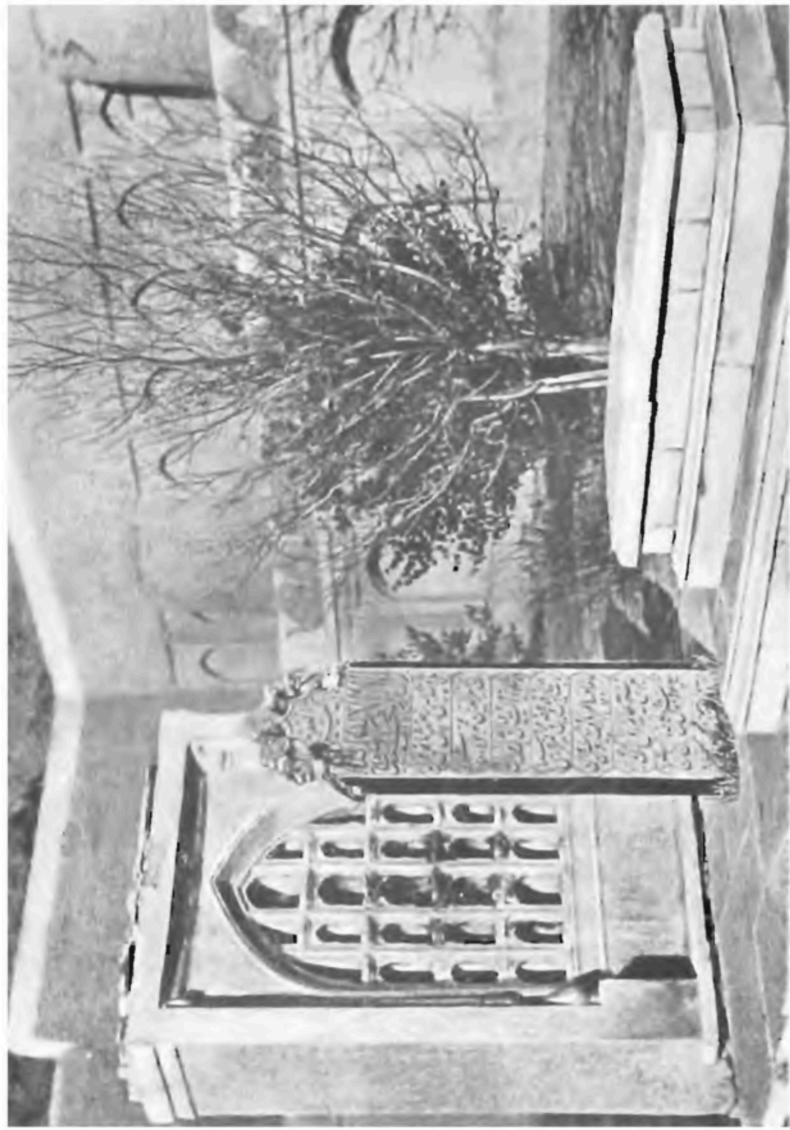

Табл. 1. Могила Бабура в Кабуле

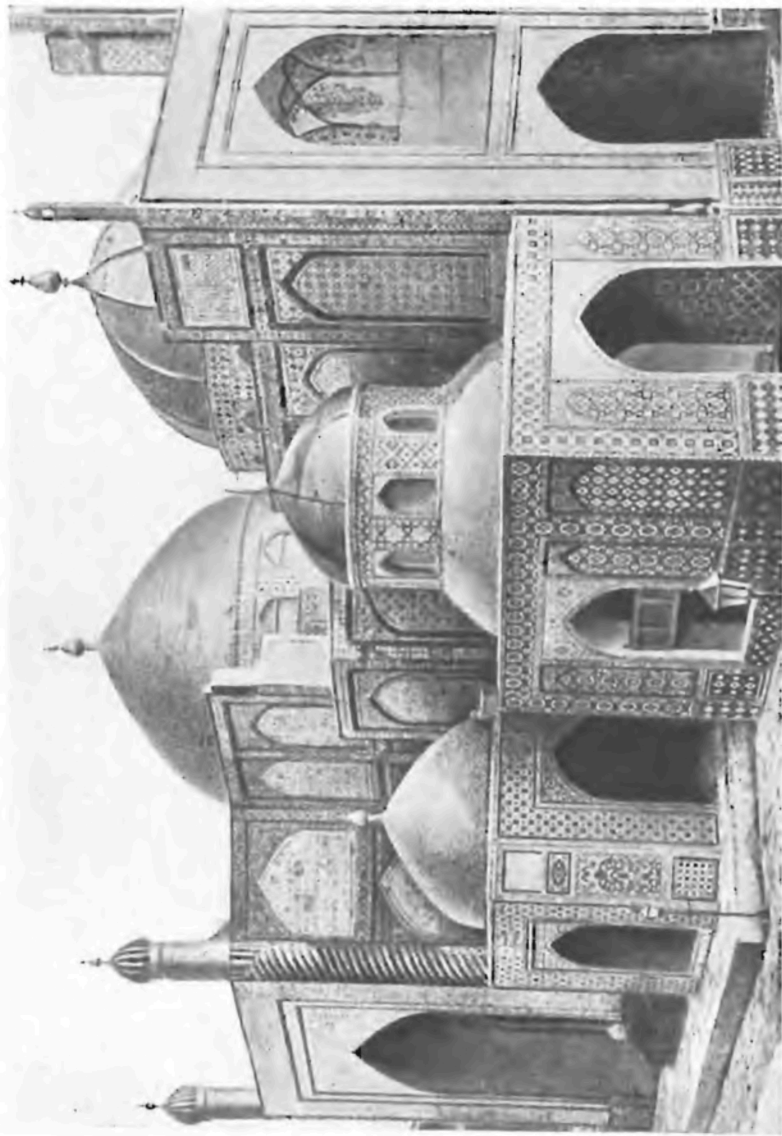

Табл. 2. Гробница Али в Мазари-Шарифе

Табл. 3. Гробница кавдагарских монархов и мечеть Гуляно Хусейна Хакрат

Табл. 4. Дуранийские скотоводы. Рисунок начала XIX в.

Табл. 5. Юсуфзай. Рисунок начала XIX в.

Табл. 6. Мавзолей Ахмед-шаха в Кандагаре

1

2

3

4

5

6

7

Табл. 7. Монеты Дост Мухаммеда

Табл. 8. Дурранийские знатные воины в доспехах и полном вооружении.
Рисунок первой половины XIX в.

Табл. 9. Гуль Джи, вождь гильзаев. Рисунок первой половины XIX в.

Табл. 10. Акбар-хан

Табл. 11. Эмир Шер Али-хан

Табл. 12. Афганские пехотинцы в зимней одежде. Рисунок первой половины XIX в.

Табл. 13. Арк (шпалеа) Герата

Табл. 14. Эмир Абдулрахман

Табл. 15. Афганская артиллерия на слонах

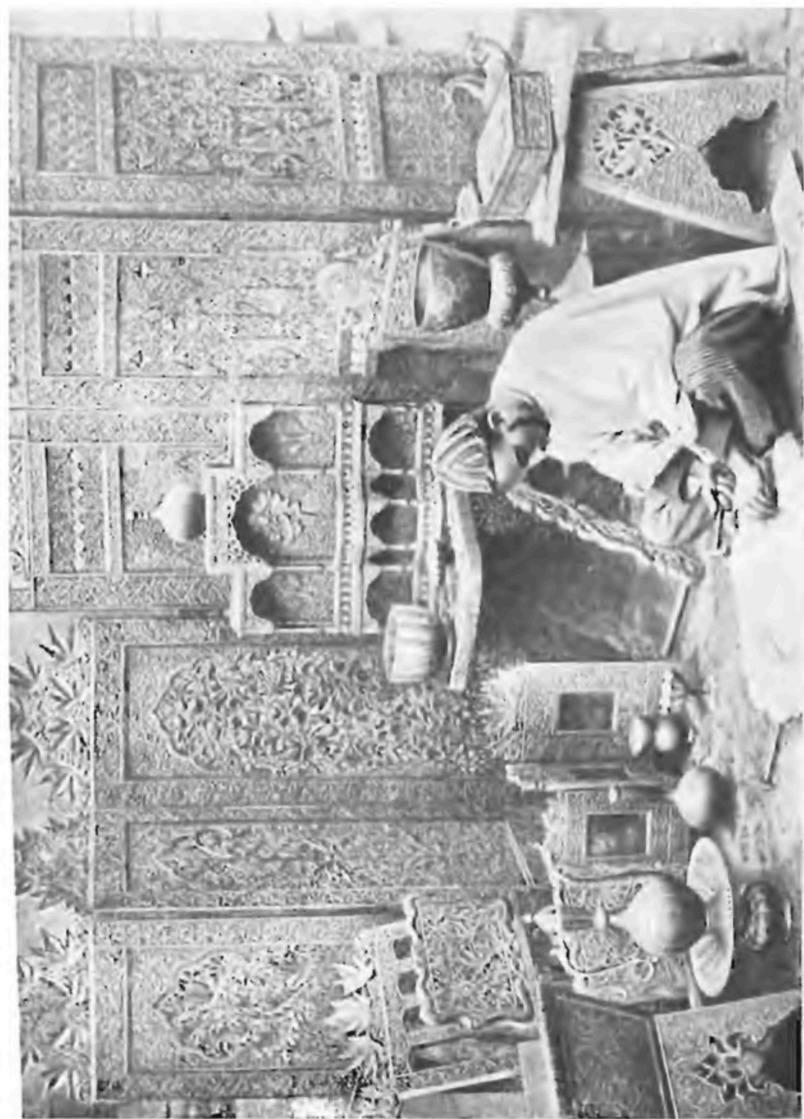

Табл. 16. В мастерской кабульского ремесленника.

Табл. 17. Деревянные пдолы кифиров

حاجت آفرین

تاسیس ۱۳۳۵

آذربایجان

ده افغانان کابل

۱۳۲۹

قیمت سیالیه

دار السلطنت کابل ۸ روپہ کابل

در اطراف داخلہ مملکت

بالخرجات دالہ ۱۴ روپہ کابل

در خارج مملکت

بالخرجات دالہ ۱۰ روپہ انگلزی

(ہر ہائزہ روز یکبار نشر میشود)

قیمت یک نسخه آن در کابل یکماہی است

(اوراقی کہ درج نشود دادہ نمیشود)

(همه امور و ات تحریر بہ ہادارہ شاہ)

بنام صاحب امتیاز

(و سر محرر فرستادہ میشود)

تاریخ شمسی ۱۱ اسفند ۱۳۹۶

تاریخ انگریزی ۳ ستمبر ۱۹۱۷ عیسوی

تاریخ قمری ۱۵ ذیقعدہ ۱۳۳۵

افغانان
دہدہای عسکری افغانستان منظرہ
رسم مرور عسا کر شاہانہ از حضور
بالی معین السلطنت و سہ سالار
مہانہای عالم عسکری افغانستان بعد
از ماہورہ :- ذات عالی معین السلطنت
انضم - بابہ سالار و دیگر امرای
عسکرہ - منظرہ ہای عالم عسکری
افغانستان جناب سہ سالار سردار
محمد نادر خان باہیت افسران اردوی
شاہانہ - از منظرہ ہای عوالم
عسکری افغانستان چند نفر افسران
باہیت و عزت خان

(عسکر پرور ہمای ذات اعلیٰ حضرت ہابونی)
تشکیلات جدیدہ
دراوردہای طفر مقرون دولت علیہ افغانستان
معلومات اردو سہ سالاری

فہرست مندرجات

عالم عسکری : عسکر پرور ہمای اعلیٰ حضرت
ہابونی - مؤلفات جدیدہ عسکرہ - علوم
و فنون - علم ہوت جیت ۹ - جبر افای
طبیعی جیت ۹ - علم ہوت ۱ - ادوات
مل - تحریر [علامہ سعید] - مکتوبہ
جشنہ ہارہ [مرید الزوف] - افغان
[کلام عبدالسلام] - حوادث خارجیہ
مظاہر دوس در ایران - شیرہای رنگارنگ
جنگ - خبر ہای اسلامی - احوال
ہندوستان - حالات مصر - حالات عدن -
آفت تحت البحر - اخبار - اعلان

در خصوص در نظر ات جدیدہ حربیہ بعد از تدقیق و تحقیق زیادی
کہ مستجدہ شدہ معلوم گردید کہ تشکیلات جدیدہ کہ در دول عالم مروج است
از مرجعیت برای عارہ ہای زمان حاضر ناظر و کار آمد تر میباشد :-
تصدیق بہتری و بیہودی تشکیلات جدیدہ چون از طرف عالی نظارت بنامہ
تقدیم حضور انور ذات اعلیٰ حضرت ہادشاہی کردید . دار الدنیا ہابونی را در
ماہ تبدیل دادن تشکیل قدیمہ تشکیل و تسبیح جدید شرف اصدار فرمودند .
سائہ علیہ اول از تبدیل تشکیلات در اردوی دار السلطنت کہ اردوی اول
است آخر کردید - و قرار ہدایات وار شادات ذات شو کہ نسبت
قوماندان مقدس و اعظم ہمہ عوالم عسکری دولت قوی الشاہ خد
داد افغانان اعلیٰ حضرت (سراج اللہ والہین) ابد اللہ اللہ اللہ
و توجہ عام ذات عالی نظارت بنامہ . وسی و کوشش متبادی جناب
سہ سالاری ترمیم و تشکیل جدید در اردوی دار السلطنت بہ تکمیل رسید
و تشکیلات دیگر از دہا نیز در دست اجرا میباشد .

قبل از کمال بہ تشکیلات جدیدہ عسکرہ اردو ہای دولت
ارادہ و فرمان سنہ ذات شو کہ ذات ہادشاہ برقی خواہ مقدس معظم
اعلیٰ حضرت (سراج اللہ والہین) خدانہ ملکہ شہ شہور یافتہ و بکار
آغاز شدہ بود .
در مادہ سہ سالاری بسی و اہتمام عام از باب عرفان عسکر ترمیم
و تشکیل شاہرا عور و تدقیق و با تشکیلات جدیدہ کہ سہ از ترمیم
و تقطیع شدنی بود تطبیق دادہ بالاہجہ ہای منظم بہ پیشکاد انظار مکام
نثار ذات اعلیٰ حضرت ہادشاہی از طرف جناب سعادت مآب سہ سالار
(سر دار محمد نادر خان) عرض و تقدیم کردیدہ بود :- بعد از ملاحظہ
سنہ ذات اعلیٰ حضرت ہابونی بر ماطر تعالی مظاہر حربیہ ذات عالی
(سردار عنایت اللہ خان معین السلطنت) ارادہ و فرمان شاہانہ را صادر
فرمودند کہ نظر تائی در تشکیلات جدیدہ کہ اجرا یافتہ کردہ شود
و نتیجہ عور و ملاحظات عالی عرض و تقدیم حضور ہابونی کردہ .

СОДЕРЖАНИЕ

Часть третья НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава I. Афины и Афганистан на рубеже Нового времени	7
Бабур в Кабуле. Бабур и афины. Замечание Нидри и смерть Бабур. Борьба Моголов и Сефевидов за Кандагар. Генезис легенды. Расселение афганских племен в XVI—XVII вв. Вопросы социально-экономической истории афганских племен в XVI—XVII вв. Баязид Ансари и движение рошани. Хаттакское княжество. Хушхаль-хан и восстание 1672—1675 гг. Хушхаль-хан Хаттак и афганская литература XVI—XVII вв.	
Глава II. Гильзайское и Абдалийское княжества и образование афганского государства	69
Завоевание независимости гильзаями в Кандагаре и абдали в Герате. Афганские завоеватели в Иране. Надир Афшар и афганцы. Приход к власти Ахмед-хана Салозая. Общая характеристика афганского государства. Система управления и военная организация. Завоевания Ахмед-шаха.	
Глава III. Афганские племена во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.	103
Развитие феодализма у афганцев. Некоторые обычаи афганцев. Развитие феодализма у отдельных афганских племен. Обычай переделов земли и характер общины у марватов и юсуфзаев. Вазирь.	
Глава IV. Падение Дуранийской державы и годы политической раздробленности	139
Последние Салозаи и возвышение Фатх-хана Баракзая. Столкновения с сикхами из-за Кашмира и Аттока. События в Герате и гибель Фатх-хана. Годы феодальной раздробленности. Экспансия сикхов. Отгоржение Пешавара.	
Глава V. Первое правление Дост Мухаммеда и англо-афганская война 1838—1842 гг.	163
Подчинение Кабула Дост Мухаммедом. Афганские племена и Сейид Ахмед. Борьба Дост Мухаммеда за объединение Афганистана. Попытка сближения с Россией. Афганские племена под властью Ранджит Сингха. Кабульское и Кандагарское княжества. Миссия Виткевича и международное положение Афганистана в 1837—1838 гг. Подготовка к вторжению. Начало войны. Падение Газни и поход англичан на Кабул. События в Герате. Отъезд Дост Мухаммеда в Бухару. Дост Мухаммед	

в Бухаре и возвращение его на родину. Капитуляция эмира и борьба народа. Восстание в Кабуле 2 ноября 1841 г. Отступление англичан из Кабула. Разрушение Кабула и вывод английских войск из Афганистана.

Глава VI. Объединение Афганистана и подготовка новой английской агрессии 219

Последняя попытка Дост Мухаммеда вернуть Пешавар. Политика Дост Мухаммеда на севере. Политика «закрытой границы» и афганские племена. Конец правления Дост Мухаммеда и политические события 1863—1869 гг. Афганское государство при Шер Али-хане. «Наступательная политика» и Афганистан.

Глава VII. Вторая англо-афганская война 248

Капитуляция эмира Якуб-хана. Восстание в Кабуле. Англичане в Кабуле. Народная война. Возвращение Абдулрахмана в Афганистан. Попытка англичан отторгнуть Кандагар. Битва при Майване. Конец войны. Распространение власти Абдулрахмана на весь Афганистан.

Глава VIII. Правление эмира Абдулрахмана и превращение Афганистана в «закрытую страну» 275

Внутренняя политика Абдулрахмана. Внешняя политика Абдулрахмана и англо-русское соперничество. Борьба Абдулрахмана с англичанами за полосу независимых племен. «Линия Дюранда» и афганские племена. Читральский конфликт. Кафистан и его завоевание. Восстание афганских племен 1907 г. Последние годы Абдулрахмана.

Глава IX. Афганистан в начале XX в. 311

Внутреннее и внешнеполитическое положение Афганистана в 1901—1904 гг. Миссия Дэна. Афганистан и англо-русское соглашение 1907 г. Земледелие и скотоводство. Социально-экономические отношения. Ремесла и торговля. Новшества при дворе и новое в стране. Нейтралитет Афганистана и германо-австро-турецкая миссия. Положение в афганских районах Северо-западной Индии. Афганская проза в конце XIX — начале XX в. Состояние армии и деятельность Надир-хана. Афганистан в конце первой мировой войны.

Глава X. Завоевание независимости 368

Положение в Афганистане в 1918 — начале 1919 г. Приход Амануиллы-хана к власти. Провозглашение независимости Афганистана. У истоков советско-афганской дружбы. Обстановка накануне третьей англо-афганской войны. Начало военных действий. Восстание племен и операции Надир-хана. Взятие Тала и последние дни войны. Заключение перемирия. Начало советско-афганских дипломатических связей. Посольство Я. З. Сурица. Признание Англией независимости Афганистана. Ленинская политика мирного сосуществования и независимый Афганистан.

Послесловие 406

ПРИЛОЖЕНИЯ

Обзор источников и литературы 419

Краткая характеристика археологических исследований. Письменные источники древнего периода. Средневековые письмен-

ные источники. Источники нового времени. Исследования по древней и средневековой истории. Исследования по истории нового времени. Сводные работы.

Хронология	467
Библиография	479
Библиографические пособия	499
Список сокращений (периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)	500
Указатель имен	502
Указатель географических и топографических названий	512
Указатель этнических названий	521
Список рисунков	524
Список таблиц	526
Иллюстрации	529

*Вадим Михайлович Массон,
Вадим Александрович Ромодин*

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

Т О М II

Афганистан в новое время

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*

Редактор *С. В. Полтавская*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *Г. А. Невелева и Л. Л. Родичев*

*

Сдано в набор 5/X 1964 г.
Подписано к печати 4/V 1965 г.
А-03582. Формат 60×90^{1/16}
Печ. л. 34,5. Уч.-изд. л. 35,91
Тираж 2100 экз. Изд. № 1113
Зак. № 1233. Темплан 1964 г. № 30
Цена 2 р. 18 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10